

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Т Р У Д Ы
IV (XX)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в К а з а н и

Том V

Ответственные редакторы:

А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН.
Н.А. Макаров, директор Института археологии РАН, академик РАН;
А.Г. Ситдилов, директор ИА АН РТ, зав. кафедрой археологии и этнологии К(П)ФУ, д.и.н.;

Казань, 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Академии наук Республики Татарстан

Проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани
и подготовка к печати материалов съезда осуществлены
при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан
и проекта РГНФ №14-11-16502 г(р) /2014

Редакционная коллегия

Х.М.Абдуллин (редактор-составитель), С.И.Валиулина, П.Г.Гайдуков, А.Н.Гей,
А.П.Деревянко (ответственный редактор), Е.Г.Дэвлет, А.Р.Канторович, И.Р.Каримов,
Д.С.Коробов, Г.Г.Король, Н.Н.Крадин, Е.В.Кузьминых, Н.А.Макаров (ответственный редактор),
А.В.Мастыкова, М.Б.Медникова, А.А.Сайфуллин, А.Г.Ситдилов (ответственный редактор),
Н.М.Чаиркина, М.В.Шуньков, А.В. Энговатова

Т78 **Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани.**
Том V Казань: Отечество, 2014. – 352 с.: илл., вклейка.

ISBN 978-5-9222-0903-8

В V том собрания трудов IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, который проходил в октябре 2014 г., включены доклады, прозвучавшие на заседаниях секций, отражающих мультидисциплинарные подходы в археологии и сохранении культурного наследия, часть докладов не вошедшие в предыдущие тома по техническим причинам, а также материалы трех круглых столов проведенных в рамках археологического съезда.

Для археологов, историков, специалистов по смежным дисциплинам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-9222-0903-8

© Обособленное структурное подразделение
ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
Институт археологии АН РТ, 2014

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2014

© Авторы докладов, 2014

© «Отечество», 2014

**Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда
(Казань, 20-25 октября 2014 г.)**

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета -
академик А.П. Деревянко, академик РАН Н.А. Макаров, д.и.н. А.Г. Ситдииков.

Секретариат Оргкомитета - к.и.н. Х.М. Абдуллин, В.А. Харитонович

Члены Оргкомитета - академик В.И. Молодин, чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков,
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев,
чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН В.В. Седов,
чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. М.С. Гаджиев,
д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, д.и.н. М.А. Дэвлет, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, д.и.н. С.И. Кочкуркина,
д.и.н. Д.Г. Савинов, д.и.н. А.А. Тишкин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский,
к.и.н. С.И. Валиулина, к.и.н. А.Р. Канторович, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. И.К. Решетова,
к.и.н. Н.М. Чаиркина, к.и.н. А.В. Энговатова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ
«ТРУДОВ IV(XX) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии
2. Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит
3. Энеолит – эпоха средней бронзы
4. Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку

Том II

Секционные доклады

5. Археология античного мира
6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях
8. Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке
7. Этнокультурные процессы в Евразии в I тыс. н.э.

Том III

Секционные доклады

10. Средневековая археология Восточной Европы
11. Археологическое изучение средневекового города
12. Археологическое изучение Золотой Орды
21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии
9. Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока
18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI-XVIII вв.

Том IV

Секционные доклады

13. Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований
14. Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств
20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности
17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии
19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии
16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи
15. Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания

Том V

Секционные доклады

19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии
 16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи
 17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии
 20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности
 21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии
- Материалы круглых столов

СЕКЦИЯ 19.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

ВЛИЯНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПЛЕЙСТОЦЕН-ГОЛОЦЕНОВОЙ ГИДРОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ОСВОЕНИЕ ВЫСОКОГОРНЫХ ВПАДИН ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ ТУВЫ ДРЕВНИМИ И СРЕДНЕВЕКОВЫМИ СООБЩЕСТВАМИ¹

© 2014 г. А.Р. Агатова¹, Р.К. Непоп¹, М.А. Бронникова²

¹*Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск
(agatr@mail.ru; rnk@igm.nsc.ru)*

²*Институт географии РАН, Москва
(mbmsh@mail.ru)*

Ключевые слова: межгорные котловины, подпрудные озера, катастрофические спуски, палеолит, номады, гидрологические реконструкции, Алтай, Тува.

Резюме. Высокогорные впадины Юго-Восточного Алтая и Западной Тувы являются местом сосредоточения большого количества археологических памятников – от эпохи палеолита до Кыргызского каганата и Монгольской империи. Бытование археологических культур в этих впадинах было напрямую связано с климатически обусловленной эволюцией гидрологической системы в плейстоцене и голоцене, в т.ч. с катастрофическими спусками ледниково-подпрудных озер. Анализ закономерностей расположения археологических памятников различного возраста помогает реконструировать эту эволюцию.

Горные сооружения Алтая и Тувы являются географическим центром древних цивилизаций, расположенным на торговых путях между Востоком и Западом. Аридный климат, наличие многометрового слоя многолетнемерзлых пород, низкая плотность населения и до сих пор весьма ограниченная степень урбанизации являются главными факторами сохранения богатого археологического наследия Юго-Восточного Алтая и Западной Тувы, особое место в котором занимают памятники древней и средневековой эпох. В высокогорных впадинах этих районов сосредоточено большое количество погребально-поминальных объектов, петроглифов, каменных стел, антропоморфных изваяний, памятников чер-

ной металлургии и керамического производства. В то же время это территории развития значительных по масштабам плейстоценовых оледенений, при деградации которых в горных котловинах возникали крупные ледниково-подпрудные озера. Спуск этих озер зачастую имел катастрофический характер. Эволюция гидросети в голоцене – изменение размеров и спуски остаточных озер, формирование новых русел, сезонные паводки – определялась контрастными климатическими колебаниями: теплый и влажный климат первой половины голоцена сменился частыми похолоданиями и наступаниями горно-долинных ледников на фоне постепенной аридизации, особенно усилившейся в последнее тысячелетие. Со-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 13-05-00555, 13-04-01829.

ответственно, бытование археологических культур в высокогорных впадинах Алтая и Тувы было напрямую связано с климатически обусловленной эволюцией плейстоцен-голоценовой гидрологической системы. Анализ закономерности расположения археологических памятников различного возраста, в свою очередь, помогает реконструировать эту эволюцию.

Рядом исследователей катастрофические спуски ледниково-подпрудных озер, существовавших в плейстоцене в Курайско-Чуйской системе впадин Юго-Восточного Алтая, были отнесены к самым мощным на Земле потокам пресной воды (Бутвиловский, 1993; Rudoy, Baker, 1993; Herget, 2005; и др.). Хронология этих событий до сих пор остается вопросом дискуссионным, и археологическим памятникам палеолитической эпохи (Деревяно, Маркин, 1987) в этой дискуссии зачастую отводится роль возрастных маркеров. Однако подъемный характер всех памятников, расположенных в Чуйской впадине ниже 2 100 м над ур.м. (максимального уровня одного из последних крупных озер), и полученные нами свидетельства переотложения некоторых из них позволили сделать вывод о невозможности использования палеолитических находок для прямого датирования времени формирования и спуска последнего ледниково-подпрудного озера в Чуйской впадине. В то же время анализ закономерности расположения *in situ* памятников эпохи поздней бронзы, скифской эпохи и средневековья наряду с датированием природных объектов (Agatova et al., 2014) дал возможность значительно уточнить реконструкцию перестройки гидрологической системы в голоцене, выполненную на основе геологических данных (Русанов, 2010). Изменение размеров голоценовой озерной системы в центральной части Чуйской впадины, хотя и значительно менее масштабной, чем в плейстоцене, тем не менее определяло площадь территорий, пригодных для жизнедеятельности кочевых племен.

Крупные ледниково-подпрудные озера существовали в плейстоцене и на плоскогорье Укок – в Бертекской и Тархатинской впадинах (Ивановский, 1993; Гросвальд, Рудой, 1996; Феномен ..., 2000). Согласно исследованиям Н.Н. Михайлова и А.Г. Редькина, в раннем

голоцене произошло разрушение запруды и сброс воды (возможно, катастрофический) из Бертекского палеоозера по долине р. Ак-Алаха, после чего во впадине еще какое-то время существовали два остаточных озера. В качестве косвенного подтверждения существования обширного водоема в Бертекской впадине послужило расположение петроглифов на Калгутинской скале – мезолит-верхнепалеолитические рисунки выполнены на верхней и средней ее частях, тогда как более удобная для нанесения изображений нижняя часть покрыта значительно более поздними рисунками (Феномен ..., 2000).

Те же процессы определяли освоение людьми Джулукульской впадины и долины Каргы, а также котловины оз. Акхоль и долины Могун-Бурен в Западной Туве. Ранее плейстоценовая история этой территории не рассматривалась с позиций катастрофических спусков ледниково-подпрудных озер, хотя детальными работами было установлено существование здесь обширного оледенения (Ефимцев, 1961), и Джулукульская впадина была признана «классическим» ледоемом. Полевые работы и дешифрирование аэрофото- и космоснимков позволили нам выявить свидетельства таких спусков, проходивших по долине Могун-Бурен в оз. Ачит-Нур Котловины Больших Озер (Монголия). В данном случае нами впервые были установлены катастрофические спуски ледниково-подпрудных озер во внутренний бессточный бассейн Монголии, тогда как все изученные ранее паводки, бравшие начало в высокогорных котловинах Алтая и Тувы, проходили по долинам Оби и Енисея, принадлежащих бассейну Северного Ледовитого океана. По всей видимости, постоянный (некатастрофический) сток в оз. Урег-Нур (внутренний бассейн Монголии) шел по долине Каргы из пра-Джулукуля, сформировавшегося у края отступающего предгорного ледника Шапшальского хребта. Изменение направления стока из Джулукуля в долину Чулышмана (бассейн Северного Ледовитого океана) произошло, вероятно, позднее, при дальнейшем отступании ледника и снижении уровня озера до порога стока в долину Каргы (не исключено и кратковременное существование двух стоков из Джулукуля). Палеолитические памятники в долинах Могун-Бурен и

Каргы, как и в Чуйской впадине, представлены подъемным материалом. Радиоуглеродные даты дневных и палеопочв на пролювиальных конусах и в отложениях молодых террас указывают на доголоценовый период распада оледенения, прохождения паводков и осушения либо значительного снижения уровня ледниково-подпрудных озер. В котловине оз. Акхоль после спуска ледниково-подпрудного озера с уровнем около 2 400 м над ур.м. в течение долгого времени существовало озеро, подпруженное мореной до уровня около 2 275–2 280 м над ур.м. Углубление вреза в дамбе вновь привело к снижению уровня. В настоящее время он находится на высоте около 2 200 м над ур.м., однако обусловленные климатическими причинами колебания объема озера в голоцене происходили неоднократно, что нашло свое отражение в озерных осадках (Blakharchuk et al., 2007; Ilyashuk B.P., Ilyashuk E.A., 2007) и рельефе котловины. Расположение памятников саглынской культуры, сопоставляемых со скифской эпохой, на пролювиальных конусах и террасах позволяет судить о положении береговой линии ниже 2 220 м в период их сооружения.

В целом, широкое освоение людьми высокогорных районов Алтая и Тувы произошло уже после спусков крупных озер, занимавших днища впадин. В то же время расположение и подъемный характер подавляющего большинства палеолитических памятников отнюдь не исключают существования ледниково-подпрудных озер в межгорных впадинах в период их бытования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. 252 с.

Гросвальд М.Г., Рудой А.Н. Ледниково-подпрудные озера в горах Сибири // Изв. РАН. Сер. географическая. 1996. № 6. С. 112–126.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской впадины. Новосибирск: Наука, 1987. 112 с.

Ефимцев Н.А. Четвертичное оледенение Западной Тувы и восточной части Горного Алтая // Тр. ГИН АН СССР. 1961. Вып. 61. 165 с.

Ивановский Л.Н. Экзогенная литодинамика горных стран. Новосибирск: Наука, 1993. 160 с.

Русанов Г.Г. Изменение климата Чуйской котловины Горного Алтая по фауне остракод // Успехи современного естествознания. 2010. № 10. С. 20–25.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 320 с.

Agatova A.R., Nepop R.K., Slyusarenko I.Yu., Myglan V.S., Nazarov A.N., Barinov V.V. Glacier dynamics, palaeohydrological changes and seismicity in southeastern Altai (Russia) and their influence on human occupation during the last 3000 years // Quaternary International. 2014. Vol. 324. P. 6–19.

Blakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., Knaap W.O. van der, Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational history of the Altai Mountains (southwestern Tuva Republic, Siberia) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2007. № 245. P. 518–534.

Herget J. Reconstruction of Pleistocene Ice-dammed Lake Outburst Floods in Altai-mountains, Siberia // Geological Society of America. Special Publication. 2005. 386 p.

Ilyashuk B.P., Ilyashuk E.A. Chironomid record of Late Quaternary climatic and environmental changes from two sites in Central Asia (Tuva Republic, Russia) – local, regional or global causes? // Quaternary Science Review. 2007. Vol. 26. P. 705–731.

Rudoy A.N., Baker V.R. Sedimentary effects of cataclysmic late Pleistocene glacial outburst flooding, Altai Mountains, Siberia // Sedimentary Geology. 1993. Vol. 85. P. 53–62.

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА РЕКАХ ВЫЧЕГДА И ИЖМА¹© 2014 г. Л.Н. Андреичева¹, А.В. Волокитин²¹*Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
(andreicheva@geo.komisc.ru)*²*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
(volkt54@mail.ru)*

Ключевые слова: европейский северо-восток, р. Вычегда, р. Ижма, торфяник, пойма, аллювиальная терраса, мезолит.

Резюме. Изложен опыт геоархеологических исследований памятников в Привычегодье (бассейн Северной Двины) и на р. Ижма (бассейн р. Печора). В Привычегодье это торфяник Висский-1 конца бореального – начала атлантического периода голоцена и дислоцирующиеся в отложениях поймы реки стоянки Парч-1 и Парч-2 пребореального времени. На р. Ижма – многослойные (мезолит, неолит, ранний железный век) памятники Вылыс Том-2 и Усть-Ухта-2, приуроченные к отложениям аллювиальной террасы.

В отличие от всемирно известных палеолитических памятников европейского северо-востока с их образцовой организацией геоархеологических исследований, успехи комплексного изучения голоценовых памятников в регионе весьма скромны (Павлов, Волокитин, Карманов, 2010). Дело в том, что подавляющее большинство археологических памятников мезолита и более поздних эпох в регионе приурочены к надпойменным борovým террасам и имеют неглубокое залегание в лесном подзоле и верхах иллювиального горизонта. Культурный слой как таковой отсутствует. Негативную роль в этом сыграли высокая кислотность песчаной почвы и биотурбация. Применение естественно-научных методик на этих памятниках ограничено.

И лишь археологические памятники Синдорского озера и Висские торфяники, в т.ч. мезолитический торфяник Висский-1 с его уникальной коллекцией деревянных артефактов, а также изделий из сосновой коры, бересты и осоки с самого начала исследовались по комплексной методике с привлечением известных специалистов-болотоведов (Буров, 1967). Были проведены реконструкции положения русел рек Вис и Симва в древности. Имеется

палеогеографическое описание микрорайона в результате исследования диатомей. Охарактеризованы спорово-пыльцевые спектры отложений, проводилось радиоуглеродное датирование вещей из культурных отложений (Буров, Романова, Семенцов, 1972). К сожалению, этот опыт оставался долгое время эпизодом в исследованиях археологических памятников начала голоцена в регионе.

Тем более актуально, что в 2005 г. проведено контрольное бурение торфяника Висский-1. Культуровмещающие отложения, датированные в 2005 г., дали возраст 8 480–7 330 л.н., что согласуется с датами, полученными ранее Г.М. Буровым по деревянным находкам (8 300–7 000 л.н.). Вместе с тем уточнен характер и генезис отложений. В частности, в торфянике Висский-1 не обнаружен торф, а все отложения, описанные как таковые ранее, определены как различного вида сапропели (Зарецкая, Волокитин, Карманов, 2005).

Лишь недавно сравнимые по масштабу работы выполнены на р. Вычегда, в ее верхнем течении. Исследованиям подверглись мезолитические стоянки, культурные остатки которых связаны с отложениями разных сегментов 5-метровой поймы (Волокитин, 2006). Прове-

¹ Исследования выполнены в рамках Программы фундаментальных исследований по Междисциплинарному проекту РАН № 12-М-5В-2037.

дено спорово-пыльцевое изучение перекрывающих отложений. Датированы (пребореал) по ^{14}C объекты на стоянке Парч-2. Выполнено определение фауны. Культурные остатки стоянки Парч-2 залегают на глубине до 2 м, в слоях, переходных от руслового к пойменному аллювию. Находки образовывали отдельные скопления (остатки легких наземных жилищ). Анализ форм пойменных сегментов позволил реконструировать последовательную смену русла Вычегды и его положение во время функционирования стоянки. Река своей излучиной образовывала мыс, на котором на расстоянии не более 100–200 м от русла реки, на молодом, образующемся, но недостаточно густо заросшем лугу располагалась стоянка Парч-2. Стоянка Парч-1, находящаяся выше по течению реки на 30–45 м, располагается в теле другого сегмента поймы, ее культурные остатки залегают в верхней части пойменного аллювия, в типичной, хорошо структурированной почве, характерной для высоких гривок поймы, т.е. на более возвышенном месте, чем стоянка Парч-2. Эти стоянки или заселялись в течение одного сезона последовательно, в зависимости от уровня воды в реке, или функционировали одновременно, являясь разными частями одного поселения (Волокитин, Ткачев, 2004).

Масштабные геоморфологические и русловедческие работы проводятся в Пезмогском геoarхеологическом микрорайоне в среднем течении р. Вычегда, где выявлена группа археологических памятников мезолита, неолита, эпохи бронзы разной дислокации (Карманов и др., 2013).

На р. Ижма (левый, самый крупный приток р. Печора) исследована стоянка Лек-Леса-1, одна из наиболее информативных стоянок эпохи мезолита, на песчаных бортовых террасах. Памятник находится на правом берегу р. Ижма, расположен на прикраевом участке мыса 17-метровой террасы. Основное же отличие этой стоянки в том, что определенные элементы ее культурного слоя, несмотря на неблагоприятные геохимические условия, присущие памятнику на останце песчаной террасы, и биотурбацию, поддаются реконструкции. По фрагментам костей были определены бобр, лось и медведь (Волокитин, 2005). По углю (угольки собраны по

всей поверхности углистого пятна, маркирующего жилище наземного типа) определена дата – $9\ 010 \pm 70$ (JE-3607).

Особое внимание стоянке Лек-Леса-1 следует уделить из-за ее близости (менее 10 км) к многослойному памятнику Вылыс Том-2, исследования которого продолжаются в настоящее время. Он расположен на правом берегу р. Ижма, при впадении в нее р. Вылыс Том, в отложениях аллювиальной 10-метровой террасы. Выявлено наличие четырех культурных горизонтов, залегающих обособленно друг от друга (Волокитин, Андреичева, Зарецкая, 2013).

Первый культурный горизонт памятника залегают в современной оглеенной лесной почве, датируется концом существования ананьинской общности раннего железного века, т.е. концом I тыс. до н.э. Поэтому можно уверенно говорить, что в это время поверхность террасы уже не затапливалась и осадконакопление на ней совсем прекратилось.

Второй культурный горизонт выявлен на глубине 0,3–0,5 м от современной дневной поверхности в коричневом суглинке, сформированном в условиях высокой поймы с низкими скоростями осадконакопления. Находки данного горизонта характерны для среднего неолита.

Третий и четвертый культурные горизонты залегают на глубине более 2 м и связаны с гумусированными прослоями аллювия, которые образовались в условиях низкой поймы, регулярно затапливаемой. В третьем культурном горизонте отмечены большие по площади линзы древесного угля и небольшая линза прокала. По всей площади равномерно располагается большое количество костей, в т.ч. крупных млекопитающих. Были идентифицированы лось и бобр. В четвертом культурном горизонте выявлено два кострища. Они примыкают друг к другу и вытянуты в одну линию по направлению с юго-запада на северо-восток. Одно из них имело прокал до 0,5 м. По фрагментам костей из кострища идентифицированы бобр, лось, северный олень, куница или соболь, белка, птицы, щука, карповые. Оба горизонта относятся к эпохе мезолита. По образцам, отобраным в 2011 г., получены даты: третий культурный горизонт

– 7 800±90 (ГИН-14593), четвертый культурный горизонт – 8 540±70 (ГИН-14594).

Исследование многослойного памятника Вылыс Том-2 позволило существенно уточнить выводы, сделанные в отношении стоянки Усть-Ухта-2, расположенной значительно (ок. 100 км) выше по течению р. Ижма, на ее левобережье, на террасе, аналогичной по высоте и строению. При всех отличиях разрезов, таких, например, как наличие раковин в верхах отложений Усть-Ухты-2, можно скоррелировать положение культурных остатков двух памятников и уточнить датировки культурных горизонтов стоянки Усть-Ухта-2. Теперь можно говорить о том, что первый культурный горизонт Усть-Ухты-2, в котором обнаружены следы очага (прокал и углистый слой), а также многочисленные фрагменты обожженных костей (рыба, птица, бобр, млекопитающие) и отщепы кремня, скорее всего не моложе второго культурного горизонта стоянки Вылыс Том-2 и относится к неолитической эпохе. Второй культурный горизонт, представленный фрагментом керамического тонкостенного сосуда, залегающий в гумусированном прослое, отделенном слоями песка, относится к более раннему этапу неолитической эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 220 с.

Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.Д. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы

абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972. С. 76–79.

Волокитин А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: АCADEMIA, 2005. С. 198–205.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч-1 и Парч-2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. 126 с.

Волокитин А.В., Ткачев Ю.А. Реконструкция природной среды обитания мезолитического населения реки Вычегды // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2. С. 2–10.

Волокитин А.В., Андреичева Л.Н., Зарецкая Н.Е. Геоархеологические исследования на р. Ижме: многослойная стоянка Вылыс Том-2 // Вестн. Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН. 2013. № 8 (244). С. 13–18.

Зарецкая Н.Е., Волокитин А.В., Карманов В.Н. Геоархеологические исследования в бассейне средней Вычегды // Квартер – 2005: Мат-лы IV Всерос. совещ. по изуч. четвертичного периода. Сыктывкар, 23–26 августа 2005 г. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 134–136.

Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения Средней Вычегды (европейский северо-восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 109–119.

Павлов П.Ю., Волокитин А.В., Карманов В.Н. Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и культурным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 31–37.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛИМАТИЧЕСКОГО МАКСИМУМА В ВЮРМЕ

© 2014 г. В.И. Беляева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
(videl@list.ru)*

Ключевые слова: Бассейн Десны, верхний палеолит, максимум вюрма, стратиграфия, антропология, среда обитания.

Резюме. В статье дается краткая характеристика среды обитания человека в эпоху максимума вюрмского похолодания в бассейне Десны на стоянках пушкаревской группы. Наряду с геологическими данными, приводятся археологические доказательства природных условий в промежутке между 20 и 19 тыс. л.н. Делается вывод, что пушкаревские стоянки существовали ранее максимального похолодания. Наиболее холодное время вюрма можно отнести за границу 19 тыс. л.н.

Археология каменного века остается «источником» для изучения четвертичной геологии только в учебниках по общей геологии, где этот тезис переписывается от издания к изданию. В 60-е гг. прошлого века геологические определения стали окончательно и бесповоротно основанием для хронологической группировки палеолитических стоянок. Примером может быть Костенковско-Боршевский район, где на основе стратиграфии террасовых отложений А.Н. Рогачевым была создана обоснованная культурная группировка главных костенковских стоянок. И в настоящее время тезис о первоначальном геологическом описании палеолитических объектов является таким же безусловным и необходимым. Занимаясь широкими геологическими описаниями эпохальных почв и лессов, геологи вместе с тем обращаются и к процессам образования культурного слоя, к оценкам влияния естественных факторов на антропогенные процессы. Специализированные архео-геологические исследования не так многочисленны и требуют длительных затратных исследований. Современные изучения поселенческих комплексов в Авдеево, Хотылево-2, Зарайске, Юдиново, Пушкарях находят геологическое подтверждение многослойности или многогоризонтности стоянок.

Вместе с тем мы знаем примеры многолетнего тщательного изучения стоянок Каменной

Балки, где археологические методы с применением графических и статистических программ позволили Н.Б. Леоновой определить три культурных слоя в полуметровой толще антропогенных отложений. Тщательная привязка участков культурного слоя Зарайской стоянки к бортам мерзлотных трещин, проведенная Х.А. Амирхановым, позволила увидеть четыре культурных слоя в конгломерате сложных объектов костенковского образца.

Археологическое изучение нескольких стоянок одного региона, участка плато в Пушкарях на Десне, позволяет накопить сопоставимые данные как антропогенного, так и естественно-научного характера. Выражаем глубокую благодарность группе геологов Лаборатории эволюционной географии Института географии РАН (Москва) за многолетние изучения района и помощь в освоении геологического материала.

Радиоуглеродные даты:

16 775±605, В.Р. ОС-899 (кость жженая, раскоп II);

19 010±220, В.Р. АА-1389 (кость жженая, раскоп V);

19 500±240, В.Р. Кі-11901 (кость лошади, раскоп VII);

20 160±180, В.Р. ГИН-11310 (кость жженая, раскоп VII, выброс);

20 350±180, В.Р. ГИН-10195 (кость жженая, раскоп VII, выброс);

20 500±500, В.Р. ГИН-11311 (зуб мамонта, раскоп VII);

20 600±1300, В.Р. ГИН-8529 (зуб мамонта, раскоп V, жилище);

20 700±500, В.Р. ГИН-8529a (зуб мамонта, раскоп V, жилище);

20 840±190, В.Р. ГИН-11309 (кость жженая, раскоп VII);

20 900±600, В.Р. ГИН-11311a (зуб мамонта, пластины, раскоп VII);

21 100±400, В.Р. ГИН-3381 (кость жженая, раскоп V, очаг внешний);

22 350±150, В.Р. ГИН-11307 (кость жженая, раскоп V очаг внешний).

Три из пяти самостоятельных участков стоянки Пушкари I имеют карбоновые даты в пределах от 19 до 22 тыс. л.н.

Даты в 16 тыс. л.н. невозможно принимать во внимание, т.к. одна дана по костному углю очага в самой верхней его части с примесью суглинка. Л.Д. Сулержицкий считал эту дату очень омоложенной. Другая дата в 16 тыс. л.н. отобрана О. Соффер по костному углю из очага длинного жилища (1938–1939 гг. работ П.И. Борисковского), т.е. ее «чистота» вызывает сомнение.

Большее количество дат заключено в пределах 19–20 тыс. л.н. Это даты т.н. максимума вюрма.

Именно в пределах 20–18 тыс. л.н., по общепринятому представлению, сильное, резкое похолодание оставило на Русской равнине небольшое число стоянок. Среди немногих, судя по датам, Пушкари I (Величко, Грибченко, Куренкова, 1997). В работах последнего десятилетия геологи объясняют жизнеспособность стоянки сравнительно стабильной ландшафтной и климатической обстановкой на средней Десне до 18 тыс. л.н. (Грибченко и др., 2002). Позднее начались процессы интенсивного осадконакопления, которые, по мнению исследователей, привели к формированию мощных эоловых лессовых отложений и изменению ландшафтов (Морозова, Нечаев, 2002). Нестабильность, а не холод была поводом для оставления человеком Пушкаревских плато на пять тысяч лет. Человек вернулся сюда, когда лесс завершал новое формирование Погонского плато (Там же). Представленная исследователями картина кажется со-

вершенно справедливой. Археология может добавить сюда только несколько штрихов.

1. Культурный слой всех участков стоянки начал образовываться в верхних горизонтах суглинка перекрывавшего брянскую почву. После оставления стоянки человеком суглинок продолжал накапливаться на толщину в несколько сантиметров. В дальнейшем антропогенные остатки подвергались естественной трансформации, толщина культурного слоя зависела от рельефа участка и особенностей седиментации в каждом конкретном месте.

2. Накопление лесса и мерзлотное растрескивание разного характера произошли значительно позднее и были связаны между собой. Идея существования поселений на мерзлых трещинах или проваливания в них культурного слоя не находит подтверждений.

3. Распространение насыщенного культурного слоя по всем участкам стоянки предполагала активную деятельность человека вне закрытых жилых объемов.

4. Жилища не имели обширных структурированных костных выкладок. Это были небольшие разнообразные сооружения в виде шалашей с несколькими обязательными строительными элементами: костными «замками» для опор, центральными очагами и невысокими внешними земляными подсыпками. Скопления костей мамонта внутри жилищ не могло предполагать конструктивного смысла.

5. Обнаруженный в 2010 г. в культурном слое раскопа VII зуб (верхний второй премоляр) человека 30–35 лет не имел следов экстремально сильных нагрузок. Рацион человека создавался из пищи тех фаунистических комплексов, которые свойственны охотникам данной природно-экологической зоны. По мнению антропологов нагрузка на зуб не была слишком сильной (Халдеева и др., 2012).

Выводы. Судя по приведенным данным, человек покинул окрестности Пушкарей до начала экстремально холодной эпохи, не только до трансформации ландшафтов и пыльных ветров, но до значительного похолодания. Если основываться на повторяемой колонке радиоуглеродных дат, то эта эпоха наступила здесь не ранее 19–18 тыс. л.н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Стратиграфическое положение стоянок Пушкаревской группы // Пушкаревский сборник: По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари I. Вып. I. СПб.: Образование-Культура, 1997. С. 5–18.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н., Новенко Е.Ю., Воскресенская Е.В. Особенности позднепалеолитического освоения равнин Восточной Европы // Пути эволюционной геогра-

фии (итоги и перспективы). М.: ИГ РАН, 2002. С. 280–300.

Морозова Т.Д., Нечаев В.П. Валдайская перигляциальная зона Восточно-Европейской равнины как область холодного почвообразования // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы). М.: ИГ РАН, 2002. С. 93–106.

Халдеева Н.И., Беляева В.И., Зубов А.А., Харламова Н.В. Два зуба из раскопов верхнепалеолитической стоянки Пушкари I. Одонтологический анализ // Вестн. МГУ. Сер. XXIII: Антропология. 2012. № 1. С. 33–43.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СТРАТЕГИЯХ РАССЕЛЕНИЯ И ДИНАМИКЕ
ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ФИНАЛЕ ПАЛЕОЛИТА
(ЮГ СРЕДНЕЙ СИБИРИ)

© 2014 г. Н.Е. Бердникова, Г.А. Воробьева

Иркутский государственный университет, Иркутск
(*nberd@yandex.ru; galvorob@yandex.ru*)

Ключевые слова: юг Средней Сибири, финальный палеолит, природные обстановки, стратегии освоения пространства.

Резюме. Представлены результаты реконструкции стратегий освоения пространства древним человеком в финале палеолита юга Средней Сибири на примере долины р. Белой. Моделирование проведено на основе комплексных геоархеологических исследований в рамках проксемического подхода. Предложено две модели стратегий расселения, отличающихся друг от друга уровнем территориальности. Выявлена зависимость динамики пространственного освоения от экстремальных природных факторов.

Одной из наиболее сложных проблем в археологии является полнота и достаточность моделирования (реконструкции) стратегий освоения пространства древним человеком. Такие конструкты направлены на выявление закономерностей культурной пространственной адаптации древнего человека и обеспечивают возможности организации поиска археологических объектов того или иного возраста.

Построение реконструктивных моделей стратегий освоения пространства древним человеком основывается на аналоговых этнографических моделях (Binford, 1980), ох-

ватывающих весь годовой цикл жизнедеятельности. Но лакунарность археологической информации не дает возможности проследить весь этот цикл. Поэтому реконструктивные построения предпочтительнее реализовывать через обсуждение дискретных факторов, формирующих в итоге стратегию жизнедеятельности, исходя из понятия *территориальности*, разрабатываемого в рамках проксемического подхода. Через территориальность, которую следует понимать как «присвоение» отдельных территорий под определенную социокультурную деятельность, человек осваи-

вает пространство (Плюснин, 1990). Можно выделить группы факторов, обуславливающие территориальность: природные – степень инсоляции, защищенность территории от ветра, безопасность территории от природных катаклизмов, обеспеченность ресурсами (пищевыми, водными, сырьевыми); социальные – возможности ограничивать и маркировать территорию, в т.ч. и обеспечение хорошего обзора, подходов и контактов, комфортность для выполнения определенных социальных функций. Все эти факторы выявляются при анализе геоархеологической информации через природную событийность, пространственную локализацию археологических объектов, формы организации площади обитания и «жилого» пространства, структуру и характеристики предметного материала.

К финалу палеолита относят археологические комплексы второй половины МИС-2 или сартанского горизонта (sr) по сибирской климатостратиграфической шкале в интервале от 16–15 до 10,3 тыс. л.н. (здесь и далее радиоуглеродный возраст). Этот интервал для юга Средней Сибири до недавнего времени характеризовался малочисленностью археологических объектов и невыразительностью их комплексов. В результате исследований последних десятилетий выявлены новые объекты этого возраста, обеспеченные широким спектром данных; пересмотрены и уточнены хронологические позиции ранее известных комплексов, выделены хронологические группы финала палеолита и их культурная специфика (Бердникова, 2012). Для юга Средней Сибири создана региональная климатостратиграфическая схема, определены природные обстановки и выявлен ряд природных событий (Воробьева, 2010; Стратиграфия ..., 1990).

В рамках сартанского (sr) горизонта выделено четыре подгоризонта в соответствии с динамикой природных обстановок:

– ранний сартан – sr¹ (24–18 тыс. л.н.), значительное похолодание климата на фоне гумидных (24–21 тыс. л.н.), а затем аридных обстановок (21–18 тыс. л.н.);

– средний сартан – sr² (18–16 тыс. л.н.), некоторое потепление климата с активизацией почвообразования; sr³ (16 – 14 (14,5) тыс. л.н.), аридизация климата, довольно холодные кли-

матические обстановки с отдельными фазами потеплений;

– поздний сартан – sr⁴ (14 (14,5) – 10,3 тыс. л.н.), чередование похолоданий и потеплений 14,5–10,3 тыс. л.н., умеренная, в конце фазы глубоко аридная обстановка; глубокое и резкое похолодание 11,0–10,3 тыс. л.н. с мощным криогенным трещинообразованием.

В течение сартана отмечается несколько проявлений ярко выраженной активизации тектонических процессов: 20–19, 14,5–14,0, 11,8–11,5 тыс. л.н. Они сопровождались мощными коллювиальными сходами, спусками озер, формированием новых водотоков, в т.ч. и р. Ангары (Бердникова, Воробьева, 2013).

Адаптационный отклик древнего населения в сартанское время на природные ситуации и экстремальные события выражен в культурной наполненности различных хроноинтервалов сартанского времени и в особенностях пространственного расположения мест обитания разных хроногрупп. Наблюдается отсутствие или минимальное количество археологических объектов в хроноинтервале после крупных тектонических событий.

Для финала палеолита юга Средней Сибири предложено две модели территориальности. В первой модели рассмотрена общая территориальность для хроногрупп финала палеолита, во второй модели – особенности территориальности на отдельном участке. Эти модели разрабатывались на материалах и данных объектов финала палеолита долины р. Белой (левый приток р. Ангары) и прилегающих участков долины р. Ангары, где находится большинство известных объектов этого возраста. Наиболее репрезентативно представлены геоархеологические объекты возрастом 16 (15,5) – 14,5 и 12,8 (12,5) – 11,8 (11,5) тыс. л.н.

Долина р. Белой в силу географического положения, особенностей геологического строения и истории геологического развития являлась достаточно комфортной для проживания древнего человека в довольно продолжительный период, начиная от нижнего палеолита. Она имеет субширотное направление, что обеспечивает достаточное равномерную инсоляцию обоих бортов долины. Для изготовления орудий использовалось местное каменное сырье: нижнекембрийский кремень,

юрские аргиллиты, кварцитовое галечное сырье из юрских конгломератов, минеральные красители из кор выветривания. Срединное положение территории между горными ландшафтами и ландшафтами плоскогорий формировало разнообразие фауны и определенную ее стабильность. Наличие следов палеоозер, водотоков, различных минеральных источников, вплоть до солевых, обеспечивало многообразие и постоянство водных ресурсов. Практически не прослеживается в отложениях второй половины сартана высокой увлажненности территории: подтопления, подболоченности.

Основными природными угрозами были ветровые обстановки и катаклизмы, спровоцированные тектоникой. Для территории характерны сильные ветровые обстановки (вплоть до ураганов) с преобладанием ветров северо-западного направления. Постоянство этого процесса прослежено по отложениям и распространению полей эоловых образований. Выделены зоны ветровых коридоров и ветровых теней. В тектоническом плане долина р. Белой расположена в зоне активного Ангарского разлома, с деятельностью которого связаны серьезные перестройки рельефа.

Расположение геоархеологических объектов возрастом 15,5–14,5 тыс. л.н. на высоких выположенных поверхностях (12–22 м) на удалении от современных бровок уступов на расстоянии 100–200 м могло быть спровоцировано долговременной памятью о крупных тектонических событиях (Мальта-Мост I, Алаевка, Бадай V). Для проживания выбирались выположенные высокие поверхности в зоне ветровой тени (Мальтинка, Мальта-Мост I, Щебень, Алаевка). В зонах ветровых коридоров стоянки располагались на бортах падей или под склоном (Бадай V; Буреть III, IV; Черемушник I, II; Кулаково, Усть-Белая).

Для хроногруппы возрастом 12,5–11,5 тыс. л.н. характерно расположение комплексов в прибрежной части поверхностей; вытянутость вдоль реки; ярко выраженная мультислойчатость комплексов (Усть-Белая, Сосновый Бор, Галашиха), отмечается и расположение их в зонах ветровых коридоров на открытых высоких поверхностях (Сосновый Бор). Это может свидетельствовать о более низкой активности ветровых потоков, ис-

пользование их в летний сезон как защиты от кровососущих насекомых. Выход этих комплексов к прибрежной части поверхностей может отражать относительно невысокую степень угрозы тектонических процессов и исчезновению долговременной памяти о них.

Вторая модель территориальность разработана для устьевого участка р. Белой (Усть-Белая, Галашиха). Здесь также выявлен ряд природных событий сартанского времени: размывы, следы тектонических событий, коллювиально-солифлюкционные сносы, селеподобные образования. Территория в периоды sr^3 и sr^4 осваивалась неравномерно. Самые ранние стоянки располагались в зоне ветровой тени (нижние горизонты Усть-Белой). Ослабление ветровой деятельности в конце сартана позволило древнему человеку освоить и другие участки территории (Галашиха). Сильные тектогенные катаклизмы, сопровождавшиеся сходом большого количества обломочных масс и прохождением мощной волны по долине Ангары в финале плейстоцена, привели к изменению характера системы поселений. В раннем голоцене возобновляются регулярные поселения в устьевом участке Белой. В раннем неолите поселенческая практика сменяется погребальной. В позднем неолите и палеометалле поселенческая и погребальная практики сосуществовали.

Детальное территориальное изучение в рамках исследовательских пространственных конструкторов на основании комплексных геоархеологических исследований дает возможность более достоверно реконструировать поселенческие стратегии, отходя от умозрительных построений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердникова Н.Е. Заключительная стадия позднего палеолита юга Байкальской Сибири. Геоархеологические сюжеты // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 103–122.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Экстремальные природные ситуации и древний человек. Байкальская Сибирь // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Ч. I. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2013. С. 13–24.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 205 с.

Плюснин Ю.М. Пространственное поведение человека (методы проксемических исследований). Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. 45 с.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991). Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. 165 с.

Binford L.R. Willow smoke and dog's tails: hunter-gatherers settlement systems and archaeological site formation // American Antiquity. 1980. Vol. 45; № 1. P. 4–20.

ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ ЛОШАДИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИКЕ

© 2014 г. А.Ю. Березин

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Чувашское естественно-историческое общество «Terra incognita», Чебоксары
(terra3@cbx.ru)

Ключевые слова: систематика лошадей, поздний плейстоцен, Восточная Европа.

Резюме. Рассматриваются дискуссионные вопросы систематики кабаллоидных лошадей и их видовое разнообразие в Восточной Европе.

На протяжении всего плейстоцена, голоцена и до наших дней лошади представляют важную составляющую социальной организации охоты и быта людей. Со времени описания Карлом Линнеем домашней лошади *E. caballus* L., 1758 прошло около трех с половиной столетий, однако вопросы систематики до сих пор дискуссионны.

Использование таксономического названия *E. ferus* Boddaert, 1785 было предложено для дикой лошади вместо ранее описанного вида *E. caballus* (Boddaert, 1785). Сегодня многими исследователями таксон вида *E. ferus* рассматривается как дикая кабаллоидная лошадь, жившая в плейстоцене, голоцене до наших дней. Во многих современных публикациях используются подвидности *E. ferus* для всех кабаллоидных лошадей (или только голоценовых). По нашему мнению, всех лошадей подрода *Equus* (*Equus*) относить только к одному виду *E. ferus* с точки зрения эволюционного происхождения видов неоправданно. Тогда как сведение *E. caballus* в синоним *E.*

ferus также неправомерно, т.к. по жанру зоологической номенклатуры принимается введенное в оборот приоритетное таксономическое название. К тому же в Международном кодексе зоологической номенклатуры приводится *E. caballus* как типовой вид рода *Equus* (Международный ..., 2004. Ст. 69.4). По этой причине разные формы лошадей были описаны как подвидности *E. caballus* (Громова, 1949). Однако в 2003 г. Международная комиссия по зоологической номенклатуре опубликовала мнение о том, что в тех случаях, когда домашнее животное и его дикий предок названы по разному, то, чтобы избежать путаницы, лучше использовать название вида, от которого произошло домашнее животное (International Commission ..., 2003). Предковой формой домашней лошади указан тарпан *E. ferus*, следовательно, домашняя форма – подвид тарпана *E. ferus caballus*. Особо следует отметить, что эта комиссия считает, что тарпан *E. ferus* – самостоятельный вид лошади.

Существует дискуссия по поводу того, какой таксон принимать за тарпана – *E. ferus* (дикая лошадь) или *E. gmelini* Antonius, 1912 с двумя конкретными подвидами степного и лесного тарпана. Современные исследования показывают, что тарпан *E. gmelini* также обитал в позднем плейстоцене в Прикарпатье вместе с крупными кабаллоидными лошадьми (Дрыгант, 2006). Такую же картину наблюдаем и мы в Среднем Поволжье. Неправильно, когда приверженцы моновида кабаллоидных лошадей приводят для *E. ferus* (тарпана) подвиды крупных форм лошадей из позднего, среднего и раннего плейстоцена. Наши исследования показали, что тарпаны *E. gmelini* (= *E. ferus*) существенно отличались от крупных кабаллоидных лошадей позднего плейстоцена и от современной лошади *E. przewalskii* Poljakov, 1881 (Березин, Березина, Бессуднов, 2011; Березин и др., 2014). Тогда как исследования шатиловского тарпана показали, что эта лошадь мало чем отличается от домашней лошади и предложили тарпана *E. gmelini* включить в младший синоним *E. caballus* (Спаская, Павлинов, 2008). Таким образом, решение Международной комиссии по зоологической номенклатуре (International Commission ..., 2003) о том, что предком современной лошади является тарпан, подтверждается, необходимо лишь определиться с таксоном вида.

Дикие лошади плейстоцена и голоцена обитали в разных условиях. Смена фаун во времени могла происходить не только путем микроэволюционных изменений, но и за счет значительной их миграции. При этом нельзя исключать, что на одной и той же территории в разных экологических нишах могло обитать сразу несколько форм лошадей. С территории Восточной Европы описано много форм настоящих лошадей. Таксономический статус вида или подвида для многих из них дискусионен. Попытка сведения всего многообразия форм настоящих лошадей к одному виду *E. ferus* (что предпринимается некоторыми исследователями сегодня) или *E. caballus* (как раньше) не решает проблему, необходима полная ревизия.

В последнее время все больше появляется ревизирующих работ по диким ископаемым и современным лошадям. Но из-за фрагментар-

ности ископаемого материала многие исследования основаны лишь на сравнении зубов и метаподий, что ограничивает наше понимание целостности всех признаков для тех или иных форм лошадей.

Для лошадей Северной Евразии наиболее полную ревизию провела И.Е. Кузьмина (1997). Ею описано четыре вида лошади подрода *Equus* (*Equus*). Лошади среднего плейстоцена, такие как *E. caballus missi* M. Pavlova, 1930, *E. caballus chosaricus* Gromova, 1949, *E. taubachensis* Vangengeim, 1966, *E. caballus orietalis* Russanov, 1968, *E. caballus remagensis* Nobis, 1971, *E. caballus germanicus* Forsten, 1995 были сведены в синоним позднеплейстоценовой широкопалой лошади *E. (E.) latipes* Gromova, 1949. Однако, поскольку сравнительный материал всех форм лошадей не был показан, трудно принять такое заключение.

Из позднего плейстоцена Украины была описана лошадь *E. equus* Pidoplitchko, 1938. Позже В.И. Громова (1949) описала типовой вид *E. caballus latipes* из Костенок, считая, что лошади, в частности из Мезина (Украина), относились к этому же виду. На основании валидности материала, описанного И.Г. Пидопличко, и его приоритетности Д.М. Дрыгант (2006) рассмотрел вид *E. latipes* в качестве синонима вида *E. equus*. Однако самим И.Г. Пидопличко (1951) вид *E. equus* понимался широко – для всех крупных диких лошадей четвертичного периода в противовес домашней лошади.

Но если дальше следовать логике выше приведенных ревизий, то, согласно правилам Международного кодекса зоологической номенклатуры, приоритетным таксоном для лошадей среднего и верхнего плейстоцена Восточной Европы следует выделить *E. (E.) missi*, описанного М.В. Павловой (Pavlow M., 1931).

Исследование некоторых зубов и костей ног лошадей из палеолитических местонахождений Мезина, Борщёва и Дивногорья привели исследователей к выводу о том, что лошадей конца позднего плейстоцена Восточно-Европейской равнины можно отнести к подвиду *E. ferus latipes* (Пластеева, Бурова, Косинцев, 2012). Он сделан на основании схожести выборок, а также того, что лошади из Мезина и Борщёва ранее были отнесены к

одному виду – *E. latipes* (Белан, 1985; Кузьмина, 1997). Наши исследования краниальных и посткраниальных признаков лошадей из Дивногорья показали, что они близки к лошадям из Мезина, но отличаются от ранних широкопалых лошадей *E. Latipes*, описанных В. Громовой и И.Е. Кузьминой (Березин, Березина, Бессуднов, 2011; Березин и др., 2014).

Из позднего плейстоцена Урала была описана лошадь *E. (E.) uralensis* Kuzmina, 1975 с двумя подвидами: из Предуралья, бассейна р. Кама – *E. uralensis uralensis* и Северного Урала и Зауралья – *E. uralensis levis* (Кузьмина, 1997).

В результате сравнения лошадей Восточно-Европейской равнины и Урала были выявлены их различия, позволяющие считать лошадей Урала самостоятельным подвигом *E. f. uralensis* (Пластеева, Бурова, Косинцев, 2012). На протяжении второй половины позднего плейстоцена у лошадей Восточно-Европейской равнины и Урала уменьшались дистальные кости конечностей (Пластеева, 2009). Исследователи считают: поскольку подвиды уральской лошади описаны по выборкам, имеющим широкую дату – поздний плейстоцен, то по этой причине лошади конца позднего плейстоцена Урала могут быть обозначены как *E. ferus ssp.* (Пластеева, Бурова, Косинцев, 2012). Однако И.Е. Кузьмина (1997) на основании географической изменчивости выявила сходство и различие трех географических популяций уральских лошадей: Предуралья, Северного Урала и Зауралья. Лошади Предуралья датированы абсолютным возрастом 16,9–28,5 тыс. л.н. Наши исследования также показали, что лошади из Дивногорья отличаются от разных популяций уральской лошади (Березин и др., 2014).

Таксон *E. caballus* неудобен для приверженцев моновида древних и современных диких лошадей, однако следует признать, что на ископаемом материале сегодня объективно не удастся различать диких тарпанов и домашних лошадей. Нельзя сбрасывать и то, что К. Линей описал раньше *E. caballus* – вид, ставший типовым для рода *Equus* и номинативным для подрода настоящих «кабаллоидных» лошадей *Equus (Equus)*. Замена *E. caballus* на *E. ferus* – формальность, которая не решает проблемы с многообразием форм лошадей,

а лишь еще более ее запутывает. Использование таксона *E. ferus* для позднеплейстоценовых лошадей мы считаем неоправданным, поскольку все мелкие и крупные, короткомордые и длинномордые, широкопалые и узкопалые географические формы кабаллоидных лошадей, меняющиеся на протяжении всего плейстоцена, оказываются одним видом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белан А.Г. Позднеплейстоценовая лошадь бассейна Десны // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1985. Т. 131. С. 50–63.

Березин А.Ю., Березина Н.С., Бессуднов А.Н. Предварительное сравнение краниологии лошади из верхнепалеолитического памятника Дивногорье-9 (Воронежская обл.) с кабаллоидными лошадьми Евразии // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. И.В. Федюнин. Вып. 14. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 12–24.

Березин А.Ю., Березина Н.С., Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А. Позднеплейстоценовая дивногорская лошадь из Среднего Подонья // Чувашская археология. Вып. 2 / Ред. Н.С. Березина. Чебоксары, 2014 (в печати).

Громова В. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 374 с. (Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 17; Вып. 1).

Дрыгант Д.М. О видовой принадлежности позднеплейстоценовых лошадей (род *Equus L.*, 1758) Предкарпатья // Науч. зап. Гос. природовед. музея / Гл. ред. Ю.Н. Чернобай. Вып. 22. Львов, 2006. С. 167–180.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности. СПб.: Зоол. ин-т РАН, 1997. 223 с. (Тр. Зоол. ин-та РАН; Т. 273).

Международный кодекс зоологической номенклатуры. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2004. 223 с.

Пидопличко И.Г. О ледниковом периоде. Вып. 2: Биологические и географические особенности европейских представителей четвертичной фауны. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 264 с.

Пластеева Н.А. Сравнение размеров костей дистальных отделов конечностей лошадей (подрод *Equus*) Восточной Европы и Урала в позднем плейстоцене // Эволюционная и популяционная экология (назад в будущее). Екатеринбург: Ин-т экологии растений и животных УрО РАН, 2009. С. 164–167.

Пластеева Н.А., Бурова Н.Д., Косинцев П.А. Лошади (*Equus ferus* Boddaert, 1785) Восточ-

ной Европы конца позднего плейстоцена // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2012. Т. 117; Вып. 5. С. 3–11.

Спаская Н.Н., Павлинов И.Я. Сравнительная краниометрия «шатиловского тарпана» (*Equus gmelini* Antonius, 1912): проблема видоспецифичности // Сб. трудов Зоол. музея МГУ. Т. 49. Москва: Изд-во МГУ. 2008. С. 428–448.

Boddaert P. Elenchus Animalium, sistens Quadrupeia. Vol. 1. Roterodami [Rotterdam]: C.R. Hake, 1785. 174 p.

International Commission on Zoological Nomenclature. Usage of 17 specific names based on wild

species which are pre-dated by or contemporary with those based on domestic animals (Lepidoptera, Osteichthyes, Mammalia): conserved. Opinion 2027 (Case 3010) // Bull. Zool. Nomencl. 2003. № 60 (1). P. 81–84. URL: <http://www.iczn.org/BZNMarr2003opinions.htm#opinion2027> (Дата обращения: 19.04.2014).

Pavlow M. Mammifères posttertiaires trouvés sur les bords du Volga près de Senguiley et quelques formes provenant d'autres localités // Ежегодник Рус. палеонтолог. об-ва. 1931. Т. 9. С. 1–42.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА И ЕГО ИЗМЕНЕНИЙ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

© 2014 г. Е.А. Бессонова

*Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН, Владивосток
(bessonova@poi.dvo.ru)*

Ключевые слова: геoarхеология, средневековое городище.

Резюме. На основе геoarхеологических исследований городища Кокшаровка-1 проведена оценка инженерно-геологических и гидрогеологических особенностей территории во время строительства и существования городища. Восстановлено внутреннее устройство поселения, прослежены его изменения, и показано, что некоторые значимые этапы существования городища Кокшаровка-1 были неразрывно связаны с изменениями природной среды, которые мы называем природными катастрофами.

Введение. Городище Кокшаровка-1 представляет собой укрепленное валом и рвом поселение площадью около 16 га, расположенное в низменной, заболоченной пойме р. Усури (Бессонова и др., 2012. С. 187. Рис. 3). Археологический памятник известен с конца XIX в. Однако исследования раскопками были начаты только в 2008 г. Изучение коллекции керамики, собранной в процессе раскопок, позволило исследователям отнести ее к бохайскому гончарному производству на стадии его наивысшего расцвета (IX – начало X в.).

Историческая реконструкция прошлого – основная цель археологических исследований на городище Кокшаровка-1 – невозможна без восстановления внутреннего устройства поселения, выявления взаимосвязей человека и природного окружения. Для решения таких задач на качественно высоком уровне, наряду с археологическими исследованиями раскопками, выполнено изучение средневекового городища на основе комплексных геолого-геофизических исследований.

В 2009–2011 гг. с целью выявления фундаментов строительных конструкций X в., скрытых в современных геологических отложениях

¹ Работа выполнена в рамках проекта ДВО РАН № 09-III-A-11-558.

ях, были выполнены детальные геомагнитные съемки городища Кокшаровка-1: М 1: 2000 на площади 288 640 м² и М 1: 100 на площади 126 155 м². Выполнены минералогические исследования рыхлых отложений культурного слоя, петрографическое изучение материалов строительных конструкций. По результатам петромагнитных и палеомагнитных исследований на городище Кокшаровка-1 сформирована геомагнитная модель геологической среды, содержащей антропогенные включения. На основе этой модели проведена интерпретация результатов магнитных съемок, с максимальной степенью детальности и достоверности выделены и о контурены археологические объекты, реконструированы особенности застройки археологического памятника. Позитивные результаты этих исследований подтверждены раскопками 2009–2011 гг.

С использованием электрметрии (ВЭЗ) изучено геологическое строение и проведена оценка литологии верхней части разреза. По результатам микропалеонтологических и минералогических исследований рыхлых отложений культурного слоя восстановлены некоторые особенности их формирования.

Особенности ландшафта. Как показали результаты исследований, городище Кокшаровка-1, ограниченное валом в форме неправильного многоугольника, расположено на пойменной возвышенности, сформированной в результате накопления паводковых отложений, и имеет укрепленные ворота на севере и на западе поселения. Особенности геометрии городского вала, расположение ворот указывают на то, что при строительстве учитывались ландшафтные особенности территории: основой являлась пойменная возвышенность, ограниченная с юга, запада и севера палеоруслом р. Кокшаровка, которое в современном ландшафте выражено цепочкой старичных озер. Рельеф внутренней части городища слабо расчлененный. Наиболее высокие отметки (2,0–2,33 м) характерны для юга.

Следует отметить, что вся площадь городища была распахана с применением специальной техники и десятилетиями использовалась для выращивания овощей. На поверхности почвы возвышенных участков городища обнаружено большое количество прокаленной глиняной обмазки.

Внутреннее устройство городища Кокшаровка-1 и его изменения. Реконструкция планировки городища выполнена на основе крупномасштабного геомагнитного картирования с учетом особенностей внутреннего рельефа, натуральных наблюдений дневной поверхности в апреле–мае, когда на участке исследования отсутствовала трава, и распределения по площади городища Кокшаровка-1 подъемного археологического материала, а также результатов исследований раскопками.

Положение в плане фундаментов отдельных строений и особенности их взаимного расположения позволяют выделить два основных типа структурной планировки архитектурной застройки (Бессонова и др., 2012. С. 189. Рис. 4):

– прямоугольная, характеризующаяся широтно-меридиональным простираем (на севере и на западе);

– диагональная, на юге и в центре восточной части (азимут простираем (16°–20°)+90°). Соотносится с самым верхним строительным горизонтом. Каменные базы здания и фундаменты оград, относящихся к этому типу планировки, лежат на поверхности в юго-восточной части городища. Именно этой планировке соответствует положение в плане борозд вспашки в центральной и южной частях городища.

Разделение прямоугольной и диагональной площади застройки показывает, что в пределах вала городища в хронологической последовательности существовали два поселения. Первое (прямоугольное) занимало всю сегодняшнюю площадь городища и даже выходило за его пределы на юге (Там же. С. 186. Рис. 2б). Второе (диагональное) компактно располагалось в центральной части и на юге археологического памятника (Там же. С. 189. Рис. 4). Следует отметить, что второе поселение по занимаемой площади было на 40–30% меньше.

Сделано предположение, что первоначально крепостной вал имел форму прямоугольника. Сейчас крепостной вал в южной части характеризуется диагональным простираем сегментов. Вал, также как и все поселение, вероятно, перестраивался. Это, скорее всего, было связано с изменением положения русла

естественных водотоков, следы которых можно наблюдать и сейчас.

Динамика природной среды и особенностей застройки городища. По результатам анализа разномасштабных карт АМП и рельефа, натурных наблюдений установлено, что диагональное простираение элементов внутренней застройки южной части городища Кокшаровка-1, также как и диагональное простираение южного и юго-восточного сегментов крепостного вала, связано с последним этапом его существования. Когда же был этот этап, и почему в это время люди жили только в центре и на юге городища? Возможно, нам удалось ответить на этот вопрос, используя результаты микропалеонтологических исследований грунта.

В северо-восточной части городища, на уровне 60–55 см от поверхности почвы были обнаружены створки диатомовых водорослей, относящихся к родам *Amphora* и *Navicula*. Наличие этих диатомей свидетельствует о вероятном повышении солености грунта вследствие застоя влаги. Артефакты, обнаруженные в этой части археологического памятника отнесены к IX – началу X в. (Малков, Клюев, Якупов, 2011). Конец первого тысячелетия н.э. соотносится рядом исследователей с фазой потепления климата и повышением уровня моря на 1 м. Для этого периода характерно резкое увеличение паводков (Сизиков, 1987). Если «подтопить» городище Кокшаровка-1 с учетом положения уровня засоленного слоя грунта, то свободными от воды останутся только центральная и южная части городища, а также «платформа» на севере поселения. Пойменная долина вблизи городища заболочена и изрезана старыми руслами и старицами, а значит русло р. Кокшаровка неоднократно перемещалось. И современная форма южного участка вала городища может определяться его перестройкой вследствие размыва речным потоком первоначальной городской стены широтной ориентации. Сейчас южный участок стены по форме напоминает стрелку, которая могла быть использована для разделения речного русла на два рукава. Это весьма вероятно, если учесть тот факт, что городище расположено на левом берегу р. Кокшаровка, а правый берег, выше по течению ограниченный естественным барьером

– скальными выходами, находится на расстоянии 500–700 м от южного замыкания городского вала.

Таким образом, на начальном этапе существования поселения особенности внутренней застройки были пространственно связаны с геометрически правильной формой его границ и их ориентацией по сторонам света. Такая планировка с нахождением главных административных сооружений города в его северной части была характерна для столицы танской империи г. Чанъань (VII–IX вв.) и послужила образцом для столичных и прочих городов соседних государств, в частности Японии и Бохая. Она должна указывать на время начального этапа застройки городища – не позднее IX – начала X в. В дальнейшем под влиянием природных факторов были изменены не только форма и положение вала в южной части поселения, но также и особенности внутренней застройки: использована функционально наиболее выгодная ориентация зданий. Следует отметить, что на этих этапах существования поселения зонирование его застройки, скорее всего, осуществлялось по социально-имущественному признаку.

Диагональная застройка, выделенная в северо-восточной части поселения, располагалась в понижении рельефа. Она является более поздней по отношению к прямоугольной, а с учетом хронологии подтопления этого участка – более поздней и по отношению к диагональному типу застройки, выделенному на юге городища.

Заключение. Отметим, что археологические исследования раскопками ведут к разрушению археологического памятника как исторически сложившейся целостности. В случае полномасштабных раскопок информация о городище Кокшаровка-1 останется только в отчетах и публикациях, степень объективности которых зависит от совершенства методов исследования и квалификации исследователей. В такой ситуации оптимальным представляется сочетание данных о планировке всего памятника, полученных в результате применения геолого-геофизических методов исследования, с раскопками на небольшой его части. Это позволит сохранить культурный слой городища для изучения в бу-

дущем с применением более совершенных методов археологических исследований

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л., Клюев Н.А., Зверев С.А. Внутреннее устройство городища Кокшаровка-1 и его изменения под влиянием природного окружения // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 122–129.

Малков С.С., Клюев Н.А., Якупов М.А. Археологические исследования на городище Кокша-

ровка-1 (к проблеме политического статуса периферии государства Бохай) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. II. Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. С. 67–68.

Сизиков А.М. Долгопериодические изменения гидрологического режима рек Прибайкалья в голоцене // Моделирование и прогнозирование геофизических процессов. Новосибирск: Наука, 1987. С. 36–39.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧУЙСКО-КУРАЙСКОЙ ЛИМНОСИСТЕМЫ И ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХОВЬЯХ ЧУИ¹

© 2014 г. П.С. Бородавко

*Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, Томск
(bor@ggf.tsu.ru)*

Ключевые слова: Алтай, палеогеографические реконструкции, палеолит.

Резюме. Возникновение и длительное существование Чуйско-Курайской системы озер оказали значительное влияние на характер расселения человека в позднем палеолите на территории Юго-Восточного Алтая.

Среди большого числа задач, решаемых геологией палеолита, одной из главных является выявление условий взаимодействия природной среды и первобытного человека. Использование палеогеографических данных может существенно облегчить решение некоторых из них.

В неоплейстоценовое время возникновение обширных по площади водоемов в пределах Чуйской и Курайской межгорных котловин (Юго-Восточный Алтай) было связано с образованием мощной ледовой преграды на пути стока пра-Чуи – главной водной артерии бассейна. Ледниковая плотина формировалась в результате слияния выдвинувшихся в долину Чуи ледников северного макросклона

Северо-Чуйского хребта и ледников долин Ярлуамры, Чибитки и Таджилу (Курайский хребет). О размерах плотины можно судить по распространению верхнеплейстоценовых моренных отложений в долине Чуи – от урочища Баротал до устья Бельгебаша. Следы существования озера зафиксировались в рельефе в виде донных отложений и комплекса абразионно-аккумулятивных форм, образованных в процессе волноприбойной деятельности палеоводоёма. В максимум наполнения – до отметок, близких к 2 100 м (верхняя граница распространения береговых форм) – суммарная площадь единого Чуйско-Курайского палеозера составляла 2 600 км². Имеющиеся датировки озерных отложений, особенности

¹ Исследования выполнены в рамках проекта РФФИ № 13-05-0111 А.

их расположения и специфика структуры позволяет связать максимум трансгрессии лимносистемы со временем формирования второго постмаксимального конечно-моренного вала (ок. 30 тыс. лет т.н.) и установить время озерного периода для Чуйской котловины – около 20 тыс. лет. «Лестница» абразионно-аккумулятивных террас на бортах Чуйской и Курайской котловин отражает постепенный, с длительными задержками на определенных отметках, спад уровня водоема, обусловленный динамикой подпруживающих озеро ледников. Последние, в свою очередь, подчинились общей для Алтая ритмике сокращения.

Климатические условия позднего плейстоцена (на время развития максимума оледенения) территории Юго-Восточного Алтая большинством авторов характеризуются как весьма сухие и холодные. Данные подтверждаются анализом спор и пыльцы из ледниковых и водно-ледниковых отложений. Однако в отложениях позднеплейстоценовых сухих пролювиальных дельт, привязанных к уровню озерных террас, описаны (Девяткин, 1965. С. 72) находки раковин моллюсков *Planorbis sp.*, *Lymnaea auricularia L.* и части черепа аргали *Ovis ammon L.* с роговыми стержнями. В береговых озерных отложениях близ р. Тыдтуярык, имеющих высотную отметку около 2 050 м, нами обнаружены зуб лошади (*E. aff. gallicus*) и зуб благородного оленя (определения А.В. Шпанского). Данные споро-пыльцевого анализа² отмеченных выше отложений могут свидетельствовать о том, что по сравнению с соседними приледниковыми пространствами горного обрамления, территория побережий лимносистемы представляла собой более привлекательную, комфортную в климатическом отношении зону для произрастания растительности и обитания животных. Учитывая тот факт, что на начальных стадиях развития человечества охота и собирательство являлись основными и жизненно важными занятиями, можно предположить, что вслед за растительностью и животными зону побережий лимносистемы стал осваивать древний человек.

В пределах Чуйской котловины известны более десяти палеолитических памятников. Технично-типологические параметры находок полностью укладываются в пределы позднего палеолита (Деревянко, Маркин, 1987. С. 8). Большинство памятников собраны с поверхности древних абразионно-аккумулятивных озерных террас, причем найденные орудия не несут следов обработки в волноприбойном потоке. Учитывая поэтапный характер снижения уровня палеоводоема и пространственное размещение памятников, представляется возможным установить хронологию их появления. Наиболее древними, на наш взгляд, являются местонахождения Бигдон, Чечкетек-рек, Бугузун, Талдытюргун (обнаружен нами летом 2000 г.), поскольку они приурочены к наиболее высокому и, естественно, наиболее древним террасам. Далее, по мере снижения уровня водоема, появились памятники Богуты, Юстыд, Чаган-Бургазы. Самый молодой возраст имеют местонахождения Терс-Аскан, Мухор-Тархата, Куэхтанар.

Приведенные новые материалы расширяют и углубляют представления об особенностях постмаксимальной эволюции Чуйско-Курайской лимносистемы. В частности, этими материалами подтверждается ранее высказанное нами заключение о продолжительном существовании лимносистемы, постепенно-прерывистом сокращении ее акватории и длительном сохранении уреза воды на каждом уровне береговых линий, особенно верхних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Девяткин Е.В. Кайнозойские отложения и неотектоника Юго-Восточного Алтая. М., 1965. 243 с. (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 126).

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.

² Количество зерен в пробе: *Pinus sp.* – 4, *Pinus sibirica* – 11, *Abies sp.* – 4, *Betula sp.* – 17, *Betula nana* – 12, *Alnus sp.* – 3, *Ephedra* – 5, *Chenopodiaceae* – 60, *Graminaceae* – 10, *Artemisia* – 5.

АРХЕОЛОГО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРАС ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)¹

© 2014 г. А.П. Бородовский¹, Е.В. Деев², И.Д. Зольников³, Л. Олищак⁴,
Я.В. Кузьмин³, Й. ван дер Плихт⁵

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(altaicenter2011@gmail.com)*

²*Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, Новосибирск
(deev@ngs.ru)*

³*Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск
(zol@igm.nsc.ru; kuzmin@fulbrightmail.org)*

⁴*Институт археологии Ягеллонского (Краковского) университета, Краков, Польша
(lukash.oleschak@yandex.ru)*

⁵*Центр изотопных исследований Университета Гронингена, Нидерланды
(j.van.der.plicht@rug.nl)*

Ключевые слова: террасы, археологические памятники, землетрясения, Катунь, Горный Алтай.

Резюме. Комплексные археолого-геологические исследования разновысотных террас на территории горной долины нижней Катунь позволили: 1) охарактеризовать фациальную архитектуру слагающих их отложений, а для средних и высоких террас установить, что их цоколь сложен отложениями гигантских гляциальных паводков, последний из которых мог пройти по долине в эпоху МИС-4; 2) провести широкомасштабное изучение разновременных и разнотипных археологических памятников от эпохи каменного века до эпохи железа, а также выявить перспективный палеолитический объект в районе памятника Чултуков Лог-9; 3) впервые для этой территории выявить следы древних землетрясений с магнитудой $\geq 5,5-6,0$ в структуре сальджарской толщи и конструктивных особенностях курганной группы Чултуков Лог-1.

Археолого-геологические исследования на территории горной долины нижней Катунь активно ведутся на протяжении последнего времени в рамках сотрудничества различных специалистов из ИАЭТ СО РАН, НГУ, ИНГГ СО РАН и ИГМ СО РАН. Результатами этих исследований стали: 1) изучение отложений, слагающих разновысотные комплексы террас долины; 2) комплексное изучение целого ряда разновременных и разнотипных археологических памятников от эпохи каменного века до эпохи железа, расположенных в пределах различных геоморфологических обстановок, в т.ч. на площадках террас; 3) выявление на основе палеосейсмологических и археосейсмологических данных признаков древней сейсмичности территории.

Изучение четвертичных отложений, слагающих террасовые комплексы. Ориентированная в субмеридиональном направлении долина р. Катунь в пределах рассматриваемого участка заложена по Катунскому раздвигу, вдоль которого обособлено три самостоятельных грабена: Чемальский, Усть-Семинский и Манжерокский (Деев и др., 2012). В пределах тектонических расширений долины в среднем – позднем неоплейстоцене накапливались осадки, формирующие комплексы высоких и средних террас. Цоколь высоких террас представлен средннеоплейстоценовой ининской толщей, цоколь средних террас сложен верхннеоплейстоценовой сальджарской толщей. Десятки изученных разрезов долины нижней Катунь показали, что их фациальная архи-

¹ Исследования выполнены в рамках проектов РНФ (№ 14-17-00407, 14-18-01996) и РФФИ (№ 13-05-00054_a).

текстура полностью соответствует структуре этих толщ в районе среднего участка долины р. Катунь и р. Чуя, и они могут быть проинтерпретированы как отложения гигантских гляциальных паводков с выделением селевой, пойменной, русловой фаций (Зольников, Мистрюков, 2008; Деев и др., 2012). Необходимо отметить, что в изученных разрезах нижней Катунь не обнаружено осадков фации вторично-подпрудных озер и сколько-нибудь существенного распространения отложений оплывневой фации. Завершает разрез четвертичных отложений в грабенах поздне-неоплейстоцен-голоценовый субаэральный комплекс, включающий лессы, эоловые пески, делювиально-пролювиальные шлейфы. В них вложен голоценовый аллювий, формирующий низкие террасы и пойму.

Комплексное изучение разновременных и разнотипных археологических памятников от эпохи каменного века до эпохи железа. Все изученные объекты расположены как на высоких и средних террасах Катунского правобережья, так и в пределах низких террас и высокой поймы. Особое внимание в ходе такого изучения было уделено нескольким проблемам. Одна из них – выявление и естественно-научное датирование остеологических материалов палеофауны, характерной для горной долины нижней Катунь в позднем неоплейстоцене. Следует подчеркнуть, что указанная территория достаточно «богата» на такие находки. Ранее неоднократно от с. Майма до с. Манжерок Майминского р-на происходили случаи обнаружения палеофаунистических останков различных животных (мамонта, северного оленя, бизона), которые, к сожалению, не были надлежащим образом зафиксированы. Тем не менее, в 2012 г. при археологическом исследовании поселения майминской археологической культуры Чултуков Лог-9, расположенного на площадке высокой террасы в районе с. Манжерок, на материковом уровне были зафиксированы в неповрежденном состоянии кости конечностей северного оленя. Они залежали в плотном суглинке светло-коричневого цвета, подстилающем мощный культурный слой (до 1,5 м) гунно-сарматского времени. Особенности расщепления этого костного материала позволяют с высокой степенью вероятности

утверждать о наличии явного антропогенного воздействия. Радиоуглеродный возраст определен как более 45 тыс. л.н. (Gr-56940). Такая хронология остеологических материалов и преимущественно антропогенный характер расщепления кости свидетельствуют о возможности выявления в будущем на этой площадке археологического комплекса эпохи каменного века. Основанием для этого является целый ряд факторов. Во-первых, Катунское правобережье у с. Манжерок отличается достаточно высокой плотностью археологических памятников позднего палеолита, выявленных акад. А.П. Окладниковым и его учениками еще в конце 70-х гг. прошлого столетия (Бородовский, Бородовская, 2013). Во-вторых, расположение датированной остеологической находки из Чултукова Лога-9 аналогично Майминскому археологическому комплексу, на территории которого были выявлены позднепалеолитические материалы (Майма II), представленные палеолитическими орудиями (Акимова и др., 2008. С. 93. Рис. 35, 1–4). Этот культурный горизонт был также перекрыт поселенческим слоем гунно-сарматского времени. Такое сходство, в свою очередь, позволяет выявить определенную историческую преемственность освоения одних и тех же высоких площадок на правобережье р. Катунь в различные исторические периоды, отделенные друг от друга значительными хронологическими интервалами и явно отличающимися ландшафтно-климатическими особенностями. Радиоуглеродное датирование остеологических материалов (2 050±80 л.н. (MKL-1912), 1 660±80 л.н. (MKL-1911)) из двух хозяйственных ям поселенческого слоя гунно-сарматского времени Чултукова Лога-9 соответствует периоду с 125 по 576 гг. н.э., когда высокая площадка могла использоваться в определенный сезон или в оборонительных целях.

Полученная столь древняя дата по костям северного оленя из археологического памятника Чултуков Лог-9 хорошо согласуется с имеющейся у авторов радиоуглеродной датой из основания субаэрального комплекса отложений, перекрывающих относительно маломощный аллювий, залегающий на цоколе средней 30-метровой террасы (сальджарская толща) у с. Дубровка, – более 37 200 л.н.

(АА-79789). Это побуждает нас склониться к корреляции сальджарской толщи с МИС-4, а время формирования постсальджарского аллювия и начала формирования субэдрального комплекса соотнести с МИС-3. Следовательно, последний гигантский гляциальный паводок, сформировавший цоколь средних террас (и соответствующее ему крупное оледенение в Горном Алтае, приводившее к подпруживанию межгорных котловин), имел место не в сарганское время, а в интервале 57–71 тыс. л.н.

Выявление признаков древней сейсмичности территории с помощью палеосейсмологических и археосейсмологических методов. Изучение разрезов сальджарской толщи в Чемальском и Манжерокском грабенах позволило выявить деформационные структуры (сейсмиды), указывающие на древние землетрясения, которые происходили в пределах северной части Горного Алтая в позднем неоплейстоцене (Деев и др., 2012). Основными механизмами формирования сейсмидов являются хрупкая деформация, а также разжижение рыхлых, в разной степени водонасыщенных грунтов. Типы сеймогенных деформаций позволили оценить минимальные магнитуды древних землетрясений ($M \geq 5,5-6,0$) и интенсивность 6–7 баллов.

Целый ряд косвенных признаков палеосейсмичности был также прослежен на каменных надмогильных конструкциях обширного некрополя скифского времени Чултуков Лог-1, расположенного у горного склона на высокой пойме р. Катунь. Из более ста непо потревоженных каменных курганов более трети надмогильных конструкций имеют следы сейсмического воздействия, которые проявляются на нескольких уровнях. Во-первых, часть курганов в непосредственной близости у горного склона перекрыта осыпью. Во-вторых, насыпь курганов, находящихся в отдалении от горного склона, деформирована массивными скальными блоками, перекрывающими эти сооружения. В-третьих, в захоронениях этих курганов отмечены однотипные разрушения элементов каменных внутримогильных сооружений (ящиков, перекрытий, обкладок). В-четвертых, на ряде курганов с деформациями

внутренних конструкций отсутствует деформирующий внешнюю конструкцию коллювиальный материал. В-пятых, все рассмотренные курганы не разграблены. Следует подчеркнуть, что на основании сопроводительного инвентаря и характера погребальной обрядности, общая датировка указанных курганов относится к V–III вв. до н.э. Для одного из курганов (№ 109), перекрытого горной осыпью, получена радиоуглеродная дата (2560 ± 80 л.н. (MKL-1916)), калиброванный возраст которой составляет 414 г. до н.э.

Важно, что на более поздних захоронениях гунно-сарматского времени (майминская культура), расположенных в пределах некрополя Чултуков Лог-1, указанные выше признаки палеосейсмических воздействий отсутствуют. Это может также свидетельствовать о признаках относительной хронологии палеосейсмических воздействий на погребальные комплексы различных эпох Горного Алтая, которые отражаются в погребальных сооружениях.

В целом, проведенные археолого-геологические исследования на территории горной долины нижней Катуни открывают новые перспективы не только выявления наиболее древних археологических памятников, но и изучения исторической динамики освоения одних и тех же территорий в различные периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 144 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

Деев Е.В., Зольников И.Д., Бородовский А.П., Гольцова С.В. Неотектоника и палеосейсмичность долины нижней Катуни (Горный Алтай). // Геология и геофизика. 2012. Т. 53; № 9. С. 1154–1168.

Зольников И.Д., Мистрюков А.А. Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катуни. Новосибирск: Параллель, 2008. 184 с.

ХОТЫЛЁВСКИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В БАССЕЙНЕ ДЕСНЫ: ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЙ СЕДИМЕНТОГЕНЕЗ И ПАЛЕОРЕЛЬЕФ¹

© 2014 г. Е.В. Воскресенская¹, К.Н. Гаврилов², А.К. Очередной³

¹Институт географии РАН, Москва
(kavosk@mail.ru)

²Институт археологии РАН, Москва
(k_gavrilov.68@mail.ru)

³Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(mr_next@rambler.ru)

Ключевые слова: средний и поздний палеолит, бассейн р. Десна, поздний плейстоцен.

Резюме. В докладе приводятся данные по позднеплейстоценовой хроностратиграфии и истории развития рельефа Хотылёвской группы палеолитических памятников.

Комплексные исследования Хотылёвских палеолитических стоянок и местонахождений, расположенных в пределах относительно небольшого по площади участка правобережья Десны, дают возможность для детальных хроностратиграфических корреляций позднеплейстоценовых событий и позволяют реконструировать историю развития рельефа территории на различных этапах ее освоения древним человеком.

Комплексные исследования, проводимые нами в последние несколько лет на среднепалеолитическом местонахождении Хотылёво I, были направлены на уточнение хроностратиграфической позиции отложений, с которыми связаны находки на разных участках памятника. Среднепалеолитические культурные слои и культуросодержащие горизонты, зафиксированные на местонахождении Хотылёво I, приурочены к сохранившимся фрагментам прислоненных к коренному склону правого борта террасовых уровней, которые запечатаны под мощным чехлом поздневалдайских делювиально-склоновых отложений. На расположенных ниже по течению р. Десна участках местонахождения находки среднепалеолитического облика залегают в переотложенном состоянии (Воскресенская и др., 2011). Отдельности сырья и костный матери-

ал здесь сопряжены с базальным горизонтом руслового аллювия, который прослежен в сериях расчисток и обнажений подмываемого берега на уровне 4–7 м над урезом Десны. Базальный горизонт аллювия залегает непосредственно на уходящих под урез Десны коренных глауконитовых песках сеноманского яруса меловой системы. Меандрирование и врезание русла реки на этапах заселения человеком среднего палеолита участков в пределах днища долины «провоцировало» переотложение культурных слоев и экспонирование находок в базальном горизонте аллювия. В аллювиальных осадках, запечатывающих горизонт с находками, выделяются отложения русловой, старичной и пойменных фаций, что также свидетельствует о неоднократных изменениях в конфигурации русла. Аллювиальные свиты перекрываются субэральской серией лессово-почвенных отложений второй половины позднего плейстоцена.

На «верхних», расположенных выше по течению Десны участках памятника накопление ритмично-слоистой толщи, вмещающей разновременные горизонты с находками среднего палеолита, происходило в тыловой части поймы при участии постоянного приноса материала со склона. Здесь были зафиксированы четыре среднепалеолитических

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 14-06-00380А, 14-06-00139А.

культуросодержащих горизонта (КГС). Нижний из них (КСГ-4) также связан с базальным горизонтом аллювия. Третий и четвертый КСГ разделены сизовато-серыми горизонтально слоистыми песками и алевритами пойменной фации аллювиального осадконакопления. Второй и третий КГС связаны с уровнями слабо развитых пойменных погребенных почв. Верхний из почвенных уровней, с которым связан КСГ-1, несет характерные следы деформаций и смещения под действием склоново-криотурбационных процессов. Формирование данных почвенных уровней, происходило, по-видимому, на протяжении первой половины средневалдайского интерстадиала, о чем свидетельствуют радиоуглеродные датировки материала из КСГ-1 и КСГ-2, которые укладываются в диапазон от 49 до 42 тыс. Верхняя погребенная почва с резким контактом перекрывается тонкослоистыми алевритами, источником для формирования которых, судя по гранулометрическому составу, являлись поздневалдайские лессовидные супеси (Ocherednoi et al., 2014).

Позднепалеолитические стоянки Хотылёво-6 и Хотылёво-2, культурные слои которых связаны с лессово-почвенно-криогенной формой второй половины позднего плейстоцена, в современном рельефе занимают сходную позицию. Оба памятника расположены на расстоянии около 200 м друг от друга на противоположных мысовых выступах в приустьевой части крупной балки. Несмотря на сходство в положении памятников в рельефе, в строении отложений, подстилающих и вмещающих культурные слои, прослеживается ряд существенных различий. Нижний палеолитический культурный слой стоянки Хотылёво-6, который стадийно может быть отнесен к ранней поре верхнего палеолита, залегает в деформированном криотурбационными процессами гумусовом горизонте погребенной почвы, которую по комплексу морфологических признаков мы относим к брянской (средневалдайской) ископаемой почве (Воскресенская, Гаврилов, 2008). Формирование данного горизонта, согласно радиоуглеродным датировкам по органическому веществу из гумусового горизонта, происходило в интервале от 24 до 29 тыс. л.н. (Морозова, 1981). Почва сформирована на мощных

слоистых среднезернистых песчаных отложениях с прослоями алевритов, содержащих гравий и гальку дальнепринесенных пород, обломки мергеля, мела и кремневых конкреций. Данные отложения сопоставляются нами с флювиогляциальными отложениями среднеплейстоценового возраста.

Территория, занимаемая памятником восточного граветта Хотылёво-2, достаточно обширна, культурный слой зафиксирован в четырех пунктах, получивших обозначения в буквах славянского алфавита от А до Г и приуроченных к центральной и западной частям мыса. В прибортовой части толща позднеплейстоценовых отложений, вмещающих культурный слой, залегает непосредственно на выветрелых мергелисто-меловых отложениях. В основании разрезов прослеживаются буровато-коричневые и серые суглинки с включениями меловой крошки и кремневых обломков, представляющие собой переотложенный с более высоких уровней материал мезинской и брянской палеопочв. Культурный слой памятника залегает в основании деснинского лессового горизонта и связан с уровнем слабо развитого почвообразования. Возраст культурного слоя по сериям радиоуглеродных датировок укладывается в диапазон 21–24 тыс. л.н (Гаврилов, 2008). Горизонты инициального почвообразования в лессовидных супесях поздневалдайского возраста отмечают различные по протяженности этапы снижения скорости лессовой аккумуляции или незначительного смягчения климатических условий, на завершающей фазе развития которых возобновлялись процессы лессонакопления и мерзлотного растрескивания.

В процессе построения палеогеографических реконструкций часто приходится сталкиваться с тем, что те элементы рельефа, которые были заняты стоянками, не всегда находят прямое отражение в современном рельефе. Или же памятники, занимающие сходные позиции в современном рельефе, имеют кардинальные различия в составе и строении вмещающих культурные слои отложений. Проводимые нами комплексные геоархеологические исследования стоянок Хотылёвской группы позволили получить адекватные данные о характере палеорельефа, возрасте и фациальных соотношениях покровных и

аллювиальных отложений, вмещающих культурные слои и горизонты палеолитических находок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Зюганова И.С., Новенко Е.Ю., Очередной А.К. Новые данные об условиях формирования и возрасте отложений среднепалеолитического памятника Хотылёво I (бассейн р. Десна) // Мат-лы 7-го Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода «Квартер во всем его многообразии: фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» / Отв. ред. О.П. Корсакова, В.В. Колька. Апатиты: Геологический ин-т КНЦ РАН, 2011. С. 116–119.

Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н. Ранний верхний палеолит в окрестностях с. Хотылёво // Деснинские древности. Вып. V. Брянск, 2008. С. 40–49.

Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво-2. М.: Таус, 2008. 256 с.

Морозова Т.Д. Развитие почвенного покрова Европы в позднем плейстоцене. М.: Наука, 1981. 281 с.

Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L. New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): Some preliminary results // Quaternary International. 2014. Vol. 236–237. P. 250–260.

ПЕРЕРАБОТКА БЕРЕГОВ В ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЕ КРУПНЫХ ВОДОХРАНИЛИЩ КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ БЛИЗ СЕЛА ИЗМЕРИ СПАССКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

© 2014 г. И.И. Гайнуллин¹, Б.М. Усманов², П.В. Хомяков²

¹Институт археологии АН РТ, Казань
(ihigh@mail.ru)

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
(BUsmanof@kpfu.ru; Peter.Khomiyakov@ksu.ru)

Ключевые слова: геоморфология, опасные экзогенные процессы, Куйбышевское водохранилище, геоинформационные системы, разрушающиеся памятники археологии, городище Девичий городок, тахеометрическая съемка, ГНСС-технологии.

Резюме. В докладе представлены результаты исследований 2012–2014 гг., проведенных на участке берега близ с. Измери Спасского р-на Республики Татарстан. Использован комплексный подход к изучению разрушающихся под воздействием негативных экзогенных процессов памятников археологии, включающий в себя как ландшафтные, так и археологические методы исследования, а также привлечение данных полевых наблюдений прошлых лет, материалов дистанционного зондирования и возможностей геоинформационных систем. В результате была собрана наиболее полная информация о ситуации, сложившейся на участке берега у с. Измери с момента создания Куйбышевского водохранилища. Авторами были получены данные об интенсивности разрушения берега и приуроченных к нему памятников археологии на различных стадиях формирования водохранилища. Организованы наблюдательные участки для проведения ежегодных мониторинговых исследований с применением высокоточной инструментальной съемки, что позволит спрогнозировать течение опасных экзогенных процессов, выявить приоритетные участки для более детального изучения и проведения срочных охранно-спасательных археологических работ.

Ввод в эксплуатацию Куйбышевского водохранилища (1957 г.) привел к радикальному изменению ландшафта Республики Татарстан (Динамика ..., 1991). Результатом создания водохранилища стало ежегодное разрушение берегов и необратимое изъятие из землепользования прибрежных территорий, что повлекло за собой интенсивное уничтожение памятников археологии, оказавшихся в зоне активных береговых процессов.

Разрушительному действию Куйбышевского водохранилища подвергаются памятники археологии, расположенные на береговой линии в зоне негативных экзогенных процессов. Часть из них безвозвратно утрачена в результате затопления, часть продолжает интенсивно разрушаться.

Особый интерес представляет участок берега Куйбышевского водохранилища протяженностью 18 км в районе с. Измери, наиболее плотно насыщенный разновременными археологическими объектами и характеризующийся высокой интенсивностью абразионных процессов. Многие памятники были описаны до создания водохранилища, и населенные пункты, к которым они привязывались на момент обнаружения, уничтожены. На сегодняшний день данные о состоянии береговой линии, местоположении и степени сохранности сопряженных памятников археологии в значительной мере устарели, нуждаются в существенной корректировке и обновлении; назрела необходимость в регулярном получении актуальной информации о происходящих в этом районе процессах.

До начала полевых работ был проведен анализ карт второй половины XIX – первой половины XX в. для оценки степени изменения ландшафта в районе проводимых исследований в результате создания Куйбышевского водохранилища (Гайнуллин и др., 2012. С. 107). Особо актуальны полученные данные для уже уничтоженных памятников археологии, как, например, городище Девичий городок, которое к 1986 г. уже было полностью разрушено (Археологическая карта ..., 1986).

В 2012–2013 гг. авторами были проведены комплексные исследования береговой линии у с. Измери с целью получения оперативных данных о современном состоянии археологических памятников в зонах интенсивных

берегоформирующих процессов, определении точного местоположения археологических объектов и пр. Длина наблюдательных участков: в районе разрушенного городища Девичий городок и селища Девичий городок I – 600 м; в районе Измерского селища – 300 м. Поверхность участка в местах установки реперов задернована. Проективное покрытие луговой растительности составляет 90–95%. Берег на изучаемом участке абразионно-обвального типа, сложен толщей лессовидных суглинков глыбистой структуры, с многочисленными вертикальными трещинами, возникающими в процессе набухания и усадки суглинков. Сильно изрезан, имеет характерный клифовый уступ крутизной до 90° и высотой до 7–9 м.

Исследования включали натурную съемку береговой линии, камеральную обработку и подготовку ГИС.

В целях получения достоверной морфометрической информации о динамике берега, механизме его формирования и методах снижения негативного воздействия был проведен следующий комплекс работ.

1. Закладка восьми грунтовых реперов на двух фрагментах береговой линии, где интенсивно идет разрушение памятников археологии.

2. Топографическая съемка ситуации. Реперы представляют собой вбитый колышек, проведена окопка репера в виде квадрата со стороной 0,5 м и глубиной 0,1 м. Координаты реперов фиксировались тахеометром в условной системе координат, а также с помощью GNSS-приемника Trimble Geoplotter 6000 GeoXH в системе координат WGS84 с точностью в плане 10 см для последующего пересчета результатов тахеометрической съемки. С помощью системы реперов при повторной съемке осуществлялась привязка к системе координат исследуемого участка методом обратной засечки.

Основным методом организации наблюдательных участков для мониторинга береговых процессов являлись топографо-геодезические работы, выполненные с помощью тахеометра Trimble M3 и вехи с призмой; в результате был получен план местности с изображением ситуации. Записи результатов измерений производились в электронный носитель инфор-

мации тахеометра с последующей обработкой в ГИС MapInfo Professional. Абрисы съемки выполнены с нумерацией пикетов.

Открывая итоговый файл в ГИС, мы получили изображение береговой линии исследуемого участка и четырех реперов. Далее, с использованием координат реперов, получен-

ных с помощью GNSS-приемника Geoexplorer 6000 XH, полученная схема переводилась в систему координат WGS84. Точность пересчета составила 2 см.

По результатам тахеометрической съемки составлялись карты-схемы исследуемых участков (рис. 1, 2).

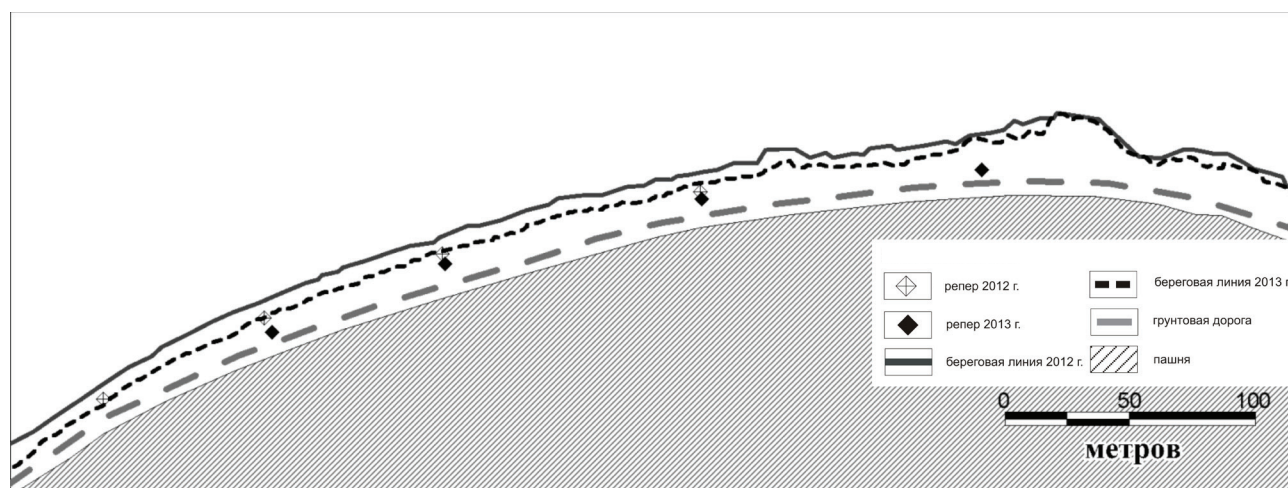

Рис. 1. Карта-схема смещения береговой линии в районе разрушенного городища Девичий городок и селища Девичий городок I.

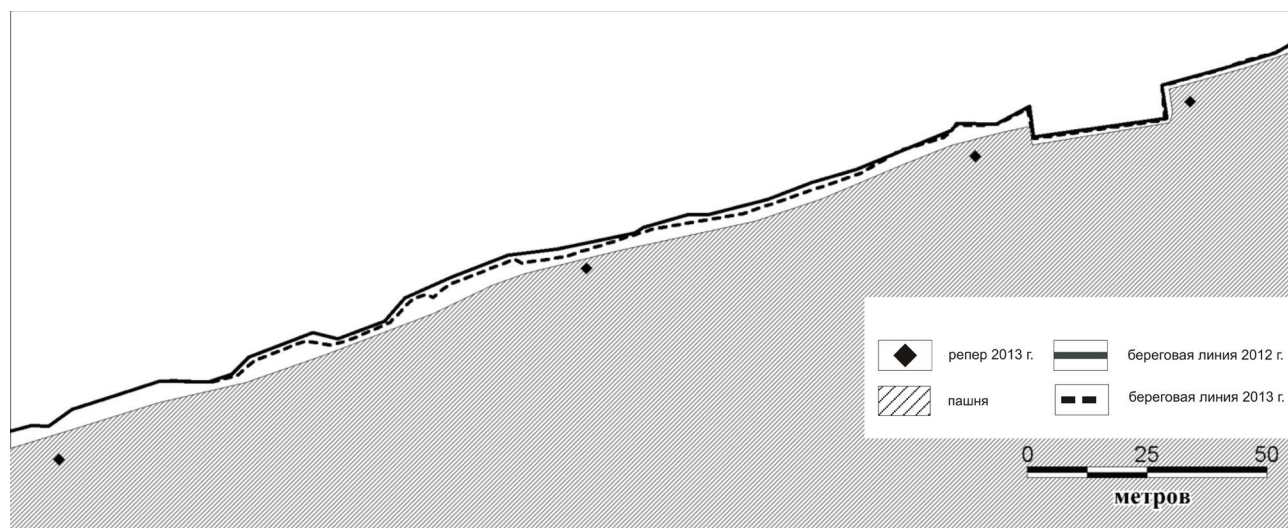

Рис. 2. Карта-схема смещения береговой линии в районе Измерского селища.

Комплексный подход, включающий в себя как ландшафтные, так и археологические методы исследования, а также использование данных полевых наблюдений прошлых лет и возможностей геоинформационных систем, позволил собрать актуальную информацию о

ситуации, сложившейся на участке берега у с. Измери.

В результате проведенных исследований были получены данные об интенсивности разрушения берега на исследуемых участках и приуроченных к нему памятников археологии. Здесь на протяжении почти 6 км

сформировался берег абразионно-обвального типа. Интенсивность береговых процессов чрезвычайно высока. Анализ инструментальной съемки показал, что интенсивность береговых процессов на первом участке (см. рис. 1) чрезвычайно высока и отступление бровки составляет 3–8 м в год. В результате репер № 1, заложенный в 2012 г., был смыт, репер № 2 практически уничтожен, поэтому в 2013 г. система реперов была обновлена. В то же время на втором участке (рис. 2), скорость разрушения берега в среднем составляет 0,5 м в год, не превышая на отдельных фрагментах береговой линии 2 м в год. Согласно типизации берегов водохранилищ по степени опасности развития процесса их переработки (Природные опасности ..., 2002), береговую полосу первого участка необходимо отнести к весьма опасному типу (от 3 до 10 м в год), а второго – к умеренному типу (0,5–1,2 м в год).

Организованы наблюдательные участки для проведения ежегодных мониторинговых исследований с применением высокоточ-

ной инструментальной съемки, что позволит спрогнозировать течение опасных экзогенных процессов, выявить приоритетные участки для более детального изучения и проведения срочных охранно-спасательных археологических работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань, 1986. С. 63–64.

Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдииков А.Г., Усманов Б.М. Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 107–122.

Динамика ландшафтов в зоне влияния Куйбышевского водохранилища / Отв. ред. В.Г. Беспалый, В.М. Фирсенкова. СПб.: Наука, 1991. 224 с.

Природные опасности России. Экзогенные геологические опасности / Под. ред. В.М. Кутепова, А.И. Шеко. М.: КРУК, 2002. 348 с.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕГО ОРОШЕНИЯ АНТРОПОГЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ В ДОЛИНЕ ГОРНЫХ САЕВ САМАРКАНДСКОГО СОГДА¹

© 2014 г. З.С. Галиева

*Государственный музей Востока, Москва
(zamiragalieva@gmail.com)*

Ключевые слова: аэрометоды, дешифрирование аэрофотоснимков, археология, антропогенный ландшафт, ирригационные системы, орошение, поливное земледелие, богарное земледелие, динамика развития.

Резюме. На территории Пастдаргомского р-на, к юго-западу от Самарканда в междуречье Агалык-сая, Капаккульсая, Тепакульсая, Сазагансая, в зоне интенсивного сельскохозяйственного освоения сохранились разнообразные археологические памятники. Изучение специфики их водоснабжения базировалось на аэрометодах, разработанных в воздушной археологии, методах специального и аналитического дешифрирования аэрофотоснимков, данных археологии и разведок, полевых исследований и картографирования. В результате комплексных исследований было установлено, что становление и развитие ирригационного орошения в междуречье Тепакульсая и Сазагансая происходило на протяжении трех периодов с середины I тыс. до н.э. и до начала VIII в. н.э.

¹ Исследования выполнены в рамках проекта РГНФ № 12-01-00152.

В долине среднего течения Зеравшана, в левобережье его южного рукава – Карадарьи, располагается Самаркандская обл., некогда входившая в один из древнейших историко-культурных регионов Средней Азии – Согдиану.

Наши исследования были сосредоточены на землях Пастдаргомского р-на, расположенного к западу, юго-западу от Самарканда. Физико-географические условия региона повлияли на сложение и развитие природно-хозяйственных зон. Так, зона орошаемых земель расположена на севере, вдоль левого берега Карадарьи. Степная – на западе – включает Придаргомскую степь, плавно поднимающуюся с севера на юг к склонам Зеравшанского хребта и протянувшуюся до предгорий хребта Каратау на границе Кашкадарьинской обл. Предгорно-равнинная зона Зеравшанского хребта изрезана руслами Агалыксая, Капаккульсая, Тепакульсая, Сазагансая.

В зависимости от природно-климатических условий и хозяйственной деятельности человека в регионе сложились антропогенные ландшафты с широко развитым орошаемым и богарным земледелием. В процессе многовекового освоения, систематического орошения сформировались особые оазисно-культурные типы почв с погребенным антропогенным ландшафтом, сформированным агроирригационными наносами и мощными антропогенными слоями (Абдулкасимов, 1983. С. 82–85, 102–103).

Археологические исследования в Пастдаргомском р-не установили, что история освоения человеком междуречья саев начинается с палеолита. В неолите регион становится контактной зоной для земледельческих и степных культур, где появляются древнеземледельческие оазисы, базирующиеся на водных ресурсах горных рек и подземных источников (Аванесова, 2010. С. 334–359; Джаракулов, Мамедов, 1986. С. 68–101).

В настоящее время в антропогенном ландшафте сохранились разнообразные и разновременные археологические памятники. Поскольку регион входит в сельскохозяйственную зону и земли интенсивно распахиваются под поливное и богарное земледелие, то найти и изучить в ландшафте древние оросительные системы не представлялось

возможным. Только благодаря материалам государственной аэрофотосъемки 1973 г. (М 1:12 000, М 1:36 000; М 1:39 000); данным карт 1950–1960-х, 1970-х гг. (М 1:100 000); разведок Среднеазиатской экспедиции Государственного музея Востока в 1985–1991 гг. и полевых исследований 2012–2013 гг. удалось реконструировать древние ирригационные системы, изучить зональные особенности техники орошения.

Было проведено специальное и аналитическое дешифрирование аэрофотоснимков. В процессе гидрологического дешифрирования все выявленные древние естественные и искусственные водные системы были систематизированы и сгруппированы в блоки эталонных изображений (Галиева, 2012). В ходе аналитического дешифрирования с использованием аэрометодов воздушной археологии, данных археологических исследований, топографии антропогенных ландшафтов были изучены специфика и динамика развития ирригационного орошения в междуречье Тепакульсая и Сазагансая на протяжении трех периодов: 1) IV–II вв. до н.э.; 2) I в. до н.э. – I в. н.э.; 3) I–II вв. – начало VIII в. н.э.

В течение первого периода в междуречье Сазагансая и Тепакульсая действует ирригационная система (Теп. 2а, б/1,2). Возможно, в конце IV–III вв. до н.э. ее расширяют, удлиняя на запад магистральный канал, из которого выводится серия меридиональных отводов (Теп. 2а, б/2,2). На западе, очевидно, в III–I вв. до н.э. начинает функционировать ирригационная система, выведенная из рукава Сазагансая (Саз. 1а/2). Это каналы меридионального направления, проложенные с юга на север, и широтный канал Саз. 2б/1, подступающий на востоке к ирригационной сети Тепакульсая (Теп. 2а/2).

Во втором периоде (I в. до н.э. – I в. н.э.) каналы становятся уже и протяженнее, но меридиональные отводы продолжают прокладываться из широтного магистрального канала под прямым углом, как у Саз. 2б/1. При этом ирригационные системы обновлялись, расширялись, со временем спрямленные русла каналов становились извилистыми, и к раннему средневековью (третий период) в регионе преобладают протяженные узкие магистральные каналы с разветвленной сетью боковых

ответвлений. Благодаря новым ирригационным системам увеличивается полезная поливная площадь для орошаемого земледелия.

Благоприятные физико-географические условия Пастдаргомского р-на, наличие гор, предгорных равнин, долин, пастбищных земель, вод саев и их временных протоков способствовали его освоению с древности. В предгорье земли по берегам Сазаганся обжигались с палеолита до развитого неолита, о чем свидетельствуют раскопанные стоянки Сазаган-1, -2 и более 20 мест пребывания человека (Джаракулов, Мамедов, 1986. С. 68–69). На берегу одного из старых русел Сазаганся было исследовано погребение эпохи бронзы (Аванесова, 2010. С. 337–339).

В дальнейшем, по данным археологического мониторинга, в середине I тыс. до н.э. на равнине по берегам саев вокруг поселений располагаются антропогенные ландшафты (Иневаткина, 2010). Со временем (эллинистический период) не только у саев, но и по берегам магистральных каналов и отводов возводятся крепости, расширяются границы поливных земель. Совершенствуется техника орошения, складываются специфические локальные традиции ирригационного орошения: сай – широтный магистральный канал (восток-запад) – распределительный гидроузел – меридиональные каналы-отводы – сброс

в широтный Олдынсай. Аналогичной схемы ирригационного орошения в междуречье Сазаганся и Тепакулься придерживаются современные земледельцы, используя воды широтного магистрального канала «Прогресс» и орошая земли с помощью сети меридиональных отводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулкасимов А. Проблемы изучения межгорно-котловинных ландшафтов Средней Азии. Ташкент: Фан, 1983. 125 с.

Аванесова Н.А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Тр. Маргианской археол. экспедиции / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб.: Алетейя, 2010. С. 334–363.

Галиева З.С. Древние оросительные системы Согдианы в антропогенном ландшафте. (Методы реконструкций) // Археология и геоинформатика. Вып. 7. М.: АГИС, 2012.

Джаракулов М.Д., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зеравшана. Ташкент: Укутувчи, 1986. 137 с.

Иневаткина О.Н. Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы // Материальная культура Востока. Вып. 5 / Науч. ред. Л.М. Носкова. М., 2010. С. 6–26.

ИЗУЧЕНИЕ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ РЫБ И ПТИЦ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ДРЕВНИХ ГОРОДОВ БИЛЯР, БОЛГАР И СВИЯЖСК

© 2014 г. Д.Н. Галимова, И.В. Аськеев, О.В. Аськеев

*Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, Казань
(archaeozoologist@yandex.ru)*

Ключевые слова: Биляр, Болгар, Свияжск, костные остатки рыб и птиц.

Резюме. Приводятся результаты исследования костных остатков рыб и птиц из древних городов Среднего Поволжья – Биляр, Болгар и Свияжск. Показано, что каждый город имел свою специфику, выраженную в различном количественном и качественном соотношении и в распределении остатков рыб и птиц. Использование рыб и птиц наглядно демонстрирует характерные особенности социально-экономического статуса исследованных городов.

В данной работе рассматривается археозологический материал (остатки рыб и птиц) из трех археологических памятников с территории Республики Татарстан – Биляр (X – начало XIII в.), Болгар (вторая половина XIII – XIV в.) и Свияжск (XVII в.).

Коллекция из Биляра представлена материалами раскопок 1986, 1988, 1989, 2002, 2009 гг. Коллекция из Болгара относится к раскопкам 1985–1986 и 2002 гг. Остатки рыб и птиц Свияжска изучены из раскопок 2010 и 2013 гг. Обработка материала произведена с использованием стандартных методов исследования остатков рыб и птиц из археологических памятников (Serjeantson, 2009. P. 1–418; Аськеев И.В., Галимова, Аськеев О.В., 2013а. С. 1014–1015; 2013б. С. 118).

Костные остатки рыб насчитывают: из Биляра – 63 экз., относящихся к 9 видам, из Болгара – 170 экз., относящихся к 14 видам, из Свияжска – 1 728 экз., из которых до вида было определено 1 425 экз. костных остатков, относящихся к 31 виду рыб. Также при археологических раскопках Биляра и Свияжска были обнаружены скопления чешуи рыб. Кости птиц насчитывают: в Биляре – 105 экз., диагностировано 9 видов, в Болгаре – 213 экз. костей, принадлежащих к 20 видам, в Свияжске – 47 экз. костей, относящихся к 10 видам. В Биляре остатки рыб немногочисленны. Преобладали по количеству костей крупные виды рыб (92,1%) – русский

осетр, севрюга, стерлядь, судак, сом, каспийский лосось. Это указывает на предпочтительные жителями крупноразмерных привозных видов. Рыба не играла значительной роли в питании населения. Небольшое количество остатков рыб является общей тенденцией для данного поселения (Петренко, 2007. С. 114. Табл. 42) и связано с географической удаленностью Биляра от крупных рек – Волги и Камы. В Болгаре относительное количество костей рыб больше. Это также показано для остеологических коллекций из Болгара, изученных ранее (Он же, 1978. С. 230–231. Табл. 1). Преобладали осетровые рыбы (56,5%) – русский осетр, стерлядь, севрюга, белуга. Обычными являлись остатки обыкновенного судака (11,8%), сома (7%), щуки (2,3%) и карповых рыб (21,8%) – леща, сазана, плотвы, кутума, синца, язя. Большее количество остатков рыб в Болгаре объясняется близостью р. Волги и возможностью вести круглогодичный промысел, часть которого отправлялась на нужды населения. Преобладание крупноразмерных рыб связано, прежде всего, с избирательностью в потребление жителями Болгара крупноразмерных и наиболее ценных видов рыб. По сравнению с Биляром и Болгаром количество костей и видовой состав рыб в Свияжске были весьма разнообразны. Преобладали карповые рыбы как по количеству (47%), так и по видовому составу – 18 видов: наибольшее количество костных остат-

ков принадлежало лещу (7,1%), густере (3,6%) и плотве (2,7%). На втором месте по количеству костных остатков осетровые рыбы (21%) – русский осетр, стерлядь, севрюга и белуга. Также присутствовали костные остатки сома (0,6%), щуки (3,1%), белорыбицы (0,2%), каспийского лосося (0,05%), окуня (2,7%), судака (3%), берша (0,1%), черноспинки (0,1%). Свияжск – первый русский город на территории Волжско-Камского края с монастырями и обширными монастырскими землевладениями, в которые входили и рыболовные угодья (Документы ..., 1990. С. 60, 85, 87). Основная часть рыбы была добыта на рыболовных угодьях Свияжских монастырей на реках Волге, Свияге, пойменных водоемах вокруг Свияжска. По костным остаткам и скоплениям чешуи можно заключить, что мелкоразмерную рыбу использовали непосредственно в качестве приправы к разным блюдам, а также для топки жира и изготовления рыбьего клея. Об этом говорит как видовой состав (чехонь, сельдь-черноспинка, синец, укля, ерш и др.) исследуемой ихтиофауны, так и особенности скопления и захоронения остатков рыб. Специфика потребления рыбы населением Свияжска определялась этно-религиозным и социальным составом. В связи с преобладанием христианского населения и наличием монастырей в период многочисленных религиозных постов рыба являлась главной животной пищей, с чем и связано наличие такого большого разнообразия костных остатков рыб.

Анализ костных остатков птиц показал, что птицы играли достаточно важную роль в жизни средневекового населения Биляра и Болгара. В Свияжске роль птиц была незначительной по сравнению с использованием рыб. Во всех трех городах по количеству костных остатков преобладали остатки домашних видов – кур, гусей и уток. По количеству костных остатков преобладала домашняя курица (Биляр – 67,6%, Болгар – 50,2%, Свияжск – 44,7%) и домашний гусь (Биляр – 4,8%, Болгар – 20,2%, Свияжск – 21,3%). Восстановленные размеры домашних кур Биляра и Болгара, на основе измерений костей, показали их сходство. Основная часть кур принадлежала к среднему «породному типу» (Аськеев И.В., Галимова, Аськеев О.В., 2013б. С. 123). Отмечены отдельные кости от мелких и крупных

экземпляров домашних кур, сходных с размерами современных пород. Многообразие размеров указывает на развитое птицеводство и использование населением данных городов ресурсов домашних птиц своих округов. Небольшое количество костей домашних кур и гусей в Свияжске не позволило произвести восстановление размерных типов. Большое количество костных остатков домашнего гуся (в основном молодые – 70%) в Болгаре говорит о доминировании мясного использования данного вида. Костные остатки, несомненно принадлежащие домашней утке, были единичны в Биляре и Болгаре. В Свияжске относительное количество домашней утки составляло 8,5% от всех диагностированных костей птиц. Костные остатки диких птиц были представлены в Биляре 6 видами, в Болгаре 17 видами и в Свияжске 7 видами. Билярская коллекция диких видов птиц интересна присутствием разнообразных костей серого журавля и дневных хищных птиц – орлана-белохвоста, беркута, черного коршуна, ястреба-перепелятника и большого подорлика. В Болгаре было диагностировано большое количество костей от водно-болотных видов птиц (12 видов): преобладали представители из отряда гусеобразных (8 видов) – от мелких видов уток (свистунок) до крупных видов (лебедь-кликун). Довольно обычны в Болгаре и кости тетеревиных птиц (глухарь и тетерев). Интерес вызывает находка скелета ястреба-тетеревятника, принадлежащего крупной взрослой самке, что говорит об использовании ее в качестве ловчей птицы (Аськеев И.В., Галимова, Аськеев О.В., 2013б. С. 135. Рис. 8). Дикие виды птиц Свияжска представлены небольшим количеством костей в основном водоплавающих птиц – свистунок, большая чомга, серая утка. Диагностированы остатки синантропных видов – сороки и сизого голубя. По качественному и количественному составу птиц данных древних городских поселений можно сказать, что наличие диких птиц действительно подтверждают их социальный и экономический статус как больших городских поселений. Это демонстрируется многогранностью использования диких птиц и особенностями их появления и захоронения на данных поселениях в качестве охотничьих трофеев, ловчих птиц, и возможным

содержанием птиц в специальных авиариях, а также присутствием синантропных видов. В действительности, использование диких птиц в качестве охотничьих трофеев было частым в Болгаре, значительно меньше оно отмечено в Свяжске и Биляре. Также наличие синантропных видов птиц на поселениях может в целом характеризовать и статус поселения (Аськеев И.В., Галимова, Аськеев О.В., 2013б. С. 136).

Биляр, Болгар и Свяжск имели высокий экономический и культурный статус городских поселений с разными социальными слоями населения и их потребностями в ресурсах, развитыми торговыми связями и большой аккумулятивной способностью. Изучение археозоологических материалов по птицам и рыбам может значительно дополнить характеристику городской жизни на определенном этапе развития общества и культуры на данной территории. Исследования костей рыб и птиц несут в себе значительную информацию о социально-экономическом статусе и значении различных групп животных в жизни древних поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Ихтиофауна позднего голоцена Средневожского бассейна (по материалам археологических раскопок) // Зоологический журнал. 2013а. Т. 92; Вып. 9. С. 1014–1030.

Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Поволжская археология. 2013б. № 3 (5). С. 116–144.

Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 206 с.

Петренко А.Г. Фауна древнего города Болгара // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 228–234.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 144 с. (Сер. «Археология евразийских степей»; Вып. 3).

Serjeantson D. Birds. Cambridge Manuals in Archaeology. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2009. 512 p.

ЛОКАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ЗАБОЛОТСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛИГОНА И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВРЕМЕНИ

© 2014 г. Р.Г. Грачева¹, А.Н. Сорокин²

¹Институт географии РАН, Москва
(gracheva04@list.ru)

²Институт археологии РАН, Москва
(ansorokin@rambler.ru)

Ключевые слова: Верхневожская задровая равнина, Дубнинская низина, Монино-2, Замостье-5, палеопочвы, локальные ландшафты, палеогидрологические процессы, поздний плейстоцен, голоцен.

Резюме. Представлены результаты реконструкции локальных ландшафтов Заболотского геоархеологического полигона, в пределах которого находятся многослойные стратифицированные стоянки-могильники Монино-2 и Замостье-5. Выявлены изменения растительных покровов, рельефа и почв в течение голоцена, начиная с позднепоследнего периода и заканчивая формированием торфяника около 730–640 ¹⁴C BP; показаны различия в формировании палеопочв на повышениях и понижениях

ях палеорельефа. Применен комплекс геоархеологических методов, позволивших выявить пространственную и временную динамику палеогидрологических процессов, принципиально меняющих облик природной среды и хозяйственную активность населения в условиях низменных зандровых равнин. Особо выделены периоды обводнений территории, отмечаемые радиоуглеродными датами около 6 и 2,6 тыс. л.н.

В 1984–2008 гг. в южной части Верхневожской зандровой равнины, в озерно-болотных отложениях Дубнинской низины, в акватории Заболотского палеоозера Институтом археологии РАН была обнаружена и исследована серия многослойных стратифицированных геоархеологических объектов. Наиболее значимые результаты были получены при комплексном полевом изучении стоянок-могильников Минино-2 и Замостье-5. Целью настоящего исследования явилась реконструкция изменений ландшафтов полигона, отразивших региональные изменения природной среды в голоцене. Особое внимание уделялось выявлению изменений палеогидрологических режимов, принципиально меняющих ход природных процессов и хозяйственную активность населения в условиях низменных зандровых равнин.

Верхневолжская низменность является частью обширного пояса приледниковых равнин Европы, «записавших» в ландшафтах, почвах и археологических памятниках природные изменения и историческую летопись поздне- и постледникового времени. Дубнинская низина – это древняя долина стока талых ледниковых вод краевых зон оледенений, бывшая когда-то днищем озера, чьим реликтом является озеро Заболотское, в свою очередь, реликт приледникового валдайского Тверского палеоозера.

Исследованы стоянки-могильники Минино-2 и Замостье-5, а также более 20 почвенных шурфов и несколько зачисток береговых обнажений. Проведена топографическая съемка, сопровождавшаяся бурением вдоль трансект общей протяженностью более 3 тыс. м. Выполнены спорово-пыльцевые анализы, комплексный биологический анализ (наиболее информативный в случае озерно-болотных отложений), радиоуглеродное датирование взятых образцов, а также физико-химические исследования почв и седиментов.

Представление об археологическом содержании памятников Заболотского торфяника

дают культурные слои стоянки-могильника Замостье-5, где выделено не менее девяти культурных слоев. Самый древний слой с находками рессетинской культуры относится к рубежу плейстоцена – голоцена, верхний, с находками фатьяновской культуры – к эпохе бронзы и датирован суббореальным временем. Кроме того, здесь представлены слои эпохи энеолита (волосовская культура), неолита (льяловская и верхневолжская культуры) и мезолита – заднепилевская культура (Сидоров, Сорокин, 1998). Погребения и ямы, заполнение которых позволяет связывать их с кенотафами, а также вскрытая деревянная конструкция иллюстрируют информативное богатство памятников Минино-2 и Замостье-5 (Vanderberghe, Gracheva, Sorokin, 2010; Сорокин, 2013). В результате исследований была зафиксирована поверхность погребенных озерных отложений, определен ряд последующих дневных поверхностей, реконструированы процессы почвообразования и обводнения-обсыхания.

Вдоль трансекты (2 км) прослежена погребенная поверхность, сложенная озерными суглинками. Даже с учетом последующего сглаживания в субэральных условиях, исходный рельеф днища озера был значительно более расчлененным, чем современная поверхность. Относительные превышения на расстоянии 50–100 м достигают 3 м и более. Погребенная поверхность лежит несогласно современной: она имеет уклон к руслу р. Дубны. Палеоповышения прослеживаются в виде современных суходольных поверхностей, палеопонижения слабо или практически не выражены в современном рельефе.

Проследим историю формирования локальных ландшафтов – смену растительных покровов, осадконакопления, почвообразования и палеогидрологических процессов, основываясь на данных комплексного исследования.

Обсыхание днища Заболотского палеоозера началось не позднее 10 330 ¹⁴C BP (кали-

брованный возраст 12 000–12 200 тыс. л.н.) и было связано с концом относительно безлесного холодного позднепоследникового периода (поздний дриас – пребореал). Заселение территории населением рессетинской культуры шло непосредственно вслед за обмелением озера и достоверно относится к финальному палеолиту, о чем свидетельствует возраст (10 200–10 550 л.н.) первого обитателя Заболотского палеоозера, установленный изотопно-кислородным методом (Среда обитания..., 2002).

На озерных алевритовых суглинках формируются первоначальные карбонатные почвы, сохранившие под органомным горизонтом палевые, оливково-серые и голубоватые тона озерных суглинков и содержащие финально-палеолитические (рессетинская культура) и раннемезолитические (заднепилевская культура) находки. Аналоги этих почв-эмбрионов в настоящее время могут развиваться на молодых моренах в горно-ледниковых районах, на низменных приморских холодных равнинах, там, где процессы дегидратации и оксидогенеза железа еще не привели к устойчиво бурой окраске почвенного материала.

На дневной поверхности оказался сильно расчлененный микро- и мезорельеф, отражавший русловые желоба, донные прибрежные гряды и отмели. Ненарушенная поверхность почвы была покрыта черным органическим детритом. В обнажениях, оползнях, на склонах со смытым органическим покровом, в ямах выступали серо-голубые, серо-оливковые или палевые суглинки. Человек жил в ландшафте с цветовой гаммой, где преобладали холодные светлые тона, вместо привычных нам бурых оттенков открытой почвы. Карбонатность минерального субстрата определяла принципиально иной тип геохимического ландшафта и миграций элементов: это был щелочной ландшафт с водами, богатыми кальцием и обедненными органическим веществом и железом.

С пребореала до начала атлантического периода (ок. 9 900–7 760 ^{14}C ВР) идет постепенное облесение территории, расширяются лесные массивы, протекают процессы выщелачивания почв, более интенсивные на дренированных повышениях, замедленные в понижениях рельефа. Территория постепен-

но осваивается. К этому времени приурочены погребения, ямы-кенотафы и хозяйственные ямы, многочисленные мезолитические находки (заднепилевская культура). Радиоуглеродный возраст нижней части палеопочвы – 9 900 ^{14}C ВР – можно связать с половецким потеплением пребореала.

В период 7 760–5 950 ^{14}C ВР (атлантическое время) на повышенных хорошо дренируемых элементах рельефа развиты лесные массивы, преимущественно сосновые. Почвы содержат макроостатки высших растений, обилие археологических находок, скоплений чешуи рыб (кухонные кучи). Толщу палеопочвы (культурного слоя) нарушают погребальные ямы, пронизанные трещинной сетью, сформированной позднее времени захоронения и являющейся индикатором контрастного температурного и водного режима сезонов. Для этих местоположений характерны сухие условия, комфортные для жизни.

В отложениях конца атлантического периода обнаружены остатки водных организмов и прибрежноводных высших растений: индикаторов обводнения, приведшего к затоплению березового и ольхового леса и аккумуляции торфа в понижениях рельефа. Для стоянок Берендеева озера отмечено, что примерно 6 000 л.н. началось сокращение озерного водоема и заболачивание его окрестностей (Хотинский, 1977). По нашим данным, не позднее 5 950 ^{14}C ВР тоже начинается формирование торфа в понижениях рельефа, однако не вследствие зарастания озера, а в результате прогрессирующего обводнения территории. На повышениях рельефа продолжается процесс почвообразования, они заселяются или активно посещаются (ляльовская культура). Пространственное разнообразие почв и ландшафтов было максимальным в атлантическом периоде и постепенно сокращалось вплоть до настоящего времени.

На повышениях рельефа почвообразование и освоение территории, начиная по меньшей мере с пребореала, идет без перерывов до субатлантического периода. Совокупность процессов вымывания и разрушения органического вещества, переослаивания, перераспределения оксидов железа, фито- и зоотурбаций и пластических деформаций, характерных для суглинков в болотных услови-

ях, существенно разрушает исходный состав слоя, перемешивая и перемещая имеющиеся включения. Разрушение карбонат-содержащих минералов и вынос карбонатов сопровождается потерей объема и усадкой выщелоченной толщи. Это еще один актуальный аспект изучения трансформации культурного слоя, очень слабо исследованный.

На границе суббореала и субатлантики (ок. 2 590 ¹⁴C BP) новое обводнение приводит к резкому прерыванию почвообразования и затуханию хозяйственной жизни. О существовании водоема свидетельствует слой глинистого сапропеля на суходолах и органо-минеральная прослойка в торфах понижений, о его проточности и холодном олиготрофном характере – состав ботанических остатков. Исчезают следы оседлой жизни человека. С этим временем связывают резкие изменения климата, прежде всего гумидизацию и похолодание, во многих регионах мира (Van Geel, Renssen, 1998). Дата 1 900 ¹⁴C BP, относящаяся к верхней границе органо-минерального сапропеля, говорит о времени сокращения водоема. Территория представляет собой влажную равнину, прорезанную временными водотоками, со старичными водоемами и массивами болот, возможно, эпизодически посещаемую охотниками и рыбаками.

Около 730–640 ¹⁴C BP начинается расширение болот, формирование обширных торфяных массивов и выравнивание рельефа терри-

тории. Формируется современный ландшафт, унаследовавший результаты чередования природных процессов, определявших, в свою очередь, активность человеческого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Охранные исследования многослойного поселения Замостье-5 на территории Русской равнины // Тверской археол. сб. / Ред. И.Н. Черных. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 226–237.

Сорокин А.Н. Стоянка и могильник Минино-2 в Подмоскowie: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2013. 448 с.

Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Под ред. В.И. Николаева. М.: ИГ РАН. 2002. 190 с.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Vandenberghе J., Gracheva R., Sorokin A. Post-glacial floodplain development and Mesolithic – Neolithic occupation in the Russian forest zone. Proceedings of the Geologists' Association. 2010. Vol. 121. P. 229–237.

Van Geel B., Renssen H. Abrupt climate change around 2 650 BP in North-West Europe: evidence for climatic teleconnections and a tentative explanation // Water, Environment and Society in Times of Climatic Change / Eds. A.S. Issar, N. Brown. Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 21–41.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ ВОСТОЧНОЙ ЧУКОТКИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

© 2014 г. С.В. Гусев¹, Т.Ю. Репкина², И.А. Каревская²

*1Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, Москва
(agus_2004@mail.ru)*

*2Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(t-repkina@yandex.ru; inessa.karevskaja@yandex.ru)*

Ключевые слова: побережье, морфолитодинамика, история развития рельефа.

Резюме. На основании комплексных геоархеологических исследований реконструирована история заселения и трансформации палеосреды в окрестностях двух памятников приморских районов Восточной Чукотки: Сиклюк – «Китовая аллея» и Уненен.

История заселения побережий определяется не только социальными и этническими факторами, но и изменениями условий обитания – динамикой климата, изменениями приморского рельефа, ландшафтов, – тем, что влияет на кормовую базу и удобство традиционного для приморских культур использования территории. Особенно значимо воздействие природных факторов там, где условия близки к экстремальным, и даже относительно небольшие изменения среды могут иметь значимые последствия для традиционного уклада жизни. Это в полной мере относится к приморским районам Восточной Чукотки, где субарктический климат, высокая (и изменяющаяся во времени) ледовитость моря, частые, хотя и относительно небольшие в период заселения, колебания его уровня, сейсмическая активность контролируют возможность использования территории. Таким образом, реконструкция палеогеографических условий – одна из важных задач геоархеологических исследований региона. Вместе с тем в истории развития рельефа и ландшафтов Восточной Чукотки существует еще много неясностей. Так, характер колебаний уровня моря в голоцене и соотношение изменения уровня с климатическими ритмами до их пор являются предметом дискуссий. Одна из причин этого – сложность определения абсолютно-го возраста береговых форм, в связи с чем, в

1999 г. в Восточной Чукотке и Корякии было получено лишь 17 датировок голоценовых террас и береговых валов (Каплин, Поротов, 1999). Поэтому для палеогеографических реконструкций столь велико значение возрастных датировок, полученных при археологических исследованиях.

Исследования Берингийской экспедиции, включавшие комплекс археологических изысканий, тахеометрическую и геоморфологическую съемку, изучение разрезов рыхлых отложений, спорово-пыльцевой (И.А. Каревская) и гранулометрический анализы, радиоуглеродное датирование, позволили реконструировать историю заселения двух памятников морских зверобоев Берингии: комплекса Сиклюк – «Китовая аллея» и поселения Уненен, выявить взаимосвязи между основными этапами перестройки рельефа и ключевыми моментами заселения участков, определить факторы сохранности памятников.

Поселение древних китобоев Уненен (п. Нунлигран) расположено на поверхности 3-й абразионной морской террасы на высотах 22–30 м, к которой в настоящее время примыкает полностью отчлененная пересыпью лагуна с отметками уреза около 2 м. К моменту заселения древними китобоями в конце II – начале I тыс. до н.э. терраса представляла собой возвышавшуюся над морем полого наклонную площадку, постепенно затягивавшую

юся чехлом склоновых суглинков с включениями крупнообломочного материала.

В периоды трансгрессий в окрестностях поселения формировался мелководный открытый залив с умеренно активным гидродинамическим режимом. При небольших понижениях уровня моря дно залива обнажалось и осваивалось эрозионной сетью (Gusev, Repkina, Karevskaya, 2012).

Климат района был близок к современному или более суровым. Лишь ископаемые спорово-пыльцевые спектры разреза 1-й морской террасы (высота 5–7 м) свидетельствуют о климатических условиях существенно более теплых, чем современные. Возраст террасы датируется временем климатического оптимума (6,5–5,0 тыс. л.н.). К началу заселения поселения Уненен под уступом высокой террасы, на которой была основана стоянка, существовала узкая поверхность 1-й морской террасы. При уровне моря несколько ниже современного она не подвергалась воздействию волн. Территория современной лагуны была осушена или представляла собой заболоченное понижение, в которое впадали два ручья. Ландшафтные условия были близки к современным. В период существования поселения условия изменились. Во время трансгрессии 3,2–2,5 тыс. л.н. штормовые волны стали захлестывать поверхность 1-й террасы, лагуна заполнилась водой и к максимуму трансгрессии была отчленена пересыпью. В окрестностях памятника сохранялись тундровые ландшафты.

По ^{14}C (19 дат) культурный слой датируется в диапазоне 2 800–3 200 л.н. Необходимо отметить отдельные находки эпохи неолита (IV–III тыс. лет до н.э.) в культурном слое, что свидетельствует об освоении морских биоресурсов в это время (климатический оптимум). Образование у берега моря в конце II тыс. до н.э. стационарного поселения морских охотников-зверобоев с высокоспециализированной морской экономикой связано с образованием лагуны. Лагуна служила естественной закрытой гаванью для лодок. Расположенная к юго-западу под поселением бухточка – идеальное место с точки зрения безопасности для лежбища моржа и нерпы.

Причиной прекращения жизнедеятельности на поселении стало землетрясение силой

5–7 баллов, произошедшее около 3 тыс. л.н. в районе лагуны Аччен (Галанин, Пахомов, 2010; возраст скорректирован нами на основании дат из культурного слоя), вызвавшее обвально-осыпные процессы, в результате которых огромные каменные блоки весом до 2,5 т и более мелкий каменный материал с суглинком накрыли культурный слой, что хорошо прослеживается стратиграфически. На 2013 г. мощность исследованного культурного слоя составляет 1,5 м.

Памятник Сиклюк – «Китовая аллея» расположен на северном берегу о. Иттыгран на галечной косе и примыкающих к ней склонах на высоте от 1,5 до 6,5 м над урезом воды в прилив и представляет собой сакральный и производственный комплекс и селитебные холмы (Гусев, 2010; Gusev, Repkina, Alyautdinov, 2012).

Коса образована двумя береговыми валами высотой около 2 м, отделенными от коренных склонов тыловым понижением. В дистали косы понижение занято лагуной и лагунными террасами, отгороженными от моря лишь мористым валом. На бережистом склоне тылового понижения контакт склоновых и прибрежно-морских отложений датируется 1 800±100 л.н. (Je-9427). Коса приурочена к пересечению активных разрывных нарушений. На траверсе главной ветви разлома (шурф 2) зафиксированы аномальные мощности сезонно-талого слоя – 238 см (фоновые значения – 40–45 см), а в тылах косы – зараженные сероводородом ручьи и бочаги.

Селитебные холмы поселения Сиклюк приурочены к внутреннему береговому валу, высота которого увеличивается здесь за счет отложений культурного слоя до 4 м. Раскопки шурфа 2, заложенного на одном из холмов, выявили разновременный материал: древнеэскимосские орудия и керамику, по крайней мере, культура бирнирк (VI–IX вв. н.э.), и орудия из камня и обсидиана (I тыс. до н.э.). Полученные радиоуглеродные датировки – от 2 540±70 л.н. (Je-7740) с самого низа шурфа (–210 см) до 820±25 л.н. (Je-7746) с глубины 60 см, не противоречат хронологическим привязкам находок.

Конструкции из костей кита, датируемые XIV–XVII вв. н.э. (Гусев, 2010), святилище и захоронения («Китовая Аллея»), расположе-

ны на всех элементах рельефа, за исключением современного пляжа и лагунных террас.

Наиболее древний элемент косы – внутренний береговой вал сформировался в период трансгрессии 3,2–2,5 тыс. л.н. В конце этапа, когда уровень моря понизился и штормовые волны не могли оказывать регулярного воздействия на берег, началось заселение косы. В ее тылу сохранялась открытая лагуна, осушившаяся в период наибольшего понижения уровня моря около 1 800 тыс. л.н. Крайне грубый состав склоновых отложений, накопившихся непосредственно после этого, позволяет предположить, активизацию тектонических движений. По данным спорово-пыльцевого анализа (И.А. Каревская), ландшафтные условия были близки к современным. Несмотря на холодный климат, выходы тепла в зоне главной ветви регионального разлома, на которую, буквально «насажено» поселение, не позволяли хранить мясо непосредственно у жилищ. Поэтому мясные ямы сооружались на значительном удалении. Позже они были сооружены и на селитебных холмах, но это произошло после нарастания культурного слоя до 2 м и более (Там же).

В субатлантическую трансгрессию внутренний береговой вал был частично размыв. У восточного берега лагуны существовал узкий пролив, а штормовые забросы достигали тылов косы. Затем сформировался мористый вал, полностью отчленивший лагуну, что связано, возможно, с уменьшением ледовитости моря и активизацией волнения. Однако в спорово-пыльцевых спектрах следы заметного потепления не выражены.

С регрессией конца субатлантического времени связано понижение уровня уже полностью отчлененной лагуны и формирование лагунных террас. В это время на мористом валу, который в условиях падения уровня моря подвергался воздействию только экстремальных штормов, были созданы конструкции памятника «Китовая аллея».

На современном этапе активизировалось разрушение берега за счет размыва и ледовой эскарации, наиболее существенное (первые

десятки сантиметров в год) в районе «Китовой аллеи». Размыв берега является фактором, угрожающим сохранности памятника.

С нашей точки зрения, комплекс был сооружен как хозяйственный и духовный. Морские зверобои перед открытием сезона охоты на китов и моржей совершали здесь обряды. «Китовая аллея» расположена у пути миграций китов.

Значимыми факторами формирования комплекса явились приуроченность поселения к пересечению активных разломов и климатическая ритмичность, определившая колебания уровня моря и активность волнового и ледового воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галанин А.А., Пахомов А.Ю. Абляционные каменные глетчеры – индикаторы климатических условий позднеледниковья на северо-востоке Азии // Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты. М.: МГУ, 2010. С. 410–415.

Гусев С.В. Сиклюк – «Китовая аллея»: прошлое, настоящее, будущее (Восточная Чукотка) // *Studia Anthropologica*: Сб. ст. в честь проф. М.А. Членова / Науч. ред. О.В. Белова. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2010. С. 486–512.

Каплин П.А., Поротов А.В. О возрасте и условиях формирования береговых образований западного сектора Берингова моря (по материалам геохронологических и археологических исследований) // *Вестн. МГУ. Сер.: География*. 1999. № 3. С. 46–51.

Gusev S.V., Repkina T.Yu., Alyautdinov A.R. Nature and antropogenous factors of Sikluk settlement formation – “Whale bone alleya” (Nort-East Beringia, Senyavinsky sraits) // Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии до археотуризма. Москва; Смоленск: Универсум, 2012. С. 111–113.

Gusev S.V., Repkina T.Yu., Karevskaya I.A. Geomorfology of old whaling culture site “UN’EN’EN” and paleolandscape conditions of surroundings (Nort-west Beringia) // Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии до археотуризма. Москва; Смоленск: Универсум, 2012. С. 114–116.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОРЕЛЬЕФА ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНСКОГО ЗАЛИВА И ЮЖНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ¹

© 2014 г. Т.М. Гусенцова¹, А.Ю. Сергеев², Д.В. Рябчук², М.А. Кулькова³

¹Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия,
Санкт-Петербург (ddut@mail.ru)

²Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
им. А.П. Карпинского, Санкт-Петербург
(sergeevau@ya.ru; daria_ryabchuk@mail.ru)

³Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург (kulkova@mail.ru)

Ключевые слова: реконструкция, палеорельеф, минералого-геохимические исследования, георадарное профилирование, моделирование, литориновая и ладожская трансгрессии.

Резюме. Геоархеологические исследования памятников неолита и раннего металла с использованием современных методик и трехмерного моделирования позволили выполнить палеореконструкцию рельефа и реконструкцию среды обитания человека на берегах Финского залива и Южного Приладожья. Прослежены условия развития береговых морфосистем микрорегионов Сестрорецкого разлива и Охтинского мыса в Санкт-Петербурге в период Литоринового моря. Прослежены гидродинамические условия и разработана модель изменений границ древнего водоема, возле которого находилась стоянка Подолье-1 в Южном Приладожье.

На первоначальных этапах изучения побережий Финского залива и Южного Приладожья геологические и археологические исследования велись практически параллельно. Систематическое изучение археологических памятников каменного века проводилось совместно известными археологами и геологами, среди которых были, в частности, Б.Ф. Земляков, С.А. Яковлев, И.И. Краснов, Г.П. Сосновский, М.Я. Рудинский, Л.А. Динцес, А.А. Иностранцев (Герасимов, 2006). Палеогеографические построения классической монографии С.А. Яковлева «Наносы и рельеф Ленинграда» (1925) проведены с широким использованием археологических материалов. В последние годы на побережье Финского залива и в Южном Приладожье были выявлены новые памятники каменного века, а также обследовано большинство памятников, найденных в первой половине XX в. (Герасимов, 2003; Герасимов, Крийска, Лисицын,

2010; Кулькова и др., 2008; Гусенцова, Сорокин, 2011; Гусенцова, 2013).

Геоархеологические исследования, проводимые на памятниках, базируются на междисциплинарном подходе, способствующем корреляции данных о развитии береговых морфосистем и палеогеографических реконструкциях среды обитания человека. Геолого-геоморфологические исследования на памятниках выполняются с применением методов георадиолокационного профилирования, нивелировок и заверочного бурения, а также геоморфологического ГИС-анализа материалов дистанционного зондирования. Георадиолокационное профилирование – современный геофизический метод, позволяющий получить информацию о характере залегания, внутренних границах и текстурах, мощности отложений верхней части геологического разреза субаэральной части береговой зоны; выявить пачки, сформировавшиеся

¹ Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ № 13-06-00548-а, 12-06-00348-а, 12-05-01121-а.

на различных этапах развития территории, установить формы палеорельефа и седиментационные пачки, в которых можно предполагать наличие археологических находок. При обработке информации используются современные лабораторно-аналитические методы. Данные геолого-геофизических исследований коррелируются с литологическими и минералого-геохимическими характеристиками исследованных отложений, результатами спорово-пыльцевого, диатомового и радиоуглеродного анализов. Первые результаты палеогеографических реконструкций и последующей реконструкции рельефа местности, выполненной в 3D-модели, в которой древнее население осуществляло свою хозяйственную и промысловую деятельность, были получены для памятника Охта-1 в Санкт-Петербурге (Кулькова и др., 2010; Нестеров и др., 2010; Сергеев и др., 2013). Для стоянки Сосновая Гора-1 (Сестрорецкий разлив) получены результаты детальных стратиграфических, литологических и геохимических исследований, позволивших проследить этапы палеогеографического развития территории в послеледниковье и ее заселения человеком (Гусенцова и др., 2014).

По результатам двухлетних исследований (2012–2013 гг.) и обобщения литературного материала были выполнены палеогеографические реконструкции позднеголоценового этапа геологического развития для северо-восточных побережий Финского залива (Сестрорецкий разлив – Охтинский мыс), которые в дальнейшем будут уточнены по результатам продолжающихся исследований и математического моделирования. Установлено, что в литориновое время (8 500–4 500 cal. BP) оба рассматриваемых микрорегиона представляли собой мелководные заливы. Максимальный уровень литориновой трансгрессии (7 600–7 300 кал. л.н.) в районе Сестрорецка достигал современной абсолютной высоты +10 м, в районе исторического центра Санкт-Петербурга +6 м (разница в высотах объясняется возрастанием в западном направлении скоростей гляциоизостатического поднятия). В ходе трансгрессии начинается формирование подводного песчаного бара на месте будущей Лиговской косы (Санкт-Петербург). К этому времени относятся первые археоло-

гические находки района памятника Охта-1 и ряда стоянок Карельского перешейка, располагавшихся на более высоких гипсометрических уровнях. По последним данным, первые свидетельства освоения территории Охтинского мыса древним человеком можно отнести к эпохе раннего неолита – первой половине V тыс. до н.э. К этой эпохе относятся несколько фрагментов посуды культуры сперрингс, украшенной оттисками позвонков рыб и прочерченными линиями. Керамика аналогична посуде стоянок Карельского перешейка, которая датирована в пределах 5 424–5 264, 4 780–4 550, 4 780–4 460 cal BC (Тимофеев и др., 2004. С. 96–97). Возраст керамики сперрингс памятника Охта-1 коррелируется с датой, полученной по фрагменту обработанного дерева, – 5 209–4 683 cal. BC (Гусенцова, Кулькова, Сорокин, 2013). Следующий этап палеогеографического развития связан с постепенной регрессией Литоринового моря. При опускании уровня до современных отметок +8 м на нынешней западной территории Сестрорецкого разлива начинается формирование веерных кос, осушаются значительные пространства в пределах зон ледниковой и водно-ледниковой аккумуляции. Современная территория исторического центра Санкт-Петербурга начинает постепенно осушаться, важным процессом данного этапа палеогеографического развития является формирование Лиговской косы как надводного аккумулятивного тела (ок. 6 500 кал. л.н.). Рост косы происходил в северо-восточном направлении от коренного берега моря в районе современного городского района Лигово. Источником песчаного материала служил вдольбереговой поток наносов, образованный преимущественно за счет перемыва ледниковых и ледниково-водных отложений. Район современного слияния рек Невы и Охты располагался в пределах северной части лагуны вблизи палеопролива. При продолжении регрессии (уровень около +7 м в районе Сестрорецка, около +4 м в районе Охтинского мыса) формируются косы и пляжи в районе будущих Сестрорецких дюн, в центральной части Сестрорецкого залива обнажается крупная отмель, сформированная выходами морены. На восточном побережье Сестрорецкого залива возникают неолитические стоянки Со-

сновая Гора и Сосновая Гора-1 с керамикой, украшенной гребенчато-ямочным орнаментом. На Охтинском мысу, на внутреннем берегу лагуны, отделенной от моря Лиговской косой, также появляется стоянка носителей культуры гребенчато-ямочной керамики. При дальнейшем понижении уровня моря (максимальная регрессия около 5 500 кал. л.н.) на побережье Сестрорецкого залива возникает Тарховская стоянка. Для неолитического комплекса памятника Охта-1 получены даты в пределах 4 261–3 640 cal. BC. Близка к ним серия дат по рейкам от рыболовных вершей 4 261–3 646 cal. BC (Гусенцова и др., 2013). На следующем этапе палеогеографического развития (ок. 4 500 кал. л.н.) может быть выделена трансгрессивная фаза небольшой амплитуды, при которой стоянки Сестрорецкие, Лахтинская и Охта-1 являются прибрежными стоянками. Для стоянок Карельского перешейка и поселения Охта-1 практически совпадают даты комплекса эпохи раннего металла – пористой и асбестовой керамики, реек и вбитых колов, 3 300–2 700 cal. BC (Там же). На стоянке Сосновая Гора-1 также найдены и следы пребывания населения культуры пористой и асбестовой керамики, близкой к памятнику Охта-1. Реконструкции палеорельефа указывают на успешное использование удобных мест обитания северо-восточного побережья Финского залива близкого в культурном отношении населения эпох неолита и раннего металла.

В Южном Приладожье реконструкция природной среды микрорегиона была выполнена для стоянки Усть-Рыбежна-1, ранее исследованного Н.Н. Гуриной. По содержанию основных порообразующих элементов и микроэлементов отложений было установлено изменение гидродинамических условий в районе памятника. В культурном слое выделено два этапа заселения стоянки в разные периоды неолита и начала эпохи энеолита (6–3 тыс. до н.э.), разделенные толщей трансгрессивных отложений Ладоги. Вероятно, что стоянка была покинута обитателями не позднее середины 3 тыс. до н.э. из-за увеличения уровня воды в водоеме и затопления мыса (Кулькова и др., 2008). Близкие процессы изменений гидродинамических условий обнаружены в культурном слое нового памят-

ника региона – торфяниковой стоянке Подолье-1 (конец 5–3 тыс. до н.э.). На памятнике, впервые для территории Приладожья, выявлены деревянные конструкции и материальные остатки, аналогичные памятнику Охта-1 в Санкт-Петербурге (Гусенцова и др., 2014). Район стоянки Подолье-1 расположен на границе озерно-ледниковой и озерной равнины, в рельефе здесь четко выделяется один из реликтовых береговых валов, маркирующим, по существующим представлениям, максимальную фазу Ладожской трансгрессии. В то же время стоянка находится в пределах локального понижения рельефа (абсолютная высота непосредственно в районе раскопок 11,8–12,1 м, в пределах древнего берегового вала – до 14 м). Учитывая значительные колебания уровня Ладожского озера в голоцене, эти геоморфологические особенности могут иметь большое значение при палеорекострукции. На площади стоянки было выполнено георадиолокационное профилирование и интерпретационное бурение, выявившие структуру отложений. Полученные результаты подтверждают интерпретацию данных дистанционного зондирования, изучения картографического материала и анализа цифровой модели рельефа, с использованием инструментов геообработки ArcGIS, по которым было выполнено моделирование палеоводоема, существовавшего к востоку от современной береговой линии южного побережья Ладожского озера (см. рисунок).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герасимов Д.В. История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 12–24.

Герасимов Д.В. Каменный век Карельского перешейка в материалах МАЭ (Кунсткамеры) РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. Т. 1 / Под ред. Г.А. Хлопачева. СПб., 2006. С. 109–188.

Герасимов Д.В., Крийска А., Лисицын С.Н. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Мат-лы III Северного археол. конгр. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. С. 28–53.

Гусенцова Т.М. По следам древних культур Южного Приладожья: молодежная археологиче-

ская экспедиция // Геология в школе и вузе: геология и цивилизация. Т. 1. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. С. 46–49.

Гусенцова Т.М., Кулькова М.А., Рябчук Д.В., Сергеев А.Ю., Холкина М.А. Геоархеология памятников первобытной эпохи Принеевского региона // Геология, геоэкология, эволюционная география. Т. XII. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 189–197.

Гусенцова Т.М., Кулькова М.А., Сорокин П.Е. Радиоуглеродный возраст и хронология памятников эпохи раннего металла Приневской низменности // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: материалы тематической научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 176–180.

Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Охта-1 – первый памятник эпох неолита и раннего металла в центральной части Петербурга // Рос. археол. ежегодник / Под ред. Л. Вишняцкого. СПб.: Юр. книга, 2011. С. 421–451.

Кулькова М.А., Козин Н.А., Мурашкин А.И., Герасимов Д.В., Юшкова М.А. Геоэкологические особенности неолитической стоянки Усть-Рыбежна-1 // Хронология, периодизация и культурные связи в каменном веке. СПб., 2008. С. 201–220.

Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кузнецов Д.Д., Субетто Д.А., Нестеров Е.М., Сорокин П.Е., Гусенцова Т.М. Палеогеография археологических стоянок эпох раннего металла – неолита в устье реки Охты (г. Санкт-Петербург) // Изв. Географического общества. 2010. № 6. С. 13–31.

Нестеров Е.М., Кулькова М.А., Егоров П.И., Маркова М.А., Нестеров Д.А. Анализ антропогенных отложений эпохи неолита на памятнике Охта-1 (раскоп 7/2) по данным геохимического картирования // Геология, геоэкология, эволюционная география. Вып. X / Ред. Е.В. Нестеров. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 164–170.

Сергеев А.Ю., Гусенцова Т.М., Рябчук Д.В., Сорокин П.Е., Кулькова М.А., Нестерова Е.Н., Жамойда В.А., Спиридонов М.А. Реконструкция палеорельефа береговой зоны Литоринового моря в районе археологического памятника Охта-1 // Рос. археол. ежегодник / Под ред. Л. Вишняцкого. СПб.: Юр. книга, 2013. С. 421–451.

Субетто Д.А. Донные отложения озер: палеолимнологические реконструкции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 339 с.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.М., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 157 с.

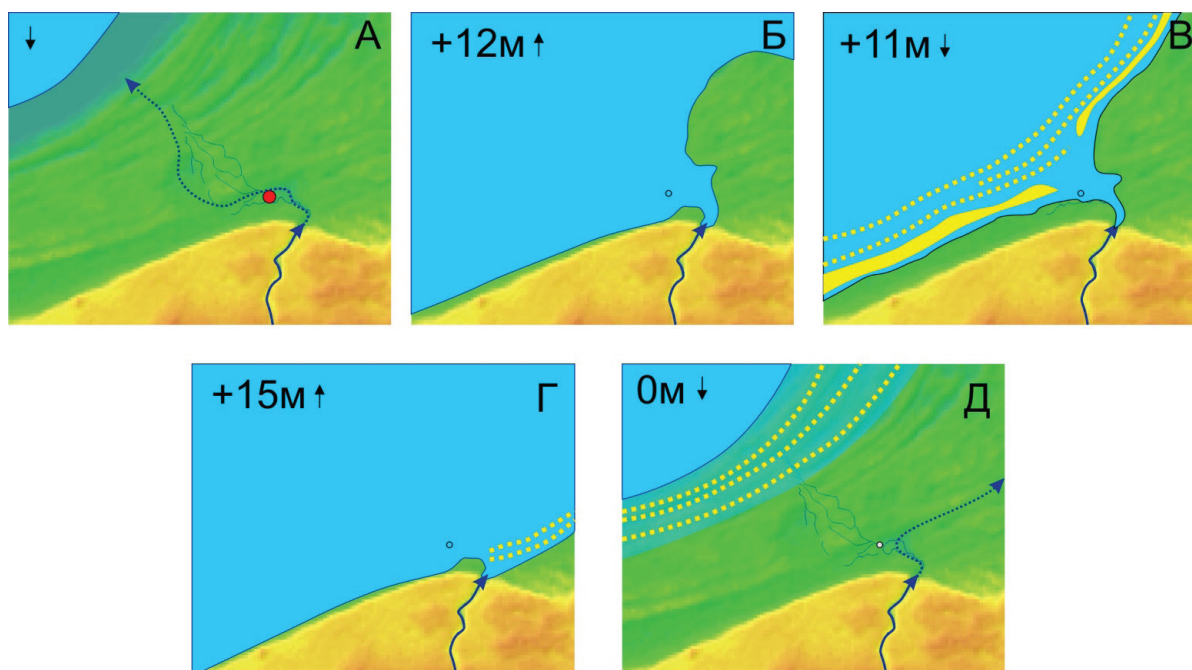

Рис. 1 Предварительные палеогеографические построения развития района стоянки Подолье-1 при различных уровнях Ладожского озера (в соответствии с опубликованной кривой относительного изменения уровня озера (Субетто, 2009)). А – время существования поселения в устье реки (до 4 500 кал. л.н.); Б, В – первые фазы Ладожской трансгрессии (4 300 и ок. 4 000 кал. л.н.), в течение которых население покинуло данную территорию и были сформированы береговые валы; Г – максимальная фаза Ладожской трансгрессии (3 000 кал. л.н.); Д – формирование серии наиболее молодых береговых валов при медленном падении уровня озера после предполагаемого прорыва р. Невы (после 2 500 кал. л.н.).

ВЛИЯНИЕ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА СОСТОЯНИЕ МИКРОБНЫХ СООБЩЕСТВ ПАЛЕОПОЧВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2014 г. Т.С. Демкина, М.В. Ельцов

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино
(demkina@issp.serpukhov.su)*

Ключевые слова: степь, палеопочвы, микробные сообщества, метаболическая и эколого-трофическая структуры, палеоклиматические условия.

Резюме. Проведены исследования микробных сообществ палеопочв эпох бронзы (рубеж III–II тыс. до н.э.), раннего железа (I–III вв. н.э.) и средневековья (XIII–XIV вв. н.э.) на территориях Прикаспийской низменности и Приволжской возвышенности. Установлено, что закономерности развития микробных сообществ были обусловлены динамикой климата. В районе исследований происходило чередование аридных и гумидных климатических периодов. К первым можно отнести рубеж III–II тыс. до н.э. и II–III вв. н.э., ко вторым – I и XIII–XIV вв. н.э. Микробные сообщества почв адаптировались к изменяющимся условиям, что отразилось в их эколого-трофической и метаболической структурах. Палеоэкологический кризис оказал существенное влияние и на хозяйственный уклад племен поздне- и посткатакомбного времени (4 300–3 800 л.н.), обусловив их большую подвижность и переход, фактически, к кочевому скотоводству.

Характеристика микробного сообщества почвы относится к числу важнейших диагностических показателей, отражающих условия почвообразования, поскольку почвенные микроорганизмы участвуют в той или иной степени практически во всех процессах, протекающих в ней. Нами установлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику микробного сообщества в степных палеопочвах в аридные и гумидные климатические периоды. К их числу относятся: активная биомасса микроорганизмов, ее доля от Сорг почвы, эколого-трофическая структура микробного сообщества (ПА:НА:БС), характеризующаяся соотношением микроорганизмов (в %), растущих на почвенном агаре и использующих элементы питания из рассеянного состояния (ПА), на нитритном агаре и потребляющие гумус (НА), на богатой органической среде и разлагающие растительные остатки (БС), индекс олиготрофности. Количественные характеристики состояния микробных сообществ, та-

кие как увеличение активной микробной массы, ее доли от Сорг почвы (метаболическая структура), преобладание в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, низкие величины индекса олиготрофности дают основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы. Известно, что в засушливых областях, к которым относится и исследованная территория, увеличение растительной массы прежде всего обусловлено повышением увлажненности климата в тот или иной исторический период. Усиление же засушливости климата в масштабе исторического времени, напротив, приводит к снижению первых трех показателей и увеличению четвертого.

В качестве примера рассмотрим результаты микробиологических исследований подкурганых палеопочв, погребенных в эпохи бронзы (рубеж III–II тыс. до н.э.), раннего железа (I–III вв. н.э.) и средневековья (XIII–XIV вв. н.э.) на территориях Приволжской

¹ Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ (№ 14-04-00934, 12-04-00385) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

возвышенности и Прикаспийской низменности в сухостепной и полупустынной зонах.

Радиоуглеродный возраст микробной фракции в гор. А1 палеопочвы совпадает со временем создания кургана по археологической датировке (Demkina et al., 2008). Поэтому рассмотрим состояние микробных сообществ в горизонте А1 изученных почв.

На Приволжской возвышенности (объект «Авиловский») в период палеоэкологического кризиса рубежа III–II тыс. до н.э. в каштановидной палеопочве обнаружено низкое содержание активной микробной массы (0,37 мкгС/г почвы): в 1 778 раз меньше, чем в современной почве. Суммарная численность микроорганизмов различных трофических групп составила около 52 млн КОЕ/г почвы, что сопоставимо с фоновой почвой (около 43 млн КОЕ/г почвы). Доля Смикр. в Сорг. почвы составила всего 0,01%, что в 420 раз меньше, чем в современной почве. В рассматриваемый период бронзового века эколого-трофическая структура была представлена ПА:НА:БС = 62:3:35, индекс олиготрофности достигал 174, что указывает на сдвиг микробного сообщества в сторону олиготрофности по сравнению с современной почвой, в которой ПА:НА:БС = 55:4:41, индекс олиготрофности равнялся 135.

В каштановой палеопочве I в. н.э. установлена в 124 раза большая активная микробная масса и в 60 раз большее значение Смикр./Сорг по сравнению с палеопочвой рубежа III–II тыс. до н.э. Суммарная численность микроорганизмов увеличилась в 1,3 раза, в эколого-трофической структуре повысилась доля микроорганизмов (с 35 до 40%), использующих растительные остатки. Индекс олиготрофности снизился (со 174 до 143). Состояние микробного сообщества палеопочвы, погребенной в I в. н.э., свидетельствует об увеличении поступления растительной массы в почву в этот период, что в первую очередь связано с повышением увлажненности климата, поскольку именно этот фактор является лимитирующим, в отличие от температуры.

В каштановой палеопочве, погребенной во II–III вв. н.э. выявлено снижение микробной массы (в 7 раз), доли Смикр. в Сорг. почвы (в 12 раз), суммарной численности микроорганизмов (в 1,4 раза) по сравнению с предше-

ствующим веком. Изменения эколого-трофической структуры были незначительны.

В каштановой почве, развитой на исследованной территории в средневековье (XIII в. н.э.), вновь отмечено 14-кратное повышение активной биомассы микроорганизмов и 40-кратное увеличение доли Смикр. в Сорг. по сравнению с палеопочвой II–III вв. н.э. Суммарная численность микроорганизмов повысилась очень незначительно (в 1,1 раза), индекс олиготрофности уменьшился (со 146 до 102). В эколого-трофической структуре увеличилась доля микроорганизмов, использующих растительные остатки (с 39 до 46%) и понизилась доля микроорганизмов, использующих элементы питания из рассеянного состояния (с 58 до 46%). Полученные данные свидетельствуют о том, что в средневековье в почву поступало значительное количество растительных остатков вследствие повышения увлажненности климата.

На Прикаспийской низменности (объект «Маляевка») в горизонте А1 каштановидной палеопочвы содержание активной микробной массы в 28 раз меньше, доля Смикр. в Сорг. почвы в 8 раз ниже, а индекс олиготрофности в 2 раза выше, чем в современной фоновой почве. В рассматриваемый период бронзового века эколого-трофическая структура была представлена ПА:НА:БС = 75:8:17, индекс олиготрофности достигал 448, что указывает на сдвиг микробного сообщества в сторону олиготрофности по сравнению с современной почвой, в которой ПА:НА:БС = 64:4:32, индекс олиготрофности равнялся 204.

В светло-каштановой почве, развитой на исследованной территории в средневековье (XIII–XIV вв. н.э.), в верхнем горизонте отмечено 2,5-кратное повышение активной биомассы микроорганизмов и 2-кратное увеличение Смикр. в Сорг. по сравнению с палеопочвой рубежа III–II тыс. до н.э. Суммарная численность микроорганизмов повысилась в 3 раза, индекс олиготрофности уменьшился в 1,5 раза (с 448 до 300). В эколого-трофической структуре увеличилась доля микроорганизмов, использующих растительные остатки (с 17 до 22%) и понизилась доля микроорганизмов, использующих элементы питания из рассеянного состояния (с 75 до 66%). Полученные данные свидетельствуют о том, что в

средневековье в почву поступало большее количество растительных остатков вследствие повышения увлажненности климата по сравнению с рубежом III–II тыс. до н.э.

Наиболее контрастные изменения эколого-трофической структуры микробного сообщества палеопочвы XIII–XIV вв. н.э. выявлены в подзоне каштановых почв Приволжской возвышенности (объект «Тары»). В современной почве ПА:НА:БС = 67:11:22, а в подкурбанной ПА:НА:БС = 29:3:68. Как видно из представленных данных в каштановой почве средневековья доля микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество (растительные остатки) в 3 раза больше, а использующие элементы питания из рассеянного состояния в 2 раза меньше, чем в современной почве. В верхнем горизонте палеопочвы установлена в 2.3 раза большая численность микроорганизмов и в 7 раз меньше индекс олиготрофности по сравнению с современной фоновой почвой.

Таким образом, состояние микробных сообществ исследованных палеопочв свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого хроноинтервала (последние 4 000 лет) в районе исследований происходило чередование аридных (засушливых) и гумидных (увлажненных) климатических периодов. К первым можно отнести рубеж III–II тыс. до н.э. и II–III вв. н.э., ко вторым – I и XIII–XIV вв. н.э. Микробные сообщества почв адаптировались к изменяющимся усло-

виям, что отразилось в их эколого-трофической и метаболической структурах.

В заключение следует отметить, что выявленный на рубеже III–II тыс. до н.э. палеоэкологический кризис в степях Восточной Европы имел и заметные социальные последствия. В частности, он оказал существенное влияние на хозяйственный уклад племен поздне- и посткатакомбного времени (4 300–3 800 л.н.), обусловив их большую подвижность и переход фактически к кочевому скотоводству (Шишлина, 2000; 2007). Это было вызвано резким снижением продуктивности травяных степных экосистем, что обусловило расширение территории обитания древнего населения и появление сезонной специализации в использовании пастбищных угодий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шишлина Н.И. Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Тр. ГИМ. Вып. 120. М., 2000. С. 54–71.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (IV–III тыс. до н.э.). М., 2007. 400 с. (Тр. ГИМ; Вып. 165).

Demkina T.S., Khomutova T.E., Kashirskaya N.N., Demkina E.V., Stretovich I.V., El-Registan G.I., Demkin V.A. Age and activation of microbial communities in soils under burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science. 2008. Vol. 41; № 13. P. 1439–1447.

ОБ ОПЫТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РЯДИНО-5 (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)¹

© 2014 г. О.А. Дружинина

*Балтийский федеральный университет им. Канта, Калининград
(olga.alex.druzhinina@gmail.com)*

Ключевые слова: поздний палеолит, палеогеография, геохимический анализ культурного слоя, OSL-датирование.

Резюме. Получен ряд новых результатов палеогеографических исследований на позднепалеолитической стоянке Рядино-5. Геохимический анализ образцов культурного слоя позволил реконструировать важнейшие условия осадконакопления, в т.ч. относительную влажность, температуру и антропогенное влияние. OSL-датирование поставило вопрос о корректности предыдущих выводов о возрасте стоянки и необходимости дальнейших детальных исследований.

В 2011–2013 гг. были продолжены палеогеографические исследования позднепалеолитической стоянки Рядино-5 (бассейн р. Шешупе), направленные на реконструкцию природного окружения и на решение вопросов об особенностях хозяйственной деятельности первобытного населения в контексте геолого-геоморфологической истории природного района.

Геохимические исследования на археологических памятниках – одно из перспективных и быстро развивающихся научных направлений, о чем свидетельствует опыт российских и зарубежных коллег (например, доклады на конференции «Экология древних и традиционных обществ», Тюмень, 2011; специализированное издание «Geochemistry: Exploration, Environment, Analysis», London). Особенно ценно проведение геохимических исследований как дополнительного источника информации на памятниках с т.н. минеральным культурным слоем, содержащим минимальное количество органики. Такие исследования были проведены на позднепалеолитической стоянке Рядино-5.

Интерпретация результатов геохимического изучения образцов по разрезу из стенки раскопа (26 проб) позволила реконструиро-

вать важнейшие условия осадконакопления, включая оценку относительной влажности, температуры и антропогенного влияния в течение периода осадконакопления. Анализ проведен канд. геол.-мин. наук М.А. Кульковой (РГПУ им. Герцена). Для установления степени выветривания, связанного с увеличением температуры в гумидных зонах, применялся индекс химического выветривания $CIA = Al_2O_3 / (Al_2O_3 + CaO + Na_2O + K_2O)$; изменение степени увлажненности оценивалось по изменению содержания Fe_2O_3 и CaO ; как индикаторы оценки относительного изменения температуры использовались соотношения Rb/Sr и Na_2O/K_2O ; для характеристики изменения уровня воды в водоеме использовались показатели MnO/Fe_2O_3 , SiO_2/Al_2O_3 . Интерпретация геохимических данных показала на существование двух основных циклов в осадконакоплении на изучаемой территории – позднеплейстоценового и голоценового, а также промежуточных в течение голоцена. Были отмечены периоды резкого изменения уровня воды в водоеме в позднеледниковье и голоцене, один из которых, возможно, маркирует дренаж Балтийского ледникового озера 10 500–10 300 л.н. Сопоставление данных геохимических и палинологических иссле-

¹ Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ № 09-06-00150, 12-05-33013.

дований позволило охарактеризовать перигляциальные ландшафты в долине Шешупе, с которыми соотносится нижний горизонт культурного слоя стоянки, а также приблизиться к пониманию развития палеогеографических событий на данной территории на рубеже плейстоцен – голоцен: описать основные геоморфологические процессы, в том числе, формирование современной долины реки, эрозионные процессы, вызванные колебаниями уровня воды, эволюцию растительности и динамику климата в рассматриваемый период времени.

Изменения антропогенной активности описывались изменением соотношения $P_2O_5/P_2O_5+Na_2O$. Динамика этого показателя свидетельствует о существовании нескольких периодов антропогенной активности на поселении, которые, на дальнейшем этапе исследований, представляется необходимым соотносить с важнейшими изменениями условий палеосреды.

В основе интересной научной дискуссии оказались результаты OSL-датирования культурного слоя стоянки Рядино (анализ проведен А.Н. Молодьковым, НИИ геохронологии четвертичного периода, ИГ ТГУ). Получены 3 OSL-датировки. Датировка верхнего горизонта культурного слоя ($8\ 100 \pm 600$ лет т.н.), перекрывающего позднепалеолитический горизонт, хорошо согласуется с полученной ранее радиоуглеродной датировкой угольков заполнения мезолитической ямы ($8\ 800 \pm 600$ лет т.н. (Le-9049)); OSL-датировка слоя, вмещающего позднепалеолитические находки ($44\ 000 \pm 3\ 400$ лет т.н. (MIS-3)), значительно удревняет возраст стоянки и пока трудно увязывается с прежней археологической трактовкой периода обитания стоянки; датировка материкового песка – $62\ 100 \pm 4\ 600$ лет т.н. Полученные результаты о возрасте отложений находят подтверждение в данных сравнительного анализа полевых шпатов – образцов из культурного слоя и образцов из геологического разреза Ула (Литва; *IR-OSL-датировка 53 тыс. л.н.*): *полевые шпаты в обоих образцах идентичны. Несмотря на неожиданность полученных датировок с*

археологической точки зрения, геолого-геоморфологический контекст культурного слоя и известные данные о природных условиях MIS-3 не противоречат возможности более древнего, чем предполагалось, возраста стоянки. Интервал около 44 тыс. л.н. совпадает с весьма теплым периодом в интервале MIS-3: в Европе это период с благоприятными климатическими условиями (валдайский мегаинтерстадиал, «ice-free conditions in the central area of the Scandinavian glaciations during MIS-3») (Молодьков, 2012. С. 215). Стоянка могла быть позднее перекрыта отложениями последующих эпох (и законсервирована), которые затем подверглись эрозии, например, в период позднего дриаса (о размыве отложений над культурным слоем свидетельствуют геохимические и палинологические данные). Археологические данные пока также не дают ясного ответа о возрасте памятника: в настоящее время затруднительно однозначно отнести археологический материал к одной из известных в регионе позднепалеолитических культур (Дружинина и др., 2011. С. 48). При корректности всех допущений, стоянка Рядино-5 может оказаться древнейшим археологическим памятником данной части Прибалтики. Несомненно, что для подтверждения или опровержения данного предположения требуются дальнейшие всесторонние исследования. Представляется важным получить дополнительное количество датировок культурного слоя памятника для решения вопроса о его хронологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дружинина О.А., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Сходнов И.Н. Комплексные исследования стоянки Рядино-5 (Калининградская область) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 48–49.

Молодьков А.Н. Каргинское время (MIS-3): геохронологические свидетельства по данным ЭПР- и ИК-OSL-анализов раковин морских моллюсков и вмещающих отложений // Мат-лы междунар. конф. «Геоморфология и палеогеография полярных регионов». СПб., 2012. С. 215–219.

ПОЙМА РЕКИ ИСТРА У НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ: ПРИРОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2014 г. Е.Г. Ершова¹, И.Н. Ершов²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(eershova@rambler.ru)

²Институт археологии РАН, Москва
(ershovin@yandex.ru)

Ключевые слова: р. Истра, археология поймы, комплексные исследования, погребенные почвы, палинология.

Резюме. В результате проведения комплексных исследований были достигнуты существенные подвижки в понимании истории формирования поймы р. Истра и монастырского холма. Реконструирована картина геоморфологических, климатических и гидрологических изменений ландшафта в голоцене и отчасти в доголоценовом периоде. Детально прослежены следы начала и возрастания антропогенного воздействия на ландшафты монастырского холма и поймы реки Истра.

В состав природно-археологического комплекса монастырской поймы реки Истра входят объекты природного и антропогенного генезиса, исследованные в 2009–2014 гг. Вектор антропогенного воздействия на исследуемой территории в период бытования монастыря был сознательно направлен на преобразование ландшафта и даже на включение его элементов в систему религиозно-идеологических программ в рамках создания «Русской Палестины». Воздействие на ландшафт оказали и предшественники монастыря. Холм был обитаем с бронзового века и далее вплоть до появления славян. Спорово-пыльцевой анализ содержимого ямы из раннедьяковского слоя раскопа № 10 показал, что на участке городища хвойно-широколиственный лес был уничтожен (сожжен), а на его месте образовались вторичные пирогенные сообщества, в состав которых входили разросшиеся на свету кустарники и деревья из нижних ярусов (орешник, липа) и заросли иван-чая и орляка. Важно отметить, что, несмотря на очевидные признаки уничтожения леса, пыльцы культурных растений и сопутствующих сорняков, а также растений-индикаторов выпаса, в культурном слое не обнаружено.

Не менее важным было и активное воздействие природных процессов, протекавших

в пойме и по склонам долины, на ход строительства монастыря и его историю. Река меняла водный режим (особенно в эпоху т.н. малого ледникового периода XIV – конца XVIII в.), размывая участки поймы в одних местах и нанося осадочный материал в других, разрушая или повреждая инженерные сооружения. По этим причинам раскопки сопровождались привлечением почвоведов, палинологов, геоморфологов и дендрохронологов.

Новые данные по выявлению признаков доголоценового генезиса древней поймы получены в шурфе № 56 на берегу канала. Канал «Кедронский поток» – часть сложной гидротехнической системы, соотносимой с деятельностью Патриарха Никона и его преемников. Под бортом канала в придонной части выявлены отложения пойменной и русловой фаций аллювия. Образец суглинка с органическими макроостатками дал весьма древнюю дату: 19 820±440 л.н. (ГИН-14685). Итак, начало формирования древнейших участков поймы можно относить ко времени последнего ледникового максимума.

Разрезы шурфа № 51, расположенного к западу от Божоявленской пустыни, являются опорными для поймы Истры. Здесь были зафиксированы три классические для Подмо-

сковья погребенные почвы – почвы 2, 3 и 4 (по А.Л. Александровскому). Завершение формирования почвы 2 относится к XIII–XVI вв. Радиоуглеродная дата 480 ± 90 л.н. (Ki-17136) близка к датам, полученным в раскопе № 36 (к востоку от пустыни) по образцу угольной плахи из основания толщи темно-бурых суглинков, заполнивших древние русла реки к востоку от пустыни. Кровля этих суглинков явилась затем дневной поверхностью для строительства пустыни (1657–1662 гг.). В ней обнаружены кирпичные фрагменты, угольки и изразцы, позволяющие соотнести поверхность с периодом строительства. Для них получены радиоуглеродные даты: 210 ± 60 л.н. (Ki-17791), что указывает на XVI – начало XVII в.; 330 ± 30 л.н. (ГИН-14688а), что указывает на XV – начало XVII вв. н.э.; 300 ± 50 л.н. (ЛЮ-7128), что дает возраст 390 ± 60 л.н., т.е. между 1500–1600 гг. Таким образом, толща суглинков, верх которой является почвой 1а (по А.Л. Александровскому) начала откладываться в раннемосковское время (XV в.) и прекратила свое существование в качестве дневной поверхности после наступления периода максимальных паводков. Следовательно, живое русло реки вокруг пустыни бытовало в период между концом бронзового – началом железного веков и вплоть до XVI в. Соответственно, промежуток времени от начала отложения этих суглинков до даты строительства пустыни был не столь уж велик – не более 150–200 лет. Это свидетельствует о том, что в XV – начале XVII в. на поверхности древней поймы происходила кратковременная стабилизация и появились условия для формирования почвы 1а. Как показал спорово-пыльцевой анализ отложений раскопа № 43 из русла погребенной протоки, огибающего пустынь с юга и запада, эта почва 1а в период до строительства пустыни, подвергалась распашке под посевы ржи.

Нижележащая почва 3 в шурфе № 51 соотносится с началом раннего железного века (конец II – середина I тыс. до н.э.). Радиоуглеродная дата образца – $2\ 810 \pm 130$ л.н. (Ki-17137). Диапазон датировки почвы 3 близок (своим верхним пределом) к археологической датировке культурного слоя раннедьяковского поселения VIII–IV вв. монастырского холма. Почва 4 соотносится с эпохой климатическо-

го оптимума (V–IV тыс. до н.э.). Радиоуглеродная дата по образцу гумуса из почвы 4 – $5\ 530 \pm 180$ л.н. (Ki-17417), что указывает на вторую половину V – начало IV тыс. до н.э., т.е. на эпоху льяловской неолитической культуры Подмосковья.

Общая схема изменения геоморфологии, почвенного и растительного покрова поймы, а также характера потенциального антропогенного воздействия на пойму Истры в прошлом по данным спорово-пыльцевого анализа разреза № 51 выглядит следующим образом.

1. Наиболее древними являются отложения нижней русловой фации аллювия – слоистые суглинки и пески, покоящиеся на русловой гальке и булыжниках размытой морены. Пыльца отсутствует или ее концентрация крайне низка.

2. Выше – горизонт мощной почвы 4 с четкой границей по низу и размытым верхом, что говорит о постепенном накоплении последующего аллювия при наличии высоких паводков. В пыльцевых спектрах почвы преобладают широколиственные деревья, однако есть признаки пожаров и нарушений древесного яруса.

3. Далее следует слабовыраженная деградированная лесная почва 3. Пыльцевые спектры этой почвы отражают присутствие елово-широколиственных лесов с участием ольшаников и влажных травяно-моховых лугов. Присутствие множества микроскопических углей свидетельствует о неоднократных лесных пожарах. После погребения почвы 3 наблюдались достаточно низкие паводки.

4. Над почвой 3 – мощный горизонт лесной почвы 2. Хорошо выраженный переходный к иллювиальному горизонт свидетельствует о заключительной стадии почвообразования в средневековье как луговой стадии ввиду сведения лесов в пойме и по берегам реки. Присутствие значительного количества пыльцы культурных злаков и пашенных сорняков говорит о вероятном присутствии пашни. Эти новации можно связывать с русским населением монастырского периода.

5. После завершения формирования почвы 2 наступил Малый ледниковый период XV–XVIII вв. Это коррелируется с сообщениями о мощных паводках в ранний период существования монастыря (конец XVII – первая поло-

вина XVIII в.). Постоянная пашня на пойме возобновилась лишь в начале XIX в.

В ходе работ на раскопах № 28, 35, 39, заложенных под склоном монастырского холма у угловой северо-западной Иноплеменничей башни, оказалось, что в пойме имеются и более древние погребенные почвы раннеголоценового возраста. Это редко встречающаяся в практике археологических работ в Подмосковье почва б (по А.Л. Александровскому). В близком к подножию холма раскопе № 35 эта почва дала возраст $9\ 520 \pm 210$ л.н. (Кi-17789) и $8\ 620 \pm 90$ л.н. (Кi-17790); в раскопе № 39 – чуть более молодой: $8\ 710 \pm 260$ л.н. (Кi-17795) и $8\ 040 \pm 230$ л.н. (Кi-17794), что вполне объяснимо по причине более позднего формирования этих отложений по мере удаления от холма к руслу реки. Почва 4 в раскопе № 39 показала возраст $4\ 850 \pm 260$ л.н. (Кi-17793), а почва 3 – $3\ 330 \pm 140$ (Кi-17792), что близко к датам шурфа № 51. Важными являются и наблюдавшиеся в разрезах раскопов следы древнего размыва погребенных почв б, 4, 3 и обрушений участков берега. Следовательно, река функционировала здесь начиная с эпохи раннего железа.

О наличии благоприятных возможностей для проживания на пойме в раннем железном веке свидетельствует обнаружение следов смытой погребенной почвы этого времени в тыловой части поймы у подножия холма в шурфе № 55. Здесь под присклоновой засыпкой гумусированной супеси с кирпичным боем и известью вскрыты отложения пойменного аллювия. В основании пачки появляются включения мелкого гравия, а ниже – оглиненный песок с гравием, насыщенный углем. Эта пачка отложений покоится на кровле перемытой в своей верхней части морены, которая идентифицируется как днепровская. Между аллювием и мореной расположен сползающий с кровли морены слой серого суглинка

делювиального происхождения, образовавшийся после подрезки склона холма руслом. Время формирования делювия дает нижнюю (молодую) оценку времени формирования палеорула реки – $1\ 700 \pm 230$ л.н. (ГИН-14688), что с учетом корреляции указывает в археологическом смысле на позднедьяковский период, а в палеопочвенном – на почву 2. Это подтверждает вывод о нахождении здесь палеорула уже с эпохи раннего железа.

Уточнить время отмирания этого древнего русла позволили результаты бурения дна среднего из прудов, расположенного под северо-восточной Дамасской башней. Образцы из нижней части илистых отложений старичной фации аллювия дали возраст по общей органике 920 ± 40 л.н. (ГИН-14924), что соответствует древнерусскому времени (XI–XII вв.). Итак, русло реки располагалось здесь начиная с дьяковского времени и заканчивая средневековьем. Общепринятое мнение, что этот участок русла перестал функционировать только в XVII в. и только в результате отвода русла к северу при строительстве «перекопа» Патриарха Никона, следует считать малодостоверным. Возможно, что следами блуждания реки в последние столетия являются участки древних погребенных русел в раскопах № 20, 31, 32 в 60 и 200 м к северу от холма.

Итак, в результате проведения комплексных исследований были достигнуты существенные подвижки в понимании истории формирования поймы реки Истра и монастырского холма. Была реконструирована картина геоморфологических, климатических и гидрологических изменений ландшафта в голоцене и отчасти в доголоценовом периоде. Детально прослежены следы начала и возрастания антропогенного воздействия на ландшафты монастырского холма и поймы реки Истра.

РОЛЬ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКОГО И НЕОТЕКТОНИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ АНГАРСКОЙ ДОЛИНЫ В СВЯЗИ С РЕКОНСТРУКЦИЯМИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

© 2014 г. И.Д. Зольников¹, Е.В. Деев², А.А. Цыбанков³,
В.С. Славинский³, А.В. Постнов³, И.А. Грачев⁴

¹*Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск
(zol@igm.nsc.ru)*

²*Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука
СО РАН, Новосибирск
(deev@ngs.ru)*

³*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(tsybankov@yandex.ru; slavinski@yandex.ru; postnov@yandex.ru)*

⁴*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
(lugavka@mail.ru)*

Ключевые слова: Верхнее Приангарье, стратогенетическая диагностика, геоархеология.

Резюме. На территории Верхнего Приангарья отложения низких террас имеют двухъярусное строение. Нижний ярус представлен аллювиальными русловыми и пойменными отложениями, а верхний – субэразальным комплексом: эоловыми и делювиальными образованиями. Представления о голоценовом возрасте Ангарской долины не подтверждаются геоморфологическими и литоседиментационными исследованиями. Неотектонические подвижки оказали существенное влияние на формирование террасовых комплексов. Современная террасовая парадигма не является адекватным способом стратогенетической диагностики отложений, вмещающих археологические памятники.

В рамках современной стратиграфической парадигмы возраст четвертичных отложений долины Ангары увязывается с гипсометрическими уровнями террас (Стратиграфия ..., 1984; Ендрихинский, 1982; Равский, 1972). Традиционно считается, что на этой территории надпойменные террасы I–IV (НПТ I–IV), объединенные в нижний ярус террас, имеют позднеплейстоценовый возраст. В соответствии с последними стратиграфическими представлениями (Унифицированная региональная стратиграфическая схема ..., 2010), возрастной интервал отложений оценивается:

– НПТ IV (до 35 м над урезом воды) – как казанцевско-муруктинский III₁ – III₂;

– НПТ III (от 16 до 27 м) – как нижне-среднекаргинский (III₃);

– НПТ II (от 14 до 17 м) – как верхнекаргинский–среднесартанский (III₃ – III₄);

– НПТ I (от 9 до 12 м) – как верхнесартанский–нижнеголоценовый (III₄ – IV);

– высокая и низкая пойма (от 2 до 7 м) – как голоценовый (IV).

Представления о закономерностях строения террасовых комплексов дает схема Э.И. Равского (1972), согласно которой в стратиграфической последовательности снизу вверх формируются: 1) базальный валунно-галечник; 2) крупнозернистый косолоистый песок; 3) вложения параллельно-слоистых песков, супесей, суглинков, глин с торфяными прослоями; 4) параллельно-субгоризонтальное переслаивание супесей и суглинков; 5) параллельное переслаивание песков тонко-зернистых, супесей, суглинков с псевдоморфозами по повторно-жильным льдам, редкими палеопочвами степного типа и солифлюкционными дислокациями; 6) лессовидные суглинки и супеси со сла-

бовыраженной параллельной слоистостью; 7) неслоистые лессовидные суглинки и супеси с редкими палеопочвами степного типа.

Вышеприведенная последовательность отложений генетически трактуется в определенной событийно-климатической последовательности (Там же). На протяжении первой половины межледниковья в долинах рек преобладает эрозия, а на примыкающих склонах формируются почвы межледникового типа. Во второй половине межледниковья на склонах и водораздельных поверхностях продолжается формирование почв, а в речных долинах аккумуляция преобладает над эрозией. Этой эпохе соответствует накопление отложений русловой фации, субфации прирусловых отмелей, старичной фации и пойменной фации. С началом первой половины оледенения в речных долинах прекращается аккумуляция «нормального аллювия» и начинается накопление «перигляциального аллювия». На водоразделах и склонах в это время господствуют склоновые процессы, что приводит к отложению делювия, пролювия и солифлюксия. Во второй половине оледенения при продолжающихся склоновых процессах на водоразделах, поверх террасовых площадок в результате уменьшения водности происходит накопление навешанных отложений, т.е. лессов и местами перевешанных песков.

Однако, как показали работы в зоне затопления Богучанской ГЭС (Постнов, Зольников, Деев, 2012), низкие террасы не выдержаны по числу вдоль долины реки. Неоднократно фиксировалось «расщепление» и «слияние» террасовых площадок. Еще более значимые противоречия с аллювиально-террасовой парадигмой возникают при анализе геоархеологических данных, который привел специалистов иркутской школы археологов во главе с Г.И. Медведевым (Медведев и др., 2012) к несогласию с аллювиально-террасовой парадигмой. Возник новый палеогеографический сценарий «раннеголоценового Ангарского выплеска из Байкальского прорана», в рамках которого утверждается, что голоценовые террасы и аллювиальные отложения р. Ангары отсутствуют, а сама Ангара появилась в конце неоплейстоцена – начале голоцена (10 500–7 000 л.н.).

Однако специфических форм рельефа (Рудой, 2005) и отложений (Парначев, 1999;

Зольников, Деев, 2012), характерных для образований гляциальных суперпаводков, на исследованной территории затопления Богучанской ГЭС обнаружено не было (Зольников и др., 2013). Более того, идея о катастрофических прорывах вод Байкала, приведших к формированию молодой долины р. Ангара во временном диапазоне 12–7 тыс. лет, прежде всего, противоречат геологические данные, характеризующие строение верховий реки. Согласно исследованиям (Мац и др., 2002), неотектонически обусловленный разрыв ленского стока вод оз. Байкал и формирование нового направления (по Ильча-Иркутной долине) стока в систему р. Енисей фиксируются уже на рубеже 500 тыс. л.н. В свою очередь, сток по этому каналу был прерван в связи с опусканием ливнянского блока около 40–60 тыс. л.н., что привело к формированию современного Ангарского истока. В результате этих неотектонических событий в верхней части течения р. Ангары сформировались два разновозрастных участка ее долины. Наиболее молодой из них расположен от истока до устья р. Иркут. Здесь фиксируются первая (6–8 м), сформировавшаяся при сартанском похолодании (24–20 тыс. лет), и вторая (12–14 м), сопоставляемая с предшествующим каргинским потеплением, надпойменные террасы. В то же время в долине р. Ангары, ниже устья р. Иркут присутствует существенно более мощный комплекс террас, высоты которых превышают 100 м (Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964). Согласно (Демьянович, 2007), уже в районе г. Иркутска выделяются низкая и высокая поймы, а также четыре надпойменных террасы, высоты которых достигают 40–50 м.

Специализированные исследования сети активных разломов юга Сибирской платформы (Лунина, Гладков, Шерстянкин, 2010) показали, что, с одной стороны, долина р. Ангары участками наследует разломы различной ориентировки, с другой – не подтверждают тезиса Г.И. Медведева и его соавторов (2012) о существовании Байкало-Ангарского разлома, который мог бы предопределить направление движения крупного водного потока из «байкальского прорана» и заложение долины «голоценовой» Ангары.

Анализ материалов геологической съемки и детальное литоседиментационное изучение разрезов позволяют убедиться в том, что низкие террасы Ангары на изучаемой территории имеют двухчленное строение (Зольников и др., 2013). Нижний ярус, в соответствии со схемой А.С. Ендрихинского, представлен аллювиальными отложениями, а верхний ярус представлен субаэральным комплексом, включающим, делювиальные, навешанные и перевешанные отложения с прослоями палеопочв. Те отложения, которые предшественниками принимались за перигляциальный аллювий (Равский, 1972), расположены на абсолютных отметках заведомо выше 130–135 м (общепринятый (Архипов, Волков, Волкова, 1980) порог стока подпрудно-ледникового Мансийского озера-моря через Тургайский прогиб на юг), а следовательно не могут таковым являться. По результатам наших исследований (Зольников и др., 2013), они представляют собой делювиальные отложения.

В районе затопления Богучанской ГЭС геолого-геоморфологическое строение территории, прилегающей к магистральной реке, в значительной мере обусловлено неотектонической спецификой. Плоское днище р. Ангары и широкое распространение вертикальных скальных берегов свидетельствуют о дискретно-перманентном «проваливании» фрагментов долины относительно водоразделов и, соответственно, наоборот – о фрагментировано-блоковом «воздымании» междуречных пространств на протяжении неогена–плейстоцена. Таким образом, число и высота прирусловых площадок рельефа в большей мере контролировались неотектоническим фактором, нежели климатическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов С.А., Волков И.А., Волкова В.С. Палеогеография // Палеогеография Западно-Сибирской равнины в максимум позднезрянского оледенения. Новосибирск: Наука, 1980. С. 91–99.
- Демьянович Н.И. Особенности ангарских террас как территориального ресурса Иркутска // География и природные ресурсы. 2007. № 1. С. 100–106.
- Ендрихинский А.С. Последовательность основных геологических событий на территории Южной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 6–35.
- Зольников И.Д., Деев Е.В. Проблемы диагностики отложений гляциальных суперпаvoudков неоплейстоцена в Горном Алтае // Лед и снег. 2012. № 3 (119). С. 79–86.
- Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Чутина Д.А. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 38–49.
- Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. М.: Наука, 1964. 196 с.
- Лунина О.В., Гладков А.С., Шерстянkin П.П. Новая электронная карта активных разломов юга Восточной Сибири // Докл. Акад. наук. 2010. Т. 433; № 5. С. 662–667.
- Мац В.Д., Фуджии Ш., Машико К., Гранина Л.З., Осипов Э.Ю., Ефимова И.М., Климанский А.В. К палеогидрологии Байкала в связи с неотектоникой // Геология и геофизика. 2002. Т. 43; № 2. С. 142–154.
- Медведев Г.И., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., Когай С.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н. Ископаемые литотехнические отложения плейстоцена и голоцена в геоморфологических ситуациях антропогена Байкальской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2012. № 1 (1). С. 33–57.
- Парначев С.В. Геология высоких алтайских террас (Яломанско-Катунская зона). Томск: Изд-во ИПФ ТПУ, 1999. 137 с.
- Постнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В. Проблемы генетической и стратиграфической диагностики отложений низких террас средней и нижней Ангары // Геология и минеральные ресурсы. 2012. № 3 (11). С. 25–31.
- Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М.: Наука, 1972. 334 с.
- Рудой А.Н. Гигантская рябь течения (история исследований, диагностика, палеогеографическое значение). Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 224 с.
- Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Полутом 2. М.: Недра, 1984. 556 с.
- Унифицированная региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Средней Сибири (Таймыр, Сибирская платформа): Объяснительная записка. Новосибирск: СНИИГТиМС, 2010. 90 с.

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ В ЭПОХУ КАМНЯ: ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2014 г. Е.Г. Калечиц

*Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь
(a.kalechyc@gmail.com)*

Ключевые слова: Припятское Полесье, палеоэкология, каменный век, археологические культуры, динамика хозяйственной деятельности, пути и время расселения.

Резюме. В докладе рассмотрены этапы заселения территории Западного Полесья в эпоху камня. Процесс эйкуменизации региона охарактеризован с помощью различных палеоботанических и геологических методов исследования. Параллельное использование палеогеографических и археологических данных дает основание для восстановления взаимосвязей и событий в системе «человек – среда обитания».

Огромные низменные пространства от нижнего Рейна до верхней Волги носят название *Полесье*. В зависимости от местности и реки, которая является главной водной артерией конкретного региона, Полесье имеет отдельные названия. Беларусь и Украину, благодаря Припяти и ее притокам, объединяет название *Припятское Полесье*. Государственная граница разделяет его на Белорусское и Украинское. В свою очередь, различные участки Белорусского Полесья имеют региональные названия (Мозырское, Пинское, Гомельское и т.д.).

Полесской низменной равниной занят весь юг страны. Несмотря на однообразие ландшафтов, равнина имеет сложный рельеф, который сформировался благодаря озерно-зандровым и аллювиальным процессам. Поверхность ее составлена сильно разрушенными временем моренными отложениями днепровского возраста, перекрытыми более молодыми, в основном песчаными наносами. Среди низменных пространств выделяются несколько возвышенностей: Мозырская гряда (наиболее высокая), Загородье и Хойникско-Брагинские возвышенности. На протяжении многолетней истории здесь происходят довольно значительные склоновые и эрозионные процессы. Более низкие территории Полесской низменности имеют заболоченные поверхности, между которыми разбросаны

мелководные озера, параболические дюны – самые подходящие места для обустройства древних поселений.

Русло Припяти и ее притоков давно сформированы, имеют широкие, иногда до нескольких километров, надпойменные террасы. Все эти формы рельефа были очень удобными для жизни древнего населения, начиная с тех далеких времен, когда отступил самый большой по площади распространения Днепровский ледник, началось Микулинское межледниковье, и даже тогда, когда на Беларусь пришел последний ледник Валдайского (Поозерского) оледенения. Именно здесь обнаружены наиболее древние памятники эпохи палеолита, многочисленные стоянки и мастерские жителей каменного, бронзового веков. С начала позднеледниковья территория Полесья никогда не пустовала.

Сегодняшнее состояние белорусской археологии позволяет восстановить процесс эйкуменизации Южной Беларуси начиная с эпохи позднего палеолита. Наиболее вероятным памятником верхнего палеолита на западе является местоположение около г.п. Логишин (Пинский р-н Брестской обл.).

В последнее время коренным образом изменились представления об освоении человеком территории Южной Беларуси в эпоху финального палеолита. Это произошло благодаря проведенной детальной культурно-хро-

нологической идентификации всех накопленных материалов каменного века (Калечыц, Коласаў, Абухоўскі, 2010). В книге отражена роль финальнопалеолитического населения – создателей ряда культур, участвовавших в освоении просторов Белорусского Полесья. Среди них носители гамбургской культуры, культур Лингби, красносельской (валкушанской) и свидерской. Количество памятников этого времени превышает цифру 350. Третья их часть найдена в Полесье.

Усилиями археологов в конце XIX – начале XXI в. на территории Белорусского Полесья накоплен богатый археологический материал, анализ которого позволяет реконструировать процесс освоения человеком этой территории, определить этапы заселения, основные хозяйственные занятия, сохранение традиций на протяжении многих веков. При этом сюда доходили новации с соседних территорий, освоение которых вело человечество по пути прогресса, создавая неповторимый и своеобразный облик материальной и духовной культуры автохтонного населения.

Параллельное развитие палеогеографических наблюдений и построений, попытки реконструкций палеоландшафтов, которые делают отечественные палеогеографы, дают основание для восстановления взаимосвязей и событий в системе «человек – среда обитания». Доминирующую роль в этой периодизации имеют результаты палеоботанических методов исследования.

Появившись на территории Белорусского Полесья во время позднего палеолита, человек полностью освоил эти территории и в финальном палеолите и больше никогда не покидал эту землю. Началом его постоянного обитания здесь можно считать время аллередского потепления. Воздействие человека на ландшафты в эту пору не фиксируется. Палеоэкологический анализ, основанный на данных палеогеографии, построен сегодня на выявлении изменений в палиноспектрах из отложений озер и болот. Изменения обводненности водоемов, что фиксируется на основании изучения характера отложений, по количественному содержанию пыльцы растений водной и болотной экологии, с помощью геохимических данных, позволяют рекон-

струировать палеоландшафты, пути расселения в экологических нишах.

На примере реконструкции динамики площади оз. Песчаное (около д. Одрижин Ивановского р-на Брестской обл.), на берегу которого были найдены следы поселения культуры лингби, видно, что в аллереде уровень воды был самым низким. Это позволяло местному населению иметь связи с соседними регионами.

Наиболее интенсивное заселение края произошло в дриасе-3, когда здесь оказались многие выходцы как с Волыни, так и с запада. Свидерский культурный слой наиболее мощный и позволяет утверждать, что именно тогда человек освоил всю территорию Полесья.

Мезолитический этап освоения человеком этой территории отражен в материалах, оставленных носителями каморницко-кудлаевского единства, яниславицкой культуры, а также единичными находками, принадлежавшими носителям других культур, например кундской. Картографирование памятников дало основание однозначно утверждать, что во время финального палеолита наиболее широко распространились носители свидерской культуры, а в мезолите такими были яниславицкие племена. Эти исследования сделали карту древнего населения Полесья, над которой долгие годы работал В. Исаенко, несравненно более конкретной и позволили перейти от фиксации памятников по типу «мезолитические/неолитические» к определению культурной атрибуции их создателей.

Почти одновременно с переходом к неолиту между 7 и 6 тыс. на юге и юго-западе Белорусского Полесья фиксируются следы примитивного земледелия. Остается проблематичным вопрос единства раннего этапа неманской неолитической культуры на большом пространстве. Кажется, что в раннем неолите гораздо больше общего население Западного Полесья имело с населением Волыни, а не Понеманья. Именно отсюда приходили новации в виде новых занятий (скотоводство и земледелие).

Ритмическое колебание тепла и холода и, как следствие, влажности, по-прежнему влияли на поселенческую структуру населения. Из-за существенного увеличения его количества, в неолите были обжиты все подходящие

уголки земли, берега рек и озер, дюны, террасы. Тем не менее палинологи фиксируют некоторое уменьшение воздействия человека на ландшафты Полесья в периоды подъемов озерных уровней, что соответствует этапам похолодания и увлажнения климата. Неолитический человек еще не вышел на водораздельные пространства.

В позднем неолите, с появлением на территории проживания местного населения заметна экспансия носителей культур шаровидных амфор и воронковидных кубков. Палинаспектры свидетельствуют о подсечно-огневом земледелии. На стадии бесплужного земледелия обработка почвы проводилась с помощью ручных примитивных орудий на безлесных участках. Среди домашних животных отмечены конь и собака.

Постепенно производящие формы хозяйства распространились на северо-восток страны. В позднем неолите и в эпоху бронзы (суббарреал-2, -3) значительно возросла роль скотоводства, а по мере активного использования упряжных пахотных устройств (на Полесье в бронзовом веке) появляются свидетельства пахотного земледелия (пастбищные сорняки и рожь). В конце суббореала пахотное земледелие распространилось в центральных районах страны, а в суббореале-2 пыльца ржи впервые найдены в отложениях севера Беларуси (Зерницкая, 1998).

Поскольку начиная с раннего неолита население Западного Полесья шло в ногу с населением Центральной Европы, именно здесь впервые отмечаются все новые явления, которые были характерны для Европы. На этой территории обнаружены остатки материальной культуры самых ранних «шнуровиков», что, по мнению М. Кривальцевича, позволяет судить о возможном участии полесского региона в процессе генезиса культуры шнуровой керамики Циркумбалтийского культурного круга (Kryvaltsevich, Kalechyts, 2000). Здесь образовался своеобразный коридор, через который в Беларусь проникали новые идеи.

В последнее время значительно изменились подходы к стратиграфическому разделению позднего плейстоцена – начала голоцена (Стратиграфические схемы ..., 2010), что позволило сравнить территорию с общеевропейскими схемами.

Значительные сдвиги произошли и в интерпретации хозяйственной деятельности населения каменного века Южной Беларуси. С помощью палинологических наблюдений выяснено, что процесс перехода к производящему хозяйству здесь происходил синхронно с населением соседних стран Европы (Калечыц, 2001.). Раскопками автора около д. Мотоль Ивановского р-на Брестской обл. существенно пополнена база для археозоологических выводов (Калечиц, Разлуцкая, 2006).

В целом, наши работы на территории Мотольского микрорегиона сыграли значительную роль в изучении Западного Полесья. Они были начаты еще в 90-е гг. прошлого столетия и продолжаются по сегодняшний день. Добытые материалы позволяют ответить на три главных вопроса: кто? откуда? когда?

Не на каждый из них можно ответить конкретно. Если мы теперь знаем, кто и откуда попал на земли Белорусского Полесья, то проблема *когда?* опирается только на аналогии. Причина этого – отсутствие серийных датировок. Поэтому мы вынуждены рассматривать вопрос в пределах хронологических интервалов.

Для решения поставленных задач нельзя было обойтись без детального обзора результатов палеогеографических наблюдений, которые у разных авторов представлены по-разному. Особенно трудно найти убедительное и безупречное доказательство процесса динамики палеоводоемов – решающего вопроса проблемы расселения в экологических нишах.

Огромный материал, накопленный в результате работ на территории Западного Полесья, позволяет по-новому осмыслить ряд принципиально важных и очень актуальных научных вопросов, являющихся составными частями многогранной проблемы первоначального заселения страны. При этом они до сих пор почти не рассматривались, или изучены недостаточно. Среди них: направление и время заселения территории, пути проникновения, этапы и системы расселения в экологических нишах, проблемы палеоэкологии и палеоэкономики, материальная и духовная культура населения каменного века, сохранение традиций и проникновение новаций, общее и различное на западе и востоке Поле-

сья, причины этих различий, миграции и автотонное развитие и другие вопросы, часть из которых стала объектом изучения в настоящее время.

Некоторые вопросы, которые в начале работы казалось возможным решить, остались без ответа. Например, нельзя рассуждать о системах расселения, не имея доказательств синхронного существования поселений. Нельзя сделать точную реконструкцию палеоэкономики без трасологического анализа.

Впереди новые работы, разработка новых направлений деятельности, обращение к новым методам и методическим приемам. Проблема первичного заселения и выяснения подробностей процесса дальнейшего расселения человека на Полесских просторах многогранна и требует активной работы не одного поколения исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зерницкая В.П. Динамика природных событий и следы деятельности человека в пыльцевых спектрах голоцена Полесья // Современные

геологические процессы: Тез. докл. IV Респ. совещ. 19–20 ноября 1998 г. Минск, 1998.

Калечиц Е., Разлуцкая А. Новые остеологические находки в междуречье Ясельды и Пины // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 21. Минск, 2006. С. 25–37.

Калечиц А.Г. Пераход да вытворчай гаспадаркі на тэрыторыі Беларусі (шляхі і час) // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w Miedzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr. Poznań, 2001. S. 381.

Калечиц А.Г., Коласаў А.У., Абухоўскі В.С. Палеалітычныя помнікі Беларусі. Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц. Мінск: Бел. навука, 2010. 322 с.

Стратиграфические схемы докембрийских и фанерозойских отложений Беларуси / Под ред. С.А. Кручека, А.В. Матвеева, Т.В. Якубовской. Минск: ГП Бел. НИГРИ, 2010. 282 с.

Kryvaltsevich M., Kalechyt's A. Some «A-horizon» components of the Early Corded Ware Culture in Western Belarus // Lietuvos Archeologija. № 19. Vilnius. 2000. P. 167–174.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗМЕНЧИВЫХ ЛАНДШАФТОВ РЕЧНЫХ ДОЛИН: ПРИМЕНЕНИЕ В АРХЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ВЫЧЕГДЫ)¹

© 2014 г. В.Н. Карманов¹, А.В. Чернов², Н.Е. Зарецкая³

¹*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
(vkarman@bk.ru)*

²*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(alexey.chernov@inbox.ru)*

³*Геологический институт РАН, Москва
(n_zaretskaya@inbox.ru)*

Ключевые слова: археология, русловая геоморфология, геоморфологическое картирование, геохронология, р. Вычегда, северо-восток Европы.

Резюме. В долине р. Вычегды (Республика Коми, Архангельская обл.) основным рельефообразующим фактором в позднем плейстоцене и голоцене были высокодинамичные русловые процессы. Наряду с глобальными и локальными изменениями климата, они оказывали непосредственное влия-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 11-06-00337а.

ние на характер заселения долины. В связи с этим для реконструкции ландшафтов долины реки были привлечены методы русловой геоморфологии. В итоге получены данные, актуальные как для решения фундаментальных проблем археологии (оценки источниковедческого потенциала территории, реконструкции среды обитания первобытного населения и механизмов и форм его адаптации к природно-климатическим изменениям), так и для прикладных разработок, в частности планирования мероприятий по сохранению объектов археологического наследия.

Вычегда – крупнейший правый приток Северной Двины, типичная равнинная река. Ее бассейн расположен на северо-востоке Восточно-Европейской равнины (южные районы Республики Коми и Архангельской обл.), большая часть находится в пределах Вычегодско-Мезенской низины, и только в верхнем течении Вычегда огибает с юга разрушенные складчатые структуры невысокого Тиманского кряжа. Общая протяженность реки 1 131 км. Исследования современных и древних русловых деформаций показали, что она является одной из самых динамичных рек Европы. И именно активные русловые процессы являлись основным рельефообразующим фактором в пределах днища ее долины в позднем плейстоцене и голоцене. В связи с этим для реконструкции ландшафтов долины реки были привлечены методы русловой геоморфологии, а именно палеорусловедения – дисциплины, изучающей деформацию речных русел в геологическом и историческом прошлом (Чалов, 1996). Формирование долины реки связано и с эоловыми процессами, преобразующими поверхности поймы и террас. Наряду с глобальными природно-климатическими изменениями, все эти процессы влияли на характер ее заселения и обитания в регионе первобытного населения.

В 2008–2013 гг. с целью реконструкции изменчивого ландшафта р. Вычегды было предпринято ее комплексное археолого-палеогеоморфологическое изучение на участках общей протяженностью 250 км. Прежде всего, проведено ее сплошное археологическое обследование, в результате которого выявлены новые памятники, и уточнено местоположение известных объектов и их связь с различными компонентами ландшафта. Некоторые из них были подвергнуты раскопкам. Далее детализирована история заселения долины реки и выделены и охарактеризованы основные периоды обитания/пребывания на Вычегде первобытного населения.

Анализ спутниковых снимков и крупномасштабных топографических карт позволил выделить на пойме и низкой террасе р. Вычегды семь разновозрастных поверхностей (генераций), в рельефе и строении каждой из которых запечатлен очередной этап развития ее русла в голоцене. Для определения абсолютного возраста этих генераций было проведено датирование слагающих их отложений радиоуглеродным методом. Всего из отложенной поймы, низких террас и археологического контекста из 129 пунктов отбора образцов к настоящему моменту получены 82 ¹⁴C-даты и одна OSL-дата.

В итоге было установлено пространственное соотношение объектов археологии и синхронных им компонентов речного ландшафта; определена степень сохранности разновременных поверхностей поймы и террас и соответственно оценена сохранность памятников различных археологических периодов; определены генетические типы отложений, слагающих долину реки, их хронология и соответственно повышена эффективность приложения спорово-пыльцевого, диатомового и палеоботанического анализов.

Эти данные явились основой для создания археологической карты изучаемого региона с различной картографической основой. Прежде всего, использовалась геоморфологическая карта долины р. Вычегды (на выбранных участках) с указанием разновозрастных генераций, пойменных сегментов и надпойменных террас и положений палеорусел на каждом этапе их развития². Картографирование этих сведений может быть использовано для планирования разведочных работ и, в частности, поиска шлейфов погребенных культуровещающих отложений.

Одновременно с оформлением геоморфологических карт была произведена оценка

² Результаты изучения одного из участков долины р. Вычегды опубликованы (Karmanov et al., 2011; Карманов и др., 2013).

источниковедческого потенциала территории долины р. Вычегды. Так, например, установлено, что седьмая генерация поймы, синхронная позднему мезолиту и раннему неолиту, сохранилась в долине лишь небольшими фрагментами. Это, объясняет то, что известные памятники этих периодов на Вычегде выявлены преимущественно на II надпойменной террасе или коренном берегу. Поэтому этот факт отражает, скорее всего, степень сохранности объектов этого времени, а не предпочтения в выборе мест пребывания/обитания первобытного населения.

В русле проведенного исследования (по проекту РФФИ) и с учетом региональных географических условий и специфики современной источниковой базы, среди составляющих адаптивных практик первобытного населения долины р. Вычегды были рассмотрены следующие показатели. Это выбор места пребывания/обитания и организации могильников и культовых мест; пространственная организация поселений; периодичность и продолжительность обитания первобытных коллективов на известных стоянках и поселениях; использование источников минерального сырья для каменных индустрий; особенности хозяйственной деятельности.

Установлено, что многокомпонентность речного ландшафта в местах наиболее активной деятельности реки обуславливала разнообразие пищевых ресурсов, легкий доступ к ним с использованием как водного транспорта, так и пеших перемещений, а также широкие возможности использования различных орудий охоты и рыболовства. Однако такие участки долины, ограниченные по площади и по биологической емкости, а также в условиях продолжительного холодного периода года на европейском Северо-Востоке, не могли использоваться в течение длительного времени.

Неблагоприятные природно-климатические условия для постоянного проживания в регионе первобытных коллективов при сравнительно быстрой смене локальных ландшафтных обстановок предопределяли образ жизни древнего населения. Наиболее вероятно, что в каменном веке его пребывание связано с поиском новых промысловых угодий, а в последующие периоды здесь появляются коллективы с вполне определенными задача-

ми – эксплуатации этих территорий исключительно для добычи и заготовки промысловой продукции. Этим обусловлены особенности используемых адаптивных практик, которые характеризуются экстенсивным способом освоения региона, высокой мобильностью коллективов, краткосрочностью и направленностью на решение узких задач, прежде всего, эксплуатации природных ресурсов.

Изучение русловых деформаций не ограничено хронологическими рамками и затрагивает, в том числе, и современность. При этом может быть установлена динамика эрозии поверхностей, на которых расположены объекты археологии. Это позволяет прогнозировать скорость и степень разрушающего воздействия на территории объектов археологического наследия.

Реконструкция изменчивого ландшафта долины р. Вычегды позволила получить данные, актуальные для решения следующих задач: 1) оценки источниковедческого потенциала региона для решения проблем археологии; 2) изучения локальных природно-климатических обстановок в позднем плейстоцене и голоцене и среды обитания первобытного населения; 3) определения форм и механизмов адаптации человеческих коллективов к изменениям природных климатических обстановок; 4) повышения эффективности и результативности разведочных работ; 5) планирования мероприятий по сохранению объектов археологического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 83–93.

Чалов Р.С. Историческое и палеорусловедение: предмет, методы исследований и роль в изучении рельефа // Геоморфология. 1996. № 4. С. 13–18.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Panin A.V., Chernov A.V. Reconstruction of Local Environments of Ancient Population in a Changeable River Valley Landscape (The Middle Vychegda River, Northern Russia) // Geochronometria. 2011. Vol. 38; № 2. P. 128–137.

О ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ СЕЙСМИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ ЮЖНОГО ПРИИССЫККУЛЬЯ (КЫРГЫЗСТАН) ПО ДАННЫМ АРХЕОСЕЙСМОЛОГИИ¹

© 2014 г. А.М. Корженков¹, Е.А. Рогожин¹, Д.В. Лужанский²,
Й. Мажейка³, А.М. Муралиев⁴, Е.В. Деев⁵

¹Институт физики Земли РАН, Москва
(korzhenkov@ifz.ru; eurog@ifz.ru)

²Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан
(lujanskiy_d@mail.ru)

³Центр природных исследований, Вильнюс, Литва
(mazeika@geo.lt)

⁴Институт сейсмологии НАН КР, Бишкек, Кыргызстан
(abmuraliev@mail.ru)

⁵Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск
(deev@ngs.ru)

Ключевые слова: Каджи-Саз, Тоссор, оз. Иссык-Куль, Тянь-Шань, средневековые крепости, древние руины, археосейсмология.

Резюме. Проведенные архео- и палеосейсмологические исследования в Южном Прииссыккулье (Северный Тянь-Шань) позволили выявить ряд неизвестных исторических и палеосейсмокатастроф. В частности, в траншеях, пройденных через стены средневековых крепостей Каджи-Саз и Тоссор, были выявлены следы двух землетрясений с местной сейсмической интенсивностью $I_0 \geq 8$ баллов. Эти материалы, а также палеосейсмологические исследования местных сейсмоуступов и сейсморов указывают на значительную сейсмическую активность в регионе, не нашедшую отражения на новой карте сейсмического районирования Кыргызстана 2011 г. Полученные авторами археосейсмологические данные свидетельствуют о том, что именно серия значительных природных катастроф, имевших место в XII в. н.э., привела к закату Караханидского ханства в Семиречье и Иссык-Кульской котловине, а не набеги кочевников и приход войск Чингисхана в XIII в. н.э., как это считалось ранее.

Археосейсмология является одним из подразделений палеосейсмологической науки. Перед ней стоят те же вопросы: 1) являются ли наблюдаемые деформации в зданиях сейсмогенными; 2) где произошло сильное историческое землетрясение, приведшее к повреждениям и разрушениям построек; 3) какой силы оно было; 4) когда произошло это землетрясение. Все это не праздные вопросы: познавая прошлое, мы пытаемся спрогнозировать будущее. Если сильное землетрясение разрушило древний город, то подобное сейсмическое событие может произойти и в будущем.

Археосейсмологические исследования ведутся по всему миру, проводятся они также и в России, и на просторах СНГ. Среди ведущих специалистов в этой области назовем А.С. Караханяна, А.М. Корженкова, А.А. Никонова, А.В. Панина и В.Г. Трифонова. Изучением деформаций на древних памятниках Киргизии занималась группа А.М. Корженкова. Ими проводились исследования на Таласском хребте, в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине. В последней следы исторических землетрясений были выявлены на севере: в бассейнах рек Иири-Талдыбулак и Тору-Айгыр, а также в долине реки Чон-Байсоорун.

¹ Работа выполнена в рамках проектов Международного научно-технического центра (№ КР-2011) и РФФИ (№ 13-05-91168-ГФЕН_а, 14-05-00091а).

Эти исследования были продолжены на южном склоне Иссык-Кульской котловины. Здесь летом 2013 г. нами были выявлены: 1) деформации в траншее, пройденной через стену в средневековой крепости в урочище Каджи-Саз; 2) деформации в траншее, пройденной через стену в средневековой крепости на западной окраине села Тоссор.

Археосейсмологическое исследование средневековых крепостей в Каджи-Сазской впадине. Горы Тегерек, обрамляющие впадину на севере, являются адырным инверсионным поднятием – высоким предгорьем, входящим в систему Терской мегантиклинальной структуры. Своим формированием оно обязано продолжающемуся сокращению земной коры между Евроазиатской и Индийской литосферными плитами, что приводит к вовлечению в поднятие территорий, принадлежавших в свое время к Иссык-Кульской впадине и бывших областью осадконакопления. Сейсмоуступ, выявленный нами по южному подножью гор Тегерек, является отражением интенсивной сейсмической и тектонической активности по Южно-Тегерекскому разлому. Эти подвижки привели к образованию предгорной синклинали структуры – Каджи-Сазской впадины. Название впадины «Каджи-Саз» – «Болото Хаджи (паломника в Мекку)», говорит само за себя. В связи с интенсивными тектоническими подвижками по разлому имеет место заболачивание Каджи-Сазской впадины, что является явным свидетельством тектонического подпора.

Современное болото во впадине образовалось на территории небольшого озера, которое (по словам местных жителей) существовало еще в конце XIX в. В месте, где река Каджи-Сай входит в массив хребта Тегерек и пропиливает его, образуя антецедентный участок своей долины, находятся развалины двух крепостей, которые охраняли в средневековое время горный проход одной из ветвей на Великом шелковом пути. Относительный возраст крепостей был определен местным археологом Д.Ф. Винником по подъемной керамике как караханидский (VIII–XII в. н.э.). Трудно предположить, что указанные крепости были построены посреди озера или на болоте, т.к. есть более высокие и сухие участки впадины. Наиболее вероятно, что крепости были воз-

ведены на суше, но интенсивное поднятия хребта Тегерек привело к подпруживанию р. Каджи-Сай и образованию озера, а затем болота в одноименной долине. Сейсмоуступ вдоль зоны Южно-Тегерекского разлома свидетельствует об импульсных подвижках по дизъюнктиву.

Нами была пройдена траншея через восточную стену западной крепости. Здесь в южной стенке траншеи было установлено, что стена сооружения состоит из двух частей: первичной, остатки которой сохранились внизу, и более поздней – верхней части. Видно, что стена была отремонтирована. По-видимому, при первом значительном землетрясении верхняя часть первоначальной стены была сильно повреждена – раздроблена, в связи с чем она была удалена и новые слои глины легли на нижнюю – лучше сохранившую часть. Следы этого повреждения видны в верхней части старого фрагмента стены. Однако и старая, и новая части стен были пробиты насквозь клиньями второго сильного землетрясения. Нами проведен отбор образцов на радиоуглеродный анализ для определения абсолютного возраста этапов строительства крепости и разрушивших ее землетрясений.

Археосейсмологическое исследование средневековой крепости на западной окраине села Тоссор. В 20 км на ВСВ от описанных Каджи-Сазских крепостей, на западной окраине с. Тоссор находится еще одна средневековая крепость, возраст которой, по определению Д.Ф. Винника, караханидский. Тоссорская крепость была построена над ядром современной, растущей в настоящее время, антиклинальной структуры. Ее южное крутое и короткое надразломное крыло видно в песчаном карьере, в непосредственной близости к югу от городища, по аномальному (до 20°) наклону слоев к югу в позднечетвертичных озерных отложениях. Рост молодой структуры виден также и в рельефе: обширная наклонная аллювиально-пролювиальная равнина, полого погружающаяся на север – к Иссык-Кулю, перед южной стеной крепости меняет свой наклон на противоположный, обратный силам гравитации. Не случайно, что Тоссорское городище было построено именно здесь – на некотором возвышении над окружающим рельефом.

Стратегически удобная позиция Тоссорской крепости, однако, сыграла свою негативную роль во время сильных средневековых землетрясений. В южной стенке траншеи, пройденной в восточной стене крепости, нами были выявлены значительные деформации, относящиеся к двум сейсмическим событиям. Во время первого землетрясения стена была сильно повреждена, ее обломки отлетели на восток на значительное расстояние, превышающее изначальную высоту стены. Это факт свидетельствует о сильных сейсмических колебаниях, т.к. при обычном статическом разрушении «со временем» подавляющая часть обломков должна была упасть на расстоянии, не превышающем $1/3$ высоты стены. Во время второго сейсмического события стена сильно растрескалась, что привело к образованию т.н. цветочной структуры в ее западной части; в восточной же части стены образовался значительный клин, внутрь которого провалились обломки верхней части стены. Любопытно, что ни сильнейшее растрескивание стены, ни пробивание ее значительным клином не привели к полному разрушению – разваливанию стены на запад и восток. По всей видимости, поврежденная при первом землетрясении сте-

на была окружена мелкоземом, постепенно накопившемся за десятки лет после первого сейсмического события или специально насыпанным людьми для ее укрепления. Нами были отобраны пробы на радиоуглеродный анализ для определения абсолютного возраста этапов строительства крепости и разрушивших ее землетрясений.

Относительный возраст сильных сейсмических событий в этом регионе совпадает с радиоуглеродным возрастом последней подвижки по сейсмору и ремобилизации грандиозного скального оползня в долине сухого сая Тегерек (левый приток р. Тоссор) – X в. н.э. В стенах описанных выше крепостей имеются также деформации, относящиеся к более позднему сейсмическому событию не установленного пока возраста. Все эти данные говорят об очень высокой степени сейсмической опасности в Южном Прииссыккулье, пока что не нашедшей своего отражения на современной карте сейсмического районирования Кыргызской Республики.

Благодарим за помощь в полевых исследованиях С.В. Абдиеву, Н.Ш. Ажиканова, В.А. Кольченко, П. Тюртеллота, Т.А. Чаримова, А.С. Юдахина.

**ПЕРИОД ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА
В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОГЕОГРАФИИ
И РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ-2¹**

© 2014 г. М.А. Кулькова¹, О.В. Лозовская², В.М. Лозовский², Е.Г. Ершова³,
А.Л. Александровский⁴

¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург (kulkova@mail.ru)

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(olozamostje@gmail.com; zamostje68@gmail.com)

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(eershova@rambler.ru)

⁴Институт географии РАН, Москва
(alexandrovskiy@mail.ru)

Ключевые слова: мезолит, неолит, Верхнее Поволжье, палеоэкология, озерное поселение, охотники-рыболовы, древесные ресурсы, водные ресурсы, динамика растительного покрова.

Резюме. Стоянка Замостье-2, относящаяся к типу озерных поселений охотников-рыболовов, существовала на побережье мелководного озера в раннем голоцене непрерывно на протяжении почти 2 тыс. лет. На основе радиоуглеродного датирования было выделено четыре хронологических эпизода активного хозяйственного использования водоема: три из них – ок. 6 200–6 000, 5 600–5 400 и 4 550–4 350 cal BC – соответствуют известным культурным слоям стоянки Замостье-2; один – ок. 4 950–4 650 cal BC, переход от раннего к среднему неолиту – прямых соответствий не имеет. Данные палинологического, геохимического и микрочувствительного анализов позволили охарактеризовать климатические условия, которые существовали в эти периоды и выделить основные трансгрессивно-регрессивные стадии в водоеме, влияющие на хозяйственные стратегии древнего человека.

Палеогеографические реконструкции для первой половины Атлантического периода всегда привлекали особое внимание исследователей каменного века, поскольку характеризовали условия существования древнего населения в один из наиболее знаменательных моментов человеческой истории – переходу к производящему хозяйству и изобретению керамики. Связано это, в первую очередь, с тем, что причины и сам механизм перехода не могут быть в достаточной мере объяснены только в рамках изменений материальной культуры, в т.ч. техническим прогрессом или развитием социального устройства общества. Поэтому кажется очевидным, что к коренной перестройке жизненного уклада могли подтолкнуть только внешние, природные обстоя-

тельства. Так это или иначе, можно понять лишь на основе детальной реконструкции палеосреды и сопоставления с «событиями» в материальной культуре.

Для периода позднего мезолита – раннего неолита в лесной зоне Европейской части России наиболее актуальной проблемой остается вопрос распространения неполного комплекса неолитических инноваций, который характеризуется восприятием керамического производства при сохранении традиционных форм хозяйства. Палеогеографический контекст этих процессов на протяжении более чем тысячелетней истории территории Верхнего Поволжья предлагается рассмотреть на примере многослойной стоянки Замостье-2, в которой, благодаря обводненным торфяни-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 11-06-00090а, 11-06-10030к, 12-06-10013к, 13-07-10007к, 13-06-12057 офи-м.

ковым отложениям, сохранились многочисленные древесные и растительные остатки, являющиеся уникальным источником информации об окружающем ландшафте.

Стоянка Замостье-2 относится к типу озерных поселений охотников-рыболовов, о чем свидетельствует, в том числе и характер инвентаря: несколько миллионов рыбьих костей, находки рыболовных крючков, зубчатых остриев, ножей для чистки рыбы, а также многочисленных весел, поплавков и остатков сетей (Лозовский и др., 2013). В структуру древних поселений, в т.ч. верхнего позднемезолитического и ранненеолитического слоев, входила также и экономическая зона древнего водоема, где был открыт уникальный комплекс рыболовных сооружений. Он включал конструкцию из трех конусовидных ловушек-вершей, остатки легких перегородок, а также долговременных хозяйственных построек из вертикально вбитых кольев на дне современного русла р. Дубны.

Большая серия радиоуглеродных дат для деревянных объектов (36 дат) позволила выявить четыре различных хронологических эпизода активного хозяйственного использования водоема. Три из них – ок. 6 200–6 000, 5 600–5 400 и 4 550–4 350 cal BC – соответствуют известным культурным слоям стоянки Замостье-2; один – ок. 4 950–4 650 cal BC, переход от раннего к среднему неолиту – прямых соответствий не имеет.

Систематическое определение пород древесины, использовавшейся для изготовления орудий и строительных нужд (более 250) выявило ряд характерных черт, среди которых – широкий список пород и высокий процент широколиственных видов деревьев. Наиболее востребованными для изготовления инвентаря были сосна, береза, вяз, ива; для вершей и перегородок – сосна, ель, ива; для сооружений из кольев – граб, тополь, черемуха, ива (Лозовская, Лозовский, 2014). В частности, присутствие граба было зафиксировано для региона впервые.

Принципиально новые данные получены по результатам спорово-пыльцевого анализа. Локальные изменения растительности в районе стоянки носили постепенный характер и отражали растянутый во времени процесс обмеления, зарастания и заболачивания обшир-

ного древнего водоема. Территория представляла собой мозаику участков открытой воды с разнообразной мелководной растительностью, тростниковых и камышовых зарослей, кочек, образованных осоками и болотными папоротниками, заболоченных березняков и, в конце периода, ольшаников. В региональной растительности конца бореального и всего атлантического периодов преобладали широколиственные леса, в состав которых входили дуб, клен, липа, ильмовые, граб, и их спутник орешник. Сосна также присутствовала на водоразделах, однако ее участие было сравнительно невелико.

Постепенное на протяжении тысячелетий понижение уровня палеоводоема фиксируется и по данным геохимического анализа отложений. Кратковременные регрессивные и трансгрессивные периоды, которые реконструируются на основе археологических и геологических данных (Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001), не были столь значительны, чтобы привести к серьезным изменениям ландшафта, и отражались главным образом в контурах береговой кромки.

Таким образом, в течение более двух тысяч лет с позднего мезолита до среднего неолита поселения древних людей были приурочены к самому берегу крупного мелководного водоема, с показателями высокой продуктивности, окруженного прибрежной водно-болотной растительностью. Этот ландшафт представлял собой исключительно благоприятные условия, как для рыбной ловли, так и для сопутствующей ей охоты на птицу. Заросли заболоченных ивняков и березняков по краям палеозера и различных протоков являлись также местом обитания лося и бобра – основных промысловых животных на протяжении позднего мезолита и неолита. Зимняя охота могла происходить и в расположенных поблизости широколиственных водораздельных лесах и сосняках, отсюда же бралось древесное сырье для производства деревянного инвентаря и рыболовных конструкций (сосна, вяз, ясень, черемуха, граб и др.).

Хозяйственное освоение водных пространств, выраженное в сооружении деревянных конструкций, связывается в одних случаях с регрессивными фазами (слой VM и начало среднего неолита), в других случаях с

мелководными участками трансгрессивного этапа (ранний неолит). Существенным в данном случае, вероятно, являлась глубина водоема. Разница по уровню залегания вершей раннего неолита и «загородок» позднего мезолита составляет не менее 130 см. Постройки среднего неолита, по предварительным данным, напротив, совпадают с высокой водой, но находились они на удалении от берега.

Важным является тот факт, что изменение уровня палеоводоема влияло, по нашим данным, только на расположение поселений по отношению к исследованной территории стоянки, в результате чего мы изучаем то жилую площадку, то прибрежный участок водоема. Положение же самих древних поселений относительно кромки современного им берега оставалось в целом одинаковым. Все данные естественнонаучных анализов однозначно указывают на то, что и окружающий ландшафт, и экономика поселений на протяжении двух тысяч (и более) лет оставались практически неизменными. Это касается как охоты на промысловых животных (лось, бобр, в неолите в незначительном количестве появляется кабан) и на птиц (водные и водно-болотные, в неолите возрастает роль тетеревиных), так и массовой рыбной ловли (щука, окунь и карповые). Все небольшие изменения происходят в рамках одной экологической ниши, которую следует признать исключительно благоприятной для древнего человека.

Смена археологических культур и эпох на территории стоянки Замостье-2 (как и на многих других памятниках бассейна Верхней Волги) пришлась на начало трансгрессивных этапов развития палеоводоемов. Наиболее существенным изменением в материальной культуре местного населения, бесспорно, является появление керамического производства. Однако ни распространение посуды, ни другие изменения в традициях изготовления и использования орудий труда и деревянных конструкций, никак не изменили основной хозяйственный уклад обитателей озерных

поселений. По всей видимости, как местное мезолитическое население, так и приходившие сюда новые группы людей (с керамикой, с новыми технологиями) воспринимали эту экономическую модель как оптимальную для данных условий. Сохранение многих типологических традиций в каменном и костяном инвентаре может объясняться как адаптацией к одним и тем же хозяйственным задачам, так и тем, что аборигенное мезолитическое население оставалось основным компонентом на протяжении, по крайней мере, раннего неолита на данной территории.

Таким образом, именно экологическая ниша и оптимальная для нее модель хозяйствования оказали влияние на развитие человеческой культуры и не способствовали появлению производящего хозяйства на этой территории вплоть до начала железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье-2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Мат-лы междунар. конф. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001. С. 248–254.

Лозовская О.В., Лозовский В.М. Использование древесины в позднем мезолите – раннем и среднем неолите на озерном поселении Замостье-2 // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 64–69.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Клементе Конте И., Мэгро Й., Гиля Е.Ю., Раду В., Десс-Берсе Н., Гассьот Бальбе Э. Рыболовство эпохи позднего мезолита и раннего неолита по материалам исследований стоянки Замостье-2 // Замостье-2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне верхней Волги / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 18–45.

КОГДА НАЧАЛСЯ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ? (В КОНТЕКСТЕ ХРОНОЛОГИИ ГЛОБАЛЬНЫХ КЛИМАТЕМОВ)¹

© 2014 г. Г.М. Левковская¹, М.В. Аникович¹, Н.И. Платонова¹, Дж.Ф. Хоффекер²,
Л.С. Шумиловских³, С.Н. Лисицын¹

¹Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург (ggstepanova@yandex.ru; niplaton@gmail.com)

²Институт арктических и альпийских исследований, Университет Колорадо,
Боулдер, США (John.Hoffecker@Colorado.edu)

³Институт средиземноморской экологии и палеоэкологии,
Экс-ан-Прованс, Франция (shumilovskikh@yahoo.com)

Ключевые слова: датировки, IRSL/OSL, варвохронология, верхний палеолит Костёнок, мегаинтерстадиал Глинде+Моерсхоофд, палинологические эталоны, изотопные шкалы.

Резюме. Наиболее древние палеолитические слои Костёнковско-Борщёвского района ныне открыты на стоянке Костёнки-12, комплексно исследованной в 1999–2004 гг. и продатированной методами IRSL/OSL и ¹⁴Самс. Впервые выполнена корреляция спорово-пыльцевой диаграммы подпепловой части разреза Костёнок-12 (включая выявленные в этом разрезе древнейшие палеопочвы А, В, С, D и культурные слои III, IV, V) с наиболее надежно датированными по подсчету годовых слоев «календарями» последних 70 тыс. лет – изотопными шкалами (¹⁶O/¹⁸O GISP2, Гренландия; ¹³C/¹⁴C VIL 9, Западная Франция), а также с палинологическими диаграммами разрезов Монтиккио (Италия), Черноморской скважины 25-GCI и эталонными диаграммами интерстадиалов Глинде и Моерсхоофд (Северная Германия). В результате установлена корреляция древнейшего археологического слоя Костёнковско-Борщёвского района – Костёнки-12/V – с интерстадиалом Глинде (53–48 тыс. л.н.), а наиболее раннего достоверно верхнепалеолитического слоя Костёнки-12/IV – с интерстадиалом Моерсхоофд. Залегающий выше слой Костёнки-12/III начал формироваться по окончании этого интерстадиала, после 42 300 л.н.

Культурные слои Костёнки-12/V и -12/IV являются самыми древними палеолитическими местонахождениями Костёнковско-Борщёвского района Русской равнины (далее: КБР). Их археологические комплексы охарактеризованы в монографиях (Аникович, Аниюткин, Вишняцкий, 2007; Аникович, Попов, Платонова, 2008). Они залегают ниже тефры извержения CI/Y5 в районе Флегрейских полей на юге Италии (~39 000 л.н.) и геомагнитного экскурса Лашамп (~40 700 л.н.) (Pyle et al., 2006; Douka, Higham, Sinitsyn, 2010; Nowaczyk et al., 2012).

Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Костёнок-12 (Левковская и др., 2005; Levkovskaya et al., 2014) отражает в специфическом

палинологическом аспекте глобальные климаты, с которыми связаны древнейшие палеопочвы (А, В, С, D) и культурные слои стоянки – III (вмещен в почву А), IV (вмещен в почву В), V (вмещен в почву D). Для этой части разреза получено 12 IRSL/OSL дат по пяти образцам (хроносрез 52 340–43 470 л.н.). В настоящее время произведена корреляция этой диаграммы:

– с ¹⁶O/¹⁸O изотопными осцилляциями 14–12 (хроносрез 50–42 тыс. л.н.) Гренландского ледникового «календаря» GISP2; продатирован по подсчету годовых слоев и другими методами (Johnsen et al., 2001);

– с ¹³C/¹⁴C изотопными осцилляциями 14–12 (хроносрез 50–42 тыс. л.н.) шкалы ста-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ №12-01-00345а и №13-01-00292а, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

лагмита Vil. 9 из пещеры Вилларс на западе Франции (Genty et al., 2003). Шкала продатирована по подсчету годовичных слоев и на основе $27^{234}\text{U}/^{230}\text{Th}$ -датировок;

– с диаграммой черноморской скважины 25-GC1 (Shumilovskikh et al., 2013) с наибольшими (в MIS 3-2) максимумами пыльцы широколиственных древесных пород (дуба) на хроносрезе 53 080–51 080 и 46 315–45 350 л.н. Диаграмма продатирована по подсчету морских годовичных слоев, тефрахронологии (найден тефра CI/Y5) и магнитохронологии (обнаружен экскурс Лашамп);

– с зоной 11 Глинде+Моерсхоофд (50 000–42 300 л.н.) на диаграмме Монтиккио в Италии, продатированной на основе варвохронологии и других методов (Watts, Allen, Huntley, 1996);

– с хронологическими данными по стоянкам Глинде (51 500–47 000) и Моерсхоофд (46 250–43 500) л.н. (van der Hammen et al., 1967; Kolstrup, Wijmstra, 1977; Ran, 1990; Behre, Van der Plicht, 1992);

– с нижней палеопочвой стоянки Борщёво-5, где, как и в нижней палеопочве Костёнок-12, выявлен максимум пыльцы вяза.

В культурном слое Костёнки-12/V найдено 10 каменных изделий, из них два – с вторичной обработкой. Материал – местный желтый кремль плохого качества. В фаунистическом комплексе доминирует благородный олень, встречаются кости северного оленя, лошади, мамонта и др. Принадлежность данного слоя среднему или верхнему палеолиту в настоящее время неясна (Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 85, 87).

Культурные остатки вмещены в палеопочву D, которая синхронизируется со второй половине оптимума интерстадиала Глинде (51 550–47 000 л.н.) (Левковская и др., 2005; Levkovskaya et al., 2014). Этот оптимум характеризуется абсолютным (внутри MIS 3-2) максимумом пыльцы широколиственных древесных пород: доминанты – вяз в Костёнках, дуб в разрезе Монтиккио (первая половина хроносреза 50 000–42 300 л.н.) и разрезе черноморской скважины 25-GC1 (53 880–51 080 л.н.). Он коррелируется с теплым интервалом DO14 ледниковой гренландской шкалы GISP2 (~54–50 тыс. л.н.) и с $^{13}\text{C}/^{14}\text{C}$ осцилляцией 14

сталагмитовой шкалы Vil.9 из пещеры Вилларс во Франции (~54–50 тыс. л.н.).

Слой Костёнки-12/IV (палеопочва В) является на данный момент самым древним достоверно верхнепалеолитическим слоем КБР (Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 85, 88, 89). Помимо фаунистических находок (доминирует мамонт), в нем найдено 72 кремневых изделия, из них 10 с вторичной обработкой. Индустрия обнаруживает архаичные черты, видимо, связанные с низким качеством местного кремня. Впрочем, присутствуют единичные артефакты из кремня хорошего качества, свидетельствующие о наличии высокоразвитой технологической обработки. Костяного инвентаря в слое не обнаружено. В индустрии прослеживаются отдельные черты технологического сходства с комплексом Костёнки-14/IVб, исследованным А.А. Сеницыным (Сеницын, 2002; Сеницын и др., 2004; Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 87), хотя указанные слои связаны с разными мегаэтапами развития природной среды: Костёнки-12/IV – со второй половиной «вязового» мегаэтапа, а Костёнки-14/IVб – с концом этапа перигляциальных степей и «хвойным» мегаэтапом.

Верхняя часть слоя Костёнки-12/IV формировалась после оптимума интерстадиала Моерсхоофд (46–44 тыс. л.н.; Ran, 1990), во время его термогигротической климатической стадии (доминирование влажных лугов, встречаются вязовые леса). Последняя соответствует наиболее влажной фазе (45 500–42 300 л.н.) в пещере Вилларс на западе Франции. Возраст резкого окончания интерстадиала Моерсхоофд в различных регионах составляет ~42 300 л.н. Оптимуму интерстадиала Моерсхоофд в MIS 3-2 соответствует следующий (после абсолютного) значительный максимум пыльцы широколиственных древесных пород – вяза в Костёнках 12 и дуба – в черноморской скважине 25-GC1 (46 315–45 350 л.н.), а также в озерном разрезе Монтиккио (вторая половина хроносреза 50 000–42 300 л.н.). Он коррелируется с теплым этапом DO12 «календаря» GISP2 $^{16}\text{O}/^{18}\text{O}$ (оптимум: хроносрез 46 800–45 300 л.н.) и осцилляцией 12 на $^{13}\text{C}/^{14}\text{C}$ сталагмитовой шкале Vil.9 (47 000–42 300 л.н.).

Палинологические (Левковская и др., 2005; Levkovskaya et al., 2014) и детальные

палеозоологические данные (Hoffecker et al., 2005) показывают, что слой Костёнки-12/III, вмещенный в палеопочву А (костенковско-стрелецкая культура, первый этап по М.В. Аниковичу) формировался в условиях перигляциальных степей (в фаунистическом комплексе доминировала лошадь) и позже – во время первой фазы хвойных еловых лесов (доминировал северный олень). Его формирование началось после 42 300 л.н.

Нижняя часть разреза Костёнки-12 в настоящее время может быть скоррелирована лишь с одним памятником КБР – стоянкой Борщёво-5, где в нижней палеопочве выявлен максимум пыльцы вяза (Levkovskaya et al., 2014). Возможно, дальнейшие исследования этого памятника смогут уточнить наши представления об инициальном верхнем палеолите Русской равнины.

Все другие подпепловые отложения КБР с палинологией, включая нижний слой стоянки Костёнки-14 (IVб), а также культурные слои Костёнки-1/V и -17/II связаны с мегаэтапом хвойных лесов, о чем говорят данные, полученные в разное время разными палинологами (Левковская и др., 1983; Спиридонова, 2002). Соответственно, все они моложе, чем конец «вязового» мегаэтапа (42 300 л.н.) и «степной» мегаэтап. Лишь часть слоя Костёнки-14/IVб, связанная с литологическим горизонтом 23, коррелируется с концом перигляциального степного мегаэтапа, свидетельствуя о присутствии в рамках культурного слоя IVб более дробных стратиграфических подразделений, формировавшихся в разных природных условиях – IVб1 и IVб2 (Величко и др., 2009. С. 37).

Согласно новейшим исследованиям (Gibbons, 2014), возраст самой древней в Евразии антропологической находки с ДНК *Homo sapiens* из района Усть-Ишим (Омская обл.) составляет ~45 тыс. л.н., что соответствует периоду формирования верхнепалеолитического слоя Костёнки-12/IV (мегаэтап вязовых лесов и лугов, интерстадиал Моерсхоофд, 45 500–42 300 л.н.). Возраст известной антропологической находки из Костёнок-14/IVб составляет ~37 500 л.н. (Там же), свидетельствуя о принадлежности данного комплекса последующему мегаэтапу хвойных лесов и лугов.

Благодарности. Статья посвящена светлой памяти В.В. Попова, отдавшего многие годы жизни изучению верхнего палеолита Костёнокско-Борщёвского района.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007. 335 с.

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнокско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 302 с.

Величко А.А., Писарева В.В., Седов С.Н., Тимирева С.Н. Палеогеография стоянки Костёнки-14 (Маркина гора) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 35–51.

Левковская Г.М., Бердовская Г.Н., Хомутова В.И. Морфологическая изменчивость пыльцы ели – возможный источник ошибок при палеогеографических реконструкциях // Мат-лы IV Всесоюз. палинологической конф. «Палинология и палеогеография». Свердловск: Изд-во Урал. науч. центра АН СССР, 1983. С. 53–57.

Левковская Г.М., Хоффекер Дж.Ф., Аникович М.В., Холлидэй В.Т., Форман С.Л., Поспелова Г.А., Попов В.В., Карцева Л.А., Стеганцева В.Я., Санько А.Ф. Климатостратиграфия древнейших палеолитических слоев стоянки Костёнки-12 – Волковская (первые обобщения палинологических, палинотератных, палеозоологических, палеопедологических, палеомагнитных и СЭМ-палеоботанических исследований) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнокско-Борщёвского района и сопредельных территорий. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 93–130. (Тр. Костёнокско-Борщёвской археол. экспедиции; Вып. 3).

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костёнок-14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 219–236.

Синицын А.А., Хоффекер Дж.Ф., Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Форман С., Очередной А.К., Бессуднов А.А., Миронов Д.С., Рейнолдс Б. Костёнки-14 (Маркина гора) // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж: Истоки, 2004. С. 39–59.

Спиридонова Е.А. Палинологическое обследование возраста отложений стратиграфической колонки стоянки Костёнки-12 (Маркина гора) // Особенности развития верхнего палеолита Вос-

точной Европы. СПб.: АкадемПринт, 2002. С. 237–246.

Behre K.E., Van der Plicht J. Towards an absolute chronology for the last glacial period in Europe: radiocarbon dates from Oerel, Northern Germany // *Vegetation History and Archaeobotany*. 1992. № 1. P. 111–117.

Douka K., Higham T., Sinitsyn A. The influence of pretreatment chemistry on the radiocarbon dating of Campanian Ignimbrite-aged charcoal from Kostenki 14 (Russia) // *Quaternary Research*. 2010. № 73 (3). P. 583–587.

Genty D., Blamart D., Ouahdi R., Glimour M., Baker A., Jouzel J., Van-Exter S. Precise dating of Dansgaard-Oeschger climate oscillations in Western Europe from stalagmite data // *Nature*. 2003. № 421 (20). P. 833–837.

Gibbons A. Oldest *Homo sapiens* Genome Pinpoints Neandertal Input // *Science*. 2014. Vol. 343; №. 6178. P. 1417.

Hoffecker J.F., Kuzmina I.E., Anikovich M.V., Popov V.V. Taphonomy of an Early Upper Paleolithic Bone Bed at Kostenki-12 (Volkovskaya) // *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий*. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 161–177.

Johnsen S.J., Dahl-Jensen D., Gundestrup N., Steffensen J.P., Clausen H.B., Miller H., Masson-Delmotte V., Sveinbjörnsdóttir A.E., White J. Oxygen isotope and palaeotemperature records from six Greenland ice-core stations: Camp Century, Dye-3, GRIP, GISP2, Renland and NorthGRIP // *Quaternary Science*. 2001. № 16. P. 299–307.

Kolstrup E., Wijmstra T.A. A palynological investigation of the Moershoofd, Hengelo and Denekamp interstadials in the Netherlands // *Geologie Mijnbouw*. 1977. № 56. P. 85–102.

Levkovskaya G.M., Shumilovskikh L.S., Hoffecker J.F., Anikovich M.V., Platonova N.I. Supra-regional correlations of the most ancient paleosoils and Paleolithic layers of Kostenki-12 (Kostenki-Borschevo region, Russian Plain) // *Quaternary International*. 2014 (in press).

Nowaczyk N.R., Arz H.W., Frank U., Kind J., Plessen B. Dynamics of the Laschamp geomagnetic excursion from the Black Sea sediments // *Earth and Planetary Science Letters*. 2012. № 351–352. P. 54–69.

Pyle D.M., Ricketts G.D., Margari V., Van Andel T.H., Sinitsyn A.A., Praslov N.D., Lisitsyn S.N. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene Campanian Ignimbrite/Y5 eruption, Italy // *Quaternary Science Rev.* 2006. № 25. P. 2713–2728.

Ran E.Th.H. Dynamics of vegetation and environment during the middle pleniglacial in the Dinkel valley (The Netherlands) // *Mededelingen Rijks Geologische Dienst*. 1990. № 44 (3). P. 141–206.

Shumilovskikh L.S., Fleitmann D., Nowaczyk N.R., Behling H., Marret F., Wegwerth A., Arz H.W. Orbital and millennial-scale environmental changes between 64 and 25 ka BP recorded in Black Sea sediments // *Climate of the Past Discussions* 9. 2013. P. 5439–5477.

Van der Hammen T., Maarleveld G.C., Vogel J.C., Zagwijn W.H. Stratigraphy, climatic succession and radiocarbon dating of the Last Glacial in the Netherlands // *Geologie Mijnbouw*. 1967. № 46. P. 79–95.

Watts W.A., Allen J.R.M., Huntley B. Vegetation History and palaeoclimate of the last glacial period of Lago Grande di Monticchio, southern Italy // *Quaternary Science Rev.* 1996. № 15. P. 133–153.

ЛЕССОВЫЙ ПАЛЕОЛИТ ПАМИРО-АЛАЯ, МАГНИТНАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ

© 2014 г. С.П. Ломов

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза
(stas_lomov@mail.ru)*

Ключевые слова: лессовый палеолит, магнитная восприимчивость, карбонатные коры, коричневые почвы, лугово-коричневые почвы.

Резюме. В статье рассматриваются особенности распределения палеолитических артефактов, погребенных в почвах лессовых осадков, и их периодизация в пределах неоплейстоцена. Все погребенные почвы сопоставлены с данными морских изотопных стадий и, таким образом, имеют четкие возрастные срезы. Изучение магнитных свойств в сочетании с магнитной восприимчивостью в пределах опорного разреза Дарай-Калон определило возможность реконструкции палеоклимата и природной среды жизни древних людей и их миграции в Центральной Азии.

Лессовый палеолит — это особая разновидность археологических памятников в районах распространения лессового покрова, изученная и предложенная В.А. Рановым. Особенности и формирование погребенных почв в лессах Памиро-Алая заключаются в наличии палеолитических находок даже в самых древних уровнях лессовых горизонтов. Здесь мы имеем следующую археологическую периодизацию индустрий, непосредственно связанную с палеопочвенными педокомплексами (ПК). Артефакты практически не встречаются в лессах:

ПК 12–11 – кульдаринская индустрия мелких отщепов;

ПК 8–7 – изолированные находки;

ПК 6–4 – каратауская галечная индустрия, имеющая элементы развития от более ранних к более поздним ПК;

ПК 3 – изолированные находки;

ПК 2–1 – мустьерская индустрия леваллуа-мустьерской фации.

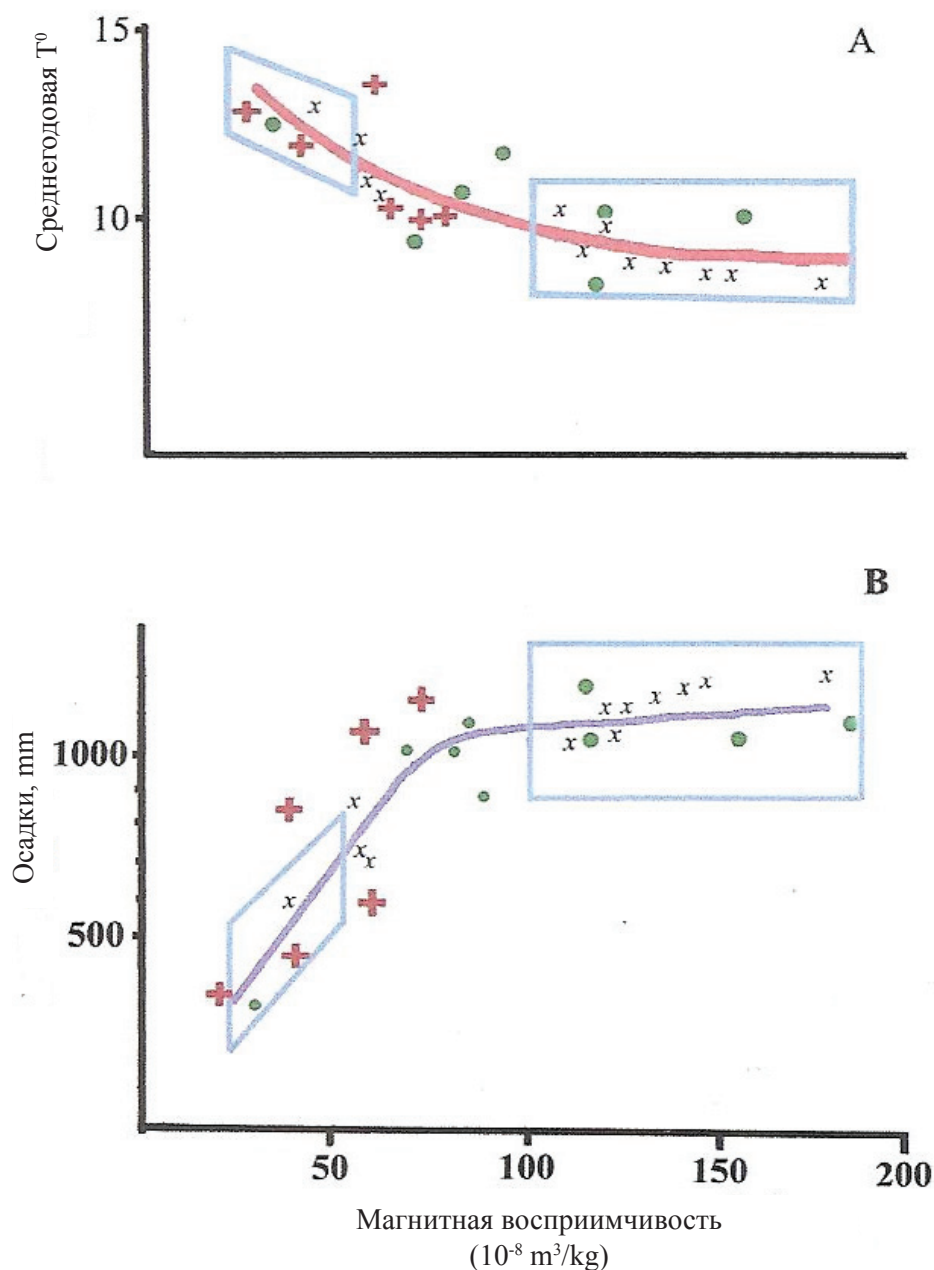
В настоящее время подавляющее большинство исследователей разного профиля основывают стратиграфию лессово-почвенной формации с известной изотопной кислородной кривой, тем самым подчеркивая глобальность происходивших палеоклиматических событий в четвертичное время.

Согласно этой корреляции, ПК 12–11 относятся к завершающим этапам эоплейстоцена (~ 950 тыс. л.н.), ПК 10–2 относятся к нижнему и среднему неоплейстоцену и только ПК 1 – к верхнему неоплейстоцену (80–130 тыс. л.н.). В этом случае в палеомагнитной эпохе Брюнес ПК 6 коррелирует с 15-й стадией (568–621 тыс. л.н.), ПК 5, соответственно, – с 13-й (474–528 тыс. л.н.), ПК 4 – с 11-й (364–427 тыс. л.н.), а ПК 2 – с 7-й (186–242 тыс. л.н.).

Активная миграция и жизнь древних людей от нижнего палеолита Памиро-Алая до мезолита определяют необходимость восстановления природной среды в чередовании лессово-почвенной формации. Для этой цели определялись палеорастворимость по спорово-пыльцевым анализам, изучалось строение и химический состав палеопочв, макро- и микроморфологические показатели процессов почвообразования, минералогия и геохимические анализы. По всем разрезам изучались магнитные свойства особенно магнитная восприимчивость лессов и почв. Магнитная восприимчивость (МВ) изучалась в лессах и почвах в два этапа: первый этап до 1979 г; второй этап – в 1994 г. Использовались портативные приборы однако все контролировалось на стационарном приборе

Bartington magnetic susceptibility meter. s. 2, величины выражались в кей – $\chi \cdot 10^{-8}$ м³/кг. Для второго этапа исследований проводился дробный отбор образцов через каждые 15 см, иногда 30 см, для всех изученных разрезов и в т.ч. опорного разреза Дарай-Калон. Данные по МВ разреза Дарай-Калон нами отобраны

для реконструкции палеоклимата погребенных почв. В этих целях были изучены современные почвы в пределах абсолютных высот от 500 до 2000 м над ур.м. с климатическими параметрами 400–1 200 мм осадков и 14,0–8,5 °С среднегодовых температур (рис. 1).

данные 1979 г.

данные 1994 г.

x данные магнитной восприимчивости в палеопочвах и лессах опорного разреза Дарай-Калон

Рис. 1. Корреляция между магнитной восприимчивостью в современных почвах и среднегодовыми температурами и осадками в Таджикистане.

Эти климатические параметры охватывают степные и лесостепные ландшафты вертикальной поясности Памиро-Алая с сероземными и коричневыми типами почв. Пределы МВ в этих почвах составляют от 30 до $185 \chi \cdot 10^{-8} \text{ м}^3/\text{кг}$. Проведение корреляций между МВ и среднегодовыми показателями температуры и осадков в почвах названных вер-

тикальных поясов выявило следующие показатели. Семиаридные геосистемы с МВ от 30 до $60 \chi \cdot 10^{-8} \text{ м}^3/\text{кг}$ и гумидные, которые характеризуются амплитудой МВ от 70 до $185 \chi \cdot 10^{-8} \text{ м}^3/\text{кг}$. Таким образом, получилась своеобразная «матрица» с корреляционными кривыми по температуре и осадкам от семиаридных до гумидных ландшафтов.

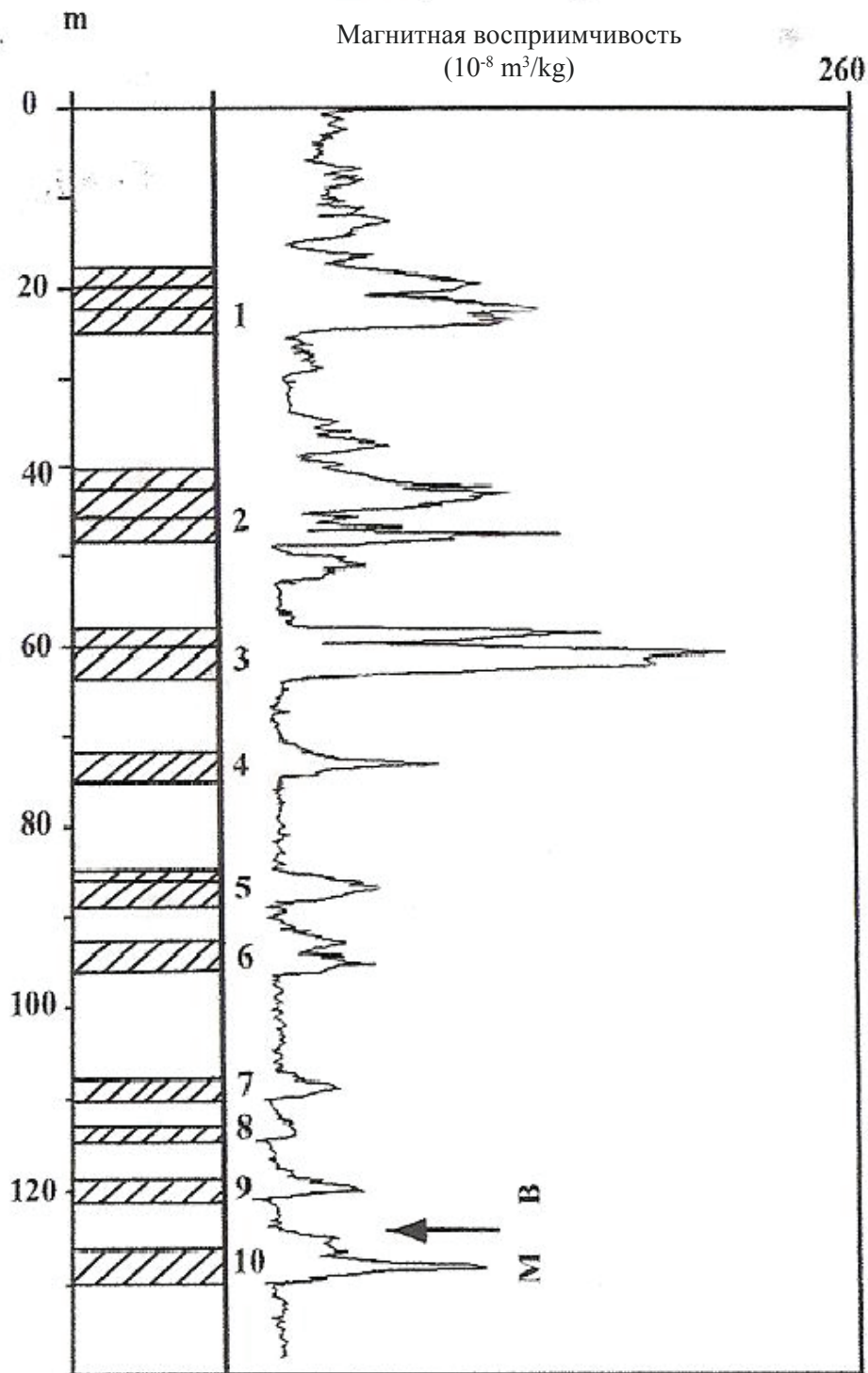

Рис. 2. Магнитная восприимчивость почв в образцах, отобранных через 15 см в опорном разрезе Дарай-Калон.

Распределение величин МВ в опорном разрезе Дарай-Калон имеет следующую закономерность. Современная почва – коричневая выщелоченная эродированная, характеризуется величиной МВ = 105. Первая погребенная почва сложная, как и вторая, имеет три пика величин МВ (112, 118, 135). Третья почва выделяется максимальными показателями МВ (145, 215, 175). Макроморфологические показатели свидетельствуют о красноватой окраске нижней и средней части третьего педокомплекса, подчеркивающей процессы субтропического почвообразования средиземноморской фации (Ломов, 2008). Последовательно накладывая показатели МВ погребенных почв на «матрицу» корреляционных параметров современных почв, мы наблюдаем хорошее сходство данных первого и второго педокомплексов с ареалами гумидных ландшафтов коричневых почв и конкретных характеристик среднегодовых осадков и температур. Таким образом, первый и второй педокомплексы по реконструкции представлены коричневыми почвами разной степени выщелоченности. Данные МВ третьего, также сложного педокомплекса, величины которого находятся за пределами ареалов гумидных ландшафтов современных почв, по нижней части погребенных почв нами реконструированы как коричневые почвы с налагающейся феррсиаллитизацией по С.В. Зонну (1974).

Лессовые горизонты, разделяющие погребенные почвы по величине МВ, характеризуются в основном параметрами от 30 до 60 * χ 10⁻⁸ мЗ/кг и, таким образом, диагностируют сероземные почвы.

Величины МВ погребенных почв, начиная с четвертого педокомплекса, значительно занижены: 110 затем 82 для пятого и шестого, еще ниже (60–40) – для седьмого и восьмого, до 70 в девятом педокомплексе и на уровне 110 – в десятом педокомплексе. Подобное снижение величин МВ в погребенных почвах в нижних отделах неоплейстоцена характерно для всех изученных разрезов, так как морфологически эти почвы выделяются наличием плотного карбонатного горизонта Sca, залегающего в нижней части профиля. Мощность карбонатных Sca изменяется от 20 до 80 см, но независимо от размеров они выделяются высокой плотностью, что определяют сезонные пере-

увлажнения в профиле этих почв и развития временного анаэробного почвообразования, не способствующих образованию сильномагнитных железистых минералов типа гематита и маггемита. Поэтому величины МВ в них занижены, а развитие карбонатных кор не только изменило процессы почвообразования, но и типологию почв. Все почвы с карбонатной корой нами названы лугово-коричневыми. При этом следует заметить, что карбонатные коры в почвах не только изменяют процессы почвообразования и их типологию, но и имеют палеогеографическое значение. Это связано с условиями образования карбонатных кор. Большинство типов карбонатных образований формируются в условиях относительно выровненных форм рельефа (Vogt, 1984). Следовательно, формирование изучаемых почв с карбонатной корой могло происходить в предгорных палеодолинах. Изучение погребенных почв с горизонтами Sca нижнего и среднего неоплейстоцена до четвертого педокомплекса включительно свидетельствует об однотипности развития палеодолин. Однако после четвертого педокомплекса (~350 тыс. л.н.) «сработала» тектоника, произошел существенный врез постоянных водотоков, а развитие остальных педокомплексов от третьего до первого происходило в автономных условиях почвообразования, что обусловило высокие показатели МВ и развитие коричневых почв разной степени выщелоченности и коричневых почв с налагающейся феррсиаллитизацией, отражающих более теплые климатические условия формирования третьего педокомплекса по сравнению с голоценом.

В заключение необходимо подчеркнуть, что величины МВ способствуют не только реконструкции палеоклимата погребенных почв и разделяющих их лессов, но и раскрывают возможность отслеживания эволюции палеоландшафтов в пределах ареалов почв с карбонатными корами, в условиях активной тектоники и увеличения абсолютных высот Памиро-Алая в антропогене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зонн С.В. Почвообразование и почвы субтропиков и тропиков. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1974. 250 с.

Ломов С.П. Почвы субтропиков. Пенза: ПГУ-АС, 2008. 260 с.

Ранов В.А., Ломов С.П. Палеолит и стратиграфия лессового палеолита Таджикистана и Китая // Проблемы древней и средневековой истории

и культуры Центральной Азии / Отв. ред. Г.М. Майтдинова, Ю.Я. Якубов. Душанбе: ИИАЭ АН Респ. Таджикистан, 2001. С. 33–54

Vogt Th. Croutes calcares: types et genese. Strasbourg: Univ. L. Pasteur, 1984. 230 p.

ПАЛЕОВУЛКАНЫ КАК ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ В ВЕРХНЕМ И ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

© 2014 г. П.В Мороз

*Забайкальский государственный университет, Чита
(frostius.81@mail.ru)*

Ключевые слова: верхний и финальный палеолит, Забайкалье, палеовулканы.

Резюме. В настоящее время хорошо известно, что в археологии данные по сырью с применением большого количества специальных методов начали изучать в последние 30 лет. Причем акцент стали делать на взаимосвязи между человеческими сообществами эпохи палеолита и окружающей палеосредой. Например, благодаря различным минералогическим и петрографическим анализам большое внимание в настоящее время уделяется поиску различных выходов кремня, используемого человеком палеолита, и способов доставки кусков каменного сырья и артефактов на археологические памятники. В бывшем Советском Союзе такие минералогические и петрографические исследования были организованы гораздо менее широко, чем в Европе и США. Тем не менее следует отметить имя В.Ф. Петруня, который даже разработал понятие *археологическая петрография* на стыке геологии и археологии. В настоящее время успешные исследования сырья в палеолите уже выполнены для некоторых европейских русских материалов, а также палеолитических материалов Алтайского края. Некоторые особые виды сырья, такие как кремень и яшма, были изучены на Урале, а на Дальнем Востоке получены данные по обсидиану. Эта статья посвящена вопросам связи между сырьем, применявшимся древними обитателями Забайкалья, и палеовулканами как его источниками.

В пределах Забайкалья наиболее перспективными источниками каменного сырья являлись: а) россыпи халцедона и яшм на выходах миндалекаменных вулканогенных горных пород, б) речные галечники, в) палеовулканы. Из этих основных источников древние обитатели получали каменное сырье на протяжении десятков тысяч лет.

Первенствующее значение, безусловно, имели галечники. Речная сеть, заложенная в середине мезозоя, обеспечивала древние коллективы отпрепарированном камнем. Это давало возможность выбрать отдельные горных пород без внутренних трещин, наиболее подходящие для расщепления. Памятни-

ки ранней поры верхнего палеолита региона базировались именно на галечниках и валунниках, содержащих эффузивы кислого и среднего состава. Размеры этих отдельностей достигали 15–20 см по длинной оси, что давало возможность получать сколы длиной более 10 см. По качеству эти горные породы уступали камнесамоцветному сырью, но давали возможность получать крупные стандартизированные пластинчатые сколы.

Кремни, халцедоны и яшмы также использовались, но их доля в раннем верхнем палеолите была ничтожно мала. Этот факт говорит не об отсутствии этого сырья в регионе, а свидетельствует о специфической ситуации по

отношению к данному сырью в раннем верхнем палеолите Забайкалья. Камнесамоцветное сырье имелось в большом количестве, т.к. в силу разрушения миндалекаменных вулканических пород его отдельности под действием различных агентов влияния сортировались и перемещались на значительные расстояния, в т.ч. водными потоками, и отлагались в галечниках. Халцедон, кремь и яшма, несмотря на свое высокое качество, оказались невостребованными древними коллективами не из-за своей редкости, а, прежде всего, из-за малых исходных размеров отдельностей. В среднем миндалины халцедона в Забайкалье имеют диаметр около 4–5 см с достаточно редкими исключениями. Поэтому это сырье не могло обеспечить производство крупных пластинчатых сколов для индустрий ранней поры верхнего палеолита.

Ситуация изменилась с появлением в регионе на рубеже средней и поздней поры верхнего палеолита микротехники, которая позволила обрабатывать качественные, но мелкие горные породы (Мороз, 2008). Со времени 20–18 тыс. л.н. для человека наибольший интерес стали представлять халцедон, кремь и яшма. Это сырье генетически связано с мезозойским вулканизмом, интенсивно распространенным в Центральном и Юго-Восточном Забайкалье, с которым связана сырьевая база ориентированных на микротехнику каменных индустрий поздней поры верхнего – финального палеолита.

Территории распространения палеовулканов имеют четкие связи с зонами проявления рифтогенного вулканизма, сопровождавшего формирование протяженных впадин забайкальского типа, являющихся главными вместилищами долин крупнейших речных артерий региона. Ингода, Онон, Нерча, Аргунь трассируют соответствующие зоны тектонической активности и со своими притоками создают верхнюю часть бассейна Амура. Мезозойский вулканизм проявлен везде, но он наиболее интенсивен и четко проявлен в формах рельефа в приразломных ареалах вулканической деятельности в зонах заложения водных артерий Верхнего Приамурья (Юргенсон, 2001).

В процессе геолого-съёмочных работ геологами обнаружено большое число подъемно-

го материала в полях развития вулканических построек в долинах Онона, Ингоды, Аргуни и их притоков, а также по берегам Торейских озер и прилегающих территорий, в то время как археологам эти данные практически неизвестны. Из этих фактов закономерно вытекает возможность поиска археологических памятников, и, прежде всего, мастерских и стоянок каменного века. Анализ минералого-петрографического состава артефактов, показывает, что человек каменного века прекрасно ориентировался в пространстве и легко обнаруживал палеовулканы, дававшие ему каменное сырье, находившееся по соседству с водой и другими природными ресурсами. Следовательно, мезозойские палеовулканы являются потенциальным репером для поиска мастерских поздней поры верхнего – финального палеолита.

До недавнего времени вопрос поисков мастерских обработки камня в Забайкалье системно не решался. Более того, мастерским – одному из важнейших типов археологических памятников – в региональной литературе традиционно уделялось мало внимания. Подобное состояние дел объясняется, вероятно, не отсутствием этих объектов, как таковых, а неоправданно малым интересом археологов к данному типу памятников.

Исторически на территории Забайкальского края сформировалось несколько провинций, содержащих скопления стратифицированных памятников и местонахождений подъемного материала эпохи палеолита и более позднего времени, представляющего собой продукты обработки вулканических горных пород. Примечательны места размещения мастерских. Традиционно подобные памятники располагаются вблизи или непосредственно на выходах того или иного каменного сырья, которое обладает необходимым набором петрофизических свойств, необходимых для расщепления с целью изготовления каменных орудий. Во время изучения палеовулканов как источников агат-халцедонового сырья в 1992–1994 гг. д-ром геол.-мин. наук Г.А. Юргенсоном обнаружены артефакты и орудия из халцедона, яшм и кремней в районах развития вулканических построек в Агинском р-не Забайкальского края.

С целью проверки гипотезы о возможном нахождении мастерской на выходах сырья автором проведены археологические работы в районе с. Сахюрта, в месте нахождения палеовулкана. Всего было исследовано две площади выхода на дневную поверхность халцедонов и яшм. На склонах каждой из возвышенностей были найдены каменные артефакты различного возраста, выполненные из кремней, халцедонов, яшм и, в единичных случаях, эффузивов. На одном из участков найдена мастерская по обработке камня, ранее не описанная в археологической литературе. Основным материалом для расщепления здесь служили яшма и кремль, которые в больших количествах залегают непосредственно на поверхности этого палеообъекта.

При осмотре террасовидного уступа у подножия палеовулкана удалось собрать представительный подъемный материал, включающий нуклеусы, орудия, выполненные на отщепках и пластинках, а также значительное количество отщепов и сколов без вторичной обработки. В стенках пройденной ранее траншеи, врезанной в борт террасовидного уступа геологами, заложен шурф глубиной 2,6 м. Выявлено шесть уровней залегания артефактов, выполненных (как и в случае подъемных сборов) из кремня, халцедона и яшмы.

Важным является обнаружение мощной для Забайкалья (до 60 см) каргинской палеопочвы. Причем культурные компоненты залегают как на кровле, так и в самой палеопочве, а также под ней. Поэтому предварительно горизонт на кровле палеопочвы может быть отнесен как минимум к средней поре верхнего палеолита, а материал расположенный ниже резонно трактовать ранней порой верхнего палеолита. Три выше лежащих горизонта также по технико-типологическому облику материала и стратиграфической позиции предварительно отнесены ко времени поздней поры верхнего – финальному палеолиту.

Таким образом, стоянка Сахюрта является во многом уникальным многослойным объектом, расположенным непосредственно на источнике сырья, демонстрирующим использование местного сырьевого субстрата в различное время. Несмотря на малочисленность полученных при шурфовке материалов фиксируется тесная связь с местным сырьем.

Причем хронологические рамки культурных горизонтов охватывают как позднюю пору, так и классическое звено и, по всей видимости, ранний этап верхнего палеолита. Поэтому раскопки этого памятника представляют серьезный интерес для решения вопроса о применении камнесамоцветного сырья на территории Забайкалья. При этом если на территории Западного Забайкалья, относительно бедного камнесамоцветным сырьем, сложно найти отдельности для получения крупных сколов, то палеовулканы позволяли использовать массивные куски сырья высокого качества, вполне подходящие для получения крупных заготовок без применения микротехники. Поэтому эти источники сырья могли использоваться древним населением задолго до прихода на территорию Забайкалья микротехники, позволившей перейти на массовое применение в качестве сырья халцедона, кремня и яшмы.

Но далеко не каждый палеовулкан оказывался источником камнесамоцветных пород. Наиболее известные мастерские каменного века в Забайкальском крае расположены непосредственно в черте г. Чита на склонах палеовулкана, больше известного как Титовская сопка. Особенностью вулканических горных пород, слагающих Титовскую сопку, является полное отсутствие миндалекаменных разновидностей, являющихся источниками упомянутых выше трёх видов сырья: халцедона, кремней и яшм. Это обусловлено специфическим петрохимическим составом лав, сформировавших палеовулкан (Юргенсон, 2001). Лавы явно недосыщены кремнеземом, главным компонентом этих трех камней. Титовский палеовулкан сложен переслаивающимися лавами, пересыщенными щелочными элементами (калием и натрием): андезибазальтами, андезитами, андезитацинтами, дацитами и трахитами. Вулкан достаточно сильно эродирован. Его верхние части, в которых, судя по находкам среди галек аллювиальных отложений р. Ингода ниже по течению окатанных фрагментов халцедоновых миндалин и яшм, некогда содержали их.

Ко времени появления человека на террасе Ингоды и склонах палеовулкана верхние его части были уже сэродированы. Поэтому, частью, довольствуясь тем сырьем, которое ему

удавалось найти среди аллювия, он вынужден был искать его на склонах вулкана среди слагающих его горных пород. Массивные и плотные андезидацинты оказались удовлетворяющими технологическим требованиям, поэтому именно на этих выходах были основаны мастерские для его добычи и обработки.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о новом для Забайкалья направлении в рамках петроархеологических исследований – изучении взаимосвязи палеовулканов с древними коллективами, использовавшими эту минерально-сырьевую базу. В рамках этого направления вырисовываются два вектора по типу сырья: камнесамоцветное и темноцветные лавы кислого и среднего состава. Именно эти две группы сырья составляют

основу минерально-сырьевой базы региона в палеолите, поэтому более пристальный взгляд на характер его использования может дать новую важную информацию об уровне адаптации древних обитателей Забайкалья и степени взаимодействия с окружающей средой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 22 с.

Юргенсон Г.А. Ювелирные и поделочные камни Забайкалья. Новосибирск: Наука, 2001. 390 с.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОЛАНДШАФТА И ВОПРОСЫ ЗОНИРОВАНИЯ ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ПОСЕЛЕНИЯ ГНЕЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2014 г. В.В. Мурашева¹, М.А. Бронникова², Е.Д. Шеремецкая³

¹*Исторический музей, Москва
(vmurashrva@mail.ru)*

²*Институт географии РАН, Москва
(mbmsh@mail.ru)*

³*Московский государственный университет, Москва
(sheremetskaya@gmail.com)*

Ключевые слова: раннегородской центр, зонирование поселения, речной путь, реконструкция ландшафтов, малый климатический оптимум голоцена.

Резюме. Доклад посвящен проблемам комплексных исследований пойменной части Гнездовского археологического комплекса (конец IX – начало XI в., Смоленская обл.). Результатом исследований стала реконструкция палеоландшафта высокой поймы Днепра и выявление зон, различных по характеру использования.

Гнездово, расположенное в 10–13 км от современного города Смоленска ниже по течению Днепра – один из крупнейших памятников эпохи образования Древнерусского государства конца IX – начала XI в. Гнездово представляет собой грандиозный культурно-ландшафтный комплекс, состоящий из горо-

дища, укрепленного валом и рвом, обширного открытого поселения и крупнейшего средневекового кладбища Европы (более 4 тыс. курганов). Курганное кладбище состоит из нескольких групп, некоторые из них находятся на значительном удалении от центрального поселения. Гнездово является одним из клю-

чевых пунктов на трансевропейском пути «из варяг в греки», крупным ремесленным центром, значительную часть населения которого составляли выходцы из Скандинавии. Вероятно, именно центральное поселение комплекса можно отождествить с древним Смоленском, упоминаемым в ранних письменных источниках.

Часть гнездовского поселения, расположенная на территории высокой поймы Днепра в настоящее время перекрыта аллювиальными отложениями, мощность которых достигает 3 м, что свидетельствует об изменении гидрологического режима Днепра в течение последнего тысячелетия, прошедшего с момента гибели Гнездова в начале XI в. Особенностью топографии данного участка является также наличие на его территории двух небольших озер (Камыши и Бездонка). Пойменная часть поселения, ограниченная Днепром и его притоком рекой Свинец, имеет гораздо более высокую ландшафтную приуроченность, по сравнению с остальными частями поселения, и, в значительной степени, ориентирована на речной путь. Таким образом, в контексте перспектив исследования участка, особенно актуальной является проблема реконструкции древнего ландшафта на период функционирования Гнездова, как раннегородского центра. Однако, наличие мощного аллювиального «одеяла», которое убергло культурный слой от всех видов антропогенного воздействия, обусловило необходимость использования методик геоморфологических и геофизических исследований.

За последние годы на территории памятника проведены работы по реконструкции палеоландшафта, получены данные о расположении русла реки, климатических условиях и растительности в эпоху расцвета поселения. Установлено, что русло реки располагалось непосредственно у подножья главного пойменного вала, служащего южной границей распространения культурного слоя. То есть пойменная часть поселения выходила непосредственно к руслу (Александровский, Кренке, Нефёдов, 2005; Мурашева, Панин, Фетисов, 2009. С. 138–141).

Период функционирования Гнездова пришелся на так называемый малый климатический оптимум голоцена, отличавшийся от

климата современной эпохи маловодностью рек и ослаблением поемности (отсутствием, или нерегулярностью и низкой интенсивностью сезонного затопления пойм). С эти периодом в Европейской части России связан период раннесредневекового поселенческого освоения. В пойменных отложениях Днепра, Москвы-реки, Оки, Дона и других рек к этому времени относятся погребенные более поздними осадками полноразвитые профили зональных почв и/или трансформировавшиеся и частично заместившие их раннесредневековые культурные слои (Сычева, Узянов, 1987; Александровский, Александровская, 2005; Панин, Нефедов, 2010). Высокая пойма Гнездова в период ее заселения в IX в. не затоплялась, скорее всего, была покрыта лесом, под покровом которого были сформированы не пойменные, а лесные, дерново-подзолистые почвы. Старичные озера обмелели и в них накапливались преимущественно органические отложения (гиттии и торфа) (Бронникова, Успенская, 2007).

Реконструкция местоположения русла Днепра в X в. была проверена в ходе полевых исследований 2010 г. В раскопе, заложенном на месте гипотетической пляжной зоны Днепра, были выявлены следы береговых обрушений (Мурашева, Стефутин, 2011. С. 49–50)

Археологические исследования различных участков, проведенные на основании анализа результатов предварительных малоинвазивных и безинвазивных методов показали неоднородную структуру поселения, наличие различных зон: селитебных, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнездова, как речного порта. На протяжении времени существования поселка характер использования территории мог меняться. В ходе полевых работ (1999–2013 гг.) исследованы четыре участка поселения, которые получили условные названия: «притеррасный участок», «производственная зона», «портовая зона», «прибрежная» или «портово-производственная зона» (Мурашева, 2012. С. 390–394).

«Производственная зона» расположена на самом возвышенном месте, на гребне между двумя пойменными озерами. В восточной части исследованного участка, рядом с оз. Камыши была зона расположения производств,

связанных с высокотемпературными процессами (система ювелирно-кузнечных мастерских. По мере удаления от воды, характер использования территории менялся – появляются хозяйственные и жилые (возможно сезонные) постройки. Этот сектор поймы оставался единственным не затопляемым участком во время весенних половодий. Доказательством возможности круглогодичного использования этой части пойменного сектора является обширная постройка с большой углубленной частью, не несущая следов подтопления.

Два участка, которые связаны с портовым хозяйством древнего Гнездова, были выявлены в ходе разведочного бурения. Один из них («портовая зона») расположен на северо-восточном берегу оз. Бездонка. Исследования донных отложений показали, что в эпоху функционирования раннегородского центра, озеро в межень имело небольшую глубину, однако, в период половодья оно соединялось протокой со Свинцом и могло использоваться в качестве внутренней гавани. Второй участок расположен в районе пляжной зоны древнего русла Днепра. Наиболее примечательным объектом на этой территории являются остатки «мола», который сначала представлял собой деревянную столбовую конструкцию, а затем превратился в насыпной земляной вал, перпендикулярный руслу Днепра. На оконечности вала был возведен каменный очаг, использовавшийся для кузнечных работ, связанных вероятно, с обслуживанием и ремонтом речных судов. Примечательно, что часть насыпного «холма» была исследована в 2013 г. и в районе оз. Бездонка. Вероятно, что сооружение подобных насыпных объектов связано со спецификой навигации по речным путям Восточной Европы, осуществлявшимся, преимущественно в весенний период.

По многим параметрам пойменная часть Гнездовского поселения может быть сопоставлена с киевским Подолом, расположенном на мысу, образованном слиянием Днепра и его притока Почайны, которая служила естественной гаванью для речных судов. Небольшие размеры речки Почайны указывают на возможность ее использования лишь во время весенних половодий. Несмотря на регулярные затопления, жители древнего Киева

не оставляли Подол, а напротив, использовали каждый клочок земли вблизи портовой зоны (Khamaiko, Komar, 2012. P. 133–134).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.

Бронникова М.А., Успенская О.Н. Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнездовского археологического комплекса // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 162–182.

Мурашева В.В. Актуальные проблемы исследования Гнездова // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 389–405.

Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. Вып. 70 (3). М., 2009. С. 132–147.

Мурашева В.В., Стефутин С.А. К вопросу об исторической топографии Гнездова: исследование береговой линии Днепра // Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источникововедения, становления государственности и культурогенеза: Тез. докл. междунар. науч. конф. Рязань, 6–9 апреля 2011 г. М., 2011. С. 49–50.

Панин А.В., Нефёдов В.С. Анализ изменений уровня режима рек и озер в верховьях Волги и Западной Двины по археолого-геоморфологическим данным // Водные ресурсы. 2010. Т. 37; № 1. С. 17–32.

Сычева С.А., Узянов А.А. Динамика уровня р. Тускарь: Почвенные и археологические данные // Изучение и оптимизация водных ресурсов Курской области. Курск: МФГО, 1987. С. 75–82.

Khamaiko N.V., Komar O.V. The stratigraphy of the riverside area of Kiev Podol (excavations at the 35, Spaska str.) // Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism. International conference held in Moscow – Smolensk. М.: Universum, 2012. P. 133–136.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ИСТОРИИ ПОКРОВСКОГО ЛОГА В СВЯЗИ С ОЦЕНКОЙ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТОЯНКИ КОСТЁНКИ-14 НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЕЕ ЗАСЕЛЕНИЯ¹

© 2014 г. Д.Ю. Некрасов, А.В. Панин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
(duticn@gmail.com; a.v.panin@yandex.ru)

Ключевые слова: балка, врезание, аккумуляция, поздний палеолит, относительная высота стоянки, Костёнки-14.

Резюме. По данным бурения выявлено два погребенных вреза балки, располагающихся под «второй» и «первой» балочными террасами и заполненных песчаным аллювием (в основании) и склоновыми суглинками. Первый врез произошел на рубеже среднего – позднего плейстоцена и в ранневалдайское время (ИКС-4–5d) постепенно заполнялся склоновыми осадками. К началу второго углубления балки (ок. 40–42 тыс. л.н.) относится формирование самого древнего культурного слоя (КС IV). Стоянка того времени располагалась в 7–8 м над водотоком в тальвеге балки. Углубление продолжалось до времени формирования КС III (34–36 тыс. л.н.). В это время стоянка располагалась на максимальной за весь позднепалеолитический период относительной высоте – 20 м. Позднее происходило заполнение вреза, высота стоянок времени КС II (32–34 тыс. л.н.) и КС I (27–29 тыс. л.н.) постепенно сокращалась – 17 и 15 м соответственно.

Для лучшего понимания условий освоения эрозионных ландшафтов позднепалеолитическим человеком необходима реконструкция этапов углубления и заполнения балок и увязка их с культурными слоями стоянок. Через балку Покровский Лог в ее среднем течении заложена серия скважин ручного и механического бурения, позволившая построить поперечный геологический профиль (см. *рисунок*) и на его основе выполнить реконструкцию эрозионно-аккумулятивных этапов. История балки до начала накопления отложений, представленных на профиле, может быть реконструирована лишь в самом общем виде. Реконструкция позднеплейстоцен-голоценовой истории базируется на возрасте отложений и слагаемых ими геоморфологических поверхностей. Возрастная привязка отложений и хронология выделенных на основе профиля этапов эрозионной истории базируется на опубликованных абсолютных датировках (Синицын и др., 1997; Anikovich et al., 2007; Holliday et al., 2007; Величко и др., 2009).

Современная эрозионная сеть Среднего Дона начала развиваться после освобождения территории от донского ледника (изотопно-кислородная стадия 16 (?), окончание – Терминация VII, 620 тыс. л.н.). Судя по широкому комплексу левобережных террас, в течение большей части среднего неоплейстоцена (ИКС-15 – ИКС-6) русло Дона и устье Покровского Лога находились значительно восточнее. В районе будущей стоянки К-14 располагались неглубоко врезанные верховья балки. Русло Дона постепенно перемещалось к западу, подрезая правый борт долины и стимулируя глубинную эрозию в балках-притоках. Смещение Дона вправо прекратилось в конце среднего плейстоцена: об этом говорит присутствие в верхней и средней части правого коренного борта долины погребенной под склоновыми осадками микулинской (МИС-5е) почвы (Лазуков, 1982). Поэтому именно в позднем плейстоцене глубина врезания Покровского Лога в районе стоянки К-14 достигла максимальных за всю его историю

¹ Исследования выполнены в рамках проекта РФФИ № 14-05-00119.

значений. С этого времени развитие балки управлялось преимущественно климатическими факторами – изменениями стока воды и интенсивности склоновых процессов. Этапы врезания и аккумуляции Дона управлялись теми же климатическими факторами и должны были быть синфазны с углублениями и заполнениями балки.

На отрезке современного среднего течения балки вследствие существовавшего до микулинского межледникового тренда к углублению, сохранились отложения лишь позднего плейстоцена и голоцена. Как под «второй» (на правом борту), так и под «первой» террасой (на левом борту) бурением выявлены переуглубления, заполненные аллювиальными (в самой подошве) и склоновыми (на большую часть мощности) отложениями. Это позволяет говорить о наличии в позднем плейстоцене двух ритмов врезания-выполнения.

Первый врез произошел около рубежа среднего/позднего плейстоцена. Тальвег этого вреза расположен под поверхностью «второй террасы» в районе раскопа К-14. Он устанавливается по тенденциям падения подошвы балочного заполнения в соседних скважинах. Время окончания углубления можно оценить по скоростям накопления отложений, заполняющих погребенный врез – не позднее 100 тыс. л.н. (начало ранневалдайской эпохи). После этого началось заполнение балки. К рубежу ИКС 5/ИКС 4 (70 тыс. л.н.) эрозия уже сменилась направленной аккумуляцией и балка была частично заполнена.

В период образования культурного слоя (КС) IVb (41–42 тыс. л.н.) тальвег балки располагался в левой части профиля – об этом говорит характер залегания нижней гумусированной толщи и подошвы балочного заполнения. Их экстраполяция в левую часть поперечного сечения балки показывает, что тальвег с водотоком располагался примерно на уровне современного ручья – 110 м абс., а стоянка – на уровне 117–118 м, т.е. в 7–8 м над водотоком того времени. Именно к этому или несколько более раннему времени можно отнести реконструкцию продольного профиля балки, выполненную А.А. Величко с соавторами (2009).

Новый цикл углубления балки отнесен нами ко времени между формированием КС

IVb и КС IVa: к моменту формирования КС IVa балка несколько углубляется, высота стоянки над водотоком увеличивается. Не исключено, что углубление началось и несколько ранее, еще перед формированием КС IVb.

Дальнейшие реконструкции учитывают присутствие в толщах заполнения основных стратиграфических горизонтов – нижней и верхней гумусовых толщ (40–42 и 31–36 тыс. л.н. соответственно) и залегающего между ними слоя вулканического пепла, датированного 39–40 тыс. л.н. Горизонты нижней гумусовой толщи и вулканического пепла полностью отсутствуют на левом борту, представленном пологонаклонной поверхностью «первой террасы». Это позволяет предположить, что в период их формирования левый борт подвергался боковой эрозии, сопровождавшей второй этап углубления балки, начавшийся примерно со времени формирования нижней гумусовой толщи и КС IVa–b.

Окончание врезания относится, по видимому, ко времени формирования нижней части верхней гумусовой толщи (34–36 тыс. л.н.); в это время балка достигла на данном участке максимального углубления. На линии изучаемого профиля начинается подрезание водотоком правого борта балки. Левый борт остается нестабильным – там отсутствуют следы почвообразования. Перепад высот между мысом стоянки К-14 и днищем балки на данном этапе максимален и достигает 20 м: культурный слой располагается на уровне 120 м абс., а тальвег балки – около 100 м абс.

В период накопления верхней части верхней гумусированной толщи (около 31–32 тыс. л.н.) в днище происходит накопление 3-метровой толщи песчаного аллювия, имеющей, очевидно, перстративный характер (формировался при горизонтальном блуждании водотока). Последнее указывает, во-первых, на значительную мощность водного потока и, во-вторых, на равновесное состояние продольного профиля. Дно балки представляло аллювиальную равнину шириной до 100 м, по которой блуждал водоток, переоткладывая песчаный аллювий; высота поверхности бытования людей на К-14 над водотоком постепенно начала сокращаться. Левый борт в створе раскопа К-14 остается нестабильным

(ни в одной скважине не обнаружена верхняя гумусовая толща), однако в 200 м вверх по течению балки на мысовидном выступе той же «первой террасы» формируется стоянка К-16, культурный слой которой располагается внутри чехла склоновых отложений (Рогачев, Сеницын, 1982). Значит, стабилизация левого борта балки и начало склонового осадконакопления в том месте произошли несколько ранее.

В дальнейшем флювиальная активность снизилась (очевидно, вследствие уменьшения стока воды), аллювиальное дно балки стало перекрываться продуктами склонового сноса с левого борта. Ко времени формирования КС I (27–29 тыс. л.н.) на левом борту уже сформировалась поверхность «первой террасы», а перепад высот между поверхностью бытования людей на «второй террасе» (К-14) и водотоком сократился примерно до 15 м: культурный слой – 122 м, тальвег балки – 106–107 м.

К наиболее холодному времени последнего ледникового максимума и МИС-2 в целом относится накопление самых верхних частей склоновых шлейфов на обеих террасах, имеющих небольшую мощность и включенных поэтому в сферу влияния голоценового почвообразования. По-видимому, снижение темпов седиментации является следствием сухости климата. Для позднеледникового (13–18 тыс. л.н.) в бассейне Среднего Дона, как и всюду в центре Русской равнины, были характерны мощный поверхностный сток, врезание рек и углубление балок (Панин, 2012; Панин и др., 2013). Вероятно, врезание происходило и в Покровском Логе. На рубеже плейстоцена – голоцена оно сменилось аккумуляцией. Трансформация рельефа в голоцене была незначительной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Величко А.А., Писарева В.В., Седов С.Н., Сеницын А.А., Тимирева С.Н. Палеогеография стоянки Костёнки-14 (Маркина гора) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 35–50.

Лазуков Г.И. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л.: Наука, 1982. С. 13–36.

Панин А.В. Верховья долинно-балочных систем Восточно-Европейской равнины в ледниково-межледниковых климатических ритмах // Эрозия почв и русловые процессы. Вып. 18. 2012. С. 92–114.

Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Власов М.В. Мощный поздневалдайский речной сток в бассейне Дона // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2013. № 1. С. 118–129.

Рогачев А.Н., Сеницын А.А. Костёнки-16 (Углынка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л.: Наука, 1982. С. 171–182.

Сеницын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / Под ред. А.А. Сеницына, Н.Д. Праслова. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 21–66.

Anikovich M.V., Sinitsyn A.A., Hoffecker J.F., Holliday V.T. et al. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // Science. 2007. Vol. 315; No. 223. P. 223–226.

Holliday V.T., Hoffecker J.F., Goldberg P., Macphail R.I., Forman S.L., Anikovich M., Sinitsyn A. Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia // Geoarchaeology. 2007. Vol. 22; No. 2. P. 181–228.

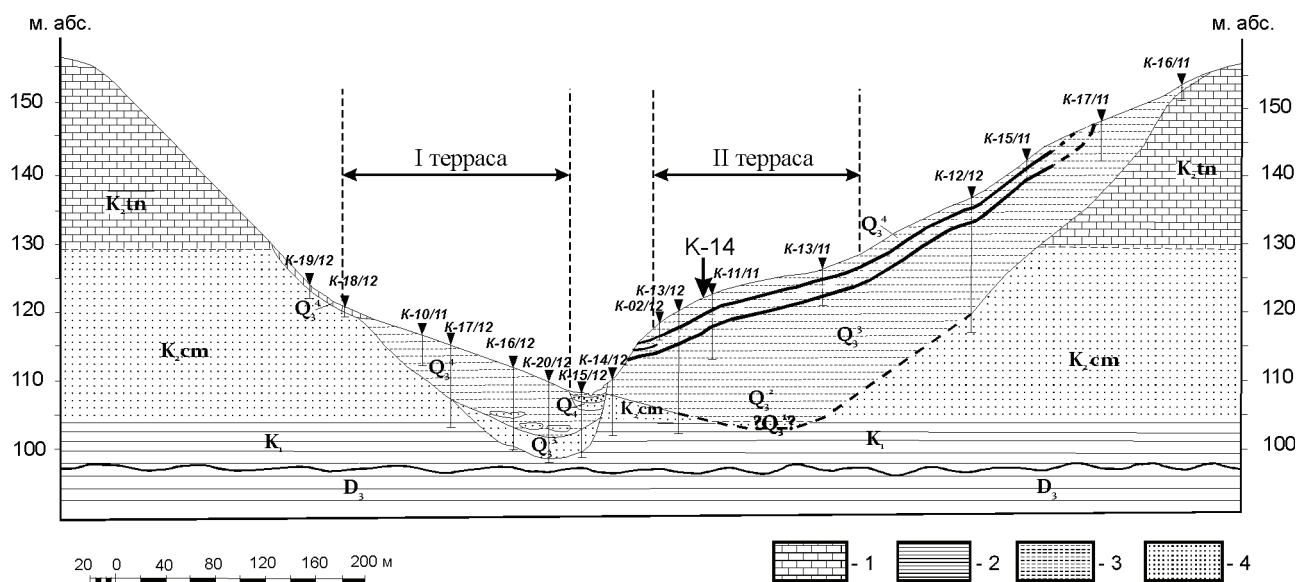

Рис. 1 Геологический профиль через балку Покровский Лог в районе стоянки К-14.

Литология и генезис отложений: 1 – мел (морской дочетвертичный), 2 – глины (морские дочетвертичные), 3 – суглинки (континентальные четвертичные), 4 – песок. Возраст четвертичных отложений: Q4 – голоцен, Q34 – верхний валдай (МИС-2), Q33 – средний валдай (МИС-3), Q32 – нижний валдай (МИС-4–5a-d), Q31 – микулинский (МИС-5e). Возраст дочетвертичных пород: K2tn – верхний мел, туронский ярус; K2cm – верхний мел, сеноманский ярус; K1 – нижний мел; D3 – верхний девон.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРНОГО ПАЛЕОЛИТА

© 2014 г. С.А. Несмеянов

*Институт геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН, Москва
(voa49@mail.ru)*

Ключевые слова: палеолит, стоянка, геоморфология, культурный слой, палеорекострукции, микро-стратиграфия, микрофациальный анализ.

Резюме. Рассматриваются стадии, масштабы и основные направления геолого-геоморфологических исследований горного палеолита, а также методы и проблемы, связанные с изучением культуросодержащих отложений и культурных слоев.

Накоплен значительный опыт геолого-геоморфологического изучения горного палеолита, опирающийся на исследования преимущественно в Средней Азии и на Кавказе (Несмеянов, 1977, 1978, 1990б, 1999; Ранов, Несмеянов, 1973). Это позволяет предложить рациональную схему стадий, масштабов и основных направлений исследований, а также

наметить актуальные проблемы данных исследований.

Ранее автором (Несмеянов, 1990б) было предложено выделять три стадии геолого-геоморфологических исследований, различающихся по своим задачам, охватываемым площадям и масштабам:

1) стадия, связанная с поиском новых стоянок в обширном регионе (масштабы документации от 1:100 000 до 1:10 000);

2) стадия изучения района обнаруженной стоянки (1:25 000 и крупнее) с целью характеристики специфики ее расположения в рельефе;

3) стадия изучения строения стоянки в процессе археологических раскопок (1:100).

Последняя из этих стадий, наиболее продолжительная, дает, в свою очередь, начало палеоэкологическим построениям, в которых целесообразно различать: а) изучение района, регулярно посещаемого жителями базовой стоянки, т.е. территории стабильного освоения (1:25 000 и крупнее), и б) изучение районов расположения временных лагерей (территории частого или сезонного посещения), путей кочевий, миграции, взаимоотношения систем поселений, мастерских и т.п. (1:100 000 – 1:1 000 000).

Каждая из упомянутых стадий предполагает проведение комплекса исследований, в которых актуальны четыре основных направления.

1. Выявление основных этапов рельефообразования региона путем возрастного расчленения рельефа, как исходной базы для возрастной датировки стоянки (местонахождения) и палеорекоstructions. Сначала составляется региональная сеть геоморфологических профилей, пересекающих основные стратотипы четвертичных и неогеновых отложений террасового генетического комплекса. Это позволяет составить местную схему этапности формирования современного рельефа. Начало подобных этапов связано с перестройкой рельефа в эпохи активизации эрозии. Характерно, что эрозионные фазы эрозионно-аккумулятивных циклов обычно совпадают с регрессивными фазами океанических (и связанных с океанами морей типа Черного моря) эвстатических циклов, которые в свою очередь совпадают с фазами наступания материковых оледенений. Соответственно начальные фазы рельефообразования не совпадают с традиционными рубежами основных подразделений неоплейстоцена. Отмечаются также как сходство набора и иерархии неоплейстоценовых этапов рельефообразования в разных регионах, так и некоторые регио-

нальные различия в датировке рубежей этих этапов. Затем на район стоянки строится локальная сеть геоморфологических профилей и карта возрастного расчленения рельефа. В результате появляется материал для количественных реконструкций палеорельефа на эпохи или «моменты» максимального обживания объекта. Методика таких построений детально описана (Несмеянов, 1989, 1993, 1999, 2012).

2. Определение геоморфологических типов стоянок, временных лагерей, мастерских и т.п., а также типизация обстановок, благоприятных для обживания и функционирования этих объектов, учитывая их освещенность, защищенность, обзор территории, способы добывания воды, топлива и пр., а также специфику промысла и хозяйствования. Предложены во многом совпадающие схемы для разных регионов, например, для мустьерских стоянок Средней Азии и Кавказа (Несмеянов, 1977, 1990а, 1993, 1999, 2012).

3. Установление возраста стоянок и их возрастных группировок. Сначала, опираясь на изучение образований террасового генетического комплекса, намечается связь появления этих объектов с определенными этапами формирования рельефа. Дальнейшая стратификация и палеоклиматическая характеристика культуросодержащих отложений опирается на изучение образований преимущественно покровного и пещерного генетических комплексов соответственно для стоянок открытого и пещерного типов (Несмеянов, 1999; Ранов, Несмеянов, 1973). При этом для образований каждого из этих генетических комплексов возможна самостоятельная местная стратиграфическая схема (Несмеянов, 2012).

4. Построение палеорекоstructions (палеооорографических, палеогеоморфологических и др.) для: а) этапов обживания стоянки (характеристика специфики обустройства стоянки) и б) этапов обживания района группой стоянок, кочевий, миграций. Обычно наибольшее внимание уделяется первому типу палеорекоstructions, позволяющему показать, например, насколько исходное геоморфологическое положение стоянки отлично от ее современного расположения за счет последующих преобразований рельефа (Не-

смеянов, 1999, 2012; Несмеянов, Ранов, 1971; Ранов, Несмеянов, 1973).

Определились четыре основных комплексных (археолого-геологических) проблемы в изучении культуросодержащих отложений (Несмеянов, 2012).

1. Проблема типизации и районирования культуросодержащих отложений включает ряд направлений. Отмечается необходимость: а) отличия культурных слоев (КС) от слоев разных типов вторичной и остаточной концентрации культурного материала, б) выявления основных компонентов КС, в) выделения этапов формирования и преобразования КС. Районирование КС, опирающееся на микрофациальный анализ, позволяет проводить функциональное зонирование стоянки (выделение микрофаций, связанных с жилищами, различной производственной, ритуальной или иной деятельностью, складированием запасов или отходов и т.п.). Этот же анализ дает возможность выявлять фации, в которых формирование КС невозможно, а также большое разнообразие ошибок, допущенных различными исследователями при выделении КС (Леонова, Несмеянов, 1991; Леонова и др., 2008; Медведев, Несмеянов, 1988; Несмеянов, 2012).

2. Проблема вариантов отложения *in situ*. Отмечается недостаточность геологического и палеонтологического подхода к оценке возможности «прижизненного» перемещения палеонтологического материала для археологических объектов. Намечены варианты и сложности определения «инситу» и постседиментационного перемещения археологического и палинологического материала (Несмеянов, 2012).

3. Проблема микростратиграфии и микрофациального анализа заключается в частой невозможности прослеживания единых слоев, а соответственно и единой микростратиграфической схемы в пределах всей стоянки. Это особенно ярко проявляется в пещерных стоянках, где необходимо применение «объемной стратиграфии», которая достигается построением сети пересекающихся геологических профилей (Там же).

4. Проблема одновозрастности и одновременности сопоставляемых стоянок и КС. Микростратиграфическое расчленение с вы-

делением весьма кратковременных (сезонных или в один год или несколько лет) поселений позволяет при их возрастном сопоставлении определить только возможную одновозрастность (на уровне сопоставления этапов рельефообразования и седиментации). При этом точность современных абсолютных датировок определяет принципиальную невозможность установления истинной одновременности (синхронности) таких поселений (Там же).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука, 1991. С. 219–246.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Каздым А.А., Спиридонова Е.А., Гугалинская Л.А. Микрофациальный анализ – новый комплексный метод изучения культурного слоя // Археол. альманах. № 19. Донецк, 2008. С. 87–94.

Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 113–142.

Несмеянов С.А. Палеогеография палеолитических стоянок в горных областях Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977. С. 216–222.

Несмеянов С.А. К геологии открытых стоянок каменного века Средней Азии // Жизнь земли. № 13. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 103–111.

Несмеянов С.А. Методика изучения террасового генетического комплекса для анализа палеоэкологии палеолитических стоянок в горных областях // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989. С. 225–260.

Несмеянов С.А. Геоморфологическое положение палеолитических стоянок в разнородных орогенах (на примере Средней Азии и Кавказа) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. междунар. симп. Новосибирск, 1990а. С. 235–241.

Несмеянов С.А. Геолого-геоморфологические исследования палеолитических стоянок в горных областях // Полевая археология древнекаменного века. М.: Наука, 1990б. С. 103–108. (КСИА; Вып. 202).

Несмеянов С.А. Строение террасового комплекса горных долин и палеогеоморфологические ситуации расположения стоянок каменного века // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1993. С. 119–137.

Несмеянов С.А. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М.: Науч. мир, 1999. 392 с.

Несмеянов С.А. Генетические комплексы континентальных отложений. М.: Книга и Бизнес, 2012. 397 с.

Несмеянов С.А., Ранов В.А. К палеогеографии мустьерских стоянок в горах Средней Азии // Страны и народы Востока. Вып. X: Средняя и Центральная Азия. М.: Наука, 1971. С. 6–21.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973. 162 с.

О ВРЕМЕНИ ОБИТАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА И ПЕРЕОТЛОЖЕНИЯ ЕГО КУЛЬТУРНЫХ ОСТАТКОВ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА

© 2014 А.А. Никонов¹, А.А. Лийва²

¹*Институт физики Земли РАН, Москва
(nikonov@ifz.ru)*

²*Геологический институт Тартуского университета, Тарту, Эстония*

Ключевые слова: неолит, Ладожское озеро, коллекция А.А. Иностранцева, лесной торф, переотложение культурных остатков, радиоуглеродные датировки, палеогеография.

Резюме. Рассматривается вопрос о датировке крупнейшего местонахождения культурных остатков и останков человека каменного века в котлованах Ново-Ладожского канала (коллекция А.А. Иностранцева, 1882). Ввиду отсутствия абсолютных датировок и недоступности содержащих остатки слоев авторы применили несколько опосредованных способов определения времени и собственно радиоуглеродного датирования коррелятных горизонтов. Устанавливается, что размыву и рассеянию подвергались стоянки, существовавшие в интервале 8,8–6,0 тыс. л.н. в калибровочном измерении. Первичный размыв стоянок связан с крупной Ладожской трансгрессией 5,5–3,0 тыс. л.н., переотложение материала на низкие уровни продолжалось и позже.

Найденное при прокладке Ладожского канала и исследованное А.А. Иностранцевым (1882) в последней четверти XIX в. богатое местонахождение остатков неолитической культуры и человеческих останков на юге Ладожского озера является крупнейшим научным достижением отечественной археологии. Сохраняется, однако, ряд принципиальных вопросов, включая вопрос о возрасте культурных остатков и о времени их переотложения. Усилия одного из докладчиков осуществить датирование весьма представитель-

ных костных остатков из музейной коллекции радиоуглеродным методом не дали результата (Никонов, 2008; Никонов, Селин, 2009), поэтому использованы опосредованные способы датирования. Слои намывного торфа, в т.ч. с человеческими черепами и их фрагментами, встречались ниже современного уровня Ладоги на 1,4–1,5, 2,5–2,6 и 3,5 м. Это означает, что перемыв и переотложение остатков культурного слоя, бывшего когда-то на возвышении рельефа в субэдральных условиях, происходили при ладожской трансгрессии

озера длительное время от 5,5 тыс. л.н. (время прорыва по тектонической щели р. Вуоксы и спуск вод Сайменского озерного бассейна через гряды Сальпаусселька I в бассейн Ладоги) до ~3,1 тыс. л.н. (начало резкого спада уровня Ладожского озера).

В XIX в. при прорытии Ладожских каналов все остатки обнаруживались в переотложенном, рассеянном и фрагментированном состоянии, причем на нескольких стратиграфических уровнях. Уже в труде А.А. Иностранцева выделены два разных типа торфа в разрезе, лесного и перемытого травянистого. Слой лесного торфа вдоль берега Ладоги тяготеет к долине р. Волхов, тогда как перемытый располагался в основном восточнее р. Волхов, на более низком гипсометрическом уровне и выше по разрезу в виде фрагментов (перемытых?), в которых и содержалось большинство антропологических остатков. Слои намывного торфа, в т.ч. с человеческими черепами и их фрагментами, встречались ниже современного уровня Ладоги на 1,4–1,5, 2,5–2,6 и 3,5 м, что ведет к представлению о длительности перемыва и переотложения остатков бывшего когда-то на возвышении рельефа в субаэральных условиях, культурного слоя.

Вдоль правого берега р. Волхов прослой автохтонного лесного торфа повышается от уровня реки, постепенно утоняется и выклинивается вверх по ее течению (Ailio, 1915; Марков, Порецкий, Шляпина, 1934). Соответственно, возникло предположение о вероятном расположении древней стоянки (стоянок?) именно здесь, на сухом возвышении вблизи бывшего прежде берега Ладоги.

Наиболее отчетливо выраженная региональная терраса ладожской трансгрессии имеет ныне высоту над озером 11–12 м, а ее максимальная береговая линия – 15–16 м. Наши исследования сосредоточились на правобережье р. Волхов к югу от д. Березье, где разрез 11–12-метровой террасы изучался в четырех глубоких расчистках берегового склона на протяжении 0,5 км, и в боковой долинке у конца деревни, в теле низкой 1,5–1,8-метровой террасы.

По контрасту со стратиграфической колонкой в бортах Сясьского канала вдоль бывшего берега Ладоги, где вскрывалось множество пропластков перемытого травянистого торфа с

находками, меридиональный разрез вдоль правого берега р. Волхов содержит единичный, без находок горизонт торфа, притом не травянистого, аллохтонного, а исключительно лесного.

На крайнем юге изученного профиля, в расчистке № 4, пропласток плотного черного лесного торфа толщиной 0,2 м залегал на светлых супесях, Из самого основания пропластка получена дата $6\ 500 \pm 60$ (Ta-2972), $7\ 450 \pm 50$ л.н. кал. Позднее там же в соседнем сечении получен возраст другого образца торфа из нижних 3 см – $5\ 410 \pm 40$ (Ki-18034), 6,35–6,20 тыс. л.н. кал. В сохранившейся кровле торфа возраст оценивается менее 5 тыс. л.н. ^{14}C , т.е. около 5,5 тыс. л.н. кал., а субаэральный интервал в целом – 7,5–5,0 тыс. л.н. кал.

Всего примерно в 100 м ниже по течению р. Волхов в расчистке № 1 основание того же торфяного горизонта толщиной 0,3 м датировано $7\ 930 \pm 110$ (ЛУ-6048) (материал М.В. Шитова), т.е. $8\ 800 \pm 100$ л.н. кал. Здесь, следовательно, субаэральный период, пригодный для поселения людей каменного века, фиксируется примерно на 1,3 тыс. л.н. кал. раньше. Из покрывающих горизонт торфа серых бассейновых суглинков (с оболочками раковин *Unio*) нами извлечены мелкие твердые угольки и остроугольные обломки толстостенной керамики типа сперрингс (определения Д.В. Герасимова), относимой к раннему неолиту (7,5–7,0 тыс. л.н. кал). Керамика в данном случае не датирует время накопления суглинков, ее необходимо считать переотложенной из недалекой, гипсометрически более высокой позиции, где у вершины моренной гряды и могла располагаться стоянка древних людей. Независимо полученные сведения керамике типа сперрингс в регионе и множество датировок перекрывающих автохтонный торф отложений ладожской трансгрессии, когда культурные слои только и могли перемиываться в диапазоне высот до 15 м абс. выс., вполне согласуются с полученным интервалом пригодного для заселения по берегам озера субаэрального периода. Обнаруживается и полное согласие с выявлением в коллекции А.А. Иностранцева, из выемок канала, смешанного каменного инвентаря от мезолита до позднего неолита (Тимофеев, 1994). Так,

опосредованно, возникает подтверждение связи культурного слоя (его периферии) на этом участке вблизи русла р. Волхов с автохтонным торфяным горизонтом.

Низкая, относительной высотой 2,0–2,5 м (над ординаром), терраса хорошо вскрыта в излучине ручья в 50 м вглубь от современного берега р. Волхов у южного конца д. Березье. Разрез общей мощностью около 1 м с вложением в надморенные серые тонкослоистые суглинки (позднеледниковые?) состоит из двух пачек, в каждой из которых чередуются прослой торфа, песков и супесей, частью гумусированных. В верхней части разреза обращают на себя внимание линзовидные пропластки мохового, слаборазложившегося торфа и окатанные фрагменты черного, заведомо более раннего, торфа, слои которого ниже по разрезу выдержаны.

Древесина из основания разреза (0,25–0,3 над руслом ручья) получила датировку 5 200±60 (Та-2956), 5 950±50 л.н. кал., другой фрагмент древесины (со следами искусственных? зарубок) датирован 4 890±30 (Та-2958), 5 600±60 л.н. кал., тогда как по образцу торфа (местами со следами окатанности) дата оказалась 4 225±40 (Та-2923), 4 850 л.н. кал. Ни одна из этих датировок, даже самая поздняя, не может служить показателем времени накопления слоев, поскольку вероятно инситу торфяной прослойки толщиной всего 2 см в верхней, супесчаной пачке получил датировку 2 015±200 (Та-2925), 2 060±250 л.н. кал.

В верхней пачке фрагмент древесины с окатанными сучками, включенный в верхний торф, дал значение 4 400±50 (Та-2957), 4 980±50 л.н. кал. В этой же пачке, но в другом прослое торфа с примесью песка датировка неокатанного древесного фрагмента значительно более древняя: 5 700±100 (Та-2955), 6 500±150 л.н. кал. Наконец, над верхним торфом древесный фрагмент дал возраст 5 200±60 (Та-2956), 6 000±100 л.н. кал.

Ясно, что большая часть древесных остатков и, вероятно, частично торф переотложены. Логично также предполагать, что снос шел с близлежащей толщи в теле 11–12-метровой террасы массива, где древесный торф, как мы теперь знаем, откладывался и во временном промежутке от >5.7÷4.9 (4,4?) тыс. л.н. ¹⁴C (6,5–5,0 тыс. л.н. кал.). Частью это была

верхняя, затем смытая и перенесенная на более низкий уровень, часть основного (единственного в основании (цоколе) 11–12-метровой террасы) горизонта, формировавшегося в субэральный период, начиная почти с 9 тыс. л.н. кал. Именно обратная последовательность дат согласуется с представлением о последовательном размыве и переотложении во врезе.

С точки зрения археологии наиболее интересным является нахождение в разрезе фрагментов древесины среднеголоценового возраста со следами искусственной рубки – косвенное указание на продолжение обитания неолитических людей в ближайшей окрестности в этот период и во время ладожской трансгрессии, что следует и из других фактов в округе.

Благодарности. Авторы признательны Г.С. Бискэ и М.В. Шитову за взаимодействие и возможность использовать аналитические данные, Д.А. Герасимову – за определения типа керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882. 241 с.

Марков К.К., Порецкий В.С., Шляпина Е.В. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время // Тр. Комис. по изучению четвертичного периода. 1934. Вып. 4. С. 71–144.

Никонов А.А. Человек каменного века на Ладожском озере // Природа. 2008. № 7. С. 26–34.

Никонов А.А., Селин А.А. О вовлечении археолого-палеонтологической коллекции А.А. Иностранцева в базовую структуру культурно-исторического наследия страны // Мат-лы науч. конф. «Идеи А.А. Иностранцева в геологии и археологии. Геологические музеи». СПб., 2009. С. 46–49.

Тимофеев В.И. О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из приладожской коллекции А.А. Иностранцева // Вопр. геологии и археологии. СПб., 1994. С. 57–58.

Ailio J. Des Ladogasees in postglazialer Zeit und ihre Beziehung zur steinzeitlichen Besiedelung // Fennia. 1915. Vol. 38; № 3. 157 p.

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
ОСИНСКО-УНГИНСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА
(ЮЖНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)**

© 2014 г. В.М. Новосельцева

*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск
(novlm@mail.ru)*

Ключевые слова: Южное Приангарье, р. Ангара, геоархеология, объект, Братское водохранилище, абразия.

Резюме. В статье описываются ключевые проблемы исследований археологических объектов Осинско-Унгинского геоархеологического района, связанные с деятельностью Братского водохранилища и геоморфологическими позициями объектов. Освещаются проблемы сохранения и исследования объектов, уничтожаемых в результате деятельности водохранилища.

История исследования Осинско-Унгинского геоархеологического района насчитывает более 100 лет и началась с исследований М.А. Хангалова, Н.А. Агапитова и Н.И. Витковского. Результатом более чем столетней деятельности стало открытие множества геоархеологических объектов широкого хронологического диапазона от раннего палеолита до раннебурятского времени и периода начала освоения территории русскими.

Геоморфологически Осинско-Унгинский район принадлежит к южной части Сибирской платформы – Иркутскому амфитеатру и представлен кайнозойской тектонической субширотной депрессией линейного типа в зоне пересечения локальных разломов: Приангарского северо-северо-западного направления и Обусинского северо-восточного направления. Обрамляющий рельеф – расчлененное плато с абсолютными отметками до 600 м в южной части территории и до 750 м в восточной и северо-восточной частях. Высокий борт Лено-Ангарского плато сложен красноцветными алевролитами верхнего кембрия, покоящимися на погруженных раннекембрийских доломитах. Высоты были подняты над уровнем реки на 100–300 м. Невысокие уровни возвышения левого берега, поднятые над Ангарой на 30–50 м, принадлежат Черемховско-Заларинской равнинной ситуации (Адаменко,

1971). Образование современного рельефа тесно связано со структурно-тектоническими особенностями строения территории, направлением трещиноватости и литологическим составом слагающих пород. Вершинные части поверхности плато имеют вид куэст с падением на северо-восток. Плоские водоразделы являются останцами мел-палеогеновой поверхности выравнивания. На склонах по тектоническим трещинам интенсивно развиваются эрозионные, карстовые, суффозионные процессы, закладываются лога и сухие пади (Стратиграфия..., 1990).

В современном состоянии верхнее течение р. Ангары превратилось в ложе двух водохранилищ – Иркутского и Братского. При затоплении р. Ангары и притоков образовались озеровидные расширения. Территория Осинско-Унгинского геоархеологического района относится к Осинскому расширению Братского водохранилища, которое представляет собой водоем сложной конфигурации, обусловленной характером рельефа затопленных долин и геологическим строением береговой зоны. Площадь зеркала Братского водохранилища при нормальном подпорном горизонте составляет около 5 500 кв. км, протяженность берегов 6 030 км, средняя глубина 31 м, наибольшая – 150 м (Овчинников, Карнаухова, 1985). С учетом гидро- и морфологических

особенностей берегов и ложа в водохранилище выделяются четыре района расширения – Осинское, Заярское, Долоновское, Калтукское. Четковидное (Геологический словарь, 1960, с. 406) в плане строение речных долин, характеризовавшееся чередованием сужений и расширений, унаследовано и водохранилищем. В пределах крупных озеровидных участков, как Осинское, наблюдается наиболее сильная абразия берегов. На Братском водохранилище протяженность размываемых берегов составляет около 1 300 км, из них около 150 км приходится на берега заливов по мелким притокам и около 1 160 км на основную акваторию водохранилища.

С появлением ангарских водохранилищ начали развиваться такие процессы, как размыв, перемещение и аккумуляция продуктов размыва. На отдельных участках активизировались старые или появились новые оползни, карстовые явления. На ангарской акватории максимальные размывы берегов наблюдаются по правому берегу и приурочены к берегам, формирующимся в суглинках, супесях (Пуляевский, Овчинников, 1977). В осенний период, когда температура воздуха опускается ниже нуля, а также в зимний период на обрушение блоков как расклинивающий фактор воздействует морозное выветривание (Овчинников и др., 2002).

Сложен и режим колебания уровня воды Братского водохранилища. Это водохранилище многолетнего регулирования, на котором проектом предусмотрена 10-метровая амплитуда колебания уровня. На многолетние колебания накладываются ежегодные (с амплитудой до 3 м). В годовом ходе отмечается один минимум положения уровня, приуроченный к весеннему периоду и один максимум в августе – сентябре. В подобных условиях темпы размыва берегов оказываются максимальными.

Возникновение и развитие современных геологических процессов обусловлено геолого-геоморфологическими особенностями региона. Для пологих участков склонов, сложенных рыхлыми породами, характерно развитие мерзлоты. Главным рельефообразующим процессом здесь является медленное вековое смещение рыхлого чехла, движущегося в виде пластичной массы. Кроме того, на

участках пологих склонов, сложенных супесчано-глинистыми, супесчаными породами, широко развита линейная эрозия, а в пределах распространения карбонатных отложений – карст.

В условиях резко континентального климата Сибири берега Братского водохранилища подвержены глубокому сезонному промерзанию, а на некоторых участках они находятся в многомерзлотном состоянии. Поэтому берега водохранилища изменяются не только за счет волнового действия, но и под влиянием криогенных процессов, причем криогенные факторы являются определяющими среди других экзогенных процессов (гравитационных, склоновых, эрозионных и др.). Они проявляются на всем его протяжении и действуют на грунт в условиях резко континентального климата до семи месяцев в году (с октября по апрель).

Важным фактором разрушения берегов является и морская абразия. Ветровое волнение на водохранилище характеризуется большим разнообразием. В районе Осинского расширения доминирует волнение северо-западного направления. Максимальные волны достигают 3 м и наблюдаются на участке береговой зоны горы Игетей (левый устьевой мыс долины р. Осы). На этом участке при скорости ветра 8 м/сек и максимальной высоте волны 0,8 м ширина прибойной зоны и зоны наката около 28 м.

Одной из ключевых проблем исследований археологических объектов в Южном Приангарье является влияние деятельности водохранилищ в виде размыва и абразии берегов, в результате чего многие из местонахождений – исследованных, выявленных, а также оставшихся неизвестными – затоплены водами водохранилищ. Работы, которые проводились под акваторию Братского водохранилища в 1930–1950-е гг., были скоротечными, за эти годы было открыто множество археологических объектов, тогда как большинство были обнаружены только с момента начала размыва береговой линии. Тема исследований археологических объектов в зоне водохранилищ, особенно актуальна в последние годы. В современном состоянии Верхнего течения Ангары не сохранилось (Иркутская ГЭС, Братская ГЭС). С вводом Усть-Илимской ГЭС

уничтожается среднее течение р. Ангары. В настоящий момент построилась следующая плотина, которая сформирует Богучанское водохранилище в Северном Приангарье (среднее и нижнее течение р. Ангары). Таким образом, район верхнего и среднего течений Ангары будет уничтожен.

Осинско-Унгинский геоархеологический район является одним из ключевых локусов сосредоточения археологических объектов палеолита в Южной Сибири. Широко известность получили гора Малый Тарахай, Гора Игетей, Игетейский Лог I, Игетейский Лог III, Большой Нарын. Географически район привязан к Осинскому расширению водохранилища, учитывая особенности размываемой зоны, а также особенности геоморфологии, большинство местонахождений, которые мы имеем на данный момент в арсенале, являются местонахождениями открытого типа. Объекты верхнего плейстоцена по правому и левому бортам долины р. Ангары, расположены на склонах западного и северного фазов Лено-Ангарского плато. Общий уровень подъема воды в зоне Осинского расширения составил 30 м, в то время как большинство объектов финального неоплейстоцена и голоцена гипсометрически располагались на относительных отметках ниже 30 м, и в современном состоянии оказались под водой Братского водохранилища. Самый известный из них – Красный Яр-1, открытый в 1956 г. А.П. Окладниковым и З.А. Абрамовой. Многие объекты исследовались в 1970–1980-е гг., в процессе разрушения берегов и являлись по сути спасательными археологическими работами (Игетейский Лог-1, Гора Игетей-1). В современном состоянии, большинство объектов являются экспонированными на поверхности техногенных пляжей.

Геологическое и геоморфологическое строение Южного Приангарья и Осинско-Унгинского геоархеологического района осложнено тектоническим развитием Средне-

Сибирского плоскогорья и имеет сложную структуру. Геологическое развитие тектонических, денудационных и делювиальных процессов повлияло на формирование особенностей условий формирования рыхлых толщ четвертичного периода и стратиграфического залегания палеолитических объектов Осинского геоархеологического района в условиях перемещения и распространения археологического материала в склоновых отложениях.

Во вторую очередь на современную ситуацию сохранности археологических объектов повлияла организация каскада ГЭС на р. Ангаре. Затопление ложа Братского водохранилища оказало влияние в виде размыва и разрушения береговых отложений и переотложения археологического материала на поверхности техногенных пляжей, и уничтожения стратифицированных объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаменко О.М. Плоскогорья и низменности Восточной Сибири. М.: Наука, 1971. 329 с. (Сер.: «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока»).

Геологический словарь. Т. 2. М.: Гос. науч.-технич. изд-во литературы по геологии и охране недр, 1960. 445 с.

Овчинников Г.И., Карнаухова Г.А. Прибрежные наносы и донные отложения Братского водохранилища. М.: Наука, 1985. 69 с.

Пуляевский Г.М., Овчинников Г.И. Природные условия и особенности формирования берегов Ангарских водохранилищ // Изучение берегов водохранилищ Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. С. 54–66.

Овчинников Г.И., Тржцинский Ю.Б., Жентала Мариуш, Жентала Мартына. Абразионно-аккумулятивные процессы в береговой зоне водохранилищ. Иркутск: Сосновец, 2002. 102 с.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: к XIII конгрессу ИНКВА (КНР, 1991 г.) / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. 165 с.

ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ГИС-МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ПОИСКОВ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ГОРНОМ АЛТАЕ

© 2014 г. А.В. Постнов¹, И.Д. Зольников^{2,3}, В.С. Славинский¹,
А.А. Цыбанков¹, В.А. Лямина^{2,3}, Д.А. Чупина²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(postnov@ya.ru; slavinski@yandex.ru; tsybankov@yandex.ru)*

²*Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск
(zol@igm.nsc.ru; dasha.chupina@gmail.com)*

³*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

Ключевые слова: палеолит, палеосреда, Горный Алтай, ГИС, цифровые модели рельефа.

Резюме. В основе ГИС-моделирования условий палеосреды в Горном Алтае лежат представления о геолого-морфологическом каркасе палеоландшафта. Использовалась цифровая модель рельефа SRTM и геологические карты масштаба 1:200 000. В качестве основных параметров, контролирующих локализацию стоянок, были выбраны следующие: наличие ровных пологих площадок, пригодных для поселения; освещенность территории; близость к источникам каменного сырья для орудий; водообеспеченность территории (плотность рек и узлов их слияния). Верификация на известных палеолитических памятниках и проведенное обследование на территории Республики Горный Алтай вдоль проектируемой трассы газопровода, позволившее обнаружить 19 новых местонахождений, показали адекватность геоинформационной модели и возможность ее использования для оптимизации поиска новых стоянок.

Геоинформационные технологии достаточно активно применяются в археологических исследованиях для решения задач, связанных с анализом закономерностей пространственного распределения археологических памятников и их локализации в зависимости от благоприятности условий палеосреды (Кузьмин и др., 2004; Орлова, Кузьмин, Зольников, 2000). На протяжении ряда лет сотрудниками ИАЭТ СО РАН и ГИС-центра ИГМ СО РАН проводятся совместные исследования, нацеленные на выяснение закономерностей приуроченности археологических памятников Западной Сибири к различным палеогеографическим обстановкам для определенных хроностратиграфических интервалов.

Поскольку для древнего человека характерен адаптационный механизм взаимодействия с окружающей средой, то рельеф местности в качестве структурного каркаса ландшафтов и палеоландшафтов является ключевым при оценке благоприятности обстановок мест

обитания. Для геоморфологического анализа использовалась цифровая модель рельефа SRTM открытого доступа с исходным размером ячейки для данных широт 90x60 м, которая была приведена к пространственному разрешению 60x60 м. В отличие от предыдущих исследований, цель данной работы не реконструкция палеообстановок по археологическим и палеонтологическим материалам, имеющим палеогеографическое значение, а выявление мест, наиболее благоприятных для проживания палеолитического человека. Решение этой задачи основывается на закономерностях локализации археологических памятников каменного века в зависимости от геолого-геоморфологической основы палеоландшафта.

В качестве основных факторов, контролирующих распределение мест стоянок древнего человека, с учетом местной специфики, были приняты следующие: 1) наличие ровных пологих площадок, пригодных для по-

селения; 2) тепло-светообеспеченность территории (освещенность пологих склонов и площадок); 3) близость к источникам каменного сырья для орудий; 4) водообеспеченность территории (наличие рек, а также узлов их слияния).

Поскольку стоянки древнего человека могут располагаться на пологих, хорошо освещенных склонах, то для определения таких благоприятных мест на ЦМР (цифровой модели рельефа) были выделены области с углами падения склонов не более 10° . Дополнительно, были построены две сетки освещенности площадок и склонов, отдельно для зимнего и летнего сезонов. Схемы освещенности строились следующим образом: для каждого сезона (на июль и январь месяц соответственно) было построено по пять теневых моделей рельефа по ЦМР. Теневые модели строились на момент восхода солнца, полдень, момент захода солнца и две промежуточные модели между восходом и полуднем и между полуднем и закатом. Время восхода, полудня и заката солнца определялось по астрономическому калькулятору (<http://suncalc.net>). Далее по калькулятору положения солнца (<http://planetcalc.com>) рассчитывался азимут и угол положения солнца над исследуемой территорией. Все пять теневых моделей складывались (процедура сложения сеток в ARCGIS), и получалась интегральная схема освещенности территории за сутки. В итоге получилась схема освещенности территории, которая отражает участки, освещенные только в зимний период времени, участки, освещенные только в летний период времени и участки, освещенные и летом и зимой.

В качестве источников сырья на территории Горного Алтая выступают кислые эффузивы и контактные зоны интрузивных массивов с терригенными породами, в которых часто образуются роговики, а также вторично кремнистые песчаники, алевриты и другие породы, пригодные для изготовления каменных орудий (Кулик, Постнов, 2010). Для создания в ГИС-проекте слоя источников сырья на данную территорию вокруг интрузивов были построены буферные зоны размером от 500 до 50 м в зависимости от размера интрузии и соответственно ширины контактной зоны. Далее эти буферные зоны посредством

оверлейных операций с векторной геологической картой проверялись на состав вмещающих пород. В качестве выделов каменного сырья оставались только те участки буферных зон, в которые попадали терригенные толщи. Кроме буферных зон, моделирующих контактовые ореолы вокруг интрузивных массивов, слой источников сырья также включает в себя контуры выходов на земную поверхность кислых эффузивных пород, которые сами по себе пригодны для изготовления каменных орудий труда. Близость к источникам каменного сырья анализировалась из того расчета, что благоприятным является место, которое расположено на расстоянии не более, чем час-полтора пешего хода до ближайшего выхода пород, потенциально пригодных для изготовления орудий. Поэтому в качестве зоны близости был выбран буфер с шириной 5 км.

Еще одним фактором, контролирующим размещение стоянок древнего человека, является наличие воды. Поэтому были построены буферные зоны с радиусом 400 м вокруг рек, а также буферные зоны с тем же радиусом вокруг точек слияния рек. Гидросеть важна не только как источник воды для питья и других бытовых нужд, но также как агент, транспортирующий каменное сырье от выходов на дневную поверхность и осуществляющий его первичную обработку (дробление и окатывание). В значительной мере палеолитический человек использовал для изготовления каменных орудий не только и не столько обломки из коренных выходов пород, сколько галечный материал, уже переотложенный и частично переработанный рекой (Там же).

Вышеперечисленные слои легли в основу геоинформационной модели, с использованием которой на исследуемой территории был проведен анализ распределения мест известных стоянок древнего человека в зависимости от контролирующих факторов. На плоские места попадают 100%, стоянок. При этом плоские участки за пределами предгорной равнины и районов межгорных котловин составляют по площади не более 30% анализируемой территории. На места, освещенные только в январе, попадают 37% стоянок, на освещенные только в июле – 40%, а на места, освещенные и в январе и в июле, – 8,7%. Суммарно на освещенные участки попадает

85,7% стоянок. При этом следует учесть, что площадь освещенных пологих участков составляет не более 16,8% от всей обобщаемой территории вследствие ее гористости. Оставшиеся 14,3% стоянок расположены непосредственно на днищах относительно узких долин второстепенного порядка, освещение которых не читается моделью SRTM.

В буферные зоны вокруг источников каменного сырья попало 94,3% стоянок. При этом буферные зоны занимают 67,3% от общей площади анализируемой территории. Оставшиеся две стоянки расположены менее чем в 10 км от ближайшего источника сырья.

По сопряженному анализу вышеперечисленных параметров выделился ряд районов. В их числе район поселка Ильинка. Для верификации ГИС-системы был организован выезд на место, в результате которого выявлено 19 памятников (Славинский и др., 2011).

Таким образом, геоморфологическое районирование по SRTM в пределах Горного Алтая позволило создать геоинформационную модель предпочтений обстановок палеосреды для палеолитического человека. Полученные результаты позволяют создать геоинформационную модель на основе серии плотностных сеток, учитывающих распределение параметров, характеризующих условия палеосреды. Сопряженный анализ таких сеток позволяет выделять ареалы с разной степенью оптимальности условий палеосреды для па-

леолитического человека, что обеспечивает возможность оптимизации территориальных поисков археологических памятников каменного века, а также для предварительного прогноза археологических исследований при изыскательских работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Орлова Л.А., Зенин В.Н. Палеогеография Западно-Сибирской равнины во время максимума сарганского оледенения (в связи с находками мамонтов и палеолитических памятников) // Докл. Акад. Наук (РАН). 2004. Т. 398; № 4. С. 542–544.

Кулик Н.А., Постнов А.В. Геология, петрография и минералогия в археологических исследованиях // Методы наук о Земле и Человеке в археологических исследованиях. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. С. 39–99.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Зольников И.Д. Пространственно-временные аспекты истории популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) и древний человек в Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 31.

Славинский В.С., Постнов А.В., Марковский Г.И., Басова Н.В., Зольников И.Д., Рыбин Е.П. Результаты разведки памятников палеолита в Алтайском крае и Республике Алтай в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 469–472.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ КОНДЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ГИС-АНАЛИЗА)

© 2014 г. Т.Н. Собољникова

*Югорский научно-исследовательский институт информационных технологий,
Ханты-Мансийск
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск
(sobtn@mail.ru)*

Ключевые слова: Западная Сибирь, Кондинская низменность, геoarхеологический объект, ГИС-технологии, пространственный анализ.

Резюме. В работе представлены результаты пространственного анализа памятников археологии, расположенных в низовьях р. Конды, выполненного с использованием ГИС-технологий. На основе широкого круга источников была создана археологическая карта и систематизированы данные по 190 памятникам, обнаруженным в разные годы в пределах данной территории. Итогом стало выявление закономерностей в локализации объектов археологии в пределах одной ландшафтной провинции.

В последние два десятилетия на стыке нескольких научных дисциплин сформировалось геoarхеологическое направление, в рамках которого археологический объект понимается как пространственно-временная форма системы «человек – среда» (геoarхеологический объект) (Воробьева, Бердникова, 2007. С. 90). Другими словами, памятник археологии рассматривается как часть территории, объединяющая культурный и природный ландшафты.

В настоящей работе представлены результаты пространственного анализа археологических памятников низовой р. Конды, выполненного с помощью ГИС-технологий.

В соответствии с ландшафтным районированием район исследования является частью Кондинской провинции плоских болотных и болотно-таежных низин (Кондинское Полесье) (Москвина, Козин, 2001. С. 25, 26). Данная провинция, в свою очередь, входит в обширную Кондинско-Ваховскую область аллювиальной и озерной верхнеплейстоценовой аккумуляции (Москвина, 2004. С. 15). Местность характеризуется незначительным перепадом высот (средняя высота – 60 м), широким распространением озерных и болотных ландшафтов. Уровень заболоченности дости-

гает 60%, озерность – 10% (Москвина, Козин, 2001. С. 6, 26). В качестве условной границы, разделяющей нижнее и среднее течение р. Конды, традиционно выступает ее левый приток – р. Юконда (Экология ..., 1997. С. 134).

Выбор района исследования обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, необходимостью систематизации разрозненной информации по месторасположению объектов археологии в низовьях Конды. Археологические исследования (разведки, раскопки) проводились здесь начиная с 1930-х гг. (Стефанова, Борзунов, 2002. С. 12). В 1980–1990-х гг. и в современный период, археологические исследования чаще всего были приурочены к зонам активного нефтегазового освоения. В научный оборот введены данные по ограниченному количеству объектов (Глушков, 1994. С. 25–28).

Во-вторых, в археологическом отношении, это слабоизученный район. Доля памятников археологии на сегодняшний день составляет около 15% от общего количества выявленных в бассейне р. Конда, хотя по площади эта территория, занимает примерно половину всей провинции. Отчасти данная ситуация может объясняться тем, что территория Нижней

Конды до сих пор является труднодоступной для полевых исследований, хозяйственное освоение коснулось ее в меньшей степени.

Пространственный анализ археологических памятников низовой р. Конды включал в себя несколько этапов. Первостепенной задачей являлось создание карты археологических памятников района. Основные источники информации – научно-исследовательские отчеты, хранящиеся в специализированных архивах в Москве (ИА РАН), Екатеринбурге (Уральский госуниверситет), Ханты-Мансийске (АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»). Хронологические рамки – с 1970-х гг. по 2013 г. В результате была собрана информация по 190 памятни-

кам археологии (включая не существующие к сегодняшнему дню, полностью изученные раскопками или разрушенные). В суммарном виде информация по их типологии и хронологической принадлежности приведена в *таблице*. Эта информация отражает не только этапы освоения территории в древности, но отчасти и степень ее исследованности. Так, 60% от общего числа всех памятников археологии не атрибутированы, т.е фактически не исследованы. На настоящий момент здесь не выявлено ни одного могильника. Кроме того, в процессе картографирования были выявлены памятники, которые нуждаются в проведении инвентаризации и уточнении места их расположения.

Типологическая и хронологическая принадлежность объектов археологии низовой р. Конда

Тип памятника	Археологические периоды						Всего
	Неолит	Энеолит – бронзовый век	Ранний железный век	Средневековье	Охватывают разные периоды	Не датированы	
Городище	–	–	6	1	3	7	17
Поселение	3	36	4	3	12	73	131
Промысловые объекты (ловчие ямы)	–	–	–	–	–	18	18
Местонахождения	–	3	1	2	–	17	23
<i>Всего</i>	3	39	11	6	15	116	190

Для картографирования и систематизации разноплановых данных по объектам археологии, их комплексного анализа была создана картографо-информационная база с использованием программной оболочки «MapInfo». База представляет собой серию слоев (карт) и таблиц, содержащих атрибутивную информацию по каждому памятнику (типология, хронология, культурная принадлежность и др.). Инструменты, заложенные в программе, позволили провести оперативный статистический и картографический анализ. Для последнего были доступны карты только крупного и среднего масштаба.

В ходе исследования были выявлены следующие закономерности в расположении археологических объектов в низовьях Конды.

1. Большинство археологических памятников располагается в поймах и долинах рек малых порядков (40%), а также, на придолинных участках этих рек (30%). В низинах (болотно-озерные низины, низкие надпойменные террасы) расположено 24% археологических памятников.

2. В пойме р. Конда локализовано семь поселений (3%), датируемых эпохой энеолита – раннего бронзового века. Как правило, они были приурочены к устьевым участкам рек малых порядков, стариц, ручьев, впадающих

в р. Конда, другим словами, тип местности близкий к рекам малого порядка.

3. Зависимость между типом памятников и местом расположения выявлена только для объектов промысловой деятельности – групп ловчих ям, которые преимущественно располагаются в низинных заозеренных и заболоченных пространствах, расположенных вглубь от речных террас. Данный тип памятников пока слабо изучен раскопками, поэтому в большинстве своем они не датированы. Для объяснения такой их приуроченности возможно привлечение этнографических данных.

4. Локализация археологических объектов в виде групп, включающих в себя от 4–5 до 23 памятников, расположенных близко друг к другу. В пространственном отношении такие участки приурочены либо к устьевой зоне или к низовьям малых рек, проток (60%), либо располагаются по берегам сорных озер (39%). Памятники в рамках микрорайонов датируются разными хронологическими периодами, что позволяет интерпретировать их как своеобразные экологические «ниши» – места, удобные для проживания и промысловой деятельности на протяжении разных периодов истории (Матющенко, 2003. С. 148–149; Воробьева, Бердникова, 2007. С. 84). Расстояние между микрорайонами варьирует от 12 до 20 км на отрезке от устья Конды до ее поворота в широтное направление. Далее, на протяжении примерно 70–80 км выявлено несколько отдельно расположенных объектов (что впрочем, может быть связано со слабой изученностью). В районе п. Кондинское «кусты» археологических памятников располагаются на расстоянии от 5 до 10–12 км и сосредотачиваясь по берегам сорных озер, связанных между собой сетью малых рек, ручьев и проток.

5. В рамках микрорайонов представлены разные типы памятников, при явном преобладании поселенческих комплексов. Отдельно остановимся на особенностях пространственного размещения городищ. Наибольшее количество известных городищ в низовьях Конды (датируемых ранним железным веком и средневековьем) располагаются в устьях и нижнем течении небольших рек и проток – правобережных притоков Конды (рр. Чилимка, Кама, Болчаровка и др.). Это наиболее

близкие по отношению к магистральной реке Иртыш микрорайоны, наиболее доступные для внешних воздействий (миграций и т.д.). Сложнее объяснить на данном этапе исследования появление городищ с мощными фортификациями на р. Юконда (в 55 км вверх от устья) – левобережном притоке Конды, расположенном на значительном удалении от Иртыша (более 160 км).

Тем не менее этот пример не является единственным. В северной части Кондинской низменности располагается уникальный в своем роде культурный и природный ландшафт – Согомский археологический район. Здесь по берегам оз. Домашний Сор и впадающих в него рек, на относительно небольшой территории выявлены на сегодняшний день более 200 объектов археологии разных типов, культурной и хронологической принадлежности. В пространственном отношении этот район также значительно удален от магистральных рек – Конды, Иртыша. Тем не менее, материалы, полученные в ходе разведок и раскопок, свидетельствуют о том что, начиная с неолита и вплоть до нового времени, он находился в системе тесных связей с сопредельными районами севера Западной Сибири. Опыт исследования данного археологического района, полученный на протяжении последних 5 лет (при участии автора) позволяет спрогнозировать выявление новых археологических объектов в рамках уже выявленных в низовьях р. Конда археологических районов и микрорайонов. Судя по отчетам, исследования, за редким исключением ограничивались точечными разведками, которые не позволяют получить даже общее представление о микрорайоне, его ареале и т.д.

Относительно магистральной реки – Конды, в количественном плане объекты археологии распределены примерно поровну: в правобережной части – 60% и в левобережной – 40%. Тем не менее в их размещении фиксируется определенная закономерность: основная часть памятников в правобережье сосредоточена на отрезке Конды от ее устья до места поворота реки в широтном направлении. Памятники в левобережье на этом участке единичны. Основная их концентрация приходится на район, где пойма Конды «теряется» в системе проток и озерно-со-

ровых образований. Для объяснения данной пространственной «организации» археологических объектов необходимо проведение серии разведок по берегам малых рек, проток и озер, расположенных по обе стороны Конды (многие из которых не обследовались археологами вообще), а также более детальный анализ микрорельефа и ландшафта в пределах отдельных микрорайонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Картография для археологов: Учеб. пособие по работе с крупномасштабными топографическими картами и созданию пояснительных записок для территории исследования. Иркутск: Оттиск, 2007. 100 с.

Глушков И.Г. Культурно-хронологическая колонка памятников неолита и бронзового века Чилимского микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1994. С. 25–28.

Матющенко В.И. Экологические аспекты изучения археологических микрорайонов // Экология древних и современных обществ: Докл. конф. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003, С. 148–150.

Москвина Н.Н. Ландшафтный анализ территории Ханты-Мансийского автономного округа для обеспечения рационального природопользования: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2004. 21 с.

Москвина Н.Н., Козин В.В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2001. 44 с.

Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таежного Обь-Иртышья. Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 134 с.

Экология Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 288 с.

ПОЧВЫ ЭОЛОВЫХ ГЕОСИСТЕМ (НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ) В ПОЙМАХ РЕК СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. Н.Н. Солодков, С.П. Ломов

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза
(niconsol@yandex.ru; stas_lomov@mail.ru)*

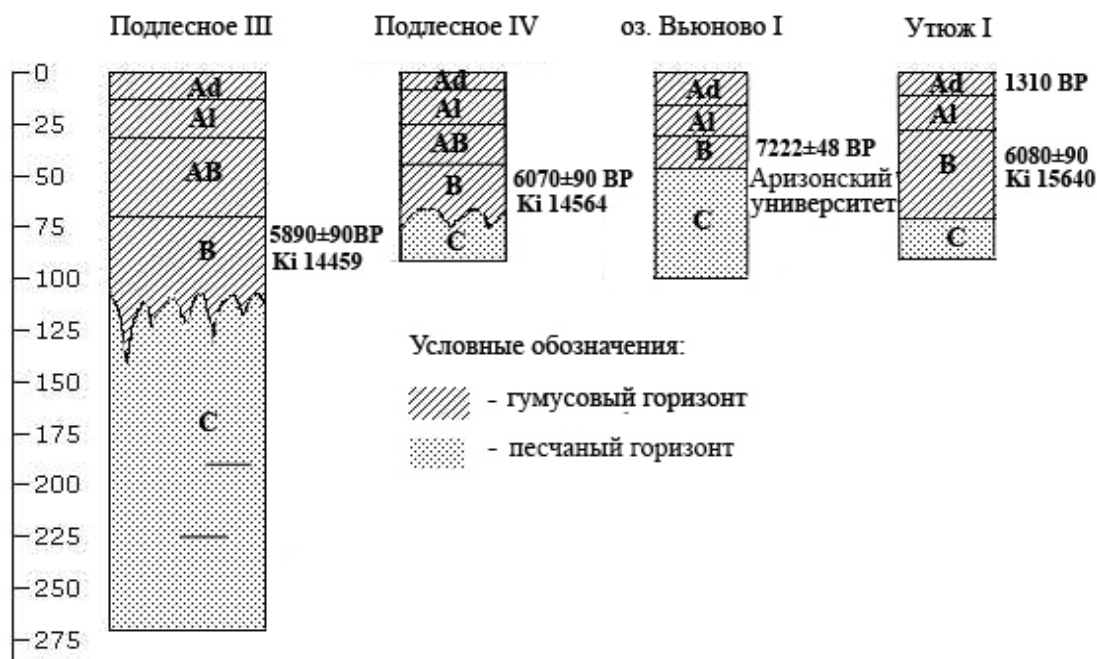
Ключевые слова: неолит, голоцен, эоловые геосистемы, Среднее Поволжье, р. Сура.

Резюме. Статья освещает вопросы строения, состава, происхождения и развития эоловых геосистем в поймах рек Среднего Поволжья, к которым приурочены археологические памятники времени неолита. На примере стоянок первобытных людей в верхнем и среднем течении р. Сура проведены почвенно-седиментационные реконструкции, которые выявили основные события в динамике развития эоловых геосистем.

Систематические исследования почв в Среднем Поволжье начались во второй половине XX в. и сосредоточились на изучении их классификации, картографии, агромелиорации и т.д. под руководством Н.Н. Розова, К.А. Кузнецова, Г.Р. Дюковой, Г.Б. Гальдина, А.И. Дорогова, Ю.А. Вяль и др. Однако почвы эоловых геосистем в поймах рек Среднего Поволжья не были охвачены изучением. Происхождение эоловых геосистем, а также формирование на них почв оставалось неизученным, несмотря на то что в неолитическое время они активно использовались первобытными людьми для осуществления хозяй-

ственной деятельности и миграции в бассейне р. Сура и за его пределами.

Изучение неолитических стоянок в среднем и верхнем течении р. Сура проводилось А.В. Вискалиным, А.А. Выборновым, Н.Н. Ковалюхом, В.В. Ставицким, Н.С. Березиной и др. Почвенными исследованиями они были охвачены с 2011 г. Проведено морфологическое и детальное литостратиграфическое изучение разрезов неолитических стоянок центральной части бассейна в Алатырском р-не Республики Чувашии и в верховье р. Сура – Бессоновском р-не Пензенской обл. (см. рисунок).

Стратиграфия и радиоуглеродный возраст современных и «жилых» горизонтов, культурных слоев опорных разрезов.

На многослойном поселении Утюж I к эпохе средневековья относятся верхние пахотные слои с золотоордынскими материалами, которые датируются по находке серебряного дирхема 1310 г. (Выборнов, 2008). Для эпохи неолита наиболее ранняя радиоуглеродная дата получена по елшанской керамике стоянки Вьюново озеро I в лаборатории Аризонского университета – $7\ 222 \pm 48$ ВР. По ранненеолитическим неорнаментированным прямостенным сосудам получены радиоуглеродные даты со стоянки Утюж I – $6\ 330 \pm 90$ ВР (Ki-14448).

Песчаные отложения, к которым приурочены неолитические стоянки, в рельефе выра-

жены небольшими плавными возвышениями над уровнем пойменной террасы. Эволюция пойм и песчаных массивов характеризуется сложным сопряженным развитием.

Строение почв, формирующихся на песчаных отложениях, можно рассмотреть на примере полевого описания разреза памятника Вьюново озеро I (табл. 1). Абсолютная высота 93,5 м над ур.м. Растительность ксероморфная: бодяг, щавель, пастушья сумка, полынь, лук скорода, чертополох. Единственные уцелевшие деревья – сосны, которые являются остатками боровых лесов, характерных для песчаных массивов.

Таблица 1. Морфологическое описание разреза на памятнике Вьюново озеро I

Горизонт	Глубина, см	Морфологическое описание
		Дерново-супесчаные почвы
Ad AJ*	0–16	Темно-серый, супесчаный. Структура не выражена, заметны белесые обломки кварца без гумусовых пленок. Отмечается клиновидный угловатокосой переход.
A1 RYur	16–31	Темно-серый при увлажнении супесчаный, структура не выражена. Встречаются белесые зерна кварца без гумусовых пленок как результат развития процесса лесиважа. Переход постепенный.
B [U]	31–47	Супесчаный, мозаичного цвета, фрагменты осветленной массы перемежаются с более темными пятнами. К этому горизонту приурочены находки неолита: отщепы, каменные орудия, керамика. Переход в породу ровный.
C C'''	47 см и глубже	Песок светло-желтого цвета, хорошо сепарированный. Породы однородны. Заметны ямы опорных столбов для различных хранилищ.

*В соответствии с классификацией 2004 г. (по: Шишов и др., 2004).

Приведенное морфологическое описание свидетельствует о расселении неолитических людей в раннеатлантическое время АТ-1 на уже существующие песчаные формы рельефа в пределах поймы р. Сура. Отличительными особенностями урбанизированного горизонта является высокая плотность и мозаичность окраса, что связано с привнесением антропогенного мусора. В почве, развитой выше жилой поверхности неолитических людей, заметны признаки лесиважа. В холодные и сухие фазы климата SB и SA развивались дефляционные процессы и почвы «неолита» оказались погребенными. На новых субстратах в субатлантическое время формировались дерново-супесчаные лессивированные почвы под сухостепной ксероморфной растительностью.

Морфологическое строение почв на песчаных субстратах в верховье р. Сура (Бессоновский р-н) отличается мощностью профиля и набором генетических горизонтов. Нами были изучены разрезы стоянок Подлесное III, IV и VII. Наиболее полно был вскрыт разрез Подлесное III, который был заложен на склоне юго-западной экспозиции недалеко от ровной вершины дюны высотой 130 м. над ур.м. Ксероморфная растительность разрежена и представлена полынью обыкновенной, гвоздикой татарской, пижмой лекарственной, пастушьей сумкой, клоповником сорным, типчаком и т.д. Морфологическое описание представлено в табл. 2.

Таблица 2. Морфологическое описание разреза на памятнике Подлесное III

Горизонт	Глубина, см	Морфологическое описание	
		Дерново-супесчаные почвы	
Ad AJ*	0–13	Серый с буроватым оттенком, супесчаный. Пронизан корневой системой травянистой растительности. Переход постепенный.	
A1 RY	13–32	Серо-бурого цвета супесчаный. Структура не выражена. Заметна седоватая присыпка на стенках разреза за счет развития лессиважа. Переход в следующий горизонт ясный.	
AB [Aur]	32–50	Темно-серого цвета легкосуглинистый. Структура не выражена. К этому горизонту приурочены археологические артефакты. Переход постепенный.	
B [Bur]	50–86	Серого цвета, супесчаный. Структура не выражена. Переход в следующий горизонт заметный в виде клиновидной формы, глубина которой достигает 138 см.	
C C ^m	70 см и глубже	Неровный за счет клиновидности. На глубине 94–98 см имеются небольшие гумусированные прослойки светло-серого цвета. До глубины 138 см внедряется гумусированный клин. На глубине 188 см замечен гумусированный слой [A] толщиной до 2 см серого цвета. Другая гумусированная прослойка [A] с теми же морфологическими признаками встречается на глубине 225 см.	

*В соответствии с классификацией 2004 г. (по: Шишов и др., 2004).

Культурный слой разреза Подлесное III охватывает горизонты АВ и В. Датирование горизонта В по находкам гребенчатой керамики определяет возраст $6\ 110 \pm 80$ BP (K1-14565), что относит начало формирования барханов к раннему голоцену. Клиновидные образования нижней части горизонта отражали время суровых климатических условий на рубеже 10,5 тыс. л.н. (Палеоклиматы..., 2009).

Данные гранулометрического состава изучаемых почв довольно разнообразны. В разрезе Подлесное III в средней части почвенной массы наблюдается максимум илистой фракции до 23,5%, а гранулометрический состав становится средним суглинком. Нижние горизонты и порода представлены преобладанием песчаных фракций до 95%.

Химические показатели дают представление о высокой кислотности дерново-супесчаных почв Бессоновского района, где pH солевое понижается до 4,3. Низкие величины pH солевого подчеркивается величиной гидролитической кислотности от 2,41 до 3,82 мг.экв./100 г. в пределах почвенного профиля. Содержание углерода растет до глубины 50 см от 0,7 до 3,3%. Подвижный фосфор и калий характеризуются не высоким содержанием по всему почвенному профилю. Сумма поглощенных оснований увеличивает-

ся в средней части гумусового горизонта до 23,3 мг.экв./100 г.

Дерново-супесчаные почвы в средней части бассейна р. Сура (Утюж I и др.) характеризуются меньшей кислотностью почвенного профиля. Гидролитическая кислотность имеет повышенные величины – 3,2–3,8% мг.экв./100 г. почвы и приурочена только для верхнего горизонта. Высокое содержание углерода до 1,8% также отмечается только в дерновом горизонте. Подвижный фосфор находится в максимуме в горизонте A1 разреза оз. Вьюново – 173 мг/кг и затем на глубине бывшей «жилой» поверхности – 108 мг/кг в разрезе Утюж I, что свидетельствует об органическом загрязнении в бывших «жилых» поверхностях неолита. Максимальная величина емкости поглощения – 17,4 мг.экв./100 г почвы приурочены к дерновому горизонту.

Как показывают данные изучения, на локальных песчаных массивах наблюдается типологическое разнообразие. В большинстве случаев почвы формируются по типу дерново-супесчаных боровы лесов. Хронология формирования названных почв подчеркивает динамику преобладания лесных ландшафтов (сосново-широколиственных) во время неолитических поселений, затем лесостепных и за счет антропогенного воздействия в позднем голоцене. Эволюция климата и ландшаф-

тов определила изменение свойств дерново-супесчаных почв: выщелоченные в «неолите» и лессивированные в позднем голоцене.

В Бессоновском р-не на локальных песчаных геосистемах формирование почв началось в раннеголоценовое время, т.к. клиновидные структуры самой нижней части почвенного профиля отражали кратковременные суровые климатические условия 10,5 тыс. л.н. Распределение гранулометрических и химических показателей по почвенному профилю подчеркивает процессы синлитогенного почвообразования для трансаккумулятивных ландшафтов. Приобретение черноземовидного облика профиля на супесчано-суглинистых отложениях обусловлено увеличением глинистых частиц в горизонте [А]В, что усилило гу-

мусоаккумулятивные процессы и связанные с этим свойства и признаки почв лесостепных ландшафтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А. Об абсолютном возрасте неолита // Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Самар. краевед. музей, 2008. С. 20–25.

Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. М.: ГЕОС, 2009. 120 с.

Шишов Л.Л., Тонконогов В.Д., Лебедева И.И., Герасимова М.И. Классификация и диагностика почв России. Смоленск: Ойкумена, 2004. 342 с.

СРЕДА ОБИТАНИЯ И МОДЕЛИ ОСВОЕНИЯ ВМЕЩАЮЩЕГО ЛАНДШАФТА В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ)*

© 2014 г. Н.М. Чаиркина

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
(chair_n@mail.ru)*

Ключевые слова: природная среда, хронология торфяниковых памятников, модель расселения, производственная и культовая практика.

Резюме. Формирование торфяниковых памятников Зауралья определено природно-климатическими условиями разных периодов голоцена. В бореальном и в большей части атлантического периода, в эпоху мезолита и неолита, осваивались береговые, прибрежные площадки и водная акватория, лишь местами подвергшаяся заболачиванию. В эпоху раннего металла и раннего бронзового века происходит интенсивное заболачивание водоемов, меняется стратегия освоения древним населением вмещающего ландшафта. Наряду с прибрежными участками осваиваются заторфованные котловины палеоозер, на которых прокладываются транспортные коммуникации, обустраиваются производственные площадки и святилища. Вводится практика переноса базового поселения на другие береговые площадки водоемов с более удобной стратегией его освоения. Эта тенденция продолжается в эпоху бронзы и железного века. Вмещающий ландшафт во все археологические эпохи являлся активным объектом, определяя необходимость адаптации социумов к его трансформациям. Варианты моделей такой адаптации вырабатывались социальными системами и были, с одной стороны, определены культурными традициями, с другой – носили универсальный характер, обусловленный эпохальными изменениями климата.

В Зауралье известно около 60 торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего железного века. Высокая степень заболоченности и благоприятные условия для торфообразования наблюдаются на восточном склоне Уральского хребта, в пределах подгорной равнины Среднего Зауралья, где обнаружена большая часть памятников этого типа (Чаиркина, 2010. С. 85–92). Они располагаются на озерах и палеоозерах, на которых наиболее интенсивно осваивались удобные береговые площадки и их прибрежные участки. Геоморфология первых в течение голоцена существенно не менялась; вторых – значительно видоизменялась и была обусловлена изменениями климата, влиявшими на гидрологическую сеть и ландшафтную ситуацию.

Самые ранние торфяниковые памятники Зауралья датируются эпохой мезолита, располагаются в прибрежных частях береговых поселений. Культурные слои этого времени сформировались в бореальный период в условиях сравнительно прохладного и сухого климата, в VIII–VII тыс. до н.э. Культурные

слои эпохи неолита отложились в атлантический период, в VI–IV тыс. до н.э. (Хотинский, 1977; Панова, Антипина, 2007. С. 27–34).

Интенсивное обмеление, заболачивание водоемов и торфообразование фиксируется в Зауралье в позднем атлантическом и на его рубеже с суббореальным периодом (Панова, 1997; Чаиркина и др., 1999), в конце эпохи раннего металла. В это время происходила постепенная консервация торфом прибрежных участков и смещение границ «береговая линия – заболоченная часть – озеро». В последней трети III – начале II тыс. до н.э. на торфяниковых памятниках Зауралья отложились слои раннего бронзового века. В это время практически все прибрежные участки палеоозер и площадки, расположенные под береговыми памятниками, заболачиваются. Их освоение и использование теперь связано с устройством производственных площадок и сооружением гатей, ведущих к открытой воде (Чаиркина, 2005. С. 119–130). Здесь обнаружена керамическая и деревянная посуда, весла и рыболовный инвентарь – грузила, по-

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-00363.

плавки, распорки для сетей, остатки запорных сооружений (Погорелов, 1998. С. 234, 235; 2002; Чаиркина, 2005. С. 216–218). Судя по находкам на прибрежных площадках предметов, возможно, связанных с ритуальной практикой, не исключена и преднамеренная сакрализация их локальных, социально значимых участков.

Культурные слои позднего бронзового века (конец II тыс. до н.э.) и раннего железного века (начало I тыс. до н.э.) отложились в суббореальный период. Они зафиксированы только в торфе, мощность которого на тот момент была довольно велика. Вероятно, отпала необходимость сооружения на прибрежных, хорошо заторфованных участках, настилов и гатей, актуальность которых возрастает в приозерной заболоченной полосе. Эти сооружения состоят из параллельно сложенных стволов деревьев, иногда укрепленных вертикально вбитыми кольями. Они прокладывались от базового берегового поселения к открытому водоему или располагались в котловинных частях торфяников. Производственные площадки удаляются от берегового базового поселения, смещаясь к водной акватории, сопровождаются малым количеством артефактов, как правило, связанных с рыболовством.

По материалам береговых и торфяниковых памятников бронзового и раннего железного века Зауралья фиксируется и иная модель расселения и освоение вмещающего ландшафта – перемещение базового поселения на другую береговую площадку с более удобным или открытым доступом к водоему, не требующим строительства специальных сооружений.

Адаптация социумов к изменению природно-климатической обстановке, осмысление нового качества водоемов, в эпоху раннего металла – в бронзовом веке, вероятно, проявилась и в появлении новых элементов ритуальной обрядности, культовых мест (VI Разрез Горбуновского торфяника), расположенных в труднодоступных частях заболоченных озер. В археологизированном виде некоторые деревянные сооружения VI Разреза представляют собой площадки размером не менее 3×5 м, состоящие из стволов деревьев, досок, вертикально вбитых кольев, длина которых достигает 4,0 м и более. Другие – в виде сложных

дорожек и настилов содержат резные скульптурные изображения. С середины IV тыс. до XII в. до н.э., эти сооружения использовались как культовые. Рядом с ними найдены деревянные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры, глиняные тарелки со стилизованными изображениями птиц.

На зауральских торфяниках обнаружены и отдельные находки или скопления артефактов (наконечники стрел, гарпуны, антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры и др.), некоторые из которых попали в болото (или воду) случайно, были потеряны; другие, вероятно, – помещены преднамеренно и имели особый семантический статус. Вода и болота почитались многими народами (Русанова, 2002. С. 49–60), по этнографическим материалам обских угров известна и практика сооружения святилищ в труднодоступных частях болот, находящих целый ряд аналогий в постройках, утвари, антропоморфной деревянной скульптуре VI Разреза Горбуновского торфяника (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 141–187; Чаиркина, 2004).

Таким образом, формирование торфяниковых памятников Зауралья определено природно-климатическими изменениями разных периодов голоцена, когда складывались благоприятные условия для болото- и торфообразования, происходило заболачивание озер и прибрежных участков поселений, консервация культурных слоев торфяными или сапропелевыми отложениями. Болото- и торфообразование на территории Зауралья началось еще в раннем голоцене, но, вероятно, в бореальном и на протяжении большей части атлантического периода, во время функционирования памятников эпохи мезолита и неолита, эти процессы не были повсеместны, а охватывали локальные участки ряда озер. В этот период осваивались береговые, прибрежные площадки и водная акватория, лишь местами подвергшаяся заболачиванию. Формируются традиции расположения мест расселения, поселений, производственных, вероятно, культовых и погребальных объектов в определенных формах рельефа, в стратегии выбора которых «состояние» водного бассейна не было определяющим.

В эпоху раннего металла и раннего бронзового века в связи с изменившейся природ-

но-климатической ситуацией, приведшей к повсеместному заболачиванию водоемов, меняется стратегия освоения древним населением вмещающего ландшафта. Наряду с прибрежными участками активно осваиваются заторфованные котловины палеозер, на которых прокладываются транспортные коммуникации, обустраиваются производственные площадки, сооружаются святилища, формирование которых связано с процессами интенсивного заболачивания водоемов и осмыслением их нового качества. В эпоху раннего металла, наряду с сохранением традиционных мест расселения, вводится практика переноса базового поселения на другие береговые площадки или иные водоемы с более удобной стратегией освоения. Эта тенденция продолжается и в эпоху бронзы и железного века, когда нарастают процессы заторфовывания, происходит существенное сокращение площади водной акватории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Панова Н.К.* Палинологическое исследование Карасьезерского торфяника на Среднем Урале // Исследование лесов Урала: Мат-лы науч. чтений, посвящ. памяти В.П. Колесникова. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1997. С. 28–31.
- Панова Н.К., Антипина Т.Г.* Динамика растительности и природных условий по данным палинологического и ботанического анализа // Варга-2: ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. С. 27–34.
- Погорелов С.Н.* Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // Вопр. археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. С. 234–235.
- Погорелов С.Н.* Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // Урал. ист. вестн. 2002. № 8. С. 123–141.
- Русанова И.П.* Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы: Прут, 2002. 172 с.
- Чаиркина Н.М.* Тайны торфяников // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 109–143.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. 314 с.
- Чаиркина Н.М.* Торфяниковые памятники Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 85–92.
- Чаиркина Н.М., Ерохин Н.Г., Панова Н.К., Хижняк В.А., Погорелов С.Н., Чаиркин С.Е.* Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 54–76.
- Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 197 с.

СЕКЦИЯ 16.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛЮДИ, ПАМЯТНИКИ, ИДЕИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКО-СИБИРСКОГО ТРАКТА В ДНЕВНИКАХ С.М. ЧУГУНОВА И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2014 г. А.Л. Автушкова

*Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск
(alinanet@ngs.ru)*

Ключевые слова: С.М. Чугунов, Барабинская лесостепь, Московско-Сибирский тракт, Усть-Тартасский могильник, Убинские курганы.

Резюме. В статье дан обзор археологических исследований С.М. Чугунова вдоль линии Московско-Сибирского тракта по материалам полевых дневников с указанием современного состояния исследованных памятников.

Одним из исследователей археологических памятников Обь-Иртышья 1890-х гг. является Сергей Михайлович Чугунов, уроженец г. Симбирска. Окончил Симбирскую гимназию и медицинский факультет Казанского университета. В 1888 г. назначен помощником прозектора кафедры анатомии Императорского Томского университета. В Томске С.М. Чугунов участвует в ряде археологических экспедиций и организует собственные (Багашев, 2006).

В 1895 г. по поручению Императорской Археологической комиссии он начинает разведочные работы в Барабинской лесостепи, двигаясь по Московско-Сибирскому тракту из г. Томска. Проследить маршрут ученого можно по дневниковым записям и отчету, хранящимся ныне в архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге.

Первым объектом, который встретил ученый, был курганный могильник у с. Иткуль. Памятник располагался в версте от села, на северном берегу одноименного озера и состоял почти из двух десятков насыпей 6–8 сажен

в диаметре, со следами ограбления. Памятник был осмотрен С.М. Чугуновым (1895. Л. 71).

В 1970-е гг. студенткой Новосибирского педагогического института Л.М. Антоновой на северном берегу оз. Иткуль, на пашне, был обнаружен курганный могильник Иткуль-5 из двух ограбленных насыпей (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980. С. 127). Возможно, что это те самые курганы, открытые С.М. Чугуновым.

Вторым объектом стал курганный могильник в пяти верстах от с. Каргатский Форпост, с правой стороны Московско-Сибирского тракта, в березовом колке, из пяти курганов, наибольший из которых достигал 8 сажен в диаметре (Чугунов, 1895. Л. 71–72). Курганы у села Форпост-Каргат повторно обнаружены в 2006 г. С.Г. Росляковым в ходе работ по обследованию трассы проектируемого строительства кабельной линии связи. В 2009 г. памятник осмотрен Научно-производственным центром по сохранению памятников историко-культурного наследия Новосибирской обл. (НПЦ НСО) в рамках проведения инвентари-

зации и мониторинга объектов археологического наследия Новосибирской обл. (Сведения об объекте..., 2009).

По данным, полученным от НПЦ НСО, курганный могильник Каргатский форпост находится в 4 км к юго-западу от юго-западной окраины современного с. Форпост-Каргат, в 5,3 км от пересечения автодорог «Каргат – Форпост – Каргат» и М-51 «Байкал», на надпойменной террасе правого берега реки Каргат, на сенокосе и в березовом колке. Состоит из двух насыпей округлой формы диаметром 9 м и 26 м и высотой 0,4–0,7 м. Датировка и культурная принадлежность памятника неясны (Сведения об объекте..., 2009).

В четырех верстах от с. Убинское исследователем были замечены курганы, вправо от Московско-Сибирского тракта. При беглом осмотре С.М. Чугуновым упомянута одна насыпь диаметром около 6 сажен (Чугунов, 1895. Л. 71–72). Акцентировать свое внимание на открытом памятнике ученый не стал, оставив его для будущих исследований.

Следующий выезд на объект С.М. Чугунов предпринял в 1899 г. совместно со штатным смотрителем Каинских училищ А.А. Аргуновым. Осмотрев памятник, они насчитали 35 насыпей: 20 на восточной стороне от дороги и 15 на западной» (Чугунов, 1899а. Л. 12–13). Один из курганов в восточной группе был ими раскопан.

Размеры раскапываемого кургана: высота – 2/3 сажени, диаметр у основания – 6,5 саженей. Курган ограблен, в центре углубление до 1/2 аршина и диаметром около трех аршин. Курган раскапывался методом закладки траншеи с севера на юг шириной 4 аршина. В северной стороне траншеи были найдены кучкой сложенные кальцинированные кости мужского скелета: обломки черепа, диафизы длинных костей, тазовые кости и т.д. В средней части курганной насыпи обнаружены кальцинированные кости черепа и конечностей. Около этих костей лежали железные стремяна во фрагментах с широкой овальной дужкой и железные удила. Под ними располагались две бронзовые бляшки. Осмотр раскопанной части кургана привел С.М. Чугунова к заключению, что погребение было поверхностным и совершено по обряду трупосожжения (Чугунов, 1899а. С. 8–13).

Вещи из Убинского кургана были опубликованы Д.Г. Савиновым, который датировал их IX–X вв. н.э. Он находит аналогии стремянам в кургане 40 могильника Преображенка-3. Наконечники ремня близки по форме сrostкинским, но орнамент их – выступающие кружки и чешуеобразные бороздки, как считает автор, своеобразен (Бараба..., 1988. С. 12–13).

Найденные в ходе раскопок предметы были переданы С.М. Чугуновым в создаваемый при Симбирской архивной комиссии музей. Сохранилось письмо от 27 марта 1901 г. за личной подписью С. М. Чугунова с желанием передать вещи в Симбирскую архивную комиссию (Чугунов, 1899б). Сохранилась и опись 13 предметов, передаваемых в Археологический музей при Симбирской архивной комиссии. В настоящее время по данным, полученным из Ульяновского краеведческого музея, из всей коллекции остался бронзовый наконечник ремня.

Местоположение курганного могильника у с. Убинское долго оставалось неизвестным. Он был обнаружен в ходе проведения рекогносцировочных работ у села Орловка Убинского района в мае 2011 г. А.Л. Автушковой. В сентябре 2011 г. был осуществлен повторный выезд на памятник.

Убинский курганный могильник расположен по правой стороне участка Московско-Сибирского тракта, соединяющего д. Орловку и раб. пос. Убинское; на поле, используемом под выпас скота, в 4,3 км к востоку от с. Убинское, в 4,5 км к западу от трассы М-51 «Байкал», в 140 м от Московско-Сибирского тракта и в 485 м к северу от железной дороги. Могильник состоит из 13 насыпей овальной и круглой формы диаметром 6,8–9,5 м и высотой – 9–88 см. Курган 5 окружен площадкой с валом. Могильник частично ограблен. Особой системы в расположении курганов не выявлено, лишь первые четыре кургана образуют цепь, вытянутую по линии юго-юго-восток – северо-запад. Состояние памятника удовлетворительное, следов современных раскопов не отмечено. Датировка и культурная принадлежность памятника неясны. На другой стороне Московско-Сибирского тракта курганы не выявлены.

В 1895–1896 гг. С.М. Чугунов провел раскопки Усть-Тартасского курганного могильника. Письменные материалы об этих археологических раскопках хранятся в архиве ИИМК РАН в Петербурге. Они представлены дневниковыми записями, фотографиями почти всех находок и схематичными чертежами раскопанных курганов (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 80/1895; 71/1896). Находки были переданы С.М. Чугуновым в Императорский Российский Исторический музей, в Эрмитаж (Прошение..., 1895; Уведомление Управлением РИМ ИАК..., 1895) и в Императорский Томский университет.

Усть-Тартасские курганы выделены В.М. Флоринским в 1889 г. (1889. С. 46–48). Он дал название по их расположению в районе устья реки Тартас, впадающей в Омь. С.М. Чугунов, обследовавший их в 1895 г., отметил более ста курганов, тянувшихся параллельно линии Московского тракта на протяжении 12 км на восток от с. Спасское до оз. Большой Чуланкуль. Он разделил их на пять условных участков и раскопал 13 курганов за два года. После раскопок С.М. Чугунова, произведенных, по словам Д.Г. Савинова, «на достаточном для своего времени методическом уровне» (Бараба..., 1988. С. 10), столь же результативное исследование могильника не производилось. Материалы Усть-Тартасского могильника были опубликованы Т.Н. Троицкой и с А.Л. Автушковой (2010). В 2012 г. объект был осмотрен А.Л. Автушковой. Отмечено, что территория Усть-Тартасского курганного могильника сокращается из-за повсеместного распахивания.

В 1896 г. С.М. Чугуновым на Савкиной гриве в двух верстах от Каинска был раскопан курган высотой 1,75 аршин, диаметром 6 сажень овальной формы. При снятии насыпи встречены кости птицы, череп человека и фрагменты сосуда. Под насыпью обнаружено погребение размерами 1,75 x 1 сажень и глубиной 2,5 сажень. Заполнение могилы состояло из чернозема. На дне могилы, в ее северо-восточной части, отмечен слой человеческих костей, в центре – следы бересты и пепел, в юго-западной стороне – развалы двух сосудов и два целых плоскодонных сосуда. Памятник и вещи из раскопок кургана на Савкиной гриве не сохранились. Грива находится в преде-

лах города Куйбышева, в его восточной части, застроена промышленными предприятиями.

Результаты научных исследований С.М. Чугунова в Барабе были использованы последующими поколениями археологов в XX в., а его достижения в области антропологии остаются актуальными до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багашев А.Н. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ, 2006. С. 168–172.

Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Прошение Тов. Императорской археологической комиссии В. Тизенгаузена в адрес Императорского Эрмитажа // Архив ИИМК РАН. Д. 80/1895. Л. 80.

Сведения об объекте культурного наследия (памятнике археологии) Каргатский форпост // Архив НПЦ НСО. 2009.

Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. Вып. 3. С. 51–61.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука. 1980. 182 с.

Уведомление Управлением Российского исторического музея Императорской археологической комиссии о передаче коллекции С.М. Чугунова, полученной при раскопках Усть-Тартасского курганного могильника в 1895 г. // НА ИИМК РАН. Д. 80/1895. Л. 84.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1889. 72 с.

Чугунов С.М. Краткий отчет об археологических исследованиях, произведенных летом 1895 г. в Томской губернии прозектором С. Чугуновым // НА ИИМК РАН. Д. 80/1895.

Чугунов С.М. Дневник раскопок 1899 г., произведенных С. Чугуновым // НА ИИМК РАН. Д. 70/1899. 1899а.

Чугунов С.М. Письмо в Императорскую Археологическую комиссию // НА ИИМК РАН. Д. 70/1899. 1899б. Л. 11.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. ГОРОДЦОВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2014 г. И.В. Белозерова¹, С.В. Кузьминых²

¹ Государственный Исторический музей, Москва
(irina.belozero@yandex.ru)

² Институт археологии РАН, Москва
(kuzminykhsv@yandex.ru)

Ключевые слова: В.А. Городцов, Первая мировая война, Российский Исторический музей, Московский археологический институт, бронзовый век.

Резюме. События Первой мировой войны внесли коррективы в научную деятельность В.А. Городцова. Ему пришлось прервать полевые археологические исследования. В то же время ученый сосредоточился на разработке теоретических проблем археологии и концепции культурогенеза в эпоху раннего металла. Его лекционные курсы в Московском археологическом институте и университете Шаняевского способствовали подготовке специалистов, внесших заметный вклад в отечественную археологию. По признанию Г.С. Лебедева, благодаря этим курсам археология России стала полноценной частью мировой археологической науки. В Российском Историческом музее Городцов осуществил новую расстановку коллекций и реэкспозицию, завершил работу по созданию системы хранения археологических коллекций.

Герой нашего очерка – Василий Алексеевич Городцов (1860–1945), выдающийся русский археолог, хранитель Российского Исторического музея (РИМ) и преподаватель Московского археологического института (МАИ) – в силу черт своего характера, обостренного патриотизма и семейных обстоятельств стал летописцем Первой мировой войны. Его дневники в ОПИ ГИМ (Ф. 431) – свидетельства рядового очевидца событий, наблюдавшего за ними в тылу, и в этом их особая ценность и колорит в отличие от мемуаров и воспоминаний военачальников, политиков, представителей высшей знати. Городцов пророчески рассматривал свои записи как «отражение захватившей нас великой народной жизни. Бог знает, может быть, самые мизерные мелочи, слухи, сплетни окажутся впоследствии интересными и важными, так как в них может выразиться какая-нибудь особенная черта жизни». В его дневниках отражены не только личное восприятие войны, свидетельства знакомых и родных, вести с фронта, но и циркулирующие в обществе многочисленные слухи, разговоры незнакомых людей, случайно услышанные в транспорте, на улице. Городцов пытался оце-

нить отношение к войне в русском обществе в целом – от придворных кругов до настроений в деревне, приводя различные точки зрения и в то же время высказывая собственный взгляд на события того времени.

В настоящем докладе мы остановимся на профессиональной деятельности ученого – его научных исследованиях, музейной и преподавательской работе. В канун мировой войны он уже был известным в России и в Европе исследователем. В лекционных курсах и трудах Городцова нашли отражение теоретические взгляды, связанные с разработкой типологического метода, археологической классификации, процессов культурогенеза, а также практические результаты изучения археологических микрорайонов на р. Оке и курганных древностей на юге России.

Война внесла заметные коррективы в планы полевых работ. В мае 1914 г. Городцов со слушателями МАИ провел раскопки средневековых курганов в ряде уездов Московской губернии. В июне, в канун войны, он обследовал дюнные стоянки эпох неолита и раннего металла в окрестностях сел Шумашь, Дубровичи и Алеканово близ Рязани. В мае 1915 г.

вместе с В.М. Щербаковским были осуществлены раскопки Гонцовской палеолитической стоянки в Полтавской губернии. В 1916–1918 гг. полевые работы в условиях затянувшейся войны продолжить не удалось. Летом 1917 г. в письме финскому археологу А.М. Тальгрёну Городцов посетовал на невозможность раскопок и других научных проектов, указав, что «осталось только одно: заняться обработкой накопленных ранее материалов». До и в годы войны ему удалось объехать большинство музеев в центре, на востоке и юге Европейской России. Летом 1914 г. он изучал археологические коллекции в Нижнем Новгороде, Казани, Перми, Екатеринбурге, Тюмени, Уфе, Самаре, Саратове, Тамбове, в 1915 г. – в Киеве, Херсоне, Одессе и Николаеве. В мае 1916 г. Совет РИМ выделил средства для изучения материалов эпохи бронзы в музеях Воронежа, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Екатеринодара, Владикавказа, Астрахани и Хвалынска, однако запланированная командировка не состоялась из-за семейных обстоятельств.

Стержневым направлением исследований Городцова 1910-х – начала 1920-х гг. была проблематика бронзового века. Начало им положили удивительные по своим результатам и научной интуиции раскопки 1901 и 1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах Харьковской губернии. Их итогом стало выделение пяти групп погребений в степных курганах (в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи). Эта схема, первоначально классификационная, после раскопок 1903 г. была преобразована в хронологическую систему. В 1914 г., анализируя эту систему и памятники типа Фатъяновского, Сейминского могильников и Бородинского клада, Городцов выделил и описал ряд самостоятельных археологических культур – фатъяновскую, донецкую катакомбную, сейминскую, вскользь отметил северокавказскую, трипольскую, приднепровскую, волжско-камскую, или пермскую, культуры. В 1916 г. была разработана классификация погребений Одесского кургана. На очереди, по результатам планировавшейся поездки по музеям юга России, как явствует запись в его дневнике (4.05.1916), было выделение культур бронзовой эпохи Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа.

Культурно-хронологическая система Городцова с последовательностью археологических культур – ямной, катакомбной и срубной – именно в годы мировой войны приобрела завершённый вид. Обнародованная только в 1927 г., она заложила краеугольный камень во все последующие разработки хронологии и периодизации бронзового века Восточной Европы.

Эпистолярное наследие Городцова этих лет, пожалуй, ярче, чем опубликованные и официальные источники, раскрывает его научную «кухню», направление поисков, задумки и планы. Особенно важную роль в осмыслении проблематики эпохи раннего металла имел для него в годы войны диалог с Тальгрёном. Красной нитью в их переписке проходит тема происхождения, хронологии, распространения и исторических судеб восточноевропейских культур той эпохи, причем зачастую точки зрения российского и финского ученых диаметрально расходились по целому ряду вопросов. Откликаясь на книгу Тальгрёна «Collection Zaouissailov» (Tallgren, 1916), Городцов прямо обозначил суть их расхождений: «Мы разошлись с Вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на крито-эгейскую культуру, которую так безгранично превозносят западноевропейские археологи, а вслед за ними и молодые историки; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре, развивавшейся в связи с культурой Египта...». Для российского ученого эта разница была принципиальной. Не случайно в его обобщающих лекционных курсах археологии Евразии (Городцов, 1908, 1910, 1923) изложение материалов начиналось с самых древнейших цивилизаций Востока и их влияния на историю более северных или западных народов. *Ex oriente lux* была той стержневой идеей, которая пронизывала все эти труды. Западный импульс, как считал Городцов, играл в процессах культурогенеза в Восточной Европе второстепенную роль.

Но помимо общих, магистральных проблем эпохи раннего металла в его переписке с Тальгрёном затронут ряд вопросов, напрямую связанных с их археологическими разысканиями тех лет. Все они нашли отражение в

публикациях военной поры и в трудах 1920–1930-х гг. В их числе – северокавказские или центральноевропейские корни фатьяновской культуры; культурная и хронологическая принадлежность Галичского клада и Туровского поселения; открытие Сеймы, роль и место этого памятника в системе евразийских древностей; хронология и происхождение каменных фигурных топоров-молотов; Младший Волосовский могильник на Оке – след сибирского культурного течения или шведских литейщиков и торговцев бронзового века; ананьинские древности и Дьяково городище: спор о хронологии и др.

В годы войны Городцов продолжил работы, связанные с моделированием древних технологий. Еще в 1913 г. на даче под Истрой он со студентами МАИ провел серию экспериментов по раскалыванию кремня. В 1914–1916 гг. эти опыты были продолжены с упором, как отмечено в дневнике, на изучение «характера влияния огня на кремень и выработку посредством огня кремневых орудий эолитического типа». В те же годы ученый возобновил опыты по изучению техники и технологии древнего гончарства. Начало этим исследованиям было положено работой «Русская доисторическая керамика» (Городцов, 1901). Опираясь на метод физического моделирования, он попытался проверить свои предположения о существовании в гончарстве древних культур Восточной Европы особого способа изготовления посуды с помощью твердых основ-шаблонов.

Научная деятельность Городцова была неразрывна с музейной работой. В те годы главным в ней стала радикальная перестановка коллекций в залах РИМ по археологическим культурам. В основу первой экспозиции (1905 г.) были положены хронологический и географический принципы показа экспонатов. Но уже в 1906 г. он ходатайствовал перед Советом музея осуществить новую расстановку коллекций – и только спустя десять лет получил на это разрешение. Запись в дневнике от 12.02.1917 г.: «...сегодня я в первый раз представил себе все детали новой, давно ожидаемой постановки коллекций по культурам. Для этого я составил схематический план тех 13 зал, которые предстоит заполнить коллекциями, еще ни разу там не бывавшими. На плане

обозначил необходимые витрины и предназначил для каждой из них соответствующие месту коллекции. Вышло ясно и хорошо».

После Февральской революции по России прокатилась волна погромов и грабежей усадеб и поместий, в которых были сосредоточены огромные культурные ценности. Это вынудило графиню П.С. Уварову озаботиться судьбой собрания древностей и библиотеки А.С. Уварова в родовом имении в Поречье. В итоге она и ее наследники принесли их в дар Историческому музею. В июне 1917 г. Городцов осуществил прием, упаковку и отправку в Москву Уваровского музея, который произвел на него неизгладимое впечатление. Примечательна запись в дневнике (21.06.1917 г.): «С утра, обойдя несколько раз музей и библиотеку, я с Василием Родионовым, вечным моим спутником по археологическим предприятиям, приступили к упаковке доисторических коллекций. Должен сознаться, что эта разрушительная работа меня огорчала. Прискорбно укладывать и увозить то, что с таким исключительным знанием, любовью и щедростью приобреталось и размещалось в этом роскошном храме науки. Я показал себе могильщиком, и эта мысль сдавила мне горло... “Все к лучшему!” – через минуту думалось мне. Вещи приедут в Москву и будут служить миллионам, нет, – миллиардам посетителей и дадут тот плод, который вправе были ожидать владельцы и собиратели сокровищ. Мне хотелось бы крикнуть нашим отдаленным лучшим потомкам: “Помните Уваровых, они много сделали добра российскому народу...”».

В «Отчетах» РИМ за 1914–1916 гг. опубликованы очерки Городцова о важнейших археологических памятниках, хранящихся в музее, и информация о покупке и дарениях новых коллекций и предметов. В 1914 г. вышел «Краткий путеводитель» с обзором о доисторических памятниках РИМ. При участии ученого в 1915 г. был подготовлен штат экскурсоводов, в частности из числа эвакуированных преподавателей Варшавского учебного округа. Городцов прочитал им сокращенный курс археологии. Совет РИМ заслушал ряд его докладов по результатам экспедиционных работ и изучения древностей в музеях Европейской России. В ноябре 1914 г.

Городцов вошел в руководящий состав музея, вступив в исполнение обязанностей члена Строительной комиссии.

Педагогическая деятельность ученого в годы мировой войны поначалу была связана с МАИ и его филиалами. Городцов читал курсы по первобытной и бытовой археологии, а также вел практические занятия со студентами в РИМе – на экспозиции, в фондах и по музееведению. Полевая практика 1914 г. состоялась еще до начала войны. В последующие годы раскопки и студенческая практика были свернуты. В феврале 1915 г. из-за разногласий с директором МАИ А.И. Успенским Городцов покинул институт. По его признанию, причиной конфликта являлось осознание необходимости «поставить дело изучения человека на более серьезном и глубоком основании и именно в том отделе, который в Археологическом институте почти не затрагивается, в отделе древнейшей стадии развития человека». В 1913 г. Городцов поделился мыслью о создании Института антропологии и доисторической археологии с Д.Н. Анучиным (которому впоследствии удалось реализовать этот план), и он начал разрабатывать проект института. Именно это и привело к его конфликту с Успенским и стало причиной ухода из МАИ. Те же курсы, что и в МАИ, Городцов продолжил читать в 1915–1918 гг. в Народном университете им. А.Л. Шанявского для студентов академического отделения историко-филологического факультета и слушателей эпизодических курсов, а в 1916–1919 гг. – в Нижегородском Народном университете.

В октябре 1917 г. в Казани был открыт Северо-восточный археологический и этнографический институт. Городцов числился в нем профессором по кафедре археологии. Он выразил готовность вести общие курсы по археологии России, в то время как курсы по археологии Волжско-Камского края и Волжской Булгарии закреплялись за П.А. Пономаревым (в дальнейшем их читали М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин). Однако в силу перипетий гражданской войны Городцов не смог воспользоваться приглашением казанцев.

Многие из учеников Городцова тех лет внесли заметный вклад в отечественную археологию. Среди них В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдинг, М.Е. Воронеж (работавшие под

его началом в РИМе), Ф.В. Баллод, Н.К. Ауэрбах, П.С. Рыков, С.А. Локтюшев и др. Городцов с тревогой следил за судьбой и ранениями учеников, призванных в действующую армию. Его потрясло известие (26.11.1914) о гибели А.Е. Маслова, одного «из выдающихся моих учеников, разрабатывавшего для диссертации тему “Искусство финнов в среднюю пору железной эпохи”».

В годы войны в Москве не прерывалась деятельность научных обществ. Городцов активно участвовал в заседаниях МАО и ОЛЕ-АЭ. Сам он выступил с докладами «Культуры бронзовой эпохи в Средней России и отношении их к соответствующим культурам других областей Европы и Сибири», «Земельные знаки собственности у крестьян Московской и Владимирской губерний», «Исследованиях Гонцовской палеолитической стоянки». Признанием научных заслуг ученого стало его избрание в 1915 г. действительным членом Саратовской и Таврической ученых архивных комиссий, Комиссии по изучению орнамента народов России при Русском географическом обществе.

Полноценная научная жизнь невозможна без личных встреч и диалога ученых. Судя по записям в дневнике, в годы войны круг общения Городцова стал заметно шире. Среди его собеседников – геологи А.П. Павлов и Н.И. Криштафович, этнографы и археологи Б.Э. Петри и Б.Ф. Адлер, историк Н.П. Лихачев, египтолог Б.А. Тураев, французский археолог де Бай, финские – Ю. Айлио и А.М. Тальгрэн. В дневнике отмечена кончина председателя МОИП Н.А. Умова, историка Ф.Е. Корша, археологов И.Т. Савенкова, В.В. Хвойко, Й.Р. Аспелина, Э.Б. Тейлора; всем почившим отдана дань памяти. Вспоминая Хвойко, Городцов отметил, что «из его современников никто не дал столь знаменитых открытий, как его открытия полей погребальных урн, трипольских площадок, Кирилловской палеолитической стоянки». Кончину Аспелина он воспринял, как «большую потерю для археологической науки вообще, для финляндской же – в особенности, так как Аспелин явился основателем целой школы финских археологов».

Завершая, отметим, что тяготы мировой войны не могли не отразиться на научной де-

тельности В.А. Городцова. Ему пришлось сократить, а затем и прервать полевые археологические исследования. В то же время появилась возможность сосредоточиться на разработке теоретических проблем археологии и концепции культуругенеза в эпоху раннего металла. Теоретические взгляды ученого, как было отмечено В.М. Фриче (1928) и Н.И. Платоновой (2010), формировались под влиянием классического позитивизма. А его лекционные курсы, по признанию Г.С. Лебедева (1992), способствовали тому, что «археология России приобрела полноценные «права гражданства» в мировой археологической науке». В годы Первой мировой войны Городцову удалось осуществить в Историческом музее новую расстановку коллекций, реэкспозицию и завершить работу по созданию системы хранения археологических коллекций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Тр. XI Археологического съезда в Киеве (1899 г.) / Под ред. П.С. Уваровой. Т. I. М.: Московское археологическое об-во, 1901. С. 577–672.
- Городцов В.А.* Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1908. 416 с.
- Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.
- Городцов В.А.* Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 396 с.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Фриче В.М.* В.А. Городцов: (К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности) // В.А. Городцову – XL. М.: РАНИОН, 1928. С. 5–8.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Tallgren A.M.* Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors: Edité par la Commission des collections Antell, 1916. 47 p., XVI pl.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ ДОНСКОГО МУЗЕЯ (1890–1920-Е ГГ.)

© 2014 г. А.Л. Бойко

*Южный федеральный университет, научно-образовательный центр «Археология»,
Ростов-на-Дону (alabama7008@yandex.ru)*

Ключевые слова: Донской музей, коллекции, Археологический съезд, раскопки, научное анкетирование.

Резюме. Первой в Области войска Донского организацией, задачей которой было изучение древностей края, стала Комиссия по устройству Донского музея, созданная в ноябре 1890 г. Особенностью Комиссии был ее высокий официальный статус и известная сословная замкнутость. Рост количества членов Комиссии был связан с научными мероприятиями, входившими в программы проведения XII и XIII Археологических съездов, – организацией археологических раскопок и проведением научного анкетирования. Важной чертой деятельности Комиссии стала выдача собственных разрешений на право проведения раскопок, минуя компетенции Археологической комиссии. Это давало возможность оставлять на Дону значимые находки, но открывало путь различным злоупотреблениям и кладоискательству. С установлением Советской власти Комиссия по устройству Донского музея прекратила свою деятельность.

Характерной особенностью Области войска Донского (ОВД) во второй половине XIX – начале XX в. было определенное запаздывание в культурном развитии по сравнению с центральными губерниями России. Это особенно заметно проявлялось в области исторических наук, в том числе археологии. Политика царского правительства по отношению к казачеству как военному сословию декларировалась «Положением об управлении войском Донским» (1835 г.). Огромная по размеру область с многомиллионным населением находилась под военным управлением и вплоть до XX в. не имела на своей территории высших учебных заведений. Статус ОВД препятствовал и традиционному для остальных частей государства процессу создания научных обществ и краеведческих музеев.

В деле создания войскового музея, открытого 22 ноября 1899 г. в г. Новочеркасске, важнейшую роль сыграла Комиссия по устройству Донского музея. Данная организация была создана по распоряжению войскового начальства в ноябре 1890 г. Особенностью Комиссии был ее высокий официальный статус, поскольку включение в ее состав и последующая ротация членов происходили «из

лиц по назначению войскового наказного атамана». Во главе организации стоял помощник атамана по гражданской части, генерал И.М. Добрынин.

Другими факторами, предопределившими создание Комиссии стали включение в 1888 г. в состав ОВД значительных территорий в Северо-Восточном Приазовье – Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства Екатеринославской губернии (города Ростов-на-Дону, Таганрог и Азов с прилегающими окрестностями) и возобновление деятельности на Дону Археологической комиссии, реформированной «высочайшим повелением» от 11 марта 1889 г.

Состав Комиссии по устройству Донского музея не был стабильным ни численно, ни персонально, поскольку включал различные категории участников, наиболее значительными из которых были «члены» и «сотрудники». Коллектив первых представлял собой аналог современных Советов музея, а сотрудники Комиссии исполняли роль научного персонала. Данные о кадровом составе Комиссии начиная с 1905 г. ежегодно публиковались в «Памятных книжках Области войска Донского». Увеличение численного состава Ко-

миссии происходит в начале XX в., в связи с активным участием сотрудников в подготовке и проведении Археологических съездов в г. Харькове (XII, 1902 г.) и г. Екатеринославе (XIII, 1905 г.).

Комиссия по устройству Донского музея на всем протяжении времени своего существования была достаточно замкнутой сословной организацией, объединявшей исключительно представителей донского казачества. Контакты с возникшими в Ростове-на-Дону и Таганроге краеведческими научными обществами и городскими музеями носили эпизодический характер.

Статус членом (или почетных членом) Комиссии зачастую давался уроженцам Дона, постоянно проживающим в столичных городах – Санкт-Петербурге или Москве. В войсковой казне не было средств на командирование сотрудников для участия в юбилейных и рабочих заседаниях научных обществ (Русского археологического общества, Московского археологического общества) или Предварительных комитетов Археологических съездов. Другим способом попасть в состав Комиссии можно было совершая пожертвования в фонд организации.

Наиболее деятельным сотрудником Комиссии был Х.И. Попов (1834–1925), ставший первым заведующим Донским музеем. Помимо исполнения чисто административных обязанностей, он вел учет и атрибуцию поступающих в музей предметов, совершал многочисленные поездки по Области войска Донского, собирая предметы старины, разыскивая в местных казачьих правлениях архивные материалы. Одним из направлений деятельности Комиссии стало формирование исторического архива и библиотеки при музее.

Основной функцией Комиссии было обеспечение нормального функционирования музея, что было невозможно без обновления основной экспозиции и ее наиболее привлекательной для посетителей части – доисторического отдела. Учитывая незначительность средств войсковой казны для закупки экспонатов, особую важность приобретали собственные археологические раскопки и изъятие у населения случайных находок или добытых грабежом курганов раритетов. Это направле-

ние деятельности Комиссии сегодня наименее исследовано. Основной причиной этого были «особые» отношения с Археологической комиссией. За 28 лет синхронного существования этих организаций из Новочеркасска не поступило ни одной заявки на получение официального разрешения на раскопки на казенных (военного ведомства) землях.

Возможность оставлять в фондах Донского музея ценные раритеты фактически была сведена к нулю не только инструкциями Археологической комиссии о ежегодной посылке находок на «высочайшее воззрение», но и прямыми требованиями к наказным атаманам ОВД о «выдаче» уникальных или дорогих предметов. Попытки некоторых атаманов сберечь ценные находки для Донского музея жестко, по-военному, пресекались.

В этих специфических условиях сложилась уникальная для Российской империи система выдачи «внутренних» Открытых листов, которая и находилась в компетенции Комиссии по устройству Донского музея. Сегодня известно более 50 подобных документов, первый из которых датирован маем 1904 г., а последний – июнем 1918 г. Комиссия ходатайствовала перед войсковыми учреждениями о выдаче необходимых сумм для командировок, предоставлении прогонов (казенных лошадей) и др.

Раскопки, которые проводились сотрудниками Комиссии, должным образом не оформлялись, методически работы не отличались от практики грабителей курганов. Можно предположить, что некоторые позднейшие разрытия в курганах, фиксируемые при современных раскопках и определяемые как «грабительские ямы» и др., являются следами раскопок сотрудников Комиссии. В этом случае открываются перспективы атрибуции ряда беспаспортных находок из фондов сегодняшнего Новочеркасского музея истории донского казачества. Редким исключением из общего правила были раскопки курганов на Северском Донце П.П. Сахаровым в 1912 г., материалы которых были опубликованы после гражданской войны (1929 г.).

Важнейшим событием в истории Комиссии по устройству Донского музея стало участие в работе нескольких Археологических съездов.

17 июня 1900 года по предложению Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове при музее было открыто Донское отделение названного Комитета. Создание отделения значительно отвлекло Комиссию по устройству музея от прямой его деятельности и потребовало значительных усилий, направленных на выполнение программ съезда по раскопкам и научному анкетированию.

Отделением были организованы экспедиции для изучения древностей региона (работы В.А. Харламова на Северском Донце и М.А. Миллера в Северо-Восточном Приазовье), незначительный бюджет которых определил их итоги. Это единственные «легитимные» работы сотрудников Комиссии, которые финансировались Московским археологическим обществом, контролировавшим их проведение и издание материалов в трудах XII Археологического съезда.

Принципиально иная ситуация сложилась с организацией научного анкетирования. Не имея возможности оказывать значительную материальную помощь отделению, администрация Войска Донского могла использовать «административный ресурс» в организации любых широкомасштабных исследований. Акцент Предварительного Комитета на анкетный метод сбора информации для съезда, наличие шести типов опросных листов и отсутствие финансирования для их обработки создали типичную для России картину: несмотря на посев, жатву, погодные условия и др., администрация наказного атамана и нижестоящие органы власти (администрации окружных атаманов) буквально выбивали информацию из заполнявших анкеты станичных атаманов и волостных старост. Этим объясняется серьезный дисбаланс в количестве заполненных анкет и их качестве.

Самой массовой из распространенных на Дону была анкета о каменных изваяниях («Сведения о каменных бабах Донской об-

ласти»), разосланная многими сотнями экземпляров не только по территориальным органам управления, но и по православным приходам. Точное количество заполненных анкет и сегодня не установлено, поскольку они не составляют единого массива архивных документов. Известно, что заведующий Донским музеем Х.И. Попов продолжал пересылать П.С. Уваровой данные о каменных изваяниях и их зарисовки еще несколько лет после съезда в Харькове. При всем несовершенстве механизма сбора и обработки информации по анкетам Донскому отделению съезда удалось сконцентрировать и частично обработать огромный объем информации по памятникам археологии огромной области (шестой по площади в Российской империи).

В годы революции и гражданской войны наиболее деятельные сотрудники Комиссии оставались в музее и даже проводили археологические изыскания. Окончательное установление Советской власти на Дону в начале 1920 г. привело к фактическому закрытию и реорганизации всех музеев и краеведческих научных обществ, отдельные члены которых вошли в состав созданного 17 января 1920 г. Комитета по охране памятников искусств и старины (КОПИС) подотдела искусств Донского областного отдела народного образования. Реорганизация Донского музея и фактическая ликвидация Комиссии произошли 3/16 января 1920 г. на собрании, посвященном созданию Союза служащих музея. Однако «Журнал исходящих бумаг Комиссии по устройству Донского Музея» как книга исходящих документов музея велся до середины марта 1921 г. Именно тогда было получено разрешение ГАИМК на проведение раскопок в Черкасском округе, для руководства которыми были отправлены на Дон А.А. Миллер и Г.И. Боровка. Это стало началом нового, советского периода в истории археологического исследования древностей Дона.

СУЩЕСТВОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)¹

© 2014 г. Н.Г. Брюхова

*Пермский научный центр Уральского отделения РАН, Пермь
(nat-bryukhova@yandex.ru)*

Ключевые слова: Пермский край, эпоха средневековья, могильник, археологический памятник, погребения.

Резюме. В статье описываются характерные особенности Плотниковского могильника XIII–XV вв. Рассматриваются события, которые привели к существующему состоянию памятника. Делается вывод о неоднократном нарушении целостности слоя объекта археологического наследия.

Согласно последнему «Положению о порядке проведения археологических полевых работ», объект археологического наследия – это «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои)» (Положение..., 2013. С. 3). Так как археологический памятник не может находиться изолированно от окружающего мира, то и «следы прошлых эпох» нередко отражают разные периоды существования археологического объекта и его отношения с внешней средой. Археологи при раскопках видят конечный результат всех влияний и вмешательств в слои памятника, и иногда интерпретация событий, приведших к обнаруженному при расчистке положению вещей, вызывает затруднение. Порой отсутствие скрупулезного анализа всего археологического контекста приводит к упрощению картины и в результате к заблуждениям при реконструкции прошлого. Появляются сообщения об «обезвреживании покойных» там, где нарушен анатомический порядок костяка, о «кремации» и «частичной кремации» в случаях обнаружения костей со следами воздействия высоких температур.

Автор статьи несколько лет исследует Плотниковский могильник, расположенный у

д. Плотниково Кудымкарского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края. На могильнике зафиксированы следы неоднократного антропогенного вмешательства в целостность слоя. Методами археологических исследований и радиоуглеродного датирования удалось установить хронологию событий, связанных с памятником и изучить особенности постпогребальных разрушений.

Деревня Плотниково известна с 1700 г. как починок Вакин. В нем тогда жил половник (работник) купца Григория Шустова Ивашка Филипов сын Злобин. Вака – разговорная форма имени Иван. В 1782 г. это уже «починок Вакинской, тож и Плотников». В основе современного названия прозвище Плотник, которое носил кто-то из местных жителей (Шумилов, 2012).

Местность, где расположен могильник, носит у местных жителей название «Вишене», что объясняется произрастанием в прошлом на данном холме степной или дикой вишни (*Prunus chamaecerasus* Jacq.), отсюда второе название могильника, упоминающееся в литературе, «могильник Вишене»: «В Кудымкорской волости чудские городища: в с. Кудымкор, д-р. Пешнигорт и Вишневский чудской могильник у дер. Плотниковой» (Кривошеков, 1894. С. 13). Сейчас на терри-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 14-06-96002 p_урал_a; ПСР 029а-Ф.

тории памятника растет хвойный лес с подлеском.

Сам могильник известен с XIX в., впервые он упомянут И.Я. Кривошековым. В 1938 г. на нем побывал М.В. Талицкий, который датировал памятник X–XIII вв., в 1968 г. одно погребение на могильнике вскрыл В.Ю. Лещенко, датировавший могильник IX–XIII вв. В 1981 г. памятник обследовал В.П. Мокрушин, насчитавший на нем около 100 грабительских вкопов. В 1989, 2007, 2009 гг. могильник исследовался Н.Б. Крыласовой. В 2010–2013 гг. работы были продолжены под руководством Н.Г. Брюховой. В данный момент на Плотниковском могильнике раскопано 717 м² площади памятника, изучено 83 погребения. На сегодняшний день памятник датируется XIII–XV вв. (Брюхова, 2013).

Основная площадка могильника располагается на относительно крутом склоне холма. Погребения наблюдаются визуально в виде отчетливых «западин» – 13 рядов, протянувшихся по направлению запад–восток, параллельно склону холма. Так же среди рядов западин выделяются около 150 грабительских ям разных размеров, оставленных современными копателями.

Во время раскопок в межмогильном пространстве обнаружены выброшенные из погребений человеческие кости и предметы погребальной инвентаря целые или сломанные. Все западины оказались разрушенными погребениями с характерными особенностями заполнения ямы. В верхней части заполнения фиксировалась линза темно-серого до черного углистого слоя мощностью от 0,1–0,45 м; по краям он переходил в слой темного серо-коричневого гумусированного суглинка с большим содержанием угля, мощностью до 0,35 м. На дне фиксировался слой глины с включениями розоватого известняка и песка.

Практически во всех погребениях встречены остатки костяков. Неполный состав элементов скелета, нарушение анатомического порядка, посмертные повреждения костей, перепад глубин залегания останков, концентрация костей в скоплениях, наличие в могильных ямах костей из соседних погребений свидетельствуют о разрушении могил после истлевания мягких тканей покойного. На

многих костях фиксируются следы выветривания, связанные с долгим пребыванием на открытом воздухе, и следы воздействия высоких температур. В ряде погребений обнаружены кости ног в положении *in situ*. Судя по костям, сохранившим анатомический порядок, погребенные были уложены на спину – головой на север, северо-запад.

Несмотря на нарушение целостности большинства могильных ям, в некоторых погребениях удается зафиксировать неповрежденные части погребальной конструкции и вещевой материал. Ямы, оставленные современными копателями, в отличие от западин, имеют четкие геометрические формы и неоплывшие края. В них практически ничего не встречается, кроме нескольких фрагментов костей. Из 83 раскопанных погребений неповрежденными оказались только четыре детских погребения. Они не фиксировались на поверхности, их очертания почти не выделялись на фоне межмогильного слоя.

В профиле стенок раскопов фиксируется разделение слоя дерна на две части прослойками коричневого суглинка с вкраплениями известняка – выбросом из разрушенных погребений. Наличие достаточно мощного (до 17 см) слоя дерна над выбросом свидетельствует, что разрушение большинства исследованных погребений произошло более 100 лет назад. В засыпи одной из ям было обнаружено доннышко штофа, изготовленного методом выдувания, вероятно, оставленного скудельниками.

С целью уточнения хронологии могильника из шести погребений был взят органический материал для радиоуглеродного датирования. Полученные даты разбились на две равные группы. Первая группа дат относилась к XIII – началу XV в., что попадает во временные рамки существования могильника. Вторая группа дат относилась ко второй половине XVI – XVII в., что выходит за рамки времени существования памятника.

Мы полагаем, что первое и самое разрушительное ограбление могильника происходило именно в это время. Судя по тотальному разрушению могил и точному попаданию в могильные ямы, в то время на поверхности выделялись маркеры погребений, например холмики. Так как грунт в данном месте до-

статочно тяжелый, то могилы вскрывались с помощью острого треугольного в сечении инструмента вроде кирки, от которого остались следы на костях. В поисках вещей разрушалась часть скелета, на которой находилась или ожидалась большая часть погребального инвентаря. Кости могли сдвинуть к стенке или разбросать по всей яме. Сохранившие свое положение кости голеней и ступней, во многих погребениях, свидетельствуют о том, что грабители знали о незначительном количестве вещей в ногах покойного и не тратили силы на раскапывание этой части ямы. Разрушенные погребения слегка забрасывались какой-то частью отвала, может быть из суевверных соображений, но скорее всего отвал просто мешал дальнейшему промыслу; возможно, туда же сбрасывались остатки деревянных конструкций могилы. Таким образом, на месте погребений образовывались ямы, которые со временем заполнялись лесным мусором и ветками. В результате лесных пожаров, которые нередки в этой местности, мусор в ямах горел. Так образовался углистый слой, прокаленная почва, а на костях появлялись следы воздействия высоких температур.

Дальнейшие события, происходившие с памятником, связаны с четырьмя погребениями, в которых обнаружены скелеты лошадей в анатомическом порядке. Судя по положению костей в погребении и стратиграфическому заполнению, лошади были захоронены после ограбления погребения в нарушенную могильную яму. Радиоуглеродные даты по костям двух лошадей показывают хронологический промежуток XVI–XVIII вв. По определению П.А. Косинцева, кости в одном из погребений принадлежат старому жеребцу современного вида. Вероятно, ямы, оставленные грабителями, использовались местными жителями для захоронения мертвых животных. Иногда яма слегка расширялась, чтобы туша могла поместиться, а человеческие кости сдвигались в сторону. Местное население до сих пор упоминает это место, как скотомогильник.

Уже в XXI в., с появлением металлоискателей, на могильник пришла вторая волна грабителей, которые выбирают из погребения практически все и не утруждают себя закапыванием образовавшихся ям.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем практически полностью разграбленный могильник, и он же – место, где позднее хоронили животных. Такая картина повторяется на многих некрополях на территории Пермского края. Когда западины выявляют ограбленные погребения, разрушенные костяки не имеют ничего общего с обрядом «обезвреживания» покойных, а следы высоких температур на костях не связаны с кремацией. Судя по архивным данным (Ешевский, 1859. С. 133) и по опыту раскопок, ограбление древних могил в регионе было повсеместным, и поэтому реконструкция погребального обряда на могильнике с разрушенными погребениями требует от исследователя большой тщательности и осторожности.

Осталось упомянуть, что современное население д. Плотниково считает территорию могильника «недобрым местом» и старается обходить его стороной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюхова Н.Г. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в 2013 г. // Архив МАЭ ПГТГУ. 2013.

Ешевский С. Заметка о пермских древностях (Из письма к издателю Пермского сборника) // Пермский сб. Кн. I / Ред. Д.Д. Смышляев. М.: Тип. Грачева и К, 1859. С. 132–142.

Кривошеков И.Я. Справка о прошлом Иньвенского края // Кривошеков И.А. Материалы для истории села Кудымгора Соликамского уезда Пермской губернии. Пермь: Тип. наследников П.Ф. Каменского, 1894. С. 10–14.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. Утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от «27» ноября 2013 г. № 85 // Институт археологии РАН: официальный сайт. Памятники археологии. Законодательство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archaeolog.ru/?id=26>.

Шумилов Е.Н. Населенные пункты Пермского края: краткий исторический справочник. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь, 2012. 107 с.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ С.Н. ЗАМЯТНИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ПЕРЕПИСКИ С КОЛЛЕГАМИ

© 2014 г. И.М. Бухтоярова

*Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж
(imb1985@yandex.ru)*

Ключевые слова: археолог С.Н. Замятнин, переписка, фонды В.Т. Илларионова, К.М. Поликарповича, В.А. Городцова.

Резюме. Статья посвящена переписке С.Н. Замятнина с коллегами и друзьями, которая была обнаружена автором статьи в нескольких архивных фондах страны. В течение всей жизни С.Н. Замятнин поддерживал дружеские отношения с В.Т. Илларионовым, деловые связи с К.М. Поликарповичем и В.А. Городцовым.

В историографии отечественной археологии особое место занимает имя выдающегося отечественного палеолитоведа Сергея Николаевича Замятнина (1899–1958). С этим ученым связан целый ряд открытий, сделанных в конце 1920-х, а также в 1930 – первой половине 1950-х гг. Среди них – создание первой полной археологической карты Воронежской губернии, открытие первого жилища эпохи верхнего палеолита в с. Гагарино, разработка периодизации верхнего палеолита Западной Грузии и палеолита Черноморско-Абхазского региона.

В последние годы интерес к изучению жизни и деятельности С.Н. Замятнина заметно возрос. О нем был написан целый ряд статей, из которых почти половина принадлежит юбилейному сборнику в честь 100-летия со дня рождения ученого (Локальные различия в каменном веке, 1999). В 2013 г. вышла монография А.Д. Пряхина о развитии археологии в Воронежском государственном университете, в которой С.Н. Замятнину отводится особая роль (Пряхин, 2013). Однако весь спектр научного наследия археолога, включая комплекс архивных источников, изучен в настоящее время совершенно недостаточно.

Особую ценность для изучения жизни и деятельности С.Н. Замятнина имеет его личная переписка с коллегами и друзьями. Совсем недавно открылись новые архивные материалы, которые показали, что на протяжении

многих лет С.Н. Замятнин поддерживал переписку с такими учеными, как В.А. Городцов, В.Т. Илларионов и К.М. Поликарпович.

Наиболее интересны для исследования материалы переписки С.Н. Замятнина с историком В.Т. Илларионовым (1901–1985). Виктор Трофимович Илларионов – доктор исторических наук, профессор Горьковского университета, был другом С.Н. Замятнина. В Центральном архиве Нижегородской области хранятся письма, написанные с 1938 по 1951 г. Всего в деле № 318 находится 15 писем (14 из них адресовано В.Т. Илларионову, 1 – С.Н. Замятнину).

В архиве Юдиновского историко-археологического музея (далее Архив ЮИАМ) существует личный фонд археолога К.М. Поликарповича (фонд собран и обработан А.А. Чубуром), с которым С.Н. Замятнин поддерживал дружеские отношения до конца своих дней. Фонд содержит 15 писем различного характера (с 1927 по 1952 г.) и два отзыва на работу К.М. Поликарповича (от П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина). Всю переписку можно разделить по тематике: 1) раскопки Бердыжской стоянки (д. 33. № 6; д. 36. № 6); 2) подготовка археологических работ в Елисеевичих (д. 33. № 6); 3) раскопки С.Н. Замятнина в Грузии и Абхазии (д. 33. № 6); 4) послевоенная переписка археологов (д. 33. № 6; д. 16. № 20).

В 1927 г. С.Н. Замятнин по просьбе П.П. Ефименко участвует в раскопках стоянки Бердыж (Чечерского р-на, Гомельской обл. БССР). Специалистов по верхнему палеолиту в Институте белорусской культуры не было, поэтому оттуда обратились за помощью в ГАИМК к П.П. Ефименко. В мае 1927 г. он напишет ответ К.М. Поликарповичу: «Лично мне, к сожалению, не удастся побывать у Вас на раскопках. Полагаю, что мой аспирант Сергей Николаевич Замятнин прекрасно справится с этой задачей, так как он зарекомендовал себя уже целым рядом палеолитических стоянок (Борщево, Ильская, Липецкая). Это один из способнейших моих учеников...» (Архив ЮИАМ. Ф. 1. Д. 36. № 6. Л. 1). Так в середине 1920-х гг. П.П. Ефименко оценивал знания своего аспиранта.

Для нас интересна переписка С.Н. Замятнина с К.М. Поликарповичем в 1928–1930-х гг., которая касалась процесса обработки материалов Бердыжской стоянки и выхода в свет статьи Сергея Николаевича (Переписка с коллегами...). Так, вначале у С.Н. Замятнина возникли сложности с присланным из Белоруссии материалом, в частности, с рисунками кремня, которые были неважно нарисованы местным художником: «Теперь о рисунках. Должен сознаться, они меня весьма обескуражили. Я лишний раз убедился, что собственно для того, чтобы нарисовать хорошо кремень, важно быть палеоэтнологом, но неважно быть художником. По-моему, присланные две таблички рисунков вашего художника технически сделаны превосходно, но ровно ничего не стоят с палеоэтнологической точки зрения. Они совершенно не передают материал и непригодны для печати» (Переписка с коллегами... Л. 1–2). Таким образом, С.Н. Замятнину пришлось заново самому делать все рисунки к статье.

Из того же письма: «Это рисование основательно меня задержало, и статью я Вам пришлю лишь в самом конце этого месяца». Но и в конце месяца Сергей Николаевич не прислал обещанную статью Константину Михайловичу, а подготовил ее через год, в марте 1929 г.: «Очень виноват, что до сих пор не прислал Вам обещанной статьи. Сейчас верно Громов у Вас в Минске и Вы меня основательно, хотя и справедливо наругиваете. Но у

меня причина уважительная имеется. Я больше месяца болею. Было воспаление легких и ряд осложнений. Не выхожу из дома до сих пор, хотя последнее время уже могу работать. Владимир Константинович Быстржинский навещает меня часто, и сегодня принес Вашу посылку. На днях постараюсь прислать мою злополучную статью. Еще раз спасибо» (Переписка с коллегами... Л. 5).

На этом история со статьей не завершилась. Отослав все же весь материал К.М. Поликарповичу, С.Н. Замятнин потом долгое время не мог получить свой экземпляр «злополучной» статьи. 13 марта 1930 г.: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Я несколько раз писал Вам по поводу того, что мне очень нужно было иметь 3 или 4 экземпляра оттисков моей статьи о Бердыже. Если задержка из-за обложки, то помогите мне получить эти 3–4 экземпляра, хоть голенькими, мне очень нужно (до середины августа непременно!!!). Устройте мне это, пожалуйста, а то что-то и конца и края этой задержке не видно» (Переписка с коллегами... Л. 6).

26 мая 1930 г.: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Я совершенно потерял надежду получить отски своей статьи о Бердыже. На свои 2 последние открытки, в которых я об них писал – я ответа от Вас не получил. А между тем мне было бы нужно получить хоть 2–3 экземпляра в ближайшее время. Если задержка в обложке, то плюньте на нее, буду хранить и так. Или это способ расквитаться со мной за задержку в представлении статьи для печати? Помилосердствуйте!» (Переписка с коллегами... Л. 7). По автографической записи С.Н. Замятнина на отiske статьи, материал попал в библиотеку ГАИМК в ноябре 1930 г. В целом, археологические раскопки С.Н. Замятнина в Бердыже явились для него незаменимым опытом работы в исследовании верхнего палеолита (Бухтоярова, 2008. С. 11).

Особый интерес для нас представляют письма, написанные в период Великой Отечественной войны. Начиная с 1941 и до начала 1942 г. С.Н. Замятнин находился в Ленинграде. В марте 1942 г. решением Президиума АН СССР Сергей Николаевич вместе с группой товарищей был эвакуирован в Казань (Бухтоярова, 2011. С. 31). О том, насколько тяжелым

было положение С.Н. Замятина в годы блокады, рассказывает его письмо к В.Т. Илларионову: «Слухи, докатившиеся до Вас о моем превращении из археолога-исследователя в объект археологического исследования – два года назад были близки к осуществлению. Действительно, в марте 1942 г. я выехал из Ленинграда (меня вывезли в тяжелом состоянии дистрофии). И по приезду в Казань, где я пробыл семь месяцев, в первые два я не был уверен, что выкарабкаюсь, но все обошлось...» (Переписка с Замятиным... Л. 1). После войны С.Н. Замятин был представлен к двум правительственным наградам «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Бухтоярова, 2011. С. 32).

В архиве Государственного исторического музея, в личном фонде В.А. Городцова, сохранились восемь писем С.Н. Замятина, написанные с 1920 по 1939 г., которые могут быть интересны многим историографам. В них Сергей Николаевич всегда с большим почтением относится к собеседнику, употребляя в обращении словосочетание «глубокоуважаемый Василий Алексеевич!» (Письма В.А. Городцову... Л. 25–41). Темы, которые С.Н. Замятин затрагивает в письмах, – это археологические раскопки в Воронежской губернии, раскопки в Тимоновке и издание сборника «Советская археология».

В целом изучение материалов переписки не только раскрывает новые факты биографии С.Н. Замятина, но и дает возможность заново переосмыслить многие моменты жиз-

ни археолога, имеющие огромное значение для изучения истории археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бухтоярова И.М. С.Н. Замятин и исследование палеолитической стоянки Бердыж в Белорусской ССР в 1927–1928 гг. // Научные тр. преподавателей и студентов историч. ф-та. Вып. 3. Воронеж: ВГПУ, 2008. С. 9–11.

Бухтоярова И.М. Деятельность археолога С.Н. Замятина в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 30–32.

Локальные различия в каменном веке. Тез. докл. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. С.Н. Замятина. СПб.: СПбГУ, ИИМК РАН, 1999. 177 с.

Переписка с Замятиным Сергеем Николаевичем (проф. этнографического ф-та Ленинградского университета, с.н.с. ИА и Э АН СССР). Письма-подлинники и копии, письма Илларионова (12.06.1938–09.09.1951) // ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Ед. хр. 318. 20 л.

Переписка с коллегами. Письма от археолога Сергея Николаевича Замятина (ГАИМК, МАЭ). 1934–1952 гг. // Архив ЮИАМ. Ф. 1. Д. 33. № 6. 7 л.

Письма В.А. Городцову. Письма от Замятина С. // ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 25–41.

Пряхин А.Д. Археология в Воронежском государственном университете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: ВГУ, 2013. 140 с.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГОВ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

© 2014 г. К.В. Ванюшева

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
(vankusu@inbox.ru)*

Ключевые слова: отечественная археология, российская провинция, научные публикации, формальные коммуникации, переписка.

Резюме. Исследуется значение научных публикаций как одной из доступных форм обучения археологии в российской провинции в конце XIX – начале XX в. Для этого в качестве основных источников были использованы материалы переписки деятелей Вятской и Пермской губерний с российскими и иностранными коллегами, раскрывающие внутренние механизмы накопления и выработки научного знания. Автор приходит к выводу, что научные публикации были значимой основой специальной подготовки провинциалов в археологическом отношении, важным подспорьем в их научной деятельности.

Со второй половины XIX в. в России происходит процесс оформления археологической науки в самостоятельную дисциплину с собственными профессиональными нормами: методами, понятийным аппаратом, способами презентации итогов научной деятельности. Подготовкой кадров для археологических исследований занимались университеты и археологические институты (Тихонов, 2003). Однако помимо посещения лекций, семинаров и практических занятий важной составляющей процесса обучения как студентов, так и любителей, приобщавшихся к археологическим изысканиям, было изучение специальной археологической литературы.

Она существовала в разных формах. Наиболее доступной широкому читателю стали археологические статьи на страницах провинциальной периодической печати (Мельникова, 2012). М.П. Мохначева назвала журналистику основным видом чтения, образовавшим и воспитывавшим профессионального историка, историка-любителя, широкий круг интересовавшихся проблемами истории, исторического и культурного наследия (Мохначева, 1999. С. 351–352). Согласно ее основному тезису, периодические издания с начала XX в. развивали культуру мышления, генерировали научную мысль и научно-познавательный процесс.

В Российской империи в конце XIX – начале XX в. не было единого специального археологического периодического издания, постоянно освещавшего исследование на всей территории страны. С 1893 по 1899 г. выходили «Археологические известия и заметки», издаваемые Московским археологическим обществом (МАО), в 1901 г. появилось официальное периодическое издание центрального государственного учреждения императорской Археологической комиссии (ИАК) – «Известия ИАК». Отчасти археология освещалась в рубриках исторических, художественных журналов и в некоторых специализированных изданиях (например, в неофициальных отделах «Епархиальных ведомостей»). Эти издания давали общее представление о состоянии дисциплины в Российской империи и за рубежом. Благодаря им, провинциальные деятели были в курсе выдающихся событий в мире археологии, узнавали имена активных членов столичного археологического сообщества, их научные интересы и проблемы, ими разрабатываемые. Периодические издания были библиографическими бюллетенями, знакомившими с новинками специализированной литературы и объединявшими сведения о статьях на археологические темы в различных повременных изданиях за определенный период. Разделы археологической

хроники и библиографии отчасти компенсировали потребности научного сообщества в информации о проводимых работах в регионах страны. Это позволяло обществам и отдельным исследователям при необходимости в дополнительных сведениях обращаться напрямую в конкретное научное общество или комиссию с письменной просьбой о получении их печатного сборника или разъяснении отдельных вопросов.

Для российской провинции весьма значимыми были методические материалы, специально издаваемые ИАК и МАО. Так, в 1863 г. ИАК разослала в губернские статистические комитеты «Программу археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов», а также «Записку» о приемах археологических исследований. Более 10 крупных археологических анкет было создано и разослано МАО: «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер» (1875), «Инструкция для производства раскопок курганов» (1875), «Заметка для собирания русских древностей» (1886) и др. (Бердинских, 2003. С. 152–154). Они были важной частью становления археологии в провинции, поскольку давали в руки местных энтузиастов, не имевших часто высшего образования и еще крайне неуверенных в своих силах, инструменты для проведения научных изысканий.

Более высоким в аналитическом отношении уровнем публикаций были монографические издания. Требующие длительной подготовки, они имели большой срок бытования в научной среде, что обеспечивало более широкий круг читателей. Они предполагали целостное освещение заявленной проблемы, обоснованность и выверенность выводов, следовательно, служили образцом научной мысли в данной области знания.

Изучение значения научных публикаций для профессиональной подготовки провинциальных деятелей, живших в отдалении от столичных образовательных и научных центров, продуктивно на основании эпистолярных источников, раскрывающих внутренние механизмы работы ученого, его обучения и самосовершенствования. Изучение частной переписки ряда активных деятелей Вятской и Пермской губерний О.Е. Клера, А.С. Лебе-

дева, Н.Я. Рыжникова с российскими и иностранными коллегами позволяет сделать следующие наблюдения.

В провинции любители древности, выходящие из различных социальных слоев общества, вели исследования на основе знаний, почерпнутых из научных публикаций. В 1907 г. уральский археолог-любитель, помощник хранителя музея Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) Н.Я. Рыжников в письме МАО характеризует их как «глубоких знатоков своего дела и литературы» (Письмо Н.Я. Рыжникова в МАО). Автор подробно разъяснял, что в своей работе эти люди основываются на теоретических сведениях, почерпнутых из специальной литературы, поэтому используют современную методику ведения исследований: соблюдают послойность, где нужно просеивают и даже промывают землю, ведут дневник своих наблюдений, составляют план местности и раскопок. Также они, по возможности, классифицируют находки, что было бы невозможно без особых знаний, вычитанных или накопленных эмпирическим путем.

Опубликованный фактический материал, его характеристика и интерпретация помогали провинциальным деятелям в определении датировки и культурной принадлежности найденных археологических памятников. Для разрешения вопросов и сомнений по поводу найденного в Вятской губернии могильника известный краевед А.С. Лебедев советует И.К. Зеленову – земскому учителю и региональному корреспонденту Русского музея – обратиться к имеющимся научным изданиям: «Что же касается Вашего Пьяноборского могильника, то об этом мне помнится есть и литература ... сведения есть в материалах по Арх[еологии] Востока России выпуск 1. изд. [ания] Моск.[овского] Археол.[огического] Общ.[ества]» (Письмо А.С. Лебедева И.К. Зеленову).

Материалы раскопок, теоретические и методологические разработки коллег служили ориентирами в региональной исследовательской деятельности (в выборе темы, ее освещении и пр.). Так, после выхода в свет «Инструкции о раскопке курганов» А.А. Спицына у О.Е. Клера, председателя УОЛЕ, возникло желание заняться исследованием курганов в

южной части екатеринбургского уезда, о чем он сообщает в письме представителю ИАК В.Г. Дружинину (Письма О.Е. Клера... Д. 3. Л. 1).

Печатные работы задавали планку научной работы, к которой должны были стремиться местные исследователи. Вот что писал О.Е. Клер в 1890 г. В.Г. Дружинину с благодарностью за присланные ему издания ИАК: «Большую часть этих изданий я перелистывал, читая то, что мне доступно, и стараясь усвоить научные приемы ученых их авторов». Он отмечал огромную разницу в уровне профессиональной подготовки: «Глядя на такие труды все сильнее и сильнее чувствуешь ничтожество собственных попыток на этом поприще». Но исследователь не опускал руки, а видел перспективы работы: «Утешаешься при виде той готовности и любви к науке, с которыми первейшие специалисты относятся к находкам провинциальных любителей» (Письма О.Е. Клера... Д. 2. Л. 145–146).

Несмотря на критическое отношение к собственным исследовательским работам в провинции осознавалась необходимость их публикации для широкого ознакомления научной общественности, получения отклика в виде критики, поддержки, нахождения аналогий, следовательно, возможности более качественного продолжения научных исследований. «В бытность Вашу здесь осенью прошлого года Вы мне сообщили, что моя заметка о Шарташских палатках уже отпечатана. С известным напряжением ожидаю ее появления в свет и находки, которые она, вероятно, вызовет», – писал О.Е. Клер В.Г. Дружинину (Письма О.Е. Клера... Д. 2. Л. 1–4).

Подготовка публикации в равной степени является инструментом обучения начинающих специалистов, в ходе которой идет систематизация знаний, приведение их в соответствие с требованиями, предъявляемыми научным сообществом, решается проблема

адекватного освещения материалов исследования.

Значение печатных изданий в научной и образовательной жизни провинции ценилось как частными лицами, так и государственными учреждениями и научными обществами. Недаром в их структуре были библиотеки, целенаправленно комплектовавшие свои фонды специализированными изданиями.

Таким образом, научные публикации были значимой основой специальной подготовки провинциалов, важным подспорьем в их научной деятельности. Они служили источником получения различных сведений: новостей о проводимых раскопках в России и за рубежом, вопросов методики полевых и камеральных исследований (как в форме непосредственных инструкций, так и через отдельные примеры из историографических, биографических заметок), теоретических материалов, библиографических сообщений и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 528 с.

Мельникова О.М. Археологическая журналистика и институционализация археологии в российской провинции // Археологія і давня історія України. Історія археології: дослідники та наукові центри. Вып. 9. Киев: ІА НАН України, 2012. С. 170–177.

Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 2. М.: РГГУ, 1999. 511 с.

Письма О.Е. Клера В.Г. Дружинину // ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 2, 3.

Письмо А.С. Лебедева И.К. Зеленову // ЦАНО. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 2.

Письмо Н.Я. Рыжникова в МАО // РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 16–17.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.

СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2014 г. А.С. Вдовин

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск
(vdovin2002@bk.ru)*

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, археология, охрана памятников, коллекционирование, Ученые архивные комиссии, музеи, военнопленные.

Резюме. В статье рассматриваются положительные и отрицательные факторы, оказавшие влияние на изучение древнейшей истории Сибири в период Первой мировой войны.

Принято считать, что в период Первой мировой войны археологические исследования были свернуты. Приоритет отдавался условно довоенному и послевоенному периодам.

Для отечественной археологии начало Первой мировой войны было связано с такими событиями: в Пскове не состоялся очередной археологический съезд, делегаты для участия в котором уже съезжались (Вдовин, Кузьминых, Серых, 2008), а 1 сентября 1914 г. археологическая наука понесла утрату – во время своей последней археологической экспедиции скончался И.Т. Савенков, известный исследователь древностей, первооткрыватель палеолита на Енисее. Отчет о раскопках 1914 г. подготовил Тимофей Иванович Савенков – сын И.Т. Савенкова (Вдовин, Макаров, в печати).

В войне приняли участие некоторые будущие исследователи древней истории Сибири: Н.К. Ауэрбах, В.И. Громов, А.Н. Липский, С.А. Теплоухов, В.Я. Толмачев и др.

В годы войны остро встал вопрос об охране историко-культурного наследия, в том числе археологических памятников, оказавшихся в зоне военных действий (Басаргина, 1991). Начавшаяся война прервала дискуссию вокруг закона об охране памятников, но вскоре в научных обществах и в печати обсуждение проектов возобновилось. В годы войны сибирская общественность, группировавшаяся вокруг местных музеев, приняла активное участие в обсуждении законопроекта по охране памятников старины, внесенного в

1916 г. на рассмотрение Государственной думы. Свои предложения в законопроект внесли Тобольский губернский музей, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский отделы РГО. Было предложено возложить обязанности по охране и выявлению памятников на местные научные центры – отделы и подотделы РГО или на местные музеи (Манассеин, 1926; Свиридовская, 2002. С. 167).

Продолжается процесс организационного объединения научных сил. В годы войны создаются Ученые архивные комиссии (УАК) в Сибири, которые должны были принять на себя функции изучения и сохранения исторических памятников, в том числе и археологических. Продолжала свою деятельность Иркутская УАК. В Тобольске и Томске они были открыты в 1915–1916 гг. Вероятно, положительное решение вопроса об открытии в Красноярске Енисейской УАК помешала именно война (ГАКК, Ф. 217. Оп.1. Д. 66. Л. 164–185).

Негативные последствия войны, конечно, отразились на сохранении археологических коллекций в сибирских музеях. Нередко в них размещались военные учреждения. Так было в недостроенном здании Красноярского музея, где был лагерь для военнопленных. Некоторые музеи практически полностью прекращали свою деятельность (Ачинский музей в Енисейской губернии), соответственно утрачивались музейные коллекции, в том числе и археологические. Другие музеи замыкались в своей работе (Минусинский музей), что так-

же не способствовало пополнению музейных фондов и их сохранности. Последнее обстоятельство стимулировало «рынок древностей». Например, М.Д. Копытов коллекцию каменных изделий с Фоминской палеолитической стоянки в 1914 г. отослал в Нью-Йоркский естественно-исторический музей (Кунгуров, Цыро, 2006. С. 18–19), а археологическая коллекция И.П. Товостина в 1916 г. была приобретена для Исторического музея Финляндии (Кузьминых, Вдовин, 2007).

С другой стороны, именно благодаря войне в Сибири оказались иностранные военнопленные, которые проводили или принимали участие в археологических исследованиях (Г. Мергарт, Ф.Ф. Душ и др.) (Кузьминых, Детлова, 2010). Вместе с тем в сибирских газетах появлялись сведения о том, что чехословацкие военнопленные для развлечения раскапывали курганы и нередко взрывали их.

Наиболее значительными экспедициями этого периода являются исследования А.М. Тальгрена в 1915 г. в Сибири (Вдовин, Кузьминых 2006; 2009б) и последняя экспедиция А.В. Адрианова в Туву (1915–1916) (Адрианов, 2008; Беликова, 2006).

Начавшееся весной 1914 г. строительство железной дороги Ачинск – Минусинск, проходившей по территории с высокой концентрацией археологических памятников, привлекло особое внимание членов Красноярского подотдела РГО. Даже в условиях войны делаются попытки сохранения археологических памятников (Вдовин, Кузьминых, 2009а).

В годы Первой мировой войны археологические исследования близ Омска и Семипалатинска, а также в Минусинском крае начинает член Распорядительного комитета ЗСОРГО С.А. Ковлер (Жук, 2005. С. 9). В 1915 г. Пропеллером в окрестностях г. Нерчинска, около Катаргана, раскапывается несколько плиточных могил (Пропеллер, 1915). В Якутию, на р. Лена в 1916 г. для проведения археологических исследований по заданию ВСОРГО, выезжает С.А. Григорьев (1917). В 1916 г. продолжает археологические исследования на Байкале и Ангаре Б.Э. Петри (1916).

В 1915–1916 гг. древними памятниками Восточного Забайкалья заинтересовались члены Общества изучения забайкальского казачества. Полковник П. Орлов, который во

время служебных командировок собрал ряд интересных сведений об археологических памятниках этого района, осмотрел шесть древних городков по р. Шилка (Шилкинский, Куларский, Лучайский, Горбичевский, Аморский, Усть-Чернинский) и, не ограничиваясь только внешним осмотром памятников, произвел на одном из них небольшие раскопки. Результаты этих исследований были опубликованы в «Известиях Общества изучения забайкальского казачества» (1915) и «Вестнике Азии» (1916) (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 10–11).

Археологические раскопки в годы войны нередко вызывали недоброжелательное отношение местного населения. Так, газета «Земщина», сообщая о начале В.Н. Пигнатти археологических исследований Искера (Кучумово городище), отмечает, что крестьяне «находят, что в год войны не следовало бы тревожить город мертвых. Пугают: “вот Знаменский копал Искер и умер, Бутаков копал Искер и умер, то же будет и с Вами”» (Земщина, 1915).

Таким образом, годы войны для изучения древней истории Сибири имели не только отрицательные, но ряд положительных моментов. Достаточно отметить, что именно во времена Первой мировой войны, революции и гражданской войны, т.е. в самые тяжелые годы, формируются сибирские центры археологического изучения в Иркутске, Красноярске, Томске (Китова, 2007; Молодин, 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адрианов А.В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / Подгот. к публ. О.Б. Беликовой. Отв. ред. В.И. Молодин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 146 с.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Басаргина Е.Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. XXIII. С. 295–306.

Беликова О.Б. Археологические исследования А.В. Адрианова 1915–1916 гг. в Урянхайском крае // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всеросс. археологич. съезда. Т.

1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 394–396.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Сб., посвящ. 30-летию кафедры археологии КемГУ. Вып. 24. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Археология и Министерство путей сообщения (на материалах Сибири конца XIX – начала XX в.) // РА. 2009а. № 4. С. 25–36.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. «Обещаю Вам от имени Сибири полное содействие»: (письма Б.Э. Петри А.М. Тальгрену) // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Мат-лы Всеросс. семинара, посвящ. 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск: Амтера, 2009б. С. 22–35.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // РА. 2008. № 4. С. 170–177.

Вдовин А.С., Макаров Н.П. Афонтова гора 1914 г.: Отец и сын Савенковы (в печати).

Григорьев С.А. Краткое сообщение об археологической поездке в долину р. Лены (1916 г.) // Известия ВСОРГО. 1917. Т. 45. С. 313–315.

Жук А.В. Очерк истории археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х годов // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут: СурГПУ, 2005. С. 9–14.

Земщина. 2 июня 1915. № 2058.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920-е–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция. Вып. 3. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 88–91.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь // Вестник РГНФ. 2010. № 1 (58). С. 42–51.

Кунгуров А.Л., Цыро А.Г. История открытия и изучения палеолита Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. 144 с.

Манассеин В.С. Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела РГО по изучению Восточно-Сибирского края и по охране памятников местного края (1851–1926 гг.). Иркутск: Тип. изд. «Власть труда», 1926. 9 с.

Молодин В.И. Из истории отечественной науки: археология Сибири в период Октябрьской революции, Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922 гг.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. 28 с.

Петри Б.Э. Отчет Б.Э. Петри о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физ.-мат. наук, истории и филологии. Пг.: Академия наук, 1916. 7 с.

Про-пеллер. Путевые заметки Катаргана // ИАК. Прибавление к вып. 57. СПб., 1915. С. 55–56.

Свиридовская О.Н. Роль сибирских музеев в охране культурного наследия в 1920-е гг. // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Мат-лы конф. / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. С. 167–176.

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ УЧЕНЫХ–АРХЕОЛОГОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

© 2014 г. Г.И. Дроздова

*Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
(gid27@mail.ru)*

Ключевые слова: личные фонды исследователей, описи, документальные материалы.

Резюме. Рассматриваются личные фонды ученых-археологов, хранящиеся в Научном фонде Института археологии Академии наук Республики Татарстан.

В научно-методическом кабинете музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ находятся на хранении личные фонды ученых-археологов Татарстана, проработавших всю жизнь в археологии. Создание личных фондов ученых связано с их уходом из жизни. Это фонды проф. А.Х. Халикова, к.и.н. Е.А. Халиковой, к.и.н. В.Н. Маркова, н.с. М.М. Кавеева, к.и.н. Р.С. Габяшева, д.и.н. А.Г. Петренко, к.и.н. П.Н. Старостина, д.и.н. Р.Г. Фахрутдинова и к.и.н. Т.А. Хлебниковой. Целое поколение ученых-археологов ушло из жизни. Сохранение личных фондов исследователей – дань памяти людям, посвятившим жизнь научным исследованиям в области археологии и истории. Многие идеи, мысли, гипотезы остались не реализованными, многие открытия – не совершены, но остались рукописи незавершенных работ, которые являются неоценимым источником информации для будущих исследователей.

Все личные фонды построены по единой схеме. Они включают в себя следующие группы документальных материалов.

Научно-исследовательские материалы включают в себя подразделы: материалы, собранные для написания кандидатской и докторской диссертаций; отчеты по итогам археологических экспедиций и материалы к ним: полевые дневники, чертежи, зарисовки находок, статистические таблицы и прочие материалы; рукописи опубликованных и неопубликованных работ; отзывы на работы других исследователей.

Научно-организационная, педагогическая и общественная деятельность. Данная группа

включает следующие материалы: документы, связанные с непосредственной деятельностью ученого, его работами в той или иной организации; материалы конференций, научных симпозиумов.

Биографические материалы. Эта группа материалов представлена личными документами, а также прочими документами, связанными с биографией ученого, фотографиями.

Переписка. Данный раздел представляет переписку ученого с разными организациями, учеными разных стран, касающуюся тех или иных научных проблем.

Документы других лиц, отложившиеся в фонде.

Документы об ученом. Отзывы других исследователей на труды ученого.

Материалы, собранные ученым по интересующим его темам.

Фонд I. Халиков Альфред Хасанович (1929–1994). Доктор исторических наук (1966), член-корр. АН РТ (1992), Заслуженный деятель науки РТ (1974), лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники (1994).

В Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР (с 1991 г. АН РТ) А.Х. Халиков работал более сорока лет – с 1951 до последних дней своей жизни, прошел путь от лаборанта и младшего научного сотрудника до заведующего отделом археологии и ведущего научного сотрудника, крупнейшего специалиста по первобытной и средневековой археологии тюркоязычных и финно-угорских народов Урало-Поволжья.

Автор более 500 научных трудов, в том числе около 30 книг, часть из которых издана на немецком, финском и болгарском языках (Национальный Центр..., 2007. С. 98). Данный фонд (за 1971–2005 гг.) состоит из 8 описей – 176 единиц хранения.

Фонд 7. Халикова Елена Александровна (1930–1977). Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры «История СССР» КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. В 1953 г. работала научным сотрудником в Горьковском областном краеведческом музее, с 1960–1968 гг. – научным сотрудником ГМТР, с 1968 г. – преподавателем археологии в КГУ, с 1968 по 1976 г. – преподавателем археологии в Педагогическом институте. Научные интересы связаны с определением времени проникновения и степени распространения ислама в Волжской Булгарии, а также поиском легендарной Magna Hungaria – прародины венгров между Волгой и Уралом, южнее Камы. Фонд (1957–1977 гг.) содержит 6 описей – 33 единицы хранения.

Фонд 8. Калинин Н.Ф. (1888–1959). Кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки ТАССР, основатель казанской школы археологии, историк. Работал преподавателем истории в учебных заведениях городов Царевококшайск, Симбирск, Тетюши, Казань. С 1924 по 1942 г. заведовал историческим отделом Центрального музея ТАССР. С 1942 г. стал сотрудником Института языка, литературы и истории КФАН СССР. С 1945 г. организовал археологические исследования по составлению археологической карты Татарстана путем сплошного обследования его территории. В начале 1950-х гг. занимался изучением памятников первобытности в зоне Куйбышевской ГЭС. Н.Ф. Калинин был одним из основных исследователей памятников середины I тыс. н.э., а также Волжской Булгарии Золотой Орды и Казанского ханства.

Автор около 100 научных и научно-популярных статей, в том числе нескольких монографий. Фундаментальная работа «История Казани с древнейших времен до XVI в.», написанная в качестве докторской диссертации, в силу ряда не зависящих от него обстоятельств осталась не защищенной.

Основной фонд Н.Ф. Калинина находится в научном архиве Института языка, литера-

туры и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. В фонд 8 вошли дополнительные материалы по Н.Ф. Калинину, обнаруженные в фондах других ученых. Фонд содержит 2 описи – 54 единицы хранения.

Фонд 9. Марков Владимир Николаевич (1952–2005). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, специалист в области археологии раннего железного века. Работал в секторе археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР и ИЦАИ Института Истории АН РТ с 1985 по 2003 г. В.Н. Марков внес значительный вклад в решение проблем ананьинской культуры. Его исследования открывают перспективу в выяснении характера связей между выделенными им этнокультурными группами населения, в определении их роли и места в этногенетических процессах финала бронзового и начала раннего железного века в Волго-Уральском регионе.

Автор около 40 научных публикаций. Фонд (1979–2005 гг.) содержит 3 описи – 32 единицы хранения.

Фонд 10. Кавеев Мурат Мазитович (1954–2008). Работал старшим лаборантом в секторе археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР с 1974 г.; с 1984 по 1997 г. – зам. директора по науке Болгарского государственного историко-архитектурного музея заповедника, с 1977 по 2001 г. – старший научный сотрудник Иске-Казанского музея-заповедника. С 2002 по 2006 г. работал научным сотрудником в Национальном Центре археологических исследований Института Истории АН РТ. Научные интересы связаны со средневековой археологией Поволжья, сельскими поселениями Волжской Булгарии. Фонд (1980–2008 гг.) содержит 6 описей – 58 единиц хранения.

Фонд 11. Габяшев Рустем Султанович (1941–2010). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Работал в ИЯЛИ КФАН СССР с 1961 по 1996 г., с 1997 г. по 2010 г. – старшим научным сотрудником Национального центра археологических исследований Института Истории АН РТ. В 1994 г. за участие в разработке и составлении «Археологической карты Республики Татарстан» удостоен Государственной премии РТ в области науки и техники. Автор более 40 научных статей и монографии по не-

олиту. Фонд (1967–2010 гг.) содержит 3 описи – 18 единиц хранения.

Фонд 12. Петренко Аида Григорьевна (1933–2010). Доктор биологических наук (1985). Заслуженный деятель науки РТ (1999), главный научный сотрудник НЦАИ ИИ АН РТ.

В ИЯЛИ КФАН СССР работала с 1966 г. (с 1977 г. – в Институте истории АН РТ). Труды по палеозоологии, истории животноводства, древнего и средневекового Среднего Поволжья и Предуралья. Автор более 100 научных статей и 7 монографий. Фонд (1966–2010 гг.) содержит 9 описей – 35 единиц хранения.

Фонд 14. Старостин Петр Николаевич (1936–2012). Кандидат исторических наук (1966), лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники (1994), старший научный сотрудник.

В ИЯЛИ КФАН СССР работает с 1962 г. (с 1997 г. – в Институте истории АН РТ). В 1990–2004 гг. заведовал отделом археологии (с 1995 г. НЦАИ) Института истории АН РТ. Фонд (1966–2012 гг.) находится в стадии завершения научно-технической обработки.

Фонд 15. Хлебникова Тамара Александровна (1928–2001). Кандидат исторических наук (1964), лауреат Государственной премии РТ в

области науки и техники (1994), старший научный сотрудник. Работала в ИЯЛИ КФАН СССР в 1957–1986 гг. Специалист в области археологии Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Всю жизнь посвятила исследованиям Болгарского городища, а также других памятников болгарского периода. В последние годы жизни занималась исследованиями Казанского Кремля. Т.А. Хлебникова является автором 80 научных работ. Фонд находится в стадии научно-технической обработки.

Фонд 16. Фахрутдинов Равиль Габдрахманович (1937–2014). Доктор исторических наук (1991), Заслуженный деятель науки РТ (1997), лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники (1994). Работал в ИЯЛИ КФАН в 1968–1974 гг. Специалист в области археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Фонд передан в музей археологии в 2014 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.) / АН Республики Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани / Отв. ред. и сост. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 115 с.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИНТЕРНЕТ–СРЕДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. А.А. Евгеньев

*Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
(oren-arch@mail.ru)*

Ключевые слова: Уральское археологическое совещание (УАС), Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК), научная коммуникация, интернет-среда.

Резюме. Одной из актуальных и вместе с тем малоизученных проблем истории российской археологической науки второй половины XX в. являются особенности научной коммуникации в Урало-Поволжском регионе, связанные с деятельностью УАС и УПАСК. В настоящей статье предлагается новый подход к изучению истории УАС и УПАСК, связанный с использованием информационно-коммуникативных технологий, в частности возможностей интернет-среды.

Предметное поле истории археологической мысли – одного из динамично развивающихся в последние годы направлений исторической науки – многокомпонентно и разнообразно. В сферу внимания исследователей попадают сюжеты, относящиеся к различным хронологическим периодам развития археологии, различным регионам, разнообразным сферам познания и организации науки. Вопросы самоорганизации и институционализации археологической науки, формирования научной коммуникации – безусловно, одна из актуальных проблем истории археологической мысли. Особый интерес представляет изучение данной проблемы на материалах Урало-Поволжского региона, отмеченного наличием множества исследовательских центров.

Особенности научной коммуникации и самоорганизации археологической науки в Урало-Поволжском регионе связаны с двумя феноменами, представляющими интерес с точки зрения истории археологической мысли, – Уральским археологическим совещанием (УАС) и Урало-Поволжской археологической студенческой конференцией (УПАСК). Уральские археологические совещания – специфическая форма научной коммуникации уральских исследовательских коллективов – с различной степенью регулярности проводятся начиная с 1947 г. и неизменно являются маркерами основных достижений

археологической науки на Урале. Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция – феномен научной коммуникации в Урало-Поволжье, существующий с 1969 г. и напрямую связанный с формированием исследовательских кадров.

Рассматривая эти два феномена региональной научной коммуникации, следует принимать во внимание то обстоятельство, что особенности развития археологической науки второй половины XX в. в истории археологической мысли изучены, на наш взгляд, в меньшей степени, чем особенности дореволюционной археологии или археологии довоенного периода. Не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что для многих исследователей, особенно старшего поколения, данный период неотделим от современности, а, стало быть, не рассматривается в качестве объекта истории науки. Между тем именно в силу того факта, что этот этап в развитии науки возможно изучать не только и даже не столько по архивным материалам, сколько по свидетельствам очевидцев, обращение к проблемам развития археологии во второй половине XX в. является для истории науки особенно актуальным.

Несмотря на то что для Уральского региона проблемы развития археологической науки во второй половине XX в. являются достаточно хорошо изученными, прежде всего работами

О.М. Мельниковой (2003а, б; 2006), ни УАС, ни УПАСК не являлись доселе предметом специального изучения в контексте истории археологической мысли. В меньшей степени это касается УАС, истории становления которого посвящены ряд публикаций (см., например: Ковалева, Шаманаев, 2008; Мельникова, 2013), тогда как по истории УПАСК исследования сводятся главным образом к обзорным тезисным публикациям (Васильев, 1994; Тамимдарова, 2009; Евгеньев, Моргунова, 2012). Однако и в том, и другом случае говорить о специальных работах монографического плана не приходится, и эта проблематика еще только ждет своих исследователей.

В свете сложившейся проблемной исследовательской ситуации интерес может представлять привлечение к рассматриваемой проблематике новых методов изучения и накопления источниковой базы. В современном динамично развивающемся мире одним из требований к научному сообществу является использование информационно-коммуникативных технологий и прежде всего возможностей интернет-среды. Их применение позволяет решить ряд задач как коммуникативного, так и исследовательского порядка. Рассмотрим эту гипотезу на примере изучения истории УАС и УПАСК.

Современное интернет-сообщество неразрывно связано с феноменом социальных сетей, буквально пронизавших жизнедеятельность людей, мало-мальски знакомых с компьютером. Не стало исключением и сообщество профессиональных археологов. Региональные и федеральные исследовательские коллективы, научные центры, сообщества археологов по интересам, крупные научные конференции ныне, так или иначе, представлены в социальных сетях. На наш взгляд, помимо сугубо утилитарного и развлекательного использования социальных сетей, правомерно использование этой сферы в научно-практических целях – в данном случае, в целях познания истории становления и развития таких феноменов научной коммуникации, как УАС и УПАСК.

Сообщество археологов, посвященное УПАСК, представлено в социальных сетях «В Контакте» и Facebook. При этом основная коммуникативная активность приходится

именно на сообщество «В Контакте» (<http://vk.com/club1502820>), так как целевой аудиторией сообщества является молодое поколение, предпочитающее данную социальную сеть (порядка 90% охвата сообщества составляют люди в возрасте до 35 лет). Сообщество УПАСК существует начиная с 2008 г., во многом благодаря его существованию была налажена научная коммуникация в связи с организацией и проведением УПАСК 2009–2014 гг. Однако помимо сугубо практических вопросов перед сообществом поставлена задача изучения истории УПАСК и накопления источниковой базы по этой проблеме, и эта задача решается довольно успешно прежде всего стараниями С.А. Перевозчиковой (Ижевск).

Начиная с декабря 2013 г. в тех же социальных сетях представлено и сообщество археологов, посвященное УАС. В данном случае можно говорить о ситуации, обратной коммуникативной активности сообщества УПАСК: более востребованным является сообщество в социальной сети Facebook (<https://www.facebook.com/pages/Уральское-археологическое-совещание/653365838047464>). Это связано с тем, что представители старшего поколения профессиональных археологов, являющегося целевой аудиторией сообщества, в условиях необходимости интеграции в мировое научное сообщество предпочитают именно платформу Facebook.

Рассматривая возможности интернет-среды в изучении истории УАС и УПАСК, правомерно, на наш взгляд, выделить следующие актуальные функции указанных выше интернет-сообществ:

1. *коммуникативная*, являющаяся приоритетной: подразумевает прямое общение и передачу актуальной информации между представителями различных поколений исследователей, объединенных участием в работе УАС или УПАСК, в том числе исследователей, напрямую заинтересованных в изучении истории УАС и УПАСК;

2. *аккумулятивная* (накопительная): в условиях фактического отсутствия музейных фондов и архивов, посвященных истории УАС и УПАСК, особое значение приобретает накопление в указанных сообществах документов и артефактов из истории УАС и

УПАСК, переведенных в цифровой формат. Так, в сообществе УПАСК аккумулируются резолюции, программы, информационные письма, грамоты, значки УПАСК, являющиеся безусловным объектом изучения с позиций истории археологической науки;

3. *когнитивная* (логически вытекает из первых двух функций): накопление источниковой базы по истории таких феноменов научной коммуникации Урало-Поволжья, как УАС и УПАСК, вкупе с коммуникацией между представителями различных поколений ученых своим итогом подразумевает выявление особенностей и закономерностей становления и развития данных научных форумов, их анализ и интерпретацию.

В настоящее время в среде активистов указанных сообществ, по инициативе Н.А. Горбунова (Ульяновск), разрабатывается проект библиографического указателя трудов УПАСК, который способен стать важным шагом в изучении истории Урало-Поволжских студенческих археологических конференций. Следующим шагом может стать анкетирование участников УПАСК с целью создания своеобразной базы данных исследователей археологии Урало-Поволжья с момента их становления в студенческие годы, начиная с самых первых конференций. Подобная же работа теоретически может быть проведена и для УАС. И в этой связи безусловное значение имеют вышеназванные функции интернет-сообществ. Применение новых подходов к истории археологической мысли, с использованием информационно-коммуникативных технологий, вполне способно принести свои плоды и сделать возможным целенаправлен-

ное и систематическое научное исследование феноменов научной коммуникации на региональном уровне – УАС и УПАСК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б. I–XXV Урало-Поволжские археологические студенческие конференции // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. 1993 год. Тез. докл. Самара: СГПИ, 1994. С. 3–6.

Евгеньев А.А., Моргунова Н.Л. XLIII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 239–243.

Ковалева В.Т., Шаманаев А.В. XVII Уральское археологическое совещание // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2008. № 59. Вып. 16. С. 360–362.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003а. 183 с.

Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003б. 194 с.

Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск: УдГУ, 2006. 142 с.

Мельникова О.М. Уральские археологические совещания как историко-научный феномен // Переходные эпохи в археологии. Мат-лы конф. «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 159–161.

Тамимдарова Р.Р. XLI Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 172–173.

«АРХЕОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ» В ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ Н.Ф. ФЕДОРОВА

© 2014 г. И.Н. Ершов

*Институт археологии РАН, Москва,
(ershovin@yandex.ru)*

Ключевые слова: история археологии, взаимосвязи науки и общества, философия Н.Ф. Федорова.

Резюме. Комплекс идей Н.Ф. Федорова относительно места археологии в системе наук является частью его философской системы. Идеи мыслителя видятся утопией с точки зрения современной науки, однако, отдельные составляющие этого «умозрения» оказываются сплошь и рядом верными и потенциально жизнеспособными.

Суть учения основателя «русского космизма» Н.Ф. Федорова (1829–1903) – развитие христианской этики, основывающейся на постулатах всеобщей любви и братства и требующей безусловного восстановления живой связи всех ныне живущих со всеми умершими. Отсюда исходит видение им истории и археологии как пути от *небратства* ко всеобщему *братству*, понимание истории как «проекта»: история – это то, что *должно* осуществиться, что можно запланировать. Супраморализм – это само христианство, «в коем вся догматика стала этикою, неотделимою от знания и искусства, от науки и эстетики, которые должны сделаться, стать орудиями этики». Отсюда проистекает и его внимание к археологии как основному познавательному инструменту в деле *практического* «воскрешения отцов»: «Мир прошедший, покорный голосу науки, поднимается из могилы ... Тогда все некогда живое воскреснет в человеческом разумении... и то, чего кость истлела, восстановится в светлой обители науки» (Федоров, 1995. С. 388).

Характерна многоуровневость внимания философа к истории и археологии: от проблем происхождения человечества, этногенеза до развития музейного дела и сохранения памятников культуры, краеведения, истории сел и отдельных родов рядовых людей, микротопонимики. Он видит, что наука еще не развита и действует в отрыве от естественных наук, которые помогали бы археологии привлечь к делу «воскрешения предков» знания естественных законов, которые имманентно

присутствуют в археологии как «проекте». Цель археологии, истории и человека в ней – отклониться от стремления к потребительству и сохранить прах предков для его исследования – не мертвого («ученого»), а «жизнеспособного», комплексного, учитывающего достижения передовой научной мысли. Это его моральный императив оправдания науки: «Золото объясняет, почему История как факт, есть взаимное истребление. Прах же отцов дает смысл и цель Истории как проекту воскрешения... Археология не познала себя наукою сынов, изучающею останки отцов... Археология еще не соединилась с естествознанием» (Федоров, 1997. С. 373). Археология в учении Федорова объемлет не только историю русского народа, но историю всего индоевропейского племени, а через него и историю человечества. Из этого исходит и определение Федоровым роли Всероссийских археологических съездов, которые призваны пробуждать интерес провинциальной общественности к прошлому своего края – поэтому он ратует за расширение географии съездов.

В России в конце XIX в. определение границ и метода археологии базировалось на двух парадигмах: «гуманитарной, или исторической» и «естествоведческой, или антропологической», что свидетельствовало о наличии двух принципиально разных «систем научных и философских взглядов на науку о первобытности» (Платонова, 2010. С. 42–46). А.С. Лаппо-Данилевский выделял три направления: классическое (идущее от понимания истории искусства как эволюции стилей);

национальное (направленное на поиск «своих» древностей); и направление, пытавшееся придать изучению древностей комплексный характер с учетом влияния географической среды (школа акад. К.М. Бэра). Основные черты последнего направления мы отметили и во взглядах Федорова. Однако Федоров рассуждал в русле собственного понимания христианской этики, т.е. с точки зрения глубоко религиозной. В этом принципиальная разница. Позиция философа не чужда и деятельности Московского археологического общества; однако глобалистский «патриотизм» учения мыслителя неизмеримо шире рамок национального направления.

Особое внимание к этической стороне деятельности археологов проявлял и другой современник мыслителя – И.Е. Забелин. Близость взглядов Федорова и Забелина отмечается в особом внимании к исследованию индивидуального начала, впечатанного в те или иные артефакты; история же, по мнению Забелина, должна уделять внимание отражению этого индивидуального в остатках родовой деятельности, т.е. в комплексе археологической культуры (Забелин, 2001. С. 226). Федоров также упирал на особое отношение к *родственному вниманию* исследователя к останкам прошлого, без которых невозможно «братское» воссоединение живых с предками. Здесь, однако, содержится и различие во взглядах Забелина и Федорова. Забелин полагал в духе своего времени, что «общество и государство суть такие же организмы, как и каждая живущая особь... В борьбе общего с частным и заключается вся история человечества» (Забелин, 2001. С. 170). Очевидно, что оба они, тем не менее, мыслили целиком в рамках христианской этики в отличие от акад. Бэра.

Итак, отдельные идеи, схожие с мыслями Федорова относительно роли и места археологии в системе наук, уже бродили в умах русских ученых. Очевидно, что парадигма археологии (достижение максимальной полноты человеческой культуры, как ушедшей, так и переживаемой нами в настоящем, с помощью достижений иных наук) определена мыслителем верно и составляет неотъемлемую часть его философской системы; эта парадигма, возможно, будет определять вектор разви-

тия науки и в «грядущие времена». Археология парадоксальным образом оказывается у Федорова не только наукой о прошлом, но и наукой о будущем, «наукой как проектом», наукой, смотрящей в Космос, в вечность; философ не останавливается на констатации ее состояния, он обзревает и пути развития, и ее конечную цель.

Метафизический и парадигматический предел археологии и истории в перспективе времен в том, что будущее нельзя познать, не обернувшись лицом к прошлому, к предкам. Федоров полагал смерть человека и разрушение его среды обитания искажением истины; преодоление же смерти и сохранение среды – единственной достойной целью. Смерть преодолевается комплексно, двумя разнонаправленными путями – достижением практического бессмертия личности и человечества и одновременно восстановлением прошлого, собиранием остатков прошлых поколений. Сохранение природно-культурной среды означает и сохранение памятников прошлого, в том числе и археологических, и бережное отношение к ним в будущем (т.е. воздержание от раскопок, проводимых ради научного тщеславия). Здесь археология входит в контакт с этикой – стремление к «братству» от «небратства» делает необходимостью лишь охранную археологию, допуская прочие раскопки лишь в крайнем случае. Насколько высоко будет поднята этическая планка в этом процессе перехода от бессистемной кладовищательской археологии к охранной, *экологической* археологии будущего, зависит от «соборных» действий научного сообщества. Определяющее значение в этом процессе будет иметь развитие неразрушающих методов исследования, что особенно важно при изучении погребальных памятников (Беляев, 2012).

Федоров осуществлял и практические шаги в применении своих идей в жизни. Самым главным он считал содействие развитию музейного дела и изучения местной истории. При этом он полагал определяющее место археологии в музее одним из существенных моментов деятельности – как исследовательской (раскопчной), так и просветительской (Федоров, 1997. С. 6). Помещение мыслителем музея и кладбища как концентрированного символа памяти о предках («братства») в центр

крепости (огороженного от врагов пространства, зримого воплощения идеи о «небратстве») меняет символизм крепости (Кремля) на прямо противоположный, тем самым «исправляя» наше понимание смысла любого Кремля (Федоров, 1997. С. 98). Отсюда следует вывод о необходимости помещения музея в центр любого поселения, вне зависимости от его размера или статуса. Суть современной («языческой») логики продвижения места погребения предков от центра поселения к периферии – агрессивная экспансия, расширение «своего» мира, на пограничье которого стражами его от «чужих» и выступают почившие предки. Федоров предлагает нам вернуться обратно – к центру поселения, где должны находиться и храм, и музей и кладбище. Храм – это *литургическая* память о предках, кладбище – *вещное* хранилище праха предков; музей – концентрированное собрание *вещно-вербальной* памяти о предках, комплексное научное учреждение, через которое осуществляется *делательная*, живая связь храма с кладбищем. Именно музей видел Федоров на вершине пирамиды наук, музей, в котором история и археология должны быть ведущими, профилирующими дисциплинами. Музей как наследник культуры предков побуждается тем самым «к постоянным и всесторонним розысканиям и исследованиям; в этом и заключается начало поминовения» (Федоров, 1997. С. 129, 141, 171).

Очевидно, весь комплекс идей мыслителя является философской системой, но никак не инструкцией по практическому внедрению этих идей в жизнь теми, кто забыл, что усвоение «общего дела» невозможно без «братства» как неперемного условия соработничества человека и высших сил в эсхатологической перспективе. Система идей Федорова видится утопией с точки зрения современной науки, однако отдельные составляющие этого «умозрения» оказываются сплошь и рядом верными и потенциально жизнеспособными. Почему «обскурантист» Федоров сумел вер-

но понять суть археологии и посмотреть в ее будущее, а авторитеты науки уделяли этому вопросу мизерное количество времени, стонясь любой «теорией» как помехи?

Ущербность науки, очевидно, имеет место и кроется в изначально трагическом дуализме самой культуры как противоположности природы. Эта ущербность ощущается и в нехватке подлинного этического начала в научной деятельности как деятельности по линии различения «истины» от «неистины», и в отсутствии «братства». Мыслитель призывал не останавливаться на «отрицательной» этике (неделания зла). Для археологии это означает воздержание от разрушения памятников в угоду научному тщеславию. Творческому исследователю необходимо идти гораздо дальше – к «положительной» этике совершенствования неразрушающих методик исследования. Этика мыслителя активно-преобразовательна и направлена на *понимание* и сохранение всего природно-социального прошлого человечества, на шлифовку лучших граней человека и его окружения – и в силу этого этика Федорова *экологична*. Надо признать, к сожалению, что парадоксальная «религиозно-научная» («эколого-этическая») парадигма археологии, выдвинутая мыслителем, осталась совершенно незамеченной в научной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011. 56 с. (Методика полевых археологических исследований; Вып. 5).

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 400 с.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. 518 с.

Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 3. М.: Прогресс, 1997. 744 с.

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ И РАЗРАБОТКА НОВОГО НАУЧНОГО ПЛАНА ПО ИЗУЧЕНИЮ ФАНАГОРИИ (1930-Е ГГ.)

© 2014 г. Е.Г. Застрожнова (Панкратова)

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург
(pankratova0484@yandex.ru)*

Ключевые слова: Фанагория, археологические раскопки, архивные материалы, история изучения, Фанагорийская экспедиция.

Резюме. Рассматривается история археологического изучения Фанагории после «великого перелома» 1929 г. В 1930-х гг. группа ученых Государственного музея изобразительных искусств и Государственного исторического музея заложили основу систематического изучения истории и археологии Фанагории. Большое значение имели археологические раскопки, проводившиеся в 1936–1940 гг. В.Д. Блаватским.

История изучения Фанагории, которая началась в конце XVIII в., насчитывает вот уже более двух с половиной столетий. В ходе археологических исследований, проведенных в XIX в., была получена информация о местонахождении этого крупного античного центра, установлено наличие акрополя и нескольких курганных аллей в южном, западном и восточном направлении от города. Приоритет в исследованиях отдавался раскопкам курганов, в ходе которых накоплено большое количество артефактов. Тем не менее, уровень развития археологической науки на конец XIX в. не позволял должным образом интерпретировать получаемые сведения.

После перерыва, связанного с событиями революции и Гражданской войны, в 1921–1930 гг. на территории Фанагории проводились эпизодические разведки под руководством Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), Государственного музея изобразительных искусств (ГМИИ) и Государственной академии материальной культуры (ГАИМК). Однако единый научный план по археолого-топографическому изучению этого античного города так и не был выработан.

1929 г. принято считать годом «великого перелома», именно с этого времени в отечественной науке развернулись острые дискус-

сии относительно перспектив развития советской археологии. В основе дискуссий лежала проблема формирования нового мировоззрения ученых на базе марксистского учения (Геннинг, 1983. С. 65).

Самым активным сторонником введения марксистской методологии был В.И. Равдоникас, который ратовал за критический пересмотр «буржуазного археологического наследства». Ученый полагал, что дореволюционная археология основывалась на методологии «формального искусствоведения» и носила характер государственного заказа. Он считал необходимым введение новой методологии, дабы «направить научно-исследовательские работы на линию производства идеологических ценностей, которые бы могли войти в общую систему идеологии пролетариата». Согласно его мнению, только таким путем «советские археологи овладеют безошибочно действенным материальным методом». Задачу «новой археологии» он видел в «комплексном изучении памятников массового характера», в первую очередь «объектов производственного значения» (Равдоникас, 1930. С. 5, 10, 56).

Одним из теоретических обоснований необходимости изучения городов и поселений стал доклад А.В. Арциховского «Новые методы археологии» на заседании Общества исто-

риков-марксистов. На нем было признано, что археология имеет право на существование только в том случае, если ее задачей является восстановление общественно-экономических формаций при помощи изучения памятников материальной культуры (Арциховский, 1929. С. 136).

Согласно его концепции, особое внимание должно было уделяться процессу развития производительных сил. В этой связи исследователем был выдвинут метод «восхождения», с помощью которого восстановить общественно-экономические формации можно было «путем восхождения» от развития производительных сил к производственным отношениям (Арциховский, 1929. С. 138). Для практического обоснования этого положения А.В. Арциховский признавал необходимым изучение городов, усадеб, производственных комплексов (гончарных печей, керамических мастерских, виноделен и пр.)

Все эти изменения не могли не отразиться на целях, ходе и методах проведения раскопок в Фанагории. В ноябре 1929 г. руководство ГМИИ уведомило Главнауку, что собирается в 1930 г. проводить совместно с ГАИМК и Германским археологическим институтом большую объединенную экспедицию в Фанагорию. Основной целью этого проекта являлась наглядная демонстрация «эволюции стиля в мировом искусстве на фоне развития общественной формации и экспозиционно выявить экономические предпосылки искусства» (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 45). Однако объединенная экспедиция не состоялась, открытый лист на раскопки получил в 1939 г. заведующий Отделом скульптуры ГМИИ К.Э. Гриневич, вместе с ним в Фанагорию отправился научный сотрудник Отдела нумизматики ГМИИ – Л.П. Харко. Основной целью исследователей было проведение систематической шурфовки городища и некрополя Фанагории. Кроме того, планировалось исследование периферийных городищ, окружавших Фанагорию в древности. Задача такого исследования заключалась в «ознакомлении с экономикой древнегреческих колоний для подведения исторической базы под современное колхозное строительство» (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 46).

Работы экспедиции проводились с 20 июля по 9 августа. Исследования сосредоточились на берегу Таманского залива, в западной и юго-восточной части городища, где раскопками была зафиксирована гончарная печь. Вследствие того, что ограниченность средств не позволила экспедиции ГМИИ довести исследование печи до конца, права на ее дальнейшее изучение были переданы научному сотруднику ГАИМКа, В.Ф. Гайдукевичу. Это было сделано не случайно, так как в то время ученый работал над монографией, посвященной античным керамическим обжигательным печам (Гайдукевич, 1934. С. 50). Доследование обнаруженной в Фанагории печи было осуществлено в 1931 г. Керченским археологическим музеем совместно с Таманской экспедицией ГАИМК.

После некоторого перерыва, в 1936 г. раскопки на территории города были проведены объединенной Фанагорийской экспедицией Государственного исторического музея (ГИМ) и ГМИИ. Интерес именно музеев к раскопкам на территории Фанагории объяснялся необходимостью пополнения коллекций и перестройке экспозиций по разделу Боспорского царства.

3 февраля 1936 г. состоялось первое общее заседание по вопросу организации Фанагорийской экспедиции (НВА ГИМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 2). На нем присутствовали сотрудники ГИМ (А.П. Смирнов, Е.В. Веймарн, Н.В. Пятышева) и ГМИИ (В.Д. Блаватский, И.М. Блаватская, М.М. Кобылина, Л.П. Харко). На заседании был заслушан доклад В.Д. Блаватского об исторической значимости Фанагории и о необходимости проведения раскопок как с целью пополнения коллекций ГИМ и ГМИИ (Зеест, 1947. С. 3), так и с охранной целью. В.Д. Блаватский предложил начать планомерные исследования городища методом вскрытия больших площадей. Основными задачами Фанагорийской экспедиции было установление стратиграфии слоев жизни города, установление его южной, северной, западной и восточной границ, а также изучение прилегающих частей сплошных могильников, т.е. основное внимание археологов было сконцентрировано именно на городище Фанагории (НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1936. Д. 242. Л. 2).

Итог археологическим работам пяти лет (1936–1940 гг.) был подведен на конференции «Фанагория», организованной ГМИИ в 1940 г. В своем выступлении В.Д. Блаватский заявил, что «в результате кампании 1940 г. можно считать в основном завершенной предварительную стадию работ, которая, в сущности, была только генеральной разведкой и только базой для дальнейшего планомерного исследования города» (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 62. Л. 6). Были установлены западная, восточная и южная границы памятника и выяснена примерная площадь, занимаемая древним городом – 36 га. В ходе тщательного анализа архитектурных остатков и различных групп материала были выделены слои архаики, классики, эллинизма, римского периода и средневековья. Было установлено наличие: галечных вымосток в слоях архаики, мощного городского строительства в слоях классики и эллинизма, многочисленных хозяйственных комплексов в слоях римского периода и развитого градостроительства во времена средних веков. Эпохой расцвета Фанагории был признан период эллинизма. В.Д. Блаватский считал, что дальнейшей задачей является вскрытие больших площадей на Нижнем и Верхнем Городе, исследование которых не было проведено в виду отсутствия требуемых материальных средств. Однако начавшаяся Великая Отечественная война не позволила выполнить намеченное, и раскопки Фанагории были возобновлены лишь в 1947 г.

Поводя итог, следует отметить, что именно в первой четверти XX в. закладывались ме-

тодологические и организационные основы советской античной археологии. Перед учеными вставали вопросы о дальнейших путях и целях археологических исследований. Особенно актуальными являлись вопросы сохранности памятников в условиях их естественного разрушения и активного промышленного строительства. В подобной ситуации просто необходим был четко разработанный научно-исследовательский план по изучению «столицы» Азиатского Боспора. Именно в этих условиях ГМИИ и ГИМ смогли создать группу исследователей для решения назревших проблем. Такие ученые, как Л.П. Харко, К.Э. Гриневич, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина заложили прочную основу в сугубо научном, систематическом изучении истории и археологии Фанагории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В. Новые методы археологии // Историк-марксист. М., 1929. Т. 14. С. 137–155.

Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 80. 116 с.

Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова думка, 1983. 224 с.

Зеест И.Б. Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны // Памятники искусства. М., 1947. С. 3–9. (Бюллетень ГМИИ; № 2).

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930. 94 с. (Известия ГАИМК; Т. VII. Вып. 3–4).

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ РОССИИ: ВКЛАД АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 40–60-Х ГОДОВ XX ВЕКА¹

© 2014 г. Е.Ю. Захарова

*Воронежский государственный университет, Воронеж
(ez@hist.vsu.ru)*

Ключевые слова: академические экспедиции, археологическое наследие, история археологии, Центральное Черноземье России, археологические разведки, археологические раскопки, археологические памятники, краеведение.

Резюме. Основополагающую роль в изучении и сохранении археологического наследия Центрального Черноземья России во второй половине 40 – 60-е гг. XX в. сыграли академические экспедиции, они же заложили основы современного научного подхода к этой проблеме. Было реализовано планомерное обследование территории на современном методическом уровне в рамках решения определенных научных задач; полученные материалы составили золотой фонд археологических коллекций местных краеведческих музеев; основные результаты работ нашли отражение в центральных научных изданиях.

Вторая половина 40 – 60-е гг. XX в. – этап институализации в системе советской исторической науки региональной археологии Центрального Черноземья России (ЦЧР). В первые два послевоенных десятилетия ее направленность и уровень развития определялись работами столичных, в первую очередь академических, экспедиций. Со второй половины 1960-х гг. на паритетных началах с академическими работает экспедиция Воронежского государственного университета; к середине 1970-х гг. воронежская школа становится консолидирующим центром региональной археологии ЦЧР (Захарова, 2011. С. 329).

Со второй половины 1940-х гг. экспедиционная деятельность академических учреждений организовывалась в соответствии с общесоюзным планом научно-исследовательских работ по археологии, координировались ИИМК и «Советом по координации» АН СССР (Сорокина, 2008. С. 123). Отличительной чертой этого процесса в ЦЧР вплоть до середины 1960-х гг. можно считать преобладание научного интереса при выборе объекта полевых работ. Появление здесь крупных новостроечных экспедиций относится к концу 1960 – 1970-м гг. (анализ их специфики

находится за пределами данной работы), когда в регионе началось сооружение водохранилищ.

Научные интересы обусловили возобновление работ в ЦЧР на тех объектах, начало исследования которых относится еще к довоенному времени. В данном случае речь идет о Палеолитической (позднее Костенковской палеолитической) экспедиции Ленинградского отделения ИИМК (Ленинградского отделения ИА; далее ЛОИА), последний предвоенный сезон которой был в 1941 г., а возобновились работы с 1948 г. (ежегодно продолжались до 1994 г.). В конце 1940 – 1960-е гг. определяющую роль в ней играли ученики П.П. Ефименко, крупные ученые А.Н. Рогачев и П.И. Борисковский, полемика между которыми определяла в целом направление исследовательской мысли в палеолитоведении того времени и привела в начале 70-х гг. к смене его парадигм (Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 31). В анализируемое время в рамках деятельности экспедиции вырабатываются основополагающие методические принципы изучения памятников палеолита с использованием комплексного подхода; одновременно ареал работ экспедиции выходит за пределы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-48004а.

Костенковско-Борщевского района. Под руководством П.И. Борисковского в конце 50-х гг. были проведены обширные разведочные работы с целью выявления свидетельств палеолитической эпохи в пределах Белгородской и Курской областей, а затем и раскопки на памятниках палеолита в Курске (1962–1964 гг.). Накопленный в экспедиции опыт реализовал при организации самостоятельных раскопок на Гагаринской стоянке и организации разведочных работ в Липецкой области (1961–1969 гг.) сотрудник ЛОИА Л.М. Тарасов. Главным научным итогом работ Костенковской палеолитической экспедиции становится признание Костенковско-Борщевского района уникальным в мировом палеолитоведении. Не менее значима заслуга участников экспедиции, прежде всего А.Н. Рогачева, и в реализации идеи сохранения археологического наследия. В 1960 г. здесь начался первый в СССР эксперимент по сохранению остатков костно-земляного жилища (в площади раскопа на стоянке Костенки-11) как музейного экспоната и натурального археологического документа. В 1979 г. было завершено строительство здания музея, который первоначально был филиалом Воронежского краеведческого музея, а с 1991 г. приобрел статус самостоятельного археологического музея-заповедника (Попов, 2005).

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны к реализации задуманного еще в 1940 г. комплексного изучения памятников Курской обл. приступил М.В. Воеводский. Под его руководством в 1946–1948 гг. работала Деснинская экспедиция, в центре внимания которой были раскопки Авдеевской палеолитической стоянки и обследование близлежащей территории. В последующие два десятилетия раскопки на территории Курской обл. организовывали в основном коллеги М.В. Воеводского по экспедиции А.Е. Алихова (Воеводская), П.И. Засурцев, О.Н. Мельниковская, Р.Л. Розенфельдт и др. (Щавелев, 2002. С. 32–33).

Из числа академических экспедиций можно назвать две, научные интересы которых в течение длительного времени были полностью сосредоточены на территории ЦЧР: Донская (Скифская лесостепная) ИИМК (ИА) – рук. П.Д. Либеров (работы в Воронежской, Кур-

ской, Белгородской обл. с 1954 по 1977 г. с некоторыми перерывами) и Верхне-Донская ЛОИА – рук. В.П. Левенок (работы в Липецкой и Тамбовской обл. с 1959 по 1968 г.). ЦЧР (Белгородская, затем Воронежская области) прочно вошло и в сферу интересов Северо-Донецкого отряда Южно-Русской (Черниговской) экспедиции – рук. отряда С.А. Плетнева (работы в Белгородской обл. с 1957 г.).

Научная направленность перечисленных выше академических экспедиций разная, но сходны принципы в области изучения и сохранения археологического наследия. Наряду с организацией разведок и раскопок на значительной по охвату территории базовых памятников на протяжении нескольких сезонов, они вели большую популяризаторскую работу. Благодаря их деятельности возобновились археологические изыскания местных краеведов (наиболее активные и целеустремленные из них становились начальниками отрядов и начинали самостоятельные раскопки), были восстановлены (в Липецке, Белгороде, Данкове, Острогжске созданы) археологические экспозиции краеведческих музеев (подробнее об этом аспекте см. Захарова, 2008. С. 65; Бессуднов, 2012). Нельзя не отметить также заслуги этих экспедиций в деле профессиональной подготовки студентов-историков местных вузов (Пряхин, 2013. С. 33).

Еще одним направлением академических экспедиций в ЦЧР становится проведение разведок и раскопок памятников для сопоставительного анализа с эталонными материалами в рамках решения крупных археологических проблем. Иными словами, формируется источниковая база с периферийных, пограничных территорий. В данном случае речь идет о крупномасштабных разведках в регионе, проведенных под руководством И.И. Ляпушкина в конце 1940 – начале 1950-х гг.; под руководством Э.А. Сымоновича в начале 1960-х гг. в рамках исследования процесса славянского этногенеза. В числе раскопок, организованных сотрудниками ИИМК (ИА) АН СССР, назову изучение неолитических памятников в Тамбовской обл., осуществленное под руководством М.Е. Фосс (1953 г.), памятников древнерусского времени в Курском Посеймье – под рук. Т.Н. Никольской (1952–1953 гг.), сооружений Белгородской крепости

XVI–XVII вв. – под рук. А.В. Никитина (1951, 1955–1956 гг.).

Оценивая в целом сделанное академическими экспедициями в конце 1940 – 1960-е гг. для изучения и сохранения археологического наследия ЦЧР, можно констатировать, что именно они заложили основы современного научного подхода к этой проблеме. В частности, было реализовано планомерное обследование территории в рамках решения определенных научных задач; методика проведения полевых работ приведена в соответствие с современными требованиями; полученные материалы большей частью передавались в фонды местных краеведческих музеев, выполняя тем самым и важную воспитательную функцию; основные результаты работ регулярно публиковались в центральных научных изданиях и в популярной форме – в местной периодике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с. (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; Вып. 1).

Бессуднов А.Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архив-

ного наследия В.П. Левенка) // *Історія археології: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України*. Вип. 9. Київ: ІА НАН України, 2012. С. 35–37.

Захарова Е.Ю. П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона // *Вестник ВГУ. Сер. История, политология, социология*. 2008. № 2. С. 62–70.

Захарова Е.Ю. Этапы развития воронежской региональной археологии // *Тр. III (XIX) Всероссий. археологического съезда*. Т. II. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИА РАН, 2011. С. 328–329.

Попов В.В. Государственный археологический музей-заповедник «Костенки» и проблемы современного состояния памятников Костенковско-Борщевского района // *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий*. СПб.: Копи-Р, 2005. С. 48–65.

Пряхин А.Д. Археология в Воронежском государственном университете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: ВГУ, 2013. 140 с.

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К, 2008. 244 с.

Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII–XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск: КГМУ, 2002. 41 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIII–XV ВЕКОВ

© 2014 г. А. Ю. Зеленева, Ю.А. Зеленева

*Центр археолого-этнологических исследований Марийского государственного университета,
Йошкар-Ола (y_zeleneva@mail.ru)*

Ключевые слова: золотоордынский период, мордва, археологические объекты, история изучения, историографическая периодизация, Поволжье.

Резюме. Предложена периодизация археологического изучения памятников мордовской культуры золотоордынского времени. Дана характеристика исследовательских подходов и организации археологических работ для каждого периода.

В изучении памятников археологии мордвы золотоордынского времени можно выделить три периода.

Первый период – с середины XIX по начало XX в. Это время характеризуется началом сбора сведений об археологических памятниках мордвы вообще и золотоордынского периода в частности. Первоначально сбором сведений занимались краеведы-любители, такие как священник из Краснослободска И.Н. Беляев, собравший предания о городе Сараклыч и сведения о расположении городищ ордынского времени.

К 1892 г. относится первая научная археологическая экспедиция, изучавшая мордовские древности под руководством А.А. Спицына. Кроме исследований памятников других веков были проведены раскопки на могильниках Казбек, Ефаевском и Пичпандинском, относящимся к золотоордынскому времени.

Период характеризуется получением зачастую отрывочных данных по памятникам мордвы XIII–XV вв. Внимание обращалось в первую очередь на раскопки могильников, которые привлекали богатством материала. Но сил на их систематическое исследование не хватало. Поэтому, как правило, ограничивались исследованием небольшого количества погребений. Исключением является Муранский могильник, на котором было вскрыто несколько сотен захоронений золотоордынского времени.

Второй период – советский (XX в.). Начало его мало отличается от предшествующего периода по организации и подходам к объектам исследования. Можно отметить активизацию деятельности местных музеев, чего раньше не наблюдалось. В частности, в этой области много работал Пензенский естественно-исторический музей и его заведующая отделом археологии и этнографии Н.И. Спрыгина, раскопавшая погребения XIV–XV вв. на Чернозерьевском могильнике. Большое значение имели работы А.А. Кроткова на Наровчатском городище XIV в., где вместе с материалами золотоордынской культуры выявлен яркий мордовский материал.

Надо отметить, что большая часть проводимых раскопок в начале этого периода отличается все возрастающим уровнем методики (раскопки Н.К. Арзютова, Б.А. Латынина). В тоже время даже в конце 40 – начале 50-х гг. для некоторых исследований был характерен дилетантизм (А.Е. Захаркина) или невысокое научное качество. В частности нужно признать, что раскопки П.Д. Степанова на Итяковском городище в 1951 г. не соответствовали уровню методики раскопок даже того времени.

К середине XX в. мордовский археологический материал не мог иллюстрировать события золотоордынского времени в силу своей фрагментарности. Ситуация постепенно изменяется во второй половине XX в. Нельзя сказать, что начинается широкомасштаб-

ное целенаправленное изучение памятников XIII–XV вв., но определенные успехи в изучении археологических объектов этого периода были сделаны. Отсутствие пристального внимания к памятникам золотоордынского времени связано с тем, что в мордовской археологии традиционно основное внимание уделялось изучению памятников I тыс. н.э., что было обусловлено и яркостью этого материала, особенно могильников, и повышенным интересом к проблемам этногенеза мордовского народа.

Тем не менее, исследовались различные памятники золотоордынского периода в местах расселения мордвы. Особое значение имели раскопки А.Е. Алиховой на Наровчатском городище (город Мохши), раскопки В.И. Вихляевым Мордовско-Паркинского могильника и особенно проводимые под руководством В.И. Вихляева охранные исследования конца 1970 – первой половины 1980-х гг. на мелио-

ративных объектах в пойме реки Мокши, которые дали большой материал по поселениям этого времени.

К концу XX в. был накоплен материал, который позволяет делать определенные обобщения. Правда, опубликован он далеко не полностью

Третий период – современный (конец XX – начало XXI в.). Характеризуется первоначально сокращением полевых исследований, но с начала XXI в. их объем резко увеличивается. В Мордовии идет масштабное изучение Кельгининского могильника, на котором выявлены захоронения XIII–XIV вв., ранее здесь неизвестные. Мордовские памятники золотоордынского периода, или элементы мордовской культуры были изучены на огромной территории Поволжья: в Чувашии, Татарии, Самарской, Саратовской, Волгоградской обл. Все это позволяет по-новому взглянуть на историю мордовского народа в XIII–XV вв.

КЕРАМИКА В РЕКОНСТРУКЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНИХ КОЛЛЕКТИВОВ УРАЛО–СИБИРСКОГО РЕГИОНА¹

© 2014 г. О.Ю. Зимина

*Институт проблем освоения Севера, Тюмень
(o_winter@mail.ru)*

Ключевые слова: Зауралье, Западная Сибирь, археологическая культура, керамика, орнамент, социальная структура.

Резюме. В работе рассматривается возможность использования керамики в палеосоциологических исследованиях. Главным аспектом в изучении этой темы является орнамент на посуде как средство самоидентификации древних коллективов. Основу исследования составили керамические комплексы археологических культур неолита – раннего железного века Урало-Сибирского региона.

Керамике как историческому источнику посвящено большое количество исследований, в частности в области технологии (навыки отбора сырья, способы формовки посуды, необходимые для обжига температурных режимов, особенности обработки и украшения поверхности) (Бобринский, 1978; Глушков, 1996; Актуальные проблемы..., 1999). Еще большее количество исследований посвящено культурно-историческим аспектам изучения древней посуды. В качестве основного критерия выделения археологических типов и культур в первую очередь выступает посуда, ее форма и особенности декора.

Ряд исследований показывает, что орнамент на древней посуде мог иметь «социальную нагрузку». Устойчивое сочетание элементов орнамента либо определенные предпочтения в использовании тех или иных технических приемов нанесения орнамента могут служить индикатором самоидентификации определенных групп населения древнего общества (родов/фратрий/племен). Ю.Б. Цетлин полагает что, сходство изображений на разных уровнях иерархической структуры может отражать разные степени и характер родственности их носителей. По его мнению, наблюдения, оказавшиеся важными для изучения социальной структуры древнего населения, были получены на самом первом уровне анализа – на уровне «состава и со-

отношения элементов орнамента», который дает наиболее массовую и поэтому наиболее надежную в этом плане информацию (Tsetlin, 2012). На примере неолитических культур Русской равнины исследователь выделяет группы памятников со сходными традициями на основе процентного соотношения элементов орнамента (элемент – ямочный, гребенчатый, накольчатый, гладкий и др. – отпечаток или динамический след, созданный за один трудовой акт). По его мнению, большинство неолитических культур Центра Русской равнины соответствуют эндогамным племенным образованиям, каждое из которых включало по две родовые (или фратриальные) группы носителей, которые имели специфические особенности в традициях декорирования глиняной посуды (Tsetlin, 2012). Изучение распределения сосудов ташковской культуры Зауралья (поселения Ташково-2 и ЮАО-13) по жилищам с учетом способов нанесения орнамента, позволило В.А. Заху сделать вывод, что смешение двух орнаментальных традиций (отступающе-прочерченной и гребенчато-ямочной) и преобладание в постройках посуды, декорированной в одной из двух традиций, позволяют предполагать дуально-экзогамную организацию ташковского общества в эпоху ранней бронзы (Зах, 2009. С. 240–241).

В.С. Мосин полагает, что на археологических материалах Урало-Сибирского реги-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

она IV–III тыс. до н.э. сосуществование нескольких родовых традиций прослеживается по находкам в одном жилище, на одной стоянке, в жилищах одного поселения керамики с различными системами орнаментации («типы керамики»). Под родовыми традициями исследователь подразумевает различные техники орнаментации: гребенчатую, отступающе-накольчатую (ложношнуровую), гребенчато-ямочную, накольчатую (с насечками), а определенные их сочетания присущи нескольким «сообщинностям», которые автор выделяет в Урало-Западносибирском регионе (Мосин, 2007. С. 14–15).

Каждая из археологических культур имеет в своем арсенале разное количество способов нанесения орнамента, выраженных в предпочтениях определенным видам орнаментов. Например, орудием с гладкой поверхностью или орудием, имеющим рабочую поверхность в виде гребенки, наносился орнамент способом штампования; «палочкой» – способом протаскивания или накальвания, либо и тем, и другим одновременно (отступающе-накольчатая техника) (Глушков, 1996. С. 65–67). В культурах лесостепи – южно-таежной части Зауралья и Западной Сибири в определенные хронологические периоды встречаются различные комбинации технических приемов нанесения орнамента. В одних случаях декор нанесен с помощью одного вида орнамента, в других – ведущих орнаментов и приемов декорирования может быть два-три.

Встречаются случаи явного смешения двух культурных типов, когда различаются не только приемы нанесения орнамента, но и формы сосудов и орнаментальные мотивы и композиции. В таких случаях исследователи предполагают взаимодействие между разнокультурными коллективами, в том числе и на брачном уровне, и ищут аналогии в этнографических материалах. Для Западной Сибири наиболее логичным становится сравнение с обско-угорскими и самодийскими традициями общественного устройства: общеизвестно обско-угорское дуально-фратриальное деление – фратрии Пор и Мось (Соколова, 1983). Выше был приведен пример ташковской культуры Зауралья в эпоху ранней бронзы. На рубеже бронзового и железного веков в декоре посуды гамаюнской культуры сочетаются ис-

пользование крестового штампа и волнисто-прокатанного (Борзунов, 1992). Другое проявление мы видим на примере раннего этапа красноозерской культуры Прииртышья, которую отличает выраженная двухкомпонентность – сочетание посуды местного (сузгунского) и пришлого атлымского (?) населения (Труфанов, 1990), однако в декоре присутствуют гладкий, гребенчатый и крестовый штампы и обязательный компонент – ямки, в том числе и по тулову, как атрибут гребенчато-ямочной традиции. При этом гладкий и гребенчатый штампы в сочетании с ямками – отражение местной традиции, а крестовый и гребенчатый штампы в сочетании с ямками – пришлой (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995).

В связи с двухкомпонентностью комплексов привлекательной выглядит идея, высказанная в свое время В.Н. Чернецовым, о локализации родов одной фратрии в рамках одной реки, ее части и т.п. (Чернецов, 1953. С. 61–62). Проверка подобного утверждения на данных баитовской культуры Зауралья, материалы которой отражают начало раннего железного века на этой территории, как будто бы подтверждает возможность подобного локального расселения. В результате статистического анализа памятники сгруппировались в два кластера, демонстрируя локализацию по двум рекам – Исети и Тоболу. Сравнение признаков, по которым различаются выделенные группы, показало, что в орнаментации посуды исетских поселений преобладает «жемчужный» декор, гладкий и уголковый штампы над показателями тобольской группы памятников, в которой гребенчатый штамп использовался чаще. Ямочный узор одинаково представлен в декоре керамики обеих групп.

В то же время есть определенные культуры/комплексы, орнаментация которых не показывает явного деления на две группы. В раннем железном веке в Зауралье для кашинской керамической традиции характерно использование оттисков гребенчатого (35%) и гладкого (14%) штампов и шнура (38%) (Чикунова, 2008). Сложнее определить вероятный состав поселений условных «родов/фратрий», когда культура демонстрирует единство орнаментации – ее гончары отдавали предпочтение одному орнаменту или

одной технике нанесения орнамента. Так, «с формированием и ранними этапами неолита в Западной Сибири связана в основном отступающе-прочерченная орнаментальная традиция, представленная боборыкинской культурой» (Зах, 2009. С. 149). При этом ранний (боборыкинский) этап характеризуется узорами, выполненными в прочерченной манере, а поздний (кошкинский) – в отступающей (Зах, 2009. С. 150–172). В финале неолита в сосновостровских комплексах Зауралья до 90% составляет посуда, украшенная гребенчатым штампом, а на рубеже неолита – раннего металла ее количество составляет практически до 100% в шапкульских и екатерининских комплексах (Зах, Исаев, 2010. С. 14). Сходное единство орнаментации можно отметить для финальной стадии бронзового века Зауралья и Западной Сибири, когда в комплексах ирменской и бархатовской культур доминирует резная/гладко-штапованная орнаментация (более 90%) (Матвеев, 1993. С. 115; Матвеев, Аношко, 2009. С. 274). На рубеже бронзового и железного веков в комплексах иткульской культуры Зауралья при украшении посуды гончары применяли гребенчатый штамп примерно в 90% случаев (Зими́на, Зах, 2009).

Таким образом, в археологических комплексах не всегда прослеживается только две орнаментальные традиции, зачастую на памятниках в различных сочетаниях и пропорциях фиксируются гребенчатая, прочерченная, отступающе-накольчатая, гребенчато-ямочная, фигурно-штапованная традиции и прочие приемы и способы украшения посуды. Это может служить указанием на более сложное устройство, чем просто две экзогамные половины в рамках дуально-фратриальной организации, являться признаком существования не только дуальных, но и ассиметричных форм экзогамии. В то же время тот факт, что в некоторых культурах наблюдается доминирование одного технического приема орнаментации, заставляет искать иные признаки, которые могли бы указывать на дифференциацию групп внутри исследуемых обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 188 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 4–14.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 181 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. Тюмень: Тюмен. дом печати, 2009. 416 с.

Мосин В.С. Социально-адаптационная система Урало-Сибирской лесостепи в конце каменного века // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 7–19.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). М.: ПАИМС, 1995. 157 с.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: КемГУ, 1990. 15 с.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–71.

Чикунова И.Ю. Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 72–80.

Tsetlin Yu.B. Gentes groups in the structure of Neolithic cultures of the Central Russian Plain // Documenta Praehistorica. 2012. XXXIX. P. 53–66.

ВКЛАД КАЗАНСКИХ УЧЕНЫХ XIX ВЕКА В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ МАРИЙСКОГО КРАЯ

© 2014 г. А.И. Иванов

*Информационно-туристский центр «Царевококшайский Кремль», Йошкар-Ола
(kremlin.mari@mail.ru)*

Ключевые слова: археология Марийского края, археологический съезд, Общество истории, археологии, этнографии Казанского университета.

Резюме. Фундамент будущей археологической науки в Марийском крае был заложен в конце XIX в. казанскими учеными. Сложившиеся в Казани в то время археологические традиции имели значительное влияние на формирование марийской археологии, с момента ее возникновения и по настоящее время тесно связанной с казанской археологической школой.

Начало изучению археологических памятников Марийского края было положено в последней четверти XIX в. сбором археологических коллекций, материалов об археологических памятниках и раскопками некоторых из них первоначально любителями-коллекционерами древностей, а также местными государственными научными учреждениями – Губернскими статистическими комитетами (в Казани и Вятке). В эти годы начинают проводиться первые полевые исследования, появляются первые работы по местной археологии, правда, редко выходящие за пределы описания найденного материала.

Одним из первых исследователей, побывавших в Марийском крае, был сотрудник Казанского университета Е.В. Стоянов, посетивший в 1870–1871 гг. с «антропологической экскурсией» Царевококшайск и территорию современного Горномарийского р-на Марий Эл. В ходе своей поездки Е.В. Стоянов раскопал несколько курганов близ д. Носелы в правобережье Волги, открыв и исследовав марийские могильники XVI–XVII вв. – Ивановгорский и Мало-Сундырский, а также три кургана около д. Туруново под Царевококшайском (ныне пригород г. Йошкар-Олы) (Стоянов, 1872). Коллекция, собранная исследователем, включала в себя металлические топоры, ножи, стрелы, украшения, монеты времен Ивана Грозного и Бориса Годунова,

и была представлена Е.В. Стояновым на Антропологической выставке 1879 г. в Москве.

Важной вехой для археологии Среднего Поволжья стал IV Археологический съезд, состоявшийся в Казани в 1877 г. Казань не случайно была выбрана местом его проведения – в конце XIX в. она была одним из крупнейших научных центров России, «духовным центром Востока», по выражению А.В. Шмидта (1928. С. 166). Съезд дал толчок развитию археологии в Среднем Поволжье. «Съезды возбуждают и развивают в тех краях, где они ... открываются, вкус к археологической науке среди образованных классов общества, будят мысль, поощряют к новым открытиям...», – писал о IV съезде протоиерей Платон Заринский, исследователь, один из активных членов Общества археологии, истории и этнографии (Заринский, 1880. С. 3–4). В 1880-е гг. наблюдается рост интереса к местным древностям в Казанской и Вятской губерниях. «Бывший в Казани IV археологический съезд возбудил живой интерес к изучению различных памятников древности и особенно к розысканию следов древних поселений не только в Поволжье и Прикамье собственно, но и далеко за пределами их», – отмечал в своей статье П.И. Кротов (1892. С. 375). В это время проводятся первые раскопки, быстрыми темпами развивается исследовательская работа, намечаются основы научного изучения археологических памят-

ников Поволжья. По материалам съезда был выпущен сборник «Труды IV археологического съезда» – «подготовительная работа для будущих исследований». Подробный отчет о работе съезда был опубликован французским проф. А. Рамбо из университета Нанси в парижском научном журнале *Revue Scientifique*.

Именно под влиянием съезда частными лицами начинают собираться коллекции древностей. Таковы, например, коллекция проф. Казанского университета Н.Ф. Высоцкого и коллекция купца В.И. Заусайлова. Часть коллекции Заусайлова была опубликована в 1884 г. в виде альбома «Древние каменные орудия, собранные в Казанской губернии». В 1909 г. коллекция была приобретена Гельсингфоргским музеем и увезена в Финляндию, где позднее, в 1916–1918 гг., часть ее была опубликована финским ученым А. Тальгреном в двухтомном альбоме «Collection Zaousailov». В числе прочих в нем были опубликованы и бронзовые предметы с территории Марий Эл – кельт из д. Буяново, вислобушный топор из д. Березьянка, наконечник копья и др.

Видную роль в дореволюционном исследовании археологических памятников и развитии археологической науки в Среднем Поволжье сыграло Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, образованное в 1878 г. для «целей изучения местного края в археологическом, историческом и этнографическом отношениях». Уже в течение первого года существования оно активно включилось в работу по изучению истории края. При нем начали функционировать библиотека, архив рукописей и актов, нумизматическая коллекция, а также археолого-этнографический музей. С 1879 г. Общество выпускает свое периодическое издание – «Известия Общества археологии, истории и этнографии», в котором публикуются материалы археологических раскопок и разведок, статьи по археологии, истории, этнографии Среднего Поволжья и Приуралья. Основные исследователи-археологи дореволюционной поры Казанской и Вятской губерний являлись членами Общества.

В конце 70-х гг. XIX в. в преддверии IV Археологического съезда в Казани были выпущены несколько работ, касающихся архе-

ологических памятников губернии. В 1877 г. Казанским статистическим комитетом была издана брошюра «Древности Казанской губернии», в которой была опубликована статья директора народных училищ Илиодора Александровича Износкова, археолога-любителя, содержащая сведения о древних памятниках губернии. В их числе автор упоминает и памятники Марийского края – курган около с. Цибикнур и курган близ с. Троицкий Посад (Износков, 1877. С. 65). В это же время в свет выходит работа Сергея Михайловича Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии», впоследствии награжденная Большой золотой медалью – высшей наградой Императорского археологического общества, а также Уваровской премией Академии наук. Автор монографии наряду с непосредственно болгаро-татарскими памятниками дает общую информацию обо всех древних памятниках Казанской губернии, известных на то время, об их местоположении, описание «древних укреплений, кладбищ, курганов (могильных насыпей) и мест находок древних вещей и монет с обозрением этих последних», приводит известные народные предания о происхождении памятников. Среди древних памятников Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов С.М. Шпилевский упоминает курганы у д. Туруново, курган близ с. Цибикнур, «укрепления на горе при с. Малый Сундырь», курганы близ с. Малый Сундырь, курганы около г. Козьмодемьянск, с. Троицкий Посад, близ д. Карманер, курган около с. Акрамово и некоторые другие памятники в правобережье Волги. Ценность данной работы заключается в том, что в ней впервые обобщены все имеющиеся сведения об археологических памятниках Марийского края. Позже работа по сбору сведений о древних памятниках Казанской губернии была продолжена И.А. Износковым в статье о «городах, курганах и древних жилищах», где он описывает и памятники правобережья Волги в пределах бывшего Козьмодемьянского уезда – два сторожевых кургана у с. Пайгусово, курганы близ с. Малый Сундырь и некоторые другие (Износков, 1879).

Большую роль в дореволюционных исследованиях древностей Вятской и Казанской губерний сыграл крупный русский ар-

хеолог Александр Андреевич Спицын, член казанского Общества истории, археологии и этнографии. В конце 1880-х гг. он совершил исследовательскую поездку по южным и юго-западным районам Вятской губернии, собирая сведения о памятниках и древних предметах. Результатом его изысканий стали брошюра, опубликованная к VII Археологическому съезду (Спицын, 1889) и монография «Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятского края» (Спицын, 1893). В своих исследованиях А.А. Спицын коснулся и памятников Марийского края, частично входившего в Вятскую губернию. Так, в его работах описываются такие памятники как Мало-Кугунурские курганы, Ернурское, Кармановское, Кузнецовское городища (Спицын, 1893. С. 34, 153–157). Им же опубликованы материалы стоянки у д. Оришуть (Спицын, 1889. С. 2–3, 20–21), описаны отдельные находки каменных и бронзовых орудий из деревень Салтан, Верка, Казаковка, Сычи, бронзового кельта из д. Акасур (Спицын, 1889. С. 21, 35). В дальнейшем археолог продолжил свои исследования, результатом чего явились публикации материалов памятников Среднего Поволжья (Спицын, 1901, 1905).

Видную роль в археологических исследованиях Марийского края сыграл казанский геолог, профессор Казанского университета Петр Иванович Кротов, обследовавший в конце XIX в. Яранский уезд Вятской губернии. Исследователь описал некоторые памятники правобережья р. М. Кокшага – курганы около с. Ернур, Ернурское городище, а также Нижнеботское и Жеребцовское городища в современной Кировской обл., опубликовав и собранную им коллекцию каменных орудий. Вместе с описаниями памятников П.И. Кротов упоминает также и местонахождения древних предметов – находки из деревень Ронга, Мари-Ернур, Русские Руи. Изучая находки каменных орудий с территории Яранского уезда, ученый пришел к выводу, что в данной местности каменные орудия принадлежат к эпохе финских городищ, обитатели которых употребляли их наряду с бронзовыми и железными (Кротов, 1892). В 1904–1905 гг. П.И. Кротов проводил археологические изыскания в левобережье Волги в устье р. Б. Кокшага, близ с. Кокшайск, где

им была открыта и частично раскопана Кокшайская стоянка (ныне носит название «Кокшайская Барская Гора стоянка»). Материалы Кокшайской стоянки были опубликованы им в 1905 г. (Кротов, 1905).

Весомый вклад в археологическое изучение Казанской губернии внес проф. Казанского университета Александр Антонович Штукенберг. В своей работе «Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России» А.А. Штукенберг дал характеристику и разработал типологию кельтов, серпов, топоров, наконечников копий и других бронзовых орудий из казанских собраний, в том числе им были опубликованы и два кельта с исследуемой территории – из д. Княжна (совр. д. Данилово в пригороде г. Йошкар-Ола) и с. Коротни (Штукенберг, 1901б. С. 181, 183. Табл. III, 16; IV, 1). В «Материалах для археологии Казанской губернии» исследователь отметил находки каменных орудий и костей «около села Старо-Кокшайского», предположив там существование древнего поселения (Штукенберг, 1901а. С. 67).

Заканчивая обзор дореволюционных исследований, можно отметить, что они не носили систематического и планомерного характера, ограничивались, в основном, составлением коллекций, сбором отдельных находок и сведений об археологических памятниках. Научная обработка собранного археологического материала сводилась, главным образом, к публикации материалов и описанию предметов. Археологическая наука на данном этапе больше занималась накоплением и коллекционированием материала. Однако, несомненно, в эти годы был заложен фундамент будущей археологической науки в Марийском крае, и важную роль в этом сыграли казанские ученые, по выражению А.В. Шмидта «пионеры, двинувшие дело археологического изучения северо-востока Европейской России» (Шмидт, 1928. С. 167). Сложившиеся в Казани в конце XIX в. археологические традиции благотворно повлияли на формировании марийской археологии, со времени ее возникновения и по настоящее время тесно связанной с казанской археологической школой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заринский П.Е. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч. 1. Вып. 1. Казань: Тип. Губ. правления, 1880. 75 с.

Износков И.А. Дополнительные сведения, предоставленные И.А. Износковым // Древности Казанской губернии: С двумя археологическими картами / Сост. Е.Т. Соловьев. Казань: Губ. тип., 1877. С. 65.

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // Известия ОАИЭ. 1879. Т. II. С. 103–104.

Кротов П.И. Древние поселения Яранского уезда // Известия ОАИЭ. 1892. Т. X. Вып. 4. С. 375–391.

Кротов П.И. О новых поселениях каменного века в Казанской губернии // Известия ОАИЭ. 1905. Т. XXI. Вып. 3. С. 259–262.

Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка: Губ. тип., 1889. 38 с.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятского края / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 191 с. (Материалы по археологии восточных губерний России; Вып. 1).

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1. СПб: Тип. Товарищества Художественной печати, 1901. 119 с. (МАР; № 25).

Спицын А.А. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. 1905. С. 73–82.

Стоянов А.Н. Предварительный отчет об антропологической экскурсии летом 1871 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Третий (1871–72) год / Под. ред. секретаря Общества М. Богданова. Казань: Лито- и типография К.А. Тилли, 1872. С. 23–25.

Шмидт А.В. Археологическое изучение древностей севера СССР // Финноугорский сб. / Ред.: С.Ф. Ольденбург, А.И. Андреев. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 135–242. (Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран; Вып. 15).

Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Унив. тип., 1877. 585 с.

Штукенберг А.А. Материалы для археологии Казанской губернии // Известия ОАИЭ. 1901а. Т. XVII. Вып. 1. С. 66–67.

Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // Известия ОАИЭ. 1901б. Т. XVII. Вып. 4. С. 165–213.

ИМЕЮТ ЛИ СМЫСЛ БЕСКОНЕЧНЫЕ СПОРЫ О ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХЕОЛОГИИ В ЭТНИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ¹

© 2014 г. В.А. Иванов

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
(ivanov-sanych@rambler.ru)*

Ключевые слова: этноисторические реконструкции, этничность, анализ, статистика, база данных.

Резюме. Автор заостряет внимание на бесперспективности и нецелесообразности споров о возможностях археологии в области изучения этнической истории. По его мнению, эти споры приводят к противоречию в понимании целей и задач археологии как науки между самими археологами и обществом.

По-видимому, сколько лет существует археология как отрасль исторической науки, столько же лет ведутся споры о том, насколько археологи имеют право, инструментарий и возможности заниматься реконструкциями этнической истории того или иного региона. Историография данной проблемы настолько обширна, что ограниченные рамки тезисов физически не позволяют рассматривать ее в полном объеме. Поэтому я ограничусь примером из собственной жизни: без малого четверть века тому назад на защите докторской диссертации автора этих строк в декабре 1990 г. в Институте археологии АН СССР один из оппонентов – проф. Л.Р. Кызласов – выступил с критикой именно этноисторических построений данной диссертации. В качестве одного из доводов Леонид Романович привел высказывание А.Л. Монгайта, сделанное тридцатью годами ранее, о том, что археология не может заниматься этнической историей. Если обратиться к современным публикациям на эту тему, становится ясно, что за последние 50 лет ситуация практически не изменилась: и сторонники, и оппоненты потенциальных возможностей этноисторических реконструкций в археологии стоят примерно на сходных методико-методологических позициях: первые считают, что «можно»; вторые – «нет, нельзя». Причем, ни те, ни другие не приводят весомых доводов, подкрепляющих их позицию.

Вместе с тем совершенно очевидно, что общество, так или иначе содержащее «на свой кошт» гуманитарные науки (что такое всевозможные гранты РГНФ, РФФИ, Федеральные целевые программы (ФЦП), как не бюджетные деньги?), с одной стороны, совершенно индифферентно относится к нашим спорам на тему что такое этнос и как он может быть уловлен в археологическом материале, с другой – ожидает от нас (и в праве это делать) изложения истории своих предков в как можно более научном, вызывающем доверие виде.

Характерно, что объективно археологическое сообщество, к каковому мы все имеем честь принадлежать, принимает эти ожидания и старается их удовлетворить. Наглядный тому пример – вышедшие в первое десятилетие текущего столетия обобщающие труды по этнокультурной истории народов Урало-Поволжья, написанные преимущественно археологами и на археологическом материале. Из знакомства с этими трудами складывается устойчивое впечатление, что, по крайней мере, начиная с эпохи раннего средневековья, генетическая связь археологических культур региона с тем или иным этносом, в понимании исследователей, сомнения не вызывает. Пример: археологические памятники IX–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья определенно трактуются как древнемарийские (Никитин, Никитина, 2004. С. 53); памятники Камско-Вятско-Бельского бассейна

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания на проведение НИР Минобрнауки РФ (2014–2016 гг.), проект № 2936.

III–IX вв. (еманаевская, поломская, мазунинская культуры) столь же определенно связываются с древними удмуртами (История Удмуртии..., 2007. С. 185–247); во втором томе «Истории башкирского народа» вообще все археологические культуры, известные на территории Башкирского Приуралья с середины I тыс. н.э., интерпретируются как башкирские (История башкирского народа, 2012. С. 123–168). В восприятии исследователей археологические культуры (по крайней мере, начиная с эпохи средневековья) *a priori* ассоциируются с носителями того или иного этноса на соответствующем этапе его генезиса. Следовательно, за археологическим материалом – опять-таки *a priori* – признается право на некую этничность.

Отсюда (в который уже раз!) встает извечный вопрос, порождающий бесконечные и, как показывает история археологической науки, бесплодные споры о том, может ли археолог заниматься этнической историей – это вопрос о тех морфологических признаках археологической культуры, которые выражают или отражают ее этничность. Сколько ни было «сломано копий» на сей счет, но керамика со всем комплексом своей морфологии и погребальный обряд (рассматриваемый через комплекс его признаков) были и остаются в этом плане незыблемыми. Так в чем же проблема?

Их несколько, и главная среди них – упорное отставание методов описания и анализа археологических материалов, используемых большинством современных археологов, от динамики прироста этих материалов. Статистические характеристики и компьютерное моделирование археологических культур присутствуют только на страницах авторефератов (как в свое время – ссылки на формационную теорию Маркса и Энгельса). В комплексных характеристиках археологических культур до сих пор преобладают такие номинации, как «большинство», «иногда», «часто/редко» и т.п., полностью исключающие возможность объективного восприятия и оценки «веса» того или иного признака в морфологии археологической культуры. Примеры статистической корреляции признаков вообще единичны.

Параллелизм существования естественно-научных методов в археологии и археологии в широком смысле – это вообще «притча во языцех». У автора этих строк сложилось устойчивое впечатление о том, что к концу XX столетия в отечественной археологии оформилась своеобразная «каста естественно-научников», носителей неких «тайных знаний», которыми они хотя и делятся иногда с коллегами, но очень выборочно и отнюдь не щедро.

Но что характерно – даже к тем результатам естественно-научных изысканий в археологии, которые одновременно и очень важны для адекватного понимания и реконструкции этноисторических процессов, и вполне доступны (результаты исследований лаборатории археологического почвоведения, созданная профессором В.А. Демкиным в Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН на археологических памятниках степей Восточной Европы) (Борисов, Демкина, Демкин, 2006; Якимов, Демкин, Алексеев, 2007; Демкин и др., 2009, 2010) большинство коллег обнаруживают абсолютную индифферентность. Прямо по А.С. Пушкину: «Мы ленивы и нелюбопытны».

Плоды подобного «нелюбопытства», помноженные на отсутствие желания осваивать и навыка применять современные методы анализа археологического материала, в современной *фундаментальной археологии* Башкортостана очевидны (я специально ввел это понятие – фундаментальная археология – вкладывая в него аналитические и теоретические разработки, в отличие от прикладной археологии, направленной на выявление, учет и сохранение археологических объектов: последняя находится в сфере внимания Археологического общества РБ и Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимого культурного наследия при Министерстве культуры РБ, что явствует из докладов Н.С. Савельева и И.И. Бахшиева, опубликованных на официальном сайте АО РБ): во-первых, это отсутствие какой-то общей концепции древней и средневековой истории Южного Урала, наглядно продемонстрированное в первом и втором томах многотомной «Истории башкирского народа»; во-вторых,

появление откровенных археолого-фольклористических спекуляций на тему генетического родства сюжетов и образов башкирского эпоса с археологическими артефактами, относящимися к эпохам, для которых само понятие этничности неприемлемо по определению (Котов, 2012); в-третьих, издание учебников по археологии, непонятно для кого, а главное – очень небрежно и не квалифицированно написанных (Обыденнов, 2013а, б); в-четвертых, отсутствие какой-либо целенаправленной исследовательской работы, которая имитируется совершенно бесполезным и безрезультатным (для уральской археологии) «археологическим туризмом».

Необходимо сделать:

- обработать с применением современных методик накопленный за многие годы полевых исследований коллекционный материал из раскопок многочисленных памятников;
- ввести его в электронные базы данных для последующей статистической обработки;
- опубликовать результаты исследований (в том числе и в первую очередь, многолетних работ) археологических объектов в виде монографических трудов с полной статистикой и полным воспроизведением материалов (решение проблемы частичных утрат);
- сформировать (наконец) единую научную концепцию и разработать многолетнюю научную программу изучения археологических источников Южного Урала и сопредельных территорий (в кооперации с исследователями соседями).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.В. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы. IV–II тысячелетия до н.э. М.: Наука, 2006. 209 с.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье. Пущино: SYNCHROBOOK, 2010. 120 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Демкина Е.В., Журавлев А.Н. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I–IV вв. н.э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009. 96 с.

История башкирского народа. В 7 тт. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. 414 с.

История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. Ижевск: УдМНИИ-ЯЛ УрО РАН, 2007. 300 с.

Котов В.Г. Фольклор и археология: источники по древней истории предков башкир // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.): [прил. к «История башкирского народа: в 7 тт.»] / Ред.: Ф.Г. Хисаметдинова, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 7–40.

Никитин В.А., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ им. В.М. Васильева, 2004. 150 с.

Обыденнов М.Ф. Педагогическая археология: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013а. 336 с.

Обыденнов М.Ф. Учебная археологическая практика: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013б. 220 с.

Якимов А.С., Демкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИА-Природа, Фонд «Инфосфера», 2007. 228 с.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© 2014 г. Л.Ю. Китова

*Кемеровский государственный университет, Кемерово
(lyudmila.kitova@mail.ru)*

Ключевые слова: археологическое образование, специалитет, бакалавриат, магистратура.

Резюме. Традиционное обучение студентов-археологов через специалитет в Кемеровском университете осуществлялась в течение 40 лет. Кафедра археологии КемГУ накопила богатый опыт теоретической и практической подготовки квалифицированных специалистов, осуществляемой с третьего по пятый курсы. Тем не менее уже на первых двух курсах студенты могли сделать свой выбор в пользу археологии. Современное двухуровневое (бакалавриат, магистратура) образование нарушило преемственность в обучении между бакалавриатом и магистратурой. Сократилась полевая археологическая практика студентов. При двухгодичной подготовке в магистратуре студенты не успевают полноценно приобрести практические навыки в исследовании археологических объектов и артефактов. И пока мы можем констатировать, что двухуровневое образование нанесло удар по глубокой подготовке археологов.

Вопрос преподавания археологии в российских университетах неоднократно обсуждался на археологических съездах в XIX в. (Тихонов, 2003. С. 32–33, 65). Сегодня с переходом на двухуровневое образование его снова необходимо поднимать на подобном форуме.

Кафедра археологии КемГУ обладает значительным опытом подготовки студентов-археологов. Она была создана в 1975 г. и стала третьей в Российской Федерации после кафедр археологии МГУ и ЛГУ. Образование специализированной кафедры имело объективные предпосылки. В молодом Кемеровском университете, организованном в 1974 г. на базе пединститута, работал сплоченный коллектив археологов, возглавляемый А.И. Мартыновым. С 1956 г. велись ежегодные археологические исследования на территории Южной Сибири, с 1965 г. в вузе действовала археологическая лаборатория, с 1967 г. стали выпускаться периодические сборники статей, был подготовлен и издан учебник по археологии (Мартынов, 1973).

В огромном сибирском регионе ощущался острый недостаток профессиональных археологов. Так, при массовом хозяйственном освоении территорий не велся учет археоло-

гических памятников и их охрана, в краеведческих музеях отсутствовали специалисты. Создание кафедры и открытие специализации «археология» позволяло решать эти проблемы. Подготовка студентов-археологов осуществлялась в течение трех лет, с третьего по пятый годы обучения.

Преподаватели кафедры разработали авторские курсы, дающие знания студентам по археологии Сибири и сопредельных территорий в широком временном диапазоне: от эпохи камня до позднего средневековья, а также по истории археологии Сибири, первобытному искусству, музееведению и охране памятников истории и культуры, методике научного археологического исследования. Общая сумма аудиторных часов (лекции и практические занятия) студентов специализации «археология» составляла 472 часа. Летнее время студенты проводили в экспедициях, стараясь получить как можно больше практических навыков исследования разных типов археологических памятников. Студенты в экспедициях собирали материалы для курсовых и дипломных работ.

Пятилетнее обучение студентов специалитета предполагало постепенное и более глубокое вхождение в археологию еще на первых

двух курсах, что сегодня не предусмотрено в бакалавриате. У студентов было право выбора направления научной деятельности уже на первом курсе. Первокурсники сообразно своим интересам и желаниям прикреплялись к кафедрам и выбирали темы курсовых работ. Согласно учебному плану подготовки специалиста первый год обучения заканчивался археологической практикой, которая часто определяла научные пристрастия студентов. В КемГУ студенты второго курса эти научные пристрастия могли закрепить. Им разрешалось сделать свой выбор в пользу археологии и на втором курсе. Они могли разрабатывать заинтересовавшую их археологическую тему в виде курсовой работы.

На третьем и четвертом курсах студенты специализации писали курсовые работы, на пятом курсе одним из условий итоговой аттестации выпускников были написание и защита дипломной работы по дисциплинам специализации. Часто тема дипломной работы выбиралась студентами на третьем курсе (кто-то мог определиться уже на первом курсе). Отдельные разделы (главы) этой темы могли выступать темами курсовых работ. Таким образом, студент в течение трех лет, а иногда четырех–пяти лет серьезно разрабатывал тему научного исследования, апробировал ее, выступая с докладами на студенческих научных конференциях.

В девятом семестре каждый обучающийся проходил преддипломную практику в течение пяти недель. Практикант работал с археологическими источниками в лабораториях или археологическом музее КемГУ. При необходимости каждый студент имел возможность выехать в центральные библиотеки и музеи, поработать с недоступной в Кемерово литературой или археологическими коллекциями. Все остальные часы в десятом семестре были посвящены самостоятельной разработке темы исследования и написанию дипломной работы.

В 1990-е гг. университеты России получили возможность самостоятельно за счет регионального компонента корректировать учебные планы подготовки специалистов. Кафедра археологии, имея высокий научный потенциал – четыре доктора и шесть кандидатов наук – стала проводить более углубленную

подготовку по археологии студентов первого курса (увеличение до 70 час. лекций и введение 36 час. лабораторных занятий). Также стало возможным совершенствовать и более гибко менять набор дисциплин специализации «археология». В 1990-е гг. было увеличено общее количество часов при изучении предметов специализации до 878 час., из них аудиторные занятия составляли 544 час. Были введены новые дисциплины «Основные проблемы современной антропологии», «Технологии древнейших производств», «Методика полевых археологических исследований» и др.

В 2000-е гг. решением кафедры археологии было проведено некоторое перераспределение часов с целью введения новых дисциплин: «Междисциплинарные исследования в археологии», «Проблемы археологии зарубежной Азии», «Практика археологических экспозиций» и др.

В целом, подготовка через специалитет была очень продуманной, логичной и многообразной. Она давала студентам знания по всем хронологическим периодам археологии, знакомила студентов с основными проблемами археологии Сибири, ведущими достижениями в области отечественной и мировой археологии. Студенты овладевали не только навыками теоретических изысканий, но и методикой полевых археологических исследований.

С началом модернизации системы высшего профессионального образования в России кафедра археологии КемГУ осуществила в 2010 г. первый набор студентов магистратуры по ГОС второго поколения. Преподаватели, используя накопленный потенциал, обновили материалы по уже разработанным базовым дисциплинам и представили новые. В соответствии с новыми требованиями увеличения самостоятельной работы студентов был уменьшен объем лекций (326 час.) при магистерской подготовке и увеличено количество практических занятий (632 час.).

С 2011 г. КемГУ перешел на подготовку студентов по федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения (ФГОС) Согласно новым учебным планам, в бакалавриате на первом году обучения сохранена четвертая часть лекций по археоло-

гии (18 час.) от того количества, которое кафедра имела на специалитете. Археологическая практика также сокращена до трех недель. В бакалавриате все курсовые работы прикреплены к предметам, поэтому студентам нельзя выбирать кафедры и все студенты первого курса пишут курсовые работы по древней истории, второго – по средневековью, третьего – по новой и новейшей истории. Таким образом, кафедре археологии официально нельзя заниматься научно-исследовательской деятельностью со студентами бакалавриата на втором–третьем курсах. Поэтому стало намного сложнее мотивировать у них интерес к археологии, так как студенты не могут далее разрабатывать заинтересовавшие их научные проблемы и использовать археологический материал в качестве источника для своей курсовой работы. Уже можно констатировать, что теряется научное сотрудничество между преподавателем и студентом, и не факт, что студенту удастся без такой «подпитки» пронести интерес к археологии до магистратуры.

По ФГОС третьего поколения количество лекций преподавателей по основным дисциплинам магистратуры по археологии сократилось вдвое по сравнению с ГОС второго поколения и составляет 160 час., и в основном по каждой дисциплине студенты слушают 9 час. лекций. Общий объем практических занятий также сокращен вдвое и насчитывает 330 час. Количество практических занятий по каждой дисциплине варьируется от 18 до 27 час. В отличие от аудиторных занятий на самостоятельную работу студентов выделяется почти в два раза больше часов – 820. Но для того, чтобы эта самостоятельная деятельность об-

учающихся была эффективной, необходимо вернуть в нагрузку преподавателей индивидуальную работу со студентами. Сегодня 900-часовая учебная нагрузка профессорско-преподавательского состава не предполагает этого вида работ.

Студент, пришедший в магистратуру по археологии, имеет два года для того, чтобы превратиться в профессионального археолога. Но за период археологической практики, проводимой в течение трех недель после окончания первого года обучения, невозможно научиться исследовать разные типы памятников древности. На это нужно время, необходимо пройти более длительную полевую подготовку под руководством научного руководителя, как это было в специалитете, приобрести самостоятельный опыт исследования.

В итоге двухуровневой подготовки мы можем получить слабое базовое образование и недостаточную специальную профессиональную подготовку в области археологии. Потеря высокопрофессиональных работников неизбежно будет тормозить развитие археологии в целом и исторического образования в частности, снижая эффективность всей системы высшего профессионального образования и уровень изучения и сохранения культурно-исторического наследия России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мартынов А.И. Археология СССР. М.: Высшая школа, 1973. 295 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2014 г. А.Г. Колонских

*Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева, Уфа
(kontrobazz@mail.ru)*

Ключевые слова: бахмутинская культура, раннее средневековье, Южное Приуралье, Уфимско-Бельское междуречье.

Резюме. Изучение древностей бахмутинской культуры насчитывает более 250 лет. За это время местными краеведами, любителями истории, археологами-профессионалами накоплен огромный объем материала, позволяющий реконструировать четкую картину жизни племен эпохи раннего средневековья. В работе охарактеризована динамика накопления источниковой базы по проблеме изучения бахмутинских древностей региона. Условно выделено четыре этапа в истории изучения бахмутинских памятников.

История изучения бахмутинских древностей Южного Урала насчитывает два с половиной столетия. За столь длительный период исследователями накоплен значительный объем археологического материала, получены данные о жизни и быте бахмутинских племен, построены схемы культурогенетических процессов, протекавших на Южном Урале в эпоху раннего средневековья.

К настоящему времени интерес к «бахмутинской» проблематике несколько ослаб. Единственная обобщающая монография, посвященная бахмутинской культуре, была написана Н.А. Мажитовым (1968). Из последних исследований отметим работу С.М. Васюткина, в которой он рассматривает отдельные аспекты истории бахмутинского населения Башкирского Приуралья (Васюткин, 1994).

Основная цель настоящей работы – проследить динамику археологического изучения памятников бахмутинской культуры на территории Уфимско-Бельского междуречья.

Накопление данных. Первые упоминания о памятниках бахмутинской культуры относятся к XVIII в., они связаны с исследованиями П.И. Рычкова, открывшего и впервые описавшего Кара-Абызское, Бирское (Чертово) городища, городище Чандар (Соколиный Камень) (Рычков, 1999. С. 166). Вслед за П.И. Рычко-

вым Бирское, Кара-Абызское, Сорвихинское и ряд других городищ, были обследованы Р.Г. Игнатьевым и Ф.Д. Нефедовым (Чижевский, 2013. С. 51–52).

В 1898 г. на территории Башкирского Приуралья работал археолог А.А. Спицын, обследовавший Бирское, Дюртюлинское и Костараевское городища (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 6–7).

В начале XX в. археологические исследования в регионе проводили В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдинг, обследовавшие Уфимский могильник на Чертовом городище. В это же время работал местный краевед М.И. Касьянов, впервые обследовавший Чандарское городище, а также Бахмутинский могильник (Гарустович, Минеева, 2003. С. 6–8). В 1921 г. М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым было вскрыто несколько погребений Бахмутинского могильника (Гарустович, 2003. С. 60–61). В 1928 г. была сформирована Башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством А.В. Шмидта (Васюткин, 1994. С. 105). Экспедицией обследовано городище Чандар на р. Уфа, произведены раскопки городища Кара-Абыз и Бахмутинского могильника. Именно А.В. Шмидтом на основе проведенных археологических изысканий была выделена бахмутинская археологическая культура (Шмидт, 1929. С. 16–20).

Таким образом, первый этап изучения памятников бахмутинской культуры, который начался с середины XVIII в. и длился до конца 40-х гг. XX в., является временем первоначального накопления материала. Этап характеризуется введением в научный оборот понятия «бахмутинской археологической культуры».

Основной прорыв в изучении истории и культуры Южного Урала, в представлениях об историческом процессе, этнической принадлежности, связях и взаимоотношениях племен, населявших данную территорию, был сделан в период с начала 50-х до середины 60-х гг. XX в. (Васюткин, 1994. С. 5).

В это время на территории Башкирии начинается работу археологическая экспедиция Уральского государственного университета под руководством К.В. Сальникова (Иванова, 2007. С. 192). В 1950-х гг. активизировал свою деятельность Башкирский республиканский краеведческий музей. (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 8). Крупные полевые исследования памятников бахмутинской культуры на территории Республики Башкортостан проводились с 1956 г. археологическими экспедициями Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, в которых принимал участие, а позже стал их руководителем Н.А. Мажитов (1963. С. 3).

Значительные археологические работы по исследованию памятников бахмутинской культуры были проведены в 50-х гг. XX в. археологическими экспедициями во главе с В.Ф. Генингом. Были исследованы Мазунинский, Сайгатский, Ижевский могильники, городище Чеганда-2, а также открыты более десятка поселений, из них некоторые на территории Республики Башкортостан (Юлдашевское, Турачинское-1, Ново-Медведевское-2, четыре селища) (Генинг, 1961. С. 30–31).

Таким образом, в 1950–1960-е гг. исследователями было открыто 232 объекта, что составляет около 2/3 всех известных на сегодняшний момент бахмутинских памятников.

Интенсивное изучение памятников бахмутинской культуры продолжилось в 1970–1980-х гг. Колоссальный объем работы был проделан башкирскими археологами в про-

цессе работы над «Археологической картой Башкирии», а также обследования зоны затопления Нижнекамского водохранилища (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 10; Памятники археологии Краснокамского района, 1987. С. 3–4). Рассматриваемый этап характеризуется введением в научный оборот более 60 ранее неизвестных памятников бахмутинской культуры.

Последнее десятилетие XX в. оказалось менее плодотворным в связи с социально-политическим и экономическим кризисом и развалом СССР. Для этого периода характерно сворачивание научных исследований, плановых научных тем, масштабных и долгосрочных хозяйственных исследований в зонах строительства крупных промышленных объектов. Несмотря на это, полного прекращения полевых археологических работ не произошло (Свод археологических памятников ..., 2004. С. 4).

Обширные разведочные работы уфимских археологов с целью инвентаризации археологических памятников на территории Республики Башкортостан проводились в 2009–2011 гг. Результатом данных обследований памятников, состоящих на государственной охране, стало выявление новых археологических объектов, уточнение границ памятников, их картографирование и присвоение им GPS-координат (Бахшиева, 2009; Овсянников, 2011; Щербаков, Мухаметдинов, Тамимдарова, 2011; Щербаков, Шутелева, 2011; Григорьев, 2012).

Можно заключить, что данный этап начинается с реабилитации и возобновления стабильных исследований в середине 1990-х гг., а также последующего наращивания объемов археологических исследований в первом десятилетии XXI в.

Таким образом, изучение древностей бахмутинской культуры насчитывает более двух с половиной сотен лет. За это время местными краеведами, любителями истории, археологами-профессионалами накоплен колоссальный объем материала, позволяющий реконструировать четкую картину жизни племен эпохи раннего средневековья.

Общая характеристика памятников. На данный момент известно о 365 археологических памятниках бахмутинской культуры,

находящихся на территории девятнадцати административных районов Республики Башкортостан. Памятники делятся на поселенческие и погребальные (354 поселенческих памятников и 11 погребальных). Поселенческие памятники представлены местонахождениями – 2 (менее 1%), городищами – 82 (23%) и селищами, самым многочисленным видом памятников – 263 объекта (72%). Известно об 11 некрополях, десять из которых грунтовые и лишь могильник Старая Мушта-4 относится к смешанному курганно-грунтовому типу.

Крайне неоднородным оказалось и распределение археологических памятников в пределах рассматриваемой территории. На основе полученных статистических данных группируем административные районы Республики Башкортостан по признаку концентрации археологических памятников: слабая насыщенность (от 1 до 4% памятников из общего количества), умеренная насыщенность (от 4 до 10%) и высокая насыщенность (более 10% памятников от их общего количества).

1. Районы со слабой насыщенностью памятниками: Аскинский – 5, Калтасинский – 9, Илишевский – 5, Караидельский – 5, Кушнаренковский – 13, Мишкинский – 14, Нуримановский – 8, Уфимский – 9. На территории Дуванского, Кармаскалинского и Иглинского районов сегодня известно лишь по одному памятнику бахмутинской культуры.

2. Районы с умеренной насыщенностью памятниками: Балтачевский – 21, Благовещенский – 31, Дюртюлинский – 23, Краснокамский – 27, Татышлинский – 36, Янаульский – 18.

3. Районы с высокой насыщенностью памятниками: Бураевский – 68 и Бирский – 69.

Из всех известных нам археологических памятников бахмутинской культуры, только 44 были подвержены полноценным археологическим раскопкам. Исследование остальных памятников проводилось лишь посредством осмотра изучаемых памятников и их шурфовки.

Таким образом, полученные данные позволили охарактеризовать динамику накопления источниковой базы по проблеме изучения бахмутинских древностей региона. Было условно выделено несколько этапов в истории изучения бахмутинских памятников: I этап

(вторая половина XVIII в. – конец 1940-х гг.) – первичное накопление материала; II этап (1950–1960-е гг.) – научное изучение археологических памятников бахмутинской культуры; III этап (1970–1980-е гг.) – спасательные археологические исследования; IV этап – (1990-е гг. – начало XXI в.) – современный период изучения археологических памятников бахмутинской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Башкирии / Ред.-сост. С.М. Васюткин. М.: Наука, 1976. 263 с.

Бахшиева И.Р. Научный отчет о проведении мониторинга памятников археологии Мишкинского района Республики Башкортостан. Уфа, 2009 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Васюткин С.М. Изучение эпохи раннего средневековья Южного Приуралья. Элиста: Калмыц. гос. ун-т, 1994. 114 с.

Гарустович Г.Н. Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // Уфимский археологический вестник. 2003. № 4. С. 58–63.

Гарустович Г.Н., Минеева И. М. Из истории археологических исследований в Башкортостане // Уфимский археологический вестник. 2003. № 4. С. 6–11.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения Железного века Урала // Вопросы

археологии Урала. Вып. 1: Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1961. С. 23–47.

Григорьев Н. Н. Научный отчет об итогах инвентаризации объектов археологического наследия стоящих на государственной охране в Мишкинском р-не Республики Башкортостан в 2011 году. Уфа, 2012 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Иванова Е.В. Первые научно-исследовательские археологические темы ИИЯЛ БФ АН СССР и результаты их выполнения (1950-е годы) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2007. Вып. 6–7. С. 191–194.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура (население Северной Башкирии в I тысячелетии нашей эры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 16 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 163 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Овсянников В. В. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Бирском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2011 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Памятники археологии Краснокамского района Башкирской АССР: Каталог. Уфа, 1987. 83 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.

Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2004. 184 с.

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного

века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 40–63.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 16–23.

Щербаков Н.Б., Мухаметдинов В.И., Тамимдарова Р.Р. Научный отчет о проведении археологической разведки в Бураевском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2011 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. Научный отчет о проведении археологической разведки в Балтачевском р-не Республики Башкортостан в 2011 году. Уфа, 2011 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

В.А. ГОРОДЦОВ И А.М. ТАЛЬГРЕН: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

© 2014 г. С.В. Кузьминых¹, И.Е. Сафонов²

¹ *Институт археологии РАН, Москва
(kuzminykhsv@yandex.ru)*

² *Воронежский государственный университет, Воронеж
(safonov@hist.vsu.ru)*

Ключевые слова: В.А. Городцов, А.М. Тальгрэн, переписка, Российский (Государственный) Исторический музей, Национальный музей Финляндии, русская археология.

Резюме. Переписка В.А. Городцова и А.М. Тальгрена является важным, не известным ранее источником по истории отечественной археологии 10–30-х гг. XX в. Обмен мнениями и полемика русского и финского ученых сказались положительно в их научных поисках и, прежде всего, в трудах о бронзовом веке Восточной Европы. Письма и некоторые архивные материалы Городцова и Тальгрена позволяют проследить, как развивались их личные отношения, какую эволюцию они прошли, на каком этапе в этих отношениях возникли конфликтные ситуации. Первоначально личные отношения стимулировали научные исследования ученых, но в 1920-е гг. их «подточил» дух соперничества и недоверия. Развивавшийся плодотворно диалог был прерван.

Известно, что личные отношения ученых могут как стимулировать научные исследования и поиски, так и, напротив, привести к конфликтной ситуации. История взаимоотношений двух выдающихся археологов – Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) и Арне Михаэля Тальгрена (1885–1945) в этом плане весьма показательна. Несмотря на то, что археологи непосредственно встречались всего два раза почти за два десятка лет со-

трудничества (1908–1927 гг.), сохранилась их переписка, хранящаяся в Национальной библиотеке Финляндии (личный фонд Тальгрена) и в Отделе письменных источников ГИМ (личный фонд Городцова).

В свое время мы хронологически разделили письма ученых на несколько групп, которые в известной степени соответствовали интенсивности их общения (Кузьминых, Сафонов, 2003). Сложность общения заключа-

лась еще и в том, что если Городцову ни разу не удалось выехать за рубеж, то Тальгрэн неоднократно бывал в России, а затем в СССР (1908, 1909, 1915, 1917, 1924, 1925, 1928 и 1935 гг.).

А.М. Тальгрэн изначально тщательно планировал научную деятельность, решив еще в молодом возрасте посвятить жизнь археологической науке (Kivikoski, 1954. P. 82–88). В период обучения в Гельсингфорсе, а затем в Стокгольме сформировался его интерес к бронзовому веку, особенно на территории Восточной Европы. Он видел свою цель в том, чтобы продолжить археологические разыскания, начатые Й.Р. Аспелином. Для решения поставленной цели Тальгрэн в 1908 г. совершил целую серию научных поездок: в Лондон, Париж, Стокгольм, Копенгаген. В сентябре он впервые отправился в Россию (Kivikoski, 1954. P. 88–90).

В Петербурге, в Археологической комиссии, состоялось знакомство А.М. Тальгрэна с А.А. Спицыным, который дал ему рекомендательное письмо к В.А. Городцову – хранителю археологических памятников Российского Исторического музея (РИМ) (Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 151, 152). В отличие от молодого финского ученого Городцов к тому времени был уже достаточно зрелым исследователем. За плечами была служба в армии и большой опыт полевых исследований в Окском бассейне, на Верхней Волге, в Подонцовье. В музее при содействии Городцова Тальгрэн обработал коллекции, необходимые ему для диссертации. С этого времени между ними и завязывается переписка.

Во многих первых письмах в Гельсингфорс Городцов выражает глубокий интерес к тальгрэновским работам, особенно после выхода в свет диссертации финского археолога (Tallgren, 1911). Русскому ученому была небезынтересна точка зрения коллеги по ряду проблем восточноевропейской археологии бронзового века. После двухлетнего перерыва переписка возобновилась в 1911 г. именно по инициативе Городцова.

Из писем хорошо видно, что несмотря на несходство в оценке некоторых проблем археологии, оба корреспондента не скупаются на похвалу в адрес друг друга, а также тех исследований, которыми они занимались

в то время. К примеру, в письме от ноября 1915 г. Городцов, выразив несогласие со взглядами финского ученого на происхождение фатьяновской культуры, завершает спор, как то и принято в нормальных отношениях между коллегами: «Большое спасибо Вам, дорогой Михаил Маркович, за те импульсы, которые Вы дали в Ваших прекрасных письмах. От всей души желаю Вам полнейших успехов в научных трудах и освещении минувшей жизни наших отдаленных предков».

В апреле или мае 1917 г., в отклике на городцовское предложение о передаче погребения из муромского Подболотьевского могильника в Национальный музей Финляндии, Тальгрэн написал: «Еще раз благодарю Вас и желаю Вам всяких благ. Очень я обрадовался бы, если мог видеть Вас у нас в Гельсингфорсе. Это Вы знаете и без слов». Тем не менее разрыв между ними произошел, и тому были как объективные, так и субъективные причины.

Первая трещина в их отношениях – несходство взглядов по вопросам культурогенеза в эпоху бронзы на территории Евразии. Оно явственно обозначилось при публикации Тальгрэном металлических орудий и оружия бронзового века из коллекции В.И. Заусайлова (Tallgren, 1916), собранной преимущественно в Казанской губернии. Городцов высоко оценил труд финского ученого, но обращают на себя внимание критические строки его письма (декабрь 1916 г.), а именно: «Мы разошлись с Вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на крито-эгейскую культуру ...; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре Как видите, разница принципиальная, требующая примирения в решении основного вопроса о ходе развития главных очагов культурной базы».

Именно принципиальная разница в понимании процессов культурогенеза на евразийском пространстве в эпоху раннего металла стала тем рубежом, и прежде всего для русского ученого, за которым в дальнейшем последовало охлаждение в их отношениях.

Фоном для критики стала работа Городцова о культурах бронзовой эпохи в Средней России (Городцов, 1915). Этот труд русского

ученого – наряду с более ранней «Бытовой археологией» (Городцов, 1910) – в концептуальном плане существенно расходился с трудом Тальгрена.

Но отметим, что в письмах 1917 г. дискуссии отошли на задний план, в них в большей мере проявляется дружеская поддержка ученых в непростое для России и Финляндии время. И Городцов, и Тальгрэн не раз писали друг другу, что связаны единством цели — сделать как можно больше для развития науки.

После Октября 1917 г. переписка надолго прервалась и возобновилась – к радости обоих – только в 1921 г. Тальгрэн интересовали все археологические новости из страны, в которой он уже не был несколько лет. Городцов поделился впечатлениями – отнюдь не радостными – о состоянии музеев и в целом археологического дела в новой России, рассказал о том, что вынес из своей недавней поездки по городам Поволжья и Приуралья.

Однако, несмотря на возобновление переписки, возврата к прежним, дружеским отношениям не произошло. Послереволюционные и 1920-е гг. – совершенно иной период в жизни и деятельности Городцова и Тальгрэна.

В эти годы Тальгрэн впервые попробовал себя в качестве лектора (будучи доцентом Хельсинкского, а затем Тартуского университетов). Но все большее время он посвящал собственным занятиям, среди которых редактирование журнала *Eurasia Septentrionalis Antiqua* (ESA) постепенно выходило на первое место. В 1925 г. на издание ESA был получен государственный грант, и вскоре вышел первый том серии (второй по общей нумерации) – книга Тальгрэна об эпохе бронзы Северного Причерноморья (Tallgren, 1926).

Для Городцова 1920-е гг. стали пиком его организационной и педагогической деятельности (см. подробнее: Кузьминых, Белозерова, 2012).

В июле 1924 г. состоялась первая послереволюционная поездка Тальгрэна в Россию (Tallgren, 1925), во время которой он побывал и в доме Городцовых.

В бумагах Городцова имеется небольшой текст, который был записан ученым по следам встречи с Тальгрэном 27 июля 1924 г. Из него явствует, что между ними состоялся про-

должительный разговор о галичской и других культурах центра и севера Европейской России. Казалось бы, возобновившийся диалог должен был укрепить прерванные отношения. Но в реальности эта встреча послужила незримой причиной дальнейшего охлаждения во взаимоотношениях Городцова и Тальгрэна. В записях российского ученого есть следующий комментарий к длительной беседе со своим финским коллегой: «В заключении мне показалось, что Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях и едва ли верны его мысли, которые уже много лет он развивает» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 83–84об). Более жесткую оценку Городцов дает уже на склоне лет, в 1943 г.: «... следует заметить, что Тальгрэн так плохо знал русские древности и так плохо вел раскопки, что Галичевскую стоянку отнес к древнейшей бронзе, когда она в действительности относится ко времени развитого железа» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 38. Л. 44, 45). Но в то же время ни публично, ни в переписке оба ученых не позволили себе каких-либо неуважительных шагов по отношению друг к другу, как то, к примеру, имело место во взаимоотношениях Городцова с его немецким коллегой Геро фон Мергартом (Детлова, Буровский, Кузьминых, 2014).

Последние письма датируются рубежом 1926–1927 гг. Но в эти годы переписка ведется уже от случая к случаю.

Во второй половине 1920-х гг. Городцов намеренно, как мы полагаем, отошел от исследований в области бронзового века. По всей вероятности, ему было неловко осознавать, что более молодому финскому коллеге удалось подготовить и издать обобщающую работу по эпохе бронзы южной половины Восточной Европы (Tallgren, 1926), в то время как сам он, приложивший немало усилий для изучения данной проблематики, не сумел оперативно подытожить результаты своих многолетних разысканий. К разработке проблем бронзового века ученый активно вернулся уже в 1930-е (Кузьминых, Белозерова, 2011) и в первые военные годы, свидетельством чему – его огромный неоконченный второй том «Археологии», посвященный палеометаллической эпохе (Сафонов, 2002).

Тальгрэн – на глазах Городцова – из подмастерья вырос в мастера, признанного специа-

листа по бронзовому веку Северной Евразии. Высокий научный авторитет финского ученого не только в Европе, но и в СССР, возможно, явился еще одним из раздражителей самолюбия Городцова.

Благодаря ESA работы многих советских археологов в 1920-е и в начале 1930-х гг. стали известны в Европе и в мире. К сожалению, ни Городцов, ни большинство его учеников и сотрудников археологических отделов ГИМ (включая А.В. Арциховского, А.Я. Брюсова, С.В. Киселева, А.П. Смирнова, Д.А. Крайнова, Е.И. Крупнова и др.) не откликнулись на призыв к сотрудничеству. Исключение – А.А. Захаров, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, О.А. Кривцова-Гракова, Л.И. Якунина-Иванова, чьи статьи вышли в ESA. Судя по всему, городцовские ученики не просто догадывались о негативном отношении шефа к персоне редактора ESA. Далеко за пределы Исторического музея вышли в 1926 г. разговоры о том, что Тальгрэн, имея в виду его книгу о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926), «обобрал» Городцова. Во всяком случае именно этими слухами делился с А.А. Захаровым казанский археолог В.Ф. Смолин (ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 5 (II). Л. 695об).

Таким образом, взаимоотношения ученых претерпели эволюцию. Сотрудничество, а, соответственно, и переписка прерываются – и в этом нет сомнения – по инициативе Городцова. Его негативное отношение к финскому археологу сформировалось к середине 1920-х гг. и сохранилось вплоть до последних дней.

Остается сожалеть, что развивавшийся столь плодотворно диалог был прерван. В проигрыше оказались оба ученых. Разрыв отношений, безусловно, не пошел на пользу развития отечественной археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В.* Конфликт В.А. Городцова и Г. Мергарта в контексте истории науки // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 211–227.
- Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М.: Синодальная Тип., 1915. С. 121–226.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 333–334.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПб. филиал Архива РАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн: диалог в переписке // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. Ч. 1 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 6–8.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 145–162.
- Сафонов И.Е.* Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 62–70.
- Kivikoski E.* A.M. Tallgren // *ESA, Supplementary Vol.* 1954. P. 77–121.
- Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft, 1911. IX+229 S.
- Tallgren A.M.* Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors: Edité par la Commission des collections Antell, 1916. 47 p.+XVI pl.
- Tallgren A.M.* Neues über russische Archäologie // *FUF, Anzeiger*. 1925. Bd. XVII. P. 1–40.
- Tallgren A.M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA; T. II).

АРХЕОЛОГИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕВОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ. 125 ЛЕТ ИСТОРИИ

© 2014 г. Н.П. Макаров

*Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск
(mnp@kkkm.ru)*

Ключевые слова: Красноярский музей, археология, история исследований, Средняя Сибирь.

Резюме. В публикации дается краткий обзор археологических исследований в Красноярском краевом краеведческом музее за 125 лет его существования. Обозначены периоды исследований, основные открытия, представлены выработанные сотрудниками музея региональные культурно-хронологические схемы развития древних культур, дано описание наиболее ярких коллекций фонда археологии.

В истории археологических исследований Красноярского музея, основанного в 1889 г., выделяются три основных периода. Дореволюционный период становления археологической науки в Сибири характеризуется накоплением источников и работой археологов-любителей. Таковыми были первые консерваторы музея П.С. Проскураков, А.С. Еленев, М.Е. Киборт, подарившие археологическому отделу свои личные коллекции. Наиболее представительную на тот период коллекцию, из Бирюсинских пещер под Красноярском, А.С. Еленев демонстрировал на выставке Восьмого археологического съезда (1890 г.) и Всемирном конгрессе антропологов и археологов в Москве (1892 г.).

После образования в 1901 г. Красноярского подотдела Русского географического общества Городской музей переходит в его ведение. В этот период коллекции музея активно пополняет А.В. Адрианов. Он изучает наскальные рисунки по Енисею и его притокам, раскапывает афанасьевские, тагарские и средневековые курганы, среди которых и предметы уникальной сохранности из могильника Оглахты (Макаров, 1989а. С. 135–136).

Находясь далеко от ведущих научных центров, сотрудники музея старались поддерживать регулярную переписку с П.С. Уваровой, В.А. Городцовым, А.А. Спицыным и другими видными специалистами, обращая их внимание на угрозу уничтожения археологических памятников Сибири.

В 1913–1914 гг. директор музея А.Я. Тугаринов и А.П. Ермолаев становятся авторами первых раскопок курганов, принадлежавших культурам, которые получили впоследствии названия андроновской и окуневской (Макаров, 2011). В эти же годы музей начинает публиковать отдельными изданиями наиболее представительные коллекции, первой из которых стал уникальный Ишимский клад (Ермолаев, 1914).

Второй период археологических исследований в музее – 1918–1940 гг. В эти годы в Красноярске плодотворно работают первые профессиональные археологи, получившие специальное образование. Это Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский, Г.К. Мергарт, В.Г. Карцов, А.Ф. Катков. Особенностью этого периода является кратковременность деятельности перечисленных исследователей, успевших, тем не менее, сделать значимые археологические открытия.

Исследователи регулярно излагают результаты своих работ на коллегии музея Приенисейского края. В марте 1921 г. подводит итоги своих работ Г. Мергарт, обозначая особенности палеолита и неолита Енисея, а также Андроновского могильника бронзового века. На сентябрьской коллегии музея свою схему развития древних культур Минусинской котловины излагает С.А. Теплоухов, предлагая выделение афанасьевской и андроновской культур, а также культуры гробниц (Протоколы коллегии, 1921).

В изучении каменного века наиболее успешными стали широкомасштабные раскопки на памятниках палеолита Енисея. Первые в Восточной Азии останки палеолитического человека, тысячи выразительных орудий из кости и камня, выводы о существенных различиях сибирского и европейского палеолита характеризовали выдающиеся результаты работ Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского и В.И. Громова в двадцатые годы XX в. (Ларичев, 1969. С. 144–178). При этом на Афонтовой горе не менее выразительными оказались материалы неолитических погребений, раскопанных в 1924 и 1932 гг. А.Ф. Катковым и другими сотрудниками музея (Макаров, 1989б).

В изучении культур железного века и средневековья наиболее успешной в музее оказалась деятельность В.Г. Карцова. Раскопав тагарские курганы, разновременные поселения и городища близ Красноярска и Ачинска исследователь обобщает все накопленные к рубежу тридцатых годов материалы. В итоге им выделена средневековая ладейская культура VII–XIV вв., памятники неометаллической эпохи с орудиями позднеатагарского и таштыкского времени, а также красноярская палеометаллическая культура (Карцов, 1929).

Начиная с 1946 г. выделяется третий период в археологических исследованиях музея, когда раскопками занимаются научные сотрудники, специализирующиеся на археологии. Профессионально археологией занимаются Э.Р. Рыгдылон (1945–1947 гг.), Р.В. Николаев (1955–1963 гг.), Н.В. Нащекин (1963–1972 гг.), Н.И. Дроздов (1973–1975 гг.), по настоящее время – Н.П. Макаров (с 1978 г.), В.И. Привалихин (с 1981 г.), М.С. Баташев (с 1995 г.), С.М. Фокин (с 2001 г.) и М.В. Быкова (2008–2013 гг.).

Послевоенный современный период характеризуется в Красноярском музее исследованием памятников всех эпох. Многослойные стоянки с культурными горизонтами от палеолита до железного века и средневековья в устье р. Бирюса раскапывает Э.Р. Рыгдылон. В конце XX в. аналогичные многослойные памятники в окрестностях Красноярска – Караульный Бык, Усть-Мана, Большая Слизнева, пещера Еленева – исследуются Н.П. Макаровым. На основе выразительных материалов перечисленных и других опорных памятни-

ков создана региональная периодизация эпохи мезолита, неолита и ранней бронзы Красноярской лесостепи. Хронологические рамки мезолита Красноярского района были определены 10,5–7 тыс. л.н., неолита 7–4,5 тыс. л.н. При этом неолит был разбит на три основных периода: ранний – V тыс. до н.э., развитый – IV тыс. до н.э., поздний – рубеж IV–III – середина III тыс. до н.э. Для эпохи бронзы рубежа III–II тыс. до н.э. – II тыс. до н.э. было предложено деление на ранний и поздний периоды (Макаров, 2005).

Значителен вклад сотрудников музея в изучение культур бронзового и раннего железного века. Э.Р. Рыгдылоном, Н.В. Нащекиным и Р.В. Николаевым раскопаны десятки курганов андроновской, карасукской и тагарской культур. Выделен красноярский вариант лесостепной тагарской культуры (Николаев, 1980). Ее характеристику дополнили уникальные Есаульский, Новопятницкий и Косогольский клады. Анализ кладов и других случайных находок позволил сделать вывод о раннем возникновении и распространении изделий в скифо-сибирском зверином стиле не только в степях Минусинской котловины, но и в районах Красноярско-Канской лесостепи (Макаров, 2012).

Особый вклад археологи музея внесли в изучение Нижней Ангары и территории Красноярского Севера. В Северном Приангарье открыты и раскопаны десятки памятников неолита, бронзы, железного века и средневековья. Стоянки Чадобец, Усть-Карабула, о. Сергушкин и другие были раскопаны широкими площадями и стали опорными в создании региональной периодизации голоценовых культур региона. В.И. Привалихиным была выделена оригинальная цэпаньская культура раннего железного века VIII–II вв. до н.э. (Привалихин, 2011).

На Нижнем Енисее были раскопаны стоянки Чермянка, Ильинка, Утиный столб, поселения Каменск, Монастырская и другие объекты археологического наследия, давшие материалы от мезолита до железного века (Макаров, 2013).

Более чем столетний период изучения средневековых памятников окрестностей Красноярска был подытожен исследованиями С.М. Фокина в его кандидатской диссертации

« Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи» (Макаров, Фокин, 2011. С. 118).

В целом сотрудники Красноярского краевого краеведческого музея, на протяжении всей его истории, принадлежали к числу активных исследовательских коллективов по изучению древностей Средней Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ермолаев А. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Вып. 1. Красноярск, 1914. 27 с.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929. 62 с.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 1969. 388 с.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989а. С. 131–189.

Макаров Н.П. Материалы эпохи неолита – ранней бронзы из раскопок Афонтовой горы // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тез. докл. Красноярск, 1989б. С. 95–97.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи

// Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 149–171.

Макаров Н.П. Археологические исследования А.Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается. Красноярск: Краснояр. краевой краеведческий музей, 2011. С. 9–19.

Макаров Н.П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 68–76.

Макаров Н.П., Фокин С.М. Археология в Красноярском краевом музее. 1989–2009 // Второй век подвижничества. Красноярск: Краснояр. краевой краеведческий музей, 2011. С. 114–122.

Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры. Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Мат-лы конф. Кемерово, 1980. С. 338–347.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск: Краснояр. краевой краеведческий музей, 2011. С. 161–183.

Протоколы коллегии Красноярского музея // ГАКК, 1921. Ф. 705. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–42.

Makarov N.P. The Ancien Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Indigenous Peoples // J. of Siberian University. Humanities Social Sciences. 2013. No. 6. P. 816–841.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. А.И. Мартынов

*Кемеровский государственный университет, Кемерово
(prof_martynov@mail.ru)*

Ключевые слова: археологическая культура, артефакт, методология, цивилизационное развитие.

Резюме. В связи с 100-летием выделения в России археологических культур В.А. Городцовым автор прослеживает основные тенденции развития отечественной археологии и отмечает кризисные явления в современной науке.

Прошло 100 лет с тех пор, как были опубликованы выделенные В.А. Городцовым археологические культуры палеометаллического периода Восточной Европы (Городцов, 1915). С тех пор обоснование археологических культур стало основным методологическим приемом, характерным для российской археологии, действовавшей в рамках эволюционно-формационного объяснения процесса исторического развития в археологические периоды.

За прошедшее столетие во много раз увеличилось количество археологических материалов (артефактов) по степной и горнодолинной Евразии, открыты сотни археологических культур, вариантов и общностей.

Обоснование археологических культур стало самоцелью исследования в археологии и привело в начале XXI в. к стагнации науки, некоему тупиковому состоянию и заметному отрыву ее от истории, исследования исторических процессов. Наука становится в основе вещеведческой, о чем свидетельствуют публикации материалов раскопок на уровне фактов их нахождения и констатации вещей (артефактов).

В последние десятилетия разрыв между историей и археологией заметно возрастает еще и потому, что историческая наука видит свою роль в основном в изучении социально-политической истории и в переоценке исторических событий. Современная археология, занятая констатацией археологических фактов и конструированием археологических культур, тем самым самоограничивает себя как историческая наука, не поднимаясь до уровня исторических выводов, даже там, где это очевидно. Это похоже на то, как буд-

то на археологических источниках и фактах демонстрировать исторический процесс, демонстрировать историю во всем разнообразии развития материальной бытовой культуры, хозяйства, духовной среды, социальных и этнических структур на огромном по времени археологическом периоде исторического развития человечества

Надо, наконец, понять сейчас, в XXI в., что никакой другой исторической науки, призванной изучать археологическую древность, кроме археологии, нет и не будет. Историческое развитие должны показать археологи, опираясь на материалы все тех же археологических культур. Принимая археологические культуры как конечный продукт, мы тем самым «не доделываем», «не договариваем», фактически останавливаемся на процедуре научных исследований. Вероятно, отечественная археология подошла к тому рубежу, когда надо менять исследовательскую парадигму.

Основная проблема современной российской археологии не в накоплении археологических материалов, а в методологии как способе их объяснения.

Вместе с тем надо отметить, что современная отечественная археология или безразлична к методологии, или подводит архе-

ологические материалы в той или иной мере к формационной концепции исторического развития.

Отечественной наукой недостаточно используется опыт мировой науки. Для изучения огромного евразийского пространства России особую ценность для отечественной науки представляет опыт работы археологов в XIX – начале XX в. по изучению археологических объектов и их роли в исторических процессах. Можно отметить, что в значительной степени археологи открыли историю Древнего Востока, Крито-Микенскую и архаическую Грецию.

Российская археология с первых своих шагов показала себя как единственная историческая наука, которая может и должна исследовать и представить миру исторический процесс в археологические периоды. Большинство российских археологов от А.А. Спицына и до Б.А. Рыбакова, Б.Б. Пиотровского, А.П. Окладникова были историками в широком смысле этого понятия. Этим наша наука отличалась от западноевропейской и американской. Этому есть объяснение: Европа, кроме Скандинавии, начиная с поздней бронзы, находилась в орбите греко-римского влияния, а в период Римской империи, значительная часть Центральной Европы, восточные территории по Дунаю были ее частями.

Российская евразийская территория – совсем другое, здесь не было эллино-римского влияния, кроме как в Причерноморье, не было заметного влияния культуры Древнего Китая и обществ эпохи эллинизма.

Степная и горная Евразия, значительная часть которой находится в России, была зоной самостоятельного исторического развития в археологические периоды, и это надо учитывать прежде всего и не отделять археологию от истории.

Цивилизационное развитие в степной Евразии начинается с палеометаллической эпохи (энеолит и бронзовый век), связано с принципиальным изменением жизненного кода и формированием нового комплекса ценностей в евразийских степях. На это мы указывали в конце прошлого века (Мартынов, 1989). Хозяйственной основой для этой территории стало скотоводство – второе основное направление производящего хозяйства, связанное с

продолжением и расширением территории «неолитической» революции по Г. Чайлду. Вместе с этим отмечается рациональное использование в целях скотоводства природных особенностей степей и горных долин (складывается яйлажное, полукочевое, домашнее, кочевое скотоводство). Частью этой революции было горное дело, металлургия, образование горно-металлургических центров и провинции. Особую роль в освоении степных пространств играл колесный транспорт.

Заметно меняются представления о структуре мира и освоенном пространстве по сравнению с неолитом, формируется новая идеология. С началом цивилизационного процесса в истории степной Евразии связано появление впервые курганных захоронений со скорченными «крашеными» костяками, своего рода знаковой новации.

Изменяется орнаментальный код (мелкая гребенка, меандр, свастика), возникают природные святилища с наскальными изображениями священных животных, растительных символов (окуневское, каракольское, самусьское, карасукское искусство).

Возникают крупные культурно-территориальные объединения: представленные культурами андроновского круга древнейшие, катакомбные, срубные общности; окунево-самусьско-каракольские памятники предгорных и равнинных территорий, палеометаллической эпохи.

Новым по сравнению с неолитом явлением становятся передвижения этнических групп на значительные расстояния вдоль степных и горных систем.

В отечественной археологии сложные исторические процессы распространения скотоводческой производящей экономики в Евразии не получают объяснения, они тонут в археологических культурах энеолита и бронзы.

Первые попытки понять исторический процесс в степной территории были сделаны Н.Я. Мерпертом (1974). По восточноевропейским степям эту работу в конце прошлого века проделала М. Гимбутас, проследив распространение курганных захоронений со скорченными «крашеными» костяками (Gimbutas, 1991). В наше время блестяще просле-

дил все сложности перехода к производящему хозяйству С.П. Грушин (2013).

Евразийская степная цивилизация (VII–III вв. до н.э.). Цивилизационное развитие никогда не было моноцентричным и однолинейным процессом в истории. Каждая цивилизация имеет свою территориальную основу и присущий ей набор образующих признаков. Укажем в связи с этим на основные из них. Базой Евразийской степной цивилизации стал степной и горно-долинный евразийский пояс и достижения в эпоху бронзы в освоении территорий, экстенсивном развитии скотоводческого хозяйства, сложение различных отраслей ремесленного производства на основе специализации. Переход от накопления цивилизационных ценностей к качественным изменениям – раннегосударственным образованиям как системе управления в рамках природных зон, прошел в основном в VII в. до н.э. и был отмечен сложением новой идеологии, присущей степной евразийской цивилизации, ярко выраженной в искусстве и многом другом (Мартынов, 2004).

В это время установилась лидирующая роль этнических групп индо-иранцев в условиях полиэтничности на территориях раннегосударственных образований по всему пространству равнинного степного пояса и горных долин Евразии.

Отдельные территории раннегосударственных образований хорошо фиксируются по распространению основных археологических памятников «скифской» эпохи – курганов.

Важную роль в цивилизационном процессе сыграли коммуникации вдоль степного евразийского пространства. Показатель цивилизационного уровня – высокое развитие строительства, горного дела, металлургического производства железа, цветных металлов, золота; литье,ковка, прокатка, обработка других материалов: камня, дерева, кости, изготовление высоких образцов ювелирного художественного творчества, в целом высокий уровень развития ремесла.

Экономической основой цивилизации были различные типы производящего скотоводства и система рационального использования геосреды, что позволяло получать прибавочный продукт, необходимый для любой цивилизации.

Евразийское цивилизационное пространство состояло из раннегосударственных образований скифов, савроматов, возможно два или три образования на территории саков, Горный Алтай, Восточные Саяны, Хакасско-Минусинский регион («тагарцы») (Мартынов, 2003).

В каждом из раннегосударственных образований, очевидно, сосуществовали две основные стратово-социальные системы: семья–род–племя (этнообразование) и параллельно с этим – четыре стратовые группы: скотоводы, ремесленники, лидирующая этническая группа и властная элита из ее состава (Хазанов, 1975). Основой порядка, единства были известные сейчас «золотые» правители и их атрибуты власти.

Особую роль играли священные объекты: долины Царских курганов, природные святилища со священными изображениями, а также символизм и информативность искусства звериного стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея в Москве за 1914 г. М., 1915. С. 121–126.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул: АлтГУ, 2013. 54 с.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 284–292.

Мартынов А.И. Модель цивилизационного развития в степной Евразии // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: КемГУ, 2003. С. 7–15.

Мартынов А.И. Цивилизационные процессы в степной Евразии в древности // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Мат-лы конф., посвящ. 70-летию Н.А. Мажитова / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: БашГУ, 2004. С. 39–51.

Мерперт Н.Я. Древние скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 173 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 343 с.

Gimbutas M. The civilization of the Goddess: the world of old Europe. San Francisco: Harper, 1991. 529 p.

В.Н. ГЛАЗОВ. К БИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

© 2014 г. М.В. Медведева¹, В.Ю. Соболев²

¹ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(marriyam@mail.ru)*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
(vlad.sobolev@mail.ru)*

Ключевые слова: В.Н. Глазов, история археологии, биография.

Резюме. Археологические изыскания В.Н. Глазова (1862–1933) в конце XIX – начале XX в. хорошо известны современным исследователям, при этом сведения о его жизни остаются крайне малочисленными. За последнее время удалось собрать архивный материал, который позволяет более полно восстановить страницы его биографии.

Многие исследователи, занимающиеся изучением археологических древностей на территории Европейской части России, в особенности Северо-Запада, неоднократно обращались к материалам раскопок В.Н. Глазова. На рубеже XIX–XX вв. ему удалось частично или полностью раскопать большое количество памятников в Псковской, Новгородской, Тверской, Санкт-Петербургской, Курской, Тамбовской, Саратовской и других губерниях, ставших впоследствии ключевыми для изучения культурно-исторических процессов отдельных территорий и целых регионов. В.Н. Глазов состоял на государственной службе до 1911 г., удачно совмещая ее все эти годы с полевыми археологическими исследованиями. Его работы были высоко оценены Императорской археологической комиссией, Санкт-Петербургским археологическим институтом, Императорским русским археологическим обществом, Императорским русским военно-историческим обществом.

В.Н. Глазов оставил подробные отчеты о своих полевых работах, которые до сих пор являются важным источником в работе археологов, при этом сведения о его жизни остаются крайне малочисленными (Платонова, 2004. С. 44–45; Щавелев, 2009. С. 87; Археологические исследования..., 2011. С. 5; Бессуднов, Захарова, 2012. С. 50–51). В последние годы удалось собрать документальный материал из исторических архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Белоруссии, Болгарии, который позволяет более полно восстановить страницы его биографии.

Владимир Нилович Глазов родился 27 июня 1862 г. (Дело земского начальника..., 1891. Л. 23). Он происходит из потомственных военных дворян Псковской губернии, начальное образование получил в Полоцкой военной гимназии, а в 1881 г. поступил в Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище.

В.Н. Глазов отслужил в армии пять лет: сначала в 145 пехотном Новочеркасском полку, квартировавшем в столице, потом в 92 пехотном Печорском в Нарве. Уволившись в 1888 г., он поступил на службу в лесной департамент канцелярским чиновником, а в 1891 г. перевелся на службу в Министерство Внутренних Дел земским участковым начальником Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. В этом же году он женился на вдове выборгского купца, проживавшей в Нарве.

Именно с этого момента он появляется в архивных документах Императорской археологической комиссии, сначала как земский начальник, присылающий информацию о находках кладов и отдельных древних предметов на территории участка, а позднее, с 1898 г., как исследователь археологических памятников.

В.Н. Глазов служил в различных участках Гдовского уезда в течение 13 лет, хорошее знание территории и постоянные разъезды по уезду сделали его одним из лучших знатоков местных древностей. Свои заметки об археологических памятниках уезда, сделанные в 1895–1903 гг., он использовал при работе над разделом Археологической карты Санкт-Петербургской губернии, материалы для которой собирались Археологическим институтом в начале XX в. В эти же годы В.Н. Глазов осуществил свои самые масштабные раскопки различных погребальных комплексов на Северо-Западе России. После успешно проведенных в 1899 г. исследований в Псковской губернии в 1900 г. его избрали членом-сотрудником Русского археологического общества.

В 1903 г. В.Н. Глазов планировал поступить вольнослушателем в Санкт-Петербургский археологический институт, но его желание, скорее всего, осталось не реализованным (Дело земского начальника..., 1891. Л. 66).

Война с Японией вызвала подъем патриотических настроений в русском обществе. Летом 1904 г. В.Н. Глазов подал два рапорта – об отставке от должности земского начальника и о зачислении в действующую армию. В середине июня 1904 г. он был определен добровольцем в чине подпоручика в 147 пехотный Самарский полк (Дело о назначении..., 1911. Л. 11об.–12). 1 октября 1904 г. при отбитии японской атаки позиций на Янтуньских вы-

сотах В.Н. Глазов получил пулевое ранение в левое колено и в результате двух операций потерял левую ногу до середины бедра (Министерства Военного Главного штаба № 16 об увольнении... Л. 28–28об.).

До осени 1905 г. он находился на лечении, затем прошел курс реабилитации. В это время он проживал с женой в Нарвском форштадте, хлопотал о присвоении следующего воинского звания и об увольнении из армии с мундиром и полным пансионом, а также пытался найти новое место службы. В марте 1906 г. его кандидатура была утверждена на должность председателя Вельского уездного съезда Вологодской губернии.

В Вельске В.Н. Глазов служил в течение пяти лет, его опыт и знания были высоко оценены. Уже через год, в апреле 1907 г. его назначили директором Вельского уездного тюремного отделения, в августе – председателем Вельской уездной землеустроительной комиссии, а в сентябре этого же года он был избран единогласно на должность почетного мирового судьи (Дело о назначении..., 1911. Л. 11–13).

Во время службы в Вельске В.Н. Глазова произвели «за выслугу лет в Статские Советники, со старшинством с 22 декабря 1906 года». Он получил несколько наград – орден Св. Станислава 2 степени за длительную и беспорочную службу и памятные медали участника первой всеобщей переписи населения, а также в честь юбилея народного образования.

Из Вельска В.Н. Глазов выезжал на раскопки и разведочные обследования по территории Вологодской губернии, и за ее пределами – в Смоленскую и Курскую губернии, Поволжье, Терскую область.

В 1911 г. в возрасте 49 лет он оставил государственную службу. Официальным поводом к отставке являлось состояние здоровья, но можно предположить, что выход В.Н. Глазова на пенсию также был обусловлен общей усталостью от службы и пониманием невозможности последующего служебного роста.

После увольнения В.Н. Глазов получил «усиленную» государственную пенсию как инвалид войны и чиновник, беспорочно прослуживший более 30 лет (Дело о назначении..., 1911. Л. 1–4, 19–22). В конце 1911 г.

они с супругой переехали в столицу, где прожили следующие пять лет. Своего жилья в столице у них не было, и они снимали квартиры в разных недорогих районах. В Петербурге и окрестностях В.Н. Глазов проводил только зимний период. Летом, как следует из документов Императорской археологической комиссии, он постоянно находился на раскопках на юге России – в Курской губернии, в Кубанской, Терской областях и Таврической губернии, где проходил курс лечения и параллельно занимался археологическими исследованиями. Зимой 1915/1916 гг. В.Н. Глазов, возможно, не возвращался в Петербург, а проживал в Восточном Крыму или на Тамани, где вновь устроился на службу.

Последний из сохранившихся его отчетов – о раскопках катакомбы у ворот каменной ограды Южного кордона пограничной стражи на Таманском полуострове близ Тузлянской грязелечебницы, датируется концом марта 1916 г. (О раскопках..., 1913. Л. 49–51).

К сожалению, о жизни В.Н. Глазова в годы Гражданской войны и 1920-е гг. пока нет сведений, однако стало известно вероятное место и время его смерти. Владимир Нилович Глазов скончался от воспаления легких вечером 2 мая 1933 г. в возрасте 70 лет в приюте для увечных воинов при Храме-памятнике Шипка в Болгарии и там же похоронен на русском кладбище.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические исследования на территории города Самары: Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей, 2011. 96 с.

Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. В поисках древностей забытого урочища. О находках окрестностей Задонска. Тула: Гриф и К, 2012. 260 с.

Дело земского начальника 1 участка Гдовского уезда СПетербургской губернии Владимира Ниловича Глазова // РГИА. Ф. 1291. Оп. 28, 1891. Д. 142.

Дело о назначении пенсии быв. Председателю Вельсакого Уез. Съезда Вологодской губ. Ст. Сов. Глазову // РГИА. Ф. 1291. Оп. 35, 1911. Д. 199.

Министерства Военного Главного штаба № 16 Об увольнении от службы 147-го пехотного Самарского полка подпоручика Владимира Глазова // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. д. 27127 (пс. 319–134).

О раскопках В.Н. Глазова в Таврической губ. и Кубанской обл. в 1913 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1, 1913. Д. 350.

Платонова Н.И. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – первая треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 43–71.

Щавелев С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск: Изд-во КГМУ, 2009. 468 с.

**ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ГЕНИНГ И СУДЬБЫ
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ**

©2014 г. О.М. Мельникова

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
(superlvovich2012@yandex.ru)*

Ключевые слова: Владимир Федорович Генинг, теоретико-методологическое направление в археологии, историография, история советской археологии.

Резюме. В статье анализируется творчество В.Ф. Генинга, одного из интеллектуальных лидеров теоретико-методологического направления в советской археологии 1970–1980-х гг. В своих работах В.Ф. Генинг осмысливал идеи материалистического понимания истории применительно к археологии, стремился построить философию археологии, осознавал необходимость социологического анализа археологических источников.

Программа всех археологических съездов, возобновленных в России, настойчиво объединяет в одной секции теоретико-методологические и историко-научные проблемы. Этот, сам по себе становящийся уже историографическим, факт, по всей видимости, констатирует существующую в отечественной науке традицию: соединение в целое всего, что выходит за пределы классических представлений о работе археолога.

Постараемся осмыслить эту познавательную ситуацию. Историография и история археологии имеет не только мемориальную ценность. Она связана с описанием содержания работ археологов, сделанных в хронологическом ключе, с реконструкцией предпочитаемых научных гипотез, концепций, методов, доминировавших в науке в определенное время. Реже обнаруживаются работы, воссоздающие научную картину мира, стиль научного мышления, исследовательские парадигмы отдельных периодов археологии как научной дисциплины. Просматривается тенденция к изучению археологии как социального института. Приобретают самостоятельный статус биографические исследования (как отдельных ученых, так и научных коллективов). Это позволяет анализировать не только накопленные знания, но и вненаучные факторы, влия-

ющие на выбор ученым моделей археологического исследования.

Отражением этих тенденций является введение в структуру журнала «Российская археология» раздела «История науки». Но на его страницах отсутствует рубрика «Теория и методология археологии». Самостоятельный статус теоретико-методологических исследований вне историографического анализа в археологии постсоветского времени проявляется достаточно робко.

Этот факт, очевидно, можно связать с предметом методологии науки. Им выступает научное исследование. По мнению философа А.В. Лубского, применительно к историческим исследованиям «его можно изучать в различных аспектах: психологическом, науковедческом, методологическом. Психологический предполагает анализ различных творческих установок в выявлении роли интуиции, личностных характеристик ученого и т.д. Науковедческий, или историографический, аспект – это изучение истории исторических исследований, способов его социальной детерминации. Методологический аспект связан с познанием внутренней структуры исторического исследования, когнитивных его предпосылок, специфики познавательного отношения субъекта исторического ис-

следования к его предмету» (Лубский, 2004. С. 43).

Судя по археологической библиографии, историографический формат является сегодня наиболее приемлемой формой для рассмотрения теоретико-методологических проблем отечественной археологии. Не случайно большинство исследований, связанных предметом с методологией археологии, восходят именно к историографическому и историко-антропологическому подходу.

В этом смысле интересно творчество В.Ф. Генинга, одного из интеллектуальных лидеров теоретико-методологического направления в советской археологии 1970–1980-х гг. Его 90-летие приходится на 2014 г., что создает еще один дополнительный повод для рассуждений о тесной связи теоретико-методологического направления и историографических исследований.

Теоретико-методологические труды ученого не были предметом целостного обсуждения (Мельникова, 2000). Об их восприятии научным сообществом можно судить по научным дискуссиям 1970–1980-х гг., обоснованию частных проблем археологии, сделанных, главным образом, последователями В.Ф. Генинга. Отдельные аспекты его воззрений рассматривались научными оппонентами.

Л.С. Клейн квалифицирует исследования ученого как марксистский социологизм, полагая, что «пространные труды Геннинга отличаются изрядным догматизмом и схоластикой», и резюмирует судьбу этого течения: «Так что, можно сказать, течение выдохлось» (Клейн, 2011. С. 22).

Интерес В.Ф. Генинга к теоретико-методологическим проблемам археологии вызревал в процессе изучения прикамского материала раннего железного века. В «Автобиографии творческой деятельности» ученый напишет: «На осознание этого ушли многие, многие годы и вырваться из эмпирического плена «романтики» археологических раскопок оказалось очень нелегко» (Генинг, 2003. С. 184).

Профессионально социализированный в духе марксистской методологии ученый был убежден в «невозможности приблизить решение проблем познания социально-исторических закономерностей в археологии» без

адаптации идей марксизма к археологии. Этому препятствовала, по В.Ф. Генингу, «очень слабая разработка собственной теоретико-методологической базы» (Генинг, 1988. С. 77).

Ее преодоление виделось в обосновании «принципов фундаментальной теории археологического познания; методологии познания древних обществ средствами археологии» (Генинг, 1988. С. 77). Для решения этих проблем с конца 1970-х гг. созрели условия: «Стало возможным не только цитировать классические тексты, но и включать собственные интерпретации в анализ концепций» (Афанасьев, 1996. С. 33).

По мнению В.Ф. Генинга, ключевым вопросом является определение объекта и предмета археологии. Дискуссии 1970–1980-х гг. выявили их разное видение. Сам ученый полагал, что объектом археологии является древнее общество, выраженное в предметном мире и остатках предметного мира. Ее предмет включает социальные структуры в их историческом развитии (Генинг, 1983. С. 219). Таким образом, археология рассматривается как историческая наука, призванная изучать историю древних обществ по специфическому источнику.

Поиск социальных структур в их историческом развитии стал ключевым для ученого. Наиболее остро эта проблема встала в контексте изучения феномена археологической культуры, выяснения ее социологического содержания, в первую очередь соответствия ее этносу. В одном из писем В.Ф. Генинг писал: «Я сел за диссертацию, т.к. тема «Этническая история», взялся за знакомство с состоянием теоретической стороны этой проблемы и оказался в тупике – по этому вопросу нет не только ни одной теоретической работы, но и вообще ничего нет!» (Мельникова, 2003. С. 128).

Исходный пункт в понимании способов решения этих исследовательских задач В.Ф. Генинг видел в исследовании генезиса марксизма в археологии (Генинг, 1982). Он обращается к истории 1920 – первой половины 1930-х гг. – времени внедрения в теорию и практику археологии марксистской методологии, обосновывает понятие «научное направление» и характеризует методологические

основания, существовавшие в отечественной науке.

В.Ф. Генинг последовательно стремился понять марксизм как научную методологию и увязать его положения с реалиями археологического исследования. Отсюда – его попытки скоординировать каждый этап работы археолога с марксистскими идеями. Создание системы археологического знания дало возможность ученому обнаружить отсутствие в археологии так называемых теорий среднего уровня, способных через конкретные понятия, категории и законы объяснять факты прошлого. В.Ф. Генинг обозначает эти теории: теория структуры археологических объектов всех категорий, теория археологической культуры, теория социально-исторической структуры общества и сфер социальной деятельности (Генинг, 1989. С. 120). Он выделяет методы эмпирического уровня исследования, более или менее понятные археологам (в особенности методы полевых исследований), и сталкивается с проблемой определения методов объяснений.

В «Структуре археологического познания» ученый формулирует важный вывод о том, что выбор конкретных методик исследования невозможен без теоретического обоснования методов, поскольку теория и метод – взаимосвязанные компоненты в структуре научного знания (Генинг, 1989). Следствием этого вывода стало обоснование В.Ф. Генингом собственного видения построения фундаментальной археологической теории, основанной на идее материалистического понимания истории. Важным шагом к ее построению стала разработка теории археологической культуры, которую ученый рассматривал как отдельное автономное общество прошлого. Способы ее выделения, обоснование социальных характеристик – важная составная часть социально-исторических воззрений В.Ф. Генинга (1985, 1987).

Ученый полагал, что археологу необходима глубокая философская подготовка, поскольку она формирует мировоззренческие установки исследователя, определяет методологические принципы, сквозь призму которых исследователь пропускает накопленные наукой знания. Для самого ученого это мировоззрение базировалось на исключительной уверенности

в познавательной ценности марксизма. Эта убежденность сохранялась и в начале 1990-х гг., когда марксизм стал жестко критиковаться. В одном из писем ко мне в 1992 г. В.Ф. Генинг писал: «По поводу критики марксизма. Помните, все, что Вы имеете, дал Вам марксизм. Поэтому – «не отрекаются, любя!» Главное – избавиться от начетничества и талмудизма, которые с таким успехом вдалбливали на кафедрах истории КПСС, что дало свои результаты – то, что мы имеем сегодня, другими последствиями этого и не могли быть. Поэтому несите эти идеи в массы весьма осторожно, прививайте любовь к ним и уважение за их стремление к истине» (Письма В.Ф. Генинга).

В одной из своих последних работ В.Ф. Генинг еще раз осмысливает идею материалистического понимания истории применительно к археологии и даже формулирует законы опредмечивания социальной жизнедеятельности (Генинг, 1992. С. 78).

Закономерным шагом в творчестве исследователя стало обращение к философии археологии. Этому посвящены его «Очерки философии социо-археологии». В.Ф. Генинг говорит о необходимости социологического анализа археологических источников, когда «каждый артефакт должен быть интерпретирован в системе социальных отношений, а система классификаций и типологий уже на начальном этапе должна основываться на критериях посылок социального развития общества» (Генинг В.Ф., Генинг В.В., 1992. С. 202).

Прошедшие два десятилетия радикально не изменили восприятие научным сообществом археологического источника, сложившегося на основном марксистского взгляда на историю. Кажется, что современная археология вполне комфортно ощущает себя вне поиска общих теоретико-методологических предпочтений. Ее источник вполне вписывается в контекст постмодернистской модели исследования, где ценность всякого исторического труда связывается с выражением в нем авторских впечатлений от источника. Эта методологическая неприкаянность археологии выражается даже в структуре направлений подготовки в высших учебных заведениях. Ее странный статус состоит в том, что она входит в группу направлений «Исторические

науки и археология», тем самым подчеркивается, что она вне, но рядом с историческим знанием.

По всей видимости, в анализе способов получаемого знания и его оценке историей археологии и лежит примирение теории, методологии и историографии археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Ю.Н. Историческая наука в советский период: обретение собственного лица. Феномен советской историографии. М.: РГГУ, 1996. 436 с.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20 – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова думка, 1983. 224 с.

Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторических реконструкций / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 50–74.

Генинг В.Ф. Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем археологии / Отв. ред. С.В. Смирнов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 35–87.

Генинг В.Ф. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в археологии. Киев: Наукова думка, 1988. С. 10–85.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев: Наукова думка, 1989. 296 с.

Генинг В.Ф. Проблема построения фундаментальной археологической теории // РА. 1992. № 1. С. 69–84.

Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. С. 182–192.

Генинг В.Ф., Генинг В.В. Очерки философии социархеологии. Киев, 1992. 250 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 624 с.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2004. 339 с.

Мельникова О.М. Теоретическое наследие В.Ф. Генинга: историографический взгляд // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Мат-лы конф. Ижевск, 2000. С. 184–189.

Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. 194 с.

Письма В.Ф. Генинга // Личный архив автора.

С.Ф. ПЛАТОНОВ И РАСКОПКИ В ЭСКИ-КЕРМЕН В 1929 ГОДУ

© 2014 г. В.В. Митрофанов

*Южно-Уральский государственный университет, Нижневартовск
(victor-n1962@mail.ru)*

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, Академия наук СССР, германские археологи, раскопки, Эски-Кермен.

Резюме. В статье раскрывается деятельность академика С.Ф. Платонова по организации раскопок в Эски-Кермен в 1929 г. С.Ф. Платонов был координатором переписки с немецкими учеными, находился в контакте с официальными лицами в Москве, выступал с докладами по вопросам организации раскопок, выезжал на место их проведения.

В 2013 г. исполнилось 90 лет начала археологических раскопок готского города Эски-Кермен в Крыму (Мацулевич, 1926). Активные раскопки этого древнего поселения, существовавшего как населенный город предположительно с VI в. н.э. до конца XIII в., были предприняты в 1929 г. (Репников, 1932а, б, 1935; Эрнст, 1929, 1931) Заметим, что одну из первых своих работ об археологическом изучении Эски-Кермен В.И. Равдоникас публикует в «Вестнике знаний», главным редактором которого был в то время С.Ф. Платонов (Равдоникас, 1929; Митрофанов, 2005). С.Ф. Платонов принимал участие в двух археологических конференциях в 1926 и 1927 гг. в Крыму, на последней выступал дважды (Платонов, 1927а, б).

В 1929 г. С.Ф. Платонов, как свидетельствуют архивные материалы, принимал участие в согласительных процедурах по вопросу раскопок в Крыму. Однако в научной литературе этот факт не получил не только освещения, но и не упоминается. Историю раскопок можно проследить по богатой библиографии, обобщенной С.В. Харитоновым (Харитонов, 2004).

17 февраля 1929 г. вопрос о раскопках Эски-Кермен обсуждался на открытом объединенном заседании ученого совета Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения общества по изучению Крыма, где с докладами выступили профессор Ю.В. Готье, Н.И. Репников и

А.И. Анисимов. В рамках обсуждения была организована и выставка, где были представлены планы, чертежи раскопок, копии фресок и фотографий. По итогам выступлений и обсуждения была принята резолюция, в которой подчеркивалась «большая методологическая ценность проводимых систематических работ по обследованию горного Крыма и его памятников», отмечался «большой научный интерес, выходящий за рамки СССР в постановке проблем пребывания готов в Крыму», признавалось «необходимым продолжение научно-исследовательских экспедиционных работ по изучению Эски-Кермен», высказывалось «пожелание о скорейшем опубликовании собранных материалов» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 702. Л. 1–2. Далее при ссылке на этот источник будет указываться только Л.).

В письме на имя С.Ф. Платонова временного секретаря АН от 30 марта 1929 г. его просили сделать доклад «о положении дела с “готскими” раскопками в Крыму» (Л. 3) в Отделении гуманитарных наук АН, после сделанного им доклада на заседании Президиума АН. А 16 апреля С.Ф. Платонов представил его. «По поручению Президиума от 30 марта с.г. довожу до сведения Отделения, что летом 1928 года Н.И. Репников на средства, данные Главнаукою РСФСР, производил раскопки пещерного города в пределах скалы Эски-Кермен (верстах в 12 от Бахчисарая). Результаты превзошли его ожидания: вместо обычного пещерного городка он нашел следы большого

поселения с остатками солидной крепостной стены, с развалинами большой базилики, с значительным количеством погребений и т.д. Относя существование этого городка к эпохе более ранней, чем соседний Магнуп-кале, именно к V–XI векам, Н.И. Репников решил поставить гипотезу, что город на Эски-Кермен надлежит считать главным городом Крымских готов, известным под названием Дороса или Феодора и что Готы держались здесь до X–XI века, до разорения стен городских врагами, после чего население перешло в Мангуп». Эта гипотеза получила известность через прессу как в СССР, так и за границей и вызвала большой интерес в среде германских археологов (Dr. Unverzagt, Dr. K. Schuchardt и др.) Известный знаток готского вопроса профессор Ф.А. Браун (1899) был приглашен председателем *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft* доктором Ф. Шмидт-Оттом¹ дать отзыв об Эски-Кермен. И хотя Ф.А. Браун не разделял взглядов Н.И. Репникова на существование готских городов в V и дальнейших веках, тем не менее, он указал на возможность и желательность возобновления разносторонних изысканий по готским древностям в Крыму, к чему разведки Н.И. Репникова дают хороший повод. После доклада Ф.А. Брауна, Ф. Шмидт-Отт обратился 11 марта с письмом к академику С.Ф. Платонову² за предварительной справкой о том, можно ли думать о совместной работе в Крыму по готскому вопросу германских и русских ученых. Ввиду того, что как в среде академиков АН СССР (заседание комиссий по Крыму 24 марта), так и в Академии истории материальной культуры (заседания 28 марта и 4 апреля Крымской

комиссии Академии) мысль о возможности участия германских ученых в крымских изысканиях встретила сочувствие, академик С.Ф. Платонов на вопрос Ф. Шмидт-Отта ответил положительно (в письме от 6 апреля): «В настоящее время имеются сведения, что вскоре последует обращение из Берлина к АН СССР по данному делу (телеграмма д-ра Ионаса от 10 апреля с.г.) и СГН могло бы уже теперь высказать пожелание, чтобы удачно начатые в Крыму археологические исследования продолжались и в текущем году и выразить полное сочувствие мысли о совместной научной работе германских и русских ученых. Положено: согласиться с заключением докладчика и представить в ОС Академик-секретарь Платонов» (Л. 7–7об.).

Затем архивные материалы свидетельствуют о начале обширной переписки учреждений ГАИМК, С.Ф. Ольденбурга, Севастопольского музея краеведения, С.Ф. Платонова и других заинтересованных лиц и учреждений.

19 апреля С.Ф. Платонов получил письмо от Севастопольского музея краеведения, где разъяснялась возможность устройства советско-германской археологической экспедиции в Крым, но насчет которой пока ничего определенного решено не было.

1 мая С.Ф. Платонов получил известие от Ф. Шмидт-Отта о «желании названной организации командировать одного из немецких ученых для ознакомления с проектируемыми археологическими раскопками в Крыму». 15 мая об этом было доложено на заседании Отделения АН (Л. 9, 12). 6 июня С.Ф. Платонов получил телеграмму из Берлина, где сообщалось, что кого командируют в Крым, пока не решено (Л. 16). 20 мая АН просила Отдел научных учреждений оказать содействие в получении визы для немецкого ученого. 29 июня С.Ф. Платонов просит определиться с участником экспедиции, чтобы начать решать вопрос с визой. С.Ф. Платонов лично встречается с Е.П. Вороновым, Н.П. Горбуновым – сотрудником Отдела научных учреждений для решения вопросов с экспедицией. 1 июля в переписку с С.Ф. Платоновым включается Н.П. Горбунов. 2 июля на имя С.Ф. Платонова отправлено письмо из Берлина от Шмидт-Отта на немецком языке (Л. 26).

¹ Общество поддержки немецкой науки (*Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft*) было создано в 1920 г. по инициативе Фридриха Шмидт-Отта (Friedrich Schmidt-Ott), в то время министра по делам культур Пруссии, и лауреата Нобелевской премии Фрица Хабера (Fritz Haber) в целях поддержки наук, в особенности молодых научных кадров. Членами его были пять немецких академий и все университеты, входившие в Объединение высших учебных заведений.

² По всей видимости, они могли познакомиться в Берлине, где С.Ф. Платонов 11 июля 1928 г. выступал перед своими немецкими коллегами с докладом «Проблема русского Севера в новейшей историографии». К тому же акад. Платонов занимал видное положение в академии.

В деле имеется смета средств, выделенных на раскопки в 1929 г. на сумму более 24 тыс. руб., из которых на раскопки Эски-Кермен выделено 18461 руб.

С.Ф. Платонов информирует немецких коллег о времени раскопок в Крыму с 10 августа по 10 сентября и приветствует желание проф. Зауера и доктора Финдэйзена прибыть на раскопки (Л. 35).

9 сентября С.Ф. Платонов информирует АН о прибытии накануне немецких гостей, которые намеривались пробыть три дня, а также о подтверждении гипотезы Н.П. Репникова о датировке города VI в. (Л. 40).

24 сентября С.Ф. Платонов докладывает в АН о сведениях, полученных Н.П. Репниковым (Л. 44).

29 сентября Н.П. Репников отправил телеграмму С.Ф. Платонову с сообщением об окончании 19 сентября работ и открытии водопроводных гончарных труб, которые датировал V–VI вв. (Л. 42).

10 октября датируется рапорт о раскопках Эски-Кермен, составленный Н.П. Репниковым на имя С.Ф. Платонова (Л. 45–48об.).

В заключение этой активной деятельности С.Ф. Платонов выступил 9 ноября на заседании Президиума АН, где сообщил о работах в Крыму.

С.Ф. Платонов сам был направлен в Крым, о чем свидетельствуют командировочные отчеты. Билеты на дорогу от Ленинграда до Симферополя – 74 руб. 50 коп., затем до Эски-Кермен – 46 руб. 50 коп.; суточные 12 дней (дорога и пребывание) – 120 руб.; итого – 231 руб. (Л. 49).

Таким образом, С.Ф. Платонов находился в гуще событий по организации раскопок в Эски-Кермен в 1929 г. С.Ф. Платонов являлся координатором переписки с немецкими учеными, находился в контакте с официальными лицами в Москве, несколько раз выступал с докладами по вопросам организации раскопок, сам выезжал на место их проведения, что свидетельствует о его авторитете среди ученых-археологов, к которым следует причислить и самого С.Ф. Платонова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1899. 392 с.

Мацулевич Л. А. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л.: Изд-во ГАИМК, 1926. С. 271–286.

Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и журнал «Вестник Знания» // Современные проблемы развития образования и науки: Тез. семинара. Нижневартовск, 2005. С. 21–23.

Платонов С.Ф. Краткая речь на закрытии Второй конференции археологов СССР // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 г.: по случаю столетия херсонесских раскопок (1927–1927). Севастополь, 1927а. С. 59–60.

Платонов С.Ф. Речь на открытии Второй конференции археологов СССР // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия херсонесских раскопок (1927–1927). Севастополь, 1927б. С. 11–15.

Равдоникас В.И. Пещерный город Эски-Кермен: Готская проблема (Новейшие археологические исследования в Крыму) // Вестник знания. 1929. № 7. С. 290–295.

Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // Известия ГАИМК. 1932а. Т. 12. Вып. 1–8. С. 15–180.

Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия ГАИМК. 1932б. Т. 12. Вып. 1–8. С. 107–152.

Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена (Извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1931 и 1933 гг.) // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. / Отв. ред. С. Д. Димитров. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 117. С. 18–42.

Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. 160 с.

Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии (быв. Таврической ученой архивной комиссии). 1929. Т. 3 (60). С. 15–43.

Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. 1931. Т. 4 (1930). С. 72–92.

К 110–ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.Д. ЛИБЕРОВА (ПРОБЛЕМАТИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО)

© 2014 г. А.В. Моисеев

Фонд научного краеведения Липецкой области, Воронеж
(liae306@yandex.ru)

Ключевые слова: П.Д. Либеров, эпоха бронзы, Подонье, абашевская археологическая культура, срубная культура, катакомбная культура.

Резюме. Работа посвящена проблематике эпохи бронзы лесостепного Подонья в научном наследии Петра Дмитриевича Либерова (1904–1983), который дал целостную характеристику катакомбных, абашевских и срубных древностей данного региона, впервые выделил пласт абашевских памятников на этой территории, создал оригинальную концепцию развития региона в эпоху бронзы. Однако основным вопросом для П.Д. Либерова в проблематике бронзового века был поиск культурно-генетической подосновы сложения среднедонской культуры раннего железного века, которую он видел прежде всего в абашевских и катакомбных материалах.

Научное наследие Петра Дмитриевича Либерова (1904–1983) до настоящего времени, к сожалению, еще не стало объектом специального полновесного историографического исследования. Настоящий доклад, не ставящий, разумеется, целью восполнить существующий пробел, посвящен проблематике эпохи бронзы в деятельности ученого, являющейся менее известным аспектом его научных поисков по сравнению с изучением раннего железного века.

Научный путь П.Д. Либерова можно условно разделить на два этапа, граница между которыми приходится на середину 1950-х гг. На первом этапе, начавшемся еще в довоенные годы, ученик Б.Н. Гракова П.Д. Либеров сформировался как исследователь эпохи раннего железного века, его основные интересы сосредоточились на скифских древностях территории Украины. На втором этапе научные интересы П.Д. Либерова смещаются на изучение археологии и древней истории региона Среднего Подонья (К 100-летию..., 2005). Небезынтересно отметить, что этот, наиболее плодотворный в творчестве ученого этап, начался, когда ему уже исполнилось 50 лет.

Смена региона исследовательской проблематики инициировалась довольно случайными обстоятельствами и началась с сугубо

охранных археологических раскопок могильника скифского времени «Частые курганы» на окраине г. Воронеж (Либеров, 1954, 1955, 1956). Во время этих работ произошла перероентация исследовательских интересов П.Д. Либерова на регион Среднего Подонья, а новостроечная охранно-спасательная экспедиция переросла в постоянно действующую Лесостепную скифскую экспедицию АН СССР, работами которой П.Д. Либеров непосредственно руководил на протяжении около 20 лет (Либеров, 1965). Хотя основной целью экспедиции были памятники раннего железного века, в рамках ее работы также велось целенаправленное выявление и изучение памятников эпохи бронзы (в основном относящихся к кругу катакомбных, абашевских и срубных древностей).

Именно на втором этапе произошло не только изменение региональной тематики исследований П.Д. Либерова, но и расширение ее культурно-хронологических рамок. Кроме изучения культуры скифского времени лесостепного Подонья, являвшейся основным направлением исследовательских интересов ученого, он обращается к изучению проблематики эпохи бронзы данного региона. Толчком к такому обращению послужило возникшее у него уже во время раскопок Частых курганов

(где кроме погребений скифского времени были выявлены и захоронения катакомбной и абашевской культур эпохи бронзы) убеждение, вскоре переросшее в убежденность, о наличии непосредственной генетической связи местной культуры скифского времени с названными культурами эпохи бронзы (Либеров, 1955. С. 18).

Хотя основной мотивацией для П.Д. Либерова при обращении к материалам эпохи бронзы являлось стремление выяснить и конкретизировать вопрос о сложении выделенной им среднедонской культуры скифского времени, он не ограничился ни простым освещением соответствующего вопроса, ни публикацией изученных под его руководством памятников эпохи бронзы. В его работах дана целостная оценка и достаточно всесторонняя характеристика (насколько это позволяла наличная источниковая база) катакомбных, абашевских и срубных древностей Среднего Подонья. (Либеров, 1964, 1971а, б) Для абашевских древностей региона такая оценка была дана в науке впервые.

В проблематике эпохи бронзы П.Д. Либеров вообще основное внимание уделял проблеме донских абашевских древностей (Либеров, 1964. С.111–156; 1971а, б, 1973, 1977, 1978, 1980). Связано это, прежде всего, с тем, что именно в абашевских древностях он видел основной компонент сложения среднедонской культуры скифского времени, а также с тем, что ученый не без оснований мог считать себя фактически первооткрывателем этой культуры в донском регионе. Несмотря на то, что смутные представления об абашевском присутствии в этом регионе сформировались еще в довоенные годы, лишь после работ П.Д. Либерова можно говорить о выделении полноценного, хотя вначале и немногочисленного, пласта как погребальных, так и поселенческих памятников абашевского облика на этой территории, а Подонье прочно входит в ареал распространения носителей абашевских культурных традиций.

П.Д. Либеровым высказаны оригинальные взгляды на происхождение, развитие, относительную и абсолютную хронологию основных массивов памятников эпохи бронзы Среднего Дона (катакомбного, абашевского и срубного), ставшие наиболее уязвимой и дис-

куссионной частью его научного наследия в области изучения эпохи бронзы донского региона.

Для уяснения особенностей и логики происхождения этих взглядов необходимо иметь в виду следующее. Выделив и охарактеризовав среднедонскую культуру раннего железного века, ученый пришел к выводу о ее культурной специфике и отличии от собственно скифской культуры Среднего Причерноморья и прилегающих территорий. Носителей среднедонской культуры он ассоциировал с будинами и гелонами Геродота, что с учетом данных античной письменной традиции вело исследователя к выводу не только об их культурных, но и этнических и языковых отличиях от классических скифов. В то же время П.Д. Либеров разделял точку зрения своего учителя Б.Н. Гракова и ряда других исследователей о наличии непосредственной генетической преемственности между основными культурами бронзового века и культурами раннего железного века, в частности, о таковой связи скифской культуры со срубным населением. Так как выделенная ученым среднедонская культура скифского времени должна была отличаться от ираноязычных скифов по этносу и языку (скорее методом исключения, нежели на основании каких-либо твердых данных ученый приходит к выводу о фино-угорском языке и этносе населения среднедонской культуры), следовало найти ей иную, нежели срубная, подоснову среди культур бронзового века Среднего Подонья. Таковую подоснову ученый увидел, прежде всего, в катакомбных и абашевских древностях, вначале отдавая предпочтение первым (Либеров, 1964), а в дальнейшем в основном абашевскому компоненту (Либеров, 1965. С. 45).

Данная логика, основанная в значительной мере на априорно принимаемых положениях и интуитивных догадках, определила, в конечном итоге, как конкретное содержание, так и изначальную уязвимость многих основных построений ученого, особенно в части культурно-хронологических аспектов истории абашевской, катакомбной и срубной культур в бассейне Среднего Дона: построения о более позднем появлении «абашевцев» на Дону, по сравнению со «срубниками», о доживании «абашевцев» (как, впрочем, «катакомбников»

и «срубников») на этой территории до раннего железного века, до рубежа II–I тыс. до н.э. (даже до начала I тыс. до н.э.), допущение чересполосного сосуществования на этой территории всех трех названных культур, вывод о финно-угорском языке и этносе носителей абашевской культуры и др.

Специфика этих взглядов обусловлена, прежде всего, тем обстоятельством, что хотя изыскания П.Д. Либера в области изучения бронзового века выходили далеко за рамки выяснения вопроса культурно-генетической подосновы среднедонской культуры раннего железного века, все же этот вопрос для исследователя оставался доминирующим, а сама проблематика бронзового века в целом, по большому счету, всегда была жестко увязана с проблематикой раннего железа. Указанные построения явились для него составной частью концепции происхождения среднедонской культуры скифского времени, причем все составные части этой концепции были тесно взаимосвязаны и во многом взаимно опирались друг на друга.

Основные положения воззрений П.Д. Либера на проблематику эпохи бронзы, сформировавшиеся во второй половине 1950-х гг., а впервые развернуто изложенные в 1964 г. на достаточно скромном еще материале (Либера, 1964), с течением времени дополнялись, уточнялись и конкретизируются, существенно не менялись на протяжении всей его жизни, вплоть до последних его публикаций. При этом в силу ограниченности наличного материала применительно к 1950–1960-м гг. данные построения во многом представляли собой рабочую гипотезу, основанную на ряде допустимых, но легко отводимых аргументов. Необходимо иметь в виду также, что к тому времени бронзовый век бассейна Среднего Дона оставался фактически неизученным, даже в основных и общих своих параметрах. Указанное обстоятельство также стимулировало работу ученого. С рубежа же 1960–1970-х гг. происходит существенное пополнение источниковой базы по эпохе бронзы Среднего Подонья, в том числе появляются многочисленные данные, включая случаи прямой стратиграфии, противоречащие хронологическим построениям ученого. В этих условиях отстаивание П.Д. Либера своих прежних

взглядов трудно объяснить иначе, чем неосознанным нежеланием как отказаться от выработанной ранее концепции развития племен эпохи бронзы Среднего Подонья, так и внести в связи с этим существенные коррективы в представления о происхождении среднедонской культуры скифского времени. Новые же данные, противоречащие построениям ученого, он попытался частично оспорить, большей же частью игнорировал. Закономерно, что предложенная картина развития Среднего Подонья в эпоху бронзы в целом никогда не являлась обще- или широкопризнанной, а в настоящее время вряд ли имеет сторонников.

Сказанное однако не меняет того факта, что исследования П.Д. Либера применительно к проблематике как раннего железного века, так и эпохи бронзы бассейна Дона, несомненно, представляют собой не только значительный вклад в формирование археологической источниковой базы, но и важный этап в развитии интерпретации соответствующих материалов и, в частности, безусловно стимулировали развитие исследовательской мысли в изучении данной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К 100-летию со дня рождения Петра Дмитриевича Либера (1904–1983) (материалы к библиографии) / Сост. А.В. Моисеев // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 204–208.

Либера П.Д. Отчет о раскопках «Частых Курганов» Воронежской экспедицией. Воронежская обл. // Архив ИА РАН. 1954. Р-1. № 1024.

Либера П.Д. Отчет о раскопках курганов в группе «Частые курганы» в 1955 г. Воронежская область. // Архив ИА РАН. 1955. Р-1. № 1202.

Либера П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда, Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1275, 1276.

Либера П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964. 208 с.

Либера П.Д. Исследования лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР на Среднем Дону за 11 лет // Этногенез мордовского народа. Мат-лы научной сессии 8–10 декабря 1964 г. / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 36–46.

Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1971а. 57 с.

Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья: Дис. ... д-ра ист. наук. Ч. I–II // Архив ИА РАН. 1971б. Р-2. № 2088, 2089, 2089а, 2089б.

Либеров П.Д. Памятники абашевской культуры в Курской области // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 117–120.

Либеров П.Д. О хронологии абашевской культуры // СА. 1977. № 2. С. 43–54.

Либеров П.Д. О хронологии курганов у с. Староюрьево // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 102–108.

Либеров П.Д. О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 21–24.

Либеров П.Д. Исследования лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР на Среднем Дону за 11 лет // Этногенез мордовского народа: материалы научной сессии 8-10 декабря 1964 г. / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 36–46.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА В ТУЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: ОТ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА К НАУЧНОМУ ИЗУЧЕНИЮ

© 2014 г. Т.В. Наумова

*Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
(tvn@kulpole.tula.net)*

Ключевые слова: Тульская губерния, история изучения, археология, XIX в.

Резюме. В статье рассмотрены опыты тульских провинциальных ученых первой половины XIX в. по изучению древней истории на территории губернии, которые отразили особенности становления и развития археологической науки в России этого периода. Особое внимание обращено на научную деятельность И.П. Сахарова и его обобщающий археологический свод памятников Тульской губернии, заложивший источниковедческий фундамент последующего изучения тульского археологического наследия.

Первая половина XIX в. в целом характеризовалась для тульской археологии как период возникновения стабильного интереса к археологическим памятникам и находкам. Подъем патриотизма в период войны 1812 г., небывалый успех «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина акцентировали внимание русского общества на национальных реликвиях, отечественных памятниках истории и культуры, способствовали зарождению и быстрому развитию славяно-русской археологии (Формозов, 1986. С. 44).

Для тульского археологического краеведения это было время первоначального осмысления значения древнейших памятников ре-

гиона, трансформации от топографического, ландшафтного подхода к их изучению и описанию к осознанию того, что они являются ценным историческим источником, требующим специального исследования.

Одним из первых, кто интуитивно воспринял эти новые тенденции, был тульский экономист, историк и краевед В.А. Левшин (1746–1826). В своей работе «Топографическое, историческое и камеральное описание Тульской губернии» в ходе изложения древнейшей истории этого региона автор уделил внимание описанию нумизматических находок, поместил сведения о курганах и городищах в бассейне Верхней Оки с обосновани-

ем их происхождения и бытования (Левшин, 2006. С. 18, 53, 61). Научная направленность, анализ приводимых сведений, привлечение исторических и географических данных заметно отличали работу В.А. Левшина, выводили ее за рамки простого топографического описания.

Проявление интереса к тульским древностям было также связано с деятельностью знаменитого польского археолога и этнографа А. Чарноцкого (З.Я. Доленги-Ходаковского) (1784–1825) и его «Проектом ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» (Доленга-Ходаковский, 1820). Призыв польского ученого содействовать в изысканиях древнейших памятников нашел горячий отклик среди любителей российских древностей.

В Тульской губернии корреспондентами и последователями З.Я. Доленги-Ходаковского стали любители древностей А.Г. Глаголев (1793–1844) и М.Н. Макаров (1789–1847) (Глаголев, 1820; Макаров, 1820).

А.Г. Глаголев подробно описал известные ему курганы и городища в Ефремовском, Епифанском и Богородицком уездах, высказав точку зрения на их происхождение и бытование (Глаголев, 1820. С. 188–191). В 1838 г. он опубликовал статью «Краткое обозрение Древних русских зданий и других отечественных памятников», ставшую одной из первых попыток составления свода отечественных исторических и археологических памятников с целью популяризации и возрождении интереса к русской истории (Глаголев, 1838. С. 3–5, 47–52).

Статья М.Н. Макарова имела характер сводки кратких сведений о древних памятниках нескольких центральных губерний России. Для Тульской губернии были включены городище, курган, древний погост, «старинные городки» Крапивенского, Каширского и Веневского уездов (Макаров, 1820. С. 199–201).

Другим направлением накопления сведений о древней истории тульского края было повсеместное коллекционирование древностей. Наиболее ярким примером этой деятельности стала история собраний находок с поля Куликовской битвы. Начало изучения, а соответственно и сбора археологических на-

ходок из этой местности совпало со временем подготовительных работ по сооружению памятника героям Куликовской битвы на Красном холме и формирования многочисленных дворянских коллекций.

Инициаторами этой деятельности стали Д.С. Нечаев (1742–1820) и С.Д. Нечаев (1792–1860). Будучи владельцами поместья на Куликовом поле, они активно приобретали находки с поля битвы у местных крестьян. «На небольшом пространстве, начиная от берегов Непрядвы и впадающей в нее речки Ситки, до истока вливающихся в Дон речек Смолки и Курцы, выпаживают наиболее древних орудий, бердышей, мечей, копий, стрел, также медных и серебряных крестов и складней. Прежде соха земледельца отрывала и кости человеческие...», – так писал С.Д. Нечаев в одной из своих первых публикаций о Куликовом поле (Нечаев, 1821. С. 125).

Именно ему принадлежало первое определение расширенного района места битвы, сделанное на основе распространения археологических находок, послуживших основой создания музея. «На стенах и столах обширной залы ... находилось значительное собрание предметов, найденных нечаевскими крестьянами при распашке Куликова поля. Здесь были панцири, кольчуги, шлемы, мечи, копья, наперсные кресты, складни и т.п.», – так описывался этот музей в конце XIX в. (Россия ..., 1902. С. 541).

По свидетельствам современников коллекциями древних находок с Куликова поля владели многие крупные землевладельцы этого региона. Были известны коллекции находок с Куликова поля графов Бобринских (; Макаров, 1826. С. 21; Свиньин, 1826. С. 53; Афремов, 2008. С. 424), дворян Олсуфьевых, Чебышевых, Сафоновых (Россия..., 1902. С. 540).

Активным изучением археологических древностей тульского края занимался известный тульских историк И.Ф. Афремов (1794–1866). В обобщающей работе по истории Тульской губернии автор систематизировал археологические памятники по типам, выделив четыре раздела: укрепленный вал и городки, курганы, городища, камни. В работе он упомянул более 20 памятников и местонахождений (Афремов, 2008. С. 112–117). Сведения о памятниках археологии были краткими, од-

нако содержали подробные объяснения их назначения, соответствовавшие сложившимся научным представлениям того времени.

Большой вклад в развитие тульской археологии первой половины XIX в. внес тульский историк, археолог, этнограф И.П. Сахаров (1807–1863). Он стал первым секретарем Отделения русской и славянской археологии РАО, вел большую работу по привлечению в Общество людей, желавших изучать древние памятники, разработал и опубликовал работу «Записки для обозрения русских древностей», ставшую универсальной схемой описания древних памятников для провинциальной интеллигенции. И.П. Сахаров вел большую работу по сбору и систематизации сведений об археологических памятниках и древностях Тульской губернии, поступавших от разных корреспондентов, выступал с сообщениями на эту тему (Сахаров, 1851а). 21 апреля 1851 г. он выступил на заседании Отделения с итоговым докладом, опубликованном под названием «Памятники Тульской губернии» (Сахаров, 1851б).

Автор провозгласил последовательный комплексный подход к изучению археологического памятника, включавший определение его географо-топографического положения, сбор местных преданий, сведений о «бывших разрытиях» и находках, привлечение письменных источников (сведений летописей и исторических актов), проведение археологических раскопок.

Все археологические древности автор разделил на семь разделов: городища, курганы, земляные валы, укрепления городские, камни, побоища, находки с деньгами и вещами. По уездные списки памятников каждой группы предваряли вступления, содержавшие характеристику каждого вида, цели и задачи их изучения. Особо выделяя городища, он подробно описал задачи по изучению данной группы памятников: «Для обыскания городищ в селах, полях и лесах нам нужно найти соревнования в иногородних изыскателях, нужно найти людей, знающих местные древности... Пускай такие обыски доставят нам простую перепись городищ по уездам, с показанием окрестных мест: но и такие данные будут служить пособием для археологической карты

России, столько полезной и необходимой для Русской Археологии» (Сахаров, 1851б. С. 2).

Всего в работе И.П. Сахарова было учтено и описано около 100 археологических памятников, нумизматических и вещевых местонахождений, городские укрепления уездных городов, земляные укрепления засечной черты, более 30 мест средневековых сражений. Работа И.П. Сахарова стала первой большой работой по археологии тульского края. Автор обобщил практически все ранее известные и опубликованные сведения об археологических древностях этого региона, ввел в научный оборот новые материалы, обозначил перспективы дальнейших работ в этой области.

Опыты тульских провинциальных ученых первой половины XIX в. по изучению древней истории на территории губернии в полной мере отразили все особенности становления и развития археологической науки в России этого периода. Научная деятельность И.П. Сахарова и его первый обобщающий археологический свод памятников Тульской губернии стали венцом развития тульской археологии рассматриваемого периода. Его труды, как, в целом, деятельность местных любителей древностей, заложили источниковедческий фундамент последующего изучения тульского археологического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афремов И.Ф. Собрание сочинений. Тула: Куликово поле, 2008. 512 с.

Глаголев А.Г. Записка о городищах, курганах и других старинных насыпях в Тульской губернии // Вестник Европы. 1820. Ч. 114. № 23. С. 184–191.

Глаголев А.Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составленное при Министерстве внутренних дел А. Глаголевым. Ч. 1. Т. 1: О русских крепостях. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1838. С. 3–52.

Доленга-Ходаковский З.Я. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 38. С. 193–254.

Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула: Пересвет, 2006. 391 с.

Макаров М.Н. Другая записка для господина Доленги-Ходаковского // Вестник Европы. 1820. № 23. С. 191–201.

Макаров М.Н. Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. М.: Тип. Имп. Московского театра, 1826. 32 с.

Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. № 14. С. 125–129.

Сахаров И.П. Древности Московской и Тульской губерний // ЗОРСА. Т. 1. СПб.: Имп. Русское археологическое об-во, 1851а. С. 9–11.

Сахаров И.П. Памятники Тульской губернии. СПб.: Тип. Я. Трея, 1851б. 60 с.

Свиньин П.П. Обзорные путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. С. 47–55.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 2: Среднерусская Черноземная область. СПб.: А.Ф. Девриен, 1902. 717 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

ВКЛАД Г.А. ФЕДОРОВА–ДАВЫДОВА В ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2014 г. **И.Р. Нигаматзянов**

*Институт Татарской энциклопедии АН РТ, Казань
(ilshat_nigmat@mail.ru)*

Ключевые слова: Г.А. Федоров-Давыдов, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, город, исследования.

Резюме. В статье рассматривается вклад Г.А. Федорова-Давыдова в изучение городов Золотой Орды. Его несомненная заслуга – организация широкомасштабных раскопок в Нижнем Поволжье. Археологические исследования памятников золотоордынской культуры позволили ученому ставить и решать проблемы возникновения, функционирования и упадка золотоордынских нижеволжских городов.

Диапазон научных интересов Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000) был очень широк, и главным направлением его научного творчества стало исследование золотоордынских городов. Его научно-организационная деятельность по этому направлению начинается со второй половины 1950-х гг.

В 1957 г. при Институте истории материальной культуры (ныне Институт археологии РАН) АН СССР с целью изучения золотоордынских городищ на Нижней Волге была организована Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ). Организаторами этой экспедиции стали А.П. Смирнов и его ученик Г.А. Федоров-Давыдов. С 1959 г. начинается археологическое изучение нижеволжских

золотоордынских городищ, которые до этого практически не изучались (Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959).

В результате многолетних исследований Г.А. Федоровым-Давыдовым и его учениками были разработаны основные направления археологического изучения золотоордынских городов. Под его руководством сложился творческий коллектив (Н.М. Булатов, В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев, Ю.А. Зеленева, М.Д. Полубояринова, Э.Д. Зиливинская, Л.Т. Яблонский и др.), детально изучавший различные аспекты городской культуры, вопросы этнического состава городов Золотой Орды, их историческую географию. Материалы исследованных Поволжской археологической экспедицией

золотоордынских городов полностью опубликованы в различных научных изданиях.

В результате работ была построена классификация золотоордынских жилищ, до этого практически неизвестных. Выявлена принадлежность жилищ представителям социальных групп золотоордынского социума. Материалы выявленных и изученных жилищ и усадеб позволили проследить степень социальной стратификации населения, группирование в едином комплексе домов, принадлежавших представителям различных социальных слоев. Кроме жилых зданий ПАЭ исследовались мечети, медресе и бани, а также система водоснабжения городов (Федоров-Давыдов, 1994. С. 74).

Было установлено, что размеры золотоордынских городских усадеб значительны и превосходят усадьбы существовавших параллельно русских средневековых городов. Г.А. Федоров-Давыдов связывает это с отсутствием в золотоордынских городах в течение долгого времени оборонительных сооружений (Федоров-Давыдов, 1998. С. 9).

Исследование золотоордынских погребений дало новые данные по этнической истории и антропологии золотоордынских городов Нижнего Поволжья. По мнению Л.Т. Яблонского, во многом благодаря инициативе Г.А. Федорова-Давыдова Нижнее Поволжье в палеоантропологическом отношении стало одним из наиболее исследованных регионов России (Яблонский, 2001. С. 29).

Значительное внимание было уделено изучению золотоордынского ремесла. Впервые была создана классификация всех видов керамических и стеклянных изделий, архитектурного декора и другого археологического материала из культурного слоя этих городов.

В теоретическом плане результатом научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова стало выделение и объяснение феномена золотоордынского города – городской цивилизации, возникшей в кочевой степи. Исследователь выделил и изучил следующие вопросы возникновения и генезиса золотоордынских городов: 1) причины и процесс перехода к оседлости центральноазиатских и восточно-европейских кочевников; 2) возникновение нижеволжских золотоордынских городов и их отличие от городов с традиционной осед-

лостью; 3) различные аспекты жизни населения городов периода расцвета Золотой Орды – культуры, быта горожан, торговли, организации ремесла, управления и т. д.; 4) причины и последствия упадка золотоордынских городов.

В вопросе периодизации истории градостроительства в Золотой Орде Г.А. Федоров-Давыдов соглашался с мнением В.Л. Егорова, считавшего, что первый этап в ней соответствует восстановлению и использованию старых городов (1240-е гг.); второй – началу строительства новых городов (первая половина 1250-х гг.); третий – подъему градостроительства при Берке (вторая половина 1250-х – 1360-е гг.); четвертый – замедлению роста городов (1270-е гг. – начало XIV в.); пятый – подъему градостроительства при Узбеке и Джанибеке, шестой – затуханию и упадку городской жизни (с 1360-х до 1395 г.) (Егоров, 1985. С. 78; Федоров-Давыдов, 1994. С. 16). Но при этом Г.А. Федоров-Давыдов, подчеркивал, что дело обстоит сложнее и не одинаково в разных районах (1994. С. 16).

Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что бытующее в научной литературе мнение о большой урбанизации Золотой Орды (со 110 городами) со ссылкой на исследования В.Л. Егорова (1985) является реакцией на старое представление о Золотой Орде как о стране совсем без городов, либо с небольшим их числом. Он подчеркивает, что в работе В.Л. Егорова (1985) названы пункты, где встречаются золотоордынские древности вообще. Это не всегда города, реальных городов было значительно меньше (Федоров-Давыдов, 1994. С. 41).

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, определяющим во всех областях культуры, в том числе и искусстве золотоордынских городов Нижнего Поволжья, было влияние Средней Азии. В прикладном искусстве выделяется многокрасочная поливная керамика золотоордынских городов, подражавшая среднеазиатской и иранской керамике той эпохи. Бронзолитейщики также работали в стиле, типичном для мусульманского искусства. В ювелирном деле сложился выразительный и характерный стиль украшения с применением скани и черни.

Большие общественные здания в золотоордынских городах были покрыты полихромной майоликой. Под влиянием декоративного искусства Хорезма здесь выработался яркий стиль архитектурной мозаики. Исследователь полагает, что этот стиль развивался под влиянием азербайджанского зодчества. Таким образом, монументальная архитектура городов Золотой Орды – ее декоративные формы – развивалась в соответствии с общим направлением мусульманской культовой архитектуры Средней Азии и Азербайджана (Федоров-Давыдов, 1974. С. 402).

Высокая культура золотоордынских городов являлась сплавом традиций мастеров-ремесленников различных стран, оказавшихся в составе Золотой Орды. Сказалось мощное влияние иранской и закавказской культур, а также традиции ремесла Крыма, Волжской Болгарии. В некоторых областях этот сплав достиг уровня синтеза новой культуры – прежде всего, в художественной керамике, а в других областях в значительной степени являлся механическим соединением различных традиций (Федоров-Давыдов, 1997. С. 101–103).

Таким образом, в научно-организационном плане заслугой Г.А. Федорова-Давыдова является организация широкомасштабных раскопок на золотоордынских городищах в Нижнем Поволжье. Археологические исследования памятников золотоордынской культуры позволили выявить разнообразный материал по многим сторонам жизни средневекового населения, заполнить пробелы и раскрыть многие, до этого неизвестные страницы истории и культуры Улуса Джучи.

В теоретическом плане его достижением можно назвать рассмотрение и объяснение генезиса золотоордынских городов. Рассматривая историю существования степных городов в контексте политического развития золотоор-

дынского государства, исследователь показал, что расцвет городской жизни приходился на момент жесткой централизации государства и сильной ханской власти. Как только она стала не способной поощрять и поддерживать ремесло и торговлю (основу экономики) – городская жизнь приходила в упадок.

В целом взгляды и концепции Г.А. Федорова-Давыдова по истории золотоордынского государства получили поддержку и дальнейшее развитие. Изучение научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова востребовано временем, потребностью объективного и полного воссоздания прошлого народов нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С. 128–134.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды // История искусства народов СССР. Т. 3. Искусство XIV–XVII веков. М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 399–402.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. 1997. № 1. С. 92–104.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С. 3–15.

Яблонский Л.Т. Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья // Поволжье в Средние века. Тез. докл. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород, 2001. С. 29–32.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АЛТАЕ В 1950-Е ГОДЫ¹

© 2014 г. Т.С. Паршикова

*Алтайский государственный университет, Барнаул
(taty-parshikova@yandex.ru)*

Ключевые слова: история археологии, историко-культурное наследие, Алтай, научные центры, археологические памятники.

Резюме. В статье представлены итоги изучения археологических памятников Алтая в 1950-е гг. Основой исследования послужили материалы о раскопках археологических комплексов. Отличительной особенностью этого периода стало то, что в работах по изучению объектов принимали участие не только центральные научные учреждения страны, но и местные культурно-образовательные центры.

Характерная черта современного этапа развития российской археологической науки – возросший интерес к ее истории. Много внимания уделяется выявлению особенностей развития региональной археологии, в частности, истории изучения археологических памятников Алтая, ключевой историко-культурной области.

Археологические работы, которые достаточно активно велись на Алтае до конца 1930-х гг., были прерваны началом Великой Отечественной войны и возобновлены только во второй половине 1940-х гг. (Паршикова, 2011. С. 33–35). Массовые раскопки археологических комплексов осуществлялись на всем протяжении 1950-х гг. Отличительной особенностью этого периода стало то, что в работах по исследованию объектов принимали участие не только центральные научные учреждения страны, но и местные культурно-образовательные центры.

В начале 1950-х гг. самостоятельные работы на территории региона предпринял преподаватель Барнаульского пединститута А.П. Уманский. Алексей Павлович осуществил первые исследования в 1951 г. близ с. Иня в Павловском (ныне Шелаболихинском) р-не Алтайского края. С 11 августа по 7 сентября проводились работы, в результате которых был выявлен и начал изучаться сред-

невековый курганный могильник, получивший обозначение Иня-1. Первоначально этот памятник был датирован серединой II тыс. н.э., однако позднее отнесен к сrostкинской культуре VIII–IX вв. (Уманский, 1970).

Долгое время А.П. Уманский проводил археологические изыскания от Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ). В 1956 г. в ходе разведочных работ А.П. Уманского были обследованы курганы у с. Новотроицк (Тальменский район) и сделана первая глазомерная съемка ряда объектов. Три курганные группы были обозначены как Новотроицкое I–III. Раскопки там были осуществлены значительно позже. В разное время их проводили С.В. Неверов, А.П. Уманский, В.А. Могильников (Уманский, 1997. С. 14). Материалы Новотроицких курганов ныне обобщены в отдельной монографии (Шульга, Уманский, Могильников, 2009).

В 1956 г. в Павловском районе Алексеем Павловичем открыты грунтовый могильник Касмала II, курганные группы Абакша у деревни Лога и Подгорная, Телеутская I–V, одиночный курган Телеутская VI, курган у деревни Харьков. На некоторых из них (Касмала II) был собран подъемный материал (кости скелетов, обломки бронзовых и железных предметов, керамика). Памятники были датированы ранним железным веком (Уманский,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (постановление № 220), проект № 2013-220-04-129.

1993а). Позднее, в связи с тем, что д. Телеутская была смыта Обью, памятники Телеутская I–IV были переименованы (Киришин, Грушин, Тишкин, 2003. С. 3–4).

Значительные результаты дали работы в 1959 г. Так, в ходе разведки и аварийных раскопок на Чумыше (Тальменский р-н) была открыта целая серия памятников (у с. Кашкарагаиха, Зайцево, Шишкино, Усть-Чумыш, пос. Мостовой). Итоги этих и последующих работ на Чумыше обобщены А.П. Уманским (1965). Также проводились разведочные раскопки кургана у с. Гоньба. Материалы, датированные концом I тыс. до н.э., среди которых костяной наконечник стрелы, бронзовая подвеска, фрагмент золотой фольги, обломки железного предмета и др., были переданы в краевой музей (Уманский, 1993б). В этом же году вместе с директором Каменского музея Г.А. Саранцевым проводилось обследование разновременных памятников урочища Раздумье. Там были зафиксированы городище, селище, десятки курганов, проводился сбор подъемного материала. Объекты были отнесены к каменной культуре (Уманский, 1995). На ряде памятников, выявленных в 1959 г., раскопки впоследствии были продолжены.

В Государственном Эрмитаже хранятся материалы эпохи «великого переселения народов» из Тугозвоново (IV–V вв. н.э.), которые были собраны А.П. Уманским в 1959 г. в разрабатываемом глиняном карьере кирпичного завода. Место было осмотрено группой сотрудников АККМ во главе с ученым. Была доисследована могила, изучены кости скелета. Все вещественные материалы этого погребения в 1963 г. были переданы на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж. Комплекс изделий, выполненных в полихромном стиле (коллекция № 2316/1–35), экспонируется в Особой кладовой. Скелет погребенного ныне находится в АККМ. Для этого же музея в 1965 г. Государственный Эрмитаж изготовил гальванокпии основных предметов из комплекса Тугозвоново, а в 1960 г. антрополог М.М. Герасимов выполнил реконструкцию внешнего облика человека по черепу погребенного «князя» (Уманский, 1978).

Стоит отметить, что в рассматриваемый период музеи края внесли существенный вклад в изучение археологических памятни-

ков региона. Так, в 1955–1957 гг. Бийским краеведческим музеем под руководством Б.Х. Кадикова проводились археологические разведки в районе оз. Иткуль и в долине Катунь на Чуйском тракте, между селами Майма и Усть-Сема. В долине Катунь были обнаружены две стоянки с орудиями верхнего палеолита, три неолитических местонахождения и два поселения со следами жилищных западин и керамикой большереченской культуры. На берегах оз. Иткуль зафиксировано 35 пунктов с культурными остатками различных эпох. Как отмечал Б.Х. Кадиков, наиболее выразительные объекты получены со стоянок Ляпусин Мыс, Корчажка-1, поселения Корчажка-5 (Кадиков, 1959; Киришин, Кадиков, 1980).

С конца 1950-х гг. активным разведочным работам подверглись Северо-Западные и Центральные районы Горного Алтая. Большое внимание в это время уделялось пещерным памятникам. В 1958 г. во время одной из экспедиций Б.Х. Кадиковым были обнаружены артефакты палеолитического облика в пещере Искра (бассейн р. Ануй – левого притока Оби, северо-запад Горного Алтая) (Кадиков, 1959. С. 18). М.Ф. Розен (1954) указывает на ряд пещер на р. Чарыш, где были сделаны находки преимущественно эпох бронзы и железа. Сведения об исследовании пещер в этот период содержатся также в статье В.К. Вистингаузена (1982).

В 1954 г. С.И. Руденко проводил раскопки Усть-Канской пещеры по правобережью Верхнего Чарыша (Руденко, 1960б). Каменная индустрия стоянки свидетельствовала о более раннем возрасте по сравнению с другими известными памятниками региона. Типично позднепалеолитические орудия здесь присутствуют в небольшом количестве, зато широко были представлены дисковидные и леваллуазские нуклеусы, скребла и остроконечники, аналогичные европейским изделиям эпохи мустье. На более раннюю датировку памятника указывали и остатки фаунистического комплекса, характерного для теплого сухого периода, предшествовавшего последнему оледенению Алтая. Позднее это позволило отнести индустрии Усть-Канской пещеры к мустьерскому времени (Анисюткин, Астахов, 1970).

В 1950-е гг. С.И. Руденко проводил и другие исследования на территории Алтая. В 1950 и 1954 гг. в Центральном Алтае экспедициями Института истории материальной культуры АН СССР производились раскопки в бассейне р. Урсул в Онгудайском р-не Горно-Алтайской автономной обл. В 1950 г. исследованы два больших кургана на р. Каракол (притоке р. Урсул) у с. Кулада, получивших название Башадарских. В 1954 г. производились раскопки двух больших курганов в долине р. Урсул, у с. Туэкта. Эти исследования дали возможность шире поставить вопрос о происхождении и характере культуры населения Горного Алтая в скифское время (Руденко, 1960а).

В этом же году отрядом А.А. Гавриловой при участии Л.А. Давыдовой (Горно-Алтайский музей) и М.А. Сабуровой (Государственный Исторический музей) был доисследован большой Катандинский курган, раскопанный В.В. Радловым в 1865 г., но вскрытый им не полностью. Отсутствие конского захоронения выделяло его из общей группы аналогичных памятников Горного Алтая и послужило поводом к сопоставлению его с хуннскими погребениями в Монголии (Ноин-Уле). В результате работ А.А. Гавриловой обнаружены скелеты лошадей. После анализа материалов исследовательница отнесла курган к раннешибинскому времени (II–I вв. до н.э.) (Гаврилова, 1957. С. 267).

Там же в 1954 г. А.А. Гаврилова исследовала пять курганов и три впускные могилы тюркского времени (могильник Катанда II). Рассматривая итоги археологических работ на территории Алтая, автор подчеркнула необходимость продолжения планомерных раскопок и получения новых материалов для осуществления реконструкции истории региона в эпоху средневековья (Гаврилова, 1965. С. 8).

Говоря об исследованиях в 1950-е гг., стоит также упомянуть, что в 1959 г. была организована Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина. По инициативе С.И. Руденко был доисследован Большой Берельский курган, раскопанный В.В. Радловым в 1865 г. С.С. Сорокин, изучив материалы 1865 и 1959 гг., указав на многочисленные аналогии предметам, воздержался от абсо-

лютной датировки кургана (Сорокин, 1969. С. 225). В последующий период вся работа этой экспедиции концентрировалась на исследовании погребений рядовых кочевников.

В заключение отметим, что начиная с 1950-х гг. объем археологических исследований на территории региона значительно увеличивается. В конце 1940 – 1950-е гг. представители различных научных центров страны, после длительного перерыва, начинают включаться в археологические исследования, проводимые в крае, организуют самостоятельные разведки и раскопки. Однако результаты работ публиковались мало и начали вводиться в научный оборот в более позднее время. В указанный период сотрудники местных музеев накапливали теоретические знания по методике проведения полевых исследований, организации экспедиций. По результатам работ разворачивались и реконструировались археологические экспозиции, объекты истории и культуры широко представлялись в средствах массовой информации (газеты, журналы, радио). Работы Б.Х. Кадикова и А.П. Уманского указанного периода заложили основу для изучения края в последующие периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисюткин Н.К., Астахов С.Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 27–33.

Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 137–156.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 250–268.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л.: Наука, 1965. 145 с.

Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории западной Сибири. Вып. 3. Томск: Томск. кн. изд-во, 1959. С. 18–19.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

- Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х.* Итоги исследований археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 59–61.
- Паршикова Т.С.* Археологические исследования на Алтае в 1940-е годы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ, 2011. С. 33–35.
- Розен М.Ф.* Древнейшие стоянки человека в пещерах Алтая // Природа. 1954. № 2. С. 112–114.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. 360 с.
- Руденко С.И.* Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА. № 79. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. С. 104–125.
- Сорокин С.С.* Материалы к археологии Горного Алтая // Уч. зап. Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. Вып. 8. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1969. С. 71–88.
- Уманский А.П.* Археологические памятники долины р. Чумыш // Известия Алтайского отд. Географического об-ва СССР. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1965. Вып. 5. С. 211–215.
- Уманский А.П.* Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отд. Географического об-ва СССР. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1970. Вып. 11. С. 45–74.
- Уманский А.П.* Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Уманский А.П.* Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Города и села Алтайского края: историческое наследие. Павловский район. Павловск, 1993а. С. 5–12.
- Уманский А.П.* Раскопки кургана раннее железного века у села Гоньбы // Города и села Алтайского края: историческое наследие. Павловский район. Павловск, 1993б. С. 17–19.
- Уманский А.П.* Курган раннежелезного века из урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул: БГПУ, 1995. С. 110–118.
- Уманский А.П.* Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 1997. С. 14–25.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

АРХЕОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ В РОССИИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

© 2014 г. Н. И. Платонова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(niplaton@gmail.com)*

Ключевые слова: археология, советская власть, 1920-е гг., ГАИМК, исследования, социальный/идеологический контекст.

Резюме. В начале 1920-х гг. советское государство оказалось единственно возможным спонсором археологической науки и охраны памятников в стране. Его заинтересованность в этих областях была прагматичной, связанной либо с политико-идеологическим строительством, либо с хозяйственными нуждами. Тем не менее с июля 1922 г. в РАИМК четко обозначилась установка на деловое сотрудничество с государством, что положило начало выработке новой научной идеологии. Стремясь сделать свою науку актуальной (и, соответственно, финансируемой), археологи начали поиск направлений, наиболее перспективных в новом социальном, политическом и идеологическом контексте. В числе их оказались технологический подход к материалу, естественно-научные методы, перспективы материалистического анализа проблем первобытного мышления и культуротворчества. Все это позволило, в конечном счете, сохранить и развивать далее отечественную археологическую науку.

В начале 1920-х гг. советское государство оказалось единственно возможным спонсором археологической науки и охраны памятников в России. Непременным условием развития того и другого стала заинтересованность государства в результатах работ. Но как заинтересовать новую власть гуманитарными проблемами?

Реквизиции 1918–1921 гг. и кампания по ликвидации церковных имуществ 1922 г. заставили убедиться: первые лица республики Советов слабо восприимчивы к понятиям «историческая значимость», «культурная ценность», «традиции» и т.п. Конечно, определенные разногласия на сей счет в верхах существовали. О них свидетельствовал конфликт между ЦКИЦЦ и руководством Главмузея весной 1922 г. Однако Главмузею удалось отвоевать не более десятой доли того, за что шла борьба. Так что силы были явно неравными (Архивы Кремля, 1997).

«Процессы церковников» в Москве и Петрограде отчасти затронули и научные учреждения. И пусть на долю ученых не выпало пока ни расстрельных приговоров, ни долгих сроков, налицо были угрожающие симптомы. Не осведомленный о закулисной

стороне деятельности ЦКИЦЦ член РАИМК К.К. Романов, тем не менее, очень точно подметил в апреле 1922 г.: на глазах у археологов начинаются «разгром и распродажа» культурных ценностей страны (НА ИИМК РАН. Ф. 29. Д. 847. Л. 80 об. Далее название архива опускается; Платонова, 2014). Причем и то, и другое происходит заведомо безнаказанно; всякая «охрана» вообще оказывается лишней.

В этот период руководители РАИМК проявили чудеса пассионарности, выносливости и способности находить выход из трудных ситуаций. Казалось: террор террором, неизвестность неизвестностью, а их работу никто не отменял. Наука должна жить при любых условиях, созданная ими Академия – при любом правительстве. Между тем само существование археологии в России на рубеже 1920-х гг. можно было определить одним словом – прозябание. На исходе военного коммунизма кризис достиг апогея. Но вот с середины 1922 г. в учреждениях археологического профиля вдруг начинается интенсивный поиск тех направлений и узловых точек, с которых могло бы начаться заинтересованное сотрудничество археологов и власти. Это был труд-

ный процесс, порой напомилавший разведку боем, а порою – русскую рулетку.

Лидер кампании по ликвидации церковных имуществ Л.Д. Троцкий однажды к слову сравнил испорченные музейные ценности с «замороженной Наркомпродом картошкой». Заинтересованность государственных структур в делах археологической науки могла быть лишь сугубо прагматичной, связанной либо с политико-идеологическим строительством, либо с хозяйственными нуждами. Даром она не давалась: археологам предстояло самим активно доказывать собственную «практическую полезность». Однако на этом пути все-таки можно было попытаться сделать свою науку актуальной (и соответственно финансируемой!). Все иные пути обещали лишь новые удары и потери.

Изначально никакого взаимопонимания с новой властью не складывалось. На рубеже 1920-х, при отсутствии хоть сколько-нибудь серьезного государственного финансирования полевых, экспериментальных, реставрационных работ, на долю сотрудников РАИМК оставалось одно: потихоньку разрабатывать интересовавшие их вопросы по литературе, параллельно занимаясь составлением библиографических и архивных указателей, каталогов и пр. (Работа такого рода велась практически в каждом разряде. Сейчас можно только пожалеть, что далеко не все картотеки, составленные в ту пору, реально сохранились до наших дней в архиве ИИМК РАН.)

Разумеется, в руководящих кругах Главнауки вскоре обозначилось недовольство таким характером деятельности. На их взгляд, РАИМК представляла собой типичное сборище «старорежимных интеллигентов», занимавшихся невесть чем и только даром проедавших деньги. В ноябре 1921 г. из ПУНУ в РАИМК пришло указание: сократить штаты на 50%. Пошли разговоры об ее полной ликвидации. Растерявшийся Совет выдвинул встречное предложение – 20% и начал судорожные попытки провести сокращения. На это С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр заявили протест. Характерным оказалось выступление последнего с «особым мнением» по данному поводу.

«Положение Российской Академии истории материальной культуры в высшей степе-

ни опасное, – заявил он Совету. – Опасность возникает вовсе не от дебатлируемого сейчас вопроса о сокращении ее штатов, а оттого, что легко играют ее судьбой, не разумея ее действительного значения... Но в смысле реальных государственных задач, лежащих на ней по научной охране культурных ценностей страны, А.И.М.К. является и пребудет, пользуясь ходячим ныне термином, учреждением ударным. И поскольку мы верим, что переживаемый кризис преходящ, и мы идем к великому будущему страны, Академию истории материальной культуры следует укреплять и развивать, а не упразднять или хотя бы ослаблять...» (Ф. 2, 1921 г. Д. 86–86об.).

В начале декабря 1921 г. к заведующему ПУНУ отправилась представительная делегация – академики А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург, председатель РАИМК А.А. Васильев, ее ученый секретарь Б.В. Фармаковский. Требование о 50%-ном сокращении было снято, но некоторые уступки потребовались. Обсудив положение, академики решили сокращение начать с себя. Пятеро членов Совета РАИМК добровольно отказались от содержания – вплоть до лучших времен – продолжив при этом выполнять свои обязанности (СПФ АРАН, Оп. 3. Д. 111. Л. 35).

И вот полгода спустя, в июле 1922 г. желанное улучшение наступило: в Москве было принято решение о расширении штатов РАИМК до 165 мест научного состава. Об этом стало известно в критический момент, после многих ударов и унижений, которые пришлось пережить в связи с «изъятием» церковных ценностей. Всего полтора месяца назад тех же Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга даже не пустили на порог к председателю Петровета, когда они приехали ходатайствовать о прекращении разгрома иконостаса Казанского собора (Григорий (Чуков), 2004).

17 июля 1922 г. в РАИМК прошло экстренное заседание Совета. На него неожиданно, без предварительного оповещения председателя и многих членов Президиума, былнесен доклад И.А. Орбели о современном положении Академии. Маленькая победа в вопросе о штатах внушала большую надежду: с государством можно вести диалог.

Вот в этом и был призван убедить членов Совета РАИМК непревзойденный оратор И.А. Орбели, полностью разделявший в этой части взгляды своего учителя Н.Я. Марра. В своей речи он, в частности, заявил:

«...Важно не то, что Академия действует, а то, как она действует, согласованы ли ее действия и нужны ли они. Для того, чтобы узнать это, нужен отчет за большой период и составленный по другому принципу. Мы должны спокойно и откровенно дать беспристрастный отчет себе самим, планомерно ли протекала работа каждого Разряда или Комиссии, объединялась ли работа каждого Разряда или Комиссии какой-нибудь мыслью, теорией или хотя бы материалом исследования, или работа данного Разряда представляла собой скачки от одной темы к другой, ... которые в совокупности не могут дать ничего целостного...» (Ф. 2, 1922 г. Д. 3. Л. 45–46).

Позицию И.А. Орбели можно кратко изложить так: государство увеличило финансирование, значит, оно имеет нужду в археологах, надо лишь найти точки приложения сил. Надо действовать, выстраивать учреждение принципиально нового типа. Иначе государство перестанет содержать РАИМК – и правильно сделает.

Отметим: именно в этой речи, быть может, впервые четко выступает формирующееся противопоставление образа «российского беженства» – образу тех, кто остался на Родине и претерпел с нею все беды. Правда, пока речь идет не обо всех эмигрантах, а о коллегах, еще в 1919–1920 гг. участвовавших в создании Академии, а потом «сбежавших» за рубеж. О них докладчик упоминает с пренебрежением, как о людях, в трудное время бросивших свой пост.

Безусловно, за всем этим можно видеть политический расчет, реверанс в сторону советской власти. Но вряд ли в данном случае расчет сильно противоречил внутреннему убеждению. «Вы часовой на посту, с поста не уходят, а умирают!» – так скажет С.Ф. Ольденбург в 1925 г., обращаясь к И.А. Орбели (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 56. Л. 26об.). То же самое можно было сказать и Н.Я. Марру, и А.Е. Ферсману, и Б.В. Фармаковскому, и самому Сергею Федоровичу.

Реакция членов Совета РАИМК на эмоциональное выступление И.А. Орбели лучше всего отразилась в легкой перепалке, возникшей между ним и С.А. Жебелевым. Последний заметил, что вопрос, поднятый докладчиком, важен для Академии, но «выразил сомнение, чтобы, при неопределенности положения, в котором мы находимся, можно было дать на вопрос определенный ответ. *Надо сперва выяснить, существует ли Академия и будет ли существовать, и какими средствами она будет располагать*, тогда можно составить отчет; а иначе мы будем обманывать и ничего не сделаем... (курсив мой – Н.П.)» (Ф. 2, 1922 г. Д. 3, Л. 48).

Вот на это И.А. Орбели эмоционально возразил: «...Если мы когда-нибудь обманывали, отчитаться мы должны не перед Комиссариатом, а перед собой... Если же мы пойдем в Комиссариат просить удостоверения в том, что мы существуем, конечно, нам должны дать удостоверение в том, что мы не существуем!» (Ф. 2, 1922 г. Д. 3, Л. 48–48 об.).

Так на заседании Совета РАИМК 17 июля 1922 г. впервые четко обозначилась установка на деловое сотрудничество с советским государством, положившая начало выработке новой научной идеологии. Изучение планов, отчетов и иных документов Академии за последующие годы показывает, что в ту пору особый акцент стал делаться на разработке следующих направлений, представлявшихся наиболее актуальными в новом социальном, политическом, идеологическом контексте:

1) технологический подход к материалу и естественнонаучные методы, ставящие археологические исследования «на твердый фундамент» научного знания;

2) археология как часть комплексных исследований регионов СССР, включавших изучение их природных и человеческих ресурсов, в том числе антропологии, культурной стратиграфии и пр.;

3) анализ проблем первобытного мышления и культуротворчества с материалистических позиций.

Перспективность указанных направлений в той или иной степени осознавалась научным сообществом и раньше. Влияние новых условий сказалось в том, что именно они оказались выдвинутыми теперь на первый план,

оттесняя все остальные. Так или иначе, поиск новых методов и аспектов исследований дал свои плоды, позволив, в конечном счете, не только сохранить в СССР археологическую науку, но и развить в ней ряд направлений, пионерных для своего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы Кремля: в 2-х кн. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Ред., сост. Н.Н. Покров-

ский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. 598 с.

Григорий (Чуков), митр. Дневники 1918–1922 годов. Последние годы святительства митрополита Вениамина // Санкт-Петербургский Епархиальный вестник. 2004. Вып. 32. С. 70–81.

Платонова Н.И. РАИМК и кампания по изъятию церковных ценностей в Петрограде // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV. М.: ИА РАН, 2014 (в печати).

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫБОЛОВСТВА В ТРУДАХ В.М. ФЛОРИНСКОГО

© 2014 г. Д.О. Плахута

*Омский государственный историко-краеведческий музей, Омск
(plahuta2@rambler.ru)*

Ключевые слова: В.М. Флоринский, древнее и средневековое рыболовство, «Первобытные славяне...», рыбы кости, рыболовные грузила, гарпуны, костяные ножи для чистки рыбы, иглы для вязания сетей.

Резюме. В своих археологических исследованиях В.М. Флоринский сочетал принципы палеоэкологического и палеоэтнологического подходов, что отразилось в изучении им вопросов древнего и средневекового рыболовства в Сибири. Исследователем была проведена классификация орудий рыбной ловли, уделено внимание археологическим находкам, связанным с рыболовством. В труде «Первобытные славяне...» В.М. Флоринский сделал попытку дать комплексную характеристику рыболовству как отрасли древнего хозяйства на основе археологических источников с привлечением данных этнографии. Однако материальные свидетельства древнего и средневекового рыболовства, отнесенные ученым к археологическим источникам, в созданной им широкой историко-культурной панораме не стали, в классическом понимании, источником историческим.

Василий Маркович Флоринский (1834–1899) – известный русский ученый, врач, археолог, педагог, автор студенческих учебников. Его научное наследие, являющееся предметом историографического изучения, многообразно и широко (Белокобыльский, 1986. С. 88–91; Матющенко, 1992. С. 36, 38–39; Ястребов, 1994; 1999; Жук, 1995. С. 15; Эрлих, 2000).

Имея базовую естественно-научную подготовку, будучи врачом по специальности,

В.М. Флоринский и в свои археологические изыскания привнес «вкус» естественных наук, что нашло отражение в изучении вопросов древнего и средневекового рыболовства в Сибири.

В работах В.М. Флоринского находит отражение палеоэкологический подход, характерный для археологических работ ученых-естественников XIX в. Наряду с культурными остатками курганов и городищ, «восстанавливающих древние границы народной жизни»

ни», В.М. Флоринский заметное место отводит такому источнику как костные остатки животных. «Прирученные животные также имеют свою доисторическую судьбу. Громадное большинство их также ведет свое начало из Центральной Азии, откуда они передвигались, вместе с народностями, в другие страны и части света» (Флоринский, 1894. С. 5). В отличие от остатков домашних животных, тесно связанных с хозяйственной деятельностью человека, кости диких животных привлекаются исследователем (наряду с остатками флоры) для реконструкции окружающей человека природной среды и климата в Сибири. Последний, полагает ученый, существенно не менялся «в продолжении последних двух тысячелетий» (Флоринский, 1896. С. 105–106).

Монография «Первобытные славяне...» В.М. Флоринского была одной из самых объемных его работ (973 с., 128 ил., 39 табл.). Первоначально она была издана в «Известиях» ИТУ (кн. 7, 9, 11, 13). Одновременно часть тиража была опубликована в типолитографии П.И. Макушина отдельной книгой (Эрлих, 2000, С. 152). В этой работе В.М. Флоринский указывает, что «разыскания допотопного человека, принадлежащие к области естествознания, не имеют прямого отношения к археологии, как отрасли наук исторических» (Флоринский, 1896. С. 115). Характеризуя тобольские городища, датируемые им «дотатарским периодом», он отмечает, что последние «принадлежат к числу весьма немногих пунктов в Сибири, где было произведено не только наружное описание, но и археологическое исследование самой почвы этих древних укреплений» (Флоринский, 1894. С. 240). Ученый объективно подходил к оценке раскопок городища на Чувашском мысу М.С. Знаменским и А.И. Дмитриевым-Мамоновым, обращает внимание на обилие рыбьих костей и рыболовных грузил среди находок (Флоринский, 1894. С. 240–241).

Работая с материалами музея Томского университета, В.М. Флоринский классифицирует по форме и расположению зубцов костяные наконечники гарпунного типа, предполагая их использование при рыбной ловле. Ученый описывает «стрелы с зазубриной на одном или на обоих краях, в форме выдаю-

щегося острого зубца. Может быть, такие экземпляры назначались для охоты или для рыбной ловли. У этих стрел черенок иногда бывает круглым, с заплечиками или бороздкой для привязывания бечевки. Наконечники с зубцами правильнее назвать гарпунами» (Флоринский, 1896. С. 167). Таким образом, исследователь разделяет наконечники на две разновидности: «с черенком круглым, с заплечиками» и с «бороздкой для привязывания бечевки» (Флоринский, 1896. С. 167. Рис. 21–23). В работе В.М. Флоринского упоминаются костяные рыболовные крючки (Флоринский, 1894. С. 170. Табл. V, 41), а также костяные ножи для чистки рыбы (Флоринский, 1896. С. 169. Рис. 24). К сожалению, более подробно ученый данные предметы не описывает. Костяные ножи («миниатюрные», «из небольших ребер»), по мнению В.М. Флоринского, «не могли служить для резания твердых тел, а вероятнее всего для чистки рыбы и вообще для кулинарных целей. ... Костяные ножи встречаются исключительно в городищах, или вообще в жилых местах, вместе с черепками битой посуды» (Флоринский, 1896. С. 169–170).

В.М. Флоринский описывает сибирские каменные топоры с цапфами. По мнению исследователя, один из них (Зауралье, Пермская губерния) «по форме напоминает голову рыбы, равно как и весь предмет по очертанию имеет сходство с рыбою» (Флоринский, 1896. С. 145).

Для подтверждения своей реконструкции В.М. Флоринский обращается к этнографическим материалам по духовной культуре аборигенов Сибири, хранящимся в коллекции Томского университета. Это «пять амулетов, или идолов, привешенных к длинной веревочке... [Среди них] две овальных чучелы из рыбьей кожи с перехватом посередине, внутри набитые ватой (надеваются на шею и лоб от глазной болезни)» (Флоринский, 1898. С. 333).

Таким образом, выгодной стороной исследований В.М. Флоринского является сочетание принципов палеоэкологического и палеоэтнологического подходов, характеристика культурного слоя, классификация орудий рыбной ловли, в частности, выделение среди наконечников гарпунного типа соб-

ственно гарпунов, внимание к археологическим находкам, связанным с рыболовством (костяные ножи для чистки рыбы и иглы для вязания сетей). В труде «Первобытные славяне...» мы видим попытку дать комплексную характеристику рыболовству как отрасли древнего хозяйства на основе археологических источников (остатки орудий рыбной ловли, остеологический материал, рыбообразное изображение). Исследователь широко применяет данные этнографии. В Археологическом музее Томского университета во времена В.М. Флоринского наряду с древностями равноправное положение занимали орудия рыбной ловли сибирских народов, на стенах – иллюстрации с сюжетами рыболовческого быта (Второе прибавление..., 1898). Однако материальные свидетельства древнего и средневекового рыболовства, отнесенные исследователем к археологическим источникам, в созданной им широкой историко-культурной панораме не стали, в классическом понимании, источником историческим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 168 с.

Второе прибавление к Каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск: Па-

ровая Типо-Литография П. И. Макушина, 1898. С. 338–378.

Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 29 с.

Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск: ОмГУ, 1992. 138 с.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 1. Томск: Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1894. 360 с. (Известия Имп. Томск. ун-та; Кн. VII).

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 2. Вып. 1. Томск: Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1896. С. 1–272.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 2. Вып. 2. Томск: Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1898. С. 273–571.

Эрлих В.А. В.М. Флоринский и книга // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Матлы конф. Омск: ОмГУ, 2000. С. 151–153.

Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 172 с.

Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский в Петербургской медико-хирургической академии. М.: Сигналь, 1999. 98 с.

К ПРОБЛЕМЕ МИФОЛОГИЗАЦИИ И ПОЛИТИЗАЦИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹

© 2014 г. А.С. Проценко

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
(anton.procenko@mail.ru)*

Ключевые слова: политизация, археология, средневековье, мифологизация, этногенез, Южный Урал.

Резюме. В статье на материалах современных исторических исследований в Башкортостане критически рассматривается феномен использования археологии для доказательства древности того или иного народа на данной территории, приводятся примеры современного археологического мифотворчества. Автор приходит к выводу, что рассматриваемое археологическое «знание» выполняло сервильные функции: обслуживало интересы новых властных элит и по-своему понимаемые национальные цели титульного народа.

В постсоветский период начинается новый этап в развитии отечественной науки, в том числе и в археологии. Повсеместно происходит отход от старых методов, и исторический процесс начинают рассматривать с точки зрения цивилизационного подхода к изучению истории. Происходит смена методологической парадигмы как во всей отечественной науке, так и в археологии страны и региона. Но такой выход археологических исследований из рамок идеологии, возможности сравнивать и строить различные концепции по большей части остаются лишь потенциальными, нереализованными на практике перспективами (Проценко, 2012. С. 86).

Сегодня мы становимся свидетелями масштабных этногенетических построений, основанных на использовании различных данных: археологических, антропологических, нарративных, фольклорных, лингвистических. При комплексном подходе к ним эти данные дают возможность реконструкции основных этапов истории края, более или менее объективной. Однако гораздо чаще они используются для попыток доказательства древности того или иного народа на данной территории. Процесс этот вполне закономерен,

так как начавшийся на волне перестройки с демократизацией страны рост национального самоопределения привел к созданию так называемых региональных историографий. По мнению уфимского историка М.И. Роднова, подобные историографии замкнулись в своих «скорлупках», в них оформились свои организационно-управленческие структуры, свои теоретические, методологические принципы изучения прошлого (Роднов, 2010. С. 32).

Л.С. Клейн выделяет три наиболее характерных проявления синдрома национальной уязвленности в содержании археологических исследований: «всемерное отстаивание исконности, глубочайшей древности своего народа и обитания его всегда, испокон веков, на его нынешней территории»; «поиски «знатных предков», происхождение от которых могло бы возвеличить уязвленный народ в собственных глазах и в глазах соседей»; «война на археологических картах, археологическая экспансия» – «представители каждого уязвленного народа стремятся представить территорию своего народа или землю своих «знатных предков» как можно более пространной, покрывающей и земли нынеш-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания на проведение НИР Минобрнауки РФ (2014–2016 гг.).

них соседей» (Клейн, 1993. С. 66–68). <http://korenyako.ru/doc/etno.htm> - 4

Известный сарматовед Л.Т. Яблонский (2011. С. 85–94) не раз критиковал башкирского археолога В.Г. Котова (2001, 2006а, б) за его вольную трактовку изображений эпохи палеолита, вольное априорное сопоставление этих изображений с отдельными эпизодами из башкирского эпоса «Урал-Батыр»; за то, что он ведет этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности», где проблема межэтнических отношений стоит весьма остро, а любое неловкое движение в сфере межэтнических взаимоотношений грозит тяжелыми последствиями» (Яблонский, 2010. С. 53).

Говоря об исследованиях В.Г. Котова, нельзя не отметить и его работу в первом томе «История башкирского народа», где им написан раздел «Мифологические представления древних башкир». Характеристика данного раздела дана в рецензии на этот том, дословно в ней говорится: «Раздел открывается главой «Башкирский героический эпос «Урал-батыр» как исторический источник». Автор повторяет свою любимую идею о «сходстве структуры, отдельных персонажей и их функций, мифологической основы эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» со структурой и семантикой изобразительных композиций в палеолитических пещерных святилищах», о «литературной обработке мифа в III–II тыс. до н.э.» и о превращении мифа в героический эпос (Горбунов и др., 2012. С. 179).

Рубеж XX–XXI вв. в силу диалектики развития археологической науки в течение предшествующего столетия стал временем появления серии обобщающих фундаментальных работ. Не стала исключением и Республика Башкортостан, в которой была подготовлена и издана многотомная «История башкирского народа». Для нас интересен и безусловно важен первый том из этой серии (общее количество томов 7), который получил отрицательную рецензию ведущих специалистов по древней истории Южного Урала. В рецензии отмечается, что том I «Истории башкирского народа» при своих положительных качествах отличается многими недостатками, в том числе крупными и бросающимися в глаза, хотя имеющими разное происхождение: от не-

достаточной авторской компетентности, до явно неудовлетворительной редактуры (Горбунов и др., 2012. С. 176–180). Свои замечания высказал по первому тому и акад. АН РБ Н.А. Мажитов (2010. С. 17).

В последние несколько лет археологи Башкирского госуниверситета под руководством Н.А. Мажитова выпустили ряд работ, говорящих о существовании так называемого города Башкорт на месте исследуемого городища Уфа II (Мажитов, Султанова, Сунгатов, 2007; Мажитов, 2011). Исследователи отмечают, что упоминание о древнем городе под названием Башкорт (Башкирд, Башкурт), расположенном на месте современной Уфы, и нескольких других башкирских городах встречается во многих иностранных источниках; сведения письменных источников о городах еще более актуализируют необходимость целенаправленных полевых работ по поиску других средневековых городов.

Оппонируя своим коллегам, В.А. Иванов тезисно отмечает, что существование башкирских городов – еще один пример современного археологического мифотворчества; у Н.А. Мажитова и его соавторов отношение к письменным источникам довольно своеобразное, они их не цитируют, а пересказывают, причем в довольно вольной интерпретации; такое же вольное отношение наблюдается и к анализу археологических источников; город Башкорт – авантюра Н.А. Мажитова (Иванов, 2012; Иванов, Антонов, 2013).

На наш взгляд, рассмотренный дискурс не только зеркало, в котором отражаются кризисные черты региональной археологической науки. Рассматриваемое археологическое «знание» выполняло сервильные функции: оно обслуживало интересы новых властных элит и по-своему понимаемые национальные цели титульного народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Коренько В.А. [Рец.]. История башкирского народа / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. I. М.: Наука, 2009. 400 с., ил. // РА. 2012. № 3. С. 176–180.

Иванов В.А. Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды

(еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа II) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 404–414.

Иванов В.А., Антонов И.В. «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. С. 64–79.

Котов В.Г. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. Уфа: Гилем, 2001. С. 54–79.

Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-Батыр» историко-мифологические основы. Уфа, 2006а. 408 с.

Котов В.Г. Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат-лы конф. / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006б. С. 17–21.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Мажитов Н.А. К вопросу о происхождении башкирского народа // Проблемы востоковедения. 2011. № 3. С. 20–32.

Мажитов Н.А. Где подлинная история народа? Уфа: Гилем, 2010. 27 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатова Ф.А. Еще раз о городе Башкорт – столице средневекового Башкортостана // Вестник АН РБ. 2007. Т. 12. № 4. С. 33–37.

Проценко А.С. Социальные реконструкции в археологии Прикамья и Приуралья в эпоху средневековья // Мат-лы региональной V башкирской конференции. Уфа: БашГУ, 2012. С. 86–95.

Роднов М.И. Уроки Любавского // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 31–33.

Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология! (Спички детям не игрушка) // XVIII уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 52–63.

Яблонский Л.Т. Теория этногенеза и ее фальсификация в современной России // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. С. 85–94.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ СОВМЕСТНОЙ С ИНСТИТУТОМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН ИССЛЕДОВАТЕЛЬ- СКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ

© 2014 г. А.Д. Пряхин

*Воронежский государственный университет, Воронеж
(55148@list.ru)*

Ключевые слова: Воронежский университет, кафедра археологии и истории древнего мира исторического факультета, лаборатория историографии археологии Евразии, Центр по историографии отечественной археологии.

Резюме. Рассмотрена деятельность исследовательской лаборатории историографии археологии Евразии, организованной при кафедре археологии и древнего мира исторического факультета Воронежского университета, со времени ее создания в 1999 г. и по настоящее время. Сотрудниками лаборатории (позднее Центра по историографии отечественной археологии) были организованы тематические конференции, опубликованы серии статей и монографии.

В конце 1999 г. по инициативе директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН акад. А.П. Деревянко в Воронежском университете была создана совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН научно-исследовательская лаборатория историографии Евразии ВГУ, которая остается единственной научно-исследовательской структурой такого рода в области изучения историографии археологии в стране (научный рук. лаборатории А.Д. Пряхин, заведующий – А.В. Моисеев). Основные направления деятельности лаборатории вскоре были сформулированы в нашей совместной с А.П. Деревянко статье о первых годах в деятельности лаборатории (Деревянко, Пряхин, 2001), а в середине первого десятилетия нового столетия они же были обозначены в разделе о деятельности лаборатории в книге «Институт археологии и этнографии» следующим образом:

– периодизация, оценка периодов и этапов развития отечественной археологии (русской, советской, российской);

– научное наследие выдающихся представителей отечественной археологии;

– история развития археологии в классических университетах страны, взаимодействие академической и университетской науки;

– история изучения древних скотоводов евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы;

– становление и развитие региональных археологических центров (на примере юга Центральной России (Институт археологии и этнографии, 2006. С. 126).

Эти направления остаются основными в последующее время. Их разработка в немалой степени способствовала и продолжает способствовать повышению уровня профессиональной подготовки будущих специалистов. Да и сама научная деятельность лаборатории часто предопределяется потребностью совершенствования учебного процесса.

Созданию лаборатории предшествовала исследовательская работа по историографии археологии, которая велась на кафедре археологии и истории древнего мира исторического факультета ВГУ. Были опубликованы не только серии статей историографического характера, но и отдельные книги (Немировский, 1986; Пряхин, 1986). Преподаватели, аспиранты и соискатели кафедры выступали с историографическими докладами на ряде научных конференций. Тем самым образование в структуре исторического факультета ВГУ в конце 1999 г. научно-исследовательской лаборатории по историографии археологии Евразии явилось событием, фиксиру-

ющем статус «историографии археологии» в рамках кафедры и исторического факультета. В отчете за первый год работы лаборатории значился только один сотрудник, работающий на полной ставке, – А.В. Моисеев, три совместителя (Е.Ю. Захарова, А.С. Саврасов и Е.Б. Свистова) и четыре исследователя, работающих на общественных началах (А.Д. Пряхин – научный рук., М.В. Цибин, И.Е. Сафронов и А.А. Припадчев).

Со временем образование лаборатории совпало проведение региональной научной конференции «Археология Черноземного центра России: история исследований, историография», приуроченной к 100-летию со дня рождения выпускника Воронежского университета, впоследствии одного из ведущих археологов советского времени, внесшего выдающийся вклад в изучение палеолита С.Н. Замятина. Среди других докладов был заслушан и наш совместный с А.П. Деревянко доклад о научном наследии Сергея Николаевича Замятина.

Вскоре, в конце 2001 г. была организована научная конференция «Региональная археология Центрального Черноземья (историография, оценка современного состояния)». Началось проведение ежегодных чтений по историографии археологии Евразии. Материалы четвертых, состоявшихся в 2004 г., чтений были опубликованы (История отечественной археологии, 2004). Показательно, что продолжавшие издаваться в это время тематические сборники серии «Археология Евразийской лесостепи» с начала нового столетия все более приобретают историографическую направленность (Археология в Российских университетах, 2002; Отечественная археология XX века, 2004; Пастушеские скотоводы, 2005; Эпоха металла Восточной Европы, 2006).

Во все большей степени проявлялась историографическая направленность выполняемых по археологии диссертационных исследований (надкандидатскими диссертациями историографического профиля работали А.Н. Голотвин, А.В. Моисеев, А.А. Припадчев, И.Е. Сафронов, Е.Б. Свистова и др.).

В рамках деятельности лаборатории и кафедры археологии исследовались ключевые вопросы, связанные с периодизацией развития археологии в стране (русской до-

революционной, советской, российской), история развития археологии в Центрально-Черноземном регионе страны, история развития университетской археологии, что нашло отражение в читаемом по специализации «Археология» спецкурсе «История отечественной археологии», первая часть которого была издана в 2005 г. в виде учебного пособия для специализирующихся по археологии студентов (Пряхин, 2005). Изучалось наследие отдельных ученых (М.И. Артамонов, В.А. Городцов, Д.Я. Самоквасов и др.). Постепенно крепло убеждение, что настало время иметь в университете исследовательский центр по историографии отечественной археологии с включением в его структуру имеющейся лаборатории по историографии археологии Евразии. Такой исследовательский центр был создан в 2007 г. (директор – А.Д. Пряхин, его заместитель – Е.Ю. Захарова).

В 2008 г. в рамках ежегодной научной сессии ВГУ работала отдельная секция исследовательского Центра по историографии отечественной археологии. В этом же году вышел первый выпуск научных трудов центра, среди авторов которого как российские, так и украинские исследователи (Из истории отечественной археологии, 2008; Моисеев, 2008). Был подготовлен второй выпуск трудов исследовательского центра.

Примечателен тот факт, что ныне над перспективными исследовательскими темами работают имеющие ученые степени доценты Е.Ю. Захарова (2008, 2011), М.В. Цибин (2008), кандидаты исторических наук И.Е. Сафронов, А.Н. Голотвин (2008, 2014). Е.Ю. Захарова завершила написание докторской диссертации «Региональная археология Центрального Черноземья России (1850–1960-е гг.)». М.В. Цибин исследует проблемы взаимоотношения Древней Руси и кочевнического мира по данным археологии. И.Е. Сафронов работает над темой «В.А. Городцов и его научно-педагогическая деятельность в области археологии» (Белозерова, Кузьминых, Сафронов, 2011). А.Н. Голотвин изучает научную деятельность Д.Я. Самоквасова и его вклад в развитие отечественной археологии. Публикуются монографические исследования (Медведенко, 2006; Пряхин, 2008, 2013; Голотвин, 2014).

Сформирован и начал работу научный совет по историографии отечественной археологии, в состав которого помимо ученых ВГУ вошли такие ведущие российские ученые как акад. В.И. Молодин, д-ра ист. наук В.И. Гуляев, А.С. Смирнов, И.Л. Тихонов. Отсутствие же постоянного финансирования не позволяет пока в должной мере развернуть деятельность этого исследовательского центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология в Российских университетах / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. 128 с. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 16).
- Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 472–510.
- Голотвин А.Н.* Д.Я. Самоквасов и его вклад в отечественную археологию // Труды II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН. 2008. С. 206–209.
- Голотвин А.Н.* Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей. Воронеж: Научная книга. 2014. 196 с. (Научные труды ООО НПО «Черноземье»; Вып. 1).
- Деревянко А.П., Пряхин А.Д.* Первые шаги научно-исследовательской лаборатории по историографии археологии Евразии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Воронежского госуниверситета // Вестник: периодический научный журнал Воронежского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 217–221.
- Захарова Е.Ю.* Роль столичных учреждений и научных обществ в становлении воронежской археологии // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале Т. III. М.: ИА РАН, 2008. С. 216–218.
- Захарова Е.Ю.* Этапы развития воронежской региональной археологии // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда в Суздале (Великий Новгород – Старая Русса). Т. II. М.; Вел. Новгород: ИА РАН, 2011. С. 328–330.
- Из истории отечественной археологии / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГУ. 2008. 271 с.
- Институт археологии и этнографии: поиски и открытия / Сост. М.В. Шуньков. Новосибирск: ИНФОЛИО. 2006. 144 с.
- История отечественной археологии: дореволюционное время. Мат-лы IV чтений по историографии археологии Евразии / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 56 с.
- Медведевко Н.А.* История и археология Хазарского каганата в исследованиях М.И. Артамонова. Воронеж: Истоки, 2006. 174 с.
- Моисеев А.В.* Историография отечественной археологии в исследованиях ученых ВГУ: библиография трудов (1999–2007) // Из истории отечественной археологии / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГУ. 2008. С. 247–268.
- Немировский А.И.* Нить Ариадны (Из истории классической археологии). 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 343 с.
- Отечественная археология XX века (исследователи, история исследований) / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2004. 140 с. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 18).
- Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации) / Ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 2005. 181 с. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 19).
- Пряхин А.Д.* История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. 286 с.
- Пряхин А.Д.* История отечественной археологии. Ч. 1. Русская дореволюционная археология. Воронеж: ВГУ, 2005. 185 с.
- Пряхин А.Д.* Доно-донецкая степь–лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. 257 с.
- Пряхин А.Д.* Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1 / Ред. А.П. Деревянко. Воронеж: ВГУ, 2013. 140 с.
- Цыбин М.В.* Юго-восток Руси и кочевники. Вехи формирования археологической исследовательской темы // Из истории отечественной археологии / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГУ. 2008. С. 87–94.
- Эпоха металла Восточной Европы (историография, публикации) / А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. 147 с. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 20).

НАУКА И ЕЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ – ПРИОРИТЕТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКИХ И ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ДО 1917 ГОДА

© 2014 г. А.С. Смирнов

*Институт археологии РАН, Москва
(assmirnov@mail.ru)*

Ключевые слова: археологическое сообщество Российской империи, археологические институции, Санкт-Петербург, Москва, популяризация археологии, профессионализация науки, дореволюционный период.

Резюме. В археологическом сообществе Российской империи существовало два принципиально различных понимания целей и задач археологических институций. Московские археологические объединения занимались главным образом популяризаторской и общественно-организационной деятельностью, привлекая провинциальных коллег к занятиям археологией. Петербургское археологическое сообщество прилагало усилия для развития профессионализации археологической науки, решения конкретных научных проблем. Археологи Москвы и Петербурга в своей деятельности составляли симбиоз, позволявший, с одной стороны, создавать единое информационное и образовательное пространство, способствуя творческой самореализации местной интеллигенции, а с другой – заниматься решением научных проблем, требовавших профессиональных навыков и специальных знаний.

В последние годы в археологической литературе появились труды, посвященные вопросам когнитивной истории археологии. Но наука в своей деятельности сочетает когнитивные и социокультурные институты. Социокультурному аспекту в истории отечественной археологии уделяется меньше внимания. В особенности дореволюционному периоду.

В этом отношении показательным представляется сравнительный анализ деятельности московских и петербургских археологических институций. В двух столицах существовали авторитетные археологические общества, действовали частные высшие учебные заведения историко-археологического профиля.

Северной столице принадлежит первенство в создании археологических обществ и учебных заведений. Аналогичные структуры в Москве создавались по образу и подобию петербургских. При организационно-правовом сходстве этих общественных научных объединений, близости провозглашаемых целей и задач в их повседневной деятельности наблюдались принципиальные различия.

Русское археологическое общество (РАО) объединяло в своих рядах преимущественно представителей научной элиты, членов университетской корпорации и Академии наук. Это была закрытая корпоративная организация. Согласно уставу РАО «лица, не принадлежащие к обществу, могут присутствовать в обыкновенных заседаниях по представлении одного действительного члена и с согласия председателя».

Деятельность РАО была сосредоточена на решении профессиональных проблем, формулировании конкретных научных гипотез. Заседания общества по своему составу, обсуждаемым вопросам, уровню научных дискуссий были сопоставимы с заседаниями университетских кафедр.

Сосредоточение интересов руководства и членов общества в рамках профессиональной науки объясняет отсутствие устремлений к увеличению числа членов РАО за счет провинциальных претендентов и формированию региональных структур.

В деятельности Петербургского археологического института (ПАИ) также прослежива-

ется тесная связь со столичным университетом и академическими кругами. Директорами ПАИ были известные ученые: ректор Петербургского университета И.Е. Андреевский, проф. Петербургской духовной академии Н.В. Покровский, акад. С.А. Платонов.

ПАИ более чем за сорок лет своего существования не предпринял усилий к образованию представительств в губерниях. Преподаватели института читали лекции в Пскове, Новгороде, Твери. Но никаких попыток придать подобным чтениям постоянный характер не предпринималось.

Наиболее известным археологическим объединением в Москве было Московское археологическое общество (МАО), созданное в 1864 г. и руководимое вплоть до 1917 г. членами семьи Уваровых.

Основатель МАО граф А.С. Уваров главную задачу общества видел в объединении провинциальных подвижников археологии, в пропаганде необходимости изучения и сохранения археологических памятников. «Мы надеемся этим путем скорее распространить в публике понимание и любовь к археологии», – утверждал граф.

Для выполнения этих задач МАО стремились создать свои отделения в губерниях. Отделение общества существовало на Кавказе (1901). П.С. Уварова предпринимала шаги по организации отделения в Варшаве.

Появление и успешная деятельность русских археологических съездов также обязано стремлению МАО к организации и структуризации региональных научных сил.

Местные отделения Предварительных комитетов съездов превращались на несколько лет в провинциальные отделения МАО, объединяя и направляя усилия местных научных обществ и отдельных исследователей. Заслуга съездов в этой области общепризнана.

Но многие современники справедливо упрекали МАО и съезды в стремлении к излишней популярности, ведущей к распространению дилетантизма в науке. Это отмечали даже члены общества. В.А. Городцов подготовил для обсуждения на XIV съезде брошюру «Положение и Инструкция для производства археологических раскопок». Но, как отмечал Василий Алексеевич, «в числе членов этого съезда не оказалось ни одного компетентного

лица, которое бы взяло на просмотр и оценку рукопись».

С критикой деятельности съездов выступала и Археологическая комиссия, ратовавшая за большую специализацию съездов, упрекая организаторов за неоправданное стремление охватить все возможные и невозможные вопросы. Комиссия предлагала «ограничить право голоса в постановлениях археологических съездов, предоставив оное лишь членам научных учреждений». А.А. Бобринский считал необходимым передать право организации съездов Археологической комиссии.

Подобная критика имела основания, что позволяет согласиться с тем, что упреки МАО в аморфности научных целей съездов и, нередко, в дилетантизме представленных рефератов, имеют основания.

В 1907 г. в Москве был создан частный Московский археологический институт (МАИ), возглавлявшийся А.И. Успенским. Институт обладал широкой филиальной сетью. В дореволюционное время отделения МАИ были открыты в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде и Ярославле. Велись переговоры об открытии отделений в Вильно, Орле и Курске. После 1917 г. были созданы отделения в Ростове Великом, Воронеже, Оренбурге, Казани и делались попытки открыть отделение в Рязани.

Московские археологические институции объединяет целый ряд общих черт. Прежде всего – стремление к распространению исторических и археологических знаний в широких кругах общества, к популяризации археологической науки, к привлечению новых adeptов изучения свидетельств прошлого.

Но желание охватить в своей деятельности как можно более широкие круги приводило МАО и МАИ к снижению научного уровня своей деятельности, адаптации методов и методик науки до уровня, доступного дилетантам.

При всех негативных последствиях подобного подхода к организации научной деятельности и преподаванию археологических дисциплин, нельзя не согласиться с тем, что Москва, в глазах провинциального общества, была признанным организационным центром, всячески поддерживающим подвижников на местах.

Специфика московских археологических объединений сказалась на индивидуализированной форме управления. Единоличное главенство П.С. Уваровой и А.И. Успенского на фоне многочисленных, но не всегда авторитетных, а то и вовсе непрофессиональных членов, выглядит оправданным и рациональным. При этом и графиня, и архивариус Архива министерства двора не принадлежали к университетско-академической корпорации. Не отрицая высокого образовательного и интеллектуального уровня руководителей московских археологических организаций, следует признать, что они не имели комплексного гуманитарного университетского образования, а главное, полноценной школы исследовательской работы, которую студенты университетов получали путем непосредственного общения с профессорами на семинарах, в индивидуальных беседах и при практических занятиях.

Во главе Русского археологического общества и Петербургского археологического института не было монопольного руководителя, как в МАО или МАИ. В северной столице действовали объединения авторитетных ученых, что исключало появление однозначно признанного лидера, с большей или меньшей степенью авторитарности руководившего своими коллегами.

Представляется обоснованным утверждение, что в среде археологического сообщества Российской империи существовало два принципиально различных понимания целей и задач в деятельности археологических институций.

Московское археологическое общество и Московский археологический институт были наиболее яркими представителями направления, считавшего главной задачей популяризацию археологической науки, продвижение археологических знаний в максимально широкие круги провинциального общества, видя в подобном подходе пути решения проблемы сохранения археологического наследия страны и утверждения среди народа представлений о национальной истории. Понимая, что совместить подобные действия с сохранением высокого уровня научной деятельности практически невозможно, руководители МАО и МАИ соглашались на либерализацию тре-

бований к своим членам, снижая уровень научной критики их действий и трудов.

Русское археологическое общество видело свое предназначение в развитии профессионализации археологической науки, концентрации усилий ученых для решения конкретных научных проблем. Наука, а не общественно-организационная и популяризаторская деятельность, была их главной целью, ради которой они были согласны жертвовать вниманием провинциальных коллег и единомышленников.

Археологи Москвы и Петербурга в своей деятельности удачно дополняли друг друга, составляя симбиоз, позволявший, с одной стороны, создавать единое информационное и образовательное пространство, способствуя творческой самореализации местной интеллигенции. С другой – заниматься решением научных проблем, требовавших профессиональных навыков и специальных знаний.

Трудно однозначно объяснить экстравертные устремления московских археологов и интровертное поведение их петербургских коллег. Не исключено, что в этом явлении присутствуют те же причины и особенности научной деятельности, что и у представителей московской и петербургской исторических школ. Стремление историков-москвичей к широкому историческому обобщению, формировавшее традиции московской исторической школы, могло подтолкнуть представителей археологической науки к общению с максимально широким кругом своих действительных и потенциальных коллег в губерниях.

Сосредоточение представителей петербургской исторической школы на детальном анализе конкретных фактов, традиции немецкой исторической школы, проследивавшееся в ученом мире северной столицы, способствовало формированию более закрытой и профессиональной ученой корпорации. Выходцы из этого сообщества, составлявшие основу петербургских археологических структур, могли принести свойственные ему традиции в среду археологов.

Оба подхода к формированию и деятельности археологических институций дореволюционной России являлись объективно необходимыми и дополняющими друг друга. Они способствовали формированию единого

научного сообщества столичных ученых и региональных исследователей, комплексному и всестороннему развитию отечественной археологической науки, сочетавшей фундаментальность академических разработок и обширность и постоянное пополнение источниковой базы. Только подобным комплексным путем было возможно обеспечить про-

движение достижений столичной науки на места, способствуя появлению в губернских городах профессиональных ученых-археологов, утверждению в широких кругах российского общества понимания важности и уникальности исторических и археологических свидетельств, необходимости их сохранения и тщательного изучения.

АРХЕОЛОГИЯ В ИМПЕРАТОРСКОМ ЭРМИТАЖЕ

© 2014 г. И.Л. Тихонов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
(iltikhonov@mail.ru)*

Ключевые слова: Императорский Эрмитаж, археология, музей, экспозиция, археологические коллекции.

Резюме. В статье прослеживается история археологической коллекции Эрмитажа с конца XVIII – до начала XX в. К 1910-м гг. она превратилась из придворного собрания забавных безделушек в значительную и серьезную часть музейного собрания.

Императорский Эрмитаж (ИЭ) к середине XIX в. был крупнейшим хранилищем археологических материалов. Наряду с художественной коллекцией археологическое собрание стало играть существенную роль. Начало формирования собрания музейных древностей относится еще к XVIII в. Первоначально это были покупки антиков за границей. Самым крупным приобретением такого рода стало собрание скульптуры Д. Лайд-Брауна, насчитывающее 260 предметов и купленное в 1785 г. за 23 тыс. фунтов стерлингов. С начала XIX в. все больше случайных находок, кладов стало поступать с территории России. Однако описание Эрмитажа, изданное в 1828 г. в Берлине (*Notice...*, 1828), показывает, что древности, за исключением некоторого количества античных статуй, расставленных беспорядочно для украшения интерьеров, и резных камней, занимали до определенного времени ничтожное место в экспозиции придворного музея.

Новый этап собирания археологического материала начался после 1830 г., когда в Эрмитаж были привезены скифские древности, найденные в кургане Куль-Оба. Уникальные сокровища из Керчи настолько заинтересовали Николая I, что он повелел продолжать раскопки и выделял на них средства из своего Кабинета. Согласно распоряжению, в Эрмитаж были переданы древности из Публичной библиотеки. С 1831 г. находки из раскопок в Керчи и на Таманском полуострове поступали ежегодно. Только в 1834 г. из Керчи поступило около тысячи вещей (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1, 1831 г. Л. 214, 231). Количество находок за десятилетие так возросло, что у Ф.А. Жилия, возглавившего I отделение музея с 1840 г., возник замысел издания, посвященного керченским древностям, но реализовать эту идею удалось только в 1854 г. Процесс был форсирован и открытием Нового Эрмитажа (1852), задуманного Кленце в 1839 г. как музейное здание, первый этаж которого пред-

назначался для древнего искусства. Для экспонирования археологических находок были спроектированы специальные витрины (Пиотровский, 2000. С. 198).

Продолжалось поступление древностей из-за границы, самым значительным было приобретение коллекции маркиза Кампана в Риме (1861). Императорская археологическая комиссия (ИАК) нередко приобретала за счет своего бюджета отдельные находки, клады и целые коллекции специально для Эрмитажа. В 1889 г. была приобретена коллекция кавказских бронз К.И. Ольшевского, за которую комиссия заплатила 10 тыс. руб. Музей мог покупать археологические находки и без посредничества ИАК. По смете расходов еще с 1880-х гг. ИЭ полагалось всего 5000 рублей в год на приобретение экспонатов для всех отделений, но в реальности из Министерства императорского двора могли эпизодически выделяться значительные суммы на покупку древностей. Самыми крупными приобретениями Эрмитажа по этой части стали собрание терракотовых статуэток П.А. Сабурова, купленное в 1884 г. за 100 тыс. рублей, и парижская коллекция А.П. Базилевского, за которую заплатили 7 млн. франков. Однако после 1901 г. крупных покупок археологических предметов уже не было. Одной из причин этого было осознание научной ущербности коллекций, составленных из случайных находок (Тихонов, 2013б. С. 405). Основным источником пополнения археологической коллекции продолжали оставаться поступления из ИАК, наличие которой избавляло Эрмитаж от необходимости самостоятельной организации раскопок. Одним из немногих исключений была экспедиция хранителя средневекового отделения В.Г. Бока в Египет.

К 1895 г. общее число предметов, хранящихся в Отделении древностей, достигло 63093 единиц, из них найденных в Северном Причерноморье – 28268 (в том числе 1613 золотых вещей). Собрание древней скульптуры насчитывало 431 произведение, собрание резных камней – 16297, коллекция античной расписной керамики – 2038, терракот – 1028, металлических и бронзовых греческих, этрусских, римских предметов – 1072, скифских и других древностей, найденных в пределах Российской империи – 11445 (в том числе

6292 золотых вещей), египетские и ассирийские древности – 2520.

Первоначально причерноморские древности были выставлены в Зале Босфора Киммерийского в Новом Эрмитаже и на втором этаже в Кабинете императрицы. В начале 1860-х гг. произошли серьезные изменения. Керченские древности перевели в Двдцатиколонную залу, с тех пор именуемую «Керченской», а хранившееся в ней собрание расписных ваз, также значительно пополнившееся, разместили в четырех залах справа от входа в юго-восточном углу здания. Был расформирован Кабинет императрицы, и экспонировавшиеся там археологические находки перешли в залы первого этажа. Экспозиция причерноморских древностей постоянно менялась и за счет новых материалов. Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Л.Э. Стефани вел очень активную работу по пополнению экспозиции, затем эта деятельность возобновилась в начале 1890-х его преемником Г.Е. Кизерицким. К началу XX в. археологические экспозиции заняли практически все залы первого этажа здания Нового Эрмитажа. Из 17 залов 14 было отведено под выставки Отделения древностей.

Экспозиции средневекового отделения, образованного в 1885 г., разместились в залах первого этажа здания Старого Эрмитажа, плохо приспособленных под экспозиционные площади. Материал выставлялся в них без необходимого разграничения и в неудачных для обозрения витринах, скученно, без определенной системы. В первоначальной экспозиции из двадцати залов средневекового отделения археологические коллекции были представлены в четырех, а затем она была расширена Я.И. Смирновым.

О содержании и организации экспозиции музея позволяют судить каталоги зала «Древностей Босфора Киммерийского» (1864, 1872, 1886), «Указатели» средневекового отделения Н.П. Кондакова (1891), и, особенно, путеводители Н.Е. Макаренко (1916). Анализируя общие принципы построения экспозиции Отделения древностей, отметим, что многие вещи выставлялись в разрозненности археологических комплексов не только в разных витринах, но иногда даже в разных залах. Вместе могли выставляться предметы, не

связанные между собой ни хронологически, ни территориально, ни культурно. К примеру, вместе были выставлены находки из сарматского кургана Хохлач первых веков н.э. и скифских курганов IV в. до н.э. (Алексеев, 1987. С. 59). В лучшем случае можно увидеть стремление объединить в экспозиционные комплексы предметы одной категории (погребальные венки, терракотовые статуэтки и т.д.). Такова была специфика экспонирования и трактовки археологии в художественном музее. Преобладал художественный, а не исторический подход, когда вещи представлялись в большей степени как произведения древнего искусства, а не элементы единой культурной среды. Массовый бытовой материал в экспозиции практически отсутствовал. Г.Е. Кизерицкий специально подчеркивал, что предметам каменного века вообще не место в музее: «доисторические предметы не должны поступать в коллекцию Эрмитажа» (АГЭ. Д. 17, 1897 г. Л. 30; Тихонов, 2012. С. 431). Не было попыток показать реконструкции погребальных обрядов, отражаемых в особенностях погребальных сооружений. Какой-либо пояснительный материал (карты, зарисовки, тексты и др.) и даже этикетки отсутствовали. Под каждым предметом был помещен лишь инвентарный номер, и посетитель только из каталога узнавал название вещи. Каталоги отличались лаконичностью и нередко ограничивались записями типа «надгробный камень» или «золотая вещица неопределенного назначения» (Императорский Эрмитаж, 1864. С. 9, 65). Последнее издание каталога предметов, происходивших из раскопок на территории России, было выпущено в 1886 г. и к началу XX в. устарело. Экскурсионное обслуживание не было предусмотрено. Кизерицкий был не склонен к каким-либо переменам (Тихонов, 2012), и они начались только с 1905 г. после появления там энергичного О.Ф. Вальдгауера (Мавлеев, 2005. С. 10). Именно им и Е.М. Придиком впервые был поднят вопрос об экспонировании материала по комплексам находок.

Археологическая коллекция проделала в Эрмитаже за столетие огромный путь, превратившись из придворного собрания забавных безделушек начала XIX в. в значимую, серьезную часть музейного собрания к

1910-м гг. Количество предметов Отделения древностей и соответствующей части Отделения Средних веков приближалось к внушительной цифре в 100000 единиц хранения. Археологические собрания за счет поступлений из раскопок пополнялись значительно интенсивнее, чем художественные коллекции. В начале XX в. в ИЭ стали поступать не только разрозненные коллекции, содержащие произведения искусства, но и рядовой массовый материал из раскопок – фрагментированная керамика, железные ножи и наконечники стрел, грузики. Хранители древностей музея перешли от составления простых перечней экспонатов к созданию подлинно научных каталогов отдельных частей собрания. Но кардинальные изменения структуры и всей научной работы музея произошли уже в 1920-е гг., в совершенно иных социально-политических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Античное искусство в советском музееведении. Л.: ГЭ, 1987. С. 59–66.

Императорский Эрмитаж. Древности Босфора Киммерийского (Зала VII). СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1864. 83 с.

Кондаков Н.П. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891. 369 с.

Мавлеев Е.В. Вальдгауер (Страницы истории Эрмитажа). СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. 171 с.

Макаренко Н.Е. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа. Краткий путеводитель. Пг.: Община св. Евгении, 1916. 307 с.

Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 574 с.

Тихонов И.Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2012. С. 419–438.

Тихонов И.Л. История Российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2013а. 54 с.

Тихонов И.Л. О способах приобретения причерноморских и кавказских древностей Императорским Эрмитажем // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф. Краснодар: Экоинвест, 2013б. С. 403–407.

Notice sur les principaux tableaux du musée imperial de L'Ermitage a Saint-Petersbourg. Berlin: T. Trautwein, 1828.

ТИПЫ И КУЛЬТУРЫ УРАЛО–СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. А. Я. Труфанов

Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия, Екатеринбург (trufanov_alex@rambler.ru)

Ключевые слова: урало-сибирская археология, культурно-историческая общность, археологическая культура, тип памятников, тип керамики.

Резюме. Статья посвящена анализу практики выделения археологических культур в археологии Урала и Западной Сибири. Стремление иерархически упорядочить различные по масштабам и степени изученности культурные образования нередко приводит к не вполне осмысленному отказу от употребления этого термина. «Малые» культуры остаются на уровне «типа памятников» («типа керамики»), «мегакультуры» переводятся в разряд культурно-исторических общностей. Между тем, если относиться к археологической культуре с позиций археологического источниковедения – выявлению ее качественного своеобразия на основе корректного выделения признаков и установления их неслучайной взаимосвязи, количество памятников культуры не имеет большого значения. Гораздо существенней, что исследователь видит за термином «археологическая культура»: совокупность археологических памятников или конкретную, подчас этническую группу.

В урало-сибирской археологии выделение археологических культур по принципу «такого раньше не было» достаточно универсально. Поскольку большинство культур Урала и Западной Сибири выделялись и выделяются на основании керамики, при определении новой делается акцент на качественное своеобразие керамического материала, которое, по мнению авторов, и определяет его культурную специфику. И хотя качественная составляющая керамики определяется, как правило, визуально и обосновывается сугубо дескриптивно, возражения оппонентов, в большинстве случаев, носят исключительно ритуальный характер и обусловлены зачастую не качественным, а количественным фактором.

Один из ритуальных аспектов выделения археологической культуры заключается в том, что делать это по одному-двум памят-

никам «неприлично» или (если мягче) преждевременно. Ярким примером является недавнее выделение Л.В. Ивасько каюковской культуры эпохи неолита по одному памятнику (Ивасько, 2002) и реакция на это коллег. Считается, что культура должна обрасти такими характеристиками как территория (читай – количество памятников), погребальный обряд, домостроительство и пр. Замечу по этому поводу, что, значимость погребального обряда в общей характеристике культуры, конечно, велика, однако, я не помню случая, чтобы отсутствие погребальных памятников или их эпохальное сходство с соседними привело, спустя много лет, к отказу от выделения археологической культуры. Подчеркну, что случай с каюковской культурой это не пример для подражания, а пример воздействия количественного фактора на оценку качественной

составляющей в оценке археологического источника, проявляющегося, в частности, терминологически.

Исторически сложившаяся в урало-сибирской археологии ритуальная схема выделения археологических культур подразумевает, что сначала необходимо выделить «тип керамики», затем «тип памятников» и затем уже культуру. Что такое «тип памятников» вообще не вполне ясно; складывается впечатление, что это своеобразный эвфемизм археологической культуры. Выделение же типа керамики воспринимается с «меньшей ответственностью», поэтому происходит с большей, подчас пугающей легкостью. Особенно это было и остается характерным для археологии неолита/энеолита и раннего железа Зауралья.

Заметим, что количественный фактор играет роль не только на начальной стадии выделения культуры, но и по прошествии многих лет исследования. Показателен пример изучения завьяловской культуры. Выделение ее Т.Н. Троицкой в начале 1970-х гг. длительное время сомнений ни у кого не вызывало. На протяжении 40 лет ей посвящались десятки статей, диссертации, затем автор отказывается от нее. Мотивировка – малое количество памятников (Троицкая, Мжельская, 2008). Изменилась ли сама завьяловская АК как археологическая конструкция? Нет, изменилась ее оценка. Закономерен в связи с этим вопрос: АК это количественное или качественное понятие?

Разумеется, завьяловская и, скажем, саргатская культуры несопоставимы как культурные образования. Ощущение «некорректности» применения одного и того же термина – археологическая культура – для завьяловской и для саргатской культур неизбежно приводит к тому, что мы либо завьяловскую культуру переводим в «тип памятников/керамики», либо объявляем саргатскую (кулайскую, ирменскую) культуру культурно-исторической общностью. И если в первом случае мы условно остаемся в археологическом поле, то во втором – почти полностью выходим из собственно археологического контента.

Переход культуры в общность – сначала в «культурную», затем в «культурно-историческую» – фактически не обосновывается. Можно установить момент, когда конкретный

автор начинает употреблять вместо «саргатская культура» «саргатская культурно-историческая общность», но обоснование этого перехода, как правило, отсутствует. Если попытаться выявить логику этого превращения, то выяснится, что к собственно археологии она не имеет отношения. Никакого качественного изменения в осмыслении археологической составляющей не происходит. Авторы просто переходят в другую плоскость оценки археологических источников – в историческую.

Так, идея объединения средневековых памятников Севера Западной Сибири в обьиртышскую культурно-историческую общность и сопряженную с ней нижнеобскую археологическую культуру как «высшее проявление генетического сходства археологических комплексов» (Зыков, Федорова, 1993. С. 65) мне как историку вполне понятна. С позиции археолога я могу констатировать, что вымывание понятия археологической культуры и замена его на этапы общности, спустя 20 лет оставило характеристику керамики обьиртышской культурно-исторической общности на дескриптивном уровне с преобладанием визуально-интуитивных оценок сходства и различия керамических комплексов разных этапов.

Основной вывод не нов, но достаточно актуален. Полагаю, что археологическая культура все-таки должна восприниматься как сугубо археологическая категория, которая, на определенном (достаточно высоком!) уровне ее изученности с позиции археологического источниковедения может быть оценена каким угодно образом. Она может быть оценена как сугубо локальное культурное образование, а может рассматриваться как культурно-историческая общность, может быть включена в нее, в «провинцию», в «круг культур», в «культурно-хронологический горизонт» и т.п. Во втором варианте весьма показателен (и перспективен!) опыт екатеринбургских исследователей, которые, *статистически* исследовав выделенные в разное время «типы керамики» раннего железного века Зауралья, объединили их в пределах нескольких «стилей» (Шарапова, 2004).

Таким образом, понятия «археологическая культура» и «тип памятников/керамики»

вполне целесообразно создавать и использовать как когнитивные исследовательские конструкции, при условии исключения (на этом уровне) малооправданных этногенетических, демографических, социологических и им подобных построений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С. 65–66.

Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Г.П. Визгалов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 7–25.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамика завьяловского типа в Новосибирском Приобье // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 115–121.

Шарапова С.В. Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 123–134.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1914–1924)¹

© 2014 г. И.В. Тункина

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург
(tunkina@yandex.ru)*

Ключевые слова: Русское археологическое общество, РАИМК, Коллегия востоковедов.

Резюме. В статье приведена характеристика деятельности РАО в последнее десятилетие его истории. Значительную роль в постепенном угасании РАО в советский период сыграло создание РАИМК (1919) и Коллегии востоковедов (1921), куда после закрытия РАО из-за отказа НКВД перерегистрировать его устав, была перенесена деятельность членов общества.

Императорское Русское археологическое общество внесло значительный вклад в развитие отечественной культуры и всего комплекса наук о древностях. Крупнейшие научные силы, сосредоточенные в обществе, представляли цвет петербургской гуманитарной научной интеллигенции. С началом Первой мировой войны и в годы лихолетья РАО, объединявшее около 300 членов, потеряло таких видных ученых, как филологи-классики П.В. Никитин, В.В. Латышев, А.В. Никитский, иранисты К.Г. Залеман, В.А. Жуков-

ский, египтологи О.Э. Лемм, Б.А. Тураев, тюркологи В.В. Радлов, Н.И. Веселовский, В.Д. Смирнов, гебраист А.Я. Гаркави, арабисты М.А. Медников, В.А. Жуковский, японист О.О. Розенберг, нумизматы И.И. Толстой, А.К. Марков, историк искусства Я.И. Смирнов и др.; часть членов общества оказалась отрезанной от Петрограда, эмигрировали Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, Н.Г. Адонц, А.А. Сталь фон Гольштейн и др. Следствием потрясений стала частая смена руководства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00008а, и РФФИ, проект № 12-06-00005а.

отделений, членов Совета и председателей общества.

Как императорское общество вплоть до Октября 1917 г. получало регулярные государственные субсидии и пользовалось покровительством царской семьи. Председателями общества были великие князья Константин Константинович (1892–1915) и Георгий Михайлович (1916–1917), затем Н.П. Кондаков (1918–1922), С.Ф. Платонов (1922–1924); товарищами председателя последовательно являлись И.И. Толстой (1899–1916), Н.П. Кондаков (1916–1918), М.И. Ростовцев (1918), С.А. Жебелёв (1919–1922, с предоставлением звания председательствующего РАО), секретарями состояли Б.В. Фармаковский (1906–1919), И.А. Орбели (1919–1922). Отделение русской и славянской археологии с 1912 г. возглавлял С.Ф. Платонов при секретаре К.К. Романове. Классическим отделением руководили П.В. Никитин (1906–1916), М.И. Ростовцев (1916–1918), Б.В. Фармаковский (1919–1924), секретарями были С.А. Жебелёв (1894–1919) и С.С. Лукьянов (1919–1924). Восточное отделение возглавляли Н.И. Веселовский (1908–1918), затем В.В. Бартольд (1918–1923) при секретарях И.Ю. Крачковском (1913–1914), И.А. Орбели (1914–1918), А.Н. Самойловиче (1918–1921), Б.Я. Владимирцове (1921–1923) (Варлакова, 1990. С. 235). Нумизматическое отделение возглавляли управляющие великий князь Георгий Михайлович (1904–1917), А.А. Ильин (1918–1922), А.А. Сиверс (1922–1924), секретарями были М.Г. Деммени (1904–1919), С.А. Гамалов-Чураев (1919–1923), Р.Р. Фасмер (1923–1924). Библиотекарем РАО с 1908 г. являлся В.Н. Бенешевич, хранителем музея с 1907 г. — А.А. Спицын; казначеем с 1888 г. вплоть до своей кончины в 1920 г. был нумизмат А.К. Марков, с 1921 по 1922 г. — востоковед В.В. Струве.

Даже в годы Первой мировой войны члены РАО проводили раскопки: в 1915 г. В.Н. Глазов в Курской губ., Н.Е. Макаренко в Полтавской и Харьковской губ., Ю.В. Шавельский в Минской губ. В 1916 г. Русское отделение РАО совместно с Академией наук организовало военно-археологическую экспедицию в Трапезунд под руководством акад. Ф.И. Успенского для изучения и охраны памятников византийской эпохи, но из-за раз-

ногласий начальника с представителями РАО Ф.И. Шмитом и художником Н.К. Клуге экспедиция 1917 г. была проведена РАН совместно с МАО (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1917. Д. 164. Л. 384–384об., 491об.). Летом 1916 г. была направлена экспедиция для раскопок памятников на Ванской скале: Н.Я. Марр обследовал крепость Топрах-кале, а Л.А. Орбели — ниши на ее склоне (Марр, Орбели, 1922). В 1916 г. члены РАО Д.В. Айналов, В.В. Сулови Н.П. Сычев приняли участие в работе Комиссии Академии художеств по вопросу о выработке мер к сохранению новгородских древних памятников в связи проведением около них железнодорожного пути (Русское археологическое общество ... Л. 11 об.). В 1914–1917 гг. продолжалось присуждение золотых и серебряных медалей РАО за труды по археологии и издание «Записок» отделений — Классического (Т. 8–9, 1914–1917), Русской и славянской археологии (Т. 10–13, 1915–1918), Восточного (Т. 22–25, 1914–1921). В 1915 г. под редакцией Б.В. Фармаковского были изданы протоколы общих собраний РАО за 1899–1908 гг. (Протоколы, 1915), но большинство издательских проектов осталось не реализованным.

Большевистский переворот дезорганизовал работу РАО. К 1917 г. бюджет общества составлял 14 тыс. руб., в том числе 8 тыс. казенная субсидия, 6 тыс. членские взносы, а также доходы от изданий и проценты с капитала (Наука в России, 1920. С. 91). Капитал в процентных бумагах составлял 44900 руб. (Русское археологическое общество ... Л. 28). Но к январю 1918 г. из-за национализации банков РАО лишилось всех своих капиталов, поэтому вынуждено было искать средства для продолжения научной деятельности. 24 апреля 1918 г. М.И. Ростовцев как товарищ председателя РАО просил РАН оказать поддержку обществу «путем испрошения на 1918 год дополнительной субсидии... в сумме 50000 руб.» (Протоколы заседаний..., 1918. Л. 391 об.). Президент РАН А.П. Карпинский обратился с просьбой о финансировании в Совнарком, «дабы не остались под спудом важные научные работы, уже вполне готовые к печатанию» (О вопросах..., 1917. Л. 145). 6 июня 1918 г. Отделение историко-филологических наук РАН поручило непременно

секретарю С.Ф. Ольденбургу «при личных переговорах с Советом народных комиссаров поддержать ходатайство» РАО «о выдаче ему просимой субсидии» (Протоколы заседаний..., 1918. Л. 427об.). Главнаука в Петрограде в 1918 г. выделила обществу 125 тыс. руб. на выплату жалованья служащим РАО — помощнику библиотекаря и курьеру, несколько месяцев не получавших должного содержания.

Но это были полумеры. Власти считали гуманитарные общества непригодными для решения новых задач и предпочитали поддерживать новые формы организации науки. Понимая это, большинство ученых РАО приняли активное участие в организации Российской академии истории материальной культуры (1919), в создании при ней «объединения ученых учреждений и обществ», куда вошло и РАО. Ряд неосуществленных издательских проектов общества, в том числе расширенное переиздание фундаментальных сводов В.В. Латышева, был передан РАИМК (Тункина, 1999. С. 193–195, 274–280).

Общество медленно умирало и к 1919 г. лишилось своего помещения. В 1917–1918 гг. не было проведено ни одного общего собрания и заседаний Русского отделения; другие отделения, за исключением Восточного, собирались эпизодически. В июне 1922 г. председателем РАО был избран Н.Я. Марр, помощником председателя С.А. Жебелёв, секретарем И.А. Орбели, которые «отказались принять избрание», поэтому эти должности в июле заняли соответственно С.Ф. Платонов, А.А. Ильин и Н.П. Сычев. Относительно регулярно собирался только Совет общества, решавший имущественные вопросы, судьбу архива, музея, библиотеки, склада изданий (до 1925 г. они хранились в ящиках в Фонтанном доме и были переданы в РАИМК и Публичную библиотеку).

В 1922 и 1923 гг. были приняты постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» (О порядке ..., 1922. С. 787. Ст. 622) и «Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении

Главнауки Наркомпроса» (Нормальный устав ..., 1923. С. 87–89. Ст. 158), ужесточившие административный контроль власти над научными обществами. РАО, являясь всероссийской организацией, должно было пройти перерегистрацию не только в Главнауке Наркомпроса, но и в НКВД. Как юридическое лицо общество было ликвидировано 5 апреля 1924 г. после отказа НКВД перерегистрировать его устав (Варлакова, 1990. С. 234).

Уже 7 мая 1924 г. академики – члены Восточного отделения РАО, выступили на заседании Историко-филологического отделения РАН с заявлением, озвученным Н.Я. Марром, о переносе своей деятельности в Коллегию востоковедов при Азиатском музее РАН, созданную в 1921 г.: «За упразднением Русского археологического общества его Восточное отделение оказалось в положении юридически неоформленной организации... Широко известная в ученых кругах и за пределами России деятельность отделения, не ослабевавшая, и даже усилившаяся за революционные годы, и по характеру работ соответствовавшая программам западноевропейских азиатских обществ, требует бережного сохранения... В целях легализации и упрочения Восточного отделения собрание бывших его членов на частном совещании постановило перенести деятельность отделения в Коллегию востоковедов при Азиатском музее. Это постановление предлагается всеми присутствовавшими на совещании академиками-ориенталистами, В.В. Бартольд, председателем бывшего Восточного отделения, С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковским и мною – на утверждение Конференции» (Протоколы заседаний ..., 1924. Л. 194об.–195). 21 мая 1924 г. В.В. Бартольд доложил, что в коллегию «переходит издание научного органа русских востоковедов, до сих пор издававшегося Русским археологическим обществом» – «Записки», средства на издание которых теперь следует планировать в бюджете РАН (Протоколы заседаний..., 1924. Л. 197–197об.). Коллегия востоковедов просуществовала до 1930 г., а ее члены продолжили свою деятельность в созданном в том же году Институте востоковедения АН СССР. Благодаря их инициативам тонкая нить научной преемственности между

дореволюционной и советской гуманитарной наукой все-таки не прервалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варлакова Н.А. Восточное отделение Русского археологического общества и его состав (1851–1923) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. 3 / Отв. ред. В.С. Соболев, Э.Н. Темкин. М.: Вост. лит., 1990. С. 231–243.

Март Н.Я., Орбели И.А. Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Раскопки двух ниш на ванской скале и надписи Сардура второго из раскопок Западной ниши. Пб.: Акад. тип., 1922. 78 с.

Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. 1. Петроград / Под наблюдением акад. С.Ф. Ольденбурга. Пб.: Рос. госуд. академич. тип., 1920. 150 с.

Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркопроса // Бюллетень НКВД. 1923. № 12.

О вопросах, возникших в связи с государственным переворотом. Ч. 1. (4.03.1917–22.05.1918) // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 40.

О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 49.

Протоколы заседаний РАН за 1918 год // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165.

Протоколы заседаний РАН за 1924 год // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1924. Д. 173.

Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы / Ред. Б.В. Фармаковский. Пг.: Тип. М.А. Александрова, 1915. 416 с.

Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Исторический очерк, составленный действительным членом общества С.А. Жебелевым // НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 453. 110 л.

Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 172–288.

**ОСВЕЩЕНИЕ РАБОТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ
В НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ «ИЗВЕСТИЙ» ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ
АРХИВНОЙ КОМИССИИ)**

© 2014 г. А.В. Шаманаев

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(shamanaev@mail.ru)*

Ключевые слова: история археологии, Всероссийские археологические съезды, Таврическая ученая архивная комиссия.

Резюме. Автор рассматривает вопрос восприятия деятельности Всероссийских археологических съездов провинциальными учеными в конце XIX – начале XX в. Источники работы – протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и рецензии, опубликованные в «Известиях» ТУАК. Исследование проведено с применением принципов антропологического подхода. Автор выявляет характер оценок, круг научных интересов, особенности личностного отношения к работе археологических съездов членов ТУАК.

Всероссийские археологические съезды (АС) были ярким событием интеллектуальной жизни России второй половины XIX – начала XX в. Работа очередного АС получала освещение в центральных и местных газетах, столичных журналах. Особый интерес представляют обзоры деятельности съездов в провинциальной научной периодике.

К настоящему времени сформировался обширный корпус исследований, посвященных различным аспектам работы археологических съездов (общий анализ деятельности, изучение конкретных направлений). Однако проблема восприятия АС научным сообществом остается мало изученной (Смирнов, 2011. С. 107–199). А.А. Непомнящий и Н.В. Кармазина рассмотрели участие ученых Крыма и Одессы на археологических съездах, сфокусировав внимание на научной программе (Непомнящий, 2002; Кармазина, 2013). Публикации в «Известиях» Таврической ученой архивной комиссии обзоров деятельности АС позволяют выявить особенности отношения провинциальных ученых к этим форумам.

Исследование построено на применении принципов антропологического подхода, позволяющего получить наиболее полное пред-

ставление о явлениях и процессах в истории археологической науки (Тункина, 2011).

Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) была создана в 1887 г. на начальном этапе проведения реформы архивного дела Н.В. Калачева (Непомнящий, 2003. С. 126–137). Формально участие ТУАК в работе съездов началось с VIII АС (Москва, 1890). На VIII–XV АС присутствовали руководители и активные сотрудники ТУАК: Ф.Ф. Лашков (VIII), Ар.И. Маркевич (IX–XIV), Ал.И. Маркевич (IX–XII), Х.П. Ящуржинский (IX–XV), О.Ф. Ретовский (X–XI) и др. (Непомнящий, 2002).

Обзоры деятельности археологических съездов представлены в «Известиях» Таврической ученой архивной комиссии материалами двух типов: 1) отчетами, как правило, краткими, зафиксированными в протоколах заседаний ТУАК; 2) развернутыми рецензиями. Во всех случаях, авторами сообщений и статей были непосредственные участники соответствующих научных форумов.

В протоколах отмечены выступления Х.П. Ящуржинского (3), Ар.И. Маркевича (3), Ф.Ф. Лашкова (1), О.Ф. Ретовского (1), Ал.И. Маркевича (1). Члены комиссии информировали коллег о работе VII АС в Ярослав-

ле (Х.П. Ящуржинский), VIII АС в Москве (Ф.Ф. Лашков), IX АС в Вильно (Ар.И. Маркевич), X АС в Риге (О.Ф. Ретовский), XI АС в Киеве (Х.П. Ящуржинский, Ал.И. Маркевич), XII АС в Харькове (Ар.И. Маркевич), XIV АС в Чернигове (Х.П. Ящуржинский, Ар.И. Маркевич). Как правило, в выступлениях давалась общая оценка очередного съезда, а также рассматривались наиболее интересные, по мнению участников, доклады, темы и рабочие моменты (Заседание ..., 1897. С. 2–3; Заседание ..., 1890. С. 143–147; Заседание ..., 1893. С. 118–124; Заседание ..., 1897. С. 162–166; Заседание ..., 1899. С. 120; Заседание ..., 1902. С. 81–101; Заседание ..., 1909. С. 168).

В рецензиях, опубликованных на страницах «Известий» ТУАК, освещена работа X АС (Ал.И. Маркевич), XI АС (Х.П. Ящуржинский, Ал.И. Маркевич), XIII АС (Ар.И. Маркевич), XIV АС (Х.П. Ящуржинский, Ар.И. Маркевич). Статьи отличаются друг от друга по принципам изложения материала. Так, для Ар.И. Маркевича характерно стремление представить общий обзор основных направлений деятельности съездов (Маркевич Ар., 1906; 1909). Х.П. Ящуржинский предпочитал предметно-тематический подход, рассматривал вопросы архивного дела и антиковедения (Ящуржинский, 1899; 1909). Ал.И. Маркевич сфокусировал внимание на докладах, посвященных истории и археологии Северного Причерноморья (Маркевич Ал., 1897; 1899).

Анализ публикаций, посвященных Всероссийским археологическим съездам в «Известиях» Таврической ученой архивной комиссии, позволяет выявить характерные представления членов ТУАК об этой форме научной деятельности российских археологов конца XIX – начала XX в.

Впервые информация о работе археологического съезда (VII, Ярославль, 1887) была напечатана в протоколах заседаний ТУАК в год основания комиссии. Позже обзоры очередных АС стали регулярными. Представители комиссии информировали коллег о научной программе, наиболее интересных докладах, особенностях организации съездов.

Эти материалы представляют собой ценный источник по истории археологии в России. Они отражают впечатления непосредственных участников археологических

съездов, зафиксированные и систематизированные сразу после завершения очередного АС. Особенное значение они имеют для реконструкции восприятия съездов провинциальными исследователями, на которых, во многом, и были ориентированы программы АС. Важна и степень последовательности и целостности представления сведений, охватывающая восемь из пятнадцати АС. Также публикации членов ТУАК содержат сведения, не отраженные в официальных публикациях трудов съездов.

Авторы обзоров, опубликованных в «Известиях» ТУАК, в различной степени отразили такие аспекты, как организация работы съездов, научный уровень докладов и программы в целом, состав участников, репрезентативность выставок и экскурсий, дали общие оценки форумов отечественных археологов.

Характерной чертой публикаций на страницах «Известий» было стремление выделить и охарактеризовать приоритетные направления научных разработок, ориентированные на интересы членов ТУАК. Прежде всего, они уделяли внимание вопросам организации архивного дела в России и деятельности губернских ученых архивных комиссий, проблемам археологии и истории Северного Причерноморья, преимущественно античного времени. Существенное внимание уделялось докладам, посвященным древностям Южной России.

Члены ТУАК, зафиксировавшие свои впечатления от археологических съездов в публикациях, высоко оценивали их значение как средства общения с коллегами из других регионов и способ налаживания научных связей. Однако выраженная «региональная» направленность научных программ вызывала неоднозначные оценки. Не отрицая важности такой организации работы съездов, авторы рецензий рассматривали ее как фактор, снижающий статус АС как феномена всероссийского масштаба.

Можно отметить постепенное изменение подходов к освещению работы съездов в «Известиях» ТУАК. Первоначально авторы рецензий стремились ограничиться рассмотрением вопросов архивоведения и региональной истории. С конца 1890-х гг. отмечается расширение географических (Южная Россия) и хронологических интересов (от

античности до нового времени). Начиная с середины 1910-х гг. большое внимание уделялось особенностям организации работы АС, первобытным древностям, сообщениям по этнографии.

В целом, обзоры деятельности Всероссийских археологических съездов в «Известиях» ТУАК свидетельствуют о стабильном и существенном интересе провинциальных исследователей к такой форме научной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Заседание 27 августа 1887 г. // ИТУАК. 1897. № 2. С. 1–3.
- заседание 31 января 1890 г. // ИТУАК. 1890. № 9. С. 142–152.
- Заседание 4 октября 1893 г. // ИТУАК. 1893. № 19. С. 115–129.
- Заседание 4 октября 1896 г. // ИТУАК. 1897. № 26. С. 160–171.
- Заседание 15 ноября 1899 г. // ИТУАК. 1899. № 30. С. 118–125.
- Заседание 4 декабря 1902 г. // ИТУАК. 1902. № 34. С. 80–103.
- Заседание 28 января 1909 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 162–171.
- Кармазина Н.В.* Материалы VI Археологического съезда в Одессе как источник о развитии исторического памятниковедения на юге Украины // Уч. зап. Таврического нац. ун-та. Сер. Исторические науки. 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 28–36.
- Маркевич Ал.И.* Южная Россия на X археологическом съезде в г. Риге // ИТУАК. 1897. № 27. С. 38–48.
- Маркевич Ал.И.* XI-й Киевский археологический съезд и труды его по истории Новороссийского края // ИТУАК. 1899. № 30. С. 65–79.
- Маркевич Ар.И.* XIII-й археологический съезд в г. Екатеринославе // ИТУАК. 1906. № 39. С. 121–123;
- Маркевич Ар.И.* XIV-й археологический съезд в Чернигове // ИТУАК. 1909. № 43. С. 138–145.
- Непомнящий А.А.* Крымоведческие исследования на Всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Крымское отд. ИВ НАНУ, 2002. Вып. 9. С. 579–590.
- Непомнящий А.А.* Историчне кримиознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження. Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003. 456 с.
- Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX в.). М.: ИА РАН, 2011. 592 с.
- Тункина И.В.* История отечественной археологической науки на современном этапе: антропологический поворот // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 354–356.
- Яцуржинский Х.П.* Архивоведение на XI-м археологическом съезде // ИТУАК. 1899. № 30. С. 59–64.
- Яцуржинский Х.П.* Классические древности на Черниговском археологическом съезде 1–12 августа 1908 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 146–148.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

© 2014 г. Е.В. Шелепова

*Алтайский государственный университет, Барнаул
(ele-shelepova@yandex.ru)*

Ключевые слова: Алтай, Западная Монголия, переиспользование, переоформление, изваяния, олений камень, обо, курганы.

Резюме. В статье рассматриваются особенности использования археологических памятников Алтая и Западной Монголии в XIX – начале XX в. Утилитарное применение объектов с древних сооружений фиксируется начиная с древности. Выявлено состояние археологических комплексов, открытых в XIX – начала XX в., отношение к ним местного населения. Зафиксированные факты актуальны для ритуальной практики современных жителей Алтая и Монголии.

Потребностью современного этапа развития общества является сохранение культурного наследия прошлых эпох. На состояние археологических памятников как его неотъемлемой части постоянно оказывалось антропогенное и природно-климатическое воздействие, особенно усилившееся в XX в.

Облик древних сооружений изменялся из-за культовой деятельности человека, обусловленной его религиозными представлениями. Уже в эпоху древности и средневековья существовало разное отношение к объектам и сооружениям, оставленным иноплеменниками или предшественниками. На территории Евразии исследована масса курганов с впускными погребениями. Зафиксированы переиспользованные и переоформленные изваяния. Например, оленные камни эпохи поздней бронзы – раннескифского времени широко применялись как удобный строительный материал при сооружении курганов и различных ритуальных конструкций (Шелепова, 2011). При этом отдельные оленные камни были изготовлены из более ранних изваяний.

С VI в. до н.э. культура оленных камней постепенно угасает, а изваяния продолжали использоваться теперь уже как удобный строительный материал (Шелепова, 2007).

Более разнообразное применение древних объектов наблюдается в период раннего

средневековья. Населению тюркской культуры требовался большой объем исходного каменного сырья. Такие нужды удовлетворялись за счет окуневских стел, обломков камней с петроглифами эпохи бронзы, скифо-сакского времени и т.п. (Кубарев, 2009а). Оленные камни переиспользовались для создания тюркских комплексов в виде балбалов, стенок оградок, а также в качестве каменных столбов, устанавливавшихся внутри сооружения и символизировавших мировое древо. Обелиски, которые были изготовлены еще в эпоху бронзы, могли быть переоформлены в олений камень и затем использованы для постройки тюркской оградки (Кубарев, 2009б. С. 65. Рис. 178). Часто они заменяли необходимые изваяния. Свидетельств указанного применения оленных камней довольно много на территории Алтая, Тувы, Монголии, Синьцзяна, Кыргызстана, Казахстана.

Определенное отношение к археологическим объектам сохраняется и в последующее время. В ходе исследований, проводившихся на территории Алтая и Западной Монголии в XIX – начале XX в., появился большой объем информации о состоянии археологических комплексов (Шелепова, 2012). Эти свидетельства важны как для реконструкции облика тех археологических объектов, которые изменились за последующее время или вообще были

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-31-01222а/2.

разрушены, так и для понимания религиозных представлений и традиционной культуры местного населения.

Уже в XVIII в. в связи с работой академических экспедиций, поступали сообщения о состоянии древних памятников, деятельности «бугровщиков»; появились первые проекты охраны археологического наследия. Один из членов экспедиции Г.Ф. Миллера С.П. Крашенинников описал петроглифы и пещеру на берегу Енисея близ Красноярска, причем особо подчеркнул, что наряду с древними рисунками зверей и людей, выполненных красной охрой, имелись и свежие изображения мелом, частично разрушенные под воздействием дождей и ветров (Тиваненко, 1989. С. 9).

В ходе путешествия по Сибири П.С. Паллас (1786. С. 209) заинтересовался деятельностью бугровщиков, так как, раскапывая курганы, они добывали большое количество золота и т.п. Именно от бугровщиков исследователь узнал древнее сказание об Алтын-хане, который перед бегством в Монголию якобы закопал свои сокровища у подножия горы Анло, находящейся в долине Енисея. И действительно, перед почитаемой скалой лежала груда костей животных. Они представляли собой остатки жертвоприношений, преподносимых коренными жителями духам-хранителям клада. Однако раскопки, осуществленные под утесом на современном этапе, желаемых результатов не дали (Дэвлет, 1980. С. 14).

В разных уголках Саяно-Алтая древние и средневековые памятники, сакрализованные современным населением, отмечал В.В. Радлов (1896. С. 24–26). Ученый собрал сведения из трудов своих предшественников о поклонении изваяниям. Он и сам видел скульптуры, по каким-то причинам перемещенные с места первоначального нахождения (Радлов, 1989. С. 432–436).

О скульптурах из камня и поклонении им местных жителей Алтая и Западной Монголии писал Г.Н. Потанин. Вокруг изваяния, которое исследователь нашел в Монгольском Алтае близ оз. Даян-нуур, был сооружен специальный деревянный сруб, а на шее скульптуры повязаны ленточки (яламы) (Потанин, 1881. С. 72–73. Фиг. 34). Спустя более чем столетие В.Д. Кубарев (2004. С. 112) в ходе осмотра изваяния деревянной конструкции

не нашел, но обратил внимание на другие элементы культового места. Например, хорошо сохранились следы краски на губах, а также остатки жира или масла на правом плече изваяния (Кубарев, Цэвээндорж, 2000. С. 53, 55), что свидетельствовало о продолжающемся его почитании.

Интересны описанные путешественниками особенности сооружения обо, которые широко распространены у многих народов Южной Сибири и Центральной Азии. Алтайцы сооружают их обычно в местах так называемых тургакту (т.е. с препятствиями), опасных для жизни. Обо можно встретить на перевалах, у священных гор и озер (Вайнштейн, 1991. С. 235). Считается, что у тюрко-монгольских народов обо делятся на два вида: сооруженные в виде конической груды камней с воткнутым в нее шестом, на котором развеваются ленты; подобие шалаша, сложенного из веток, хвороста и также с шестом. Для алтайцев характерен первый вид (Шерстова, 2010. С. 217).

Об особенностях строительства и поклонения обо в своих путевых заметках писал А.М. Позднеев. (1879. Л. 9). иногда «калмыцкие обо» сооружают прямо на могилах (Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 7об.).

С использованием археологических объектов неоднократно сталкивался Д.А. Клеменц в ходе поездок по Западной Монголии в 1894–1896 гг. (Шелепова, 2013). В 1894 г. южнее Улясутая он обратил внимание на херексуры, превращенные в обо (Клеменц, 1894. Л. 125 об.). В 1895 г. Д.А. Клеменц сделал фото подобного сооружения на могильнике близ Улангома (МАЭ РАН. Колл. 574–28), а недалеко от города зафиксировал тюркское изваяние, над которым была выстроена глинобитная избушка и весь он увешан лоскутами (Клеменц, 1895. Л. 21об.). В предварительном отчете об экспедиции в долину Орхона Д.А. Клеменц (1892. С. 2–3) писал о громадном обо, 4–5 сажен вышиной, которое якобы состояло из снесенных из разных мест камней, а появилось по приказанию Чингис-хана.

Наряду с почитанием путешественники отмечали факты грабительских раскопок археологических памятников. О таких случаях упоминал Н.М. Ядринцев во время своей зна-

менитой поездки по Монголии в 1889 г. В то же время исследователь зафиксировал уважительное отношение к тюркским монументальным комплексам в Хошо-Цайдаме (Ядринцев, 1892. С. 64, 105).

И в настоящее время можно увидеть различное отношение к изваяниям, курганам и другим древним сооружениям (Леус, 2000. С. 225–228). Существуют поверья, что некоторые камни избавляют от болезней и недугов (Тугужекова, 2009. С. 104). Современные культовые места на Алтае и в Западной Монголии можно встретить недалеко от святилищ, возникших еще в древности и функционировавших вплоть до этнографического времени (Тишкин, Шелепова, 2012). Подношения возле скал с петроглифами зафиксированы на огромном пространстве от Карелии до Якутии (Молодин, Ефремова, 2010. С. 205–206). Скалы между тем почитаются не как физический объект, а как место обитания сверхъестественного существа, «духа-хозяина».

Культовые воззрения современных этносов Алтая и Западной Монголии характеризуются синкретичностью. Остается целый пласт шаманистских верований. Сохраняется традиция строительства обо. Для ритуальных целей продолжают использовать камни с археологических объектов. Как и в XIX в. отмечается разное отношение к археологическим памятникам: от почитания и попыток охранения до разрушения, к которому приводит хозяйственная и религиозная деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 268 с.

Клеменц Д.А. Предварительный отчет о результатах экспедиции для археологических исследований бассейна реки Орхона // Сб. трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб.: Тип. Имп. АН, 1892. С. 1–23.

Клеменц Д.А. Путевой дневник за 1894 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 88. 275 л.

Клеменц Д.А. Путевые дневники за 1895 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Автограф. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 89. 118 л.

Кубарев В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов». Из полевого дневника археолога. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 130 с.

Кубарев В.Д. Два изваяния эпохи бронзы в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009а. № 1 (37). С. 34–38.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. 264 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 1 (1). С. 48–56.

Леус П.М. О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 225–229.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 264 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской Академии наук / Пер. с нем. Ф. Томанский. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: Имп. АН, 1786. 571 с.

Позднеев А.В. Путевые заметки и другие разнохарактерные записи. 1879 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 37.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1881. 280 с.

Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. 70 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 718 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 202 с.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Актуальные вопросы изучения современных культовых мест Алтая // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Барнаул: Азбука, 2012. С. 88–94.

Тугужекова В.Н. Священные места Хакасии // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протокультур и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск: Город, 2009. С. 100–105.

Шелепова Е.В. К вопросу о «переиспользовании» «оленных» камней в памятниках тюркской культуры // Каменная скульптура и мелкая пла-

стика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 113–118. (Труды САИПИ; Вып. 3).

Шелепова Е.В. «Переиспользование» и «переоформление» «оленных» камней в памятниках древних и средневековых кочевников Центральной и Северной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2011. С. 292–297.

Шелепова Е.В. Изучение памятников истории и культуры Западной Монголии в XIX – начале XX в. // Известия АлтГУ. 2012. № 4–2 (76). С. 215–221.

Шелепова Е.В. Историко-культурные исследования Д.А. Клеменца в Монголии // Известия АлтГУ. Серия: История. Политология. 2013. № 4–1 (80). С. 88–96.

Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 288 с.

Ядринцев Н.М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. // Сб. трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб.: Тип. Имп. АН, 1892. С. 51–113.

СЕКЦИЯ 17.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

ГИС «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ» И ЕЁ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИМЕНЕНИЯ.

Беговатов Е.А., Кашина О.А., Юрова Д.Е

Казанский федеральный университет

Ключевые слова: ГИС, Археологическая карта, Среднее Поволжье, Татарстан, Башкирия, Удмуртия, Марий Эл, нумизматика, стеклянные изделия.

Резюме: В работе представлены результаты разработки геоинформационной системы «Археологические памятники Среднего Поволжья», её структура и возможности. Показана возможность совместной работы ГИС с геоинформационными системами для различных артефактов: клады монет, стеклянные изделия, изделия из цветных металлов.

Издание новых сводных работ, включающих в своё название свод, топография, клады, сведения..., всегда вызывало большой интерес. Изданные в XX в. и даже в XIX в. В качестве примера можно привести работы по восточной нумизматике, изданные Х.Френем, А.К.Марковым, Р.Р.Фасмером, В.В. Кропоткиным, Г.А. Фёдоровым –Давыдовым и многими другими. К ним можно отнести работу В.П. Даркевича «Художественный метал Востока». Особое место сводов занимают *Археологические карты* (АК), включающие в себя эти тематические работы. В рамках программы охраны и сохранения памятников истории и культуры народов СССР 1972 г. собран и систематизирован огромный материал по памятникам археологии, ряда областей европейской части России. Издано около тридцати томов в серии *Археологическая карта России* (АКР). В это же время были изданы и продолжают издаваться Археологические карты (АК) и для других регионов России, в том числе и для отдельных террито-

рии Среднего Поволжья и Предуралья: Башкирии, Марий Эл, Татарстана, Удмуртии, Чувашии. За это время была разработана общая структура карт, принципы которым более или менее придерживались разработчики и составители АК при описании каждого отдельного археологического памятника: «Основную и важнейшую часть каждого выпуска составляют научно-справочные статьи об отдельных памятниках археологии. В числе сведений о каждом памятнике – его название, тип, местоположение, история обнаружения и исследования, характер и особенности, датировка и культурная принадлежность, основные находки, современное состояние, интерпретация, места хранения коллекций (для памятников, изучавшихся стационарными раскопками), литературные и архивные источники» (Институт археологии РАН, Кашкин А.В.).

В настоящее время археологами и представителями других специальностей на базе новых информационных технологии, ведётся работа по созданию археологических гео-

информационных систем (АГИС) для различных районов России, в том числе и для республик и областей Среднего Поволжья и Предуралья.

Эти системы позволяют собирать, хранить, редактировать и обрабатывать не только текстовые, но и *картографические данные*, хранящиеся в базе с учётом пространственного размещения; строить векторные и растровые тематические карты для выбранных территорий, отдельных археологических эпох и культур. Возможно «наложение» на археологическую ГИС нумизматическую или (и) другую тематические ГИС. Программные средства ГИС с помощью запросов позволяют разместить на дисплее (и экспортировать) векторные археологические карты для отдельных районов или (и) культур, которую можно связать с ГИС для отдельных артефактов (монет, восточных или западных; стеклянных или бронзовых изделий, ...).

Следует учесть при этом, что древнее и средневековое население часто занимало более обширную территорию, чем те, для которых создаются такие региональные ГИС. По этой причине представляет интерес рассматривать разрабатываемые региональные системы как части более крупной АГИС. Желательно сравнить и обсудить структуру разрабатываемых региональных ГИС. Тем не менее, в настоящее время можно приступить к оцифровке (хотя бы в формате Excel) существующих и разрабатываемых АК, а, самое главное, к определению пространственного расположению (точному или приближённому) памятников, так называемому геокодированию. Правда понятие «точное», тоже требует определение. В дальнейшем, независимо от того какое будет использовано программное обеспечение ArcGIS, MapInfo (или другое) для отдельных региональных ГИС, это значительно ускорит разработку и работу общей АГИС.

Все эти возможности обсуждаются в Интернете, на конференциях. В частности, группой «Археологические географо-информационные системы» при Отделе охранных раскопок ИА РАН ежегодно проводится круглые столы с обсуждением результатов, мето-

дов, проблем, возникающие при разработки ГИС.

Сотрудниками и студентами Института вычислительной математики и информационных технологии (ИВМ и ИТ) Казанского федерального университета (КФУ) на базе программы MapInfo Professional, разрабатывается ГИС «Археологические памятники Среднего Поволжья и Предуралья». Выбранная программа MapInfo имеет достаточно развитый интерфейс, совмещает в себе широкие возможности работы с картами (в векторном и растровом виде), связанных с ними баз данных. Программа совместима с большинством других форматов, имеет широкие возможности импорта-экспорта, ее использование доступно археологам после небольшой подготовки. Параллельно создаются электронные таблицы (на основе Excel), а в случае необходимости СУБД (на основе Microsoft Access), связанных с базами, содержащими дополнительные сведения о памятниках. Это позволяет удобно проводить обработку данных или в их среде или с помощью специальных статистических и графических пакетов (STATGRAPHICS, SPSS, Статистика, ...), имеющих обширный интерфейс.

Разрабатываемая ГИС, состоит из геоинформационных подсистем для отдельных республик и областей, образующие вместе с векторной географической картой (состоящей из нескольких слоёв: реки, растительность, рельеф, населённые пункты, ...) соответствующие отдельные слои и таблицы с базами данных. В настоящее время, на базе текстовых Археологических карт такие системы разработаны для республик Башкирия (2061 памятников), Марий Эл (867), Татарстан (3453), Удмуртия(872) и частично для Ульяновской области (254). Все материалы текстовых карт были оцифрованы и на их основе составлены электронные таблицы (Excel), содержащие сведения о каждом памятнике, о которых говорилось выше: название, вид памятника, эпоха или культура, место расположения, Их содержание определило структуру и содержание разрабатываемой ГИС: описание памятника: его названия и вид (стоянка, селище, городище, могильник, клад); эпоха и

культурная принадлежность (мезолит, неолит, бронза, срубная культура и т.д.); местоположение (если возможно, с указанием берега реки и бассейна); текста, включающего краткое описание вещевого материала; историю, литературу. Подробность таблицы, определяет и возможности поиска. Следует отметить, что описание местоположения памятника в первичных источниках часто имеет качественный характер, поэтому при нанесении расположения памятника на векторную карту могут возникнуть ошибки в географических координатах памятника.

Построенные электронные таблицы были внесены в среду программы MapInfo Professional. Эта среда состоит из таблиц (одной или нескольких) и нескольких карт (слоёв): рек, рельефа, растительности, населённых пунктов, ..., и, наконец, слоем археологических памятников, связанного с введённой таблицей. Далее произвести геокодирование, т. е. связать памятник с географической векторной картой. Это одно из узких мест построения карты (уже векторной). Координаты можно найти двумя способами: либо вне программы MapInfo (в идеальном случае с навигатором на местности), либо внутри программы указав точку на векторной карте по описанию расположения памятника исследователя данного памятника. Возможны ошибки при определении координат памятника. Величина возможной ошибки, во много зависит от масштаба карты и от точности описания расположения памятника. Средства программы MapInfo (или другой программы, например, ArGis), позволяют «подкладывать» более точную растровую карту с нанесёнными на ней памятниками, под менее точную векторную. В нашем случае мы имели три карты: относительно «точную» векторную карту Татарстана, растровую карту Среднего Поволжья и менее точную векторную карту Среднего Поволжья. Созданные электронные таблицы с картами Построенные Эти таблицы вводятся в среду MapInfo вместе с электронной векторной географической картой, состоящей из нескольких «прозрачных» слоёв (реки, растительность, нас. пункты,..). Следующая наиболее трудная и важная операция- геокодирование, задачей которой яв-

ляется нанесение местонахождение каждого памятника на карту. Если координаты памятника известны, то их можно заранее сразу внести в электронную таблицу. Если неизвестны, то на векторную карту наносится точка в соответствии с текстовым описанием расположения памятника. Таким образом, в среде MapInfo появляется слой, с нанесёнными археологические памятники и таблица, содержащую сведения о каждом памятнике. Вместе они образуют геоинформационную систему, содержание которой позволяет средствами программы MapInfo фильтровать данные, строить и экспортировать тематические растровые карты для различных археологических культур и эпох. Такие карты были построены для ананьинской, пьяноборской, именьковской и других археологических культур. К сожалению, эти карты не полны, поскольку отсутствуют геоинформационные системы (слои) для Чувашской, Мордовской республик, Кировской и других областей, на территории которых расположены памятники этих культур.(Беговатов, 2012)

Представляет интерес построение ГИС для находок различных артефактов, представляющих как самостоятельный интерес, так и для археологии: бронзовых и железных предметов, стеклянных изделий; русских, восточных, нумизматических монет, слитков и т.д. Возможно, конечно включить эти находки в ГИС «Археологические памятники...», однако в этом случае последняя будет перегружена. Возможности для этого имеются, поскольку для каждой из них соответствующие Топографии, Своды, Атласы,... В случае создание таких тематических ГИС, представляет интерес рассматривать различные комбинации: археологические средневековые памятники и джучидские монеты; бусы, тип стекла и куфические монеты.

Начата разработка таких ГИС: «Топография кладов золотых и серебряных слитков, найденных на территории России» (Беговатов, 2011а). «Топография джучидских монет» (Беговатов,2011б), «Топография находок древних и средневековых стеклянных изделий» на базе работ М.А.Безбородова, В.А.Галибина, Ю.Л.Щаповой.

Часть построенных растровых карт для отдельных регионов, археологических культур представлена на сайте «Археология Среднего Поволжья» по адресу

<http://old.kpfu.ru/archeol/ceramics/Default.html>

Работа выполнена за счёт субсидий, выделенных Казанскому федеральному университету для выполнения государственных заданий в сфере научной деятельности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беговатов Е.А., Седых В.Н., Тагиров Р.Р. О создании ГИС «Топография кладов серебряных и золотых слитков, найденных на территории России»//XVI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. ГЭ-СПБ, 2011, 114-116

Беговатов Е.А., Седых В.Н., Кашина О.А., Закиров Р.Р. О создании ГИС «Топография кладов джучидских монет», основанной на работах Г.А.Фёдорова – Давыдова// Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова- Давыдова (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.)- Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.277- 279.

Беговатов Е.А., Кашина О.А. Геоинформационная система «Археология Среднего Поволжья и Предуралья» и ее математические приложения// Археология и геоинформатика. Вып.7.- М.: ИА РАН, 2012.

СЕКЦИЯ 20.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К АНТРОПОЛОГИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ БАШКИР: КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА КАДЫРОВО ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.И. Нечвалода

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук, г. Уфа

Ключевые слова: Южный Урал, башкиры, северо-восток Башкортостана, краниология, этническая история, этногенез.

Резюме Предлагаемая статья посвящена краниологическому изучению антропологических материалов башкирского некрополя XVII - начала XVIII вв., расположенного на северо-востоке современного Башкортостана, в пределах Месягутовской лесостепи, на р. Ай. Проведенный сравнительный межгрупповой анализ выявил близость изученных черепов мужской части выборки к черепам северных башкир из могильника Мавлютово. Антропологический тип мужской выборки черепов из Кадырово, основан на компоненте, которая отражает древние расогенетические связи восходящие к древнетюркскому периоду в истории народов Южного Урала.

Материал. В результате археологических работ в Дуванском р-не РБ был получен интересный краниологический материал с заброшенного башкирского кладбища близ деревни Кадырово. По погребальной обрядности, и историографическим материалам (см. статью Г.Н. Гарустовича в настоящем сборнике) захоронения, совершенные на этом некрополе, датируются концом XVII – началом XVIII вв. и приписываются башкирам-айлинцам переселившимся на берега р. Ай из Зауралья.

Новый краниологический материал, вводимый в научный оборот, весьма существенно дополняет наши знания об антропологических особенностях и этногенетических путях формирования башкирского этноса, особенно самой сложной по своему составу северо-восточной группы башкир.

Все черепа весьма хорошей и удовлетворительной сохранности. Серия, изученная нами,

состоит из 8 мужских и 5 женских черепов. Материал исследовался по краниологической программе включающий измерения черепной коробки и лицевого скелета с последующим вычислением соответствующих индексов (Алексеев, Дебец, 1968). Межгрупповой анализ осуществлялся с использованием, на первом, этапе метода Л. Пенроза путем вычисления обобщенных коэффициентов и с помощью метода главных компонент, достаточно широко используемого в сравнительном анализе краниологических материалов.

Результаты и обсуждение. Обратимся к таблице 1 содержащей средние краниометрические параметры и указатели, полученные нами в результате измерений черепов из Кадыровского могильника.

Исследуемые мужские черепа по форме брахихианные. Черепная коробка характеризуется средним показателем продольного

и большой величиной поперечного диаметров. Тоже относится и к женским черепам, но черепной указатель у них больше, за счет уменьшения продольного диаметра. Высота мозговой капсулы средняя как у мужчин так у женщин. По высотно-продольным соотношениям черепа соответственно гипсикранные (высокие), по высотно-поперечным тапейно-кранные (низкие). Лоб среднеширокий.

Изучаемые мужские черепа обладают широким лицом в области скул, женские же черепа среднеширокие по скуловому диаметру. Высота лица мужских и женских черепов на-

ходится в категории средних величин. Верхний лицевой указатель также в пределах средних параметров. Лицо мезопротное.

Орбиты средние по высоте, но весьма широкие как у мужских, так и у женских черепов. По соотношению размеров орбиты - мужские черепа хамеконхные (низкие), женские - мезоконхные (средние).

Ширина грушевидного отверстия очень большая. Высота носа у мужчин средняя, у женщин малая. Нос по своим пропорциям у мужских и женских черепов хамеринный (широкий).

Таблица 1

Средние статистические показатели некоторых краниометрических параметров мужских и женских черепов из могильника Кадырово (Дуванский р-н РБ)

Martin No	N	Мужские черепа/♂/			N	Женские черепа/♀/			КПД	
		Min. – Max.	M	SD		Min. – Max.	M	SD	Эмп.	Станд.
1	8	169.0-188.0	178.0	5.76	5	162.0-174.0	168.6	4.51	1.055	1.049
5	8	96.0-116.0	102.6	6.37	5	93.0-99.0	94.8	2.68	1.082	1.054
8	8	139.0-154.0	146.5	5.45	5	139.0-143.0	140.6	1.67	1.041	1.037
9	8	87.0-102.0	96.9	5.17	5	93.0-96.0	94.8	1.10	1.022	1.032
10	8	113.0-129.0	123.8	6.16	5	114.0-118.0	115.6	1.67	1.070	1.040
11	8	129.0-139.0	133.0	3.46	5	116.0-128.0	124.6	5.08	1.067	1.048
12	8	103.0-125.0	113.8	6.25	5	104.0-113.0	108.6	3.58	1.047	1.038
17	8	126.0-142.0	133.5	5.58	5	120.0-133.0	127.8	5.07	1.044	1.047
40	8	94.0-111.0	102.1	5.82	5	85.0-98.0	91.0	4.69	1.121	1.042
45	8	129.0-144.0	138.5	4.50	5	119.0-129.0	125.4	3.91	1.104	1.072
48	8	63.0-82.5	72.9	7.32	5	60.7-71.8	65.5	4.26	1.112	1.076
51	8	42.5-45.0	44.2	0.99	5	39.8-44.5	41.4	1.96	1.067	1.041
52	8	31.2-38.2	33.2	2.23	5	32.0-36.5	34.4	1.81	0.936	1.005
54	8	27.0-29.7	28.7	0.94	5	24.3-34.6	27.6	4.05	1.039	1.041
55	8	46.5-56.7	51.7	4.13	5	45.0-55.0	49.1	3.77	1.052	1.061
72	5	63.0-81.0	70.6	7.40	3	73.0-78.0	76.3	2.89	0.925	-
75/1	4	19.0-32.0	24.5	5.45	2	20.0-24.0	22.0	-	1.113	-
77	8	138.0-146.4	142.6	3.15	5	137.7-146.9	142.3	3.79	1.002	1.000
Zm`	8	126.3-135.8	132.2	3.01	5	126.8-136.5	132.4	3.68	0.998	1.000
SS	7	2.2-5.2	3.4	1.18	5	2.5-4.3	3.5	0.65	0.971	1.207
SC	8	5.2-11.5	7.3	2.13	5	6.0-11.3	7.7	2.20	0.948	1.000
<S	7	74.8-110.3	96.3	14.6	5	78.0-115.9	94.1	16.1	1.023	-
DS	7	7.4-17.0	11.8	3.24	5	9.7-14.0	10.8	1.85	1.092	1.113
DC	8	21.5-28.5	25.2	2.38	5	21.0-25.7	23.4	1.79	1.076	1.056
<D	7	74.8-115.5	96.3	13.2	5	73.3-102.7	94.8	12.1	1.015	-
краниальные указатели										
8:1	8	78.2-89.3	82.4	3.90	5	80.0-87.0	83.5	2.59	-	-
9:8	8	57.0-68.4	64.3	3.77	5	65.9-68.3	67.4	1.00	-	-
17:1	8	71.3-79.6	75.0	3.32	5	68.9-82.0	75.8	4.89	-	-
17:8	8	85.4-98.6	91.2	3.96	5	86.3-94.3	90.9	3.14	-	-

48:45	8	46.3-59.3	52.6	4.18	5	48.2-55.6	52.2	2.75	-	-
52:51	8	69.3-84.8	75.2	4.88	5	80.4-90.1	83.1	4.13	-	-
54:55	8	47.6-63.6	55.8	5.46	5	49.0-70.2	56.4	8.70	-	-
SS:SC	7	34.7-65.3	46.0	12.4	5	31.2-61.6	47.8	13.0	-	-
DS:DC	7	31.5-65.3	45.7	11.0	5	40.0-66.6	46.8	11.1	-	-
УЛС	76.7					77.2				
УДМЭ	82.2					55.3				

Легенда к табл.1 Краниометрические показатели: 1.Продольный диаметр; 5. Длина основания черепа; 8. Поперечный диаметр; 9. Наименьшая ширина лба; 10. Наибольшая ширина лба; 11. Ширина основания черепа; 12. Ширина затылка; 17. Высот черепа от ба; 40. Длина основания лица; 45. Скуловой диаметр; 48. Верхняя высота лица; 51. Ширина орбиты от mf; 52. Высота орбиты; 54. Ширина носа; 55. Высота носа; 72. Общий лицевой угол; 75. Угол наклона носовых костей; 75/1. Угол выступания носа; 77. Назомалярный угол; Zm' . Зигомаксиллярный угол; SS. Симотическая высота; SC. Симотическая ширина; <S. Симотический угол; DS. Дакриальная выота; DC. Дакриальная ширина; <D. Дакриальный угол; FC. Глубина клыковой ямки; C. Ширина скуловой кости (Woo); S. Высота скуловой кости (Woo);

Краниометрические индексы: 8:1. Черепной ук.; 9:8. Лобно-поперечный ук.; 17:1. Высотно-продольный ук.; 17:8. Высотно-поперечный ук.; 48:45. Верхний лицевой ук.; 52:51. Орбитный ук.; 54:55. Носовой ук.; SS:SC. Симотический ук.; DS:DC. Дакриальный ук.

Переносе на черепах из Кадырово широкое. Высота его на женских черепах средняя, на мужских большая. Дакриальный указатель в категории средних величин, что говорит о

среднем уплощении переносья. Симотическая высота у изучаемых черепов большая, сочетается у женщин с малой, а у мужчин с средней шириной носовых косточек.

Таблица 2
Коэффициенты Л. Пенроза между краниологической серией Кадырово и привлекаемыми для сравнения группами. Мужчины/♂/

No	группы	C_R^2	C_H^2	C_Q^2
1	Ахуново/башкиры/	0.411	0.411	0.000
2	Абрашитоно/башкиры	0.576	0.579	0.003
3	Старо-Халилово/башкиры	0.511	0.524	0.015
4	Муллакаево/башкиры	0.548	0.560	0.013
5	Гадельшино/башкиры	0.746	0.759	0.016
6	Кулуево/башкиры	0.558	0.558	0.000
7	Мавлютово/башкиры	0.375	0.476	0.120
8	Ташла/башкиры	0.460	0.475	0.018
9	Аллагуватово/башкиры	0.764	0.769	0.006
10	Кусеево/башкиры	0.854	0.861	0.008
11	Иштуганово/башкиры	0.610	0.659	0.058
12	Северные удмурты	0.884	1.104	0.263
13	Южные удмурты	0.640	0.883	0.289
14	Горные марийцы	0.528	0.594	0.078
15	Луговые марийцы	0.578	0.960	0.456
16	Южные чувашы	0.590	0.721	0.157
17	Северные чувашы	0.581	0.669	0.105
18	Манси	0.639	0.889	0.298
19	Ханты	0.856	1.028	0.204

20	Казахи	0.637	0.642	0.005
21	Казахи /Букеевская степь/	0.948	1.019	0.084
22	Казахи/Кзыл-Орда/	0.758	0.879	0.144
23	Казахи/окрестности Алматы/	0.989	0.993	0.004
24	Казахи/Чубартау/	0.790	0.800	0.012
25	Казахи /Коунрад/	0.434	0.445	0.013
26	Казахи /Кува/	0.570	0.597	0.032
27	Казахи /Баянаула/	0.607	0.608	0.001
28	Киргизы	0.550	0.558	0.004
29	Узбеки	0.631	0.725	0.112
30	Татары	0.654	0.847	0.230

Угол носовых костей к линии профиля на кадыровских черепах средний.

Назомаларный угол, позволяющий судить о степени уплощенности лица на орбитальном уровне также средний, находящийся в диапазоне значений монголоидных групп.

Зигомаксиллярный угол, характеризующий подносовую часть лица в области средних значений. Дакриальный и симотичекий углы больше 90°. Показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) составил в мужской выборке 76.7, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) – 94.1, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) – 82.2 %. В женской выборке эти показатели соответственно – 77.2, 88.8 и 55.3 %.

Сопоставление черепов с учетом коэффициентов полового диморфизма (см. табл.1) показало, что между антропологическим обликом мужской и женской части серии расхождения несущественны. Следует все же отметить, что в «условно мужской» серии высота орбиты больше.

Приведенные показатели говорят о присутствии монголоидного компонента в мужской части выборки черепов. Женские же черепа в меньшей степени уклоняются в сторону монголоидности, особенно в признаках мозговой коробки, которые дифференцируют европеоидные и монголоидные расовые типы.

Таблица 3

Среднегрупповые величины преаурикулярно фацио-церебрального указателя (ПФЦ), угловых размеров лицевого скелета и указателя уплощенности лица (УУЛ) в некоторых мужских краниологических сериях башкир и выборках черепов казахов и манси /♂/

No	группа	ПФЦ	< pnr	<fmo	<zm`	УУЛ
1	Ташла/юго-запад/башкиры	93.6	24.3	139.5	131.4	37.8
2	Мавлютово/северо-запад/башкиры	93.2	24.8	141.5	130.5	37.5
3	Кадырово/северо-восток/башкиры/	94.1	24.5	142.6	132.2	36.5
4	Аллагуватово/юго-восток/башкиры	94.1	25.8	143.4	134.3	36.0
5	Ахуново/северо-восток/башкиры	94.1	24.0	143.1	134.8	35.4
6	Казахи	97.6	24.9	144.3	134.4	35.4
7	Ханты	97.8	20.7	143.9	132.6	34.7

Литературные источники серий – см. легенду к рис. 1

Таким образом, выборка черепов из Кадырово демонстрирует свое промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами.

В таблице 3 приведены среднегрупповые величины указателя уплощенности лица вы-

численного по методу Ю.Д. Беневоленской (1984). Мы видим, что башкирские серии демонстрируют близкие показатели данного признака. Наиболее монголоидной по указателю уплощенности лица оказалась серия черепов северо-восточных башкир с кладбища

у д. Ахуново (Салаватский район РБ), сближаясь с суммарной серией казахов. Кадыровские черепа обнаруживают близость с серией черепов северо-западных башкир собранной М. С. Акимовой близ д. Мавлютово и Ташлинской серией.

Для более детализированного определения вектора расогенетических связей исследуемой выборки изученный материал сравнивался по методу Л. Пенроза (по 17 признакам) с сериями черепов представляющих различные этно-территориальные группы башкир, тюркскими и финно-угорскими этническими группами (см. табл. 2).

Анализ обобщенных обобщенных коэффициентов показал, что мужская часть кадыровский выборки проявляет наибольшее сходство с серией черепов башкир из Мавлютово. Наибольшие морфологические различия среди башкирских серий она обнаруживает с черепами из Кусеево. Значительные расхождения фиксируются почти со всеми выборками казахов, демонстрирующих особенности южносибирского типа, в особенности казахами окрестностей Алматы и казахами Букеевской степи.

Из восточных финнов наименьшие различия продемонстрировали горные и луговые марийцы.

В качестве метода межгруппового сопоставления нами был использован и метод главных компонент (рис. 1). В качестве сравнительных материалов использовались данные по всем краниологическим сериям башкир, казахов, восточных финнов, обских угров, некоторых тюркоязычных групп.

Как видно из особенностей расположения групп в пространстве первой и второй главных компонент в положительном секторе локализуются черепа с большим поперечным диаметром черепной коробки, широким и высоким лицом, уплощенным переносьем, но с большим углом выступания носа. В этой части графа находится одна из казахских серий с территории Павлодарской области (казахи Баянаула – 28 на рис. 1) проявляющая максимум европеоидных особенностей в строении черепа (максимум по второй главной компоненте), а также большинство башкирских и часть казахских серий.

В отрицательно-положительном секторе расположились серии, характеризующиеся менее широкой мозговой коробкой, среднепрофилированным низким, среднешироким лицом, лицом, не высокими орбитами, профилированным переносьем и большим углом выступания носа. В этом поле графа находятся серии удмуртов северных и южных, татар, северных и южных чувашей. К данным группам тяготеют выборки черепов из Мавлютово и исследованной нами серии из Кадырово.

Дендрограмма, построенная по результатам компонентного анализа наглядно отражает расположение сравниваемых групп (рис. 2). На ней можем видеть, что серии расположенные в описываемом секторе графа объединились в один кластер с весьма тесными связями. Из башкирских серий в этот кластер вошли черепа из Старо-Халилово.

В отрицательном поле графа находятся серии черепов с узкой черепной коробкой, малым углом выступания носа и низким переносьем. Эти характеристики свойственны черепным сериям обских угров – манси и хантов. В этом же секторе локализуются группы луговых и горных марийцев, проявляющие комплекс признаков, указывающий на монголоидность.

В положительно-отрицательном поле графа расположились серии черепов обладающие крупной черепной коробкой, широким и высоким лицом, высокими орбитами, умеренно уплощенным переносьем, и слабо/средне выступающим носом, т. е. серии демонстрирующие черты южносибирского типа. Здесь сгруппированы черепа, составившие казахские краниологические серии, в которых наиболее сильно проявляется монголоидный компонент – казахи Чубартау, казахи Букеевской степи, Кзыл-Ординские казахи, также черепа киргизов. Здесь же находятся выборки черепов башкир из Ахуново и Муллакаево – горной подгруппы северо-восточных башкир. На представленной дендрограмме упомянутые серии образуют самостоятельный субкластер.

Заключение. Таким образом, проведенное нами исследование морфологических особенностей мужской выборки черепов из могильника Кадырово, с помощью различных методов сравнительного анализа, выявило их тяготение к группе черепов башкир из Мав-

лютовского некрополя в Кушнаренковском районе РБ, подробно изученных М.С. Акимовой (1968). По мнению Р.Г. Кузеева (1973. С. 46) Мавлютовский некрополь, вероятнее всего, принадлежал племени *Дувани* (курсив мой – А.Н.) кыпчакизированной объединению тюрко-монгольского происхождения.

М.С. Акимова отметила близость мужских черепов из Мавлютово с чувашскими сериями (1968.С. 95). Р.М. Юсупов отмечал, что выборка из Мавлютово, - единственная из башкирских мужских серий, демонстрирующая минимальное расстояние с северными чувашами (1989. С. 138).

Анализ позволяет сделать вывод о том, что антропологический тип мужской выборки черепов из Кадырово, основан на компоненте, которая характерна и для северных чувашей. Присутствие данной компоненты в кадыровской серии отражает древние расогенетические связи восходящие к древнетюркскому периоду в истории народов Южного Урала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Южного Приуралья. М., Изд-во: Наука, 1968. 118 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., Изд-во: Наука, 1967. 127 с.
- Алексеев В.П.* Близкий к современности антропологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. Л., Изд-во: Наука, 1980. С.37-45.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов восточной Европы: Краниологическое исследование. М., Изд-во: Наука, 1969. 328 с.
- Алексеев, В.П., Гохман И.И.* Антропология Азиатской части СССР. М., Изд-во: Наука, 1984. 208 с.
- Беневоленская Ю.Д.* К вопросу о морфологической разнородности краниологической серии из могильника на южном Оленьем острове // Проблемы антропологии современного населения Евразии. Л., 1984. С. 37-54.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., Изд-во: Наука, 1972. 371 с.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области / ТИЭ. Новая серия, 1951. Т. 17.
- Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алама-Ата, 1970.
- Кузеев Р.Г.* Краткий очерк этнической истории башкирского народа // АЭБ, Уфа, Из-во БФАН СССР, 1973. Т.5. С. 32-60.
- Миклашевская Н.Н.* Краниология киргизов // ТКАЭЭ. 1959. Т.2.
- Юсупов Р.М.* Краниология башкир. Ленинград, Изд-во: Наука, 1989. 198 с.

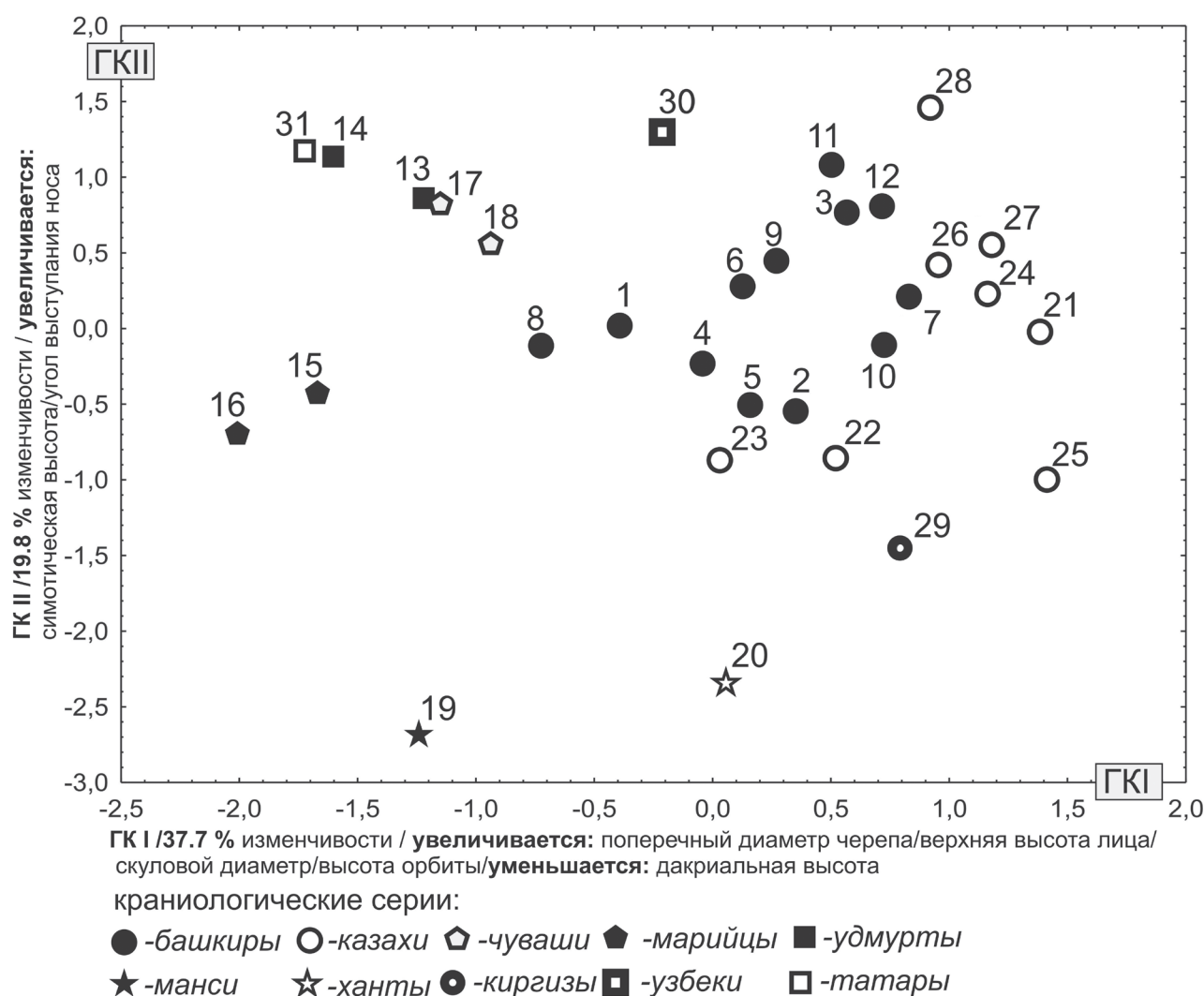

Рис. 1. Расположение серий мужских черепов близких к современности с территории Прикамья, Приуралья и Казахстана, привлеченных для анализа в пространстве первой (ГК I) и второй (ГК II) компоненты

Краниологические серии башкир: 1– Кадырово (данные автора); 2– Ахуново; 3– Абдрашитово; 4– Старо-Халилово; 5– Муллакаево; 6– Гадельшино; 7– Старо-Кулуево; 8– Мавлютово; 9– Ташла; 10- Аллагуватово; 11- Кусеево; 12- Иштуганово (все Юсупов, 1989); 13- Северные удмурты; 14- Южные удмурты; 15- Горные марийцы; 16-Луговые марийцы (Акимова, 1961); 17- Южные чуваш; 18- Северные чуваш (Алексеев, 1974); 19- Манси; 20- Ханты (Дебец, 1951);

Краниологические серии казахов: 21 – Казахи (О. Исмагулов, 1970); 22- Казахи Букеевской степи; 23- Казахи Кызыл-Ординской степи (Гинзбург, 1972); 24- Казахи окрестностей Алматы (О. Исмагулов, 1963); 25- Казахи Чубартау; 26- Казахи окрестностей Коунрада; 27- Казахи окрестностей Кува; 28- Казахи Баянаула (все Исмагулов, 1970); 29-Киргизы (Миклашевская, 1959); 30- Узбеки; 31- Татары (Алексеев, 1969);

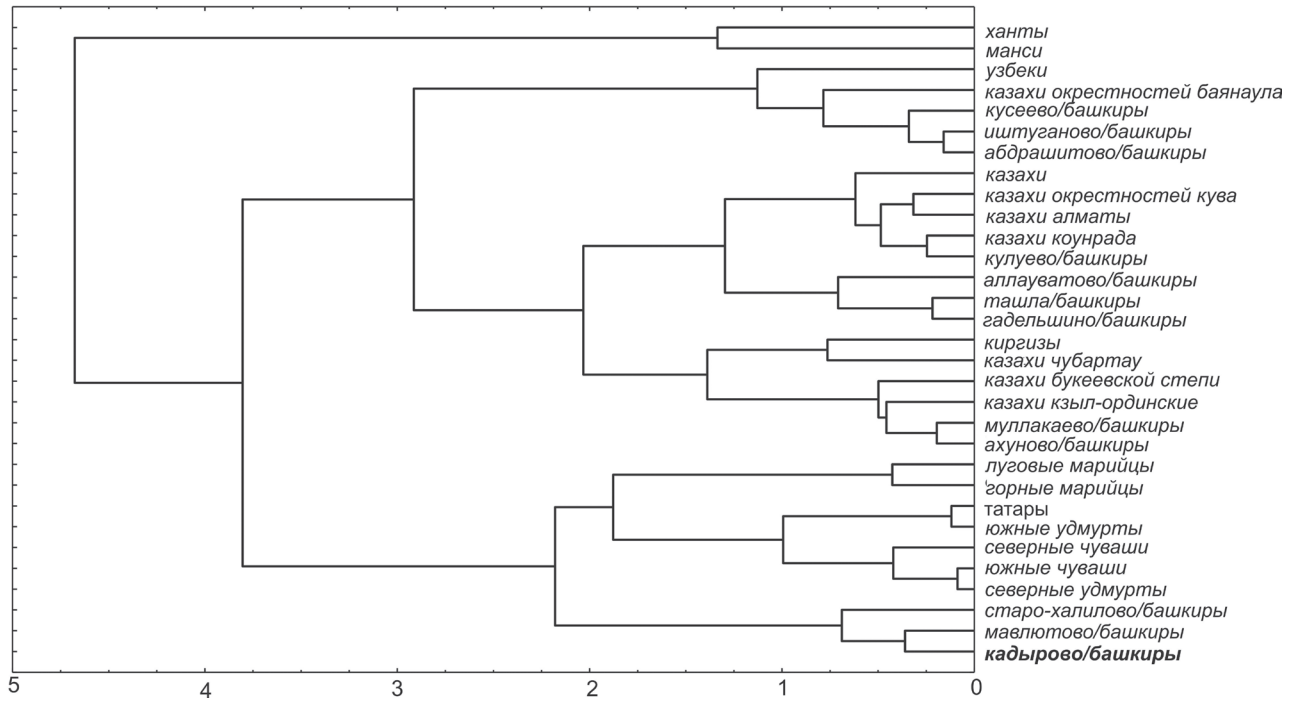

Рис. 2. Дендрограмма, иллюстрирующая взаиморасположение групп по результатам компонентного анализа мужских серий

СЕКЦИЯ 21.

ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТЕПНЫХ ИМПЕРИЯХ ЕВРАЗИИ

БИЛЯРСКОЕ II СЕЛИЩЕ – БУЛГАРСКИЙ ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПАМЯТНИК КОНЦА X- ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII В.

Беговатов Е.А.

Казанский федеральный университет

Ключевые слова: Волжская Булгария, селища; керамическое, косторезное производство; цветная металлургия, остеология, стеклянные изделия, бусы, куфические дирхемы, торговые гирки.

Резюме: В работе приведены результаты археологических работ на Втором Билярском селище, Алексеевского района РТ в 1999- 2004 гг. Материалы стационарных раскопок (площадь более 500 кв.м.), показывают достаточно быстрое образование селища. Разнообразная производственная деятельность, торговый и импортный материал характеризуют его как торгово- производственный центр домонгольской Волжской Булгарии конца X – начала XI вв.

Билярское II селище расположено в 1 км от северной окраины с.Билярск (Алексеевский р-н, Республика Татарстан) на левом берегу р. Малый Черемшан, притока р.Б.Черемшан, левого притока Волги (Археологические памятники, 1990, № 433). Селище занимает относительно ровную площадку между неширокой низиной, расположенной за территорией бывшего аэродромом и р. М.Черемшан. Эта низменная часть плавно спускается к реке и отделяет его с юго-запада от III Билярского селища. На восточной части этого селища, между дорогой и низиной, местным жителем в 1974 г. был найден небольшой клад (52 дирхема) золотоордынских монет (опр. Д.Г.Мухаметшина) первой половины XIV в. (Шакиров, 2012). Несколько золотоордынских монет середины XIV в., на пашне, ближе к берегу р. М.Черемшан в 2005- 2006 гг. найдено Худяковым А.В., сотрудником заповедника. В настоящее время селище практически полностью распаивается.

С 1999 по 2004 гг в центральной части поселения, на месте скопления керамики, проводились стационарные раскопки на площади более 500 кв.м. Уже в первые годы в исследуемом районе было обнаружено кузнечное, гончарное, косторезное производство (Беговатов, 2001). Найдены гончарные и кузнечные горны, масса гончарной и лепной керамики, крицы, прекрасно изготовленные тигли, найден небольшой склад сферососудов с камнем- тёрочником; большое количество фрагментов сферососудов. В корпусе одного из металлургических горнов вместе с фрагментами тиглей были обнаружены фрагменты сферососудов, что говорит о производственном назначении последних. Аналогичные сферососуды были найдены на Первом Семёновском селище и Билярском городище (усадебная металлургия). Интересной находкой является фрагмент сферососуда, содержащий сильно обожженную спекшуюся глину, первично представляющую собой рыхлую массу, в которую вносился очень мелкий,

обломочный кварцевый материал. Петрографическое описание шлифа этой массы было сделано сотрудником ЦНИИГеолнеруда А.М. Месхи. Аналогичный фрагмент сферососуда со спекшейся массой был найден на Семёновском селище (Казаков, . В раскопе найдены бронзовые изделия: подвески, поясные накладки, заготовки для браслетов. Все они имеют аналоги среди изделий Измеркого селища. Р.Х. Храмченковой определён химический состав бронзы, взятой из найденной льячки. Анализ показал повышенное содержание в металле мышьяка. Этот факт был отмечен Т.А. Хлебниковой при анализе состава бронзы с Болгарского городища. Керамика селища исследована самарским археологом И.Н.Васильевой. Характеризуя в целом изученный керамический комплекс II Билярского поселения, она пишет « можно отметить сложность и многокомпонентность гончарного производства, что отражало неоднородный состав населения, оставившего данный памятник». Косторезное производно представлено большим количеством обработанных фрагментов метаподий лошади для накладок на лук. Возможно и применение этих фрагментов для изготовления найденных в раскопах костяных иголок. В хозяйственных ямах, расположенных в металлургической части селища, постоянно присутствовали кусочки, а в некоторых случаях скопления янтаря. кубические железные гирьки. Обнаружено несколько фрагментов костей верблюда. Среди большого количества остеологического материала, обработанного Г.Ш. Асылгараевой, много крупных фрагментов костей КРС. Это косвенно указывает на достаточно высокий экономический достаток населения селища. Жители селища использовали в пищу осетровые и других видов рыб. Видовой состав костных остатков определил проф. КГУ В.А. Кузнецов. На кафедре почвоведения Казанского университета Л.В.Мельниковым исследована почва, взятая из сооружений.

В 1999 г. во время осмотра селища, несколько южнее основного раскопа было найдено несколько куфических монет конца X в. Постоянное наблюдение за этим участком селища позволило обнаружить ещё несколько десятков монет, состоящий из монет ред-

ких дирхемов мамунидов, зийридов, буидов, саманидов, караханидов, которые определил Г.А. Фёдоров- Давыдов. Наконец, в 2001 году здесь был обнаружен разрушенный клад (раскоп IV), состоящий из 443 целых и 1011 фрагментов дирхемов. К большому сожалению, увидеть эту часть клада ему не пришлось. Всего на этом участке было найдено 1785 целых, резанных и ломаных монет, фрагмент небольшого перстня, несколько гирек. В ЦНИИГеолнеруда ст. н.с. Р.Х. Храмченковой определён количественным спектральным методом химический состав дирхемов этого клада.

Нумизматический материал, кубические гирьки разных размеров, найдены и на основном раскопе в хозяйственных ямах: целый дирхем хорезмшаха Али б. Мамина, чеканенный в Джурджании не позднее 395 г.х. (1004- 1005 гг.). Другая яма содержала четверть дирхема буида Фахр ад - даула (366-387 г.х) и несколько небольших кубических гирек. Часть сохранившейся надписи дирхема позволяет его отнести ко второму типу дирхемов этого правителя, время чеканки которых Р. Фасмер считает 374- 379 г.х. (985-990 гг.). Найдено несколько фрагментов саманидских куфических дирхемов X в. Среди нумизматических находок 2004 г., плохо сохранившихся половинки двух медных фельсов, возможно караханидов. Монеты мамунидов (хорезмшахи II династии) очень редки, поэтому клад куфических монет, найденный в другой части селища, несомненно, связан с материалами селища..

На раскопе V обнаружены фрагменты импортной стеклянной посуды (доньшки от сосудов, тулово и подножки кубков и т.д.)(Шишкина, 1986), большие фрагменты двух стеклянных арабских ламп с «лапками»- «mosque lamp» лампы мечети (Беговатов, 2013); небольшой клад (6 экз.) каменных и стеклянных бус (Полубояринова,1991) , а также фрагменты поливной керамики, возможно изготовленной в Рейне (Коваль, 2010). Похожие лампы с «лапками» приведены в работе М.Д. Полубояриновой и Ю.Л. Щаповой. Аналоги каменным бусам можно найти в работе М.Д. Полубояриновой. Представляет определённый интерес и глазчатая буса из клада (склада).

Р.Х. Храмченковой определен количественным спектральным анализом химический состав некоторых из этих стеклянных изделий. Исследованные стеклянные изделия относятся к подтипу (Al)- Na(K)- Ca(Mg) или (Al)- Na(Ka)- Ca, Mg. Эти химические подтипы относятся ко 2 типу стеклообразующего сырья, сваренного золе солончаковых растений аридной зоны Востока. Хорошо датированной находкой, является составной костяной футляр для гребня с циркульным орнаментом. По краям футляр стянут железными заклёпками. Он аналогичен футляру, найденного в Караван-сараях Белой Вежи в слое IX в. Футляр типичен Новгородским находкам X- XI вв. (Флерова, 2001). По сообщению Е.П. Казакова, подобные «лапки» от стеклянной лампы и костяной футляр, были найдены на Измерском селище.

Полученные материалы позволяют определить торгово- ремесленный статус данного селища. Многие изделия с него имеют полные аналоги с находками как Измерского селища (Казаков, 1996), так и Билярского городища. На исследованной части селища не найдено ни одной джучидской монеты, поэтому её можно считать частью домонгольского Второго Билярского селища (Шакиров, 2012). Отсутствие куфических дирхемов конца X в. (зийаридов, мамунидов, караханидов) на Измерском селище и практическое отсутствие нумизматического материала на Билярском городище, позволяют хронологически поместить Второе Билярское селище между этими двумя археологическими памятниками.

Всем специалистам, принявшие участие в определении археологических материалов, сотрудникам заповедника выражаю глубокую благодарность. Без их помощи отчеты были

бы значительно тоньше и менее содержательными. Примером привлечения к археологическим исследованиям специалистов различных специальностей, в то время служила для меня монография под редакцией А.Х. Халикова «Исследования Великого города».

Работа выполнена за счёт субсидий, выделенных Казанскому федеральному университету для выполнения государственных заданий в сфере научной деятельности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан.- Казань:1990.-112 с.

Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища//Древние ремесленники Приуралья.- Ижевск: 2001.- с. 148- 159.

Беговатов Е.А. Билярский клад куфических монет конца X - начала XI вв// XI Всероссийская нумизматическая конференция.- СПб: 2003- с. 71-73

Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточная стеклянная лампа из Поволжья, Российская археология, №1 - М: Наука, 2014- с.158- 162

Казаков Е.П. Булгарское село X- XI веков низовий Камы. Казань, 1996. – 175с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX-XVII века – М: Наука, 2010.- 269 с

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгарии и Золотой Орды. М.: 1991.

Флерова В.Е. Резная кость юго – восточной Европы IX-XII века.- СПб: 2001

Шакиров З.Г. Округа Биляра в X-XV вв. Авт. дис.- :Казань: 2012.

Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Ташкент: Фан, 1986 -178 с.

Халиков А.Х. Исследование Великого города.- М.: Наука, 1985.- 216 с.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ.

21 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК

КРУГЛЫЙ СТОЛ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Место проведения: Главное здание К(П)ФУ, каб. 026В

Модераторы:

Сергеев Дмитрий Леонидович, Энговатова Ася Викторовна

Секретари:

Зеленцова О.В., Смирнова О.В., Стадник О.М.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Н.О. Гриненко,

*председатель Государственного комитета по охране культурного наследия
Республики Крым*

Одной из специфических черт Крымского полуострова является наличие значительного количества объектов культурного наследия. Только на государственном учете их состоит более 9 тысяч, из них более 5600 памятников археологии – от эпохи палеолита до позднего средневековья. Богатейшее археологическое наследие полуострова стало достойным вкладом в мировую сокровищницу, но оно требует постоянной заботы и внимания.

После возвращения Крыма в Россию в структуре Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым был создан отдел сохранения объектов археологии для защиты интересов государства в вопросах охраны, использования и изучения памятников и объектов археологии Крыма.

Для многих присутствующих в этом зале Крымский полуостров всегда будет ассоциироваться не с горами, теплым морем, местом отдыха и развлечений, а в качестве «полуденного края» отечественной археологии. Этот регион обогащал отечественную историческую науку и дарил новые находки для экспедиций времен царской России, советских и современных исследований. Среди объектов культурного наследия, находящихся в Республике Крым, более 5 тыс. памятников составляют памятники археологии. При внесении их в государственный реестр эта цифра может увеличиться вдвое за счет выявленных объектов.

Страшная черта 1991 года, которая оторвала Крым от основных отечественных научных центров, привела к чудовищным и, к сожалению, необратимым последствиям. На фоне разграбления советского имущества, становления «незалежности» и «самостийности», на фоне маршей фашиствующих молодчиков под бандеровскими флагами крымской археологии нанесен страшный и невосполнимый удар. С начала 90-х годов прошлого века началось безнаказанное уничтожение памятников археологии в целях получения археологических предметов и их дальнейшего сбыта. Попытки противостоять этому криминальному разгулу не давали результатов. Они, как волны, разбивались о мол бессилия украинского законодательства. За 23 года временной оккупации Крымского полуострова украинские законодатели оказались не способными создать хоть один реально работающий механизм противодействия грабительским раскопкам. Да и зачем это было делать, когда одним из главных инициаторов разграбления археологического наследия был лично президент В. Ющенко! Республиканский комитет Автономной Республики Крым по охране культурного наследия неоднократно обращался к киевским властям с предложениями по внесению законопроектов, направленных на выход из сложившейся ситуации. Все безрезультатно. Практически все уголовные дела распадались. К началу 2014 г. ничего больше не оставалось, кроме как фиксировать факты повреждений объектов археологии и просматривать сайты, заполненные предложениями о продаже предметов древности из Крыма.

Вот буквально несколько примеров масштабов бедствия. Это могильники на территории Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского районов, на которых вскрыты тысячи погребальных сооружений. Это многочисленные попытки разграбления античных поселений и их некрополей на территории Керчи, Ленинского, Черноморского, Сакского р-нов. Ну а зафиксированных фактов повреждения объектов археологии, в первую очередь курганов, в ходе хозяйственной деятельности можно насчитать десятки. Однако и в, казалось бы, безнадежной ситуации принимались меры, эффект от которых был весьма неплохим. Увы, на фоне общей статистики результативные мероприятия, направленные на охрану памятников, можно было считать единичными случаями.

Весьма скудное финансирование охранно-археологических исследований памятников археологии не дает возможности проводить их консервацию и музеефикацию. В 2013 г. нами профинансированы охранно-археологические раскопки на объектах, подвергающихся наибольшему разграблению и разрушению, на сумму 400 тыс. руб., в 2014 г. – на 600 тыс. руб.

После воссоединения Крыма с Россией сотрудники исполнительного органа государственной власти в сфере охраны культурного наследия Республики Крым начали работу с изучения законодательства Российской Федерации. В вопросе реализации практических механизмов в сфере охраны памятников археологии российское законодательство намного обогнало украинское. В связи с появившимися перспективами и возможностями в структуре Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым создан отдел сохранения объектов археологии, основной задачей которого стала задача находиться на страже интересов государства в вопросе охраны, использования и изучения памятников и объектов археологии Крыма. Сотрудники отдела – специалисты с профильным образованием, имеющие за плечами практику полевых исследований и участия в археологических экспедициях. Возглавил отдел кандидат исторических наук Владимир Руев.

Одной из первостепенных задач Госкомитета и профильного отдела стала подготовка плана мероприятий по сохранению объектов

археологии. В результате получилась эффективная многовекторная система, которая уже реализуется совместно с органами Федеральной службы безопасности, полиции и прокуратуры. С учетом специфики ситуации в сфере охраны археологического наследия в Республике Крым сформированный план мероприятий не предается огласке.

На данный момент имеются трудности материального характера в силу переходного периода в Республике Крым. Но они компенсируются энтузиазмом сотрудников, которые в случае необходимости работают в любую погоду и в любое время суток. Как следствие, за первые месяцы работы Государственного комитета по охране культурного наследия уже проведены либо проводятся следующие мероприятия по охране памятников.

1. Сотрудники ФСБ и прокуратуры при участии Госкомитета передали в Следственный комитет материалы для возбуждения двух уголовных дел, предусмотренных ст. 243.2 Уголовного кодекса РФ («Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»). В настоящее время мы ждем окончания расследования и решения суда. В случае неудачного исхода наши юристы будут проводить «работу над ошибками» и давать соответствующие разъяснения сотрудникам профильного отдела.

2. Предотвращена возможность повреждения ряда объектов археологии (некрополей, поселений, пещерной церкви) на территории г. Керчь, Ленинского, Бахчисарайского, Белогорского р-нов, Алуштинского региона.

3. Идет подготовка по оформлению административных правонарушений, связанных с незаконным поиском и сбытом археологических предметов.

4. В 2015 г. проведена подготовка ликвидации реальных рынков сбыта археологических предметов.

5. Ведется мониторинг сайтов, занимающихся продажей археологических предметов из Крыма.

6. Проводится системный контроль и проведение выездов на памятники, находящиеся в зоне риска.

7. Проводится мониторинг состояния памятников археологии с последующим актированием ситуации.

8. Осуществляется оперативное реагирование сотрудников отдела сохранения объектов археологии Госкомитета на все факты, связанные с правонарушениями на памятниках археологии.

В 2013 г. зарегистрировано 83 открытых листа, в текущем году – 40. Это объясняется тем, что не приехали украинские археологи. Хочу отметить, что Министерство культуры Российской Федерации оперативно провело работу по выдаче открытых листов крымским ученым.

В 2015 г. интенсифицируется работа по этим и другим направлениям. При этом подчеркну, что в ходе археологического полевого сезона 2015 г. будут проведены проверки всех археологических экспедиций на предмет соблюдения законодательства при проведении археологических исследований. И очень хотелось бы ожидать, что не будет выявлено фактов нарушений законодательства.

Необходимо сказать и о сохранении объектов археологии при строительстве Керченского моста и подъездных путей. Позицию в отношении сохранения и изучения археологических объектов при строительстве моста высказал и президент Российской Федерации В.В. Путин. Прекрасно понимая эту необходимость, мы готовы обсуждать все конструктивные позиции специалистов при наличии проекта строительства сооружений моста. Хочу подчеркнуть, что не будет вариантов, в которых появится предложение из-за выявленного кургана провести Керченский мост через Стамбул или Одессу или же вообще его не строить. Мы должны найти компромиссное решение, при котором не пострадают интересы государства и науки. И специалистов для реализации этой государственной программы у нас достаточно.

В итоге вы ознакомились только с начальным этапом деятельности Госкомитета по сохранению археологического наследия, который может получить в дальнейшем новые толчки для развития в виде укрепления материальной базы и реальных предложений профильных специалистов. Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым готов к конструктивному сотрудничеству со всеми, кому небезразлична судьба археологического наследия одной из Мекк мировой археологии – Крымского полуострова.

Археологические раскопки на Мангупе

Генуэзская крепость в г.Судак

Крепость Фуна (Алуштинский регион)

Пещерный монастырь Чилтер-Мармара.

Турецкая крепость Ени-Кале (Керчь)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

А.Н. Кондрашёв,

*руководитель Службы государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры*

Постараюсь представить вам ситуацию с государственной охраной объектов археологического наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за последние несколько лет исключительно в части объектов археологии. Постараюсь познакомить вас с системой, которую мы с коллегами выстроили за последние 15 лет и которая, как мне кажется, позволяет достаточно эффективно реализовывать нашу главную задачу, направленную на сохранение археологических памятников, учитывая масштабное хозяйственное нефтегазовое освоение территории Югры.

Югра – уникальный по своим природным условиям и ресурсному потенциалу край. В настоящее время это один из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации, занимающий первое место по добыче нефти в России. За последние 30 лет на территории округа построено более 10 современных городов, десятки поселков городского типа, протянуты тысячи километров нефте- и газопроводов, ЛЭП и т. д. Хозяйственное освоение месторождений нефти и газа в автономном округе связано с использованием значительных земельных участков и территорий, что негативно влияет на состояние объектов археологического наследия.

За точку отсчета в истории охраны объектов археологического наследия на территории автономного округа можно принять 1992 г., когда на уровне губернатора Югры была разработана и утверждена Концепция системы сохранения и использования историко-культурного наследия ХМАО.

Утверждение и поддержка основных положений концепции высшими органами исполнительной и законодательной власти Ханты-

Мансийского автономного округа позволили в 1995 г. ввести систему обязательных историко-культурных экспертиз. Данная система, разработанная специалистами предприятия АВ КОМ Свердловского отделения Российского фонда культуры, позволила без ущерба для сроков проведения хозяйственной деятельности наладить как экспертизу предпроектной, проектной и иной документации, так и обследование зон хозяйственной деятельности, участков земли, выделяемых под строительство хозяйственных объектов.

Следует отметить, что введение обязательной историко-культурной экспертизы имело важнейшее значение не только для организации сохранения историко-культурного наследия, но и для развития археологической науки в регионе в целом. Данные работы позволили в тяжелейший для всей страны период профинансировать деятельность крупнейших научных подразделений, не только сохранить научные кадры, но и привлечь к работе новых специалистов, молодежь. Историко-культурная экспертиза во многом изменила подходы к проведению археологических изысканий на территории Югры. К началу 2000-х гг. можно говорить о формировании регионального археологического центра. Это первый случай в России, когда археологический центр возник благодаря усилиям органов охраны объектов культурного наследия и региональной администрации. Особенностью является то, что подавляющее большинство археологических работ выполнялось и выполняется негосударственными организациями. Более подробно со статистикой и соответствующим анализом вы можете ознакомиться в статье сотрудника ИА РАН Ирины Анатольевны Сорокиной «По-

левая археология в ХМАО и ЯНАО: феномен роста».

В мае 2008 года в результате проведенных организационно-штатных изменений в структуре органов исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры создан орган, уполномоченный в области государственной охраны объектов культурного наследия и регионального государственного контроля в сфере историко-культурного

наследия, Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это позволило наиболее эффективно организовать деятельность, направленную на обеспечение сохранности историко-культурного наследия Югры.

В 2010 г. в Югре пошли дальше и разделили полномочия между органами исполнительной власти автономного округа.

За службой были закреплены:

– государственная охрана объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов культурного наследия;

– осуществление переданных полномочий Российской Федерации по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения;

– осуществление государственного регионального контроля в сфере историко-культурного наследия.

За Департаментом культуры автономного округа – сохранение, использование и популяризация историко-культурного наследия.

Считаю данную структуру наиболее оптимальной и работоспособной.

По состоянию на 1 октября 2014 г. на государственном учете находится 5306 объектов культурного наследия, подлежащих государственной охране. Среди них 983 объекта федерального значения (это объекты археологии), 105 объектов регионального значения, 4 объекта местного (муниципального) значения, 4214 выявленных объектов культурного наследия. Специфика Ханты-Мансийского округа заключается в абсолютном преобладании объектов археологического наследия в общем количестве памятников – 5192. В 2013 г. в результате проведенных историко-культурных исследований на территории

Югры выявлено и поставлено на государственную охрану 304 новых объектов археологического наследия. Полной информации по 2014 г. еще нет, заявления в службу еще поступают. В 2014 г. на территории Югры проведены стационарные археологические исследования на 15 археологических памятниках, 13 из них носили характер спасательных работ, предваряющих строительство.

Министерством культуры Российской Федерации в 2014 г. выдано 39, в 2013-м – 45 разрешений (открытых листов) на право проведения археологических исследований на территории автономного округа.

Основной стратегической задачей Госкультуохраны Югры является формирование эффективной системы охраны каждого объекта культурного наследия, обеспеченной нормативными и организационно-распорядительными документами. Для объектов археологии это установление границ территорий.

Установление границ территорий объектов культурного наследия является важнейшим звеном в обеспечении их государственной охраны и предотвращения уничтожения в процессе осуществления хозяйственной деятельности. И, как мне видится на сегодняшний день, без установленных границ, в первую очередь на археологию, практически невозможно ее сохранить в условиях масштабного хозяйственного освоения территории округа.

подавляющее большинство объектов было выявлено в 70–90-х гг., когда не проводилось инструментальной съемки, как и точного позиционирования объектов. К примеру, типичной привязкой являлось «в 2,5 км к СВ от деревни». Исходя из этого, принято решение, что при определении границ территорий будет сниматься вся возможная и необходимая информация по памятнику: инструментальная топосъемка объекта и территории; съемка координат границ с точностью, определенной для подготовки землеустроительной документации; фотофиксация; уточнение датировки. И на конечном этапе – подготовка акта установления границ, акта техсостояния, учетной карты, фотоальбома, с этого года – карты-плана. В итоге мы получаем полную информацию по памятнику, необходимую и для единого гос-

реестра охраны культурного наследия, и для установления границ, и для реестра недвижимости.

На основании полученной документации служба готовит приказ нормативного правового характера, который утверждает границы памятника (по положению о службе это наши полномочия). Приказ публикуется в окружной газете «Новости Югры», что является публичным уведомлением, и с данного момента вступает в силу.

Утвержденные границы передаются в органы муниципальной власти для внесения в документы территориального планирования, Департамент природных ресурсов автономного округа, предоставляющий участки земельного фонда в аренду недропользователям, осуществляющим хозяйственную деятельность (если объект располагается в границах лицензионного участка, предоставленного для добычи нефти). Все приказы опубликованы на сайте службы.

Установление границ территорий объектов культурного наследия и внесение их в документацию территориального планирования взято на особый контроль в соответствии с поручением президента Российской Федерации от 24 августа 2012 г. № Пр-2217, что позволило нам увеличить бюджет на данное мероприятие на период 2014, 2015 и 2016 гг. в 10 раз по сравнению с 2013 г. – с 4 млн до 40 млн рублей ежегодно.

Работа по установлению границ территорий объектов культурного наследия в автономном округе активно началась в 2010 г. Довольно долго мы работали над техническим заданием (ТЗ) к данному виду работ. Учитывалось мнение всех археологов, работающих на территории Югры, и не раз оно обсуждалось на заседаниях Научно-методического совета при службе. Сейчас ТЗ составляет около 20 страниц. Мы постарались учесть все моменты, включая критерии выделения границ, принципы топосъемки, оформления графики, описания предмета охраны. Как результат, многие наши наработки вошли в разработанную Институтом археологии РАН по заданию Министерства культуры РФ методику определения границ территорий объектов археологического

наследия, рекомендованную для использования с января 2013 г.

Если в 2011 г. нормативными правовыми актами Госкультохраны Югры границы установлены для одного объекта археологического наследия, в 2012-м – для 259, в 2013-м – для 342 объектов культурного наследия, в 2014-м – для 103. В конце этого года планируем получить материалы еще на 464 памятника археологии.

Вторым основным направлением работы службы по охране объектов археологии является создание системы достопримечательных мест на территории Югры.

Начиная с 2012 г. в автономном округе ведется активная работа по формированию системы достопримечательных мест как базы для создания на их территориях историко-культурных заповедников. Достопримечательные места позволят наиболее рационально обеспечить сохранность уникальных археологических объектов и наследия коренных малочисленных народов Севера в естественных историко-культурных и природных условиях.

Создание системы достопримечательных мест как эффективного инструмента сохранения культурного наследия является сегодня важнейшей общественной задачей. Для Югры эта деятельность актуализируется активным по темпам и масштабным по территории промышленным освоением. Достопримечательные места – это реальная возможность оградить территорию локального сосредоточения археологических и этнографических объектов от повреждения при осуществлении хозяйственной деятельности и контролировать любой землеотвод на данной территории.

В настоящее время в округе постановлениями правительства Югры в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации включены шесть достопримечательных мест; пять из них – регионального значения и одно – местного (муниципального). В их составе 506 объектов археологического наследия и более 15 памятников истории (культурные места коренных малочисленных народов Севера).

В конце 2014 г. мы получим проектную документацию еще на одно достопримечатель-

ное место, в состав которого войдет более 60 археологических памятников. И в этом же году заключен двухлетний госконтракт на разработку проекта достопримечательного места с этнической составляющей в основе.

До конца 2016 г. в соответствии с ведомственной программой службы «Историко-культурное наследие Югры на 2011–2013 годы и на период до 2020 года» запланирована разработка документации еще на девять достопримечательных мест. И к концу 2017 г. планируем иметь на территории Югры 15 таких объектов, в состав которых войдет более 1000 археологических памятников.

Немного о процедуре.

6 сентября 2012 г. постановлением правительства

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 314-п урочищу Барсова гора придан статус достопримечательного места регионального значения. В состав памятника входит 199 объектов археологического наследия, исторические ландшафты и растения, занесенные в Красную книгу. Площадь составляет 170 кв. км.

В соответствии с полномочиями Службы государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа 30 октября 2012 г. подписан приказ нормативного правового характера № 13-нп «Об утверждении границ территории, характера использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора». Таким образом, созданы все необходимые условия для эффективной государственной охраны памятников Барсовой горы.

В соответствии с Концепцией сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на период до 2020 г. в 2016 г. планируется приступить к созданию на основе достопримечательного места «Барсова гора» историко-культурного заповедника регионального значения.

Это первое достопримечательное место на территории Югры.

Проблем с ним много было и при образовании, и сейчас. В границах достопримечательного места расположены поселок Барсово, объекты нефтедобычи ОАО «Сургутнефтегаз».

Практически на всей территории запрещена хозяйственная деятельность, отвод участков под жилищное строительство. В 2012 и 2013 гг. на нас было два обращения в окружную и федеральную прокуратуру. Были обращения к президенту РФ с жалобами на то, что запретили индивидуальное жилищное строительство. Состоялись проверки, и правомочность наших действий была подтверждена.

Более чем за год существования достопримечательного места зафиксировано три факта нарушения характера использования территории памятника. По всем возбужденным делам мы выиграли суды, включая апелляционные. Общая сумма штрафа – 1,2 млн рублей. Мы применили нормы Административного кодекса, ужесточенные с середины августа 2013 г.

В 2012 г. подготовлены проекты по следующим достопримечательным местам: «Священное озеро Балбанты» на восточном склоне Приполярного Урала, «Нёх-Урий» на севере округа, в районе г. Покачи, «Культурный слой города Сургута» и «Соровские озера». Все эти проекты прошли ИКЭ, постановлениями правительства Югры включены в единый госреестр и имеют утвержденные границы, определен характер использования их территории.

В границах достопримечательного места «Нёх-Урий» в настоящее время известно 200 объектов археологического наследия (123 селища, 44 городища, 6 могильников, 24 участка ловчих ям, 3 местонахождения), возникших на протяжении 6 тыс. лет, начиная с каменного века. И работа по дальнейшему выявлению еще далека от завершения. При своевременном и грамотном подходе к сохранению и изучению этого археологического наследия известность Нёх-Урия может поколебать признанное на сегодняшний день лидерство Барсовой горы. Объекты археологического наследия объединены на участке, имеющем площадь 61 кв. км и протяженность границ 38 км.

В границах достопримечательного места «Соровские озера» расположено 102 объекта культурного наследия.

По каждому проекту таких памятников служба совместно с органами местного самоуправления организует и проводит общественное обсуждение (не путать с общественными слушаниями), сотрудники службы и разработ-

чики проекта объясняют, зачем, почему, на каком основании и т. д. строятся планы.

От строки в программе до выхода приказа по установлению границ проходит в среднем полтора года. Процедура довольно проста и отработана нами на всех этапах. Совместная работа службы, археологов, членов НМС при службе вылилась в раздел нашей программной деятельности «Приоритетный список достопримечательных мест до 2020 г.». Далее финансирование, проект обоснования достопримечательного места, историко-культурная экспертиза проекта на включение его в Единый государственный реестр, подготовка проекта постановления правительства автономного округа о включении места в реестр, принятие постановления, подготовка службой приказа нормативно-правового характера об утверждении границы и характера использования территории достопримечательного места и его предмета охраны, внесение информации об этом месте в документы территориального планирования.

Следующий блок – это два взаимосвязанных направления: организация работ по обследованию территории, подлежащей хозяйственному освоению, и осуществление мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия на этих территориях.

Краткая справка по сути проблемы.

В 2006 г. в связи с внесением изменений в Закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительный кодекс обязательное предварительное обследование территории на предмет наличия или отсутствия объектов культурного наследия на территории, подлежащей хозяйственной деятельности, было отменено. В 2008 г. в связи с тезисами президента РФ в ежегодном докладе о необходимости уменьшения сроков согласования нового строительства во многих субъектах РФ комиссии по предоставлению земельных участков сократились вдвое. В ХМАО было так же. Нас из комиссии тоже исключили. Тем более по нормам законодательства (ст. 52, п. 3) согласование госорганом охраны памятников обязательно, только если работы проводятся в границах территории ОКН.

После выхода из комиссии у нас не стало механизма понуждения недропользователей к проведению предварительного историко-культурного обследования территории, подлежащей хозяйственному освоению. Тем не менее подавляющее большинство компаний по-прежнему проводит такое обследование. Проблему решили следующим образом.

Для проведения экспертизы проектной документации требуется заключение госоргана охраны памятников об отсутствии на территории объектов культурного наследия или о проведенных мероприятиях по обеспечению их сохранности.

Если участок не обследовался, нами выдается заключение с формулировкой: «Для получения объективной информации требуется проведение научно-исследовательских, изыскательских работ, направленных на обнаружение объектов археологического наследия, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на территории земельного участка, испрашиваемого под...»

При этом необходимо учитывать, что данное заключение не является согласованием или несогласованием предоставления участка. Это лишь информационная справка. И с такой формулировкой большинство предприятий Главгосэкспертизы документацию не принимают к рассмотрению.

Ну и кроме того, для большинства серьезных компаний (дорожников, нефтяников, компаний по транспортировке нефти), осуществляющих строительство на плановой основе, экономически гораздо выгоднее заранее убедиться в отсутствии археологических памятников на территории запланированного строительства: при остановке стройки для проведения мероприятий по сохранению они тратят гораздо больше денег. Здесь работает связка археологов (общественные инспекторы) и службы. Приведу только один пример: «Сургутнефтегаз» не проводил экспертиз в течение двух лет. По его новым стройкам прошли археологи, нашли поврежденные памятники, информировали нас. Мы остановили стройку – раскопки, потеря денег... Через два года «Сургутнефтегаз» вернулся к системе предварительных археологических обследований.

У нас подписано соглашение об обмене информацией с Департаментом несырьевых

ресурсов автономного округа, который предоставляет в аренду участки земель лесного фонда. Мы направляем в ведомство приказы по установленным границам и (ежегодно) тематические слои Mapinfo с объектами археологии. Если они попадают в предоставляемый участок, недропользователя направляют к нам.

Схема проектирования мероприятий по обеспечению сохранности археологического объекта следующая. Если в границах проведения хозяйственных работ (полоса отвода и временная полоса отвода земельных угодий) расположен археологический памятник, то в соответствии с п. 2 и 3 ст. 36 73-ФЗ в проекте должен быть разработан раздел по обеспечению сохранности объектов культурного наследия. У нас, как правило, разрабатывается отдельный том. Служба выдает заявителю (это может быть недропользователь или нанятая им организация) задание на разработку проекта, в котором прописываются требования к содержанию проекта. В проекте оценивается степень воздействия намечаемой деятельности на памятник, определяются его границы, определяются мероприятия: раскопки, их площадь и места заложения раскопов, установление ограждений, информационных надписей и т. д.

Разработанный проект проходит историко-культурную экспертизу тремя экспертами и поступает на согласование в службу. После согласования осуществляются мероприятия, прописанные в проекте. После осуществления работ происходит их приемка. Выполненные работы проверяется на соответствие проекту.

В течение трех месяцев краткий отчет о проведенной работе поступает в службу.

Для подготовки данного отчета служба разработала «Методические рекомендации о порядке составления научного отчета о проведении спасательных полевых археологических работ, предоставляемого в Службу государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Когда мы вводили данную систему в 2008 г., я исходил из того, что археологический памятник совсем не хуже памятника архитектурно-

го, на который делается проект реставрации, проводится ИКЭ, осуществляется приемка.

Тем более что данная схема полностью прописана в проекте внесения изменений в 73-ФЗ, который утвержден Думой РФ и проходит согласительную комиссию в Совете Федерации.

Ну и последнее, что хотелось сказать о, наверное, самой главной составляющей нашей, я считаю, плодотворной работы по сохранению археологического наследия на территории Югры, – это давнее и конструктивное сотрудничество с археологами и организациями, в основном негосударственными, осуществляющими археологические исследования в автономном округе. Подавляющее большинство противоречий удалось решить еще в начале 2000-х гг.

Одной из форм сотрудничества было введение системы внештатных инспекторов, которая заменена в 2010 г. системой аккредитованных службой экспертов. Аккредитация проходила в соответствии с утвержденными постановлением Правительства РФ от 20 августа 2009 г. № 689 «Правилами аккредитации граждан и организаций, привлекаемых органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля к проведению мероприятий по контролю».

На сегодняшний день у нас аккредитованы 21 археолог и 4 организации. Эксперты участвуют в проведении мероприятий по контролю за состоянием памятников археологии, по итогам проверки в случае повреждения объекта готовят экспертное заключение о причинах, площади повреждения, по заранее согласованным со службой спискам в полевой период самостоятельно проверяют состояние памятников. Экспертно-консультативный совет при службе состоит из экспертов. С июля 2014 г. аккредитация отменена, сейчас будем аттестовать экспертов. Но суть та же.

По давней устной договоренности (ведь обязанности нет!) по итогам археологических работ все организации сдают документацию на хранение в архив АУ ХМАО «Центр охраны культурного наследия». Архив является частью государственного архивного фонда, зарегистрирован соответствующим образом

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В.И. Кошман,

*заведующий отделом археологии Средних веков и Нового времени, к. и. н.,
доцент Института истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь)*

vadzim_archeo@tut.by

Сфера охраны историко-культурного наследия Беларуси, соответственно и археологического наследия как органической ее части, представляет собой систему мер организационного, правового, экономического, материально-технического, научного характера, направленных на выявление материальных объектов и нематериальных проявлений творчества человека, представляющих историко-культурную ценность, придание им статуса историко-культурной ценности, учет, сохранение, восстановление, удержание и использование историко-культурных ценностей, что осуществляется в целях сохранения и умножения историко-культурных ценностей.

Основным документом, который регламентирует охрану археологического наследия в Республике Беларусь, является Закон «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» (9 января 2006 г. № 98-З).

В данном законе археологическое наследие включено в состав историко-культурного наследия, т.е. совокупности наиболее отли-

чительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, нашедших отражение в историко-культурных ценностях, а собственно историко-культурные ценности представлены как материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человека (нематериальные историко-культурные ценности), которые имеют отличительные духовные, художественные и (или) документальные ценности и которым придан статус историко-культурной ценности.

Памятники археологии отнесены к категории недвижимых материальных историко-культурных ценностей и объяснены как «остатки укрепленных поселений (древних городов, городищ, замков), неукрепленных поселений (древних стоянок, поселений, отдельных жилищ); построек, зданий, других объектов (святилищ, мест проведения обрядов, монастырей, храмов); кресты, культовые камни, статуи,obelisks; курганные и грун-

товые могильники, отдельные погребения, некрополи, мавзолеи и др. погребения; инфраструктура сухопутных, водных и водноволокных путей; монетные и вещевые клады, которые вместе с другими недвижимыми и (или) движимыми артефактами сохранились в культурном пласте, а также в природных и искусственных водоемах».

Закон «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь», с нашей точки зрения, примечателен тем, что собственно «археологического терминологического наполнения» в нем присутствует сравнительно ограниченное количество. Так, имеется определение культурного пласта (один раз) – «пласт земли, который появился в результате жизни и деятельности человека», восемь раз упоминаются «памятники археологии», два раза – «археологические исследования» (причем определяется, что «археологические исследования (разведка и раскопки) – комплекс мероприятий по уточнению и изучению недвижимых материальных историко-культурных ценностей, в том числе проведение надзора при производстве земляных и строительных работ») и один раз упоминается разрешение Министерства культуры на проведение археологических исследований, которое выдается после представления Национальной академией наук Беларуси их исполнителям права на проведение археологических исследований (в виде открытого листа).

Историко-культурные ценности делятся на соответствующие категории в зависимости от их историко-культурного значения (0, 1, 2, 3). Подавляющее количество памятников археологии отнесено к категории 3 (историко-культурные ценности, особенные духовные, художественные и (или) документальные черты которых имеют значение для отдельных регионов Республики Беларусь). В настоящее время в Государственный список внесено 5527 историко-культурных ценностей, из которых материальных недвижимых – 5373 (из них памятники археологии – 2336), материальных движимых – 78, нематериальных проявлений творчества человека – 76. Данное количество невелико даже сравнительно с ближайшими странами. Так, в Литве учтено более 18 тыс. памятников (один памятник на 3,5 кв. км), в Польше – около 60 тыс. (один памятник на

5 кв. км), в Азербайджане – более 8 тыс. (один памятник на 10 кв. км). В Российской Федерации учтено почти 121 тыс. памятников (причем концентрируются они преимущественно в европейской части страны), что составляет один памятник на 141 кв. км. В Беларуси этот коэффициент получается как один памятник на 38 кв. км. Однако если данные расчеты строить исключительно на памятниках археологии, то ситуация усугубится еще больше. Так, по отношению к Беларуси данное соотношение будет один памятник на 89 кв. км, по отношению к Латвии – один памятник на 25 кв. км, к Эстонии – один памятник на 6,7 кв. км.

Относительно археологического наследия Закон «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» регламентирует форму выявления памятника (профессиональную, случайную), последующие действия физических и юридических лиц, местных исполнительных и распорядительных органов, Министерства культуры РБ; содержит критерии и описание процедуры для придания объекту статуса историко-культурной ценности. Каждый памятник должен иметь паспорт историко-культурной ценности. Особо оговариваются вопросы сохранения и предупреждения угроз историко-культурным ценностям, зонам охраны и зонам охраны культурного пласта. Так, при проектировании и производстве земляных, строительных, мелiorативных и других видов работ, которые могут создавать угрозу сохранению недвижимых историко-культурных ценностей или зонам их охраны, осуществляются следующие мероприятия: предварительное исследование этих историко-культурных ценностей, их фиксация, археологические исследования, при необходимости – их перемещение, а также мероприятия по обеспечению условий, необходимых для сохранения этих недвижимых материальных историко-культурных ценностей и зон их охраны. Научно-проектная документация на производство работ должна содержать отдельный раздел об мероприятиях по исследованию и сохранению историко-культурных ценностей.

В вопросах содержания и использования историко-культурных ценностей предусматривается заключение охранного обязатель-

ства. Оговариваются условия обременения и обязанностей владельца земельного участка, на котором расположен памятник археологии.

За период 2010–2014 гг. проведена инвентаризация археологических памятников в 40 (из 118) районах Беларуси. В 2014 г. Научно-методической радой Министерства культуры было принято решение о необходимости лишения статуса историко-культурной ценности 51 памятника археологии (разрушены, не локализованы и т.д.).

В то же время совершенно очевидно, что количество памятников археологии на территории Беларуси значительно превышает их официальное количество, включенное в Государственный список. К сожалению, включение в Государственный список памятника археологии в качестве недвижимой материальной историко-культурной ценности еще не является гарантией сохранения и соответствующего отношения со стороны как физических и юридических лиц, так и местных исполнительных и распорядительных органов. Случаи повреждения и разрушения таких памятников регулярны. В правоохранительной практике фактически не встречаются уголовные дела по фактам разрушения, уничтожения или повреждения памятника археологии. В Республике Беларусь за период действия закона «Об охране историко-культурного наследия» (1992–2006 гг., с 2006 г. новая редакция) в суды не направлялись уголовные дела, возбужденные по фактам разрушения памятников археологии.

Вопросы охраны археологических объектов при проведении земляных и строительных работ, осуществлении иной деятельности на территории названных объектов, которая не связана с их плановыми исследованиями, музейфикацией и экспонированием, с целью предупреждения любых форм негативного воздействия регулирует Постановление Совета министров РБ № 665 от 20.07.2012 «Положение об охране археологических объектов при проведении земляных и строительных работ, осуществлении другой деятельности на территории археологических объектов». Данное постановление четко дифференцировало термины «археологические объекты» и «памятники археологии». Так, описание археологических объектов (материальные объекты или

их комплексы, возникшие в результате деятельности человека и сохранившиеся в культурном слое или на дне природных и искусственных водоемов: укрепленные поселения (древние города, городища, замки), неукрепленные поселения (древние стоянки, поселения, отдельное жилье), курганные и грунтовые могильники, отдельные захоронения, некрополи, мавзолеи и другие захоронения, древние сооружения и иные объекты хозяйственного и производственного назначения, фортификационные сооружения, культовые сооружения (храмы, монастыри, святилища, места совершения обрядов, каменные кресты, культовые камни, каменные статуи, обелиски), инфраструктура сухопутных, водных и водно-волоковых путей, монетные и вещевые клады) фактически повторило определение памятников археологии из Закона об охране историко-культурного наследия РБ, а под памятниками археологии в постановлении стали пониматься археологические объекты, которым присвоен статус историко-культурной ценности в порядке, установленном Законом Республики Беларусь от 9 января 2006 года «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь».

Постановлением № 665 определены меры по охране археологических объектов, определен круг лиц, наделенных правом проведения археологических работ, источник финансирования таких работ (заказчики проектных и строительных работ), и т.п. В этом постановлении впервые содержится норма о запрете проведения раскопок и разведок, осуществлении иных действий на археологических объектах с использованием металлоискателей, георадаров, других технических средств и инструментов без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа) НАН Беларуси.

В процессе практической работы выявились и слабые места постановления № 665. Так, запрет на использование металлоискателей стал «вещью в себе», т.к. никаких изменений в Административный и Уголовный кодексы РБ не были внесены, а следовательно, до сих пор отсутствует ответственность за использование металлоискателей и прочих технических средств. Правоохранительные органы не воспринимают сбор археологиче-

ских артефактов и разрушение археологических объектов как действительно серьезное преступление, а использование металлоискателей и нелегальные раскопки рассматривают скорее как оригинальное увлечение, не влекущее уголовного преследования. В последние годы в массовом сознании укрепилась мысль о допустимости присвоения древних вещей, не имеющих собственника (имеются в виду клады и археологические артефакты). Это обстоятельство является более весомым фактором, определяющим реакцию правоохранительных структур на факты нелегальных раскопок, чем действующие юридические нормы. Ситуация усугубляется еще и тем, что в Гражданском кодексе РБ отсутствует фраза об источнике, из которого должна осуществляться выплата вознаграждения за выявленный клад. Результатом является то, что даже добросовестный находчик клада не в состоянии получить вознаграждение. К недостаткам положения № 665 можно отнести и то, что до настоящего времени в Беларуси отсутствует упорядоченный список (реестр, база) археологических объектов. Данные известия разбросаны по полевым отчетам, различным сводам памятников, научным статьям, монографиям и пр., а постановление № 665 требует, чтобы данные об археологических объектах включались в состав генеральных планов развития городов и других поселений, проектов детальной планировки и других градостроительных проектов, проектов хозяйственного развития территорий и другой документации с целью охраны археологических объектов при реализации указанных планов и проектов.

В настоящее время совместными усилиями Министерства культуры и НАН Беларуси предпринимаются попытки исправить данную ситуацию. В разработке находятся проект указа президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по совершенствованию

охраны археологических объектов и археологических артефактов» и кодекс о культуре. Так, указ в определенной степени будет повторять основные положения федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», а кодекс о культуре объединит все законотворческие акты в области культуры и охраны историко-культурного наследия.

В определенной степени к охране археологического наследия применим ряд норм Кодекса Республики Беларусь об административных нарушениях (№ 194-З от 01.04.2003) и Уголовного кодекса Республики Беларусь (09.07.1999, № 275-З) (статьи «О несоблюдении требований законодательства об обращении с материальными объектами и нематериальными проявлениями творчества человека, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности», «Невыполнение требований охранных обязательств в отношении историко-культурных ценностей», «Уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности» и т. п.).

Однако, как уже отмечалось выше, неоднократные попытки исследователей привлечь физических и юридических лиц к уголовной ответственности за разрушение археологических памятников (т.е. находящихся в Государственном списке историко-культурных ценностей) и археологических объектов до сих пор не увенчалась успехом. В ряде случаев из правоохранительных органов приходили известия о привлечении виновных к административной ответственности (предписание, предупреждение, штраф).

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: СТАНОВЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

В.Л. Лакиза,

*заместитель директора по научной работе
Института истории НАН Беларуси,
кандидат исторических наук, доцент*

На территории Республики Беларусь сохранились десятки тысяч археологических объектов, более 2 тыс. из которых включены в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь и взяты под охрану государства [1]. Их целенаправленное научное изучение позволяет восстановить все этапы истории Беларуси: от появления первых людей в эпоху верхнего палеолита до Нового времени. Научная и общественная значимость археологического наследия бесспорна, поэтому в Республике Беларусь уделяется большое внимание его изучению, сохранению, популяризации и практическому использованию.

Ведущим центром фундаментальных и прикладных исследований в области первобытной, древней, средневековой археологии является Институт истории НАН Беларуси, в котором сосредоточены основные научные кадры [2]. Сегодня в трех отделах (археологии первобытного общества; Средних веков и Нового времени; сохранения и использо-

вания археологического наследия) занимаются научно-исследовательской деятельностью более 40 ученых и аспирантов. Кроме того, в ряде вузов и музеев страны работают еще около 30 исследователей. Практически все фундаментальные археологические исследования в стране проводятся в рамках государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «История, культура, общество, государство», подпрограммы № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа», задания 1.1.01 «Археологические памятники первобытной и средневековой эпох на территории Беларуси: этногенез, государственность, материальная и духовная культура».

Такое количество археологов не может считаться достаточным для решения всех задач, стоящих перед наукой, для обстоятельного изучения почти 100-тысячелетнего периода истории нашего общества, его уникальной материальной и духовной культуры. Однако нельзя не

отметить небольшой количественный рост кадров, в том числе появление в последние годы нового поколения молодых археологов со специальным образованием. Каждый год археологи Института истории НАН Беларуси и других учреждений проводят полевые исследования во всех регионах Республики Беларусь, выявляют десятки новых памятников, проводят раскопки и определяют культурно-хронологические особенности артефактов. Яркими примерами изучения археологического наследия в последние годы являются крупномасштабные раскопки на территории национальных парков «Беловежская пушча» и «Припятский», в зоне строительства Гродненской и Полоцкой ГЭС, Белорусской АЭС, Нежинского горно-обогатительного комбината калийных солей, второй Минской кольцевой автодороги, раскопки в Минске, Витебске, Орше, Могилеве, Бресте, Пинске, Свислочи, Друцке, Полоцке и др. [4].

При Институте истории постоянно действует Полевой комитет, функциями которого являются выдача открытых листов (дазволаў) на выполнение археологических разведок и раскопок, координация археологических исследований на всей территории Республики Беларусь и обеспечение исполнения норм действующего законодательства в этой области [3]. Каждый год количество открытых листов превышает сто и постоянно увеличивается.

С начала XXI в. в Беларуси в связи с интенсивными строительными работами и новыми инновационными проектами активизировались спасательные археологические исследования: сплошное обследование зон новостроек (разведки), раскопки памятников, попавших в зону земляных работ, надзор. Это связано с совершенствованием законодательной базы и приданием Институту истории НАН Беларуси функции ведущей организации, осуществляющей разработку мер по охране археологических объектов в зонах новостроек.

Сегодня Институт истории НАН Беларуси координирует, контролирует, активно участвует в организации и осуществлении мероприятий в области спасения (охраны) археологического наследия в целом по стране. Такие спасательные научно-иссле-

довательские работы предусмотрены Законом Республики Беларусь от 09.01.2006 № 98-3 «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны» (с изменениями и дополнениями), постановлениями Совета министров Республики Беларусь от 22.05.2002 № 651 «Палажэнне аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ», от 15.06.2006 № 762 «Аб некаторых пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны», от 20.07.2012 № 665 «Палажэнне аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ, ажыццяўленні іншай дзейнасці на тэрыторыі археалагічных аб'ектаў». В соответствии с ними между юридическими или физическими лицами (заказчиками земляных и строительных работ) и Институту истории НАН Беларуси заключаются хозяйственные договоры на проведение в зонах новостроек археологических исследований (предварительных работ, раскопок, наблюдений). Кроме того, согласно постановлению Совета министров от 19.09.2012 № 864 «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 «Об утверждении единого перечня административных процедур...» Институт истории НАН Беларуси выдает по запросам юридических и физических лиц заключения об отсутствии на территории проведения земляных и строительных работ археологических объектов или о необходимости принятия мер по их охране.

Спасательные археологические исследования в зонах новостроек особое значение начали приобретать с начала XXI века. Приведем несколько примеров. За десять лет (2003–2012 гг.) в восьми районах Белорусского Понеманья осуществлены обследование территорий 11 крупных новостроек и спасательные раскопки 63 памятников на площади 7870 кв. м. Из них, например, неолитом и бронзовым веком датируются как минимум 11 памятников из 48 выявленных на Августовском канале (рис. 1), 9 из 16 – на Огинском канале. Самыми масштабными стали спасательные исследования в зоне строительства Гродненской ГЭС на р. Неман. В данном случае перед археологами

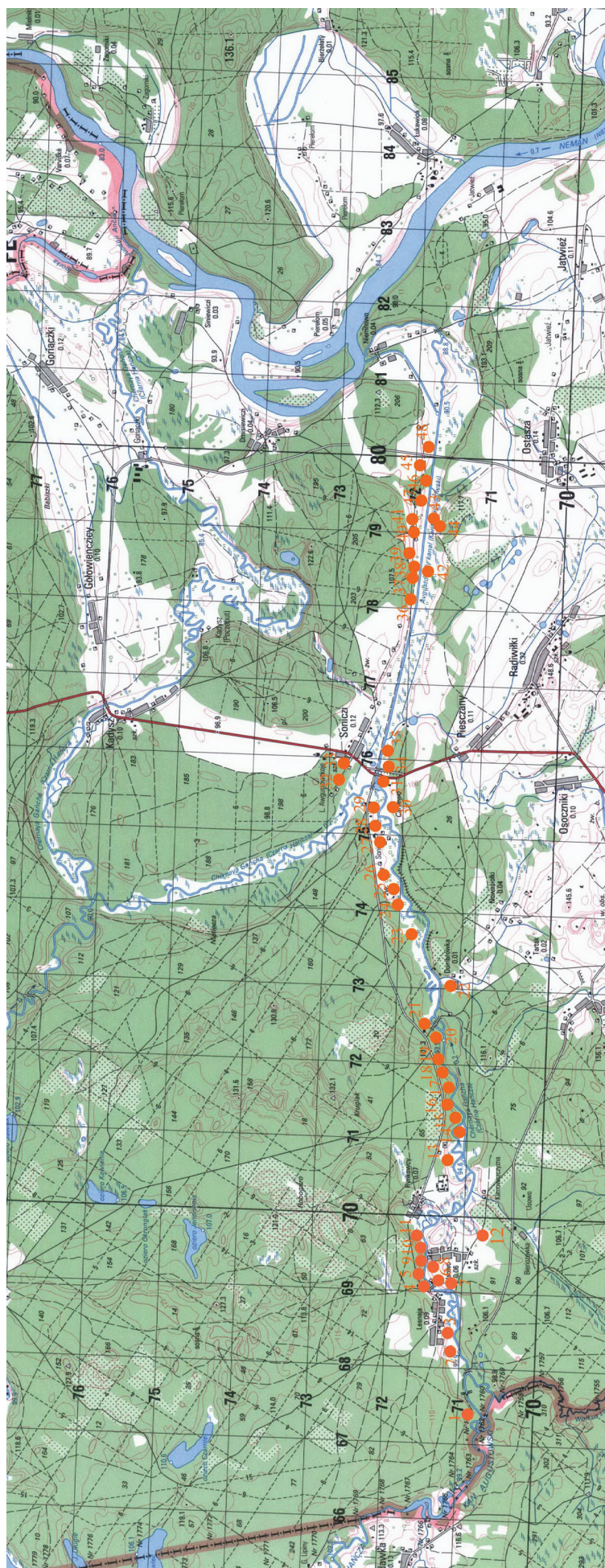

Рис.1. Карта археологических памятников на территории Августовского канала.

стояла сложная задача – за четыре полевых сезона, до начала затопления водохранилища, исследовать все археологические памятники, которым грозило разрушение. Сегодня можно констатировать, что с этой задачей сотрудники Института истории успешно справились. На 34 памятниках (рис. 2) проведены раскопки на площади свыше 6100 кв. м, найдены десятки тысяч разнообразных артефактов, датированных финальным палеолитом, мезолитом, неолитом, бронзовым и железным веками, эпохой Средневековья и Нового времени. Большинство из исследованных памятников заслуживают введения в научный оборот через отдельные публикации, а археологические комплексы возле деревень Комотово, Жиличи, Ковальцы (Славичи) – через специальные монографические издания. В исследованиях под общим научным руководством В.Л. Лакизы принимали участие студенты и преподаватели Гродненского, Брестского и Белорусского государственного университетов, сотрудники музеев, волонтеры (рис. 3). Это были первые в истории белорусской археологии раскопки первобытных памятников в таком масштабе и в такой короткий срок. Весь ход научных работ на р. Неман широко освещался в государственных и зарубежных средствах массовой информации, а выявленные в ходе исследований артефакты демонстрировались в музейных экспозициях и на временных специальных археологических выставках.

В 2009–2014 гг. проводились спасательные исследования в зоне строительства Белорусской АЭС и объектов ее инфраструктуры. В 2013 г. Институт истории НАН Беларуси впервые в истории археологической науки осуществил широкомасштабные спасательные научные исследования многокультурного памятника археологии – городища Обчин Любанского района, включенного в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Городище оборонительного типа милоградской культуры было изучено методом раскопок практически полностью, на всей площадке (более 13 тыс. кв. м) (рис. 4). Зафиксировано и исследовано свыше 1400 различных объектов: хозяйственных и жилых построек, очагов, погребальных комплексов. Обнаружено несколько тысяч разнообразных артефактов,

среди которых уникальные металлические изделия, каменные предметы труда, лепная посуда. Получены палинологические данные, новые радиоуглеродные даты для установления времени возведения оборонительных сооружений городища. Это позволяет характеризовать особенности материальной и духовной культуры, а также жизнедеятельности древнего населения Беларуси в позднем бронзовом и раннем железном веках.

В последние годы осуществлялись спасательные исследования в зонах строительства Полоцкой ГЭС на р. Двине, газо- и нефтепроводов, нефтяных скважин и компрессорных станций, дорог мостов, новых железнодорожных линий и микрорайонов. Как результат такой научной и спасательной (охранной) работы – многократное увеличение базы источников для изучения различных проблем каменного и бронзового веков, эпохи железа и Средневековья.

Отметим, что фундаментальные и спасательные исследования археологов Беларуси имеют ярко выраженную практическую направленность. Наиболее интересные и уникальные археологические артефакты уже заняли свое место в музейных экспозициях исторических факультетов Минска и областных центров, Музее истории науки НАН Беларуси, вновь созданных Музеев природы Беловежской пуши и НП «Припятский», областных и десятках районных краеведческих музеев. Особенно широко они использованы в первой специализированной Археологической научно-музейной экспозиции при Институте истории [5], которая является основой научно-информационного и обучающего центра. Археологическую экспозицию постоянно посещают учащиеся и студенты, представители высших государственных органов власти, министерств и ведомств Беларуси, иностранные гости.

Однако, несмотря на достаточно развитую законодательную и нормативно-правовую базу в области охраны археологического наследия, сегодня пока вызывает озабоченность тот факт, что еще ряд строительных проектов на территории Беларуси утверждается без предварительного согласования с НАН Беларуси, а значит, не сопровождаются

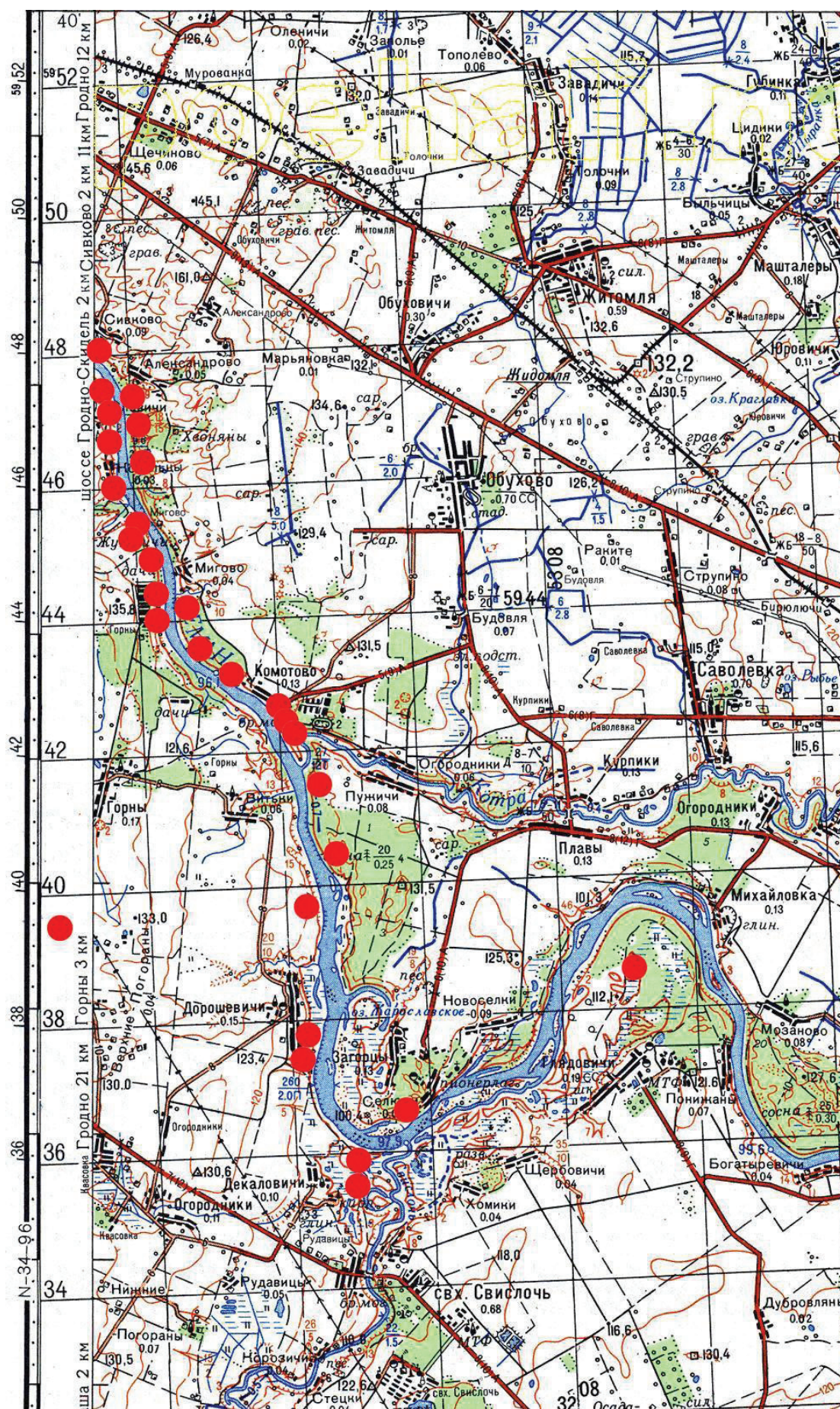

Рис. 2. Карта исследованных раскопками археологических памятников в зоне Гродненской ГЭС на р. Неман.

Рис. 3. Археологические раскопки (спасательные) поселения Славичи 1 в зоне Гродненской ГЭС на р. Неман (2009 г.).

Рис. 4. Археологические раскопки (спасательные) городища Обчин в зоне Гродненской ГЭС на р. Неман (2009 г.).

необходимыми научными исследованиями (археологической экспертизой). Это вопрос, над которым надо усиленно и постоянно работать и решать который совместными усилиями государственных структур и научного сообщества. Огромная надежда у ученых на новые законодательные акты в области охраны историко-культурного и археологического наследия, в первую очередь на Кодекс о культуре Республики Беларусь и указ президента Республики Беларусь «Об усовершенствовании охраны археологических объектов и археологических артефактов», над которыми в 2014 г. совместно работали археологи Института истории и сотрудники Министерства культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.) / Нац. АН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск: Беларус. навука, 2009.

Нарматыўныя дакументы па правядзенню археалагічных даследаванняў / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі». Мінск, 2006.

Liuko O.N., Lakiza V.L., Medvedev A.M., Koshman V.I. The latest discoveries of Belorussian archaeology // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2011. № 3. С. 64–70.

Археологическая научно-музейная экспозиция НАН Беларуси. Минск: Беларус. навука, 2009.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Ю.М. Могаричев

Памятники археологии составляют большую часть материального культурного наследия Крыма. Часто они, особенно позднеантичные и раннесредневековые могильники, расположенные в предгорной части полуострова, подвергаются варварскому разграблению. Наиболее эффективным решением данной проблемы, наряду с традиционными мероприятиями, является создание целевой федеральной, обеспеченной достаточным финансированием, программы по полномасштабному археологическому исследованию таких памятников. Актуальным остается повреждение и разрушение объектов археологического наследия в ходе хозяйственной деятельности. В этой связи необходимо в наиболее «опасных» регионах провести полную инвентаризацию и паспортизацию памятников с последующим закреплением объектов за конкретными землепользователями. Проблемой последних двух десятилетий стала передача объектов культурного наследия в пользование различным конфессиям. Показательны в этом плане крымские «пещерные города». В целом опыт совместной работы органов охраны культурного наследия, ученых и Симферопольской и Крымской епархии по сохранению средневековых скальных обителей следует признать положительным. При этом, сложная ситуация наблюдается вокруг Шулдана и Чилтер-мармары.

Памятники археологии составляют большую часть материального культурного наследия Крыма. Без учета расположенных на административной территории г. Севастополя их насчитывается 2039 (с учетом внутрикомплексных – 5190) из 3796 (с учетом внутрикомплексных – 8433) выявленных памятников истории и культуры¹. В границах севастопольской административной зоны на государственном учете состоит 246 объектов.

Как правило, крымские археологические достопримечательности расположены в местах популярных туристических маршрутов и, соответственно, широкоизвестны и легкодоступны. С одной стороны, это «нахождение на глазах» защищает памятники от случайных разрушений, но с другой – привлекает грабителей различных мастей: от романтиков-любителей, в основном школьного возраста, до профессиональных расхитителей, сделавших грабительские раскопки основой довольно прибыльного бизнеса. От последней категории в первую очередь страдают

¹ Информация Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым.

позднеантичные и раннесредневековые могильники, содержащие многочисленный погребальный инвентарь. За последнее десятилетие варварскому разграблению подверглись более двух десятков могильников, большей частью расположенных в горно-лесной зоне, на территории Белогорского, Симферопольского и Бахчисарайского р-нов и частично на Южном берегу Крыма (рис. 1). К сожалению, меры (совместные рейды, возбуждение уголовных дел по факту разграбления и т.д.), часто масштабные, последовательные и в целом верные, принимаемые совместно органами охраны памятников и правоохранительными структурами, не всегда успешны. Как показывает мировой опыт, любителей быстрого обогащения юридические запреты и угроза наказания никогда не останавливали.

Вывод: наиболее эффективным решением данной проблемы наряду с традиционными мероприятиями является создание целевой федеральной программы по полномасштабному археологическому исследованию таких памятников, обеспеченной достаточным финансированием. Причем в рамках данной программы можно привлекать как средства из федерального бюджета, так и из бюджета Республики Крым. Там, где невозможно в силу разных причин не допустить незаконные раскопки, необходимо как можно быстрее исследовать эти объекты и передать выявленные там вещи на хранение в государственные музеи. В рамках программы целесообразно определить, какие могильники необходимо подвергнуть исследованию в первую очередь, какие впоследствии, а каким можно обеспечить надежную охрану, закрыв туда доступ грабителям.

Еще одной проблемой охраны археологического наследия Крыма является повреждение и разрушение объектов археологического наследия в ходе хозяйственной деятельности (рис. 2). В первую очередь это касается отдельно стоящих курганов и курганных групп в степной и предгорной части полуострова. В связи с этим необходимо в регионах провести полную инвентаризацию и паспортизацию памятников с последующим закреплением объектов за конкретными землепользователями. При этом полезно разработать систему мер и преференций, при которой владельцам

земельных участков было бы выгодно обеспечить проведение археологического исследования находящихся на их территории курганов с последующим включением «чистых» земельных участков в хозяйственную деятельность.

Актуальной проблемой последних двух десятилетий стала передача объектов культурного наследия в пользование различным конфессиям. Показательны в этом плане крымские пещерные города. В основном они расположены в горной юго-западной части полуострова. Это Бакла, Чуфут-Кале, Успенский монастырь, Тепе-Кермен, Кыз-Кермен, Качи-Кальон, Чилтер-Коба, Мангуп, Эски-Кермен, Чилтер-Мармара, Шулдан, Инкерман (рис. 3)².

Пещерные города различны по размерам, статусу (крепости, города, села, монастыри), историческим судьбам, но их объединяет одна особенность – наличие вырубленных в материковой скале помещений наряду с остатками наземных построек. Благодаря экзотической конструкции сооружений и довольно хорошей сохранности они уже с конца XVIII столетия прочно вошли в обязательную программу путешествий любителей древностей. Кроме горной юго-западной Таврики внутрискальные сооружения известны на территории Херсонеса и его ближайшей округи, а также в небольшом количестве в Восточном Крыму. Среди скальных памятников особо выделяются культовые сооружения. На данный момент в Крыму выявлено более 60 скальных церквей. По нашим подсчетам, в горном юго-западном Крыму в средневековый период функционировало около 20 пещерных монастырей³.

Несмотря на первый взгляд кажущуюся твердой скальную основу, пещерные церкви подвержены разрушению как в силу естественных причин, так и под воздействием антропогенного фактора. Так, в 1999 г. скальный выступ, в котором была вырублена баклинская часовня, обрушился и упал в доли-

² См.: Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005. Крым. «Пещерные города». Киев, 2010.

³ Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Рис. 1. Последствия грабительских раскопов (Бахчисарайский район).

Рис. 2. Последствия распашки курганов у с. Братское (Краснопереконский район).

Рис. 3. План-схема расположения «пещерных городов» Таврики: 1. Инкерманские монастыри и Каламита; 2. Херсонес; 3. Георгиевский монастырь; 4. Монастырь на мысе Виноградный; 5. Монастырь в Сарандинакиной балке; 6. Шулдан; 7. Чилтер-мармара; 8. Эски-кермен; 9. Мангуп; 10. Чилтер-коба и Сюйреньская крепость; 11. Качи-кальон; 12. Кыз-кермен; 13. Тепе-кермен; 14. Чуфут-кале; 15. Успенский монастырь; 16. Бакла; 17. Бор-кая; 18. Комплекс у подножья г. Сокол.

Рис. 4. Эски-кермен. Храм «Донаторов». Состояние фресковых росписей в 1928 г. (С рис. Л.Линно и Г.Андреева).

ну. С каждым годом утрачиваются фресковые росписи (рис. 4, 5).

Комплексное исследование культовых памятников скальной архитектуры показывает, что время их основания относится к периоду не ранее X–XIII вв. Большинство пещерных монастырей расположены в границах бывшего княжества Феодоро (XIV–XV вв.) и группируются на поселениях (или вокруг них), которые появляются или возобновляются в XIV–XV, реже в XIII–XIV вв.

Часть монастырей перестала функционировать после турецкого захвата Крыма в 1475 г., а остальные были заброшены после вывода в 1778 г. христианского населения с Крымского полуострова на побережье Азовского моря.

В 1850 г. по инициативе епископа Иннокентия (Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857 гг.) возобновилась деятельность Успенского монастыря в ущелье Марьям-Дере (Бахчисарай), Климентовской обители (Инкерман), Анастасьевской киновии в Качи-Кальоне⁴. Остальных пещерных монастырей данные процессы не коснулись. Это способствовало сохранению их средневекового облика.

В результате социально-политических событий в СССР в 20-е гг. XX в. действующие крымские монастыри закрылись. Сохранившиеся там объекты были поставлены на учет и взяты под охрану государства. В начале 1990-х гг. два наиболее крупных монастыря, Успенский и Инкерманский, переданы в пользование Православной церкви. Путем дискуссий и компромиссов, часто сложных переговоров между органами охраны памятников, администрацией музеев-заповедников с одной стороны и местными настоятелями – с другой удалось в основном сохранить объекты. Хотя, например, некоторые участки культурного слоя в Успенском монастыре пострадали. В целом опыт совместной работы органов охраны культурного наследия, ученых, представительств Симферопольской и Крымской епархий по сохранению средневековых скальных обителей следует признать

положительным. При этом сложная ситуация наблюдается вокруг Шулдана и Чилтер-Мармары. Они состоят на государственном учете как архитектурно-археологические объекты и решением Крымского облисполкома в 1990 г. включены в состав Крымского республиканского учреждения «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». Однако впоследствии эти объекты, находясь в ведении Бахчисарайского заповедника, оказались в границах Севастопольского горсовета, что в итоге затруднило создание действенной системы охраны там. В результате несколько лет назад монастырь Шулдан «был захвачен группой лиц, называющих себя «монашествующими», но не принадлежащими ни к одной из конфессий... По имеющимся данным, за самозахватом стоит некий предприниматель из Севастополя, таким образом понимающий свое «служение Богу». Под видом «возрождения» внутри древнего храма и средневековых келий были произведены перепланировки, а местные СМИ даже сообщали об обретении «мироточивых мощей» (по сути о разграблении гробниц)»⁵.

В целом вхождение Крымского полуострова в состав Российской Федерации, несомненно, должно вывести систему охраны археологического наследия в Республике Крым на новый качественный уровень и придать ей необходимый импульс развития.

⁴ Православные монастыри. Симферопольская и Крымская епархия Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Симферополь, 2007. С. 117–140, 237–264.

⁵ Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Пещерные монастыри Крыма: памятники или реликвии? // Православ'я – цивілізаційний стрижень словянського світу. К., Фенікс, 2011. С. 82–86.

Рис. 5. Эски-кермен. Храм «Донаторов». Современное состояние фресковых росписей.

О РАБОТЕ В РЕСПУБЛИКЕ ПО ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ**С. Г. Персова***заместитель министра культуры Республики Татарстан*

В Республике Татарстан полномочия по государственной охране, сохранению и популяризации объектов культурного наследия выполняет Министерство культуры Республики Татарстан. Его деятельность осуществляется во взаимодействии с институтами Академии наук Республики Татарстан, а также с Центром культурного наследия Татарстана, подведомственным учреждением министерства. В Татарстане охраняется государством 1516 объектов культурного наследия, из них 268 памятников археологии. На сегодняшний день на территории Татарстана более 3,5 тыс. памятников археологии, известных науке, и выявление новых продолжается постоянно. В 2007 г. опубликован «Свод памятников археологии Республики Татарстан», подготовленный Институтом истории Академии наук по заказу нашего министерства. В нем систематизированы данные о составе и структуре памятников археологии, определены предварительные границы объектов, их месторасположение, даны описания, приведена литература по каждому памятнику. Исследования археологических памятников в Татарстане проведено по районам неравномерно. Большая территория республики обследована сплошь, однако имеются и малоизученные районы. Особенно наглядно это продемонстрировали схемы территориального планирования республики и отдельных районов. У нас насчитывается 43 административных района. При разработке схем территориального планирования в каждой из них присутствовал специальный раздел. Таким образом, данные обо всех памятниках, известных на период разработки схем территориального планирования с 2010 по 2011 г., внесены в градостроительную документацию, составлен историко-культурный каркас Республики Татарстан, который принят сейчас в качестве исходных данных для разработки стратегии социаль-

но-экономического развития до 2030 г. по направлению пространственно-территориального развития Татарстана. Вся системная работа осуществляется во взаимодействии органов государственной власти, главным образом Министерства культуры, как уполномоченного органа, с академическими научными институтами. До 2014 г. основную работу проводил Центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук, а в этом году это структурное подразделение выделилось в самостоятельный Институт археологии им. А.Х. Халикова, также находящийся в структуре Академии наук Республики Татарстан. Именно существование академического института как головного учреждения, под контролем которого выполняются все исследования в Татарстане, археологические исследования, а также присутствие научных центров, таких как Федеральный университет, позволило поднять археологические исследования в республике на очень высокий научный уровень и выдерживать этот уровень в наше непростое время.

Благодаря тесному сотрудничеству органов охраны с научными организациями в Татарстане выстроена система контроля при осуществлении градостроительной и хозяйственной деятельности, связанной с проведением земляных работ. Изменение экономической ситуации, появление на строительном рынке большого числа частных инвесторов привело к значительному увеличению хозяйственной активности и масштабному строительству. Памятники археологии оказались в зоне активного хозяйственного преобразования. На современном этапе министерство активно участвует в подготовке условий, связанных с ограничением прав на использование земельных участков, предоставляемых для реализации всех инвестиционных проектов на этой территории. Подобная практика

создает необходимые условия для того, чтобы еще на старте инвестиционной деятельности застройщики знали об ограничениях, связанных с сохранением объектов археологического наследия, а государственные органы охраны объектов могли контролировать выполнение этих условий. Положено начало внедрению практики разработки разделов обеспечения сохранности памятников археологического наследия в составе проектов строительства на самых ранних стадиях проектирования, включая стадию разработки проектов, планирования и межевания, т.е. стадии обоснования, инвестиций и организации крупных объектов строительства. Министерство осуществляет согласование проектирования и проведения земельно-строительных, земляных и других хозяйственных работ, занимается подготовкой землеустроительной документации, решений федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления о предоставлении земельных участков и изменении их правового режима. Приведу данные: за 2013 г. выдано 307 заключений о наличии ограничений на территориях, подлежащих хозяйственному освоению в рамках перевода в категорию земельных участков, 324 заключения о наличии ограничений на территориях, на которых планируется строительство, в том числе 52 ограничения о необходимости проведения историко-культурной экспертизы и разработки раздела о сохранении объектов археологического наследия, 203 заключения о согласовании проведения земляных работ, 123 заключения о согласовании землеустроительной документации и решения органов местного самоуправления о предварительном согласовании места размещения объекта, а также о формировании и предоставлении земельных участков.

Решение вопросов, связанных с сохранением памятников культурного наследия, нельзя рассматривать отдельно от вопросов законодательного урегулирования сфер. 1 апреля 2005 г. принят Закон «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан». В области археологии республиканский закон не имеет статей, отличающихся от аналогичных в федеральном, и в связи с этим мне хотелось бы остановиться на таком вопросе, как охран-

ные обязательства. Дело в том, что мало какие органы в сфере охраны культурного наследия поддерживают эту позицию и практикуют заключение охранного обязательства на памятники археологии. В Татарстане эта практика начала складываться еще в 1990-е гг. Вопрос этот для нас очень важен, поскольку мы считаем, что практика уже приносит положительные результаты. И в своем выступлении я хотела бы выделить эту часть нашей работы. Одним из основных видов связи, обеспечивающей функционирование системы охраны памятников археологического наследия, являются охранные обязательства. По крайней мере, так сложилось в Республике Татарстан. Согласно п. 2 ст. 49 Федерального закона 73-ФЗ, объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте отдельно. Следуя логике данной статьи закона, земельный участок может находиться в любой форме собственности и подлежит приватизации в соответствии с законом о приватизации государственного и муниципального имущества. Также в соответствии с Земельным кодексом РФ земельные объекты, занятые объектами археологического наследия, ограничиваются в обороте, однако земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами, и 73-ФЗ устанавливает именно такой случай. Согласно ст. 29 закона о приватизации государственного и муниципального имущества, объекты культурного наследия могут приватизироваться в порядке и способами, установленными федеральным законом, при условии их обременении охранными обязательствами по содержанию, сохранению и использованию. Исходя из изложенного, следует, что на участках, расположенных в пределах объектов археологического наследия, приватизируется только сам земельный участок, а объект археологического наследия остается в государственной собственности. На земельный участок накладываются ограничения, связанные с сохранением и использованием объекта археологического наследия, а собственником земельного участка заключаются охранные обязательства о сохранности и использовании объекта архе-

ологического наследия. В соответствии с п. 3 ст. 63 Закона 73-ФЗ требования к сохранению объектов культурного наследия, изложенные в охранно-арендном договоре, охранные обязательства подлежат государственной регистрации и являются требованиями, не стесняющими правообладателя при осуществлении им права собственности либо иных личных прав. При государственной регистрации права собственности на земельный участок, расположенный на границе объектов памятников археологического наследия, правообладатель должен предъявить соответствующие охранные обязательства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ходе приватизации земельных участков, расположенных в пределах объектов археологического наследия, происходит регистрация обременений.

Коренной перелом в деятельности по заключению охранных обязательств произошел после того, как в государственные органы охраны обратилась Федеральная регистрационная служба с указанием обязательной государственной регистрации требований к сохранению археологического наследия, изложенных в охранном обязательстве, и после этого Федеральная регистрационная служба стала инициировать приостановление регистрации сделок купли-продажи, договоров аренды, прав собственности на земельные участки, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия, и направлять собственников или пользователей в государственный орган для заключения охранных обязательств.

18 марта 2014 г. состоялось заседание коллегии Министерства культуры Республики Татарстан по вопросам межведомственного взаимодействия в области охраны объектов археологического наследия с участием представителей Министерства внутренних дел, Управления Федеральной службы безопасности, прокуратуры, Министерства юстиции республики, Следственного управления, Следственного комитета, АН Республики Татарстан и др. научных учреждений. В ходе

работы коллегии были подняты темы в области археологии по таким проблемам, как разграбление памятников археологии и незаконный оборот археологических предметов, деятельность сайтов, пропагандирующих и стимулирующих ведение незаконных раскопок, вопросы применения законодательства в сфере охраны объектов археологического наследия. Необходимы практическая реализация Федерального закона № 245, решение современных вопросов музейного хранения археологических предметов, вопросов межведомственного сотрудничества, выполнения требования российского законодательства в сфере охраны объектов археологического наследия. Эта коллегия была хорошей практикой и хорошим стимулом для того, чтобы все организации, которые приняли в ней участие, приступили к тесному сотрудничеству. Правда, попытки создания какого-то документа, регламентирующего такое взаимодействие, пока не дали результатов. Т.е. документа у нас как такового нет, но взаимодействие осуществляется во всех этих органах, назначены уполномоченные лица, которые обеспечивают контакт и между собой, и с органом охраны памятников в вопросах, возникающих при защите памятников археологического наследия. Министерство культуры в данном взаимодействии осуществляет работу по пропаганде, предоставляет специалистам предварительную оценку совершенного противоправного деяния. В 2014 г. в Республике Татарстан зафиксировано два случая, связанных с незаконными археологическими раскопками. И в настоящее время по факту незаконных раскопок на одном из этих объектов возбуждено уголовное дело.

В завершение необходимо отметить, что только в таком тесном сотрудничестве и взаимодействии государственных органов охраны памятников, правоохранительных органов и научных учреждений возможно достижение заметных результатов деятельности по сохранению объектов культурного наследия.

21 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ – МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ:
ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ И
СОХРАНЕНИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Место проведения: актовый зал Института химии К(П)ФУ

Модераторы:

Сергеев Дмитрий Леонидович, Дэвлет Екатерина Георгиевна

Д.Л. Сергеев:

Добрый день, уважаемые коллеги! Мы начинаем проведение Круглого стола «Памятники археологии – музеи под открытым небом: проблемы доступа к культурному наследию и сохранения научного потенциала». Я благодарен вам за то, что мы собрались таким составом, несмотря на то, что сейчас работают другие, исключительно интересные секции на археологическом съезде. Я передаю права для вступительного слова Николаю Андреевичу Макарову, директору Института археологии Российской академии наук. Прошу Вас.

Н.А. Макаров:

Добрый день! Спасибо, Дмитрий Леонидович!

Мне кажется, что археологические музеи играют все большую роль в современном мире культуры и их место в системе культурных учреждений России, место археологических музеев, археологических музеев под открытым небом, не вполне соответствует их потенциалу и тем запросам, которые к ним предъявляются. Почему? Мы видим, что жизнь человека становится все более подвижной и человек изменился за последние 20 лет очень сильно: мы больше путешествуем, мы стали менее доверчивыми, мы хотим все увидеть сами, хотим все проверить, побывать в тех местах, где происходили какие-то исторические события. И несмотря на все экономические трудности, на всю сложность жизни, у образованных лю-

дей появляется все больше интереса к самостоятельному посещению исторических мест, и все больше возможностей. В России существуют крупнейшие музеи, и конечно, очень отранно, что на сегодняшнем Круглом столе присутствуют представители таковых. У нас представлены «Фанагория», «Болгар», «Танаис», «Херсонес Таврический», «Иднакар» и ряд других известнейших археологических музеев. И, наверно, было бы замечательно, если бы они рассказали о том, что сделано и что мы можем сделать, с какими проблемами сталкиваются при обустройстве археологических памятников в качестве музейных территорий.

Я думаю, что одна из важнейших проблем: создание малых археологических музеев, потому что наши успешные музеи – это мощные федеральные организации, где действует очень большое количество ученых, музеев, которые базируются на больших археологических памятниках. Это очень здорово, но страна большая, и мы, наверно, не сможем сделать сеть больших археологических музеев очень густой. Вероятно, есть большой потенциал ее увеличения за счет сравнительно небольших, но ярких и значимых уникальных объектов, которые могут включаться в экспозиции уже существующих музеев, музеев-заповедников. И мы должны думать о том, как передавать отдельные археологические памятники на баланс уже существующих музеев-заповедников. Это значительно дешевле,

не потребует больших затрат, но это позволит сохранить памятники потому, что археологические музеи под открытым небом – это не только способ привлечения посетителей, способ осуществления контакта между человеком и объектами прошлого, это и способ сохранения памятников.

Я думаю, что символично, что первый Круглый стол по проблемам археологических музеев под открытым небом впервые организуется в рамках археологического съезда. Действительно, очень отрадно, что он собрал такую большую аудиторию, и мы предполагаем, что это будет разговор о достижениях и, одновременно, о тех проблемах и противоречиях, которые возникают между исследованием памятников, их модификацией и приведением в тот вид, в котором они будут доступны

для посетителей. Этот конфликт ученого и организатора музейного пространства очень важен для нас: важно понимать, как он развивается, какие пути его решения существуют. Сегодня нам предстоит обсудить все эти вопросы. Спасибо!

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо, Николай Андреевич! Теперь можем считать, что наш Круглый стол в полной мере открыт и прежде чем передать слово первому докладчику. Прошу Айрата Габитовича Ситдикова, директора Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, выступить с докладом «Опыт сохранения под открытым небом археологического наследия Болгарского городища и Свияжска».

СИТДИКОВ А.Г. (ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).

ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА И СВЯЖСКА

Уважаемые участники Круглого стола! Позвольте сердечно поприветствовать вас от имени Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана, ученых-археологов Республики и выразить благодарность за возможность выступить на этом совещании, которое, несомненно, внесет важный вклад в решение комплексных проблем сохранения историко-культурного наследия и развития музейного дела в стране.

В рамках своего выступления мне бы хотелось затронуть многоплановые научные и научно-организационные вопросы формирования музейного пространства в Республики Татарстан, в частности, создания музеев под открытым небом. Надо сказать, что подобные формы организации музейного дела в Российской Федерации становятся все более актуальными и уже занимают особое место в современном культурном пространстве страны.

В нашей республике действует семь археологических музеев-заповедников, четыре из которых – это собственно экспозиции археологических музеев-заповедников под от-

крытым небом. В настоящее время активно формируется еще одна новая археологическая экспозиция в рамках созданного Музея археологии Республики Татарстан. Яркими примерами комплексной реализации концепции музея под открытым небом в Республике являются уже во многом воплощенные в жизнь проекты на территории Болгарского историко-археологического музея-заповедника и Музея Свияжска.

Конечно, выдающимся явлением в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия в Татарстане и в России в целом является реализация комплексного междисциплинарного проекта в Болгаре. Всемирная универсальная ценность Болгарского историко-археологического комплекса подтверждена включением его в 2014 г. в число объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Одним из важнейших результатов этого проекта, начатого по инициативе М.Ш. Шаймиева, который всемерно поддерживался руководством Российской Федерации, стало формирование на территории это-

го уникального памятника нового музейного пространства. Ключевым этапом музеефикации Болгарского комплекса стало открытие здесь в мае 2013 г. Музея Болгарской цивилизации.

Надо сказать, что при создании этого Музея перед учеными и практиками стояла непростая задача – показать место и роль средневековой болгарской цивилизации на Евразийском пространстве, как уникального историко-культурного феномена, своеобразного «плавильного котла», в котором формировались, развивались и взаимодействовали тюрко-татарская, славянская, финно-угорская и др. культуры. Экспозиция музея, в которой использованы самые современные информационные технологии, занимает около 2 тыс. м² (30% общей площади здания). В ней представлены подлинные музейные предметы из собрания Болгарского музея-заповедника, в том числе и полученные в ходе раскопок последних лет. Другую часть экспонатов составляют воспроизведения музейных предметов из коллекций крупнейших музеев России и зарубежных стран – Государственного Исторического музея, Музеев Московского Кремля, Государственного Эрмитажа и др. Таким образом, Музей Болгарской цивилизации является центральным объектом при формировании музея под открытым небом на территории Болгарского городища, а сохранившиеся уникальные памятники эпохи Золотой Орды, которые являются доступными для посетителей, еще более расширяют музейный возможности этого историко-культурного пространства.

Многолетняя успешная реализация программ по возрождению великого города Болгара и острова-града Свияжска способствовало тому, что в настоящее время эти выдающиеся историко-культурные территории стали крупнейшими центрами в среднем Поволжье по изучению и сохранению культурного наследия. Вот уже на протяжении многих лет на этих исторических памятниках проводятся целенаправленные археологические исследования, в которых участвуют, в том числе видные ученые и специалисты в области археологи и смежных дисциплин из ведущих научных центров России и зарубежных стран. Очень важно, что Болгарское городище стало

знаковым местом, территорией притяжения для молодых талантливых ученых-археологов и студентов из Санкт-Петербурга, Салехарда, Симферополя, Екатеринбурга, Волгограда, Красноярска, др. городов страны и зарубежных стран. Конечно, этому в немалой степени способствует созданная в Болгаре Международная археологическая школа, которая помимо образовательной составляющей несет еще и важную широкую просветительскую функцию. Тем самым, информация о Болгарском историко-археологическом комплексе и осуществляемых здесь проектах получает дополнительную волонтерскую поддержку.

При характеристике темы музеев и музейного пространства, особенно касательно объектов археологии, актуальными являются вопросы, как организации самой территории и объектов показа, так и логистические решения по распределению туристических потоков, которые напрямую связаны со все возрастающей проблемой антропогенной нагрузки на объекты культурного наследия, которая увеличивается из года в год. Так, если количественные показатели посещаемости Болгарского музея-заповедника 5 лет назад составляли около 25-30 тыс., то сейчас – более 200 тыс. человек. Посетителей Свияжского музея с 13 тыс. возросло до более 150 тыс. человек. Такая же ситуация складывается и по Казанскому Кремлю: за период после его реконструкции музейное посещение достигло около 1 млн человек.

Помимо этого, современное музейное дело требует постоянного информационного и проектно-программного обновления. Поэтому вопросы научно-образовательной деятельности в музеях, комплексно реализующиеся во взаимодействии с научными и образовательными структурами – это, несомненно, важнейший фактор их развития.

Теперь разрешите обратиться непосредственно к опыту реализации проектов музея под открытым небом в Болгаре и Свияжске.

Болгар расположен в 140 км южнее города Казани (по автомобильной трассе расстояние составляет около 200 км), на берегу на р. Меленка, в 3 км от основного русла Волги, составляющего в настоящее время одно общее пространство Куйбышевского водохранилища.

Болгар, как объект, обладающий музейным потенциалом, обратил на себя внимание еще в XVIII в. Он, в числе немногих памятников России, известен как объект культурного наследия, защищенный государственными актами, начиная с Указа Петра I от 1722 г. Первые попытки создания здесь музея-заповедника относятся к 1856 г. И сегодня поражает, насколько масштабно, многосторонне, осмысленно даже для современности, подходили тогда разработчики к созданию этого проекта. В первую очередь обращалось внимание на то, что памятники Болгара должны «работать» для посетителей. Именно с этих позиций в проекте были прописаны предложения по осуществлению просветительской деятельности, организации посещений, план экскурсий и финансовых поступлений. Обращает на себя внимание тот факт, что разработчики проекта считали, что памятники Болгара «сами должны зарабатывать на свое содержание». Однако в то время по многим причинам эта замечательная идея не могла быть реализована. Музей в Болгарах создается лишь в 1929 г. Но и тогда не удалось сформировать полноценной экспозиции. А сотрудником музея был один единственный человек – директор, который помимо этого ведал еще и функцией контроля над состоянием объектов. До 1969 г. вопрос об изучении и сохранении и Болгарского комплекса в значительной степени был связан с археологами. Организационной формой этого процесса стало проведение, начиная с 1938 г., под руководством Алексея Петровича Смирнова ежегодных археологических исследований на Болгарском городище.

Полученные здесь в результате многолетних археологических изысканий материалы и многолетний опыт музейного строительства в Республике позволили в 1969 г. создать в Болгарах музей-заповедник. Конечно, и после принятия этого решения многие проблемы оставались не решенными. Главной причиной этого было недостаточное финансирование музея. Кардинальные изменения произошли лишь с началом реализацией комплексного проекта по возрождению и сохранению Болгар и Свяжска, начатого в 2010 г.

Структура музейного пространства Болгарского комплекса состоит из музейных экспозиций, объектов на территории городища и экспериментальной лаборатории со школой. Центральный комплекс Болгара формируется за счет комплекса соборной мечети, рядом с которым располагается Успенская церковь. Реализация программы развития предполагала, что музейные помещения, сохранившиеся объекты и археологические раскопки составляют часть музейного пространства, т.е. сам раскоп – это такой же полноценный музейный экспонат и часть ландшафтной экспозиции под открытым небом. При формировании ландшафта музея мы рассматривали проводимые исследования на территории городища как исследовательскую лабораторию, доступную для посетителей. Исходя из этой цели, был определен ряд задач. Во-первых, создание современного музейного экспозиционного пространства в Болгарах. Во-вторых, разгрузка территории памятника, вынос основных инфраструктурных элементов за пределы городища. Решение этих вопросов тесно связано с организацией посещения туристов и их обслуживанием. Для выполнения этих задач, кроме музейных зданий, используются сохранившиеся сельские дома. Таким образом, благодаря археологическим работам, включенным в музейное пространство, формируется более целостное представление о самом городище, а современные информационные технологии позволяют использовать виртуальные реконструкции руин объектов и остатков, выявленных в результате раскопок.

Одной из сложнейших задач является сохранение и организация музейного показа объектов, выявленных в результате археологических раскопок. Ведь для посетителей не всегда понятны конструкции и земляные углубления. Было выработано решение – выделить в плане границы раскопа с обозначением на этой поверхности границ объектов жилой застройки. Таким образом, музеефикация раскопов позволяет реально увидеть элементы жилой застройки средневекового города. Подобная новация, безусловно, расширяет представления людей о структуре города, о его топографическом характере.

Чрезвычайно важной задачей является сохранение аутентичности и целостности ланд-

шафта Болгарского археологического комплекса, а также исключение вмешательства в визуальное восприятие объектов и обеспечение минимального воздействия на их облик. С этой целью в Болгарах была проведена консервация, позволяющая воспринимать уцелевшие архитектурные конструкции и сохранить их подлинность – так, над отдельными археологическими объектами были сооружены защитные конструкции с целью обеспечения их сохранности.

Несколько слов об экспериментальной лаборатории. Она интегрирована с археометрическими лабораториями Казанского университета и реставрационной лабораторией Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана. Говоря об археологической школе, необходимо отметить, что в ее работе активно участвуют, в том числе, и сотрудники Болгарского музея-заповедника. Благодаря этому удается реализовывать как комплексное развитие структур музея-заповедника, так и повышать компетентность его сотрудников. В рамках археологической школы созданы специальные образовательные площадки с привлечением специалистов из научных центров и вузов Поволжья. В целом обучение в год проходят слушатели из более чем 40 городов России.

Принципиально важной стороной процесса формирования музейного пространства в Болгаре и Свияжске является решение вопросов сохранения фондового материала и коллекций, а также организации эффективного взаимодействия с учреждениями и фондового хранения. В этой работе значительное внимание уделяется реставрации археологических находок. Для этих целей организована работа по консервации изделий из металла, ткани, дерева, глины. Созданы необходимые условия для хранения массовых археологических коллекций.

Как я уже говорил, центральной экспозицией на территории Болгарского комплекса является открытый в 2013 г. музей Болгарской цивилизации. Он расположен в 6-этажном здании, который вписан в холм на берегу р. Меленка. Здание музея не разрушает визуальное восприятие городища, т.к. основная его часть скрыта в склоне холма. На уровне

верхней площадки располагается лишь небольшая входная зона, сделанная из стекла. Музей хорошо интегрирован в инфраструктуру и логистику распределения туристических потоков на территории городища.

Среди других интересных экспозиций Болгарского комплекса необходимо назвать Музей хлеба и Музей лекаря, которые создают новые информационные зоны, раскрывающие отдельные важные стороны жизни средневекового города. Кроме того, имеются объекты многофункционального значения – это Белая мечеть и Памятный знак в честь принятия ислама. Они также являются частью музейного пространства и раскрывают тему истории региональной традиционной мусульманской культуры.

Такая же обширная и многоплановая работа проводится и в Свияжске. Она направлена на поддержание и сохранение здесь исторического ландшафта и средового пространства. Обязательным является создание посетителям комфортных условий для ознакомления с объектами. Современные археологические изыскания этого памятника дают новые знания о ранней истории памятника. Одними из значимых, проводимых на острове работ, являются исследования Татарской слободы. Раскоп находится в нижней части Свияжска, эта территория острова была освоена во второй половине XVI в. в период возникновения города. В результате исследования был вскрыт городской квартал. Здесь, благодаря влажному культурному слою, сохранилось 12 ярусов уникальной деревянной городской застройки, среди которых элементы усадеб и их построек. Весь полученный материал был извлечен, и проведены работы по консервации объектов из дерева. В настоящее время осуществляется работа по созданию Музея археологического дерева. Так, планируется создать музейную экспозицию раскопа с полной реконструкцией сохранившейся жилой застройки, а само здание музея будет вписано в ландшафт острова. На современной поверхности он будет обозначен высотой не более 3,5–4 м. В помещениях музея будет организован показ строительных горизонтов городского квартала, выявленного в раскопе. В экспозиции музея будут показаны история

возникновения города Свияжска, его деревянного строительства, быта людей, их жизни.

Также в Свияжске для ведения исследований по сохранению выявленных объектов с помощью наших партнеров – ведущих центров по реставрации в стране Государственного Эрмитажа и ГосНИИ «Реставрации», планируется создать современную исследовательскую лабораторию по реставрации и сохранению органики. Особое внимание уделяется проблемам реставрации изделий из дерева. Открыть музей в Свияжске планируется к 2018 г., в настоящее время завершаются проектные работы по его конструкции.

Уважаемые коллеги! Завершая свое выступление, хочу отметить, что я показал лишь небольшой объем работ по реализации проекта «Музей под открытым небом», который осуществляется в Болгаре и Свияжске. В целом, в Республике Татарстан в рамках других музеев-заповедников также имеются достаточно интересные формы организации музейного пространства, которые, несомненно, требуют отдельного представления.

Спасибо за внимание!

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо, Айрат Габитович! Скажите, коллеги, есть ли вопросы к докладчику?

Вопрос из зала:

Скажите, пожалуйста, управляющей организацией для Болгара и Свияжска является одна структура, например, с точки зрения ЮНЕСКО?

А.Г. Ситдиков:

Да, конечно. В Болгаре – это Болгарский музей-заповедник, в Свияжске – Свияжский музей. Сейчас идет оформление постановлений Кабинета Министров Республики Татарстан о преобразовании Свияжского музея в музей-заповедник.

Вопрос из зала:

Работы проводятся на договорной основе?

А.Г. Ситдиков:

Да, на договорной основе, по различным проектам. Их формирование и определение происходит во взаимодействии, решения принимаются коллегиально, учитываются все мнения.

Д.Л. Сергеев:

Спасибо! Есть ли еще вопросы, коллеги?

Н.А. Макаров:

Планируется ли создание каких-либо реконструкций на территории Болгарского городища? Или они уже существуют?

А.Г. Ситдиков:

Нет, на территории городища создание реконструкций не планируется. По концепции, если они и возникнут, то будут располагаться за пределами самого городища: в 1 км формируется зона для реконструкций, в частности, на повестке стоит вопрос, связанный с этнографическими материалами, так как район города Болгар очень интересен в этом плане. Есть идея о воссоздании каменных зданий, в частности, в Болгаре были выявлены и исследованы бани, но, повторюсь, их реконструкция будет возможна только за пределами городища.

Д.Л. Сергеев:

Спасибо! Есть ли еще вопросы, уважаемые коллеги?

Н.А. Макаров:

У меня есть комментарии, поскольку Круглый стол – это режим свободного обсуждения, я не могу их не высказать как представитель академического института и как член комиссии по подготовке учебного стандарта при Российском Историческом обществе.

Все-таки понятие «Болгарская цивилизация» отсутствует в образовательном стандарте. Это, конечно, замечательная метафора, очень яркое слово, которое притягивает посетителей. Все то, что найдено в Болгаре, эмоционально достойно звания «цивилизация», но если мы будем оперировать историческими терминами, то, конечно, мы вступаем на опасную тропу. Необходимо подумать о том, как более точно назвать «Музей Болгарской культуры», учитывая задачу привлечь внимание посетителей к памятнику. Об этом стоит подумать, но это не предмет дискуссии на сегодняшнем Круглом столе, хотя это один из тех вопросов, которые всегда будут задаваться.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо, Николай Андреевич! Видимо, Вам удалось нащупать один из нервов нашего сегодняшнего обсуждения, благодаря которому нужно найти ответ на вопрос, как совместить иногда несовместимое. С одной стороны, создать некий эмоциональ-

ный смысл для привлечения большего количества людей и формирования их интереса к тому или иному объекту, но при этом, сохранить академизм в представлении информации и строгости научной мысли при изучении объекта. В любом случае, я выражу, наверно, общее мнение, если поблагодарю Айрата Габитовича за яркий и весьма содержательный доклад.

КИРИЛЛОВ А.Н. (ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «ИДНАКАР»).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ИДНАКАР»: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ В РАМКАХ РЕФОРМЫ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Слово «Иднакар» для современного жителя г. Глазов неразрывно связано с историей нашего города, региона, его историческим «лицом». Средневековое городище, появившееся более тысячи лет назад, и его материалы хорошо известны российским археологам, в последние годы начинает формироваться устойчивая заинтересованность и у простых граждан. Сейчас это заповедная территория, борьба за сохранение которой происходила не один десяток лет.

Образованный в 1997 г. (Постановление Правительства № 217 от 24 февраля) Историко-культурный музей-заповедник УР «Иднакар» является единственным республиканским учреждением на севере Удмуртии, занимающимся исследованием, сохранением и пропагандой средневекового культурного наследия предков удмуртов и археологическими исследованиями.

Кроме того, территория заповедника и окрестности составляют единый живописный исторический ландшафт и уникальную природную среду – исследователями выявлено большое количество редких и реликтовых растений.

Территория заповедника около 15 га, из которых 5 га – это сам археологический памятник. Фонды музея-заповедника составляют более 40 000 единиц хранения, в основном это археологические коллекции, начиная от эпохи камня и заканчивая материалами с удмуртских памятников XV–XVI вв. Ядро

Слово передается Андрею Николаевичу Кириллову, заместителю директора по научной работе Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики «Иднакар». Прошу Вас! Напоминаю, регламент выступления – до 15 минут. Буду благодарен, если Вы в него уложитесь.

коллекции – находки с городища Иднакар IX–XIII вв. Из культурного слоя памятника за время его исследования, извлечены десятки тысяч различных предметов, связанных с бытом, культурой, религией средневекового населения бассейна р. Чепца.

Активно развивается в музее проектная деятельность и участие в различных грантовых программах. В области развития сервисов для людей с ограниченными возможностями можно отметить проекты «Фактура времени» (2004 г.) – победитель конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимый Благотворительным фондом В. Потанина, и «Археология на кончиках пальцев» (2007 г.), победитель программы «Новый день», организованной АКБ «Росбанк» и Детским фондом ООН при управлении САФ. Оба проекта направлены на организацию доступности незрячих людей к археологическим экспонатам. С помощью современных технологий и материалов изготовлены мягкие формы, снятые с наиболее ярких экспонатов музея, и отлиты пластиковые копии предметов. В рамках реализации проектов подготовлены методические тактильные комплекты для Республиканской библиотеки ВОС, Сарапульского колледжа инвалидов, Якшур-Бодьинского интерната для слабовидящих и незрячих детей, Воткинской и Глазовской специализированных библиотек для инвалидов по зрению.

В ходе реализации проекта «По следам новгородских ушкуйников» – победителя

конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире – 2007» в номинации «Музейные исследования» были проведены исследования водных путей, организована региональная конференция и издан сборник материалов, посвященных истории народов, проживающих в бассейне р. Чепца.

В 2010 г. музей-заповедник стал победителем в конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире» в номинации «Авторская» с проектом «Дружина». Проект был направлен на создание условий для сохранения памятников археологии.

Археологические исследования на городище Иднакар проходили под эгидой Удмуртской археологической экспедиции (руководитель д.и.н., профессор М.Г. Иванова). Сотрудники музея принимают участие в полевых работах и камеральной обработке данных. Полученные в ходе исследования археологические материалы поступают в фонды ИКМЗ УР «Иднакар».

Существует и собственная археологическая разведочная экспедиция музея-заповедника. Основной ее задачей являются планомерные работы по созданию геоинформационной системы «Археологическое наследие Севера Удмуртии». Экспедицией осуществляется мониторинг, инструментальная топо съемка и фиксация координат археологических памятников. В обработке археологических данных используются последние достижения в области цифровых технологий и спутниковой навигации.

Но, к сожалению, существует ряд проблем. Историю создания и развития музея-заповедника «Иднакар» можно охарактеризовать как процесс, происходящий «вопреки». Так, в начале 2000-х гг. музей пытались закрыть на уровне руководства Республики – и администрации стоило больших усилий отстоять его.

В 2007 г. совместно с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, ООО «Экокультура» и Удмуртским институтом истории языка и литературы УрО РАН была разработана концепция «музея под открытым небом». В соответствии с проектом предполагалась реконструкция средневекового городища, создание музея древних ремесел и технологий, туристического центра и т.д.

Это крупный финансовый, культурный и социальный проект, который может оказать немалое влияние на развитие северных районов Удмуртии и принятие решение о его реализации должно быть прежде всего «политическим», на уровне региональных властей или Министерства культуры РФ. К сожалению, несмотря на возможные различные способы продвижения, на уровне Министерства культуры и туризма Удмуртской Республики и на уровне Правительства Удмуртской Республики этот проект не находит никакой поддержки.

Вторая очень важная проблема, которая актуальна для многих исторических и археологических памятников это охрана исторического ландшафта. Городище Иднакар невозможно вырвать из окружающей среды, в которую оно вписано. За территорией земельного участка, отведенного под музей-заповедник, располагаются древние угодья, средневековые селища, памятники XVI–XVII вв. Да и сам рельеф, линии горизонта, простор составляет то, что французы называют «*belle vue*» – красивый вид. Сейчас все эти территории переданы в ведение администрации города Глазов и в обновленном генеральном плане отведены под малоэтажное строительство. Иными словами, этот прекрасный исторический ландшафт будет застроен коттеджами. Были подготовлены предложения в Министерство культуры и администрацию г. Глазов о создании единой комиссии по решению этой проблемы, но, к сожалению, никакого движения навстречу мы пока не видим. Существует большая опасность того, что в ближайшей перспективе территория городища будет граничить с частными заборами, а с его площадки будет открываться вид на разномастные постройки.

В рамках общегосударственной концепции, направленной на развитие внутреннего туризма, историко-культурный музей-заповедник УР «Иднакар» является ценным объектом, который можно использовать как точку роста в развитии туристического кластера севера Удмуртии. Научный, образовательный потенциал этого места безграничен, и при поддержке власти он сможет сыграть важную роль в создании культурного каркаса республики.

Д.Л. Сергеев:

Спасибо, Андрей Николаевич! Уважаемые коллеги, если есть вопросы к докладчику, прошу Вас их задать.

Н.А. Макаров:

У Вас очень сильное развитие археологии в Республике – в Удмуртском государственном университете (УдГУ) и в Институте истории, языка и литературы Удмуртского научного центра РАН (ИИЯЛИ). Как складываются с ними отношения, есть ли от них какая-либо поддержка?

А.Н. Кириллов:

Вы правы, у нас существует два центра тяжести археологических исследований – УдГУ и ИИЯЛИ. Исторически сложилось, что зона Удмуртии поделена между этими двумя учреждениями: УдГУ – север Удмуртии, юг – ИИЯЛИ. Сам музей-заповедник – это блок ИИЯЛИ. С университетом у нас тоже замечательные отношения. С точки зрения науки и археологии – они нам помогают, а с точки зрения помощи во взаимоотношениях с Министерством культуры – есть определенные недопонимания. По поводу туризма. Буквально сейчас мы начинаем работу по созданию культурно-исторического парка. У обоих этих учреждений есть заинтересованность, но нет

финансирования, так как не найдена общая площадка для его создания.

Д.Л. Сергеев:

Постарайтесь найти общую площадку. И я думаю, что одним из реальных и перспективных мест формирования такой площадки может стать вхождение города в программу «Ассоциации главных туристических городов». Эта программа получила сейчас поддержку на федеральном уровне и без музейного ресурса она не может быть реализована городом в полной мере, поэтому Вам нужно грамотно рассмотреть этот аспект.

Коллеги, есть ли еще вопросы? Тогда, прежде чем передать слово следующему докладчику, я хотел бы поблагодарить Андрея Николаевича за его выступление, особенно за те вопросы, которые он поднял, и особо выразить благодарность за то, что нам были продемонстрированы возможности на примере одного музея показать историю различных культур, их сочетание и взаимопроникновение.

Сейчас заявлен доклад, который есть два автора: Вадим Иванович Перевозчиков и Сергей Михайлович Ильяшенко. Они представляют «Археологический музей-заповедник “Танаис”». Вадим Иванович, прошу Вас!

**ПЕРЕВОЗЧИКОВ В.И. (ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК “ТАНАИС”»),
ИЛЬЯШЕНКО С.М. (ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО РАБОТЕ С МУЗЕЙНЫМ ФОНДОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК “ТАНАИС”»).**

«ГОРОДИЩЕ ТАНАИС» – ЭКСПОЗИЦИЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

В.И. Перевозчиков:

Танаис – город, созданный боспорскими греками в первой четверти III в. до н.э. Его остатки найдены археологами в 30 км к западу от г. Ростов-на-Дону, в Мясниковском районе Ростовской области. Свое имя он получил от древнего названия р. Дон, на правом берегу которой находился. Город был основан здесь не случайно. Высокие каменистые береговые

террасы, близость к морю и степи позволили людям селиться в здешних местах со времен каменного века. Именно этим объясняется наличие на данной территории значительного количества археологических памятников различных эпох. Они представлены стоянками, поселениями, курганными и грунтовыми могильниками. В течение почти восьми столетий Танаис являлся крупным экономическим

и культурным центром обширного региона, форпостом для налаживания контактов с племенами, населявшими степь. Представители этих племен (сарматы, меоты) в дальнейшем влились в состав населения города, что привело к возникновению своеобразной культуры города, объединявшей греческие и варварские традиции. По свидетельству Страбона, Танаис «самый большой после Пантикапея эмпорий варваров» (*Strabo VII 4, 5*).

В изучении Танаиса выделяются 2 этапа. Первый из них – конец первой четверти XIX – первые два десятилетия XX в. В 1823 г. А.И. Стемповским (Стемповский, 1854. С. 287–296) было определено местоположение города. Спустя 30 лет, в 1853 г., его исследование начал профессор Московского университета П.М. Леонтьев. В ходе работ были найдены остатки сооружений, носившие, по мнению ученого, весьма варварский облик. Он отмечал следующее: «Уже одна кладка стен из необтесанных камней и чрезвычайно небрежная вполне убеждает, что тот Танаис, развалины которого мы имеем в Недвиговском городище, не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто греческий город. Греки никогда, ни даже в византийское время, не строили так дурно...» (Леонтьев, 1854. С. 416). Однако мраморные и известняковые плиты с надписями на греческом языке с упоминанием танаитов, не оставили сомнений о том, что Танаис существовал именно здесь. В последние десятилетия, достаточно значимые раскопки городища и его могильника проводились в 1867 г. В.Г. Тизенгаузенем, в 1870 г. – П.И. Хицуновым, а в 1908–1909 гг. – Н.И. Веселовским.

Второй этап связан с исследованиями Нижне-Донской экспедиции Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения, а затем музея-заповедника «Танаис». Раскопки ведутся, начиная с 1955 г., ежегодно по настоящее время. До 1972 г. руководителем экспедиции был Дмитрий Борисович Шелов, а с 1972 г. – Татьяна Михайловна Арсеньева. С 2012 г. исследования на городище и некрополе проводятся в рамках Археологической экспедиции музея-заповедника «Танаис» (руководитель

С.М. Ильяшенко). В ее состав входят отряды Южного федерального университета, Владимирского государственного университета, Института археологии Варшавского университета. Финансирование работ экспедиции осуществляется в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Федеральной целевой программы «Культура России», Варшавского университета, спонсорской помощи круизной компании «Ортодокс», Ростовской ГК «Миллениум» (директор М.Н. Ковалев) и ООО «ГРУППА АГРОКОМ» (совладелец компании М.Р. Сичинава). За многие годы работ получен материал, позволивший воссоздать облик города и его жителей, уточнить время его существования, особенности социально-экономической жизни, роль и значение в исторических событиях на территории северо-восточного Приазовья и Северного Причерноморья. Итоги первых двух десятилетий работ экспедиций были подведены Д.Б. Шеловым в двух монографиях (Шелов, 1970, 1972). Многие выводы сделанные ученым, остаются актуальными и сейчас. Новые материалы из раскопок последних десятилетий внесли значительные уточнения и дополнения.

В настоящее время коллекции предметов из раскопок Танаиса хранятся в следующих музеях:

– дореволюционные находки – в Государственном Эрмитаже, г. Санкт-Петербург), Государственном Историческом музее, г. Москва, Государственном краеведческом музее г. Одессы, ГБУК РО «Новочеркасский музей истории Донского казачества» (г. Новочеркасск);

– находки Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН (начиная с 1955 г.) частично хранятся в ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», ГБУК РО «Таганрогский литературно-исторический и архитектурный музей-заповедник», но в основном – в ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Конец 40–60-х гг. прошлого века были началом активного археологического изучения Нижне-Донского региона. Наряду с Институтом археологии АН СССР и его Ленинградским отделением (ЛОИА) одним из инициаторов организации и проведения здесь

археологических исследований стал Ростовский областной музей краеведения (РОМК). Были выработаны совместные планы этих исследований и созданы совместные экспедиции по изучению ряда основных памятников, известных в науке с XIX в.: Елизаветовского городища (Южно-Донская экспедиция, работает с 1954 г. по настоящее время), Недвиговского городища – Танаиса (Нижне-Донская экспедиция, с 1955 г. по настоящее время), Кобяковского городища (Кобяковская, 1956–1962 гг.). Именно тогда родилась идея о создании музея–заповедника на базе Недвиговского городища. С таким предложением, поддержанным начальником Нижне-Донской экспедиции Д.Б. Шеловым, выступил зам. директора РОМК С.М. Марков. Идея нашла поддержку у руководства Ростовской области и в Министерстве культуры РФ. Понадобилось более двух лет, чтобы она была организационно оформлена, и принято Решение Ростовского Облисполкома «О создании археологического музея-заповедника в х. Недвиговка Мясниковского района» (№ 360 от 15 июля 1958 г.). В 1960 г. ему было отведено 20,3 га земель, включающих территорию городища и участок грунтового некрополя (Решение Ростоблисполкома № 535 от 23 сентября 1960 г.). Тогда же было начато строительство здания музея и домика администрации (на основе щитовых конструкций). Были утверждены первые штаты (3 чел.), а в августе 1961 г. музей принял первых своих посетителей в статусе филиала Ростовского областного музея краеведения (приказ Областного Управления культуры № 226 от 01.08.1961). Распоряжением Ростовского Областного Совета (№ 157 от 13.04.1990) филиал был преобразован в самостоятельное юридическое лицо – государственное учреждение культуры Ростовской области «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Решение о создании музея-заповедника было не случайным. С самого начала ученые зафиксировали необычайную сохранность памятника (по сравнению с другими аналогами), относительно мало подвергшегося антропогенным разрушениям. Уникален и культурно-исторический ландшафт памятника, и насыщенность прилегающей к нему территории другими археологическими памятни-

ками различных эпох: от позднего палеолита до развитого средневековья. Созданный первоначально как заповедная территория на основе конкретного памятника (городища и некрополя Танаиса), объект культурного наследия «Археологический музей-заповедник «Танаис» (название по Указу президента от 20 февраля 1995 г., № 176) за годы своего функционирования стал основным фактором сохранения археологических объектов в границах его зон охраны и на прилегающих территориях.

На сегодняшний день по итогам проведенных почти за 60 лет мероприятий сформировался целый список основной правоустанавливающей документации, связанной с Танаисом. Помимо указанных выше нормативных документов необходимо упомянуть и другие:

– Решение Ростовского областного Совета народных депутатов от 31.08.1981, № 631 «Об утверждении охранных зон археологического музея-заповедника “Танаис” и мерах по его благоустройству и развитию». Этим документом были утверждены охранные зоны и зоны регулирования застройки в соответствии с проектом, разработанным институтом «Спецпроектреставрация» и согласованным с Министерством культуры РСФСР и Центральным Советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

– Решение Малого совета Ростовского областного Совета народных депутатов от 17.12.1992, № 325. Данным постановлением на государственную охрану приняты памятники археологии: «Припортовая часть Танаиса («Нижний город»)»; «Курганная группа Недвиговский II», расположенная на западном участке некрополя городища Танаис, в 0,8 км к северу от биостанции Южного Федерального университета, и «Курганная группа Царский», расположенная на северном участке некрополя Танаиса в 1,1 км к северу от западной окраины х. Недвиговка.

– Указ Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 г., № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения». Объект культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник “Танаис”» включен в раз-

дел 1-го перечня – Историко-культурные заповедники. Указан его адрес – Ростовская область, Мясниковский район, хутор Недвиговка. Пунктом 3 Указа предусматривалось уточнить в 6-месячный срок состав объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Пунктом 4 Указа предусматривалось определить полный имущественный состав каждого объекта исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения в соответствии с правилами и порядком государственного учета памятников истории и культуры, иных объектов культурного наследия, предусмотренными законодательством Российской Федерации. Однако эта работа по факту в отношении объекта «Археологический музей-заповедник “Танаис”» в тот период выполнена так и не была.

В 2005 г. в рамках реализации федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 гг.)» был проведен мониторинг состояния и использования объекта культурного наследия, названного составителями документации «Комплексный памятник археологического наследия (памятник археологии) Танаис». В ходе мониторинга был уточнен пообъектный состав «комплекса» – выделено 5 объектов (памятников археологии), проведено обследование их технического состояния, произведено уточнение границ составных частей памятника с определением координат углов их поворота в системе WGS-84; составлена вся необходимая учетная документация (в том числе паспорта на памятник в целом и на каждую его составную часть в отдельности). Однако использованное в ходе мониторинга название объекта культурного наследия, а именно «Комплексный памятник археологического наследия (памятник археологии) «Танаис», не было обосновано нормативными актами.

В результате появления достаточно большого количества документов один и тот же объект получил различные наименования: 1. Танаис: городище и некрополь (III в. до н.э. – V в. н.э.); 2. Археологический музей-заповедник «Танаис»; 3. Припортовая часть Танаиса («Нижний город»); 4. Объект культурного наследия федерального значения «Археологи-

ческий музей-заповедник “Танаис”»; 5. Городище «Танаис» и могильник; 6. Комплексный памятник археологического наследия «Танаис».

По этой причине при дальнейшей работе, например, при подготовке документации по корректировке зон охраны памятника, использовалось наименование, содержащееся в Указе Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 г., № 176: объект культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

В настоящее время выделены пять составляющих частей, являющихся единым объектом культурного наследия «Археологический музей-заповедник “Танаис”»: 1. Основной четырехугольник городища Танаис. 2. Западный район (Западное крыло) Танаиса. 3. Западный пригород. – Эти три района составляют Верхний город Танаиса. 4 – Нижний город (приречная, припортовая часть). 5. Некрополь Танаиса (Ильяшенко, 2007. С. 23–39).

По данным корректировки границ памятника и его зон охраны, систематически проводящейся с 2008 г. и основывающейся на последних исследованиях археологов, общая площадь территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник “Танаис”» (городище и некрополь Танаиса) составляет 751,3 га (рис. 1).

В связи с отсутствием в Указе 1995 г. четко очерченных границ заповедника, в ходе судебных разбирательств, связанных с современным разрушением древних объектов, суды, в большинстве случаев рассматривали границу памятника как границу земельного участка «Археологический музей-заповедник “Танаис”». Площадь территории (состоит из двух земельных участков), закрепленной в безвозмездное пользование непосредственно за ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”», составляет 22,3 га. Она включает в себя лишь «основной четырехугольник городища» – цитадель Танаиса (при этом почти весь южный склон цитадели занят современными усадьбами хутора), северная часть западного района города и небольшой участок некрополя.

Большая часть территории объекта культурного наследия (729 га) сегодня занята застройкой хутора Недвиговка и находится в собственности частных лиц. Это касается, прежде всего, 2/3 территории городища (весь Нижний город и значительная часть Верхнего города). Почти весь некрополь Танаиса находится на землях, принадлежащих колхозу им. Шаумяна, Южному федеральному университету и частным лицам – жителям хутора Недвиговка. Кроме того, в настоящее время имеется ряд не занятых под строительство участков городища и некрополя – земли поселения, которые администрация хутора периодически выставляет на торги. Именно с этими участками связана основная часть проблем охраны памятника. При этом значительная часть территории некрополя (курганного и грунтового) к западу, северу и востоку от городища Танаис вообще не попала в сферу охраны.

В 2008 г. была проведена корректировка границ памятника и его зон охраны. Подготовленные в ходе корректировки документы легли в основу Приказа министерства культуры Ростовской области от 31.07.2012 № 326 «Об утверждении границы территории и правового режима земельных участков в границе территории объекта культурного (археологического) наследия федерального значения “Городище Танаис”» (рис. 2).

В ноябре 2012 г. на основании решения Ростовского областного Совета народных депутатов от 31.08.1981, № 631 «Об утверждении охранных зон археологического музея-заповедника “Танаис”» были разработаны землеустроительные дела по описанию местоположения границ объектов землеустройства: зоны охраны археологического музея-заповедника «Танаис» и зоны регулирования застройки археологического музея-заповедника «Танаис». На основании этих документов зарегистрированы соответствующие сведения в государственном кадастре недвижимости, что должно было стать юридической защитой объекта культурного наследия.

В 2014 г. ГАУК РО «Донское наследие» в рамках государственного задания подготовило топографический план всей территории некрополя, включающий и курганный могильник. Мы надеемся, что в конечном итоге

территория некрополя после более чем полутора вековой истории исследования Танаиса также станет рассматриваться в качестве объекта археологического наследия.

Сейчас одна из первоочередных задач – упорядочить вопрос с несанкционированным, несогласованным строительством домов повышенной этажности, как на самом памятнике, так и в границах его зон охраны. Пример безобразного влияния зданий в несколько этажей на облик окружающего природно-исторического ландшафта – башни частного военного музейного комплекса на западном участке некрополя Танаиса по пер. Учхозовскому, 4, 6, 9 в хут. Недвиговка, одна из которых достигает высоты 6-этажного дома; они хорошо заметны с любой точки памятника и прилегающих к нему территорий и перекрывают исторический вид на Таганрогский залив (рис. 7). Кроме того, на этом участке начиная с 1999 г. по настоящее время строительство ведется без согласования с органами охраны памятников, несмотря на многочисленные обращения музея-заповедника с письмами по этому поводу. Более того судебное разбирательство, в котором истцом выступало Северо-Кавказское управление Росохранкультуры, закончилось решением, в котором говорилось об отсутствии памятника и, соответственно, обременений на данной территории. Наличие исследованных погребений к западу, югу, северу и востоку от участка (в том числе и под одним из строившихся тогда его заборов) судом во внимание принято не было. В результате разрушению подверглось более 2000 м² территории западного некрополя Танаиса II в. до н.э. – V в. н.э. Примечательно, что все возводимые здесь объекты называются «Донской военно-исторический музей». Хозяин его собирает военную технику и вооружение, участвует в областных мероприятиях, связанных с Великой Отечественной войной. Судя по сведениям на сайте музея, клуб при нем занимается также поисковой работой, в том числе и раскопками на территории области. Не очень ясно: как эти работы согласовываются с органами охраны памятников. И есть ли здесь какая-либо система лицензирования работ и контроля над ними? А ведь не секрет, что многие военные объекты находятся на местах объектов археологического наследия. Не

понятна и судьба предметов, найденных при таких работах. Нам не известно случаев их поступления в государственные музеи.

На территории Нижнего города (припортовая часть Танаиса), находящегося, в большей части, под частной застройкой хут. Недвиговка, местные жители продолжают несанкционированно возводить хозяйственные сооружения и заниматься выборкой грунта, ссылаясь на то, что в свидетельствах на землю отсутствует ссылка на обременение. В свидетельствах на землю также неправильно указываются категория земель (вместо земель «особо охраняемых территорий и объектов» – «земли населенных пунктов») и вид ее использования (вместо «для культурно-исторического назначения» – «для ведения личного подсобного хозяйства»).

Для спасения памятника остро необходимо выкуп частных домовладений, располагающихся на городище, прежде всего вдоль границ земельного участка ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”». Музей-заповедник обладает правом первого покупателя. Но из-за отсутствия необходимых для этого финансовых средств самостоятельно (без участия государства) он решить данный вопрос не может. Всего таких участков 14. В случае их приобретения удастся сохранить руины древнего города для их экспозиционного показа туристам (после соответствующих археологических исследований и необходимых реставрационно-консервационных работ).

Серьезными проблемными факторами по-прежнему остаются: глубинная распашка земель, уничтожающая участки некрополя; деградация растительности на территории зон охраны памятника и наличие мусорных свалок – прямое нарушение режима зоны охраняемого ландшафта музея-заповедника.

Для решения целого ряда проблем по сохранению объекта культурного наследия необходима организация физической охраны его территории и создание в музее-заповеднике специального отдела по охране памятников. Наличие такого отдела позволило бы проводить постоянный мониторинг территории памятника и его зон охраны с целью выявления нарушений законодательства по охране объектов культурного наследия и оперативной

реакции на эти нарушения, как того требует Закон. Но из-за малочисленности нынешнего штата музея-заповедника эта задача для нас непосильна.

Площадь музеефицированной части памятника в связи с ежегодными исследованиями археологов увеличивается. Сегодня она составляет около 16000 м². Учитывая недостаток ресурсов самого музея-заповедника, он проводит активную работу по привлечению внешних источников финансирования, обращаясь в различные инстанции за выделением как бюджетных, так и внебюджетных средств на консервационно-реставрационные работы для того, чтобы музеефицировать и сохранить то, что было раскопано и ежегодно раскапывается археологами и должно стать составной частью экспозиции под открытым небом.

Первые консервационные работы в достаточно большом объеме были проведены в 1966 г. по методике, принятой в археологическом музее-заповеднике «Херсонес». Методика основных реставрационно-консервационных приемов для городища Танаис была разработана несколько позже Всероссийским научно-производственным комбинатом «Росреставрация» после тщательного изучения особенностей руинированных кладок Танаиса. В этих методических указаниях разработан состав раствора, применяемого в ходе таких работ, опробованный разработчиками на практике. За годы существования музея-заповедника испытаны различные способы организации и осуществления консервационно-реставрационных работ. В первое десятилетие они осуществлялись бригадой мастеров-каменщиков из местных жителей. В 70-х гг. XX в. их сменили специализированные реставрационные студенческие отряды Ростовского госуниверситета. Следующий этап: со второй половины 80-х – специализированная бригада специалистов (научные сотрудники – археологи, 2-3 каменщика из местных жителей). Консервационно-реставрационные работы на памятнике всегда проводились под руководством и постоянным наблюдением археологов музея-заповедника в полном соответствии с полевой документацией и научными отчетами об археологических исследованиях. Ведется фотофиксация, составляются технические отчеты.

Танаис – город каменный; все, что дошло до наших дней, построено из местного камня-известняка на глиняном растворе. С учетом постоянного влияния на каменные постройки природных факторов, в том числе резких перепадов температур зимой и летом, воздействия солнца и дождевой воды, а также антропогенного фактора, происходит достаточно интенсивное разрушение каменных кладок. Для их поддержания в экспозиционном состоянии необходимо проведение ежегодных профилактических реставрационно-консервационных работ, основной характер которых – ликвидация последствий и угроз разрушения лицевых поверхностей кладок в результате появления трещин, выпадения камней, деформации стен; укрепление горизонтальных поверхностей с устройством защитного (от проникновения влаги) слоя; воссоздание рухнувших участков кладки в точном соответствии с полевой документацией археологических исследований. Но выделение средств на консервационно-реставрационные работы по ФЦП «Культура России» упирается в требования, предъявляемые для реставрации памятников архитектуры. В силу же специфики городища Танаис, как памятника археологии, указанные требования, определенные для памятников архитектуры, не могут быть выполнены в полной мере. Так по условиям мониторинга требуется проектная документация стадий «Эскизный проект» и «Рабочая документация». В Танаисе консервационно-реставрационные работы всегда проводились по материалам научных отчетов археологов по итогам ежегодных исследований на памятнике. Эти отчеты прошли экспертизу (рецензирование) и утверждение в Институте археологии РАН. Задача реставратора во время консервационно-реставрационных работ повторить то, что зафиксировано археологами при раскопках (в научном отчете).

Как показала практика, привлечение различных, пусть и лицензированных, строительных организаций для Танаиса неприемлемо. Технологии, использованные древними греками при строительстве города, ныне уже не применяются. Поэтому при реставрационных работах на объектах городища Танаис требуются специальные исторические знания, большой опыт, учитывающий логику и

навыки древних мастеров. Поэтому музею-заповеднику необходимы свои постоянные штатные реставраторы, специализирующиеся на танаисских объектах. Только так можно гарантировать сохранение для будущих поколений на должном уровне музеефицированной части памятника.

В настоящее время территория музея-заповедника физически охраняется частным охранным предприятием (три круглосуточных и два дневных поста). Ранее эта работа выполнялась ФГУП «Охрана» и отделом вневедомственной охраны полиции. Практика показала, что ЧОП – это наиболее выгодная и эффективная форма охраны для музея-заповедника. Для обеспечения безопасности территории и зданий учреждения также используются инженерные системы охранно-пожарной сигнализации, теле-видеонаблюдения, автоматического газового пожаротушения и ограничения доступа.

За более чем полувековой период существования музея-заповедника в целях популяризации объекта культурного наследия выработаны и используются разнообразные формы научно-просветительской деятельности. Самая традиционная из них – экскурсии, знакомящие туристов с музеефицированными руинами древнего города, артефактами – археологическими находками из раскопок городища и некрополя (музейный фонд сегодня насчитывает 114000 предметов), научными реконструкциями архитектурных сооружений античной эпохи и артефактов (рис. 3–6). За год в заповеднике проводится около 1100 экскурсий. В том числе: по Музею истории Танаиса (открыт для посещения на площади 195 м² в 2009 г. во вновь смонтированном по технологии «Спайдер» здании), по городищу Танаис – экспозиции под открытым небом (в 2012 г. здесь построен специальный деревянный помост, обеспечивший посетителям, и прежде всего маломобильным, доступ к самым отдаленным кварталам древнего города), по Музею исторического костюма (здесь можно увидеть реконструкции древних костюмов и подлинные предметы, являющиеся аксессуарами костюма в древности) и на самую высокую точку некрополя Танаиса – Царский курган, с вершины которого можно полюбоваться степными пейзажами, дельтой

Дона и морским заливом. Кроме того, к услугам посетителей – выставочный комплекс, в пяти залах которого размещаются постоянные («История археологических исследований Танаиса», «Округа Танаиса в эпоху камня и бронзы», «Танаис и Нижний Дон в искусстве») и сменные выставки по тематике Танаиса (в частности, традиционная, посвященная новым археологическим открытиям в Танаисе).

Годичная посещаемость музея-заповедника за последние 5 лет увеличилась почти на 20 тыс. человек, достигнув отметки без малого 70 тыс. Музей-заповедник открыт сегодня для посетителей 364 дня в году. Около 40% туристов его посещает в составе экскурсий. Из них подавляющая часть – это дети (25 тыс.).

Музеем накоплен значительный опыт работы с массовой аудиторией (рис. 8). В заповеднике действуют два музейно-педагогических центра: «Музей детства» и «Студия живой истории». Основной метод работы с детьми, который используют музейные педагоги Танаиса – «погружение в древность». Его цель – дать ребенку возможность почувствовать себя в процессе театрализованной игры или творческого занятия участником какого-то бытового, трудового или праздничного эпизода древней жизни. Это оказывает яркое эмоциональное воздействие, несущее как следствие и образовательное, и воспитательное значение. Идет пробуждение мыслительного, духовного, творческого потенциала у детей разных возрастов, развивается осознание роли Танаиса, как частицы отечественного исторического наследия в общем комплексе российской и мировой культуры и вырабатывается бережное и уважительное отношение к нему, а как следствие к другим объектам культурного наследия страны. Конкретно это реализуется в циклах занятий, включающих в себя исторические практикумы по древним ремеслам и занятиям жителей древнего Танаиса, интерактивные экскурсии для самых маленьких (дошкольников и младших школьников), тематические игры и аттракционы на открытом воздухе, театрализованные познавательно-игровые программы для школьников 5–10 классов: «Глиняная азбука», «Путешествие в храм Монеты», «Как одевались предки», «Непостижимая загадка куклы», «Мастерская

Арахны», «Войлок у древних кочевников», «Античная школа», «Магическая сила пояса», «Волшебный свисток», «Язык цветов», «Путешествие в загадочный Танаис», «Где живут олимпийские боги и герои», «Двор мукомола», «Археологическая песочница», «Амфорный тир», «Донская Олимпия», «В гостях у Клио». К услугам посетителей также комплексные программы «День в Танаисе» (две экскурсии и два интерактивных занятия по их выбору), а также несколько дней в Танаисе (с проживанием в палатке).

В рамках работы по приобщению местных жителей к сотрудничеству в целях сохранения объекта культурного наследия, по воспитанию у них любви к своей малой родине, профилактике подростковой преступности, профориентации и подготовке для музея-заповедника молодых кадров по всему спектру музейных профессий, много делает функционирующая в музее-заповеднике на постоянной основе «Студия живой истории», в которой на безвозмездной основе проводятся занятия с местными школьниками всех возрастов. На базе заключенного договора с детским садом хут. Недвиговка – «Сказка» – музей-заповедник также на безвозмездной основе осуществляет разработанную им программу для дошколят под общим названием «Развитие ценностного отношения к истории и культуре через знакомство детей с эпохой античности (древний город Танаис, III в. до н.э. – V в. н.э.) с целью воспитания любви к своей малой родине».

Специально для взрослых разработаны театрализованные исторические обрядовые мероприятия по античным мотивам: «Посвящение в танаиты» и «Свадьба в Танаисе».

Среди событийных мероприятий, рассчитанных на массового посетителя, независимо от его пола, возраста, национальности и социального положения, особое место в жизни музея-заповедника занимают два театрализованных праздника областного масштаба: поэтический – «Пушкин и древности» (проводится в музее-заповеднике с 1980 г. в первой половине июня по воскресеньям) и событийный – «День Танаиса» (проводится с 2008 г. в середине сентября по субботам; воссоздан по мотивам существовавшего в древнем Танаисе праздника одноименных реки и города, о чем

повествует надпись на мраморной плите II в. н.э., найденной при раскопках городища). В дни проведения в музее-заповеднике массовых мероприятий вход на его территорию бесплатный. В программе наиболее популярного среди жителей Донского края праздника – «День Танаиса»: непрерывающееся действо на площади у «Башни поэтов» – обрядовые мероприятия, театральные представления, концертные номера (музыка, песни и танцы), «Танаисские олимпийские игры» (соревнования гостей праздника, а также студенческих команд в античных одеяниях), анимация, конкурсы, викторины и спортивные состязания для зрителей; на других площадках музея-заповедника проводятся мастер-классы по древним ремеслам и исторические практикумы, весь день работают музейные экспозиции и выставки, «Античный стрелковый тир», павильон «Фото в историческом костюме», детская познавательно-игровая площадка, ярмарка ремесел с интерактивными элементами, в том числе чеканка монет по древней технологии, изготовление памятных грамот с сургучными печатями и мн. др. – все в античном стиле.

Музей-заповедник активно популяризирует объекты археологического наследия, находящиеся на его территории, издавая рекламные и информационные буклеты, путеводители, наборы открыток, научно-методические сборники, разнообразную научно-популярную литературу. Среди них – «Вестник Танаиса», «Танаис», «Танаис в круге земном», «Путешествие в храм Монеты», «Как одевались предки», «Танаис: продолжение легенды», «Под античным небом Танаиса», «Бабочки и античная мифология», «Нижне-Донской экспедиции – 50 лет», «В гостях у Клио. Уроки живой истории» и др. Большую роль в пропаганде памятника играет официальный сайт музея-заповедника «Танаис» – *museum-tanais.ru* (функционирует с 2011 г.). На нем можно ознакомиться с историей античного города, историей его научных исследований, новыми открытиями археологов, познакомиться с его экспозициями и выставками, предоставляемыми музеем-заповедником услугами, научными трудами его сотрудников и др.. Имеется информация о Танаисе также на целом ряде сайтов-партнеров музея-заповедника, посвя-

щенных археологии, музеям, культурному наследию и культурно-познавательному туризму в России, сайте виртуальных путешествий «rangorod.ru», официальных сайтах Администрации Ростовской области, министерства культуры Ростовской области, Министерства культуры РФ, Союза музеев России и др..

Тесные связи у музея-заповедника и с традиционными средствами массовой информации. Среди его информационных спонсоров – телевидение и радио «ДонТР», телекомпания «СТС» и «РенТВ», «Радио маяк», «Радио шансон», «Европа плюс Ростов» и др. Специалисты музея-заповедника участвуют в специальных программах электронных СМИ, посвященных проблемам сохранения культурного наследия и музейному делу, готовят информационные сообщения о новых археологических открытиях, об акциях музея-заповедника, организуют для журналистов интервью и репортажи о новых открытиях в Танаисе. Подготовленные ими материалы публикуются на страницах донских газет: «Вечерний Ростов», «Наше время», «Ковчег Кавказа», «Антенна теле-семь», «АИФ-на-Дону», в донских и общероссийских журналах: «Музей», «Мир музея», «Национальные приоритеты», «Панорама», «Наследие», «Культура: управление, экономика, право» и др.

Немалую роль в пропаганде объекта культурного наследия играют выездные программы и рекламно-пропагандистские акции на межрегиональных и международных форумах, фестивалях и выставках. Среди них международная туристическая выставка «Интурмаркет» (г. Москва), межрегиональная туристическая ярмарка «Мир без границ» (г. Ростов-на-Дону), международный фестиваль музеев «Интермузей» (г. Москва), «Фестиваль науки Юга России» (г. Ростов-на-Дону), праздничные фестивали «Шолоховская весна» (ст. Вешенская) и «Пасхальный перезвон» (г. Ростов-на-Дону). В программный блок таких мероприятий входят тематические выставки, мастер-классы, интерактивные занятия и театрализованные действия, защита разработанных конкурсных проектов по различным номинациям (так, в 2013 г. на фестивале «Интермузей-2013» в финале музей-заповедник «Танаис» защищал свой проект «Гражданин Танаиса. Танаисская

проксения», в финале номинации «Сохранить и показать» на фестивале «Интермузей-2014» – проект «Зал амфор – открытый показ»).

У музея-заповедника «Танаис» большие планы. Сегодня проводится государственная экспертиза проекта нового музейного комплекса на его территории. По проекту предполагается строительство новых музейных объектов и снос старых времянок. За первые десятилетия своего существования из-за недостатка средств на территории музея-заповедника на скорую руку было построено хозяйством несколько кирпичных строений, у которых практически нет фундамента. Своим видом они уродуют общий ландшафт объекта культурного наследия. Их заменят новые современные музейные объекты, достойные всемирно известного памятника.

На северном, ныне пустующем, участке заповедника после исследования погребений некрополя Танаиса будет построено новое двухэтажное здание музея. Здесь целый этаж займет специально оборудованный музейно-педагогический центр – «Музей живой истории» – специальные тематические аудитории для проведения исторических практикумов и уроков древних ремесел. Подобного нет ни в одном музее нашей страны. На втором этаже разместится современная экспозиция, посвященная как истории древнего города, так и прилегающих к нему территорий – от эпохи каменного века до позднего средневековья. Безусловно, основная часть экспозиции будет посвящена истории Танаиса.

В здании предусматриваются также кафе-ресторан, концертный зал и музейный магазин. Как и в любом музейном здании, немалую его площадь займут фондохранилища. Благодаря систематическим работам археологов в фонды музея-заповедника ежегодно на хранение поступает не менее 1000 музейных предметов, что требует соответствующих помещений для их хранения. На плоской крыше здания предусмотрена большая смотровая площадка с прекрасными видами на руины древнего Танаиса, на дельту р. Дон и Таганрогский залив.

Здесь же на северном участке разместятся хозяйственные сооружения музея-заповедника (гараж, склады, помещения хозяйственно-технических служб, очистные сооружения,

автономная дизельная электростанция), а также большая стоянка для туристических автобусов и легковых автомобилей.

Визит-центр с билетными кассами и кафе планируется на северном входе на основной (южный) участок музея-заповедника, где находятся музеефицированные кварталы древнего города. На территории южного участка музея-заповедника запланировано создание Парка научных реконструкций архитектурных сооружений античной эпохи. Основы его заложены в предшествующие годы. Здесь уже имеется целый ряд объектов экспозиционного показа под открытым небом. Среди них: «Хижина меота» (рис. 5), крепостная башня (сегодня ее называют «Башня поэтов») (рис. 6), макет фрагмента крепостных сооружений Танаиса из натурального камня в масштабе 1:10, «Половецкое святилище». В планах более масштабные реконструкции: усадьба богатого танаита первых веков нашей эры, дом танаита второй половины IV в. н.э., хижина жителя города первой половины V в. н.э., крепостная башня в натуральную величину со смотровой площадкой.

Другое значительное сооружение на южном участке, которое планируется здесь построить – детский познавательно-игровой комплекс «Маленький Танаис». Его внешняя форма – это реконструкция цитадели Танаиса в масштабе 1:3, с каменными стенами и башнями. На территории этой «крепости» будут размещаться различные аттракционы в античном стиле: римский боевой корабль в натуральную величину, маленький пруд с лилиями, лабиринт, специально оборудованных площадок для проведения в летнее время уроков древних ремесел, исторических практикумов и других познавательно-игровых программ), античный стрелковый тир и мн. др.

Тут же неподалеку со временем должны быть построены летний театр в греческом стиле (одеон) и античный стадион. Особое внимание при проектировании уделено специальным легким конструкциям – стеклянным павильонам – непосредственно на памятнике. Они нужны для сохранения и показа туристам остатков городских домов и культовых сооружений в том состоянии и с теми же артефактами, как их находят археологи. Для археологов в восточном секторе южного участ-

ка заповедника планируется строительство специального дома (гостиницы) и площадки для камеральной обработки археологического материала. Сегодня, как и много лет назад, археологи пока проживают в палатках.

Если все, что запроектировано, нам удастся реализовать, археологический музей-заповедник «Танаис» станет предметом гордости не только Ростовской области, где он географически расположен, но и всей Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА К ДОКЛАДУ

Ильяшенко С.М. Нижний и Верхний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. Вып 2. Ростов-на-Дону, 2007. 23–39.

Леонтьев П.М. Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сб. ст. по классической древности. Кн. IV. 1854. 397–524.

Стемповский И.А. Два письма Стемповского о местоположении древнего Танаиса // Пропилеи. Сб. ст. по классической древности. Кн. IV. 1854. 287–296.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. Москва, 1970.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. Москва, 1972.

Д.Л. Сергеев:

Спасибо! Есть вопросы к докладчику? Прошу Вас.

Если нет, то слово предоставляется Ларисе Васильевне Седиковой, заместителю директора Национального заповедника «Херсонес Таврический».

СЕДИКОВА Л.В. (ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»)

ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОХРАНЫ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Прежде всего я бы хотела поблагодарить организаторов Круглого стола, принимающую сторону съезда за предоставленную возможность пообщаться с коллегами, за прекрасную организацию.

Я сегодня представляю новый объект, расположенный в новом субъекте Российской Федерации, совершенно не забытый, благодаря историческим событиям, регион – это памятник «Херсонес Таврический», который, смею надеяться, несмотря на то, что 23 года находился в другом государстве, вам хорошо знаком.

Буду очень кратко и постараюсь говорить не об основных проблемах, связанных в первую очередь с переходным периодом, которые, надеюсь, будут решены в скором времени благополучно, а о том, что собой представляет «Херсонес», какие есть перспективы у этого памятника истории и некоторые достижения.

Древний город Херсонес Таврический расположен на северном побережье Черного моря, на территории современного города

Севастополь. История Херсонеса тесно связана с великими цивилизациями Античности и Средневековья. Основанный греками в V в. до н.э. город пережил римское присутствие и византийское владычество. Почти 2 тыс. лет Херсонес играл роль важного торгового, культурного и политического центра. Он испытал разрушительные набеги кочевников в XIII–XIV вв., в результате чего едва не запустел и не прекратил свое существование как памятник археологии.

Первые раскопки Херсонеса были проведены в 1827 г. лейтенантом Черноморского флота А.С. Грейгом. Важной вехой в исследовании города стали раскопки Московского Археологического общества. С легкой руки одного из его основателей, графини Прасковьи Уваровой, Херсонес стали называть «Русской Помпеей». Просвещенные умы XIX в. осознавали необходимость детального исследования памятника, его системного характера. Так, по инициативе Императорской Археологической комиссии заведующим раскопками Херсонеса назначили К.К. Косцюшко-Валю-

жинича, который с 1888 г. и вплоть до своей смерти заветно служил идее исследования и сохранения древнего города. Со времен Косцюшко и по сегодняшний день раскопки Херсонеса не прекращаются. В зданиях бывшего монастыря Святого Владимира после его закрытия в 1921 г. были размещены музейные экспозиции, а также фонды, научный архив, библиотека, реставрационные мастерские и музейные службы.

«Херсонес Таврический» – это сегодня заповедник, крупное научно-исследовательское и музейное учреждение, владеющее более 290 га археологической территории. В состав заповедника входит городище, площадью 42 га, филиалы, а также 12 участков земли хозяйственной округи древнего города с дорогами, наделами и пр. В античную эпоху эта территория Херсонеса занимала 10–12 000 га земли, т.е. практически это половина территории современного города Севастополь. По большому счету вся территория Севастополя является археологической территорией. И то что сейчас не занято городом, потенциально может быть объектом исследования и сохранения.

Уникальное сочетание сохранившихся древних стен городища и обширных участков хоры было оценено мировым культурным сообществом. В 2013 г. древний город Херсонес Таврический и его хора был внесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В него вошло городище и пять наиболее интересных участков хоры: площадь примерно 260 га.

За 187 лет исследования памятника «Херсонес» прошел большой путь в понимании цели и задач исследования, а также разработки методологии сохранения и реализации объекта. Несмотря на совершенствование методик, еще первые исследователи Херсонеса понимали необходимость сохранения выявленных археологических структур. Часть раскопанных объектов была засыпана, часть – законсервирована. Так, примененные в конце XIX в. конструкции позволили сохранить раскопанные участки оборонительных сооружений города. Интенсивные исследования Херсонеса и его хоры в советский период поставили перед исследователями, прежде всего перед музейными сотрудниками, за-

дачи выработки методики сохранения и консервации памятника. Ни у кого не вызывала сомнений важность и результативность археологических исследований. Вместе с тем возникла необходимость разработки программы исследования. Был разработан документ, в котором зафиксирована очередность проведения археологических раскопок нескольких важных участков. Широкомасштабные археологические исследования с целью сохранения памятника, его консервации вызвали множество дискуссий. В послевоенное время были проведены реставрационные работы на оборонительных стенах. При этом методика реставрации с применением цемента сегодня признана не приемлемой. Методы сохранения памятников хоры долгое время сводились к простой засыпке объекта. В советское время тестировались различные методы сохранения, которые в конечном итоге свелись к применению общепринятых методов консервации с использованием натуральных материалов. Принципы и методы консервации были нами сформулированы в специальной программе. В ходе составления и подготовки Херсонеса в Список всемирного наследия ЮНЕСКО была проделана большая работа по формулировке проблем и выработке подходов сохранения памятника. В основе программы лежат решения Венецианской Хартии, в которой четко написано, что «реставрация заканчивается там, где начинаются дискуссии». Сегодня в Херсонесе при консервационных работах используются принципы сохранения аутентичного облика объекта. Наш главный регламентирующий документ – это план управления объектов, который был одобрен Центром всемирного наследия ЮНЕСКО.

«Херсонес» – это многослойный памятник, однако, наиболее сохранившимися являются постройки последнего периода его существования. Тем не менее при проведении раскопок сохраняются археологические остатки всех периодов.

Херсонес и его хора включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как культурный ландшафт, поэтому сохранению подлежат не только выявленные в ходе раскопок материалы, но и обширные степные пространства, где на поверхности земли видны очертания древней сельскохозяйственной

структуры. В этом случае предпочтительными являются не разрушающие методы исследования. Центры ЮНЕСКО рекомендуют использовать для интерпретации презентаций этих объектов специально разработанные программы, использующие смартфоны, что позволяет посетителям узнать информацию о памятнике, в том числе увидеть его виртуальную реконструкцию. Во всех заповедных участках существуют охранные зоны. Наблюдение за номинированными ЮНЕСКО объектами является неукоснительным требованием для включения в Список всемирного наследия. Существование таких зон создает много неудобств для развития города, но статус памятника ЮНЕСКО является лучшей защитой для наших археологических объектов. Следует признать, что, несмотря на большие объемы раскопок городища, вопросы сохранения и реализации памятника лучшее решение для городища. Главной решаемой задачей пока остается консервация раскопок на городище. Участки хоры расположены внутри пригородной застройки города, они не огорожены и не имеют постоянной надлежащей охраны.

Обеспечивать регулярное посещение туристами этих объектов пока достаточно сложно. Популяризация памятника, в том числе и среди представителей органов местной власти, является трудной, но необходимой частью работы по его сохранению. При посещении археологических объектов у не подготовленных посетителей возникает масса вопросов, связанных с прочтением памятника. Для презентации археологических объектов «Херсонеса», в частности, используется выделение различных комплексов методом подсыпок. Для обеспечения восприятия памятника важную роль играют графические реконструкции и текстовое сопровождение. Значительную роль вызвать заинтересованность посетителей к памятнику играет и рассказ экскурсоводов.

Для популяризации объектов «Херсонеса» музей выпускает не только научные сборники, но и прикладную литературу: буклеты, путеводители, брошюры.

За последние годы «Херсонес Таврический», а точнее городище посетило примерно 350 000 туристов. Для объекта археологии это очень большая нагрузка. Распределение по-

сетителей по времени года, за счет наличия береговой полосы, позволит снизить антропогенную нагрузку на объект наблюдения.

Древний заповедник «Херсонес Таврический» находится на части огромного археологического наследия Севастопольского административного района. К большому числу выявленных и поставленных на учет объектов каждый год прибавляются новые: усадьбы, поселения, могильники. Состояние некоторых объектов оставляет желать лучшего. Идеальным решением проблемы было бы включение объектов археологии состав профильного заповедника. В том случае, если могильники остаются в ведение нескольких охранных зон культурного наследия, то проблемы их сохранения и популяризации ложатся на городские органы управления. В любом случае, мы надеемся, что накопленный музеем-заповедником «Херсонес Таврический» опыт может быть использован для исследования, сохранения и популяризации археологического наследия.

Большое спасибо за внимание!

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо! Скажите, уважаемые коллеги, есть ли у Вас вопросы к Ларисе Васильевне?

Я хотел бы уточнить. Вы говорили о посещении: 350 тысяч в год?

Л.В. Седикова:

350 000 посетителей было в прошлом году. В этом году, я думаю, будет несколько больше.

Д.Л. Сергеев:

Как происходит распределение посетителей по сезонам?

Л.В. Седикова:

Практически 80% посетителей – летом.

Н.А. Макаров:

Все выступающие говорили о музейных проблемах, а Лариса Васильевна о них говорила меньше, чем другие. Какие музей имеет главные, так сказать, риски и опасности в развитии музея, сохранении археологических объектов?

Л.В. Седикова:

Я бы хотела сказать, что я с огромным удовольствием вчера послушала выступление М.Ш. Шаймиева. С огромной завистью по-

думала о том, как поставлен вопрос сохранения, когда этой проблемой занимаются высшие лица Республики или региона. На этом этапе для нашего музея-заповедника самым важным является переход из украинского правового поля в российское с учетом распоряжения Президента о передаче музея в федеральную собственность. Хотелось бы, чтобы на этом пути «Херсонес» не потерял ни территорию, ни персонал. Кроме того, город сейчас решает вопросы стратегические, так как им управляют военные, и представителям му-

зея хотелось бы, чтобы в вопросы сохранения культурного наследия эта военная ситуация не вмешивалась, а также, чтобы «Херсонес» в России занял достойное место среди прочих объектов археологического наследия.

Д.Л. Сергеев:

Продолжаем работу Круглого стола докладом Владимира Дмитриевича Кузнецова, директора Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»». Прошу Вас!

КУЗНЕЦОВ В.Д. (ДИРЕКТОР ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ФАНАГОРИЯ»»).

О СОЗДАНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ФАНАГОРИЯ»»

Для начала я хочу сказать, что идея создания музея-заповедника «Фанагория» пришла к нам уже давно. Фанагория – это выдающийся памятник и достоин того, чтобы на его основе был создан музей. Для того чтобы понять, что такое музей и какой тип музея мы хотели бы построить, я как положено исследователю, стал изучать этот вопрос, читать специализированную литературу. Первый вопрос, который я сам себе задал «Что такое археологический музей». Оказалось, что ответить на него не так просто, как кажется на первый взгляд, во всяком случае, мне. Поначалу пришло определение, что это собрание каких-то археологических фактов, коллекций. Но потом, побывав в разных музеях мира, я понял, что ни Лувр, ни Британский музей, ни Метрополитен музей не являются археологическими музеями, несмотря на то, что они хранят гигантские коллекции археологических предметов. Исключением являются некоторые музеи типа «Неапольского археологического музея» – одного из лучших музеев, который является национальным собранием находок или музея в Афинах, в котором представлены результаты проводившихся там раскопок. Я понял простую вещь, что археологическим музеем в полном смысле этого слова

является музей, основанный на месте археологического памятника. В октябре 2012 г. я был на месте раскопок на Теосе, метрополии Фанагории – там еще ничего не было. Затем там быстро построили музей-заповедник, который пока не функционирует, но, очевидно, скоро будет открыт. Конец моим поискам в понимании того, что нужно сделать именно в Фанагории, положил визит к нам в 2011 г. В.В. Путина, который тогда был премьер-министром. Он быстро понял идею и важность такого города, как Фанагория, и сказал, что нужно создавать музей-заповедник. После этого в работу включилось Министерство культуры РФ, которое и взяло на себя всю основную тяжесть работ. В частности, Дмитрий Леонидович Сергеев, который ведет наше собрание, очень много помогал в образовании музея и помогает до сих пор.

Фанагория, действительно, памятник выдающийся, занимает площадь 65 га земли. Собственно, начальный этап изучения Фанагории связан с XIX в. Именно в этот период здесь была построена база, в то время называвшаяся «казенным домом», в котором жили и работали археологи. Сейчас мы начали фантазировать на тему музеефикации, о том, как можно раскрыть раскопы для дальнейшего

показа. Но встал вопрос, хватит ли материалов Фанагории для наполнения фондов нашего музея. Посоветовавшись между собой, мы решили, что, конечно, должно хватить, потому что ежегодные раскопки дают самое разное количество разнообразных предметов, которые исчисляются сотнями сотен.

В связи с созданием заповедника, мы много думали о постройке здания. Не хотелось бы это называть базой, поскольку это научно-исследовательский центр, где находятся разнообразные лаборатории и хранилища. Постройка такого центра мыслится нами в неразрывной связи с будущим музеем, потому что, по нашему представлению, музей и Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН должны работать в тандеме, помогая друг другу, создавая единый научный узел. Мы пока стоим даже не на начальном пути, пути как такового еще не видно. Перед нами не много работы, а вся работа. Тем не менее на территории музея-заповедника должно быть построено не просто здания музея, а здания эксклюзивного, большого неординарного сооружения во всех отношениях, и по размеру, и по структуре, и по другим параметрам. Это будет музей, действительно, государственный, федерального значения. Его оригинальность, помимо всего прочего, состоит в том, что он располагается не в городе, а по сути дела, в деревне. Было очень много вопросов, зачем строить музей в «чистом поле», будут ли его посещать туристы? Мы уверены в том, что музей будут посещать, так как в Краснодарский край в течение летнего сезона приезжает порядка 15 млн человек. Кроме того, в прилегающих районах – Анапа, Геленджик и пр. – отдыхает около 5–6 млн человек. Поэтому мы предполагаем на основе опыта соседнего большого археологического музея в Тамани, что минимальное количество посетителей в летний сезон составит не менее 200 тыс. человек.

Продолжая тему создания музея-заповедника «Фанагория», нужно сказать, что Министерство культуры РФ поддерживает нашу идею о том, что музей должен быть неординарным, уникальным в масштабах страны.

Я рассказал о неких дежурных цифрах и рассуждал о том, что из себя будет представлять музей-заповедник «Фанагория». Наде-

юсь, что на основе распоряжения о создании музея «Фанагория», на основе сотрудничества с местными органами и частными фондами, на основе нашей инициативы мы сможем в течение какого-то разумного времени осуществить задуманное.

Спасибо!

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо, Владимир Дмитриевич! Есть ли вопросы к докладчику?

Л.В. Седикова:

Скажите, пожалуйста, экспозицию под открытым небом Вы планируете создать на всей территории городища и некрополя? Какова будет площадь музея под открытым небом?

В.Д. Кузнецов:

Собственно сама территория музея-заповедника – это и есть территория музея под открытым небом. Ситуация состоит в том, что на месте заповедника 25 га и на территории города – 15 га – это земля, которая раньше принадлежала советскому совхозу. Соответственно она с течением времени была роздана, а потом была куплена в частную собственность. Мы исходим из того, что эта земля будет передана в федеральную собственность музея-заповедника. Надеюсь, что Дмитрий Леонидович Сергеев, который в курсе этой темы, более профессионально сможет Вам ответить на этот вопрос. Но во всяком случае территория музея-заповедника станет со временем красивым ландшафтом.

Д.Л. Сергеев:

Спасибо! Есть ли еще вопросы, коллеги?

Е.Г. Дэвлет:

Владимир Дмитриевич, многие музеи с увеличением числа находок и со временем исчерпывают свои ресурсы как хранилища и ресурсы своих выставочных площадей. Вы показывали очень красивый эскиз проекта здания, который, по-видимому, составит основу Фанагорийского музея. Предполагаются ли в нем какие-то резервы, ресурсы площадей для находок и пр., или же это будет достраиваемое здание, что сейчас не редкое явление среди археологических музеев?

В.Д. Кузнецов:

Я думаю, что вопрос очень актуален для нас. Мне представляется, что музеи можно

разделить на две категории: музеи типа «Некрополя» в Афинах, в котором выставлены эксклюзивные вещи – это большие площади, но представлены избранные вещи. Мы не можем идти по этому пути и исходим из того, что музей должен быть большой с вместительным фондохранилищем. По нашему предположению, оно может занять площадь в размере 5 000 м², из которых основная часть уйдет на размещение фондохранилища. Это все-таки не «застывшая» концепция, мы можем всегда менять экспозицию. В любом случае это должна быть гибкая система, но в основе ее лежит главная мысль о том, что музей должен обладать достаточными площадями для экспозиции и для хранения массового археологического материала.

Вопрос из зала:

У меня два вопроса. Помогает ли Вам Винный завод? Включены ли Вы в программу строительства моста через Керченский пролив?

В.Д. Кузнецов:

В программу строительства моста мы не включены. Винному заводу мы сами помогаем привлечь больше посетителей: организуем экскурсии, показы и пр. В остальном, мы, как минимум, партнеры.

Вопрос из зала:

Проводятся ли какие-нибудь грабительские раскопки на территории Фанагории?

В.Д. Кузнецов:

Фанагория грабилась нещадно. Приведу пример. Я давно работаю, и в 1970-е гг. можно было ходить по территории и собирать монеты с поверхности городища. В начале 1990-х гг. во время появления металлодетекторов весь металл с поверхности городища был убран. Уже в течение 9 лет мы организовали круглосуточную круглогодичную охрану памятника, поэтому сейчас, без всякого преувеличения, к нам бояться даже подходить.

Вопрос из зала:

Как правило, археологический памятник, которым является «Фанагория», должен пройти определенные степени регистрации. Вы проходили уже какие-то стадии регистрации?

В.Д. Кузнецов:

Нет, мы как раз в процессе.

Д.Л. Сергеев:

Я бы хотел добавить по поводу грабительских раскопок. Думаю, что вопрос был задан не случайно, так как когда мы видим обширность территории заповедника, сложности рельефа, то вопрос организации охраны становится достаточно сложным, во всяком случае, дорогостоящим. В случае Фанагории есть счастливая возможность использовать потенциал музея, который не равнодушен к сохранению этой территории и у него есть возможность помогать. Для других музеев-заповедников эта проблема стоит довольно-таки серьезно. Мы пытаемся найти разные способы, в том числе использовать какие-то новшества в этой связи. В прошлом году в музее-заповеднике «Куликово поле» стали использовать технологию беспилотных летательных аппаратов при взаимодействии с органами МЧС и органами полиции. Опыт получается удачным. Раскрылись еще дополнительные возможности, позволяющие использовать данные, полученные от аэрофотосъемки, для планирования и проведения археологических работ. Такие изображения также можно использовать в издании каталогов или других материалов. Это нововведение кажется полезным, и мы будем о нем рассказывать – уже договорились о том, что будут подготовлены специальные доклады на эту тему, также будем помогать его распространять.

В.Д. Кузнецов:

Мы сейчас стараемся установить систему видеонаблюдения за городищем. Помимо всего прочего на раскопках установлена сигнализация.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо! Если больше нет вопросов, предлагаю предоставить слово хозяйке сегодняшнего Круглого стола Екатерине Георгиевне Дэвлет. Прошу Вас.

**ДЭВЛЕТ Е.Г. (УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК).****ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА**

Большое спасибо всем присутствующим за то, что откликнулись на идею организации круглого стола на тему «Памятники археологии – музеи под открытым небом», которые являются частью музеев-заповедников и других территорий, предназначенных для показа. Я очень надеюсь, что наше начинание перейдет в новые важные формы и дискуссия будет продуктивной.

Заявленная мною тема касается памятников наскального искусства – объектов, которые не всегда расположены только под открытым небом. Пещерные памятники, которые являются частью музеев-заповедников, и те, которые еще не включены в охраняемые территории, также находятся в сфере нашего интереса. Эти два типа объектов с наскальными изображениями взаимно дополняют друг друга. Оба – и пещерные, и памятники под открытым небом очень важны с точки зрения возможности использования, вовлечения содержащейся в них информации в современные представления об историческом прошлом, об изобразительном искусстве, о формировании ранних форм сознания.

Мой доклад затрагивает самые общие проблемы, связанные с музеефикацией и обеспечением доступа к памятникам наскального искусства. Конечно, за 15 минут невозможно раскрыть реальную полноту данной тематики. Я хотела бы представить основные проблемы, которые стоят перед теми, кто занимается не только исследованием, но и управлением памятниками наскального искусства. В нашей стране существует огромное количество местонахождений наскальных изображений, поэтому только простой обзор может занять формат доклада или стать предметом обширной лекции. Из этих многочисленных объектов во всех регионах России только два местонахождения вошли пока только в предварительный Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Это очень отличающиеся друг от друга памятники, один из них – всемир-

но известная Капова пещера (Шульган-Таш), единственный достоверный памятник палеолитической живописи на территории России. Другой представляет собой самый восточный фланг феномена искусства на скалах в России – это Сикачи-Алян в Хабаровском крае, местонахождение на берегу р. Амур, удивительное по своему строению и особенностям искусства, весьма разновременного, начиная с каменного века, заканчивая средневековьем. Интересен памятник и своей судьбой, и состоянием сохранности. Если мы думаем, что объекты наскального искусства – это памятники недвижимые, то здесь мы сталкиваемся с ситуацией практически обратной. Петроглифы находятся на береговой линии и соответственно в зоне активного воздействия воды, так как течение Амура стремительное, а уровень воды часто повышается. Даже в сезоны с низких уровнем воды сложно документировать петроглифы, тем более затруднительно показывать изображения, которые практически находятся в воде. Удивительное свойство этого памятника заключается в том, что весной, когда лед вскрывается, колоссальные огромные глыбы льда двигают камни с изображениями. За время мониторинга, который осуществлялся при поддержке Министерства культуры РФ, краевого Министерства культуры, выявлено большое несоответствие документации с современным состоянием памятника именно из-за этого перманентного природного процесса.

В связи с включением этих двух памятников (пещеры Шульган-Таш и местонахождения Сикачи-Алян) в предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО, они требуют особенной заботы и продуманных усилий по поддержанию сохранности и обеспечения адекватного, культурного доступа к этим объектам.

Очень длинный путь к успеху демонстрируют аналогичные попытки включить в список ЮНЕСКО или, по крайней мере, как-то

приблизиться к этому результату, других местонахождений наскального искусства и в России, и за рубежом. Следует сказать, что в мире за последние годы существенно увеличилось количество памятников наскального искусства, включенных в Список ЮНЕСКО. По последним подсчетам, их число составляет до 34. Почему такая странная неопределенная цифра? Дело в том, что не во всех номинациях объекты включаются как основной компонент, они могут быть только одним компонентом историко-культурного ландшафта, поэтому число памятников, где наскальные изображения являются ключевым объектом показа, значительно меньше. История зарубежных памятников также демонстрирует длинный путь к успеху, высокий престиж и интерес к посещению этих мест туристами. Очередь и запись на посещение, например, известных пещер во Франции и Испании, практически растягивалась на годы. Не секрет, что посещение таких пещер сильно ограничено в силу условий их сохранности, требования поддержания микроклимата, что является сложным механизмом. Достойной альтернативой становится показ реплик (копий) наскальных изображений не только пещерных памятников (а в настоящее время во Франции это настоящая индустрия), но и памятников под открытым небом (<http://rockart-studies.ru/?cat=2>). Такие варианты способствуют сохранности памятников тем, что существенно снимают туристическую нагрузку с оригиналов, таким образом, сохраняя потенциал памятников для будущих поколений.

Нужно сказать, что все способы демонстрации наскальных изображений и в нашей стране, и за рубежом, проходили примерно одни и те же стадии поисков, ошибок и выработки оптимальных решений. Очень долго обсуждалась вообще сама возможность изготовления и показа копий, возможность, необходимость и достаточность подкраски изображений на объектах туризма. Не секрет, что доступность для показа многих петроглифов зависит от положения солнца, есть довольно длинные интервалы в течение дня, когда они могут быть практически не видны. Поэтому предлагались различные формы подкраски изображений для расширения туристического использования объектов. По всему миру

способы показа памятников наскального искусства, приспособления их к туристическому использованию шли бок о бок с реставрационными и консервационными проектами, которые существенно обогащали науку. Не секрет, что те памятники, которые исследовались 40 лет назад, хранят в себе огромный исследовательский потенциал. Именно внимание к поверхности, ее более подробное и тщательное изучение, позволили выявить целый пласт изображений, а также многие детали в уже ранее известных.

Также следует подчеркнуть, что многие регионы вновь и вновь проходят порочный путь нерегулируемого, неконтролируемого посещения. Оставленные без присмотра объекты испытывают негативное воздействие, часты случаи неосознанного вандализма, когда туристы и даже руководители групп не знают элементарных правил поведения. Существует проблема негативного эффекта информационных знаков, установленных на объектах нерегулируемого посещения – они увеличивают поток посетителей, а о сохранности объекта никто не заботится с достаточной компетентностью. Альтернативные, но не менее сложные проблемы сохранности появляются и там, где памятники наскального искусства, включенные в состав музеев-заповедников, контролируются ими. Есть примеры поиска решений этих проблем (музей-заповедник Томская писаница). Значительное внимание в последнее время здесь уделяется работам с сохранением поверхности камня, общего состояния плоскости с петроглифами, с состоянием сохранности и благоустройства, с расширением информационной базы.

Высокий эффект, конечно, в сфере управления памятниками наскального искусства приобретает обмен опытом, потому что проблемы для подобных объектов бывают синонимичными вне зависимости от природно-климатических условий, особенностей техники искусства и пр. В нашей стране это, безусловно, очень важная тенденция, информационный обмен набирает обороты. Для получения и эффективного применения интегрированного опыта важно создание единых методических основ, рекомендаций по сохранению, музеефикации и туристическому использованию памятников. Конечно, не существует одина-

ковых объектов, даже соседние пункты могут сильно отличаться друг от друга. Но, тем не менее, есть общие проблемы, на которых необходимо сфокусироваться, управление которыми требует интеграции опыта.

Среди совершенно очевидных вещей. В последние годы выделяется полная неэффективность запретительных мер: таблички, которые говорят о том, что памятник нельзя посещать, нельзя проходить и т.д., обычно провоцируют на обратные действия. Поэтому, к сожалению, на объектах, снабженных такими указателями, все консервационно-реставрационные программы бывают сведены на «нет». Проводятся экскурсии, которые мало кем регулируются. Такие «просветительские мероприятия» приводят к досадным, и часто необратимым, результатам: туристы не считают зазорным потрогать памятник руками, поцарапать его и пр., думая, что камень все стерпит. Это огромная проблема, беда для сохранности памятника и его потенциала. К сожалению, в ходе подобных посещений большую проблему составляет неподготовленность тех людей, которые сопровождают экскурсии. Если это подготовленный специалист, то он транслирует адекватную информацию и способен сдержать экскурсионную толпу в рамках осмотра конкретного объекта. В противном случае повсеместно складывается ситуация: туристические кампании направляются с туристическими группами экскурсоводов, которые подменяют информацию о состоянии археологического объекта какими-то неведомыми и чудовищными историями, сводя, таким образом, на «нет» весь смысл посещения памятника, его показа людям.

Как мне видится, большой запрос существует на то, чтобы были разработаны и предложены основные мероприятия по обеспечению сохранности и доступа на памятники наскального искусства, которые являются желательными правильными, оправдавшими себя при организации доступа на охраняемые памятники. Они позволили бы не повторять ошибок в новых регионах, найти баланс между обеспечением доступа к культурному наследию, приобщением людей к историческому прошлому и сдерживанием негативного воздействия туризма. Важность подготовки профильных специалистов не может быть в

этом смысле переоценена, знания в этой области нужны и археологам, и музейным работникам разных профилей. Вслед за моим выступлением будут представлены яркие примеры того, как обозначенные выше проблемы проявляются на конкретных местонахождениях. Необходимо отметить, что существует огромный археологический потенциал памятников, которые были исследованы и поставлены на охрану ранее, но теперь требуют мониторинга и контроля того, как организовано посещение этих памятников, поскольку многие из них представляют собой зону неконтролируемого доступа. Как мне видится, в этих потенциальных рекомендациях должно быть рассмотрено примерное число посетителей, приемлемое для того или иного объекта с точки зрения его сохранности, хотя и не существует универсального рецепта.

Другая тенденция, наносящая непоправимый вред – избыточная коммерциализация. Мы знаем, что для подобных музеефицированных объектов в Западной Европе существует цифра 40 000 посетителей в год, после достижения которой затраты на организацию посещения регионального музея наскального искусства начинают окупаться. Иными словами, после достижения этого показателя государство, затратившее огромные средства на достойную организацию охраны и показа памятников, начинает получать если не прибыль, то по крайней мере отчасти компенсировать эти расходы. Там, где такой туристический поток устойчив, имеется определенная прибыль, хотя она переносится из музейной сферы в сопутствующую инфраструктуру – отели, кафе и пр. Большинство наших памятников наскального искусства не в состоянии выдержать такой нагрузки, поскольку они просто не приспособлены к решению таких задач. Поэтому туристическая нагрузка должна быть дифференцирована для отдельных регионов и отдельных памятников.

Таким образом, на пути расширения доступа к памятникам наскального искусства возникают сложные проблемы, а ведь знакомство с загадочным, увлекательным миром первобытного искусства очень важно. Объекты первобытного искусства под открытым небом требуют к себе не менее бережного и от-

ветственного отношения, чем произведения в картинных галереях.

Чтобы памятники наскального искусства гармонично сохранялись, но были интегрированы в современное культурное пространство, требуются новые разработки, обмен опытом. Важно, что деятельность в этом направлении поддерживается Министерством культуры РФ, принимают в этом процессе участие и другие организации. Например, РГНФ поддержан проект по систематизации опыта сохранения и популяризации наскального искусства (№15-01-00240 «Панорама наскального искусства: памятники в списке Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО»). Возникает все большее количество новых вопросов, в поиске ответа на которые можно и нужно опереться на мировой опыт.

Я думаю, что доклады о региональных памятниках продемонстрируют и выявят наиболее яркие проблемы сохранения и использования отдельных исторических местонахождений.

Спасибо!

ЛИТЕРАТУРА К ДОКЛАДУ:

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства. М., 2002. 240 с.

Миклашевич Е.А. Музеефикация памятников наскального искусства в Республике Хакасия // Российская археология. 2014. №3.

Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. Том 1, 2. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. - Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо, Екатерина Георгиевна! Коллеги, прошу задавать вопросы.

Мне кажется, что справедливо была поставлена тема, связанная с необходимостью принятия совместных методических решений, которые могли бы быть одновременно использованы как специалистами-археологами, так и, скажем, органами охраны памятников для того, чтобы достичь наилучшего результата во взаимодействии науки и органов охраны объектов культурного наследия. У нас

был реализован позитивный опыт: совместно с Институтом археологии РАН мы выпустили методичку, которая была рекомендована Министерством культуры РФ для использования органами охраны памятников, музеями и другими учреждениями. Появление этой разработки было очень своевременным, она используется и сейчас. Я думаю, что подобный положительный опыт нужно расширять. Конечно, есть определенные недоработки, связанные со стыковкой некоторых полномочий, предусмотренных Российским законодательством, но объективные запросы сегодняшнего дня требуют появления таких документов и оправдывают их статус. В перспективе мы будем дорабатывать нормативную основу этих методических разработок.

Вопрос из зала:

Реально ли продвинуть объекты культурного наследия в список ЮНЕСКО, и насколько это затратно?

Е.Г. Дэвлет:

Я думаю, что после экскурсий в Болгар и Свяжск (хотя только Болгар включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО), увиденного размаха музеефикационного действия этот вопрос отпадет сам собой. Долговременный опыт показал, что внесение памятников наскального искусства в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО – это щекотливая длительная процедура. Она требует больших усилий уже на этапе составления документации и научному обоснованию, затем и на этапе проведения охранных мероприятий. Все это довольно трудно реализовать. К сожалению, у нас пока не достаточно последовательной региональной поддержки для проведения этих мероприятий в жизнь. В этом году правительством Башкортостана был организован Совет по продвижению пещеры Шульган-Таш в Список всемирного наследия: приезжали эксперты ЮНЕСКО, которые выработали свои рекомендации по этому вопросу. Я думаю, что коллеги из Уфы подробнее об этом расскажут. Огромная пропасть, которая разделяет наши желания и ту реальность, которую мы пока еще способны представить экспертной комиссии, как мне представляется, на данный момент еще не преодолима.

Д. Л. Сергеев:

Большое спасибо! У Вас будут еще вопросы, коллеги?

В.С. Патрушев:

Екатерина Георгиевна, скажите, пожалуйста, оправдан ли перенос каких-либо природных частей памятника? Раньше, к примеру, Эрмитаж практиковал эту деятельность. Возможен ли такой вариант? Или же это все-таки нежелательно?

Е.Г. Дэвлет:

Большое спасибо за этот вопрос. Действительно, когда-то казалось существовала надежда, что представление наскального изображения в экспозиции – это достаточный инструмент показа памятников. Это касается не только коллекций Эрмитажа, такие коллекции существуют по всему миру. Конечно, в большинстве случаев, когда природные блоки с изображениями перемещались в музеи, они были повреждены. На большинстве памятников для сохранности объекта мы не можем вынуть блоки с изображениями в силу их природной структуры, например, на большинстве енисейских памятников петроглифы нанесены на плоскости, которые геологически сложены так, что вырез блока или невозможен, или весьма труден. В то же время памятники рассыпаются, в вывалившихся россыпях могут быть собраны уцелевшие фрагменты. Были попытки спасти лишь небольшую часть таких утрачиваемых страниц истории. Большое спасибо тем людям, которые собирали осколки плит и перевозили их в музейные хранилища.

В то же время, конечно, когда мы говорим о памятниках наскального искусства, мы понимаем, что это уникальные исторические и природные ландшафты. Только показ памятника в природной среде с очень минимизированным вмешательством в материал памятника, с каким-то синонимичным, не противоречивым оформлением подходов создает достойную возможность приблизиться к наскальному изображению. Перенос объектов в некоторых случаях является спасительной, а в некоторых случаях – необходимой мерой. Если памятники попадают в зону строительства, лучше спасти хоть что-то. Другой пример возможного обоснования переноса можно видеть на Сикачи-Аляне – прибрежные валуны являются «игрушкой» могучих сил природы, еже-

годно ледоход на Амуре приводит к тому, что они все равно изменяют свое местоположение, исчезают из зоны обзора, осмотр затрудняет и ежегодное сезонное повышение уровня воды.

Но в целом следует подчеркнуть, что наскальные изображения – это памятники, которые должны находиться и экспонироваться внутри живой природы, историко-культурных ландшафтов.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо! Коллеги, есть ли еще вопросы?

Реплика из зала:

Уважаемые коллеги! Я, выслушав все доклады, решил внести небольшую реплику.

Конечно, проблема взаимоотношения туристов, посетителей, сотрудников музеев существует во всех государствах. Белоруссия тоже не исключение. Разговаривая с директором всемирно известного историко-культурного музея-заповедника «Несвиж», я понял, что, с одной стороны, он доволен огромным потоком посетителей (более 100 тыс. в год), с другой стороны, после этой цифры начинается попытка ограничить доступ туристов в музей, так как заповедник постепенно начинает приходить в упадок. Культура посетителей и экскурсоводов – эта проблема существует везде: в Греции, Германии, Польше, Литве, Белоруссии, России... Это общая проблема образования и культуры. К примеру, случай к вопросу о проблеме, которая поднималась, – передача массового материала в музеи. Я лет 7-8 назад был в музее Одессы. Походили, нам все рассказали, показали... Сидит женщина – работница музея, продает сувениры и среди них фрагменты керамики. Я спрашиваю: «Сколько стоит?» Ответ: «Маленький фрагмент – 60, большой – 90». Я говорю: «Странно. А у нас в Белоруссии не продается. А что, у вас можно продавать?» Ответ: «Да, а почему нет»? Вот! В этом тоже есть некая проблема отношения к историческим артефактам. И таких примеров можно найти множество.

Спасибо за доклад!

Д.Л. Сергеев:

Я очень благодарен Вам за то, что Вы поставили на этом акцент. Вообще есть несколько способов решения этой задачи. Практика говорит о том, что наиболее эффективно создание продуманной инфраструктуры в плане

пути перемещения туристических групп, таким образом – их регулирование. Может быть, мы когда-нибудь пригласим китайцев – у них есть очень интересный опыт создания и организации «Музея терракотовой скульптуры». Выработанный алгоритм продвижения больших масс туристов, с одной стороны, позволяет принять большие потоки людей, с другой стороны, ограничивает фактор воздействия на сам объект археологического наследия. Данный вопрос – это всегда индивидуальная история, нужно тщательно разрабатывать каждый проект, для чего необходимы какие-

то «сверхновые» ученые, музеологи (сейчас молодые люди заканчивают высшие учебные заведения по этой специальности). Я думаю, они нам чем-то помогут.

Д.Л. Сергеев:

Прошу выступить с докладом Артура Робертовича Ласкина, заведующего отделом археологии Государственного учреждения культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края».

ЛАСКИН А.Р. (ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ АРХЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ»).

**СОЗДАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«ПЕТРОГЛИФЫ СИКАЧИ-АЛЯНА»**

Добрый вечер, уважаемые коллеги! Я хочу затронуть вопрос о создании в Хабаровском крае историко-культурного музея-заповедника «Петроглифы Сикачи-Аляна». Отчасти этого вопроса уже коснулась в своем выступлении Екатерина Георгиевна Дэвлет.

Объект находится в 75 км от краевого центра г. Хабаровск. Туда проложена асфальтированная дорога, есть и другой способ – по р. Амур, добраться до заповедника можно в течение часа. В общем, для создания в этом месте такого туристического центра нет никаких препятствий. Многие из здесь присутствующих были на этом объекте и знают, о чем идет речь. Местность представляет собой береговую полосу р. Амур и Малышевской протоки, где среди нагромождения базальтовых валунов находятся камни и с древними изображениями – петроглифами, датируемыми продолжительным периодом: с эпохи начального неолита (XII–X тыс. до н.э.) до раннего средневековья (VIII–XIII вв.). Что за животные изображены на самых древних рисунках, до сих пор ведутся дискуссии, а визитной карточкой этого уникального объекта являются маски-личины, они представлены во многих формах, видах и типах. Рисунки

выбиты и на вертикальных, и на горизонтальных поверхностях базальтовых валунов.

Памятник нуждается в срочных мерах по его защите. Петроглифы Сикачи-Аляна, как и многие памятники наскального искусства под открытым небом, подвержены в первую очередь влиянию природного фактора. Это влияние дополнительно усилено их месторасположением непосредственно в периодически затапливаемой зоне прибрежной полосы водной системы р. Амур. В результате весенних ледоходов идет постоянное движение камней. Исследования 2000–2014 гг., связанные с разработкой проектов зон охраны и сохранения памятника древнего наскального искусства, а также мониторингом, позволили провести сравнительный анализ современного местоположения камней с петроглифами со схемами 1950-х гг., выполненными А.П. Окладниковым. Установлено, что за 55 лет в первом и втором пунктах более 25 камней с изображениями оказались перевернутыми или перемещенными на расстояние от 0,2 до 55 м. Во время этих исследований был выявлен ряд новых петроглифов, а многие камни с изображениями, отмеченные на схемах А.П. Окладникова, не обнаружены. Под воздействием

природных факторов зафиксированы процессы деструкции петроглифов, заключающиеся в растрескивании и расслоении поверхности камней. Камни, расположенные непосредственно у основания надпойменной террасы, там, где особенно развит растительный покров, подвержены влиянию мхов и лишайников. Ощутимо негативное влияние на памятник и антропогенного фактора. К нему можно отнести современные надписи и рисунки, как на камнях с петроглифами, так и без них; обводку и прочерчивание древних изображений, появляющиеся после посещения памятника неорганизованными туристами; разведение костров в непосредственной близости от петроглифов; использование валунов в процессе рыбной ловли. Привязанные к камням металлические тросы и проволока, являющиеся частью рыболовной снасти, оставляют на них глубокие выемки, что нарушает верхний защитный слой базальта. Разжигание костров не только оставляет копоть на поверхности, но часто приводит к раскалыванию камня. Отсутствие оборудованных подъездных путей к берегу реки приводит к хаотичному движению транспортных средств, нередко в непосредственной близости с петроглифами, что также негативно отражается на состоянии памятника.

Какая работа была проделана? За последние 20 лет научно-исследовательскими институтами, проектными организациями и учреждениями высказывалось и обсуждалось множество предложений и проектов по созданию этнокультурных и научных центров в уникальном историческом месте. Основными инициаторами этих проектов выступали Институт этнографии РАН; Институт археологии и этнографии СО РАН; Всесоюзное общество охраны памятников (ВООПИК); органы исполнительной власти и инициативные группы из числа коренных народов и представителей общественности Хабаровского края.

Из проектных решений следует отметить работу Научно-исследовательского и проектного института по разработке генеральных планов и проектов застройки городов ЛенНИИПградо строительства 1992 г., выполненную в рамках генерального плана проектируемой застройки с. Сикачи-Алян (ЛенНИИПградо строительства, 1992). Проект поражает сво-

им размахом и масштабным строительством в небольшом национальном селе многоэтажных гостиниц, кафе, парков и скверов. Древний памятник наскального искусства выглядит на этом фоне невзрачно и второстепенно. Однако была проделана большая работа в определении природных условий, рельефных и инженерно-геологических характеристик. В этом проекте также поднимались проблемы музеефикации и сохранения петроглифов и инженерных мероприятий по их спасению.

В 2000 г. был разработан и осуществлен «Проект сохранения историко-археологического памятника в пункте первом каменной гряды у села Сикачи-Алян Хабаровского края», его автор – ландшафтный архитектор, доцент М.И. Горнова (Горнова, 2000). В рамках проекта была проведена работа по механическому перемещению четырех базальтовых валунов с петроглифами, наиболее подверженных разрушению на безопасное расстояние, в нижней (первом пункте) части памятника. Кроме того, автор провела исследование по изменению местоположения камней с рисунками, выявлению новых изображений и выполнению архитектурно-обмерной части. Результатом научно-исследовательской части проекта стали конкретные предложения по мероприятиям, направленным на сохранение петроглифов.

Еще одна работа, при подготовке которой были проведены исследования, связанные с определением местоположения камней с петроглифами, их технического состояния, а также поиском новых рисунков, стал «Проект зон охраны памятника археологии “Петроглифы Сикачи-Аляна” в Хабаровском районе Хабаровского края». Проект был разработан в проектно-институте «Хабаровскгражданпроект» в 2003 г. и согласован отделом (инспекцией) охраны недвижимых памятников истории и культуры Министерства культуры РФ. В проекте были выделены и регламентированы следующие зоны: территория памятника археологии «Петроглифы Сикачи-Аляна»; охранная зона памятника; зона заповедного ландшафта; зона охраняемого ландшафта; археологически ценные территории (Хабаровскгражданпроект, 2003).

Интересный проект по сохранению, популяризации и изучению памятников наскаль-

ного искусства на территории Хабаровского края осуществил созданный в 2004 г. некоммерческий фонд «Историческое наследие Амурского региона». Именно под руководством фонда и его оригинальному проекту в 2003 г. были изготовлены и установлены новые информационные стелы в первом и втором пунктах Сикачи-Алянских петроглифов.

В 2013 г. АНО «Центр исследований и разработок» (г. Москва) была разработана концепция по организации и развитию историко-культурного музея-заповедника регионального значения «Петроглифы Сикачи-Аляна» (АНО «Центр исследований и разработок, 2013). В концепции отражены стратегия, организация, функциональное использование музея-заповедника с развитием прилегающих к нему территорий, а также дана оценка финансовых показателей с поэтапной реализации проектных решений. В этом же году было создано достопримечательное место «Петроглифы Сикачи-Аляна» куда вошла территория пунктов 1–3 памятника.

В 2014 г. на территории планируемого музея-заповедника были начаты научно-исследовательские работы по гранту РГНФ (проект № 14-01-00453) «Петроглифы Нижнего Амура и Усури: историко-культурный контекст и состояние сохранности».

Нужно отметить, что последняя концепция была подготовлена с учетом всех современных действующих законодательных актов и, казалось бы, не было таких причин, чтобы ее не запустить в действие. Было также запланировано выделение финансирования по федеральной программе «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья» – это 2-этапная программа, которая предполагала выделение средств в общем объеме более 200 млн руб. Таким образом, эта приличная сумма была надеждой на осуществление плана создания историко-культурного музея-заповедника. Но в связи с кризисом в стране и другими, не зависящими от нас причинами, создание музея-заповедника, в том числе и выполнение первоочередной задачи разработки его проекта, были исключены из этой программы. У нас сейчас есть большие опасения, что очередная концепция тоже «ляжет на полку», и срок ее реализации не известен. Хотелось бы что-то сдвинуть с мертвой точки.

Необходимость создания историко-культурного музея-заповедника «Петроглифы Сикачи-Аляна» диктуется высокой значимостью объектов культурного наследия (петроглифов и археологических поселений, стоянок, городищ разных эпох), подлежащих сохранению на его территории, их важностью для научной общественности, целесообразностью обеспечения как можно более широкого доступа населения Хабаровского края, туристов из других регионов страны к достопримечательностям при обеспечении их сохранности.

В современных условиях недостаточно простого объявления памятников старины объектами культурного наследия, принятия мер к их охране и даже организации туристического потока к местам их размещения. Передовой опыт музейных комплексов разных стран демонстрирует, что сами по себе такие объекты не могут привлечь достаточного количества туристов, стимулировать их к поездке в труднодоступные места. Следовательно, музейный комплекс не получает доходов, необходимых для сохранения и развития охраняемой территории, для продолжения научных исследований памятников прошлого. Только развитие музея-заповедника как многофункционального историко-культурного, просветительского и досугового объекта позволит привлечь широкий круг туристов в качестве посетителей и реализовать его научные, образовательные, патриотически-воспитательные функции в полной мере.

История развития аналогичных проектов в современных условиях показывает, что необходимо изначально ориентироваться на систематическую и постоянную модернизацию, развитие и расширение функциональности музея-заповедника при обеспечении финансовой поддержки со стороны государства и привлечении инвестиций частного бизнеса, на программный подход к постановке и решению стоящих перед проектом задач. Стратегическое, среднесрочное и тактическое (краткосрочное) планирование позволяет правильно определить потенциал возможностей, предоставляемых территорией музея-заповедника и расположенными на ней объектами культурного наследия и другими факторами; просчитать риски, сильные и слабые стороны возможных вариантов решения задач; опре-

делить укрупненные финансовые показатели проекта; установить прозрачный механизм реализации проекта, принятия решений и контроля. Все это позволит при организации музея-заповедника эффективно расходовать материальные и денежные средства, научные и интеллектуальные ресурсы, не нанести вреда окружающей среде. Все это возможно только при условии комплексной музеефикации территории, на которой размещаются наскальные изображения и другие этнокультурные памятники, в зоне береговой полосы между селами Сикачи-Алян и Малышево как природного, археологического и этнографического объекта.

Хочу сказать, что на территории Дальнего Востока совсем мало таких объектов, а петроглифы Сикачи-Аляна – единственный российский памятник наскального искусства под открытым небом, который включен в предварительный Список культурного наследия ЮНЕСКО (Tentative List 31.01.2003). Создание в этом месте музея-заповедника могло бы стать визитной карточкой Дальнего Востока, чтобы привлекать большое количество туристов. Все дело состоит в финансировании.

Пользуясь случаем, в присутствии здесь директора Института археологии Николая Андреевича Макарова и представителя Министерства культуры Российской Федерации Дмитрия Леонидовича Сергеева, хочу обратить внимание на ценность и уникальность данного объекта и сказать о необходимости изыскания денежных средств из федерального бюджета на создание уникального историко-культурного музея-заповедника под открытым небом в Сикачи-Аляне, которых так мало на территории нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА К ДОКЛАДУ:

Горнова М.И. Проект сохранения историко-археологического памятника в пункте первом каменной гряды у села Сикачи-Алян Хабаровского края (научно-реставрационный отчет). Хабаровск, 2000.

Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Усури // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. С. 8–31.

Ласкин А.Р. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 136–142.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Ленинград: Наука, 1971. 329 с.

Генеральный план села Сикачи-Алян Хабаровского района. ЛенНИИПградостроительства. Санкт-Петербург, 1992. Пояснительная записка.

Проект зон охраны памятника археологии «Петроглифы Сикачи-Аляна» в Хабаровском районе Хабаровского края. ГУП «Хабаровскгражданпроект», Т. 1, 2. Хабаровск, 2003.

Концепция организации и развития историко-культурного музея-заповедника «Петроглифы Сикачи-Аляна» в селе Сикачи-Алян Хабаровского края. Т. 1, 2. АНО «Центр исследований и разработок». Москва, 2013.

Д.Л. Сергеев:

Артур Робертович, спасибо за интересный рассказ. Коллеги, прошу задавать свои вопросы. Артур Робертович, какова площадь памятника?

А.Р. Ласкин:

Территория – это 5-километровый участок правого берега Амура. Петроглифы сосредоточены в шести пунктах: где-то их больше, где-то – меньше, в основном, это территория в 20 тыс. м², где сосредоточено более 150 изображений.

Д.Л. Сергеев:

Доступность только с воды?

А.Р. Ласкин:

Доступность и с воды, и с суши. С суши – иногда существуют некоторые трудности, когда в Амуре высокий уровень воды. Но это все решается – строится мост.

Д.Л. Сергеев:

Хорошо. Большое спасибо!

Коллеги, если вопросов к докладчику больше нет, то мы переходим к следующему докладу. Я приглашаю выступить Айбулата Азаматовича Габидуллина, заведующего филиалом Государственного бюджетного учреждения культуры «Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан – республиканского историко-археологического и ландшафтно-спелеологического музея-заповедника «Шульган-Таш»». Также был заявлен содокладчик Котов Вячеслав Георгиевич, археолог Института истории, языка и литературы Уфимского Научного центра РАН.

**ГАБИДУЛЛИН АЙБУЛАТ АЗАМатович (ЗАВЕДУЮЩИЙ ФИЛИАЛОМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НАУЧНО-
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ЦЕНТРА ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НЕДВИЖИМЫХ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН – РЕСПУ-
БЛИКАНСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЛАНДШАФТНО-СПЕЛЕОЛО-
ГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ШУЛЬГАН-ТАШ»
(РИАЛСМЗ «ШУЛЬГАН-ТАШ»),**

**КОТОВ В.Г. (С.Н.С. ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИМСКОГО
НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН).**

**ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ НАСКАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ПЕЩЕРЫ
ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВА)**

В.Г. Котов:

Добрый вечер! Уважаемые коллеги, наш доклад посвящен уникальному памятнику, который сейчас находится в номинации ЮНЕСКО. В связи с этим мы планируем внести серьезные изменения в статус этого объекта. Памятник находится на территории Южного Урала. Пещера расположена на р. Белая. Ее длина сейчас составляет около 3 км, т.е. мы знаем начало, которое находится в 3 км внутрь по склону горы, а в целом пещера – одна из самых крупных на территории Урала. Общая ее протяженность должна составлять более 10 км. Объект уже 250 лет изучается академическими исследователями, начиная с П.И. Рычкова (1760 г.), И.И. Лепехина (1770 г.). Фактически изучение памятника стало ярким событием в науке, поскольку это первая крупная пещера, которая исследовалась российскими учеными.

Сама пещера – достопримечательный объект местного населения: огромный холм высотой почти 15, шириной 30 м. Ее исконное название «Тулган-Таш». «Шульган» – это «хозяин нижнего мира». Считается, что «Шульган» обитает в этой пещере, где-то в Голубом озере, которое, согласно древним мифам, было создано с помощью волшебного посоха. Шульган выбросил этот посох на поверхность земли, где были голубые воды. Местные жители до сих пор верят в то, что хозяин нижнего мира обитает там. Поэтому пещера является объектом «малого» хаджа – местные жители в летний период толпами приходят туда, чтобы набрать целебной воды из этого источника.

Настоящее почитание пещеры связано с открытием А.В. Рюмина, который в 1960 г.

обнаружил на верхнем этаже пещеры изображение лошадей и мамонтов. Интересная композиция также была открыта в 1973–1976 гг. О.Н. Бадером. В настоящее время часть рисунков закрыта халцедоном. Сейчас мы прилагаем большие усилия для того, чтобы сохранить эти уникальные изображения, выработать составы для их консервации. Кроме того, важно регулировать не только посещение этих объектов, но и реставрационную и научную деятельность внутри уникальных памятников, потому что сохранность рисунков будет напрямую зависеть от микроклимата, в котором они находятся: малейшее нарушение теплового режима, количество углекислоты вызывает взрывообразное нарастание плесени, грибов и пр.

В связи с тем, что пещеру ежегодно осматривает большое количество туристов (23–26 тыс. чел.), мы испытываем опасения, что посещение в нижней части пещеры может оказать пагубное воздействие на ее внутренние части. Более того, с 1983 г. и по настоящее время внутренняя часть пещеры закрыта для посещения. Нам сейчас необходимо создать систему мониторинга микроклимата во всех частях пещеры для того, чтобы сохранить уникальные изображения, поскольку они представляют собой композиции, что для подобных вещей – редкое явление. Археологические работы позволили определить возраст этих рисунков в 18–16 тыс. лет. Последние исследования выявили более поздние следы почитания, которые связаны с какими-то культовыми приношениями: найдено три женских черепа и фрагменты скелетов. Удивительно, что обследованные фрагменты относятся к финалу эпохи бронзы и началу раннего желез-

ного века. Заметим, что в башкирских эпосах и преданиях описываются жертвоприношения, совершаемые «хозяином нижнего мира».

В 2013 г. мы провели работы по исследованию охранной зоны пещеры и выявили там 18 памятников. Предложена охранная зона, которая включает бассейн р. Шульган, сформировавший пещеру, и в ее рамках планируется создание археологического музея-заповедника «Шульган-Таш». Он должен включить те территории, которые не находятся внутри природного заповедника потому, что половина (южная часть) – это территория заповедника (северная часть – не природный заповедник). Поэтому пещера только частично охраняется от «внешнего» воздействия. К примеру, строительство дороги, которое планировалось 5 лет назад, предполагало взрывные работы, и нам с большим трудом удалось остановить это мероприятие. Этот прецедент как раз указал на проблему необходимости создания «охранной зоны», которая сейчас уже решена.

А.А. Габидуллин:

Добрый день, уважаемые участники форума!

Как уже было сказано, основной целью создания музея-заповедника является сохранение и создание условий для дальнейшего изучения пещеры Шульган-Таш. Сегодня нами наблюдаются изменения, которые имеют необратимые последствия на сохранность палеолитической живописи пещеры. На протяжении последних десятилетий проявляется устойчивая тенденция разрушения пещеры, поэтому именно для создания инфраструктуры и системы по сохранению живописи основан музей-заповедник. Для управления туристического потока нами предполагается создание музейного туристического маршрута. Его реализацию мы видим в разработке проекта. Данный проект позволит организовать эффективный доступ к самому объекту, наладить систему мониторинга. Эта идея позволит объединить данный проект с духовным и историческим наследием края. Маршрут будет включать в себя природный, этнографический, археологический, фольклорный компоненты, раскрывающий всю специфику истории и культуры народов смежных регионов. Их синтез и единство позволит показать

все многообразие и разнообразие культуры. Стоит отметить, что уникальность пещерного комплекса Шульган-Таш заключается, прежде всего, в единстве трех элементов. Во-первых, в незыблемости, естественности природной зоны пещеры Шульган-Таш, уникальности объекта. Во-вторых, в археологической значимости. В-третьих, в сохранившихся наскальных изображениях. Одним из ключевых пунктов данного маршрута является создание музейного комплекса, включающего в себя «Археологический музей» и «Музей древнего охотника». Предполагается создание этнографического музея.

Археологический музей в этой структуре – один из основных комплексов. Здесь в хронологическом порядке будет представлена информация о рисунках, будут экспонированы копии рисунков, а также дана информация, собранная со всего мира, о наскальной живописи в сравнении. Также будут представлены находки из культурного слоя пещеры, материальное проявление и отражение древней истории края, что имеет большую научную значимость. Необходимо отметить, что здание музея построено, но организационная часть разрабатывается. В соответствии с концепцией создания музея будут разрабатываться вопросы, связанные с географической информацией, информацией обо всех достаточно значимых объектах наскальной живописи всего мира и др. В дальнейшем планируется дополнить информацию о самом музее.

Что касается проблем, то сложно сделать точную копию, тем более повторить наскальный рельеф. Необходимо отметить, что наскальные рисунки пещеры Шульган-Таш имеют композиционный характер и обладают глубоким смысловым значением. Для воспроизведения и передачи смыслового значения наскальных изображений необходимо создание больших копий. Решение нами видится опять-таки в получении точных копий в масштабе 1:1 с использованием технологий двухмерного сканирования. Пожалуй, самый большой опыт по сохранению и представлению памятников наскальной живописи имеют зарубежные специалисты. В Испании и Франции для сохранения и музеефикации таких объектов используют неконтактные лазерные сканеры: в течение 8 месяцев рабо-

ты было снято и оцифровано более 3 000 м² поверхности. Рисунки с разрушениями были виртуально восстановлены, они были разбиты на участки с помощью специальных компьютерных программ, что позволило воссоздать облик пещеры. Исходя из опыта зарубежных специалистов, одной из наших задач можно считать создание копии всей пещеры, где должны экспонироваться точные копии наскальных изображений. Сегодня в нашем музее прорабатывается возможность реализация этого проекта: на данном этапе разрабатывается инженерная часть проекта. Таким образом, поскольку музей-заповедник существует буквально 6 месяцев, проблемы есть: землеустроительное дело, кадровый состав и др. Все они решаются нами при поддержке руководством Республики.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо! Есть ли вопросы к докладчикам?

Я хотел бы сделать небольшой комментарий. Задача получать точные изображения с поверхности вполне разрешима. Существует две отечественные технологии, одна из которых позволяет это делать с учетом требований по ограниченному световому волнению на изображение, с использованием специальных светодиодов, которые не превышают определенного уровня, столь значимого для передачи изображения. Таким образом, существует организация, которая занимается решением этих вопросов. Если не ошибаюсь, ее название «Эпос». Эти люди очень много работали для музеев страны.

В.С. Патрушев:

Почему у нас до сих пор нет хорошего издания о материалах Каповой пещеры? Это же уникальные археологические материалы, удивительное богатейшее наследие культуры. В 1998 г. я проводил международный семинар с посещением этой пещеры. В частности, за рубежом издали прекрасную книгу, описывающую все это богатство, а у нас до сих пор нет хорошего издания. У Вас имеется хороший план по созданию музейного комплекса, но и издание необходимо, потому что лишь небольшая часть нашего населения побывает в этой пещере, а книга распространится везде.

А может быть не только книга, а видеофильм хорошего высокого качества? Я думаю, что такие возможности у нас есть.

В.Г. Котов:

У нас вышло три альбома о пещере Шульган-Таш, но распространены они в рамках Республики. В этом году вышел каталог, который не лишен недостатков, так как выполнен не специалистом в этой области. Также мы подготовили большую монографию по истории изучения, археологии, этнологии и другим аспектам, связанным с пещерой. Правительство нас торопит с изданием этой книги, поэтому, надеемся, что в ближайшее время эта итоговая коллективная монография будет опубликована.

Е.Г. Дэвлет:

Разрешите мне прокомментировать. Как отметил Вячеслав Георгиевич, выпущено три альбома, в общем-то, удовлетворительного качества. Но содержание этих альбомов не может в полной мере удовлетворить научную общественность. Мне кажется, что просто необходимо, чтобы Вячеслав Георгиевич доделал, наконец-то, свое прекрасное начинание. Он предпринял уже много шагов на пути к публикации археологического тома, посвященного изучению пещеры, с многочисленными снимками и пр. Все-таки необходима достоверная книга, подготовленная археологом, в большей степени свободная от домыслов, фантазий и недостоверных реконструкций. Мы все ее очень ждем и надеемся, что В.Г. Котов доведет начатое дело до конца.

В.Г. Котов:

Если Правительство даст деньги, то доведем!

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо! Я благодарю докладчиков за очень интересный и содержательный доклад. Предлагаю Веронике Владиславовне Мурашевой, заведующей сектором археологии развитого средневековья Государственного Исторического музея, приступить к своему докладу. Прошу Вас!

МУРАШЕВА В.В. (ЗАВЕДУЮЩИЙ СЕКТОРОМ АРХЕОЛОГИИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ), НОВИКОВ В.В.**ПРОБЛЕМЫ МУЗЕИФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ГНЁЗДОВО»****В.В. Мурашева:**

Дорогие коллеги!

Для всех людей, которые занимаются вопросами славяно-русской археологии и историей начального периода Древнерусского государства, слово «Гнёздово» – не пустой звук, но поскольку не все из присутствующих здесь изучают этот период, я скажу несколько слов о том, что это за памятник.

Гнёздово, по мнению большинства современных исследователей этого памятника, является тем самым древним Смоленском, который упоминается в ранних письменных источниках, и этот памятник по масштабам сопоставим с такими крупными ранними городами, как Чернигов, Киев и Новгород.

В чем отличие этого памятника от других памятников этой эпохи? Дело в том, что такие города, как Киев, Чернигов и другие остались на том же самом месте, на котором находились в начальную эпоху русской истории. Поэтому естественным образом дальнейшая жизнь уничтожила предыдущую, и первоначальный ландшафт не сохранился нигде, кроме Гнёздова. Это такой подарок для археологов, историков. Город прекратил свое существование в начале XI в. и, собственно, жизнь там практически не возобновлялась, а если и возобновлялась, то лишь в небольших масштабах.

В настоящее время Гнёздовский археологический комплекс представляет собой совокупность различных объектов. Его центром является Центральное Городище. Комплекс тянется вдоль Днепра на протяжении 5 км и состоит из центрального поселения общей площадью около 30 га и большого количества отдельно расположенных курганных групп, составляющих в общей сложности самое крупное средневековое кладбище Европы (в начале XX в. в Гнёздове насчитывалось около 5 тыс. курганов). Все это сохранилось до нашего времени, но, к сожалению, не в самом лучшем виде.

Раскопки в Гнёздове были начаты в 70-е гг. XIX в., и памятник сразу стал знаменитым. Именно по материалам Гнёздова начали восстанавливать облик древнерусской дружины. После почти полуторавековой истории исследования стало очевидным, что Гнёздово было одним из ключевых пунктов на пути «из варяг в греки», крупнейшим ремесленным и торговым центром Верхнего Поднепровья. Население Гнёздова было полиэтничным – его основу составляли славяне и выходцы из Скандинавии.

Памятники такого масштаба, как Гнёздово, в Западной и Северной Европе давно музеефицированы и являются центрами паломничества всех любителей собственной истории. К огромному сожалению, к нашему памятнику это не относится.

Мой содокладчик Василий Васильевич Новиков расскажет о современном состоянии гнёздовского комплекса.

В.В. Новиков:

Наиболее пострадавшей от антропогенного фактора частью памятника в настоящее время можно назвать северо-западную часть центрального поселения и центральную курганную группу. Площадь этой части археологического комплекса составляет около 40 га, из которых 9,6 га приходится на селище, а остальная – на курганную группу.

На сегодняшний день существует несколько факторов разрушения памятника: железная дорога, построенная еще в XIX в. и искусственно разделившая памятник пополам; три карьера, разрушившие большую часть курганной группы и селища; противотанковый военный ров и самый серьезный фактор – современная постоянно расширяющаяся застройка д. Гнёздово. Результаты воздействия этих факторов таковы: если к концу XIX в. центральная курганная группа насчитывала около 900 курганов, среди которых было 5 больших курганов, то к 2013 г. число курганов составляет около 100 насыпей

(рис. 1, 2). Около 210 курганов исследованы археологически, а остальные разрушены или разграблены. Из больших курганов осталось только две насыпи, одна из которых каждый год постепенно осыпается в карьер, а вторая испытывает постоянное воздействие колесного транспорта (квадроциклы и пр.). Нельзя не упомянуть и о регулярном разграблении со стороны так называемых черных копателей.

Об общих масштабах разрушения и потери культурного слоя в северо-западной части селища говорят следующие цифры: из 9,6 га археологически исследовано 0,54 га. Безвозвратные потери неисследованного культурного слоя в северо-западной части селища составляют по меньшей мере 5 га. Утраченная площадь включает в себя территорию, занятую железнодорожной насыпью, современную усадебную застройку (дома, ямы, бетонированные площадки, котлованы под фундаменты и т. д.), объекты периода ВОВ, отдельные видимые ямы, траншеи, объекты застройки усадьбы XIX в. и т. д. С учетом застройки XVIII–XIX вв. (мелкие ямы, ровики от заборов, мелкие траншеи и пр.) общая площадь утраченного культурного слоя достигает уже 5,5 га. Динамика процесса разрушений такова: в 1942 г. потери составляли около 2 га, в 2001 г. – 2,6 га, а уже к 2014 г. вследствие бесконтрольной застройки объем безвозвратных потерь насчитывает не менее 5 га. Таким образом, к настоящему времени в нашем распоряжении имеется не более 4 га непопраного культурного слоя, потенциально доступного для исследований.

Стоит отметить, что находок из этой части поселения очень много. На данном этапе исследования насчитывается около 2000 индивидуальных находок, 25000 фрагментов керамики и другого материала. Мощность культурного слоя достигает фактически 1–1,2 м, что позволяет реконструировать многие объекты поселения (например, горн, который реконструирован на основе раскопок 2013 г.).

К сожалению, экспедиции ГИМ и МГУ не в состоянии – и не должны – заниматься охранной деятельностью, но оставаться безучастными в данной ситуации невозможно. Мы разработали комплекс мер, которые можем осуществить самостоятельно. У нас есть несколько направлений. В первую очередь это

информационное направление: существует интернет-портал www.gnezdovo.com и блог <http://gnezdovo.blogspot.ru/>, на страницах которых регулярно появляется информация о деятельности экспедиций, о проблемах охраны памятника, фиксируются нарушения и пр. На основании сведений, появляющихся на этих интернет-ресурсах, местные и федеральные СМИ даже формируют свои сообщения о том, что происходит на территории памятника. Информация, которую мы даем в блоге и на сайте, также привлекает внимание органов местной власти и охраны памятников.

Второе направление нашей деятельности – постоянный мониторинг территорий и фиксация нарушений. Они проводятся на основе единой базы данных ГИС, куда входят данные спутниковой съемки 2001–2013 гг., аэрофотосъемки Люфтваффе 1942–1944 гг., низковысотной съемки при помощи мультиспектральных БПЛА и визуальных наблюдений.

Третье направление – регулярная съемка разрушающихся территорий при помощи тахеометра и 3D-реконструкция на основании этих данных современного состояния и исторического ландшафта всей территории комплекса.

Все перечисленные меры, к сожалению, не могут заменить отсутствие систематической охраны памятника, а лишь частично фиксируют утраты.

В.В. Мурашева:

Итак, состояние памятника в настоящий момент довольно печальное. Надо сказать, что в течение многих лет хозяевами на памятнике были две совместно работающие экспедиции: МГУ и Исторического музея. Музеефикация Гнёздова – давняя мечта всех исследователей памятника. В 2012 г. усилием городских властей Смоленска была создана организация, которая называется «Гнёздовский археолого-ландшафтный музей-заповедник». Был заказан план музеефикации, который был разработан усилиями сотрудников Института природного и культурного наследия во главе с Павлом Матвеевичем Шульгиным. Проект опирался на консультации с нами, археологами, работающими непосредственно на этом объекте. Проект пока остается на бумаге. Тем не менее деятельность музея-заповедника постепенно набирает обороты. Не могу сказать,

что эта деятельность особенно радует исследователей памятника. После долгих усилий музею-заповеднику удалось получить земельный участок, на котором в настоящее время строится реконструкторская деревня: амфитеатр для ристалищ, пруд неподалеку от некрополя, другие развлекательные сооружения. Эта деятельность музея-заповедника существенно отличается от того плана, который был предложен Институтом культурного и природного наследия, опирающегося на рекомендации археологов. Проект Шульгина предполагал создание двух музейных комплексов на территории этого колоссального памятника. Один из них должен был быть создан на территории песчаного карьера, который испортил и ландшафт, и значительную часть самого памятника. Это очень удачная мысль – построенное здание должно было минимально нарушить сохранившийся ландшафт памятника.

Еще одним направлением предполагаемой музеефикации Гнёздова является проект реставрации находящегося рядом с археологическим комплексом памятника архитектуры «Белая станция» (почтовая станция XIX в.). Это проект Исторического музея, в соответствии с которым в течение многих лет идет непростой процесс передачи этого архитектурного комплекса в оперативное управление музею. Пока есть надежда, что со временем удастся создать в здании «Белой станции» небольшой музей, который положит начало созданию музейного комплекса, достойного Гнёздова.

Таким образом, на данный момент ситуация с охраной и музеефикацией одного из самых крупных памятников начального периода русской истории, весьма плачевна. Цель же доклада – ввести научную общественность в курс дел о состоянии дел в Гнёздове.

Д.Л. Сергеев:

Коллеги, есть ли вопросы к докладчикам?

Н.А. Макаров:

Вероника Владиславовна, Вы – руководитель крупного отдела Исторического музея. Я так понимаю, что не очень хорошо складываются отношения между исследователями Исторического музея и вновь созданной музейной структурой. Может быть, тогда стоит поставить вопрос о том, чтобы просто вклю-

чить эту музейную структуру, созданную на территории субъекта РФ – Смоленской области, в состав Исторического музея, вместе с курганами, поселениями и пр.? Вы не ставили этот вопрос перед директором музея-заповедника?

В.В. Мурашева:

Николай Андреевич, я думаю, что вряд ли они согласятся на такую реорганизацию. Это вопрос все-таки юридический, а также вопрос взаимоотношения смоленских и московских структур.

Д.Л. Сергеев:

Открываю Вам секреты, пока никто не слышит. Во-первых, смоленские власти вполне расположены обсуждать вопрос о передаче этого учреждения культуры на федеральный уровень. Секрет следующий: усилия Государственного Исторического музея по созданию филиалов в регионах страны также перемещены и в сторону Смоленска и Смоленской области. В этой связи мне кажется, что это неплохие стартовые условия для обсуждения проекта, о котором говорил Николай Андреевич.

В.В. Мурашева:

Спасибо за информацию.

Д.Л. Сергеев:

Коллеги, есть ли еще вопросы?

Вопрос из зала:

Вероника Владиславовна, давно витает в воздухе вопрос о создании насыпи по уже раскопаным в Гнёздово Днепровской, Ольшанской группам. Это, конечно, затраты, но на примере Швеции получается туристический маршрут. Как у Вас обстоит с этим делом?

В.В. Мурашева:

Это «больной» вопрос. Все насыпи, найденные начиная с 1990-х гг., восстанавливались и рекультивировались. Что касается некоторых частей памятника, таких как Медлянская или Ольшанская группы, реконструкция уже не возможна, так как в одном месте построена шоссе-ная дорога, в другом – еще что-то, т.е. этого места уже практически нет. Но там, где будет возможно (и этот вопрос мы обсуждали), например, в центральной части с большим курганом во главе, по нашим задумкам должен быть воссоздан тот исторический

ландшафт, который так дорог всем, кто любит этот памятник.

Д.Л. Сергеев:

Вероника Владиславовна, большое Вам спасибо за то, что Вы поставили именно та-

кой ракурс вопроса памятниках под открытым небом.

Коллеги, я приглашаю следующего докладчика – Советову Ольгу Сергеевну, профессора Кемеровского университета.

СОВЕТОВА О.С. (ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ, КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ПРЕЗИДЕНТ САИПИ)

ТЕПСЕЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ (ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ)

Уважаемые устроители Круглого стола, я благодарю Вас за то, что Вы позволили мне «позвонить в колокол» относительно той ситуации, которая сложилась вокруг «Тепсейского археологического комплекса». Те, кто на «5» учился в вузе, знает, что слово «Тепсей» означает не только название прохладительного напитка, но что так называется прекрасная Двуглавая гора и совершенно уникальный археологический комплекс, расположенный у подножия этой горы на юге Красноярском крае в Краснотуранском районе. Это место, овеянное легендами, мифами и даже современными преданиями.

Более 40 лет назад здесь проводились раскопки Красноярской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии СССР под руководством М.П. Грязнова. Позднее вышла книга, посвященная этим раскопкам, представившая историю этого края от эпохи энеолита до средневековья. С тех пор прошло почти 50 лет, места раскопок задерновались, но на поверхности земли остались курганные камни и плиты, на которых встречаются петроглифы, которыми также покрыты и скалы горы Тепсей. Полученный археологический материал уникален, в настоящее время он украшает коллекции таких музеев, как Государственный Эрмитаж, Абаканский и Минусинский музеи и др. Достаточно вспомнить уникальные гравированные рисунки, обнаруженные в одном из таштыкских склепов, на обгоревших планках со сценами древних эпических сказаний или глиняные маски, которыми были покрыты

головы покойных в тесинских и таштыкских склепах.

Но сегодня я бы хотела остановиться только на объектах изобразительной деятельности Тепсейского археологического микрорайона, поскольку именно они в настоящее время подвергнуты наибольшей опасности. В 1960–1970-е гг. Каменский отряд Красноярской экспедиции под руководством Я.А. Шера выявил здесь несколько пунктов сосредоточения наскальных изображений, расположенных как на прибрежных участках, которые должны были быть затоплены водами Красноярского водохранилища, так и в логах, на склонах и вершине горы. В настоящее время кемеровские археологи проводят здесь документирование наскальных рисунков, а также практически ежегодный мониторинг состояния петроглифов после появления здесь искусственного моря.

Почему сегодня звучит это сообщение? Прежде всего потому, что луговые земли «Тепсея» попали в частные руки. Нашелся человек, который эти замечательные земли выкупил практически за бесценок. В 2013 г. приехав в экспедицию, мы увидели шлабгаум, закрывающий проезд на прибрежную территорию, и узнали о свершившемся факте. В спешном порядке мы провели обследование курганных камней и плит комплекса, разбросанных от Волчьего и до Малинового лога (фактически на расстоянии 5 км), и были вынуждены констатировать, что на этом поле находится еще очень много камней и плит с наскальными изображениями. Рисунки разновременные, разные по технике исполне-

ния, многие из них выполнены высокохудожественно. Мы насчитали более 40 камней с изображениями. На них изображены сцены охоты и войны, всадники, животные (косули, олени, кони, быки и др.), антропоморфные фигуры, знаки. Рисунки относятся главным образом к тагарской эпохе раннего железного века, а также к более позднему времени.

Какова же их дальнейшая судьба? Совершенно неизвестно. Множество факторов приводит к неминуемой катастрофе: изменившаяся из-за водохранилища береговая линия ежегодно меняет картину – вода то прибывает, то отступает, окончательно уничтожая остатки еще сохранившихся курганов, вымывая керамику и прочие артефакты. Образуются и разрастаются овраги. Но сильнее всего страдают прибрежные скалы с рисунками. Они то затопляются, то вновь обнажаются, постоянно происходит переработка береговой линии. Рисунки то покрываются как промокательной бумагой толстым слоем ила, то очищаются от него – каждый год картина разная. По нашим наблюдениям, даже за последние годы полностью уничтожено несколько плоскостей с рисунками, многие из изображений, постоянно подвергающихся затоплению, постепенно разрушаются. Некоторые из плоскостей оказались под мощными завалами и практически недоступны. Антропогенный фактор также играет свою роль. Рыбаки устраивают привалы около плоскостей с рисунками, после чего остается мусор, грязь, следы от разведения костра и пр. Наши ребята, студенты, постоянно занимаются расчисткой этих мест. Посетительские надписи повсюду, нередко находятся на такой высоте, что страшно туда подняться, чтобы стереть их. Рисуют всем, что попадает под руку, включая масляную краску! Устраивают здесь стрельбища, нередко на камнях с рисунками оставляя следы от пуль. В таштыкском склепе в настоящее время – помойка. Естественно, очень много туристов, которые приезжают с разными целями, в том числе и с целью «очищения» у «святых скал» – после них остаются надписи, перевернутые плиты с рисунками и т.д.

Конечно, для туризма места здесь совершенно неподобные – есть песчаные пляжи, хвойный бор и т.д. Но и с точки зрения археологии еще осталось много памятников,

которые требуют раскопок. Присутствующий здесь Николай Анатольевич Боковенко проводил разведки в этих местах и знает, сколько еще памятников осталось. Новый же «хозяин» видит иное будущее этой территории – у контрольно-пропускного пункта, о котором я говорила выше, висел баннер, на котором было написано: Проект поселка «Солнечная долина», с картой местности, на которой обозначены зоны проживания, места увеселительных заведений и пр. – вся территория заполнена такими строениями. Такое будущее, видимо, ожидает этот микрорайон. Мы, археологи, конечно, с этим не согласны. С коллегами из Красноярска, которые здесь присутствуют, мы решили идти по пути превращения этого места в «достопримечательное» и в мае этого года выезжали на Тепсей. Не могу сказать, что не было идей о создании здесь специальной «археологической зоны», «археологического парка» и т.п. Еще в 2002 г., когда Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства проводила в этих краях полевой семинар по сохранению, реставрации и использованию памятников наскального искусства, Д.Г. Савиновым из Санкт-Петербурга была высказана такая идея и предложен проект, по которому можно было бы создать здесь охранную зону. Но ни местные власти, ни краевые не выказывают ни малейшего интереса к этим вопросам. Мне даже не удалось попасть на прием к министру культуры Красноярского края.

В конце своего сообщения хотелось бы остановить Ваше внимание еще на одном аспекте. Пока не будет какого-то закона, подобного закону об особо охраняемых природных территориях, памятники наскального искусства, наверно, вряд ли сохранятся, потому что те законы, которые сейчас есть, носят в большей степени декларативный характер. Механизм их охраны практически не разработан. Отсутствует Положение об инспекторах, которые должны заниматься этой охраной, не прописаны их права, и любой человек, который будет портить памятники наскального искусства, никоим образом не может быть привлечен к ответственности. Даже в музейно-заповеднике прописывается, что есть штат полицейских, и все равно там появляются какие-то надписи, рисунки. Это вечная про-

блема: кто виноват и что делать? Я думаю, что это один из важнейших на сегодня вопросов. Я бы предложила обсудить его на следующем съезде: можно сделать такой же открытый Круглый стол, где были бы обсуждены проблемы охраны памятников наскального искусства.

Благодарю Вас за внимание!

ЛИТЕРАТУРА К ДОКЛАДУ:

Боковенко Н.А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–80.

Кызласов И.Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 103–108.

Панкова С.В. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск, 2004. С. 52–60.

Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 33–54.

Советова О.С., Аболонкова И.В. Загадки тепсейского фриза (Тепсей II) // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 91–102.

Советова О.С., Мухарева А.Н., Аболонкова И.В. Местонахождение Тепсей I: история изучения и современное состояние // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 77–91.

Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) / Francfort H.-P., Sher J. Paris, 1995. 153 p.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо! Есть ли вопросы к докладчику?

Н. А. Боковенко:

В этом районе мы работали с Михаилом Петровичем Грязновым. Сложность состоит в том, что очень многие памятники остаются на глубине 50 см, поэтому если вести строительство, то нужно все учесть.

Д.Л. Сергеев:

Вот мы говорим слово «памятники». А у них какой статус?

Н.А. Боковенко:

Нет никакого статуса.

Д.Л. Сергеев:

Это памятники, которые давно известны?

Н.А. Боковенко:

Да.

Д.Л. Сергеев:

Как объекты, да?

Н. А. Боковенко:

Да.

Д.Л. Сергеев:

То есть, они, как минимум, выявленные памятники?

Н.А. Боковенко:

Да.

А.Ю. Тарасов:

С позиции государственных органов, к сожалению, это общая проблема тех ученых, которые считают, что если археологический объект изучен и о нем написаны какие-то толстые книги, то он является памятником. На самом деле в Тепсейском археологическом микрорайоне до 2013 г. было всего два памятника археологии: курган-могильник «Тепсей» и одиночный курган «Тепсей». Это те объекты, которые были паспортизированы сотрудниками Методического института. Все остальное находилось в овражной береговой линии, и, к сожалению, даже тогда на стадии паспортизации не были освоены, потому что считалось, что это все, скорее всего, будет разрушено. Даже в свое время у нас не принимались паспорта на объекты, которые находились в этой зоне. После того, как госорганы были проинформированы уважаемыми коллегами о состоянии Тепсейского археологического микрорайона, по инициативе Кемеровского университета совместно с коллегами из Красноярска в 2014 г. была проведена экспедиция. В настоящий момент у нас на руках порядка 30 учетных карт на уже выявленные объекты культурного наследия, в том числе на археологический комплекс «Тепсей». Они Приказом Министерства культуры Красноярского края объявлены выявленными.

То, что касается проекта «Солнечная долина». Согласно полученной по нашим запросам информации, фамилия собственника земельного участка, который планирует осваивать

эту территорию, конечно не Томмазо Кампанелла, но очень похоже. Все, что предполагалось там построить, – это некие фантазии. Они пытаются получить какие-то средства от туристов за посещение этой территории в летний период времени. Но строительство в ближайшее время там вестись не будет, потому что вряд ли найдется столько миллионеров в Красноярском крае, которые разместят свои виллы на этих земельных участках.

Д.Л. Сергеев:

Мы же с Вами тоже не хотим быть записаны как Кампанелла. Если у нас есть объекты, которые не связаны с зоной береговой переработки, они могут быть поставлены на охрану и их сведения могут быть отнесены в документацию о зонах землеустроительных коммуникаций. Кто бы ни пришел: с возможностью строительства или без нее. Нужно получать необходимые, с нашей точки зрения, обременения использования этой территории. Как Вы полагаете, что для этого нужно сделать?

А. Ю. Тарасов:

Что для этого уже делается: мы получили информацию от исследователя о наличии и положении объектов, землепользователи от администрации района осведомлены об этой ситуации. После того, как будет издан Приказ Министерства, землепользователь-собственник будет уведомлен об обременении, связанном с наличием Положения об этом.

Д.Л. Сергеев:

Большое спасибо.

Я понимаю, что сейчас Вас разделяет пространство, но на самом деле нужно решать эту задачу. Мы все это осознаем, верно? У вас есть сомнения по этому поводу? Давайте выскажемся.

А.Ю.Тарасов:

Никаких сомнений. Но, к сожалению, обсуждать эту ситуацию сложно, потому что сейчас выделяется очень много земли и в Хакасии, и в Красноярском крае для этого землеустроительства.

Д.Л. Сергеев:

Понимаете, в чем дело. Есть вещи, которые нам кажутся очевидными, но, тем не менее, для того, чтобы они могли работать в существующем государственном механизме, должны быть пройдены некоторые формальности. Я думаю, что без вас, людей, которые

хорошо изучили памятники, которые могут точно сказать об их границах, предметах их охраны и пр., без этой информации чиновники, которые занимаются осуществлением охраны объектов культурного наследия, обойтись не могут. К ним могут быть претензии тогда, когда им будут предоставлены все необходимые экспертизы, а они по каким-то причинам не ставят эти памятники в государственное право. Насколько мне известно, ситуация в Красноярском крае вправду сложная, потому что водохранилище – это зона береговой переработки. Это тема Енисея бесконечна и для Красноярского края, и для Хакасии. Но мне кажется, когда есть вещи, связанные с тем, что можно сделать, нужно это делать, ведь мы можем работать с теми памятниками, которые находятся вне этой зоны, постараться все их поставить под государственную охрану, мы можем зафиксировать уровень воды. Для этого нужно пройти некоторые формальности. Недостаточно просто знать о них, они должны пройти специальные процедуры. Я верно говорю, коллеги? И если где-то есть шероховатости во взаимодействии, то я просто попрошу вас, таких же, как и я бюрократов, помочь людям творческим быстрее найти пути к тому, чтобы можно было осуществить все необходимое для постановки памятников на охрану. Спасибо большое!

А.Ю. Тарасов:

Проблем нет.

Д.Л. Сергеев:

Спасибо большое! У Вас вопрос?

А.Ю. Тарасов:

Я хотел бы дополнить о ситуации, которая сложилась не только в нашем крае, но и в других регионах. С самого момента создания объекты находились в открытом доступе и страдали от какого-либо воздействия. Сейчас нужно создавать не документацию, а определенную охрану, т.е. нужно создавать музей-заповедник или музей под открытым небом. Если мы берем, скажем, эту четкую процедуру, то первый шаг – это эти учетные карты. Следующий шаг – обозначить границы. Только после этого он должен получить статус музея-заповедника. Насколько я знаю, это так.

Д.Л. Сергеев:

Статуса «музей-заповедник», в общем-то, не существует. Каких-то регламентов или

других разрешений на процедуры я не знаю. Музеем может стать любая организация, которая напишет в своем Уставе то, чем она собирается заниматься. Обозначить, например, что она будет заниматься сохранением, изучением и популяризацией и представит некую коллекцию памятников – тогда это можно считать музеем. Неважно каким. Он может быть и частным. Это не вопрос подчиненности или финансирования, это вопрос факта. Музей-заповедник из ниоткуда просто так появиться не может, хотя вроде бы ограничений никаких нет. Почему? Потому что кто-то должен выполнять процедуры, связанные с функционированием музея. Этот «кто-то» должен получать заработную плату за свою работу. Вот по этой цепочке мы должны с вами двигаться. К сожалению, не могу сказать, что сегодняшняя ситуация способствует тому, чтобы появлялись музей-заповедники в большом количестве. Мне кажется, здесь нужно про-

сматривать внимательно путь создания природно-ландшафтного заказника, так как это в каких-то случаях может оказаться более простым и более эффективным способом. Нам известны примеры природно-ландшафтных заказников, где расположено большое количество петроглифов. Там, сохраняя природную среду, одновременно удается сохранять и памятники археологии, регулировать доступ к ним посетителей. Во всяком случае вопрос явно требует каких-либо дополнительных проработок со всех сторон: со стороны Министерства культуры РФ, и наша помощь как специалистов, и помощь местных органов охраны, потому что ситуация всегда индивидуальна и местные условия необходимо учитывать. Спасибо!

Если больше нет вопросов, тогда мы предоставляем слово директору музея-заповедника «Костёнки» Виктору Николаевичу Ковалевскому.

КОВАЛЕВСКИЙ В.Н. (ДИРЕКТОР МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КОСТЁНКИ»).

СОХРАНЕНИЕ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «КОСТЁНКИ»

Спасибо! Добрый вечер, уважаемые участники Круглого стола!

Перед своим выступлением мне хотелось бы выразить искреннюю признательность организаторам данного форума и персонально Николаю Андреевичу Макарову за приглашение.

Государственное бюджетное учреждение музей-заповедник «Костёнки» как организационная структура стала функционировать с 1979 г. К этому моменту имелось всего 26 памятников эпохи палеолита, со временем 25 из них были поставлены под государственную охрану и, казалось бы, получили официальный охранный статус, но сложности появились с самого начала исследования, с 1923 г., когда начала работать экспедиция П.П. Ефименко. Сложность заключалась в том, что большинство из памятников было расположено на частных участках. Такая ситуация сохраняется и на сегодняшний день: из 25 памятников площадь музея-заповедника со-

ставляет 9 га, и лишь 6 га не занято частной застройкой. Собственно, сам музей-заповедник представляет собой законсервированный под крышей специальный павильон, в котором зафиксированы уникальные по своей сохранности остатки жилища из костей мамонта. Его возраст 20 тыс. лет. Ежегодно на территории музея-заповедника проводятся археологические исследования Институтом истории материальной культуры РАН, в последние годы раскопки проводятся и сотрудниками музея.

Собственно, археологический бум конца 2000-х гг. коснулся и музея-заповедника «Костёнки». Дмитрий Анатольевич Медведев дал поручение Министерству культуры РФ проработать вопрос о переводе музея-заповедника в статус федерального учреждения культуры. Детально изучив ситуацию, Министерство культуры выдвинуло ряд требований, необходимых для получения музеем нового статуса. Перечислю основные из них, и акцентирую Ваше внимание на наиболее насущных. Это

разработка концепции создания в музее полноценной стационарной экспозиции, строительство хранилища, создание современных условий для систематического функционирования фондов, площадок и самого музея для продвижения имиджа Российской Федерации, музеефикация археологических объектов с целью создания в последующем туристических маршрутов и др. По всем этим пунктам музей-заповедник проводит работу. Большинство из них уже выполнено. Конечно же, наибольшую сложность представляет земельный вопрос. В соответствии с общей концепцией развития музея поставлен регламент проекта землепользования и застройки. В связи с этим Департамент природных ресурсов разработал Постановление от 25 марта 2012 г. «Об утверждении границ и режимов особой охранной территории памятника». В свою очередь учредитель – наш музей – определил границы объектов культурного наследия: комплекс из 25 археологических стоянок. В 2014 г. сюда вошло 14 памятников эпохи палеолита. Кроме того, музеем приняты меры по определению достопримечательного места «Костёнки». В рамках действующего законодательства, с нашей точки зрения, это будет способствовать решению правового вопроса землеустройства. Музеем удалось взять в бессрочное пользование территорию шесть памятников археологии. На площади оставшихся 19 объектов наследия зарегистрировано на данный момент 64 собственника.

В данном регионе сосредоточены памятники разных эпох – это курганы бронзового, раннего железного веков, славянский могильник, стоянки каменного века, пещеры и т.д. В наших планах сейчас стоит задача включить данный комплекс в туристический маршрут, что будет способствовать развитию самого музея. Помимо данных памятников на территории с. Костёнки расположен городок Костёнок, построенный в 1642 г., Борщевский мужской монастырь – памятник XVII столетия, здание сельской управы XIX в. Все это позволяет с полным основанием презентовать музей-заповедник «Костёнки» как объект, достойный представлять Российскую Федерацию на мировом уровне.

Спасибо за внимание!

Д.Л. Сергеев:

Спасибо большое! Коллеги, прошу Вас задавать вопросы.

Вопрос из зала:

Скажите, на какие средства Вы планируете выкупить земли?

В.Н. Ковалевский:

Пока мы не планируем. Те земли, которые были свободны от застройки и где не было никаких частных собственников, мы оформили в муниципальную собственность Воронежской области, а конкретнее, они находятся в бессрочном пользовании музея-заповедника. Большой плюс памятников эпохи палеолита – это глубина залегания культурного слоя, поэтому навредить памятникам может только строительство.

Н.А. Макаров:

Я вижу, у нас есть еще желающие выступить, Дмитрий Леонидович.

Д.Л. Сергеев:

Хорошо, прошу Вас, Александр Александрович.

А.А. Масленников:

Уважаемые коллеги, мне вчера попалась на глаза одна из газет с опросом на предмет «Какой любимый предмет был у Вас в школе?» 70% ответили «история». Из них 37% на вопрос «Какой раздел истории Ваш самый любимый и интересный» ответили «История Древнего мира», 20% – «Древняя Русь», примерно столько же – «Средневековье» и дальше по убывающей. Это и хорошо, и плохо. Любовь к древности формируется в том возрасте, когда человек учится в школе, и во многом это зависит не только от того, какие книги он прочел, но и от того, какой случай ему представился увидеть что-то, что так может поразить его, что останется в памяти на всю жизнь. Поэтому тема «Археологический памятник под открытым небом» необыкновенно важная и то, что ее сегодня поставили, – крупнейшая заслуга Института археологии РАН, Министерства культуры РФ и организаторов этого Круглого стола. Судьба памятника археологии после раскопок касается всех археологов. И проблем здесь очень много: это и создание музеев-заповедников, и судьба «малых» памятников, и соотношение частной собственности на землю и дальнейшей судьбы этих памятников. Проблем очень много,

но я хотел бы закончить тем, с чего начал. Для воспитания, для образования, для того, чтобы наши дети и внуки были по-настоящему культурными, очень много значит общение с памятником археологии. Поэтому еще раз повторю, что тема, которая сегодня была поднята, чрезвычайно важна!

Д.Л. Сергеев:

Благодарю Вас, Александр Александрович! Спасибо! Есть ли еще желающие высказаться?

Реплика из зала:

Одно слово от белорусской делегации. Еще раз огромное спасибо за возможность участия в работе съезда, Круглого стола. Мы представители небольшого государства – 9,5 млн человек, но у нас большое количество памятников археологии, проблем, а вы, наши соседи, из огромного государства с уникальным огромным историко-культурным археологическим наследием. Берегите его потому, что проблем такое же большое количество, но, наверно, какими-то совместными усилиями, в том числе благодаря сотрудничеству и ученых, и чиновников, и археологов, и Министерства культуры, эти проблемы будут решены. Еще раз большое спасибо. Мы получили огромный опыт, о котором расскажем у себя дома, огромный опыт специалистов из огромного государства. Спасибо!

Д.Л. Сергеев:

Николай Андреевич, Вам слово.

Н.А. Макаров:

Александр Александрович уже сказал замечательные слова, которые подытоживают наше сегодняшнее заседание. Я открою Вам тайну: когда мы планировали и обсуждали возможность организации Круглого стола по проблемам музеефикации археологических

памятников – археологических музеев под открытым небом, мы боялись, что не наберем аудиторию, что у нас будет мало выступающих, но наши прогнозы не оправдались. Эта тема, действительно, вызывает большой интерес. Сегодняшнее обсуждение было очень полезным. Оно было полезным, я думаю, и для Дмитрия Леонидовича, который будет представлять те конкретные, так сказать «болевые» точки проблем, которые стоят перед музеями. Оно было полезным и потому, что мы увидели, что нас много. Мне кажется, очень важно сохранить эту сеть, этот формат, и периодически нужно возвращаться к этой теме потому, что людей заинтересованных, которые могут рассказать об успехах, о положительном опыте, достаточно. Стоит проводить мониторинг того, как мы продвигаемся в решении тех болезненных вопросов, подобных ситуации с «Гнёздово», которых тоже не мало. В общем-то, мне кажется, картина не такая безнадежная. Многие все-таки делается, много открыто музеев, я вижу, что есть волевые и решительные люди, которые готовы дальше выдвигать идеи для создания музеев под открытым небом, и есть научные решения.

Конечно, многое еще предстоит обсудить. Меня очень волнует проблема научности представления материалов в музеях, так как здесь тоже много опасных граней потому, что иногда, привлекая туристов, мы отступаем от научной исторической достоверности – это большая проблема. Много сюжетов для обсуждения на будущее, а пока мы благодарим организаторов, мы благодарим Дмитрия Леонидовича и большое спасибо всем участникам!

25 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЭТИКА И АРХЕОЛОГИЯ

Место проведения: Главное здание Казанского (Приволжского) Федерального Университета, каб. 026В

Модераторы:

*Беляев Леонид Андреевич, Коренько Владимир Александрович,
Хохлов Александр Николаевич, Энговатова Ася Викторовна*

Беляев Л.А.:

Так, ну что ж, наверно, будем потихоньку начинать, учитывая, что зал холодный, а многим уезжать. Съезд кончается, все устали. Отчасти мы специально поставили этот круглый стол в конец всех заседаний с тем, чтобы сюда пришли наиболее заинтересованные, наиболее стойкие, склонные к критике люди. Я поражён обилием тех, кто остался, кто сюда пришёл. Мы думали, что будет человек десять, профессионально заинтересованных. Очень хорошо, что мы здесь собрались, это показывает, что этические проблемы действительно волнуют археологическое сообщество. Скажу буквально два слова, о том, как это всё случилось – это раз. И какова моя позиция сегодня – это два. Затем Владимир Александрович Коренько прочтёт базовый доклад и текст этического кодекса. Все, кто захочет, естественно, по этим вопросам выскажутся, естественно, в рамках отведённого нам времени.

Как возникла эта тема? Меня лично она заинтересовала несколько лет назад, когда я заметил, что многие правила археологического поведения, которые мы впитали вроде бы с детства, в значительной степени исчезли из сознания среднего и младшего поколения. Собственно говоря, очень многие не знают, что можно себе позволять в жизни, а что нельзя. Я стал задумываться над тем, что необходимо было бы какие-то видимые рамки очертить. Сами, спонтанно, они уже не производятся сообществом, оно само их не

фиксирует. Так, может, их имеет смысл вербально сформулировать?

И тут мы встретились с Владимиром Александровичем Коренько, который, оказывается, профессионально занимается вопросом этики в науке вообще и в археологии особенно. И дальше дело покатило само собой. Мы опубликовали в «Российской археологии» его переводы зарубежных этических кодексов археологов и его аналитическую статью по этому вопросу, Владимир Александрович провёл анкетирование и опубликовал вот такой сборник, который только что напечатали... Ну не важно кто сделал технически, пусть другие, но Вы ведь опубликовали. На самом деле сборник подготовлен и отредактирован полностью Владимиром Александровичем, но, действительно, не до конца – когда начали печатать, произошёл ряд сбоев. Все это не так существенно, ведь это рабочий материал. Я предлагаю сборник в электронной форме вывесить на сайте Владимира Александровича, чтобы все могли этими материалами пользоваться. Тут статьи разного уровня, разного направления. На мой взгляд, не все они имеют отношение к археологической этике, но это полезный материал.

Итак, появился сборник. Тем временем обстановка кругом менялась. Многие пункты, которые представлялись крайне необходимыми, но не были абсолютно и исключительно вопросами этическими – попали в законодательство. Теперь они решены, собственно, законами России. Поэтому некоторые ранее

обсуждавшиеся пункты можно только обозначить – ведь то, что сформулировано законом, не стоит второй раз проговаривать как этическую позицию. Но ведь закон, наказывающий за убийство, не отменяет заповеди «Не убий» – а это чисто этическая формула. Так что, в принципе, нам неплохо проговорить и наши формулы.

Есть и иные накладки. Мы в этом сборнике широко пользуемся понятием «профессиональный археолог». Как оказалось, это понятие необычайно опасное, потому что в тех поправках к закону об археологическом наследии, которые сейчас КПРФ внесла в Думу, как раз на это слово сделан основной упор. У них получается, что всё, что мы обязаны делать – мы обязаны делать как профессиональные археологи, а остальные – они тоже археологи, но непрофессиональные, и они этого делать не обязаны. Таким образом, в законодательное поле попадает «археолог» в кавычках, который не является профессиональным археологом. А это для нас абсолютно недопустимо. Для нас все, кто непрофессиональный археолог – вообще не археологи.

Таким образом, хотя мы хотели на IV съезд предложить готовую редакцию кодекса, представляется, что сейчас это делать преждевременно. Нужно ещё раз всё обсудить на нашем круглом столе. Всё-таки это всеобщее археологическое дело. Внести свой вариант, но предложить и всем коллегам высказать свои поправки, свои формулы; сказать, о чём, они считают, должен кодекс говорить. Это не будет уже анкетирование, мы не будем вам рассылать этот текст, а будем просто ждать ваших инициативных текстов. Тогда это всё Владимир Александрович обработает ещё раз. Если поправок не последует, тогда мы начнём двигаться сами, внося только собственные изменения.

Изначально, что меня больше всего волновало этически в археологическом сообществе, так это его коммерциализация, включая незаконную его деятельность. Это мне казалось совершенно неприемлемым для археолога. Сначала все пункты, которые я вносил в кодекс, были так или иначе с этим связаны. То есть археолог должен отказаться от лекционирования древностей собственного

профиля. Должен заявить, что он не станет консультировать нелегальных поисковиков, что он не будет атрибутировать предметы и не будет способствовать публикации вещей без провенанса, и так далее и тому подобное. Но в процессе работы мне стало очевидно, что целый набор этических норм, которые для меня не были проблемой, как раз интересуют сообщество.

Например, проблема авторского права в археологии, в том числе – проблема обращения с находками, право их публикаций, право их передачи на государственное хранение, право пользование отчётами ныне живущих археологов и так далее. Вообще авторское право, общее авторское научное. Для меня эти вопросы всегда как-то само собой разумелись. Есть общее право на авторские тексты, на авторские идеи, и археология тут мало что привносит. Но, оказывается, привносит, есть своя специфика очень важная, которая людей задевает.

Этические нормы, как мне представляются, должны быть направлены не на сохранение даже на свете, не на отстаивании авторского права, не на правильную выдачу листов или что-то в этом роде. Это вторичные задачи, опосредованные. Этические нормы формируют для того, чтобы они сформировали личность учёного, личность археолога. И моя версия кодекса она вся направлена была на это. На то, чтобы мы чувствовали себя уважаемыми людьми, чтобы мы уважали сами себя, чтобы мы гордо произносили «я – археолог». Сейчас в стране это звучит не так гордо, я бы сказал, а ведь мы получили готовым это наследие: наши предшественники, наши учителя 40-х, 50-х, 60-х годов, сформировали археологию как науку в стране так, что слова «я – археолог» звучали замечательно. Но ведь так было не всегда. В XVIII веке археолог – предмет бесконечных насмешек научного сообщества, и не только научного. Он был одной из самых популярных мишеней для остроумия вплоть до 30-х годов того времени, в памфлетах всевозможных над ними издевались. Фигура археолога – ну надо специально смотреть эти материалы, я не стал готовить презентацию. Например, персонаж любимого всеми нами фильма «Леди Гамильтон», её супруг лорд Гамильтон, как известно крупный

археолог своего времени, во всяком случае крупный антиквар, много писавший и публиковавший много, начавший публикацию корпуса вазовой живописи и многие другие проекты. Обществу же он известен просто как «рогоносец», грубо говоря, который занимался своими черепками, пока разворачивался роман его жены с адмиралом Нельсоном.

То есть археологи могут быть в разном свете представлены обществу. Мне всегда казалось правильным, так уж сложилось в моей жизни, что археологи были героями современности. Находились среди других героев. А для этого нужно чтобы, конечно, общество понимало, что это не жулики какие-то, не грабители, не разбойники, не расточители государственных ценностей, не люди, покушающиеся на наследие, не люди, которые готовы вывернуть наизнанку любой материал, если нужно доказать то, что необходимо доказать сегодняшнему губернатору или руководителю области, поддержать любую националистическую и любую другую идею. Мне кажется, что нужно строить наш этический кодекс так, чтобы вернуть (или укрепить), то положение в обществе, в социуме, которое занимало археология и каждый археолог в отдельности.

Если кодекс этому поможет, будет замечательно. Тем самым он сработает и на охранном наследии, и на качество публикаций, и на развитии научной мысли. Поскольку, понятно, как только мы там перестанем выворачивать наши идеи, так сказать, заставлять их служить любым другим целям, не научным, естественно наука от этого очиститься и станет лучше. Вот собственно всё, что я хотел сказать. Я думаю, что у каждого из вас есть внутреннее представление о том, что этично, а что не этично, что правильно делать, а что не правильно именно археологу. Я не призываю ни к тому, чтобы вы формировали длинный список кодекса, который включал бы, например, все десять заповедей. Понятно, что нельзя убивать, это общая человеческая заповедь; понятно, что нельзя воровать идеи и это общенаучная заповедь, она общечеловеческая, и она в корне вообще наук, потому что совершенно очевидно: как только начинается воровство идей, наступает смерть научного знания.

Есть ещё целый набор общенаучных составляющих, которые может быть в кодексе археолога не нужно оговаривать. Но есть и позиции, которые мы должны друг для друга оговорить. Друг с другом договоримся: «чего конкретно мы не станем делать?» А кто станет, тот тем самым из клуба честных археологов будет исключаться, хотя никаких санкции к нему мы, естественно, не можем и не хотим прикладывать – это чисто моральная позиция, такое даже не выраженное в чём-то конкретном общественное осуждение. Я против судов чести, пистолетов нет ни у кого, стреляться трудно, когда тебя обвинят – поэтому и не нужно. Достаточно того, что какие-то уважаемые люди перестанут с тобой здороваться по собственной инициативе, совершенно не понимая особого решения ни на каком собрании. Просто узнав, что ты какие-то позиции кодекса злостно нарушаешь. Вот, всё, что хотел сказать я, вот моя позиция.

Журнал «Российская археология» открыт в этом смысле для дискуссий. Мы хотели бы, чтобы каждый из вас сформулировал сам, свои пункты этических норм. Чем больше народу на это ответить тем будет лучше, мы проведём на той или другой площадке электронную дискуссию, и тогда уже вывесим все ваши предложения и сформированные на их основе пункты кодекса. Вот, что хотел сказать я. Более фундаментально и серьёзно об этом нам расскажет Владимир Александрович Коренько прошу.

Коренько В.А:

Уважаемые коллеги, я мог бы просто прочитать вам проект этического кодекса российского археолога, но мне хотелось бы попросить у вас минут пятнадцать, чтобы охарактеризовать ситуацию с этикой в российской археологической науке чуть подробнее. Тогда, наверное, и сам проект кодекса в своих некоторых пунктах станет восприниматься гораздо легче и он будет понятнее. Я думаю, нет таких возражений? Спасибо, тогда я приступлю.

Предназначенный для нашего обсуждения проект этического кодекса российского археолога, является результатом работы, выполненной в течение минувшего года или двух лет, не считая небольшого количества более ранних публикаций разных авторов о проблеме

профессиональной этики археолога. В номере четвёртом за 2013 год журнал «Российская археология» опубликовал мою статью об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт). В этой статье анализировались различные проблемы. В приложениях к статье даны русские переводы восьми зарубежных этических кодексов или аналогичных документов, теперь они могут обсуждаться и приниматься во внимание широкой российской археологической аудитории. Этический кодекс российских археологов, может быть разработан с использованием кодексов, которые приняты археологическими сообществами зарубежных стран, где накоплен некоторый положительный опыт по использованию кодексов для этического регулирования научного сообщества. Так, в Соединённых Штатах Америки в 1990 и в 1996 годах приняты этический кодекс Археологического Института Америки, кодекс профессиональных стандартов Археологического Института Америки и принципы археологической этики Общества Американской Археологии. В Канаде, Канадская Археологическая Ассоциация приняла принципы этического проведения и заявление о принципах этического поведения по отношению к коренным народам. Европейская Ассоциация Археологов приняла кодексы практики и принципы деятельности для археологов, вовлечённых в археологические работы по контракту. Наконец в 2006 году учёный совет Института археологии Национальной Академии наук Украины одобрил кодекс этики профессионального археолога.

Эти документы, которые я перечислил, регулируют поведение профессиональных археологических сообществ и отдельных учёных на всей территории Северной Америки, Западной, Северной, Южной и Средней Европы – примерно на территории всех государств членов европейского сообщества, а также части Восточной Европы, во всяком случае, на территории Украины, хотя украинский кодекс этики профессионального археолога принят академической средой, поэтому ничего не может предписывать работникам высших учебных заведений, подавляющего большинства музеев и иных не академических учреждений. Сообщество российских профессиональных археологов до сих пор не выработало и не

приняло свой этический кодекс. Попытки в этом направлении предпринимались. Известно, о каких попытках, но они не предпринимались в общероссийском масштабе. То есть граница между археологами, руководствующимися этическим кодексом или подобными документами и между археологами, не знающими и не принимавшими такие документы, проходит где-то, фигурально говоря, между Харьковом и Белгородом.

Ну, как сказал уже господин Беляев, к началу четвёртого нашего всероссийского археологического съезда в Башкирском Государственном педагогическом Университете имени Мифтахетдина Акмуллы издан сборник статей, посвящённый различным аспектам этики профессиональной археологии. Это первый в России сборник такого рода и он хотя бы уже по этой причине наверняка привлечёт к себе внимания коллег. Он уже привлёк внимание коллег делегатов этого съезда. Я уже видел как сборник переходил из рук в руки, к сожалению, сюда была завезена очень маленькая часть небольшого тиража этого сборника. Люди читали, смотрели этот сборник и один человек даже быстро-быстро перефотографировал с первой страницы до последней.

Изучение зарубежных этических кодексов и российской специфики позволяет уже сейчас установить, какие из основных проблем профессиональных археологических сообществ этические кодексы решают, а какие проблемы они не решают. В этих случаях требуются глубокое изучение проблем и их обсуждение в профессиональном сообществе. Я позволю себе остановиться здесь на двух таких проблемах, которые кажутся мне важными. Согласно зарубежным этическим кодексам основным специфическим принципом профессионального археолога является комплекс правил и ценностей, получивший на Западе наименование «стюардшипа». Главная цель «стюардшипа» – сохранение археологического наследия, это предполагает воздержание от археологических раскопок, а в случае крайней необходимости проведение их с крайней осторожностью и при максимально точной фиксации результатов. Во-первых, все проверки археологических исследований должны содержать конкретные планы по со-

хранению археологических памятников и публикаций данных о них. Во-вторых, в тех случаях когда, сохранение археологических памятников невозможно, археологические раскопки должны проводиться на высоком профессиональном уровне, а полученные при раскопках археологические данные должны сохраняться во всех аспектах и в долгосрочной перспективе, «в долгосрочной перспективе» можно даже заменить словом «бессрочная перспектива», то есть «хранить вечно». В-третьих, знания об археологическом наследии должны быть доступными, а результаты исследования археологических памятников необходимо точно фиксировать, публиковать и распространять любимыми известными способами. В-четвёртых, важная обязанность профессиональных археологов – привлечение внимания компетентных органов к угрозам археологическому наследию, в том числе и к разграблению археологических памятников и мест археологических раскопок, незаконной торговлей древностями. Археолог обязан для этого использовать все средства и убедиться, что соответствующие меры со стороны компетентных государственных органов приняты. Очевидно, что в России против принципа «стюардшипа» не стоит ожидать открытых возражений, в то же время часть этих принципов не совпадут с особенностями нашей практической археологии. Коллизии могут возникать уже при реализации первого, третьего и четвёртого из названных принципов «стюардшипа». Хотя стратегия «стюардшипа» рекомендует воздерживаться от археологических раскопок, это действительно общая стратегия. Самое широкое, широко используемое в России понятие охранных раскопок содержит противоречия в определении и демонстрирует противоположный подход. Эти противоречия заслуживают специального подробного разговора, но, вероятно, для такого разговора здесь у нас времени нет (а, может быть, есть?).

Очень неясная, и не только в России, не только в России неясная проблема интеллектуальной собственности, авторского права и публикаций. Область археологии, соответствующая понятию интеллектуальной собственности и авторского права – это та область, в которой очевидна пагубная роль

несогласованных, противоречивых и слабо обоснованных суждений. Именно здесь часто возникают конфликты интересов. Наиболее очевидны конфликты между руководителями полевых исследований, они, как правило, желают закрепить за собой авторские права на максимальные сроки, ну например, пожизненно – и кабинетными исследователями, занятыми аналитической, обобщающей работой, качество которой определяется объемом привлечённых фактических материалов. В России положение с данными проблемами с течением времени несколько не улучшается. Привлечение широкого круга документов показывает, что вопросы интеллектуальной собственности и авторского права готовятся противоречиво, не последовательно и даже порой тенденциозно. Может быть, прогресс здесь может быть достигнут в результате специального обсуждения вопроса в широкой профессиональной аудитории.

Как показывает опыт проведённого анкетирования, а этот опыт был проанализирован в одной из статей уфимского сборника, одним из наиболее важных вопросов является вопрос о том, насколько нужен российскому профессиональному сообществу этический кодекс. Неожиданно заметная, даже значительная, хотя и не преобладающая доля российских археологов высказывается против принятия этического кодекса. Я не голословен, результаты анализа анкетирования изложены в сборнике. Эта позиция действительно неожиданна, хотя бы с учётом того, что этические кодексы уже регулируют поведение профессиональных археологических сообществ на всей территории Северной Америки и в подавляющем большинстве европейских стран, кроме России и опять же Белоруссии. Противники разработки и принятия этического кодекса считают, что вполне достаточно, цитирую: «...общечеловеческих норм морали, необходимых для профессиональной работы законов и положений, некоего...» (цитирую) «...обычного права науки и что вообще» (цитирую) «никакой этический кодекс чести не научит». Сторонники принятия этического кодекса формируют сомнения и скептические оговорки. Сомнения эти и оговорки сводятся к тому, что кодекс пока преждевременен, «не усвоены», цитирую, «общие нравственные

нормы поведения и гораздо важнее» (цитирую) «такое обустройство в повседневной практике, при котором нарушение этики были бы чрезвычайно затруднительными, невыгодными и даже невозможными». Эти аргументы скептиков не могут быть приняты, и не только из-за их слишком общего характера. Даже не являясь ригористом, сторонником непреклонного соблюдения нравственных принципов, нельзя не видеть очевидных достоинств профессиональной этики и профессионального этического кодекса. Этический кодекс – важное средство борьбы с различными формами недобросовестности в науке, особенно в науке, находящейся в кризисной ситуации. Как система моральных этических норм кодекс положительно воздействует на археологическое сообщество, стимулируя сплочение, самоуважение и чувство ответственности. Кодекс чрезвычайно важен для научной молодёжи, остро нуждающейся в объяснении и усвоении профессиональных этических норм. Кодекс – это верное средство регуляции отношений между различными группами археологов и между конкретными археологами в случае конфликтов интересов. Это не все достоинства профессионального этического кодекса, но и они убедительно говорят о необходимости разработки и принятия подобного документа. Я хочу рассказать далее, что часть разделов и норм этического кодекса формулируется сравнительно легко – особенно если учесть необходимость и полезность принципа консенсуса, то есть принятия решения на основе общего согласия без формального голосования и без формально заявленных возражений. Обсуждения, проверка проекта этического кодекса возможны в аудиториях вроде, например, здесь собравшейся. Они как раз, по-моему, и должны ориентироваться в принципе консенсуса, иначе мы увязнем в выяснении различных противоречий и в спорах. Поэтому в проекте кодекса отсутствует рассмотрение таких сложных вопросов как интеллектуальная собственность и авторское право, этическое регулирование археологического сообщества и принцип «стюардшипа», проблемы обсуждения кодекса и внесение в него поправок и дополнений, проблемы взаимоотношений археологов и этнических меньшинств. В Канаде, например, был принят

документ, специально регламентирующий взаимоотношения археологов и этнических меньшинств. Я и коллеги, участвовавшие в разработке этического кодекса российского археолога, считаем внесение такого раздела преждевременным, а может быть и не нужным. Хочется надеяться на то, что российское археологическое сообщество сможет усовершенствовать этический кодекс, ответить на эти и иные не простые вопросы.

Теперь с вашего позволения я прочитаю сам проект этического кодекса российского археолога. Проект этического кодекса российского археолога редактировался Леонидом Андреевичем и кроме того он просмотрен рядом коллег и юристом Института археологии РАН. Необходимые с точки зрения юриспруденции исправления там, где уже нашлись противоречия между предлагаемым проектом и действующими российским законодательством, сейчас внесены.

Беляев Л. А.:

Вы видите, очевидно, что мы не можем больше пользоваться понятием «профессиональный археолог». Слово «профессиональный» должно автоматически удаляться из всех наших документов, если мы хотим действительно стать профессиональными археологами.

Коренько В. А. (зачитывает текст проекта «Этического кодекса российских археологов»):

Этический кодекс российского археолога, проект. Вступление. Настоящий этический кодекс, далее кодекс, российского археолога, далее археолога, работающего в области фундаментальной науки, охранно-культурного наследия, преподавания, просвещения, является совокупностью этических нравственных принципов, норм и правил поведения, объединяющих археологов в единое сообщество, корпорацию, цех. Археологи одобряют и принимают кодекс абсолютно добровольно, ощущая и наблюдая угрозу археологической науке и археологическому наследию России и всего мира, исходящую со стороны разнообразных вызовов современности, и осознавая необходимость противостоять этим вызовам, прежде всего, внутри собственного сообщества. Одобряя кодекс, археологи демонстрируют готовность руководствоваться в своей

деятельности нижеизложенными принципами, нормами и правилами. Задача кодекса – сформулировать те, до сих пор вербально не закреплённые, но традиционно сложившиеся нормы поведения археологов, соблюдение которых позволит укрепить принцип научного целеполагания в археологии, поможет археологам упрочить положение своего общества в культурном пространстве России. Принятие кодекса позволит нам с уважением относиться друг к другу и в какой-то степени к самим себе. Любой археолог, а также группа археологов вправе присоединиться к тем, кто кодекс уже принял. Никаких юридических и административных последствий принятие, а равно и отказ от принятия от кодекса не предполагает.

Раздел первый. Базовые принципы археологии. *Во-первых*, археолог признаёт своей главной обязанностью сохранение археологического наследия и служение ему в высших интересах общечеловеческой культуры и фундаментальной науке. Он воздерживается от любых действий, которые могут способствовать разрушению археологического наследия, разорению недвижимых объектов археологии, изъятию предметов из археологического контекста. *Второе*, археолог признаёт международные правовые документы и соблюдает законы Российской Федерации, относящиеся к его деятельности. *Третье*, археолог высоко ставит этические принципы своей науки, избегая любых действий, способных привести археологической профессии дурную славу или иной вред. *Четвёртое*, археолог стремится к высшим научным стандартам, не допуская отклонений в сторону дилетантизма, коммерциализации или политизации исследований. *Пятое*, археолог в целях осуществления программы исследования готов совершенствовать подготовку, приобретать опыт, привлекать необходимое оборудование и средства, а также необходимых специалистов из других наук. *Шестое*, археолог признаёт подотчётность археологии обществу и необходимость тесной связи между наукой и культурой. Он стремится распространить археологические знания и научные достижения в тех формах, которые не наносят ущерба сохранности памятников фундаментальной науки.

Раздел второй. Общие этические нормы, включённые в область археологии. Археолог при подготовке исследовательских отчётов, публикаций и иных продуктов научной работы не нарушает общих требований науки и общечеловеческой этики. *Первое*, использованию археологических данных для разжигания расовых, этнических, религиозных и политических конфликтов. *Второе*, фальсификации научных данных, их подгонке к ожидаемой фабрикацией и подлогу данных, включая подделку или перемещение артефактов из одного контекста в другой и прочее. *Третье*, плагиат, публикация под своим именем чужих работ, присвоение чужих экспериментальных и полевых данных. *Четвёртое*, нарушение норм публикаций, почётное и принудительное соавторство, многократные публикации одного и того же материала, нарушения правил цитирования от замалчивания неудобных публикаций до фальсификации библиографии. Нарушение общих законов этики выводит сочинения за грань науки, а нарушения пункта второго ставят автора на грань преступления.

Раздел третий: Специфические нормы профессиональной этики археолога.

За: археолог и организация раскопок. *Первое*: выступая как полевой исследователь, археолог признаёт приоритет спасательных охранных раскопок. *Второе*: раскопки с иными целями допустимы в силу особо важных причин и должны планироваться так, чтобы наносить археологическим памятникам минимальный ущерб. *Третье*: археолог оценивает необходимость и возможность осуществления любых раскопок на высоком научном уровне, вплоть до публикации результатов, до принятия на себя ответственности за их проведение и принимает решения об участиях в конкретных археологических раскопках только на основе такой предварительной оценки. *Четвёртое*: археолог принимает на себя ответственность по отношению к материалам, полученным в результате археологических разведок и раскопок, то есть осознаёт необходимость подготовки отчёта, адекватно и исчерпывающе представляющего результаты работ и археологический объект; сдачи отчёта на долгосрочное и надёжное хранение в государственное учреждение; обработки коллекций и передачи их на такое же хранение в го-

сударственные музейные фонды Российской Федерации; публикации результатов своих исследований в разумные сроки.

Зб. этика и контрактная археология. *Первое:* археолог осознаёт, что в настоящее время в России гораздо чаще проводятся не целенаправленные научно-исследовательские, но контрактные (западный термин) или, в российской терминологии, «охранные», «спасательные исследования»; более того, развитие контрактных исследований – одно из условий для сохранения археологического наследия, для общего развития археологии как области культуры и науки и даже для самого её существования. *Второе:* археолог воспринимает коммерциализацию как реальную угрозу сохранности археологического наследия, высшим целям человеческой культуры и научного знания. *Третье:* участвуя в исследованиях, финансируемых по контрактной системе, археолог не допускает снижения качества работ, но стремится добиться их соответствия высшим стандартам фундаментальных, некоммерческих, научных археологических исследований.

Зв. Археология и нелегальный поиск древностей. Археолог категорически избегает любых действий, которые ведут к повышению коммерческой ценности археологических вещей, к коммерциализации археологических объектов, их эксплуатации в качестве товара («коммодификация»), использованию для личного потребления или получения прибыли. В силу этого, археолог, во-первых, не участвует в торговле и не способствует частному коллекционированию древностей и в любых формах оборота недокументированных древностей, он не поддерживает контакты с нелегальными копателями и диггерами. Во-вторых, не участвует в атрибуции, описании, экспонировании, публикации и иных видах введения в оборот нелегально добытых артефактов или древностей, не имеющих документально подтвержденного происхождения. В-третьих, не составляет и не хранит личные коллекции археологических предметов.

Заключение. Данные этические нормы не охватывают всего пространства этики учёных археологов, например, их общения и полемики, цитирования и соавторства, отношений в

научном коллективе, понятия оптимального количества публикаций, рецензирования и прочее. Сталкиваясь с этическими проблемами, археолог исходит, разумеется, из общих этических принципов, норм и правил поведения. При этом он исходит из недопустимости снижения научного уровня работ, конфликта интересов, причинения вреда науке, культуре и обществу. Предлагая кодекс, археологи России осознают необходимость дальнейшего совершенствования представленных базовых принципов. Кодекс открыт для внесения дополнений после соответствующего обсуждения, такое обсуждение будет происходить на электронных площадках, в печати и на любых собраниях. Инстанцией для внесения изменений и дополнений предлагается сделать Всероссийские археологические съезды как периодические и наиболее представительные собрания археологов России. Благодарю за внимание.

Беляев Л. А:

Спасибо, значит, прежде чем мы перейдём к дискуссии, буквально два или три комментария, как мы её будем вести. Я хотел бы, чтобы мы, прежде всего каждый выступающий сказал бы буквально одним словом, он «за» то, чтобы кодекс археологов был принят или он считает, что, в принципе, это не нужно, преждевременно или необязательно по иным причинам. Второе, у меня это уже есть фактическое предложение на тему дискуссии, предложение нам всё-таки выбрать Владимира Александровича Коренько, ну, если хотите, таким омбудсменом археологического кодекса и поручить ему от имени съезда собирать в дальнейшем все наши комментарии, все наши поправки. Вывесить вот этот текст, который он сейчас зачитал, на своём сайте или на ином, безусловно, на местных сайтах в любом количестве. Соответственно, получать отклики и всё это формировать, вместе собирать, с тем, чтобы мы могли совместно к следующему съезду, если примем решение вообще кодекс разрабатывать, иметь его в более или менее готовом виде. Как ясно из того, что было зачитано, кодекс не должен быть длинным, и он должен быть максимально конкретным. То, что я прослушал, Хотя я один раз прошёл уже предложенный текст, мне очевидно, что

там будет еще масса редакторских поправок, просто миллион. И кодекс должен быть очень коротким, подобно кодексу поведения американского солдата во вьетнамском плену. Был в своё время выпущен такой кодекс, где напрямую писалось: военнослужащий не имеет права называть номер своей части, но он имеет право назвать свой личный идентификационный номер, имеет право назвать свой год рождения и своё имя.

Вот на таком уровне должен быть разработан кодекс. Он не должен быть длинным, его разрешающих и запрещающих позиций не должно быть слишком много, мне кажется, десять-двадцать позиций. Вот, собственно, всё, что я хотел сказать. Пожалуйста, кому угодно принять участия в дискуссии? Задавайте нам вопросы, выступайте, мы не будем регламентировать круглый стол, предлагая свободу обмена мнений. Я попрошу, ведите протокол.

Хохлов А.Н.:

Позвольте, позвольте несколько слов сказать для того, чтобы время, необходимое для продумывания таких выступлений, возникло. На самом деле мы оказались во вполне понятной исторической ситуации. К девяностым годам, кроме достаточно общего законодательства, которое существовало в Советском Союзе, сложилась, на самом деле, некая традиция, традиция неформальная, которую можно оценить как ряд норм обычного права, существовавших на громадной территории, включавшей совершенно разные национальные школы. Эти нормы обычного права добровольно принимались, фактически, на всех территориях гигантской страны. Часть из этих норм постепенно мигрировала в область законодательных норм, но с распадом Союза произошёл разрыв между нормами обычного права многих возникших государственных образований, совершенно новых, и теми линиями поведения, которые стала диктовать новая реальность. А новая реальность – это стремительная капитализация, стремительная коммерциализация, которая, возможно, у старшего поколения вызывала протест. Но подрастало следующее поколение, сейчас мы видим и молодые ростки, которые не знали, не застали практического применения норм

этики, обычного права, на территории гигантской страны.

В девяностые и в нулевые годы значительная часть этого традиционного этического права вошла у нас, в Российской Федерации, в законодательство, в различные кодексы и в подзаконные акты. Последняя редакция положения о порядке проведения археологических работ и подготовке научных отчётов также в себя интенсивно включила эти же нормы обычного права, которые мы вынуждены формировать, в общем, ежедневно и постоянно, под воздействием вызовов, возникающих в обществе. Тем не менее, кажется, значительная часть наших норм (и старых, и тех, которые модифицировались в девяностые годы) не вошла ни в какие документы, да и не может войти. Вот это и есть именно та сфера, та часть, которую сейчас можно каким-то образом зафиксировать, обсуждать, записываться в виде принимаемых форм поведения, норм этического кодекса.

Здесь масса самых разных проблем и, более того, в какой-то период нормы нашей этики даже могут противоречить нормам, которые входят, как новые статьи, в те или иные законы ли подзаконные акты. Но тем и важна работа общества. Она нужна, чтобы мы осознали, насколько правомерно применение новых норм, каких-то отдельных, локальных, которые вошли в законы. Насколько они там уместны. Насколько профессиональная этика будет противоречить новым нормам? Будет ли возможность отработать назад и смягчить норму письменного документа? Вот, собственно, маленькая такая ремарка. Думаю, что кто-то может уже выступить с какими-то тактическими предложениями.

Беляев Л. А.:

Пожалуйста, ваши вопросы к вступлению. Называйте себя, когда выступать будете, мы и наш секретарь не всех знаем.

Сакса А.И. Начальник выборгской археологической экспедиции ИИМК РАН:

Тут говорилось об археологах. Мы все, подчёркиваю, все работаем на территории, а это территории и города и, естественно, мы работаем в треугольнике «мы» (и археологическое наследие, за нами стоящее) – гражданское общество – власть. И не секрет, что многие из археологов, работающих на территории

и в городах, становятся очень популярными на этих территориях, и, учитывая, что наша гражданское общество неоднородно делиться, в том числе и на партии, есть риск, что возникнет соблазн привлечь археолога на свою сторону. Мне кажется очень важным понять, как защитить нас от такого давления или влияния в этом нашем кодексе. Это первое, что мне кажется важным. А второе – мы все пополняем и создаём музейные коллекции; мы знаем, судьба коллекции бывает различной, и мы ответственны за эти коллекции. И если можно как-то этот аспект тоже учесть в правах наших, предусмотреть как-то влияние на судьбу коллекции. Хотя это довольно сложно. Но, мне кажется, первое, что я сказал – самое важное. Спасибо.

Беляев Л. А.:

Спасибо. Я согласен с тем, что возникают даже прямые опасности, есть случаи нападения на археологов. Действительно есть случаи, к сожалению, чрезвычайно успешных нападений на археологов. Но всё-таки они пока ещё очень редки. Как нам защититься от давления местных властей – вопрос не праздный. Но как его в этическом плане прописать я не знаю. Что мы не должны подыгрывать им – очевидно. Но этика, как бы это выразиться, – это не протекция, не защита от внешних опасностей. Это, наоборот, некие высокие обязательства по защите, которые мы на себя берём. Мы не всегда их сможем исполнить (это тоже мы должны понимать) – ведь отступление от этики неизбежно для любого человека, для любого учёного. Но само существование этических норм очень важно, вот я бы как сказал. Но с коллекциями, конечно, мы должны очень внимательно работать, тут вопрос коллекционирования, да и другие.

Ещё пожалуйста. Да, пожалуйста. Нажмите только на кнопку.

Сидоров В.В. (Институт археологии РАН):

Рецензируя сотни отчетов, имел возможность убедиться, что далеко не все из нас квалифицированы и добросовестны. Если не квалифицированы – не страшно, можно ещё научиться, в некоторых случаях просто видно, что человек не стоит той практической работы. Это, в значительной мере, связано с экономической нашей зависимостью. Но от-

чёт, который представляется заказчику, и отчёт, который идёт в научный архив, могли несколько различаться. Ладно, можно там зарабатывать, но наука делается всё-таки без всякой лжи, только полная добросовестность может быть основанием для науки. Так вот, здесь, целый букет предложений. Первое, рецензирование отчётов должно быть открытое, то есть рецензент подписывает под своим именем; переписка, вся дискуссия по поводу отчётов, идёт письменно, и результаты отзывов и ответов должны быть присоединены к отчёту. Тогда и рецензент добросовестный, и рецензируемый окажется добросовестным, потому что их слово тут окажется припечатанным на века. Это, мне кажется, первейшая мера, которая необходима для морального оздоровления. Второе, конечно по поводу добросовестности. И третье – квалификация. Очень хорошо, если бы была возможность у всех у нас, хотя бы раз в три года, поработать две недели в совершенно чужой экспедиции с совершенно неизвестными памятниками. Квалификация очень возрастет. Сверх того, возникнет настоящее общество полевых археологов, которые окажутся связанными по всей стране, а может быть и в мире – мы ведь в первую очередь люди полевые.

Беляев Л. А.:

Спасибо. Для меня совершенно очевидно, что общество идёт к открытости. Поэтому, конечно, рецензии, ответы на рецензии и всё подобное в каком-то не очень, вероятно, продолжительном будущем будет проходить в лекционной форме, будет открытым. Требования к открытости быстро возрастают. Да, мы уже очень многое, что раньше было для нас более или менее закрытым, сочли возможным опубликовать. И так всё это вывешивается в интернете. Я думаю, что это довольно скоро нас само постигнет. Но, в принципе, это требования нужно рассмотреть. Может быть параграф, где мы пишем: археолог открыт обществу, признаёт свою ответственность и отчётность перед обществом. А уж перед своим собственным сообществом он тем более должен открыться. Вопрос при этом – не простой оглашение подписей рецензентов. Оно представляется не во всех случаях уместным. Во многих журналах рецензии подписные, во многих журналах они не подписные. И в том,

и в другом есть свои плюсы и минусы. Это надо обдумать. Но дискуссия одного учреждения с другими учреждениями в виде, например, какого-то межведомственного комитета должна быть открытой. Хорошо это или плохо, но это будет борьба с недостатками на мой взгляд. И ещё, пожалуйста, вопросы.

Хвостов Н.А. (Новосибирск):

Я так понимаю, что здесь собравшиеся обсуждают кодекс, который принимает на себя обязательства. Я думаю, что это свод правил и обязательств. Поэтому я предлагаю подумать о возможно, как в Японии и в Корее, публиковать отчёты минимальным тиражом и рассылать их по каким-то организациям, где они будут в доступе и где мы сможем оценить работу коллег; а если будут публиковаться ещё замечания на сайте, то сможем оценить и глубину этих замечаний. Спасибо за внимание.

Беляев Л. А.:

Спасибо большое, это хороший вопрос. Этот вопрос обсуждается сейчас. Я бы не сказал, что это вопрос этики, но мы не будем все вопросы отбрасывать, хотя они не совсем в рамках вопросов этики. Институт археологии, вообще говоря, склонен завести такую площадку для публикации отчётов в электронной форме, пока *добровольной* публикации, для каждого, кто хочет публиковать. Да и кодекс – это и вовсе дело добровольное, он не вынуждает каждого персонажа его принимать. Такая площадка должна сегодня быть. Некуда ведь опубликовать свой отчёт, кроме как на собственный сайт, если у кого-то есть страница. То есть – ответ «да». Мы будем это делать; думаю, что в ближайшее время такая площадка образуется, и кто считает нужным свой отчёт повесить, тот сможет это сделать. Насколько в перспективе мы сможем *обязать* всех вывесить отчёты в полной или краткой форме – это нужно специально обсуждать, это просто вне поля этического кодекса. Я с вами совершенно согласен: да, кодекс – это в первую очередь обязательства. В его тексте сказано, что, принимая кодекс, мы добровольно принимаемого некие стандарты жизни, от которых (я подчеркну специально) неизбежно будут отступления даже у самых этичных археологов, потому что жизнь в этику вносит свои поправки. Ведь даже правоверные, которым разрешается иметь до четырёх жён, и

те каким-то образом даже эту этическую норму умудряются нарушить, заводя пятую. Это какая-то неизбежная вещь, это нарушение этики. Но само существование стандартов – очень важная вещь. На мой взгляд, этична уже готовность взять на себя, возложить на себя эту ответственность. Прошу вас.

Болдин И.В. (Калужский областной краеведческий музей):

Ну, во-первых, по тексту. Мне кажется, кодекс должен в преамбуле сказать, что он нужен для решения противоречий, которые возникают между археологами. Наверное, даже для предотвращения противоречий, потому что для *решения* – это уже закон. Второй момент. Я против того, что кодекс призван для – как там звучит? – уважения к коллегам и к сообществу. Мне кажется, уважение к коллегам должно быть независимо от принятия или не принятия кодекса. То есть это функция относится к общечеловеческим. Наверное, её сюда, в преамбулу, добавлять не надо. Это моё мнение. И последний пункт, где с грабителями. Можно озвучить его последний подпункт?

Коренько В.А.:

Это раздел три «В» «Археология и нелегальный поиск древностей». Археолог категорически избегает любых действий, которые ведут к повышению коммерческой ценности археологических вещей ...

Болдин И.В.:

Достаточно, всё понятно, достаточно. Вот под это нарушение, под этот пункт подпадают все наши коллеги, которые занимаются нумизматикой. То есть публикация любого каталога, любой информации сразу приводит к изменению цен на рынке. То есть, принимая этот пункт, мы, тем самым, отказываем как минимум нумизматам. А так – вообще всем, кто создаёт каталоги предметов, в подписании этого кодекса. Вопрос, просто, ну очень не простой.

Беляев Л.А.:

Маленький комментарий к этому сразу дам. Как это говорил Базаров? Взятся всё косить, валяй и себя по ногам! Значит, понятно, что тогда не только нумизматы. Если так рассуждать, то все, публикуя любой предмет и его как-то определяя, а тем более – публикуя в каталоге какого-нибудь легального аукциона на

Западе, увеличивают, конечно, ценность предмета. Это вещь неизбежная. Речь идёт о совершенно другой ситуации. Возможно, здесь потребуются некий комментарий, поскольку речь идёт о другом. Когда берут в руки нелегальную вещь и пытаются её опубликовать в легальном журнале, например, в «Российской Археологии». У меня много таких случаев, когда приносят статьи, доброкачественные в основном статьи, основанные, в том числе на привлечение легально добытых материалов. Конечно, владельцы этих материалов рассчитывают, на то, что цена остальных предметов возрастёт. И вот от таких публикаций будем всячески отказываться. Также не следует, на мой взгляд, публиковать определители, которые целиком основаны на нелегально добытых материалах или вещах без провенанса. Такие определители сейчас стали появляться. Мне подарили несколько таких определителей, где все монеты добросовестно определены, сделаны серьёзные научные выводы, но при этом очевидно, что все эти вещи из частных, причём нелегально добытых коллекций, поскольку даже сами коллекционеры или коллекции не указаны. Это вопрос достаточно такой, действительно, сложный. И речь здесь не только о нумизматике, но, на самом деле, о любых предметах. Вот Алексей Владимирович хотел сказать. Прошу.

Чернецов А.В. (Институт археологии РАН):

Мне не совсем нравится вот в этом кодексе слово «этическое». Потому что, мне кажется, что нам не такая этика нужна, которая сама по себе является чем-то факультативным. Нам нужна какая-то инструкция. Но инструкция подразумевает под собой какую-то правовую основу. Можем ли мы, вообще говоря, изобретать какой-либо кодекс, который будет иметь силу закона? Может быть, к этому надо стремиться, но, в общем, тут получается какая-то ерунда. Это первое, что я хотел сказать. Второе, что слушая про то, чего можно делать, а чего нельзя, мне показалось здесь всё-таки смешаны разные пласты и разные уровни, разные степени проблематичности. Например, если человек похищает вещи из своих раскопок или из музейных коллекций, это, безусловно, преступник и тут думать не о чем. Я

также думаю, что ученый - археолог, который занимается натаскиванием тех, кто ведет грабительские раскопки, или уничтожает слои при строительстве – просто уже не археолог. А среди них есть даже доктора наук. Вообще, определённый процент археологического сообщества не только тайно, но, пусть частично, и явно сочувствуют этим людям. Так что вопрос нашего самоочищения не такой простой. Мне кажется, что тот, который помогает грабителям грабить археологические памятники, должен каким-то образом исключаться из археологического сообщества, лишаться права получать открытые листы и так далее. Здесь, мне кажется, желательна максимальная жесткость.

Что касается вещей неясного происхождения, здесь, к сожалению очень много градаций. Что-то есть коллекционное из старых коллекций, что-то залежалось у бабушки и так далее и так далее. И, кроме того, существуют разные сообщества, в которых разные отношения. Вот мы сейчас примем какой-то кодекс. Но совершенно не факт, что таким, же кодексом по отношению к вещам неясного происхождения будут относиться в музеях. И сразу создаётся «вилка». А нужно стремиться к тому, чтобы в археологическом сообществе и в музее было единое правовое поле. Или возьмём такую вещь как нумизматика, попробуйте сказать серьёзному нумизмату, что он не должен пользоваться материалами тёмного происхождения. Все нумизматы этим пользуются. Вот что тут делать? Каким-то образом нужно, чтобы мы сломали нумизматов или чтобы нумизматы сломали нас. Но чтобы наши смежники нарушали то, что мы, все остальные, поклялись соблюдать, и мы бы изгоняли их из своей среды – это будет довольно смешная ситуация. Я не знаю, как избежать этой смешной ситуации, но она представляет собой реальность.

Беляев Л. А:

Что мне на это сказать? Во-первых, для музейщиков существует свой музейный кодекс, он сейчас будет приниматься, российская специальная версия. Существует и международная версия кодекса музейного сотрудника, где всё-таки очень жёстко прописаны нормы правильного поведения, жестче, чем те, которые мы сейчас предложили. И музейному

сотруднику сказать что-то о том, такой кодекс не нужен и не нужно хранение всячески оберегать – ну просто невозможно. Я имел разговор с музейщиками, которые стопроцентно «за» принятие кодекса, в том числе и нашего кодекса, и своего. Конечно, их нужно каким-то образом друг с другом «утрясти». Музейщики, конечно, бывают разные, я согласен, что тут немножко другая позиция. Не вижу ничего здесь страшного, полным-полно археологов выступают только в качестве полевых исследователей. Я думаю, что это каким-то образом утрясётся. Что касается нумизматов и не только нумизматов. Мне кажется, что очень многие коллекционеры будут удивляться нашему кодексу, любые коллекционеры-исследователи в том числе. Но здесь ничего нет страшного, пусть удивляются. Это же некоторая позиция. За это никому ног не перебивают, ничего такого не будет происходить. Просто нам нужно для себя твердо понять, что на самом деле хорошо, что на самом деле не очень хорошо и даже просто плохо. Так я вижу этический кодекс. Именно поэтому, понимаете, он в таком мягком, в каком-то розовом переплёте.

Он не имеет характера инструкции, но Вы, Алексей Владимирович, меня очень правильно поставили перед вопросом. Действительно, мой любимый кодекс американского солдата – он только называется «кодекс». Он на самом деле инструкция и даже более чем инструкция – он часть устава. То есть, уж жестче закона, чем устав, нельзя и представить. Да, это законодательство на самом деле. В то время как наш кодекс – он только называется «кодекс», на самом деле он не кодекс, а некий сборник этических норм. Вот как его назвать – это вопрос, действительно, не праздный. Может, слово «этический» нужно убрать; может быть, слово «кодекс» нужно убрать; может быть, назвать этот документ «этика археолога». Или – «кодекс археолога», но без слова «этический». Это серьёзная и не чисто редакционная правка. Потому что, действительно, от этого зависит, что перед нами: инструкция или общее суждение? Я склоняюсь к инструкции, но если можно так выразиться необязательного действия; инструкции, правила которой человек на себя принимает, а дальше, в

каждом конкретном случае, он разбирает: что за предметы перед ним (пусть даже нумизматические)? Что это – монетный клад, недавно выкопанный где-то на городище, который значит, вот ему предлагают атрибутировать? Или иным образом полученный? Или это действительно, серия монет из какой-то старой коллекции? Ну, мы с этим много имеем дела. Во всех странах это существует, мы не первые. Существует понятие хронологической давности коллекции. Пятидесятые годы для страны Израиль, и всё, что вошло в оборот, что было собрано до пятидесят седьмого года – это уже легально, с этим можно работать, продавать, перепродавать, выставлять. Чего угодно. Всё, что вышло *после*, должно иметь провенанс, иметь документы, откуда это взялось.

Соответственно меняется отношение. Я не вижу здесь большой беды ни для нумизматов, ни для кого. В то время как непринятия этих основ полностью лишает нас какого-то внутреннего оружия, внутреннего лекарства против этого.

Да, пожалуйста!

Коренько В. А.:

Я хочу сказать кратко о двух вещах. Во-первых, упомянутый здесь этический кодекс работников музея (ещё он называется этический кодекс ИКОМ, Международного комитета музеев), содержит куда более жесткие нормы, чем предлагаемый проект этического кодекса российского археолога. Второе, я хотел бы и считаю уместным напомнить: любой этический кодекс, вообще любая этика имеет в основе стратегию воздержания от каких-либо действий. Всё, спасибо!

Беляев Л. А.:

Пожалуйста, обратите внимание на то, что никто не говорит: мы будем вообще принимать этот кодекс археолога или не будем? Нужны комментарии к тому, что надо его разрабатывать – или мотивы для отказа от процесса.

Храмченкова Р.Х., заведующая реставрационно-аналитическим отделом Института археологии Академии наук Республики Татарстан:

Я только «за» этот кодекс, потому что считаю: если молодых людей не научить как надо себя вести археологам, они сами не научатся.

Могут и никогда не научиться. Поэтому большое подспорье преподавателям, я думаю. Человек должен знать, как он себя должен вести. Так же как врачи принимают клятву Гиппократова. По-моему, это нужно принимать, это уже наболело.

Беляев Л. А.:

Спасибо. Мы не упомянули о воспитательных значениях, но они латентно присутствовали в наших текстах. Конечно, роль для тех, кто вступает на эту стезю, первостепенна. Нужно же держаться за какую-то верёвочку.

Пожалуйста! Прошу вас!

Фёдорова Н. Ямало-Ненецкий научный центр изучения Арктики, г. Салехард:

В этом кодексе, который бесспорно нужен и который бесспорно нужно принимать, не учтена одна вещь. Региональная специфика. Может, всем покажется, что наша региональная специфика – слишком мелкий вопрос для археологического сообщества. Но, формулируя тезис о нелегально добытых и не имеющих документального подтверждения коллекциях, мы лишаемся огромного пласта великолепных произведений искусства, начиная от парфянского и заканчивая ордынским временем. Не тех, которые хранятся в личных коллекциях, а тех, которые хранятся в родовых собраниях населения Северо-Западной Сибири. Мы *уже* не имеем право покупать коллекции в музеи и, таким образом, даём широкую улицу частным коллекционерам, которые их скупают. Формулируя таким вот образом, нужно и разъяснение какое-то принять. Либо, в противном случае, все эти великолепные вещи будут уходить и тем самым теряться для науки. Спасибо!

Беляев Л. А.:

Спасибо! Александр Николаевич хочет сказать.

Хохлов А. Н.:

Да, мы уже в кулуарах с Вами говорили на эту тему. Хочу обратить внимание коллег, что, наверно, всё-таки мы должны в кодекс ещё записать жёсткую *обязанность* археолога (а не желательность), знание профессионального законодательства. То есть, дать федеральное и региональное законодательство, которое регламентирует профессиональную деятельность. Потому что то, о чём сейчас говорит Наталья – это поправки двести сорок пятого

федерального закона августа прошлого года. «Коллекции, которые хранятся, в том числе археологического происхождения, которые хранятся, могут быть зарегистрированы и таким образом они выпадают из круга криминальных древностей, которые в перспективе могут быть в движении на территории Российской Федерации». Это норма прописана, она существует. И не надо ломиться в открытые ворота, ворота открыты.

Может, региональная специфика, действительно, существует во взаимоотношениях с местным населением в плане, например, исследования погребальных комплексов на Севере, на Дальнем Востоке. И, конечно, какие-то нюансы в кодекс могут быть включены. Но это, собственно, и дело тех, кто сейчас будет обсуждать этот кодекс и его пункты. Наверное, это необходимо. И вообще, например, мы вот сейчас подошли к столетнему рубежу археологического материала. Но сто лет – это три поколения. У кого-то в семье эти поколения ушли: репрессии, война, нет отеческих гробов. А кто-то ходит и ухаживает за погребениями, которым двести лет. А мы со своим научным интересом и, кстати, уже и с федеральным законом – вторгаемся в эту тонкую материю отношений к своим предкам, к своим родственникам. Наверное, эти особенности каким-то образом должны быть озвучены и какой-то частью войти в кодекс. А что касается законов, которые регламентируют нашу деятельность – коллеги, потрясающе! Я просто проводил небольшой опрос и анкетирование. Да, все вроде слышали. Но кто конкретно проработал то, на основании чего мы сейчас работаем, действуем, (и, кстати, можем иметь большие неприятности) – таких единицы. Наверное, это нужно вынести как обязанность археолога. Знание закона – как часть закона.

Беляев Л. А.:

Да, я согласен. Мы там написали, археолог признаёт. Но, действительно, чтобы признавать, он должен знать. Вроде подразумевает, что он знает. Запишем слово «знает». Возможно, там уже есть слово «знает». Это первое. Второе, по поводу коллекций находящихся в родовой собственности не только на Севере, но, в принципе, и на Юге, в Калмыкии. Такие коллекции родовые существуют, и ещё что-нибудь вроде святилищ. Это особый случай. Я

совершенно согласен, что, возможно, не стоит полностью отказываться от региональной специфики. Как-то это можно будет проговорить, надо подумать. Для меня это абсолютно легальные коллекции, это как раз коллекции, которые имеют провенанс – не имеют провенанса совсем другие коллекции. Если за этим стоит какая-то документация о том, что это действительно из такого-то святилища, что сами хозяева этого святилища или члены этого рода хотят зарегистрировать святилище как коллекцию, или взять её, поставить на учёт у кто-то из учёных, этнографов, этнологов. Я думаю, что это вопрос решаемый. Здесь тонкий такой элемент, где одна этика не должна входить в противоречие с другой этикой. Я подчёркиваю также, что Александр Николаевич прав по поводу отеческих гробов, по изучению, значит, исторических кладбищ. Это конечно учтено, что нужно разобраться с этикой вскрытия поздних погребений, но просто здесь это пока ещё не обсуждалось.

Так, у нас здесь был вопрос! Вы хотели что-то сказать?

Иванов В.А., Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа.:

Я считаю, что, безусловно, кодекс необходим. По долгу службы своей мне, как и многим присутствующим здесь коллегам, очень часто приходится общаться с нашими сообществами: педагогическим, учительским, студенческим, школьным. Так вот, ещё лет пятнадцать или двадцать тому назад у нас и проблемы такой не вставало, какая стоит сейчас. А именно наших предварительных, где-то аннотационных, а в чём-то даже рекламных публикаций в СМИ и в интервью на телевидении и радио результатов наших исследований. Ну, я понимаю, и все мы прекрасно понимаем, - за этим стоит благая цель привлечь внимание общества, а то и администрации, к нашей работе. Но практический опыт показывает, что телевизионное выступление, как и публикация различных бюллетеней и проспектов (сейчас много возникает археологических обществ, которые издают свои информационные листки или маленькие журналы) денег в итоге не прибавляет, и внимания властей особо тоже не привлекает. А вот внимание чёрных археологов обеспечивает на все сто процентов. И получается такой трагический нонсенс, с

которым мы на практике сталкиваемся ежегодно. Своими поспешными публикациями после работ мы торим тропу для чёрных копателей. Мы на практике сталкиваемся с этим ежегодно, и наверняка все присутствующие здесь сталкивались. Поэтому, ещё раз повторю, я предлагаю кодекс принять безусловно. И каким-то образом вести туда пункт, или расширить существующие пункты, об ответственности за наши слова в широком смысле этого слова. Ответственности за слова, сказанные нами перед широкой публикой. Вот здесь прозвучало великолепная мысль, что мы должны быть открыты внутри своего археологического сообщества. Увы, нам нужно думать о том, как закрыться от общества – в широком, так сказать, смысле этого слова. Несколько закрыться. Спасибо!

Беляев Л.А.:

Спасибо! Нельзя не признать, что в ваших словах много истины. Что с этим делать – мы не первые. Это не первый круглый стол, который вопрос открытости данных обсуждается активнейшим образом. Что делать с информацией, что делать с «Археологической картой России», прежде всего? Как закрыться? Мы бы рады скрыться от злых людей, да вот как? Надо обсуждать, но это не снимает обязанности публиковать. Мне кажется, что памятник, опубликованный и ставший известным органам охраны памятников и местному населению, находится под большей защитой, чем, не дай Бог, памятник богатый, но никому не известный, открытый чёрными копателями, которые его благополучно разорят, поскольку никто даже не знает, что его надо защищать, или это известно немногим.

Ну, вот тут, да дилемма, надо как-то из неё выходить, но это не меняет наших позиций. Ни базовой, что нашими действиями не может быть причинён вред наследию, ни частной, что, следовательно, надо, безусловно, думать о своих словах. Слово «ответственность» у нас звучит буквально в каждом пункте вот этого кодекса. В то же время, мы обязаны комплектоваться – иначе как же мы будем работать, ничего у нас не получится. Пожалуйста!

Валиуллина С. И., Казанский федеральный университет:

Я совершенна, согласна с Владимиром Александровичем. Дело в том, что есть свой

опыт печальный, когда просто были пойманы браконьеры (я их не называю археологами даже чёрными), и они ходили по нашим наводкам, по археологической карте, в данном случае – Республики Татарстан. Её не найти уже, она практически вся кончилась: ни в продаже, ни в библиотеках ее нет. А вот грамотный путеводитель был бы, кстати, вторым документом. Карта. Это я считаю упущением, что в девяностые годы вышла эта свобода на шесть томов. Мы очень гордимся этим изданием, но на таких публикациях нужен гриф «для служебного пользования». Практика показывает, что это опасные издания.

Беляев Л. А.:

Вы же прекрасно понимаете: первое, что сделают «чёрные», как только выйдет это издание с грифом – они купят материал, в электронном или бумажном виде. Они обязательно его достанут, это не так трудно будет сделать. Мне кажется, что не надо горевать по этому поводу. Всё равно от этих карт пользы больше, чем вреда. Ну, могут быть разные точки зрения и, вне всякого сомнения, это не имеет отношения к вопросам этики. Я бы сказал, это совсем другое, это построение стратегии нашей науки в целом, стратегии охраны памятников. Это вопрос серьёзный, который надо обсуждать.

Михайлова Е. Р., Санкт-Петербургский университет:

Мне кажется, что какой-то свод этических правил необходим. Но вот тот текст, который мы сегодня слышали, содержит в себе некое смешение жанров. Всё-таки этический кодекс – это десять заповедей, девяносто пять тезисов, вообще некий набор императивов. Здесь же мы, помимо набора этических императивов, видим попытку вписать следование неким профессиональным стандартам. Это другой жанр. Нам абсолютно необходим свод профессиональных стандартов, которые во многом уже содержат действующие инструкции к открытому листу – но это параллельный документ. В этическом кодексе, если его так называть, достаточно просто сказать, что человек, собираясь профессионально заниматься археологией, обязан соблюдать стандарты этой профессии. И нет никакой необходимости вписывать некие положения о сдаче находок, о правильном написании отчётов – в

общий кодекс. Это то, что и так необходимо. К этому не нужно призывать, это то, что и так обязаны делать.

Беляев Л. А.:

Я совершенно с Вами согласен. Вот к чему мы сейчас обратились – длинный пункт о том, что надо там сдавать находки. На самом деле, это уже вычеркнутый пункт, просто мы прочли не самую последнюю версию этого самого кодекса. Это первое, с этим я совершенно согласен. Мы не должны, ни в коем случае, дублировать в этом законодательство. А инструкция в своём роде законодательство. Это первое. Второе. Я просил бы Вас непосредственно связаться с Владимиром Александровичем и принять участие в редактировании документа, написать вашу собственную версию, показать, какие именно ещё пункты Вам кажется здесь лишние. И третье. Считаете ли Вы, что нам нужен ещё какой-то третий документ кроме инструкции к открытому листу и кодекса. То есть какой-то третий, промежуточный – собственно набор стандартов. Его же нет.

Михайлова Е.Р. Санкт-Петербургский университет:

Я бы предложила, может быть, немножечко придать веса действующей инструкции. Потому что мы все прекрасно осознаём, что это тот самый устав, по которому мы живём и который мы всё равно обязаны соблюдать. Может быть, просто где-то сказать, что это те самые императивы, профессиональные стандарты, от которых никто не должен отклоняться. А нужно ли писать ещё один документ – я не уверена.

Беляев Л. А.:

Мне кажется, что совершенно не нужно писать, ещё один документ. Я с вами согласен. Мне кажется, что в кодексе мало сказать: «следуй законодательству и всё у тебя будет в порядке!» В кодексе нужно каким-то образом всё-таки сказать о том, что остаётся *за пределами* инструкций. То есть – мы все с вами. Я против того, чтобы влить содержание кодекса в следующую версию инструкции по открытому листу (что в принципе можно было). Как некую прелюдию, если хотите – этическое завершение наоборот. Где написать, что этого нельзя от нас требовать прямо. Но всё-таки тот, кто эту инструкцию исполняет, должен

знать, что с чёрными копателями дело иметь не следует.

Мне кажется, это действительно разные жанры: инструкции есть одно, кодекс – другое. Но тогда потом проголосуем. Я считаю, что отдельный кодекс нужен, а кто-то считает, что нет. Собственно я подумал: совсем незачем каждый раз и каждому заявлять, «за» он или «против». Давайте в конце проведём голосование, чтобы понять, мы разрабатываем далее или не будем. Вообще говоря, кодекс – это не очень обязательная такая вещь, можно было и не принимать, если мы считаем, что его не надо. Давайте я по порядку буду.

Антон Выборнов (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский университет):

Спасибо! Уважаемые коллеги, категорически был против принятия кодекса. Категорически был против принятия какого-либо этического кодекса, потому что против увеличения количества документов, которые могут быть использованы как-либо, кем-либо в хороших или плохих целях для, может быть, наказания. Услышав дискуссию и примеры, я поменял своё мнение, тем более, что мне напомнили про клятву российского врача. Я напомню, что величайший, как считают, этический документ в истории человечества – не является обязательным к исполнению. В нём находятся такие слова как «уважение», за которое невозможна уголовная ответственность, и никто не против, что нужно уважать, но уважение к учителям все же прописано. Как раз это – декларация. А в том тексте, который был прочитан, звучали слова типа «регламентация». Вот от этого я бы как раз хотел отойти и заметить, что тот документ, о котором мы сейчас говорим, сможет стать, скорее всего, инструкцией. А я в нем хотел бы видеть декларацию нашего языка профессионального. Это основа языка. Мы действуем по нормам и правилам – это наша инструкция. А этический кодекс – это формулировка языка, каким он должен быть, на котором люди должны общаться. А поэтому он должен быть более жёстким. Ведь язык должен быть максимально ясным и понятным. Спасибо!

Беляев Л. А.:

Мне очень близко сказанное, я тоже вижу это как своего рода декларацию. Но, действи-

тельно, нужна очень чёткая, абсолютно сформулированная декларация. Спасибо за выступление! Мне очень близка ваша позиция.

Салмина Е. Р. (Археологический центр Псковской области):

Я бы хотела вернуться к теме открытости и закрытости. Мне кажется, злоупотребляя закрытостью, мы не очень-то защищаемся, мы сбиваемся с воспитавшего нас пути. Я из Пскова. Наши предшественники, наши учителя, начав работать в пятидесятых, создали поколение тех, кто понимает что делает. Мы сейчас работаем с малыми муниципалитетами с малыми органами охраны, и, мне кажется, это даёт какие-то всходы. И я понимаю, что такое региональная специфика, всё действительно по-разному. Честно говоря, иногда мы горько плачем, когда у нас общественник звонит и говорит: «бегите скорей туда, там «чёрные» копают землю» - а это вывозят мой отвал. Но я рада, когда слышу этот звонок, пусть даже человек идёт на ложную тревогу. То есть, мне кажется, в словах уфимского коллеги правильно прозвучало слово «ответственность». Пусть всякий раз мы будем принимать эту ответственность на себя и видеть, в какой мере мы можем быть действительно открытым, в какой мере мы можем говорить перед общественностью, школьниками, учащимися, представителями органов. И, видимо, это разное в разных регионах.

Беляев Л. А.:

Спасибо за ваш комментарий, который мне кажется правильным. Я просил бы всех немного отстраниться от проблемы «публиковать – не публиковать». Она обсуждается ну просто на каждом нашем археологическом форуме и её нам здесь не решить. Понимаете, и в кодексе её не решить, это не вопрос нашей декларации. Пожалуйста!

Панченко К. Л. (Институт археологии РАН):

Постоянно, как говорится, обращаясь к воинским документам... Тут возникает вопрос по поводу нашего кодекса, стоит ли его действительно принимать. И если тут у нас будет красивая картинка, не несущая для человека, который даже подписал этот кодекс, никакой ответственности (не говоря уж о тех, которые не будут его подписывать). Все воинские документы предполагают, за каждый

нарушенный пункт, определённую степень ответственности, степени наказания, вплоть до служебного несоответствия. У нас же будет красивая картинка и человек, который на уровне, как говорится, «очень плохо». При этом его отчёты проходят в ОПИ, и дальше он продолжает копать, дальше продолжает разрушать памятники. Эта проблема возникает и она обсуждается. Соответственно, не соблюдает кодекс не только плохими, некачественными раскопками, но и некачественными отчётами. Но он продолжает работать, ему это всё разрешается и смысл тогда в кодексе нашем?

Беляев Л. А.:

Видите, мне представляется, что эти картинки, красивые картинки, красивые слова – они обладают определённым действием. Понимаете, идея, овладевая сознанием, становится реальной силой, это совершенно не шутка, это действительно так оно и есть. Я наблюдаю это на протяжении всей своей жизни многократно, постоянно. Это не решит вопрос целиком, но ничто вообще не решит археологический вопрос целиком. Важно *целиком* внутренне встать на какую-то сторону. Те, кто злостно что-то нарушают – прописано это где-то или не прописано какими-то кодексами – да, их будут останавливать не этическими кодексами, а уголовным, Вы понимаете, и в том числе, для начала – невыдачей открытых листов. Но это уже совсем другой вопрос. Когда я говорю, что у нас «инструкция» - это в кавычках, конечно же. Речь о том, что это инструкция по жанру гораздо ближе к декларации, которую люди готовы для себя принять. Кто-то даже подпишет в маскировочных целях; кто-то присоединится к кодексу, чтобы скрыть свои злостные намерения. Но ему придётся сильнее их скрывать, потому что мы сегодня часто слышим: «а где собственно написано, что это нехорошо?» И будет пять тысяч археологов, которые согласны, что это нехорошо, и человеку придётся сильнее скрывать свои контакты с «чёрными» или вообще от них отказаться. Мы должны понимать, что мы не пишем законодательно ответственный документ. Это совсем другой жанр (в нем мы тоже пишем, он на другом уровне пишется). Мы работаем с законодательством,

оно будет совершенствоваться, соответственно, будут инструкции совершенствоваться к открытым листам, наказания будут жёстче, если позволят обстоятельства. Всё это зависит от обстоятельств, а кодекс не зависит. Это мы можем в своей среде сами заявить, никто нас здесь за руку не возьмёт, никто здесь не скажет: «Господа, не принимайте этого кодекса!» И для меня это уже большое достоинство возможного документа. Даже если его не будет в виде документа, даже если он останется на уровне проговорки вот здесь, понимаете. Это и то полезно.

Салмин С. А. (Псковский археологический центр):

Я за кодекс. Несмотря на то, что Нагорная проповедь не спасла человечество, определённую веку в его истории она поставила. Человек копает из года в год, человек сдаёт, плюс/минус приемлемые, отчёты. Иногда он даже копает неплохо, но всё это превращается во многом в пыль. Потому что в некоторых случаях эта информация теряется в глубинах – в лучшем случае публикуется краткое сообщение о том, что копали там, раскопали столько-то курганов из столько-то, сколько-то квадратных метров городского слоя – и всё. То есть всё это исчезает, а если при том и отчёт не слишком полный (а, как мы знаем, такие отчёты ещё были в семидесятые годы), тогда из них практически невозможно получить информацию. Это, возвращаясь к тому, что вроде как решили избегать вопроса об авторском праве. Вокруг него сформировалось огромное количество легенд: «три года приоритетных», «я всю жизнь копаю этот памятник», «я не допускаю никого к своим коллекциям» (в худшем случае – храню их у себя до тех пор, пока железо не превращается в труху, а медь в зелень, но представив фальшивую справку, что они сданы).

Сам я буквально несколько лет назад сталкивался с коллекциями, которые были переданы в музей после смерти авторов работ. Естественно, что, пролежав десять-пятнадцать лет в частном хранении у не очень молодых и трудоспособных людей, они были в ужасном состоянии. Лишь кое-что удалось спасти, кое-что удалось закрепить, кое-что удалось расчистить, но многое превратилось просто в пыль и в порошок. Если же мы будем

обязаны публиковать более-менее подробную информацию о своих раскопах, то будем вынуждены более ответственно относиться к ним в целом. В принципе, доходит до смешного: у человека не сдан отчёт по памятнику, а памятник уже опубликован. Отчёта нет, публикации есть. Или отчёт есть, но нет никаких публикаций. Мне кажется, что как первый, так и второй вариант – яркие примеры безответственности. Спасибо за внимание!

Беляев Л. А.:

Спасибо! Действительно, нашими инструкциями пока не предусмотрена обязательная публикация, законодательно от нас никто не требует публиковать наши материалы. В то же время Майкл Фарадей весь свой кодекс этический учёного сформулировал тремя словами: работай, закончи (это очень важно), опубликуй. Соблюдая этот ряд, учёный обеспечивает себе доброе имя и вносит свой вклад в науку. Потому что, Господа, это должно быть всем ясно. Я столкнулся с этим вопросом неоднократно и скажу так: то, что не опубликовано автором, не будет опубликовано никогда. Потому что, во-первых, только в голове у автора существует полная картина этих работ; во-вторых, меняется методика, меняется уровень требований к работам (к отчёту в том числе), и через тридцать-сорок лет после смерти автора, как правило (не всегда, но, как правило) материалы практически не могут восприниматься системно, они просто не будут целиком востребованы, в лучшем случае – частями. Никто не возьмёт на себя труд публиковать за меня полностью отчёты по Казанскому собору – в лучшем случае оттуда выхватят несколько вещей или каких-то фактов, или ещё что-то в этом роде. Никто никогда не вернётся к этим отчётам всерьёз. Может быть, как к факту историографии, лет через двести.

Неплохо довести это до сознания коллег. И вот в этом этический кодекс тоже сыграет важную роль. Законодательство этого не требует, но лишний раз написать, что ты обязан это сделать (пусть даже в своих собственных интересах как учёного), конечно вещь стоящая. Люди которые не публикуют материалы, не представляют, какой вред они наносят самим себе, ведь они сами себя обворовывают.

Коренько В. А.:

Я хочу напомнить, что Резерфорд выражался ещё решительней, чем Фарадей он говорил «publish or perish» – публикуйся или сгинь.

Беляев Л. А.:

Секунду для организационного заявления. У нас готов кофе-брейк, но я не хотел бы, чтобы прерывались на кофе-брейк. Кто хочет кофе (а, наверное, все хотят) – по одному выходите, набирайте кофе и приходите сюда превратим, это в ланч-семинар принстонского Института. А то, если мы все прервёмся, то уже не соберёмся, сейчас начнётся дискуссия в кулуарах. Хотите, я дам три минуты, пять? Но лучше по одному, иначе мы встанем в очередь и потратим полчаса. Все, кто хочет кофе и чая, несите сюда всё это. А мы продолжаем.

Институт Археологии РАН (Кореньский С. Н.):

Наше археологическое сообщество далеко неоднородно. Когда мы о нём говорим «в общем», мы должны представлять о чём будет речь. Есть профессионалы, которые работают в институте, где написано «Институт Археологии», с большой буквы. Есть музейные сотрудники, которые работают в археологических экспедициях. Это другое – музейные сотрудники. Есть масса организаций, которые нацелены на археологическую деятельность и, что сейчас особенно распространяется, так это ООО, где появляются люди, готовы работать по открытому листу, просто зарабатывая деньги, а дальше всё это куда-то пропадает. Двести сорок пятый закон, как вы помните, подчёркивает, что окончательная цель – это сдача отчёта. Простите, окончательная цель не только сдача отчёта, но получение из этого отчёта исторической информации. Научная деятельность очень хорошо в законе прописана, посмотрите, пожалуйста. Конечно, основная цель и спасти, и раскопать, или донести это дело до ума, сдав в музей и превратив материал в научную публикацию (потому что даже музейная коллекция без научной апробации – просто груда вещей, это все хорошо знают). Поэтому должна быть какая-то, видимо, дифференцированная позиция по отношению к археологам глубоко профессиональным, и к людям, которые начинают только работать

по открытому листу. Там опасность, что, как мы знаем, возникают листы-однодневки – вот здесь отметить, что так не хорошо делать, нехорошо нарушать инструкцию, нехорошо вести работы так, что памятник, фактически, не спасается, а уничтожается различными методами. Это поставит этический щит именно на этом направлении, это конкретно. Потому что для остальных дел есть инструкция, что положено делать, что не положено делать. Все прекрасно знаем.

Вот ещё, по нашему совещанию, сейчас, мы обменялись мнениями. Уважаемые коллеги, может, сейчас выйти на какой-то проект и неплохо бы этот проект разослать в археологические центры по сети. Чтобы люди посмотрели на уровне учёных советов, профсоюзов, да как угодно, и оставили своё мнение, и дали свои соображения по этому проекту. Надо, не надо? Ну, наверное, надо, но в какой форме это надо и что там убрать и что там оставить, чтобы посмотрели профессионалы – простите меня, состоявшиеся крупнейшие государственные центры нашей страны, ну и, соответственно, работающие археологические организации; ВУЗы, которые вносят огромный вклад в решении нашего археологического съезда; чтобы было общее мнение нашего общества, часть которого сейчас здесь собралась. Спасибо!

Беляев Л.А.:

Спасибо! Мы чувствуем несовершенство текста, который создали, особенно в обстановке меняющегося законодательства, и предпочли эту рассылку не делать. Рабочую карту мы составили так, что дадим себе три месяца, и вам всем, на то, чтобы составить свои комментарии, свои тезисы, свои заявления с элементами прокламации, декларации – всё, что угодно. Прислать это всё Владимиру Александровичу, который обобщит. Сформулируем новый текст и отдадим его юристам, не одному, а нескольким. Несколько раз самым внимательным образом отредактируем, и тем, кто готов принять участие в редактировании, разошлём готовый текст, до того как мы его будем вывешивать. После этого мы его где-то в сети повесим, пока не знаю где, но это обязательно нужно. У нас, прежде всего, общественные организации могут повесить

у себя – подумаем, где. Безусловно, это будет электронно и, возможно, будет разослано в какое-то количество адресов. Набор не трудно разослать, но в таком виде, мне так кажется, преждевременно это делать, нужно ещё продумать всем сообществом хотя бы некоторые части, которые готовы.

Разумеется, всем вам это, кто захочет получить вот этот текст, и с ним работать, присылайте Владимиру Александровичу. Присылать сразу на панель обсуждения, мне кажется, рановато, нужно ещё поработать. Почему мы, собственно, сразу не раздали – первая идея у нас была раздать на съезде, прямо «в синих сумках». Потом подумали, что, пожалуй, рановато, стыдно за текст, его еще нужно писать и шлифовать.

Валиуллина С.И. (Казанский федеральный университет):

Я, со своей стороны, считаю очень уместным, своевременным и важным второй раздел представленного документа, пункт первый: факт замалчивания и фальсификации информации. Нужно, чтобы эти факты с именами и люди были обозначены, поскольку люди, претендуя на большую, серьезную исследовательскую роль, фактически вводят в заблуждение научную общественность. А если говорить прямым текстом, то практически лгут и ведь не всегда можно проверить эту ложь, страна большая, регионов много. Я считаю, что настало время поименно называть таких людей. Считаю это важным, потому что это важно. В исследованиях фактических, археологических и историографических, должна быть правда. Если человек намеренно вносит вот такие недопустимые вещи, он должен быть известен.

Беляев Л. А.:

Совершенно это поддерживаю, мне кажется, что два кита, на котором должен стоять сегодняшний кодекс, это: борьба, прежде всего, с нелегальной археологией и коммерциализацией, а второе – борьба с фальсификацией. Отказ, сознательный отказ от любых форм фальсификаций, начиная от производства подделок, фейков (от реальных материальных до любых замалчиваний, извращений, так сказать). Я понимаю, что тут можно далеко зайти, но всё-таки как-то взять на себя, что мы ни при каких обстоятельствах не кон-

струируем историю. Всё-таки декларация должна присутствовать. Пусть это и общенаучная норма, но в археологии она, видимо, сейчас особенно важна. Хотя мы видим фейки и в других областях науки, не только нам это свойственно – но у нас особенно велик соблазн передёрнуть, нас очень трудно проверить, потому что аналогичный эксперимент не поставишь заново.

Болдин И.В. (Калужский областной краеведческий музей):

Кодекс – это моральная ответственность археолога перед археологическим сообществом. У меня предложение: включить ещё ответственность, тоже моральную, археологического сообщества перед отдельным археологом. То есть, вот форма: Съезд. Это серьёзный форум, где могут приниматься какие-то решения в защиту археологического движения, который может влиять на археологическую жизнь в стране. Так, может быть, имеет смысл в кодексе прописать, что археологическое сообщество в лице Съезда тоже должно какую-то ответственность нести перед конкретными исследователями. Потому что проблем у нас в археологической науке очень много, и мы вот сейчас не озвучиваем, понятное дело, всех. Проблема с отчётами тут уже звучала, проблема с открытыми листами, то есть, мне кажется, такое общественное движение, как съезд, должно быть отражено.

Беляев Л. А.:

Видите ли, этика – это такая вещь, которая находится внутри каждого человека. Этика сообщества существует в том смысле, что она каждому персонажу этого сообщества близка. Как сделать так, чтобы сообщество выступило единым человеком, носителем единого сознания? Чтобы в этом кодексе оно само перед собой каким-то образом отвечало? Мне трудно ответить, я бы сказал, что мне понятно: археология как сообщество может нести ответственность этическую перед остальным обществом, которое не состоит из археологов. А если каждому отдельно – как это наоборот сделать, я не совсем понимаю. Как съезд может отвечать перед каждым из нас, если можно так сказать. Понимаете, к чему это?

Болдин И.В. (Калужский областной краеведческий музей):

Съезд должен выражать интересы археологов на местах в том числе, вот это может быть?

Беляев Л. А.:

Ну, это отчасти мне это понятно, а отчасти нет. Понятно, что вы хотели, чтобы кодекс был более развёрнутым к проблемам не столько личным, так что ли? Я не совсем понимаю. Он будет помогать Вам только одним способом: он поможет Вам выстроить внутреннюю линию поведения. А это скажется и на внешнем мире. Это не такой документ, который Вас защитит – он защитит вас относительно. Вот уже приводили в пример Нагорную проповедь. До какой степени Нагорная проповедь защищала христианских мучеников от львов? Ни до какой степени она их не защищала. Но другие скажут, что, наоборот, очень защищала: они не боялись львов. Вот до чего дело доходило. Вот она сила идеи, этики. Ну вот, в этом смысле у Вас, конечно, появится защита, как мне кажется. Иначе я не могу себе это представить.

Фёдорова Н.В. (Ямало-Ненецкий национальный центр изучения Арктики, Салехард):

Можно я задам вопрос? Кажется, пора вспомнить Козьму Пруткову, «нельзя объять необъятное». Но мы стремимся к этому, у нас будет кодекс или несколько томов этого кодекса. И по поводу фальсификации, коллеги у меня вопрос. А что, такой жанр, как рецензия, у нас уже не существует? И, пожалуйста, вспомните здесь присутствующие, сколько отрицательных рецензий за последний год вы прочли в «Российской археологии», в «Археологии, антропологии, этнографии Евразии»? Я лично почти таких не видела. По-моему бороться с фальсификацией методом написания рецензии очень хорошая вещь. Спасибо!

Беляев Л. А.:

Вот, «в самую центру», можно сказать. Я совершенно согласен, в кодекс записываем о недопустимости фальсификации, тем самым стимулируем тех, кто пишет рецензии критические. Жанр критических рецензий практически себя изжил. Если мы видим критическую рецензию, то в пятидесяти случаев из ста, если не больше, это какое-то сведение счётов, а никакая не рецензия. Бывают, конечно

но, хорошие критические рецензии, но всё реже и реже. Я с Вами согласен, это общее состояние науки, с которым мы должны бороться в том числе, видимо, и на уровне этических норм. Говорить друг другу, что надо друг с другом спорить. А что борьба с фальсификацией не ведётся, так это не так. Она ведётся. Мы издали замечательный сборник, который может быть Вам известен, против фальсификации, в том числе – в археологии. Он пользуется большой популярностью. Но этого мало, чтобы человек понимал, что нельзя фантазировать, нельзя придумывать источники (даже если очень хочется, даже если твой народ нуждается в этих источниках очень остро). Тезис «нельзя объять необъятное» тоже близок. Ведь, в общем, Съезд близок к концу. Если у вас нет дополнений и мы принимаем дорожную карту, я бы просил Владимира Александровича наделить всех своим «е-мейлом», чтобы всем было куда отправлять – крупно написать, или раздать карточку.

Кореньяко В. А.:

Я хочу сказать три вещи. Во-первых, я обещаю продолжить работу в этом направлении, поскольку я, некоторым образом, получил известные полномочия. (Ещё проголосуем). Во-вторых, мой электронный адрес записывайте, пожалуйста, если это интересует: korennyako@gmail.com

Беляев Л. А.:

Если кому придёт в голову прислать в «Российскую археологию», то до меня тоже дойдёт.

Кореньяко В. А.:

Так, и ещё одно объявление. Вот этот сборник произвёл здесь некоторые впечатления и

мы думаем, что есть среди вас люди, которые хотят его приобрести. Здесь присутствуют выступавшие Владимир Александрович Иванов из Башкирского государственного педагогического университета пожалуйста к нему.

Иванов В. А., Башкирский государственный педагогический университет:

Я добавлю, если позволено будет. Если кто-то имеет желание сборник приобрести, я прошу выслать ваш почтовый адреса на мой электронный адрес, он у меня тоже не сложный: ivanov-sanych@inbox.ru

Но мы будем рассылать, прошу не обижаться, наложенным платежом, потому что издательство с нас требует покрытие расходов, это в пределах двухсот рублей.

Беляев Л. А.:

Хорошо, спасибо. Ну что, Господа, для соблюдения формальностей проголосуем? Давайте! Всё-таки посмотрим, все ли за кодекс, который нужен. Первый пункт. Давайте. Кто «за»? Кто «против»? Кто «воздержался»? У нас есть один, два, ещё два воздержавшихся или больше. Вас там двое или трое? Хорошо, при двух воздержавшихся. Значит, в качестве исполнителя дорожной карты назначаем (просим; бьём челом) Владимира Александровича Кореньяко с тем, чтобы он продолжил эту работу. Кто «против»? Я просто скажу. Кто «воздержался»? Ну, тогда по умолчанию мы считаем вас выбранным. Спасибо большое всем! Мы отработали два часа, кофе накрыт, прошу всех, кто хочет продолжить дискуссию в кулуарах, взять адреса ещё раз, обменяться данными. Спасибо!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**СЕКЦИЯ 16**

- АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АС – Археологический съезд
БАН – Библиотека Академии наук
БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Российского Географического общества
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГИМ – Государственный Исторический музей
Главмузей – Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины
Народного комиссариата по просвещению
Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными
учреждениями Народного комиссариата по просвещению
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГМТР – Государственный музей Татарской Республики
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии. СПб.
ЗСОРО – Западно-Сибирский отдел РГО
ЗРАО – Записки Российского археологического общества
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра
Российской Академии наук
ИПЦ – Издательско-полиграфический центр
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской Академии наук
КГМУ – Курский государственный медицинский университет
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КГУ – Казанский государственный университет
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МАЭ ПГГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
МОИП – Московское общество испытателей природы

НА ИИМК РАН – Научный архив ИИМК РАН
НА РО ИИМК – Научный архив рукописного отдела Института истории материальной культуры РАН
НВА ГИМ – Научно-ведомственный архив Государственного Исторического музея
НТЦ – Научно-технический центр
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
ОАИЭ – Общество истории, археологии, этнографии Казанского университета. Казань
ОИРИМ – Отчет Императорского Российского Исторического музея. М.
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР ГМИИ – Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
ПУНУ – Петроградское управление научных учреждений
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры
САИ – Свод археологических источников. М.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СПбФ ИВР РАН – Санкт-Петербургский филиал Института восточных рукописей Российской академии наук
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТГУ – Томский государственный университет
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УрГУ – Уральский государственный университет
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЦКИЦЦ – Центральная Комиссия по изъятию церковных ценностей при ВЦИК РСФСР
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FUF – Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki

СЕКЦИЯ 20

АЭБ – Археология и этнография Башкирии
КПД – коэффициент полового диморфизма
КПД_{эмп} – эмпирический
КПД_{станд} – стандартный
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТКАЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
УДМЭ – условная доля монголоидного элемента
УЛС – уплощенность лицевого скелета
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда	3
Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда	3
Секция 19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии	5
<i>Агатова А.Р., Непон Р.К., Бронникова М.А.</i> Влияние эволюции плейстоцен-голоценовой гидрологической системы на освоение высокогорных впадин Юго-Восточного Алтая и Западной Тувы древними и средневековыми сообществами	5
<i>Андреичева Л.Н., Волокитин А.В.</i> Геоархеологические исследования на реках Вычегда и Ижма	8
<i>Беляева В.И.</i> Археологические аспекты климатического максимума в вюрме	11
<i>Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.</i> Общее и особенное в стратегиях расселения и динамике освоения пространства в финале палеолита (юг Средней Сибири)	13
<i>Березин А.Ю.</i> Позднеплейстоценовые лошади Восточной Европы: к вопросу о систематике	16
<i>Бессонова Е.А.</i> Средневековое городище в Восточной Азии: реконструкция внутреннего устройства и его изменений на основе результатов геолого-геофизических исследований	19
<i>Бородавко П.С.</i> Эволюция Чуйско-Курайской лимносистемы и геоморфологические особенности размещения палеолитических памятников в верховьях Чуи	22
<i>Бородовский А.П., Деев Е.В., Зольников И.Д., Олищак Л., Кузьмин Я.В., Плихт Й. ван дер.</i> Археолого-геологические исследования террас горной долины нижней Катунь (Горный Алтай)	24
<i>Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., Очередной А.К.</i> Хотылёвские палеолитические стоянки в бассейне Десны: позднеплейстоценовый седиментогенез и палеорельеф	27
<i>Гайнуллин И.И., Усманов Б.М., Хомяков П.В.</i> Переработка берегов в прибрежной зоне крупных водохранилищ как фактор разрушения памятников археологии (на примере исследований близ села Измери Спасского района Республики Татарстан)	29
<i>Галиева З.С.</i> Реконструкция древнего орошения антропогенных ландшафтов в долине горных саев Самаркандского Согда	32
<i>Галимова Д.Н., Аськеев И.В., Аськеев О.В.</i> Изучение костных остатков рыб и птиц из археологических раскопок древних городов Биляр, Болгар и Свияжск	35
<i>Грачева Р.Г., Сорокин А.Н.</i> Локальный ландшафт мезолитических стоянок Заболотского геоархеологического полигона и его изменения во времени	37
<i>Гусев С.В., Репкина Т.Ю., Каревская И.А.</i> Заселение побережья Восточной Чукотки: археологические и палеогеографические реконструкции	41
<i>Гусенцова Т.М., Сергеев А.Ю., Рябчук Д.В., Кулькова М.А.</i> Реконструкция палеорельефа памятников эпохи неолита и раннего металла северо-восточного побережья Финского залива и Южного Приладожья	44
<i>Демкина Т.С., Ельцов М.В.</i> Влияние палеоклиматических условий на состояние микробных сообществ палеопочв археологических памятников Нижнего Поволжья	48
<i>Дружинина О.А.</i> Об опыте применения палеогеографических методов исследования при изучении позднепалеолитической стоянки Рядино-5 (Калининградская область)	51
<i>Ершова Е.Г., Ершов И.Н.</i> Пойма реки Истра у Ново-Иерусалимского монастыря: природно-археологический аспект исследования	53

<i>Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Грачев И.А.</i>	
Роль палеоклиматического и неотектонического факторов в формировании Ангарской долины в связи с реконструкциями среды обитания древнего человека	56
<i>Калечиц Е.Г.</i> Население Западного Полесья в эпоху камня: палеоэкологический аспект.....	59
<i>Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е.</i> Реконструкция изменчивых ландшафтов речных долин: применение в археологии (на примере изучения долины реки Вычегды).....	62
<i>Корженков А.М., Рогожин Е.А., Лужанский Д.В., Мажейка Й., Мурашев А.М., Деев Е.В.</i> О высокой степени сейсмической опасности Южного Прииссыккуля (Кыргызстан) по данным археосейсмологии	65
<i>Кулькова М.А., Лозовская О.В., Лозовский В.М., Еришова Е.Г., Александровский А.Л.</i> Период позднего мезолита и раннего неолита в Верхнем Поволжье: новые данные по палеогеографии и радиоуглеродной хронологии стоянки Замостье-2.....	68
<i>Левковская Г.М., Аникович М.В., Платонова Н.И., Хоффекер Дж.Ф., Шумиловских Л.С., Лисицын С.Н.</i> Когда начался верхний палеолит на Русской равнине? (в контексте хронологии глобальных климатемов).....	71
<i>Ломов С.П.</i> Лессовый палеолит Памиро-Алая, магнитная восприимчивость и реконструкция природной среды в неоплейстоцене	75
<i>Мороз П.В.</i> Палеовулканы как источники сырья в верхнем и финальном палеолите Забайкалья.....	79
<i>Мурашева В.В., Бронникова М.А., Шеремецкая Е.Д.</i> Реконструкция палеоландшафта и вопросы зонирования пойменной части поселения Гнездовского археологического комплекса	82
<i>Некрасов Д.Ю., Панин А.В.</i> Реконструкция позднеплейстоценовой истории Покровского Лога в связи с оценкой геоморфологического положения стоянки Костёнки-14 на разных этапах ее заселения	85
<i>Несмеянов С.А.</i> Основные направления и проблемы геолого-геоморфологического изучения горного палеолита.....	88
<i>Никонов А.А., Лийва А.А.</i> О времени обитания неолитического человека и переотложения его культурных остатков на южном берегу Ладожского озера	91
<i>Новосельцева В.М.</i> Ключевые проблемы исследования археологических объектов Осинско-Унгинского георхеологического района (Южное Приангарье)	94
<i>Постнов А.В., Зольников И.Д., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Лямина В.А., Чупина Д.А.</i> Геолого-геоморфологическое ГИС-моделирование для оценки перспективности поисков палеолитических памятников в Горном Алтае.....	97
<i>Собольникова Т.Н.</i> Закономерности пространственного расположения археологических памятников в низовьях реки Конды (по результатам ГИС-анализа)	100
<i>Солодков Н.Н., Ломов С.П.</i> Почвы эоловых геосистем (неолитические памятники) в поймах рек Среднего Поволжья	104
<i>Чаиркина Н.М.</i> Среда обитания и модели освоения вмещающего ландшафта в эпоху мезолита – бронзового века Зауралья (по материалам торфяниковых памятников)	108
Секция 16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи	111
<i>Автушкова А.Л.</i> Археологические памятники Московско-Сибирского тракта в дневниках	
С.М. Чугунова и их современное состояние.....	111
<i>Белозерова И.В., Кузьминых С.В.</i> Научная деятельность В.А. Городцова в годы Первой мировой войны	114

<i>Бойко А.Л.</i> Археологическая деятельность Комиссии по устройству Донского музея (1890–1919 гг.).....	119
<i>Брюхова Н.Г.</i> Существование археологического памятника в контексте истории (на примере Плотниковского могильника)	122
<i>Бухтоярова И.М.</i> Новые данные о научной биографии С.Н. Замятнина по материалам его переписки с коллегами	125
<i>Ванюшева К.В.</i> Научные публикации как форма обучения археологов в российской провинции (конец XIX – начало XX вв.)	128
<i>Вдовин А.С.</i> Купечество и сибирские древности	131
<i>Дроздова Г.И.</i> Личные фонды ученых археологов Республики Татарстан	134
<i>Евгеньев А.А.</i> О возможностях интернет-среды в исследовании актуальных вопросов истории уральской археологии.....	137
<i>Ершов И.Н.</i> Археология как проект в жизни и творчестве Н.Ф. Федорова	140
<i>Застрожнова (Панкратова) Е.Г.</i> «Великий перелом» в советской археологии и разработка нового научного плана по изучению Фанагории (1930-е гг.)	143
<i>Захарова Е.В.</i> Изучение и сохранение археологического наследия Центрального Черноземья: вклад академических экспедиций в конце 40-х - 60-х гг. XX в.	146
<i>Зеленев Ю.А., Зеленев А.Ю.</i> История археологического изучения мордовской культуры 13-15 вв.	149
<i>Зимина О.Ю.</i> Керамика в реконструкциях социальной структуры древних коллективов Урало- Сибирского региона.....	151
<i>Иванов А.И.</i> Вклад казанских ученых XIX в. в развитие археологии Марийского Края.....	154
<i>Иванов В.А.</i> Имеют ли смысл бесконечные споры о возможностях археологии в этнических реконструкциях?.....	158
<i>Китова Л.Ю.</i> История археологического образования в провинциальном университете	161
<i>Колонских А.Г.</i> История археологического изучения памятников бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья.....	164
<i>Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов</i> и А.М. Тальгрэн: от диалога к разрыву отношений	167
<i>Макаров Н.П.</i> Археология в Красноярском музее. 125 лет истории.....	171
<i>Мартынов А.И.</i> Методологические проблемы современной отечественной археологии	174
<i>Медведева М.В., Соболев В.Ю. В.Н. Глазов.</i> К биографии исследователя.....	177
<i>Мельникова О.М.</i> Владимир Федорович Генинг и судьбы теоретико-методологического направления в отечественной археологии	180
<i>Митрофанов В.В.</i> С.Ф. Платонов и раскопки Эски-Кермен в 1929 г.....	184
<i>Моисеев А.В.</i> К 110–летию со дня рождения П.Д. Либера (проблематика эпохи бронзы в деятельности ученого).....	187
<i>Наумова Т.В.</i> Первая половина XIX века в Тульской археологии: от любительского интереса к научному изучению	190
<i>Нигаматзянов И.Р.</i> Вклад Г.А. Федорова-Давыдова в исследовании городов Золотой Орды.....	193
<i>Паришикова Т.С.</i> Особенности организации и проведения археологических исследований на Алтае в 1970-е гг.	196
<i>Платонова Н.И.</i> Археология и власть в России на переломе эпох: исторический опыт двадцатых годов.	200
<i>Плахута Д.О.</i> Вопросы древнего и средневекового рыболовства в трудах В.М. Флоринского.....	203
<i>Проценко А.С.</i> К проблеме мифологизации и политизации в археологической науке на Южном Урале на современном этапе	206

<i>Пряхин А.Д.</i> Деятельность в Воронежском госуниверситете совместной с Институтом археологии и этнографии СО РАН исследовательской лаборатории по историографии археологии Евразии	209
<i>А.С. Смирнов</i> Наука и ее популяризация – приоритеты в деятельности Московских и Петербургских археологических объединений до 1917 года.....	212
<i>Тихонов И.Л.</i> Археология в Императорском Эрмитаже	215
<i>Труфанов А. Я.</i> Типы и культуры Урало–Сибирской археологии.....	218
<i>Тункина И.В.</i> Последнее десятилетие Русского археологического общества (1914–1924)	220
<i>Шаманаев А.В.</i> Освещение работы Археологических съездов в научной периодике конца XIX – начала XX в. (на примере «Известий» Таврической ученой архивной комиссии)	224
<i>Шелепова Е.В.</i> Результаты изучения археологических памятников Большого Алтая в последней трети XIX – начале XX в.	227
Секция 17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии	231
<i>Беговатов Е.А., Кашина О.А., Юрова Д.Е</i> ГИС «Археологические памятники Среднего Поволжья и Предуралья» и её возможные применения.....	231
Секция 20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности	235
<i>Нечвалода А.Н.</i> К антропологии северо-восточных башкир: краниологические материалы из могильника Кадырово эпохи позднего средневековья.....	235
Секция 21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии	243
<i>Беговатов Е.А.</i> Билярское II селище – болгарский домонгольский памятник конца X- первой половина XIII в.	243
Материалы круглого стола. Актуальные вопросы сохранения археологического наследия.....	246
Материалы круглого стола. Памятники археологии – музеи под открытым небом: проблемы доступа к культурному наследию и сохранения научного потенциала	278
Материалы круглого стола. Этика и археология	324
Список сокращений.....	346
Содержание	348

**Труды
IV (XX) Всероссийского
археологического съезда в Казани**

Том V

Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
Подписано в печать 05.11.2015 г. Форм. бум. 60x84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. _____. Тираж 1500. Заказ № _____.

Издательство «Отечество»
420111, Казань, ул. Лево-Булачная, 24

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «А-Пресс»
420054, РТ, г. Казань, ул. Актайская, д. 21
www.apress-kzn.ru